

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 4 том - «Неукротимая Анжелика»

Перевод с фр. Е. Татищевой

Волго-Вятское кн. изд-во (Нижний Новгород), 1992г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17

- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
- [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)

- [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ОТЪЕЗД

Глава 1

Карета заместителя начальника парижской полиции, господина Франсуа Дегре, выехала из ворот его отеля^[1] на улице Коммандери в предместье Сен-Жермен и, покачиваясь на неровных камнях мостовой, начала неторопливый разворот. Это был экипаж, хотя и не блистающий особой роскошью, но достаточно богатый. Украшенное резьбой темное дерево кузова, густая золотая бахрома на занавесках (нередко наглухо задернутых), пара пегих лошадей, кучер на козлах и лакей на запятках — словом, типичный экипаж почтенного слуги закона, не желающего афишировать истинные размеры своего богатства. Единственное, что соседи ставили в упрек господину Дегре, — это то, что он был не женат. Такой видный мужчина, да еще принятый в самом лучшем обществе, просто обязан был взять в супруги одну из тех скромных, умелых и добродетельных девиц, дочерей богатых буржуа, которых сварливые матери и деспотичные отцы выращивал и здесь же, в предместье Сен-Жермен. Однако любезный и насмешливый господин Дегре, похоже, не спешил связывать себя узами брака и менять образ жизни. Знатные и высокопоставленные посетители его отеля то и дело сталкивались на пороге с какими-то вульгарными бабенками и подозрительными молодчиками.

Слегка поскрипывая, карета переехала через сточную канаву, выкопанную в самой середине проезжей части, и лошади, звонко стуча подковами, развернули ее вдоль улицы. Многочисленные пешеходы, которых духота этого летнего вечера еще не успела загнать домой, безропотно жалась к стене.

В эту минуту к экипажу подошла женщина в маске. По-видимому, она уже поджидала его какое-то время и теперь, воспользовавшись тем, что он медленно поворачивал, просунула голову в раскрытое из-за жары окно.

— Мэтр Дегре, — сказала она игриво, — не позволите ли вы мне сесть в ваш экипаж и побеседовать с вами минуту-другую?

Полицейский, погруженный было в размышления о результатах одного недавнего расследования, вздрогнул, и на его лице изобразилась величайшая ярость. Ему не нужно было просить незнакомку снять маску: он узнал в ней Анжелику.

— Вы? — свирепо прорычал он сквозь зубы. — Вы что, французского языка не понимаете? Разве я вам не сказал, что не желаю вас больше видеть?

— Да, я понимаю, но речь идет об одном очень, ОЧЕНЬ важном деле, и только вы, Дегре, можете мне помочь. Я долго колебалась и раздумывала, но всегда приходила к одному — помочь мне не сможет никто, кроме вас.

— Я же сказал, что не желаю вас больше видеть, — все так же сквозь зубы с необычным для него бешенством повторил Дегре. Циничный и жестокий, он умел сдерживать порывы чувств, но сейчас самообладание ему изменило.

Анжелика не ожидала подобного взрыва ярости. Она предвидела, что Дегре начнет разговор с того, что предложит ей отправиться восвояси, поскольку, обращаясь к нему, она нарушала свое собственное обещание больше его не беспокоить. Тем не менее, поразмыслив, она сказала себе, что известие, сообщенное ей королем, настолько исключительно, что нечего щадить чувства очерствелого душой полицейского, пусть даже он в нее влюблен. Она слишком сильно нуждается в его помощи. Анжелика не

удивилась, когда оба ее визита к Дегре окончились неудачей: слуги сообщали ей, что господина заместителя начальника полиции нет дома и, что в следующий раз она тоже едва ли его застанет. Поэтому она решила найти случай обратиться к нему без посредников, нисколько не сомневаясь, что в конце концов он ее выслушает и поможет.

— Это очень важно, Дегре, — тихо, с мольбой в голосе сказала она. — Мой муж жив...

— Я же вам сказал, что не желаю вас больше видеть! — в третий раз процедил Дегре. — У вас достаточно друзей, чтобы позаботиться о вас и о вашем муже, жив он или покойник. А сейчас отпустите-ка дверцу кареты — лошади вот-вот тронутся.

— Не отпущу, — ответила возмущенная Анжелика. — Ваши лошади потащат меня вместе с каретой, и вам все-таки придется меня выслушать!

— Отпустите дверцу! — зло повторил Дегре и, схватив свою трость, с силой ударил ее резным набалдашником по цепляющимся за край окна пальцам собеседницы. Она вскрикнула и разжала руку. Карета тут же рванула вперед, и Анжелика, не удержавшись на ногах, упала на одно колено. Продавец воды, наблюдавший за этой сценой, насмешливо заметил:

— Делать нечего, красотка, сегодня тебе не везет. Тут уж ничего не попишешь — большая рыба не каждый день ловится. А ведь говорят, этот субчик неравнодушен к хорошеньким девчонкам — и вот поди ж ты! Так что дельце у тебя могло и выгореть. Ты просто время выбрала неудачное — вот и все. Может, выпьешь кружечку воды, чтоб освежиться? Душно, гроза собирается, вот в глотке и пересохло. А водичка у меня чистая, свежая — шесть су за кружку.

Ничего не ответив, Анжелика пошла прочь. Неслыханное поведение Дегре глубоко уязвило ее. Разочарование уступило место унынию. «Даже трудно

вообразить, до чего эгоистичны мужчины», — говорила она себе. Бывший адвокат желает забыть ее и тем самым оградить себя от любовных мук — что ж, это понятно. Но неужели он не мог сделать над собой еще одно маленькое усилие? Ведь сейчас она так растеряна, не знает, к кому обратиться, что делать. Один только Дегре мог бы ей помочь. Он знал ее еще со времен процесса над графом де Пейраком, в котором ему довелось принять самое непосредственное участие. Ему, с его особым складом ума, было бы нетрудно отделить факты от фантазий, выдвинуть какие-то версии и найти ту исходную точку, откуда можно начать расследование. Да и кто знает, может быть, Дегре и самому что-то известно об этой необыкновенной истории? Ведь ему ведомы столь многие секреты... Они хранятся где-то в закоулках его памяти либо записаны в документах и донесениях, которые он прячет в своих сундуках и шкатулках. Вдобавок ко всему, хотя Анжелика себе в этом и не признавалась, Дегре был ей нужен еще и для того, чтобы разделить с ним тяжкое бремя открывшейся ей тайны. Только бы не оставаться больше один на один со вспыхнувшими в ее душе безумной надеждой и несмелой радостью, которые то и дело гасли под ледяными шквалами сомнений. Ей так хотелось поговорить с Дегре о событиях прошлого и о будущем, этой неведомой бездне, где она, быть может, встретит свое счастье. «Ты же сама чувствуешь, что там впереди тебя что-то такое ждет... И ты от этого никогда не отступишься...». Именно от Дегре она когда-то слышала эти слова. И вот теперь он так бессердечно от нее отрекался. У Анжелики вырвался жест, полный обиды и бессилия. Она шла быстро, пользуясь тем, что на ней были короткие юбки и легкая летняя накидка, которые она одолжила у своей служанки Жанины, чтобы смешаться с толпой и, не привлекая к себе внимания,

дождаться Дегре у его отеля. Ждала его три часа — и все напрасно! Между тем сумерки сгущались и пешеходов на улицах становилось все меньше. Проходя по Новому мосту, Анжелика обернулась и вздрогнула от неожиданности. За ней шли те самые двое мужчин, которых она уже несколько дней видела у входа в своей отель. Может быть, совпадение? Но почему этому краснолицему субъекту, который с недавних пор постоянно торчит у отеля Ботрей, понадобилось гулять по Новому мосту и предместью Сен-Жермен непременно сегодня и именно в этот ночной час?

«Вероятно, очередной обожатель, — подумала Анжелика. — Как это раздражает! Если через три дня этот господин не прекратит свои проделки, я велю Мальбрану-Скорошпагу предупредить его, чтоб искал себе развлечений в другом месте...»

Возле Дворца Правосудия Анжелика наняла портшез и факельщика и доехала до того места на набережной Селестен, куда выходила маленькая дверь ее оранжереи. Она пересекла оранжерею, наполненную ароматом наливающихся плодов, в изобилии висящих на теплолюбивых деревцах в серебряных кадках, прошла мимо старого, сохранившегося еще со средних веков колодца с каменными изображениями химер и крадучись поднялась по лестнице своего отеля.

В ее покоях горела ночная лампа, освещающая стоящий рядом секретер из черного дерева, инкрустированного перламутром. Анжелика подошла к нему, опустилась на стул и устало вздохнула. Резким движением она сбросила с себя туфли. Босые ступни горели. Она совсем отвыкла от хождения по неровной мостовой, и грубые башмаки служанки натерли вспотевшие от жары ноги.

«Я уже не так вынослива, как прежде, — подумала она. — А между тем мне предстоит нелегкое путешествие...»

Мысль об отъезде не покидала ее. Ей представлялось, как бредет она босиком по дорогам, бедная странница, скитающаяся по свету в поисках своей потерянной любви и утраченного счастья. Ехать, ехать!.. Но куда? Она вновь склонилась над документами, которые ей передал король. Эти пожелтевшие от времени листки с подписями и печатями были единственным осязаемым подтверждением его невероятного рассказа, и всякий раз, когда ее охватывало ощущение, что это был лишь сон, она брала их и перечитывала. Из бумаг явствовало, что некоему съёру Арно де Калистеру, лейтенанту мушкетеров, лично королем было дано поручение, которое сей офицер поклялся хранить в строжайшем секрете. Он отобрал себе в помощь шестерых своих товарищей, мушкетеров полков его величества, известных своей преданностью королю и неболтливых. Доверенная им тайна могла быть сохранена так же надежно, как если бы им отрезали языки. Следующий лист дела представлял собой составленный съёром де Калистером обстоятельный перечень расходов, понесенных в связи с выполнением королевского поручения:

20 ливров — плата за аренду таверны «Синяя виноградина» в утро казни.

30 ливров — плата за молчание, выданная хозяину означенной таверны мэтру Жильберу.

10 ливров — плата за приобретенное в мертвецкой мертвое тело для сожжения вместо осужденного.

20 ливров — плата за молчание, выданная двум малым, что доставили мертвое тело в таверну.

50 ливров — плата палачу за оказанные услуги и за молчание.

10 ливров — плата за аренду крытой баржи с сеном для перевозки заключенного от пристани Сен-Ландри за пределы Парижа.

10 ливров — плата команде баржи за молчание.

5 ливров — плата за собак для розыска заключенного после побега. (На этом месте сердце Анжелики каждый раз начинало лихорадочно биться.)

10 ливров — плата за молчание, выданная крестьянам, предоставившим во временное пользование собак и помогавшим тралить дно реки.

Итого 165 ливров.

Анжелика отложила бухгалтерские выкладки педантичного Арно де Калистера и склонилась над его пространственным рапортом, в строках которого сквозило беспокойство и горячее желание оправдаться.

«Около полуночи вниз по течению от Нантерра баржа, на коей мы везли заключенного, причалила к берегу. Мы все легли отдохнуть; при этом я приставил к арестанту часового. С тех пор, как нам его передал палач, он не подавал никаких признаков жизни, и, пока мы шли по подземному ходу, ведущему из подвала таверны «Синяя винограда» к пристани, нам приходилось все время нести его на себе. На барже он лежал неподвижно, едва дыша».

Анжелика ясно представила себе рослое тело мужа, истерзанное пытками и облаченное, как в саван, в белую рубаху смертника.

«Перед тем как отойти ко сну, я осведомился у арестанта, не имеет ли он в чем-либо нужды, однако было похоже, что он меня не слышит». Заворачиваясь плотнее в свой плащ, дабы «отойти ко сну», съёр де Калистер, разумеется, ожидал, что наутро обнаружит своего подопечного скорее мертвым, чем живым. Однако он не обнаружил его вовсе!

Анжелика рассмеялась. Жоффрей де Пейрак побежденный, умирающий, мертвый — сочетание его образа с этими понятиями всегда казалось ей фальшивым и нелепым. Его невозможно было вообразить таким. Вместо этого Жоффрей виделся ей

таким, каким он должен был оставаться до конца: его заключенный в обессиленной плоти дух бодрствовал, готовый вступить в бой, все существо его отчаянно сопротивлялось смерти. Он был исполнен решимости во что бы то ни стало превозмочь свою слабость и бороться до последнего. Для этого требовалась невероятная сила воли, но Анжелика помнила, на что был способен ее муж. Ему было по плечу и не такое. Наутро его стражи обнаружили на месте узника одну только вмятину в сене. Бедняге часовому пришлось признаться, что, охраняя умирающего, он не видел нужды в особой бдительности и, будучи, по правде сказать, изрядно усталым, тоже погрузился в объятия Морфея.

«И все же исчезновение узника представляется необъяснимым, — писал далее Калистер. — Каким образом этот человек, у которого не доставало сил, чтобы открыть глаза, смог соскользнуть с баржи и не привлечь при этом нашего внимания? И что могло с ним стать потом? Ведь даже если ему удалось добраться до берега, то в его состоянии и в полуодетом виде было невозможно далеко уйти, оставшись неузнанным».

Мушкетеры во главе с Калистером немедленно приступили к розыску беглеца, призвав на помощь живших поблизости крестьян с собаками. Псы долго рыскали по берегу, но никого не нашли. Отсюда последовал вывод, что узник, ускользнув ценой сверхчеловеческого усилия с баржи, был затем унесен рекой и, слишком слабый, чтобы бороться с течением, утонул.

Тем не менее, когда позже один из крестьян пожаловался, что прошлой ночью кто-то украл его лодку, лейтенант мушкетеров не оставил это сообщение без внимания, Украденная лодка отыскалась неподалеку от Поршевиля. Все окрестности были тут же тщательно обысканы. Местных жителей спрашивали, не встречался ли им исхудалый хромой бродяга. Несколько

полученных мушкетерами утвердительных ответов привели их к воротам небольшого, окруженного тополями монастыря. Отец-настоятель подтвердил, что три дня назад ему довелось дать приют бродяге-прокаженному, из тех, что еще попадаются на сельских дорогах. То был бедный, покрытый язвами горемыка. Его лицо, без сомнения, ужасно обезображенное, было закрыто грязной холщовой тряпкой. У монахов спросили, высокого ли роста был этот бродяга и не хромал ли он. Да... может быть, а впрочем, кто его знает, — воспоминания святых отцов не отличались ясностью. А как этот человек разговаривал? Не употреблял ли он изысканных оборотов, несвойственных речи обыкновенного бродяги? Нет, отвечали монахи, он был немой. Время от времени он издавал сиплые крики, как это обычно делают прокаженные, предупреждая о своем приближении, — и это все. Отец-настоятель разъяснил несчастному, что должен отправить его в ближайший лепрозорий. Тот не стал артачиться. Он сел в управляемую послушником повозку, однако по дороге умудрился незаметно сбежать. Поскольку это произошло в лесу, след его потерялся. В следующий раз прокаженного видели в окрестностях Сен-Дени на дороге в Париж. Но был ли это тот же самый прокаженный или какой-то другой? Как бы то ни было, стараниями Арно де Калистера, которого король наделил чрезвычайными полномочиями, вся парижская полиция была поднята на ноги. На протяжении трех недель после исчезновения вверенного лейтенанту узника всякая въезжающая в город повозка перерывалась сверху донизу, а каждого пешего или конного путника пропускали, лишь предварительно рассмотрев каждую черточку его лица и удостоверившись, что ноги у него одинаковой длины. Полицейское досье, которое сейчас перелистывала Анжелика, разбухло от множества рапортов, вышедших

из-под добросовестного пера того или иного сержанта городской стражи, который сообщал, что «сего дня был задержан старик, у которого одна нога была короче другой, однако роста он был малого и хоть не красавец, но и не изуродованный». Или что «был задержан дворянин в маске, однако она маска объяснялась визитом к даме, а ноги у того дворянина одинаковые».

Бродягу-прокаженного так и не поймали. И, тем не менее, появились сообщения, что его видели в Париже. Он внушал страх. Утверждали, что он похож на дьявола. Его лицо наверняка было невообразимо ужасно, ибо он всегда скрывал его под повязкой или под капюшоном с прорезями для глаз. У полицейского, который задержал его однажды ночью, не хватило духу стащить с него этот капюшон, и жуткое существо исчезло, прежде чем он успел позвать караульных.

На этом нелепые рассказы о бродяге-прокаженном обрывались, тем более что примерно в то же время вниз по течению от Манта, у местечка Гассикур, в прибрежных камышах был найден труп, пролежавший в воде около месяца. Тело уже сильно разложилось, и по нему можно было определить только одно — что при жизни покойник был высокого роста.

Испутив вздох облегчения, лейтенант де Калистер заметил в своем последнем послании к королю, что всегда считал такой исход единственно возможным. Беглец отверг милосердие его величества, который в последний момент вырвал его из пламени костра, и Бог наказал его, предав смерти в ледяных водах реки. Таким образом, все закончилось хорошо!

— Нет, нет! — не соглашалась Анжелика, с ужасом отбрасывая мысль о подобной развязке. При этом она искала опору в тех нескольких строчках, которые бальи Гассикура, составлявший протокол обнаружения трупа, присовокупил к его описанию:

«На плечах мертвеца еще видны обрывки черного плаща».

На узнике во время его побега с баржи не было ничего, кроме белой рубахи. Между тем Арно де Калистер утверждал: «Приметы найденного утопленника в точности соответствуют приметам вверенного нам арестанта».

— А как же белая рубаха? — вслух сказала Анжелика. Она старалась оградить свою слабеющую надежду от теснящих ее сомнений, но в сердце закрадывался страх. А что, если мушкетеры надели на осужденного черный плащ еще в таверне, перед тем, как нести его через подземный ход к барже?

«Если б я могла разыскать этого Арно де Калистера или кого-нибудь из его тогдашних товарищей», — подумалось ей. Она напрягла память. Нет, при дворе она никогда не слышала этого имени. Тем не менее, узнать, что случилось с бывшим лейтенантом мушкетеров, пожалуй, будет нетрудно. Ведь после тех событий едва минуло десять лет. Десять лет! Как будто совсем недолгий срок, а между тем Анжелике казалось, что за это время она успела прожить несколько жизней. Она опустилась в пучину нищеты, затем достигла вершин богатства. Она во второй раз вышла замуж. Она завладела сердцем короля. Но теперь все это исчезло, рассеялось как сон.

На откинутой крышке секретера среди других, бумаг лежало, вскрытое и небрежно брошенное, письмо госпожи де Севинье.

«Скоро уже две недели, моя милая, как мы не видим Вас в Версале. Все в недоумении задают друг другу вопросы, не зная, что и думать. Король стал мрачен... Что с Вами происходит?»

Анжелика пожалала плечами. Само собой разумеется, она покинула Версаль. Она больше туда не вернется, не вернется НИКОГДА. Ничто не изменит ее решения.

Пусть придворные марионетки водят свой хоровод без нее. Она уже забыла о них. Ей виделась тяжелая баржа, застывшая темной зимней ночью у обледенелого берега Сены, — и в этом видении из далеких, давно минувших времен для нее сосредоточилось все.

Отныне она вновь начинала жить. Она забыла свое тело, изведавшее объятия других мужчин, свое изменившееся, обретшее законченное совершенство лицо, один вид которого заставлял трепетать короля, забыла про ту печать, что наложила на нее жестокая судьба. Она чувствовала себя чудесным образом очистившейся от скверны, к ней словно вернулась вся первозданная неискuschenность ее двадцати лет, и эта новая женщина, пленительно нежная, с любовью обращала свой взор к НЕМУ.

— Вас спрашивает какой-то мужчина.

Перед глазами Анжелики на фоне шпалер неким непонятным образом возникла седая голова Мальбрана-Скорошпага.

— Вас спрашивает какой-то мужчина, — повторил его голос.

Анжелика подскочила от неожиданности, и ее слегка качнуло. По-видимому, она задремала и несколько минут проспала, сидя с прямой спиной на табурете и положив руки на колени. Войдя в маленькую, полускрытую шпалерами дверь, ее конюший разбудил ее. Она провела рукой по лбу.

— Что? Что вы сказали? Мужчина? Какой мужчина? А который теперь час?

— Три часа ночи.

— И вы говорите, что меня спрашивает мужчина?

— Да, сударыня.

— И привратник пропустил его в такой поздний час?

— Привратник тут ни при чем. Этот человек проник в дом не через дверь, а через мое окно. Я иногда

оставляю открытым слуховое оконце в своей комнате, а поскольку этот господин влез по водосточной трубе...

— Да вы смеетесь надо мной, Мальбран! Если речь идет о грабителе, то вы, надеюсь, его обезвредили?

— По правде сказать, нет. Он начал с того, что обезвредил меня самого. Потом он заявил, что вы его ждете, и я ему поверил. Это наверняка кто-то из ваших друзей, сударыня: он говорил о вас такие вещи, которые доказывают...

Анжелика нахмурилась. Еще одна идиотская история! Ей вспомнился субъект, который, кажется, преследовал ее на протяжении последней недели.

— А каков он из себя? Низенький, толстый, с красным лицом?

— Нет, что вы! Мне он показался мужчиной довольно видным. Вот о том, каков он лицом, судить трудно — на нем маска, да еще шляпу он надвинул на глаза, а плащ, натянул до самого носа. Однако если вас, сударыня, интересует мое мнение, то он из людей почтенных.

— Почтенный человек, который ночью проникает в чужой дом через крышу?.. Ну, хорошо. Приведите его, Мальбран, но при этом будьте готовы поднять тревогу.

Несмотря ни на что, Анжелика поглядывала на дверь с любопытством. Она узнала своего гостя без труда, едва только его фигура показалась на пороге комнаты.

Глава 2

— Вы!

— Да, я, — слышался из-под маски голос Дегре. Анжелика сделала знак Мальбрану:

— Можете нас оставить.

Дегре сдвинул на затылок шляпу и сбросил маску и плащ.

— Уф! — выдохнул он с облегчением. Подойдя к Анжелике, он взял ее опущенную руку и поцеловал кончики пальцев.

— Это чтобы искупить мою недавнюю грубость. Надеюсь, я сделал вам не очень больно?

— Вы едва не переломали мне пальцы вашей тростью, злой вы человек. Должна признаться, господин Дегре, что совершенно не понимаю вашего поведения.

— Ваше собственное поведение понять не легче, — с непритворной озабоченностью сказал полицейский.

Пододвинув к себе стул, он уселся на него верхом. Сейчас на нем не было ни строгого парика, ни его обычного безукоризненного костюма. Одетый в поношенную куртку, все еще служившую ему время от времени для тайных вылазок, с непокрытыми жесткими волосами, он снова стал похож на полицейского сыщика, преследующего воров в парижских трущобах. А сама Анжелика сидела перед ним в платье служанки, скрестив босые ноги.

— Так ли необходимо было приходить ко мне ночью? — спросила она.

— Да, необходимо.

— Вероятно, вы осознали, насколько безобразной была ваша выходка, и не смогли дождаться дня, чтобы загладить вину?

— О нет, дело вовсе не в этом. Вы мне все уши прожужжали о том, что хотите срочно со мной встретиться, — так зачем ждать наступления дня?

Он развел руками, изображая покорность судьбе.

— Раз уж вы никак не можете понять, что я сыт вами по горло и больше не хочу ничего слышать о вашей драгоценной особе, мне все-таки пришлось нанести вам визит.

— Речь идет об очень важном деле, Дегре.

— Ну, это само собой — мне ли вас не знать? Можно не опасаться, что вы побеспокоите полицию ради каких-то там пустяков. С вами происходят только серьезные вещи: то вас собираются убить, то вы сами настроились лишиться себя жизни, то решили облить грязью королевское семейство, потрясти основы государства, восстать против папы и Бог знает что еще.

— Но, Дегре, ведь я никогда ничего не преувеличивала.

— Как раз в этом я вас и упрекаю. Неужели вы не можете хоть раз сыграть роль в комедии, как все прочие уважающие себя прелестные дамы? В драме — это, пожалуйста! Правда, не в настоящей, высокой драме. Когда речь идет о вас, только и остается, что бросаться к вам со всех ног, моля Бога о том, чтобы не явиться слишком поздно. И вот я здесь — и, похоже, как раз вовремя.

— О, Дегре, неужели это правда? Вы действительно хотите еще раз мне помочь?

— Посмотрим, — мрачно проронил тот. — Сначала расскажите, в чем дело.

— А почему вы влезли через окно?

— Так вы и впрямь ничего не поняли? Не заметили, что за вами вот уже неделю следит полиция?

— Следит полиция? За мной?

— Да, за вами. Да будет вам известно, что обо всех передвижениях госпожи дю Плесси-Белльер

предписано составлять подробнейшие донесения. В Париже нет ни единого уголка, куда бы вы могли отправиться без сопровождения двух-трех ангелов-хранителей. Каждое написанное вами письмо выкрадывается, самым внимательным образом прочитывается и только после этого отсылается адресату. Ради вас одной у всех городских ворот выставлена многочисленная дополнительная стража. В каком направлении вы ни пожелали бы выехать, вам не проехать и пятидесяти туазов^[2] от стен Парижа, как вас догонят и остановят. Хочу сообщить также, что один весьма высокопоставленный чиновник лично отвечает за ваше нахождение в столице.

— И кто же это?

— Сам заместитель господина де Ла Рейни, некий Дегре. Вы ведь о нем кое-что слышали, не так ли?

Анжелика была ошеломлена.

— Вы хотите сказать, что вам поручили наблюдать за мной и следить, чтобы я оставалась в Париже?

— Вот именно. Теперь вы понимаете, что в такой ситуации для меня было затруднительно принять вас открыто? В самом деле, не мог же я увезти вас в моей собственной карете на глазах у тех самых шпииков, которых я к вам приставил.

— И кто же поручил вам это грязное дело?

— Король.

— Король? Но почему?

— Его величество не стал посвящать меня в свои тайны, но вы наверняка знаете отгадку сами, не так ли? Лично мне известно только одно: король не желает, чтобы вы покидали Париж, и, чтобы помешать этому, я принял соответствующие меры. Что же касается всего прочего, то я ваш покорный слуга.

Анжелика нервно сцепила руки на коленях. Итак, король ей не доверяет! Он не допустит, чтобы она

ослушалась его воли. Он намерен силой удержать ее рядом с собой, пока она... пока она не образумится. Но этому не бывать никогда!

Дегре смотрел на нее и думал, что в этом простеньком платье, с зябко поджатыми босыми ногами и тревожно мечущимся, словно в поисках выхода, взглядом обведенных синевой глаз она напоминает птицу, запертую в клетке и охваченную страстным желанием вырваться на волю. Золоченая клетка с великолепной мебелью и дорогими шпалерами на стенах уже не казалась подходящим местом для этой женщины, сбросившей свой привычный роскошный наряд. Она отказалась от всех ухищрений светской дамы и теперь выглядела странно и необычно среди изысканного убранства комнаты, которое не так давно со вкусом и увлечением подбирала сама. Неожиданно она снова напомнила Дегре босоногую девочку-пастушку, совсем одинокую в глухом лесу и так невообразимо далекую от шумного мира и людей, что у него сжалось сердце. В мозгу бывшего адвоката мелькнула мысль, которую он тут же отогнал, нетерпеливо тряхнув головой: «Бог сотворил ее не для нас. Здесь какая-то ошибка...»

— Так что же случилось? — спросил он вслух. — Что вам угодно от вашего покорного слуги?

Глаза Анжелики засветились и потеплели.

— Значит, вы и вправду хотите мне помочь? — повторила она.

— Да, но при условии, что вы не будете глядеть на меня так умильно и останетесь на почтительном расстоянии. Сидите, где сидели, — приказал он, заметив ее невольное движение в свою сторону. — И ведите себя благонравно. Мне вся эта история и так не доставляет удовольствия, а потому не превращайте ее еще и в источник мучений, несносная вы чертовка.

Дегре вынул из жилетного кармана трубку и принялся методично набивать ее табаком из табакерки.

— Ну, моя милая, выкладывайте, в чем дело.

Анжелике нравилась эта его невозмутимая манера священника в исповедальне. Все вдруг показалось ей легким и простым.

— Мой муж жив, — сказала она. Дегре и бровью не повел.

— Который из них? У вас ведь их, по-моему, было два и оба теперь покойники. Одного сожгли на костре, другому оторвало голову в сражении. Или на этом поприще подвизался еще и третий?

Анжелика покачала головой.

— Не притворяйтесь, будто не понимаете, о чем речь, Дегре. Мой муж жив. Его не сожгли тогда на Гревской площади, приговор суда не был исполнен. Король помиловал его и в последнюю минуту спас от казни — его величество сам мне в этом признался. Моего мужа, графа де Пейрака, избавленного от костра, но по-прежнему почитаемого опасным для королевства, должны были тайно отвезти в одну из удаленных тюрем. Но по дороге он сбежал. Вот документы, подтверждающие весь этот невероятный рассказ, — возьмите их.

Полицейский осторожно дотронулся тлеющим трутом до табака в своей трубке и несколько раз затянулся. Затем аккуратно и неторопливо свернул потушенный трут и только после этого отвел в сторону протянутые бумаги.

— Мне нет нужды их читать. Я знаю их содержание.

— Знаете? — проговорила остолбеневшая Анжелика.

— Да.

— И... когда же вы узнали?

— Несколько лет тому назад. М-да... Меня разбирало любопытство. Я тогда только что купил должность в полиции. Предварительно я позаботился о том, чтобы

меня забыли. Никто уже не помнил жалкого адвокатишку, который по глупости взялся защищать колдуна, еще до суда осужденного на смерть. Эта история была предана забвению, но иногда ее при мне вспоминали... Я слышал кое-какие странные разговоры... Я начал искать, вынюхивать — ведь полицейский может открыть многие двери. В конце концов, я добрался до этого досье и прочитал его.

— А мне вы так ничего и не сказали, — с грустью прошептала Анжелика.

— Нет, не сказал.

Дегре, сощурясь, смотрел на нее сквозь поднимающуюся к потолку струйку голубоватого дыма, и она вдруг почувствовала, что вновь начинает его ненавидеть, что ее злит его вид хитрюги-кота, обдумывающего свои кошачьи секреты. Нет, он все-таки никогда ее не любил — он человек без слабостей. И он всегда будет сильнее ее.

— Дорогая моя, — заговорил он, наконец, — вы помните тот вечер, когда в вашем шоколадном заведении вы дали мне отставку? Тогда вы только что уведомили меня, что собираетесь замуж за маркиза дю Плесси-Белльера. И тут же пожелав со мной помириться — женщинам хорошо удаются такие штучки, — вы мне сказали: «Как странно, Дегре, — я никак не могу побороть в себе надежду когда-нибудь увидеть его вновь. Некоторые говорили, что тогда на Гревской площади сожгли не его...»

— Вот тогда вы и должны были мне все рассказать! — вскричала Анжелика.

— А для чего? — жестко возразил полицейский. — Вспомните хорошенько! Вы вот-вот должны были вкусить плоды ваших поистине сверхчеловеческих усилий. Идя к цели, вы не останавливались ни перед чем: вы не жалели трудов, не боялись риска, не гнушались самым низким шантажом и даже жертвовали

своей добродетелью. Вы бросили на чашу весов все, чтобы осуществить свои честолюбивые замыслы. И наконец, вы стояли на пороге триумфа. Если бы я тогда заговорил, вы погубили бы всю свою жизнь — и ради чего? Ради несбыточной мечты.

Анжелика почти не слушала его.

— Вы должны были мне все рассказать, — повторила она. — Подумайте о том, какой страшный грех вы позволили мне совершить, когда я вступила в новый брак при живом муже!

Дегре пожал плечами.

— Живом? Ваш муж вполне мог оказаться тем самым утопленником из Гассикура. А сгорел он или утонул — что могло это изменить для вас?

— Нет, нет, этого не может быть! — в смятении вскочив на ноги, крикнула Анжелика.

— Так что бы вы сделали, если бы я тогда заговорил? — сурово продолжал Дегре. — Вы бы все погубили, как вы это делаете сегодня. Вы бы швырнули на ветер все ваши козырные карты, все шансы на жизненный успех, вашу собственную будущность и будущее ваших детей. Вы бы устремились, как безумная, на поиски тени, призрака — то есть сделали бы то, что вам не терпится сделать теперь. Признайтесь же, — с угрозой проговорил он, — ведь именно это вы вбили себе в голову: отправиться искать мужа, который сгинул десять или одиннадцать лет назад!

Дегре поднялся и встал перед Анжеликой.

— Куда вы хотите ехать? Как? И главное — ЗАЧЕМ?!

При этом последнем слове она вздрогнула. Бывший адвокат смотрел на нее своим особым, присущим одному ему взглядом, который проникал ей в самую душу.

— Он был повелителем Тулузы, — продолжал Дегре. — Повелителя Тулузы больше не существует. Он жил в собственном дворце. У него больше нет дворца. Он был

богачейшим сеньором королевства. Его богатства конфискованы. Он был всемирно известным ученым — сейчас он никому не известен. Да и где бы он мог заниматься своей наукой? Итак, что же остается от всего того, что вы любили?

— Вам, Дегре, не понять, какую любовь может зажечь в сердце такой человек, как он.

— О да, я понимаю — он умел окружать себя соблазнами, достаточно неотразимыми для женского сердца. Но ведь этих соблазнов больше нет, не так ли?

— Дегре, не заставляйте меня думать, что ваш опыт в этих делах столь скуден. Вы не имеете ни малейшего понятия о сущности женской любви

— Зато я хорошо знаю вас! — Он положил руки ей на плечи и повернул ее лицом к стоящему у стены высокому зеркалу в овальной позолоченной раме. — Эти десять лет, что вы прожили, не прошли для вас бесследно: они отпечатались на вашей коже, читаются в ваших глазах, въелись вам в тело и в душу. И какие десять лет! Скольким любовникам вы отдавались?

Анжелика вырвалась из его рук. Щеки ее пылали, но глаза смотрели дерзко.

— Знаю! Но все это не имеет никакого отношения к той любви, которую я испытываю и всегда буду испытывать к нему. К тому же, между нами говоря, дражайший господин Дегре, что бы вы подумали о женщине, которую природа одарила не так уж скупой и которая, оставшись одна, всеми покинутая, в крайней нищете, не воспользовалась бы кое-какими из этих даров, чтобы поправить свои дела? Вы бы назвали ее дурой и были бы правы. Пусть я покажусь вам циничной, но, если понадобится, я и сейчас не колеблясь использую свою власть над мужчинами, чтобы получить то, что мне нужно. Да и что значили для меня мужчины — все мужчины, — которые были после него? Ничего! — Она со злостью смотрела на своего

собеседника. — Слышите, ничего! Даже сейчас я испытываю ко всем к ним лишь нечто похожее на ненависть. Ко всем без исключения!

Дегре задумчиво разглядывал свои ногти.

— Вы не вполне убедили меня в своем цинизме, — с глубоким вздохом произнес он. — Мне вспоминается некий отверженный поэт из трущоб... А красавец Филипп, маркиз дю Плесси? Разве вы не питали к нему довольно-таки горячих и нежных чувств?

Анжелика резко тряхнула тяжелой копной волос.

— Ах, Дегре, вы не можете этого понять. Я должна была обманывать себя и пытаться как-то жить дальше. Ведь женщине так нужно любить и чувствовать себя любимой... Но память о нем все эти годы неутраченной тоской жила в моем сердце.

Она посмотрела на свою руку.

— Когда-то в тулузском кафедральном соборе он надел мне на палец золотое кольцо. Пожалуй, вот и все, что связывает нас сегодня, — но это крепкие узы. Я его жена, а он мой муж. Я всегда буду принадлежать ему, а он — мне. Вот почему я буду его искать. Мир велик, но, если где-то в этом мире он продолжает жить, я отыщу его, пусть даже ради этого мне придется скитаться до конца жизни... хоть сто лет...

Она представила себя, бредущую по дороге под палящим солнцем, постаревшую и отчаявшуюся, и голос ее прервался. Дегре тут же оказался рядом и обнял ее.

— Ну, ну, душечка моя, успокойтесь. Я был с вами слишком суров, но ведь можно сказать, что и вы платили мне тем же.

Он стиснул ее так крепко, что она вскрикнула, затем отстранился и опять с сосредоточенным видом закурил свою трубку.

— Ладно! — произнес он после минутного молчания — Раз уж вы твердо решились наделать глупостей, погубить свое будущее, лишиться состояния, а

возможно, и самой жизни и никто не в силах вас удержать, то скажите мне: что именно вы собираетесь предпринять?

— Я НЕ ЗНАЮ, — призналась Анжелика. Подумав, она добавила:

— Мне приходило в голову, что, наверное, нужно попробовать разыскать этого Калистера, лейтенанта мушкетеров. Только он, если у него не ослабла память, мог бы помочь нам рассеять сомнения по поводу утопленника из Гассикура.

— Уже сделано, — лаконично сказал Дегре. — Я разыскал этого офицера, накормил его хорошим обедом и сумел найти аргументы, чтобы освежить его память. В конце концов он признал, что история с утопленником из Гассикура пришлась ему как нельзя кстати и помогла закрыть расследование, которое ставило его в весьма затруднительное положение. Правда, сходство между выловленным телом и сбежавшим арестантом было весьма отдаленным.

— Да, да! — задыхаясь от радости, выговорила Анжелика. — Может быть, теперь нам стоит проследить путь бродяги-прокаженного?

— Кто знает?

— Нужно поехать в Понтуаэ и расспросить монахов того аббатства, где его видели.

— Уже сделано.

— Каким образом?

— Когда в ходе одного расследования мне пришлось таскаться по тем краям, я, так сказать, воспользовался случаем, чтобы наведаться в аббатство и позвонить в колокольчик у ворот.

— О, Дегре, вы удивительный человек!

— Сидите, где сидели, — хмуро сказал Дегре. — Никаких ошеломляющих открытий я там не сделал. Настоятель смог рассказать мне немногим более того, что он уже сообщил расспрашивавшим его мушкетерам.

Однако в монастырском огороде у грядок с лекарственными травами я нашел послушника, пользующего захворавших монахов, — и он вспомнил кое-какие подробности. Пожалев несчастного горемыку, он решил смазать его язвы бальзамом и вошел в сарай, где тот спал. Бродяга был настолько обессилен, что более походил на мертвого, чем на спящего. «Он не был прокаженным, — сказал мне послушник. — Я приподнял тряпку, которой он закрывал лицо. Оно у него не было изъедено проказой, а только изрезано глубокими шрамами».

— Это был он, ведь правда? Это был он! Но почему он оказался в Понтуазе? Неужели хотел вернуться в Париж? Какое безрассудство!

— Одно из тех безрассудств, которое такой мужчина, как он, мог совершить ради такой женщины, как вы.

— Но у городских ворот его след теряется. — Анжелика принялась лихорадочно листать страницы досье. — И, тем не менее, здесь говорится, что его видели в Париже.

— По-моему, это невозможно! Он не мог проникнуть в город. Да будет вам известно, что в течение трех недель после его побега в Париже действовал строжайший приказ о наблюдении за всеми городскими воротами. Затем — обнаруженный гассикурский утопленник, заверения Арно де Калистера, и всем тревогам был положен конец. Расследование прекратили. Для очистки совести я еще немного покопался в архивах. Сообщений об этом деле больше не было.

Воцарилось гнетущее молчание.

— И это все, что вы знаете, Дегре?

Прежде чем ответить, полицейский сделал несколько шагов по комнате.

— Нет, не все! — Грызая мундштук своей трубки, он неподвижно смотрел в одну точку. — Ох уж это знание! — пробормотал он сквозь зубы.

— Что вы знаете? Говорите!

— Ну, хорошо, слушайте. Года три или чуть более тому назад ко мне явился посетитель. Это был священник, эдакий молоденький попик с глазами цвета расплавленного свинца и восковой физиономией, из тех, что вбили себе в голову спасти мир, хотя у самих в чем только душа держится. Он заинтересовался, не тот ли я Дегре, который в 1661 году был назначен защищать в суде графа де Пейрака. Он безуспешно пытался найти меня среди моих бывших коллег из Дворца Правосудия и, в конце концов, с великим трудом отыскал в моем нынешнем мрачном полицейском обличье. Удостоверившись в том, что я действительно бывший адвокат Дегре, он представился как отец Антуан из ордена, основанного господином Венсаном. Будучи тюремным священником, он напутствовал графа де Пейрака перед казнью и сопровождал его до самого костра.

В памяти Анжелики мгновенно всплыл силуэт священника, сидящего в позе оцепеневшего от холода кузнечика перед жарким очагом в доме парижского палача.

— Порядком походив вокруг да около, он, наконец, спросил у меня, не знаю ли я, что случилось с женой графа де Пейрака. Я ответил, что знаю, но что мне в свою очередь весьма хотелось бы узнать, кого заинтересовала участь женщины, самое имя которой давно всеми забыто. Он явно забеспокоился и сказал, что это интересует его самого. Он часто думал об этой всеми покинутой бедняжке, молился за нее и желал, чтобы судьба сжалилась над ней. Не знаю почему, но в его объяснениях мне почудилась какая-то фальшь. Люди моей профессии тоньше других чувствуют всякие

недомолвки. Однако я все-таки рассказал ему, что мне было известно.

— Что вы ему сказали?

— Правду: что вы благополучно выпутались из неприятностей, вышли замуж за маркиза дю Плесси-Белльера и теперь принадлежите к числу тех придворных дам, которые вызывают в свете наибольшую зависть. Как ни странно, эти известия не только его не обрадовали, но, казалось, наоборот, повергли в глубокое уныние. Возможно, он испугался, что вы погубите свою бессмертную душу, так как я дал ему понять, что в недалеком будущем вы займете место госпожи де Монтеспан.

— О, зачем вы это сказали? Вы настоящее чудовище! — в отчаянии воскликнула Анжелика.

— Но разве все это не было сущей правдой? В то время ваш второй супруг был жив и здравствовал, а его величество проявлял к вам столь явную благосклонность, что придворные хроникеры только и писали, что о вашей особе. Затем священник спросил меня, что случилось с вашими сыновьями. Я ответил, что они в добром здравии и также занимают прекрасное положение при дворе в свите его высочества дофина. Когда мой гость собрался уходить, я сказал ему: «От этой казни у вас, наверное, остались удивительные воспоминания. Ведь такие ловкие фокусы, я думаю, проделываются нечасто?» Он так и подскочил па месте: «Что вы хотите этим сказать?» — «А то, что в последнюю минуту осужденный откланялся и удалился, в то время как вы благословляли безымянный труп. Вы, должно быть, порядком смутились, когда обнаружили подмену». — «Клянусь вам, что тогда я об этом не знал...» Тут я придвинулся к нему вплотную и, почти касаясь кончика его носа, спросил: «А КОГДА вы об этом узнали, господин аббат?» Он сделался едва ли не белее собственных брыжей и, пытаясь исправить оплошность,

пробормотал: «Я совершенно не понимаю ваших намеков». — «Отлично понимаете, — возразил я. — Вы знаете не хуже меня, что граф де Пейрак не был сожжен на костре. А между тем никто об этом, понятия не имеет. Денег за молчание вы не получили, в затее с подменой не участвовали. И тем не менее вы ЗНАЕТЕ. От КОГО вы получили эти сведения?» Продолжая делать вид, что ничего не понимает, он распрощался и ушел.

— И вы позволили ему уйти? Но, Дегре, этого нельзя было делать! Нужно было принудить его говорить. Нужно было запугать его угрозами, растянуть на дыбе, но все-таки заставить сказать, от кого он все это знает и кто его послал. Кто это был?! Кто?!

— А что бы это изменило? — сказал Дегре. — Ведь в то время вы уже были госпожой дю Плесси-Белльер, не так ли?

Анжелика стиснула голову руками. Дегре не стал бы рассказывать ей эту историю, если бы сам не придавал ей значения. Он думал так же, как она. Он тоже подозревал, что тюремный священник расспрашивал его по поручению ее первого мужа. Но где скрывается Жоффрей де Пейрак? Как он установил связь со своим посланием?

— Нужно разыскать этого аббата, — наконец произнесла она. — Это будет довольно просто. Я припоминаю, что он принадлежал к ордену...

— Из вас бы вышел отличный полицейский, — с улыбкой перебил ее Дегре. — Я избавлю вас от лишних хлопот. Священника зовут отец Антуан, и он больше не живет в Париже. Уже много лет, как он служит капелланом на галерах в Марселе.

Лицо Анжелики просветлело. Теперь она, наконец, знала, куда ей держать путь. Она начнет с того, что поедет в Марсель и встретится с этим отцом Антуаном.

Найти его будет нетрудно, и в конце концов он назовет ей имя человека, отправившего его к Дегре, чтобы разузнать о судьбе графини де Пейрак. Может быть, ему известно и место, где скрывается тот неведомый, кто его послал?.. Возбужденно блестя глазами и покусывая верхнюю губу, Анжелика строила планы.

Дегре не сводил с нее насмешливых глаз.

При условии, что вам удастся выбраться из Парижа, — напомнил он, отвечая на мысли, что так ясно читались на ее воодушевленном лице.

— Дегре, вы же не станете мне в этом мешать?

— Мое дорогое дитя, мне ПОРУЧЕНО вам помешать. Разве вы не знаете, что, когда я беру на себя исполнение какого-либо дела, я становлюсь как пес, вцепившийся в плащ злоумышленника? Я готов доставить вам все интересующие вас сведения, но, если вы хотите удрать из Парижа, на мою помощь не рассчитывайте.

Анжелика порывисто повернулась к нему всем телом. Ее взгляд был полон горячей мольбы.

— Дегре, Дегре, друг мой!

Лицо молодого служителя закона по-прежнему выражало непреклонность.

— Я поручился королю, что вы не уедете из Парижа, а к обязательствам подобного рода я отношусь очень серьезно, поверьте мне.

— И после этого вы еще называете себя моим другом!

— Лишь до тех пор, пока это не заставляет меня нарушать повеление короля.

В душу Анжелики хлынуло разочарование. Она ненавидела Дегре, как ненавидела его всегда. Зная его упорство и добросовестность в делах службы, она не сомневалась, что он сумеет воздвигнуть перед ней непреодолимую стену. Дегре-сыщик всегда в конце

концов настигал свою жертву, а Дегре-тюремшик умел ее стеречь. От него невозможно было убежать.

— Как вы могли принять это возмутительное поручение, зная, что речь идет обо мне? Я вас никогда не прощу!

— А я, признаться, весьма доволен, что не даю вам совершить глупость.

— Не лезьте в мою жизнь! — в бешенстве крикнула Анжелика. — Вы и люди вашего сорта вызываете во мне глубочайшее отвращение. Вы все мне омерзительны, чертовы легавые, подлые ищейки, грязные шпики, лакеи, пресмыкающиеся перед хозяином, который бросает вам кость!

Дегре от души рассмеялся. Из всех обликов Анжелики ему больше всего нравилось именно это — Маркиза ангелов, женщина из потаенной полосы ее жизни, чьи черты, казалось, давно изгладились среди роскоши и всеобщего почтения, но которая вдруг воскресала из небытия, когда госпоже дю Плесси-Белльер случалось прийти в ярость.

— Послушайте меня, мой дружочек... — Он взял ее за подбородок так, что она была принуждена смотреть ему прямо в глаза.

Я мог отказаться от этого поручения, хотя король доверил его мне именно благодаря моей репутации. Для него не секрет, что если вам взбредет в голову сбежать, то для того, чтобы удержать вас, понадобится поднять на ноги лучших полицейских Парижа. Я мог бы отказаться, но он говорил со мной с искренней тревогой и беспокойством за вас, как один мужчина говорит с другим. Да и сам я, как и вам уже сказал, твердо решил сделать все, что в моих силах, чтобы помешать вам еще раз поломать себе жизнь.

Его взгляд потеплел и осветился глубокой нежностью.

— Глупышка, милая моя глупышка, — тихо проговорил он. — Не сердитесь на вашего друга Дегре. Я хочу спасти вас, удержать от этой опасной, губительной авантюры. Вы рискуете потерять все и не получить взамен ничего. Гнев короля будет ужасен. Он терпит своеволие лишь до определенного предела. Послушайте меня, милая Анжелика, милая, бедная моя девочка...

Никогда еще он не говорил с ней так ласково, словно с ребенком, которого нужно во что бы то ни стало защитить от его собственного неразумия, и ей захотелось прижаться лицом к его плечу и тихо заплакать.

— Обещайте мне, — продолжал он, — обещайте, что будете вести себя смирно, а я со своей стороны обещаю приложить все силы, чтобы помочь вам в ваших поисках. Только обещайте!

Анжелика замотала головой. Ей хотелось уступить, но она не доверяла ни королю, ни Дегре. Они всегда будут стремиться удержать ее в неволе. Хотят, чтобы она забыла, чтобы смирилась. Она не доверяла и себе самой: боялась, что придет день, когда, поддавшись малодушию и усталости, она скажет: «А к чему все это?» Король опять начнет ее домогаться... Она одинока, совершенно одинока и беззащитна перед лицом враждебных сил, сплотившихся, чтобы помешать ей вновь соединиться с тем, кого она любит.

— Обещайте мне, — настойчиво повторил Дегре, и она снова отрицательно покачала головой.

— Упряма как мул! — Он со вздохом опустил руки, сжимавшие ее лицо. — Что же, посмотрим, кто из нас сильнее. Желаю вам удачи, Маркиза ангелов!

Хотя за окнами уже брезжил рассвет.

Анжелика все же попробовала немного вздремнуть. Однако забыться полностью ей не удалось, и она

погрузилась в состояние полусна-полубодрствования. Тело ее оцепенело, но ум напряженно работал. Она думала о загадочной одиссее прокаженного бродяги, представляя себе черты своего мужа под личиной ужасного, отверженного существа, с трудом бредущего по дорогам Иль-де-Франса в сторону Парижа. Это последнее обстоятельство уже само по себе должно было бы положить конец всем ее надеждам. Как мог сбежавший узник с такими бросающимися в глаза приметам, зная, что его ищут, осмелиться вернуться в это осиное гнездо — Париж? Жоффрей де Пейрак был не настолько безрассуден, чтобы решиться на подобное безумство. А впрочем, нет, он мог это сделать! Поразмыслив, Анжелика сказала себе, что это как раз в его духе. Она попыталась разгадать ход его мыслей. Может быть, он возвратился в Париж, чтобы разыскать ее? Однако какая невообразимая дерзость! Явиться в Париж, город, где его приговорили к смерти и где у него больше не было ни друзей, ни пристанища? Его дом в квартале Сен-Поль, этот прекрасный отель Ботрей, который он построил в честь Анжелики, стоял опечатанный. Она вспомнила, что Жоффрей часто ездил из Лангедока в столицу, чтобы лично следить за ходом работ. А вдруг преследуемый изгнанник решил найти прибежище в этом самом доме? А что, если он, лишенный всего своего имущества, замыслил прийти сюда за золотом и драгоценностями, которые сам когда-то спрятал в известных ему одному тайниках? Чем больше Анжелика над этим думала, тем более вероятной казалась ей такая догадка. Жоффрей де Пейрак был вполне способен пойти на самый отчаянный риск, чтобы вернуть какую-то часть своего состояния. Имея золото и серебро, он мог спастись, а голый и нищий был обречен на бесплодные скитания. Крестьяне бросали бы в него камни и рано или поздно донесли бы на него. Между тем одна-единственная горсть золота

означала свободу! И он знал, где найти это золото, — в его отеле Ботрей, где ему был знаком каждый закоулок. Анжелике казалось, что она понимает его логику, узнает свойственный ему ход рассуждений. Он, бывало, говорил с оттенком презрения: «Золото может все». Оказалось, что из этого правила есть исключения. В молодом короле Франции любовь к власти пересиливала любовь к деньгам. И все же общее правило оставалось в силе: обладая золотом, несчастный беглец уже не был беззащитен. Поэтому он вернулся в Париж, в этот самый дом — теперь Анжелика была в этом уверена. Тут не было ничего невероятного: в то время король еще не наложил свою тяжелую руку на все имущество графа де Пейрака и не передал отель Ботрей принцу Конде. Дом стоял пустой и всеми покинутый, будто над ним тяготело проклятье. На его воротах висели восковые печати, а внутри не было никаких сторожей, кроме смертельно перепуганного привратника и старого слуги-баска, которому больше некуда было податься.

Сердце Анжелики беспорядочно застучало. Внезапно она поняла, что держит в руках нить, которая поможет ей все узнать наверняка. «Я его видел... Да-да, я видел его, видел проклятого графа — там, в нижней галерее. Я его видел... Это было ночью, вскоре после казни. Я услышал шум в галерее и узнал его шаги».

Старый слуга-баск говорил ей это, опираясь на край средневекового колодца в глубине сада, где она встретила его однажды вечером вскоре после того, как стала владелицей отеля Ботрей.

«Кто бы не узнал его походку, походку Великого лангедокского хромого?.. Я зажег фонарь, а когда дошел до поворота галереи, увидел его. Он стоял, прислонившись к двери часовни, и смотрел в мою сторону... Я его узнал, как собака узнает своего

хозяина, но лица его я не видел. На нем была маска. Вдруг он пропал в стене и больше уж я его не видал».

Тогда Анжелика в ужасе поспешила уйти, не желая более слушать бессвязные речи бедного, почти выжившего из ума старика, которому казалось, что он видел призрак...

Она села в постели и что есть сил зазвонила в колокольчик. На зов хозяйки явилась Жанина, жеманная рыжая девица, занявшая место Терезы, после того как та, польстившись на золото госпожи де Монтеспан, попыталась отравить Анжелику и была за это уволена. Учув оставшийся после визита Дегре запах табака, служанка приняла удивленно-осуждающий вид и осведомилась, чего желает госпожа маркиза.

— Немедленно разыщи мне этого старого слугу... Как же его зовут? Ах, да! Паскалу, дедушка Паскалу.

Служанка изумленно подняла свои тускло-рыжие брови.

— Да ты его хорошо знаешь, — настаивала Анжелика. — Это очень древний старик, который вытягивает наверх бадью из колодца и носит дрова для каминов.

Жанина удалилась с видом терпеливой покорности, как бы говоря, что, хотя приказание хозяйки ей и непонятно, она все же пойдет и наведет справки. Вскоре она вернулась и объявила, что дедушка Паскалу уже два года как умер.

— Умер? — повторила за ней потрясенная Анжелика. — Умер! Боже мой, какой ужас!

Жанина сказала себе, что ее госпожа ни с того ни с сего что-то уж слишком разволновалась из-за события, которое двумя годами раньше не заметила вовсе. Анжелика велела служанке остаться и помочь ей одеться. Пока Жанина одевала ее, она думала о Паскалу. Итак, бедный старик умер и унес в могилу свою тайну. А она в это время находилась при дворе и

даже не присутствовала при кончине преданного слуги, не держала в последние минуты его руку. И теперь ей приходится расплачиваться за пренебрежение своим долгом... Огненными буквами в ее памяти вспыхнули услышанные когда-то слова: «Он стоял, прислонившись к двери часовни».

Анжелика спустилась на первый этаж и вошла в галерею. Проходящие сквозь оконные витражи лучи солнца окрашивали ее пол и стены в нежные, пастельные тона. Анжелика прошла под изящными арками и отворила дверь в свою домовую часовню. Эту комнату скорее можно было назвать не часовней, а молельней. В ней только и было, что две обитых кордовской кожей скамеечки для молитвы, алтарь из зеленоватого мрамора и висящая над ним великолепная картина кисти какого-то испанского художника. Пахло свечным воском и ладаном. Анжелика знала, что, когда аббат де Лесдигьер бывает в Париже, он служит здесь мессу. Она опустилась на колени.

— Господи, — сказала она громко, — я наделала много ошибок, но прошу тебя, Господи, молю тебя...

Она не знала, что говорить дальше.

Однажды ночью он пришел сюда. Как же он проник в свой отель? Как сумел пробраться в Париж? Что он искал в этой часовне? Анжелика огляделась. Все здесь осталось неизменным с тех пор, когда владельцем отеля был граф де Пейрак. Принц Конде ничего не тронул. Кроме аббата де Лесдигьера и мальчика-слуги, прибиравшего часовню и певшего молитвы, сюда входили немногие.

Если где-то в этом маленьком храме у Жоффрея был тайник, сохранить секрет было нетрудно... Анжелика встала с колен и начала внимательно осматривать часовню. Она ощупала мраморный алтарь, пробуя ногтем каждую щель, в надежде привести в действие

какой-нибудь скрытый механизм, обследовала все детали барельефов и начала терпеливо простукивать сначала глазурованные плитки пола, затем деревянную обшивку стен. Ее терпение было вознаграждено. Когда утро уже было на исходе, ей показалось, что стена за алтарем издает глухой звук. Она тотчас зажгла свечу и поднесла ее к деревянной панели. Искусно замаскированная резным орнаментом, в стене виднелась едва различимая замочная скважина.

Значит, тайник был здесь! Анжелика начала лихорадочно искать секрет замка, но вскоре была вынуждена оставить эти попытки. С помощью ножа и ключа, висевших среди других вещей у нее на поясе, ей удалось выломать кусок обшивки. Просунув руку в отверстие, она нащупала защелку и отодвинула ее. Дверца тайника со скрипом отворилась, и в открывшейся нише Анжелика увидела шкатулку. Ее не было надобности отпирать — замок оказался взломан. Шкатулка была пуста...

Анжелика схватила покрытый пылью ящичек и прижала его к груди. Он был здесь! Он взял спрятанные золото и драгоценности. Господь привел его сюда! Господь его сохранил! Но что было после этого? Поставив на карту жизнь, беглец обрел небольшое состояние, тайно, хранившееся в конфискованном у него доме. Но что произошло с графом де Пейраком потом?..

Глава 3

Когда Анжелика захотела поехать в Сен-Клу за Флоримоном, ей пришлось убедиться, что, предупреждая ее, Дегре отнюдь не шутил. Садясь в карету, она не удостоила вниманием своего «обожателя», чья багровая физиономия уже несколько дней маячила под ее окнами. Ей также не пришло в голову остерегаться двух молодцов, которые, выбежав из харчевни напротив, вскочили на лошадей и ринулись за ней вслед. Однако не успела она выехать за ворота Сент-Оноре, как ее экипаж был окружен отрядом городской стражи и незнакомый молодой офицер очень учтиво попросил ее возвратиться в Париж.

— Приказ короля, сударыня!

Анжелика запротестовала, и тогда офицер предъявил ей бумагу, где за подписью префекта полиции господина де Ла Рейни предписывалось не выпускать маркизу дю Плесси-Белльер за пределы города. «И надо же так случиться, что именно Дегре поручено исполнять это, предписание! — подумала Анжелика. — Он мог бы мне помочь, но теперь не станет этого делать. Он готов предоставить мне все возможные сведения об этой давней истории с моим мужем и надавать мне всяческих советов, но также сделает все, чтобы выполнить приказ короля». Велев кучеру поворачивать обратно, она упрямо сжала кулаки. Препятствие только разожгло ее боевой пыл. Десять лет назад Жоффрей де Пейрак, с трудом передвигающийся после пыток и разыскиваемый всей полицией и городской стражей, все-таки сумел пробраться в Париж. Ну так она найдет способ из него выбраться!

Она послала в Сен-Клу за Флоримоном, и тот вскоре приехал в сопровождении своего наставника, аббата де Лесдигьера, Аббат сообщил, что в соответствии с инструкциями, данными ему госпожой дю Плесси-Белльер, он уже начал переговоры о продаже придворной должности Флоримона. Господин де Лоан желает приобрести ее для своего племянника и дает хорошую цену.

— Хорошо, посмотрим, — сказала Анжелика. Она не хотела уезжать из города и навлекать на себя гнев короля, не приняв прежде всех мер предосторожности, чтобы оградить интересы своих детей.

— Почему я должен продавать свою должность? — спросил Флоримон. — Вы нашли для меня что-то получше? Я смогу вернуться в Версаль? В Сен-Клу я занимаю хорошее положение. Его высочество брат короля заметил, как я стараюсь.

В эту минуту, вопя от радости, в комнату влетел Шарль-Анри. Он обожал своего старшего брата, и тот платил ему не менее горячей привязанностью. Каждый раз, приезжая в Париж, Флоримон начинал увлеченно возиться с малышом, катал его на плечах и давал поиграть своей шпагой. Сейчас он в очередной раз начал восторгаться красотой младшего братика.

— Мама, ну разве он не самый прекрасный ребенок на свете? Он достоин того, чтобы быть дофином вместо этого неотесанного тупицы.

— Не говорите так, Флоримон, — строго заметил аббат де Лесдигьер.

Анжелика отвела глаза от своих сыновей. Маленький Шарль-Анри, светловолосый, розовощекий и пухленький, задрал голову, смотрел голубыми как небо глазками на смуглого двенадцатилетнего Флоримона. Каждый раз, когда взгляд Анжелики падал на светлые кудряшки сына Филиппа, она испытывала чувство горечи и бессилия. Зачем вступила она в этот брак?

Жофfrey де Пейрак послал человека, чтобы ее разыскать, и узнал, что она снова вышла замуж. Какой жуткий, беспросветный тупик... Бог не должен был допускать такого!

Анжелика готовилась к отъезду втайне. Шарля-Анри вместе с Барбой и слугами она решила отослать в Пуату, в замок Плесси. Король даже в порыве гнева не посмеет посягнуть на ребенка и имущество своего покойного маршала. Для Флоримона у нее были иные планы, которые она пока держала в секрете.

«Неужели король так уж на меня рассердится? — успокаивала она себя. — Да, конечно, ведь я собираюсь послушаться его приказа. Но не станет же он долго держать на меня зло из-за обыкновенной поездки в Марсель? Ведь я вернусь...»

Чтобы отвести от себя подозрения и продемонстрировать свою покорность, Анжелика послала за своим братом Гонтраном. Теперь у нее наконец появилось время заказать ему портрет своих детей. Склонясь над скучными счетами, которые она решила разобрать и оплатить, чтобы оставить все свои дела в полном порядке, она слышала, как Флоримон дурачится, пытаясь заставить своего любимого младшего братца усидеть на месте.

— Маленький ангелочек с улыбкой херувима — какая ты прелесть! Маленький обжора, жирный как поросенок, — какая ты прелесть! — декламировал Флоримон, передразнивая литанию^[3] с ее повторяющимся, монотонным припевом.

— Вам не следует шутить такими вещами, Флоримон, — раздался голос аббата де Лесдигьера. — Я замечаю в вас некое вольнодумство, которое меня тревожит.

Флоримон, глухой к его увещаниям, продолжал напевать:

— Кудрявый барашек, жующий конфеты, — какая ты прелесть! Хитрющий проказливый бесенок — какая ты прелесть!..

Шарль-Анри хохотал во все горло, Гонтран по своему обыкновению ворчал, а на холсте между тем оживали две детские головки: темноволосая и белокурая, Флоримон де Пейрак и Шарль-Анри дю Плесси-Белльер — и в чертах своих сыновей Анжелика видела отражение двух мужчин, которых она любила.

Время шло, и Флоримон, всегда такой легкомысленный, начал задумываться. Однажды вечером он подошел к сидящей перед камином Анжелике и без обиняков спросил:

— Матушка, что случилось? Стало быть, вы не любовница короля, раз он держит вас в этой парижской ссылке?

— Флоримон, это не твое дело! — в немалом смущении воскликнула Анжелика.

Зная горячий нрав своей матери, Флоримон благоразумно решил, что не стоит идти напролом. Усевшись на скамеечку у ног Анжелики, он устремил на нее взгляд своих блестящих темных глаз, чье очарование он отлично осознавал.

— Разве вы не любовница короля? — повторил он с обворожительной улыбкой.

Анжелика спросила себя, не лучше ли ей прекратить разговор, отвесив сыну хорошую пощечину. Однако она вовремя сдержалась. В мыслях у Флоримона не было ничего дурного. Он хотел узнать ответ на вопрос, волновавший весь двор, от первого вельможи до последнего пажа, — вопрос о том, кто победит в поединке между госпожой де Монтеспан и госпожой дю Плесси-Белльер. А поскольку одна из этих дам была его матерью, исход их борьбы имел для него особое значение. Слухи о благосклонности короля к маркизе дю Плесси ставили его в весьма выгодное положение

среди его приятелей. Эти юные, но уже великолепно вышколенные придворные интриганы всю домогались его расположения.

— Мой отец говорит, что твоя матушка может добиться от короля всего, чего захочет, — раскрывал ему глаза безусый отпрыск семейства д'Омаль. — Тебе повезло. Считай, что карьера тебе обеспечена! Вот только не забывай своих друзей. Ведь я всегда оказывал тебе услуги, не так ли? — Флоримон напускал на себя важность и разыгрывал серого кардинала. Он уже обещал должность генерал-адмирала Бернару де Шатору, а пост военного министра — Филиппу д'Омалю. И вдруг матушка забирает его от двора герцога Орлеанского, говорит о продаже его должности пажа, а сама при этом сидит в Париже как какая-нибудь отшельница.

— Вы навлекли на себя неудовольствие короля, да? Но почему?

Анжелика положила руку на гладкий лоб сына и откинула назад падающие на него густые черные кудри. Она испытывала сейчас такое же грустное и светлое чувство, как в тот день, когда Кантор попросил ее отпустить его на войну, — вечное удивление всех матерей, вдруг узнающих, что их дети превратились, в мыслящие существа и что мыслят они по-своему.

Отвечая на вопрос Флоримона, она мягко сказала:

— Да, я вызвала неудовольствие короля, и он на меня сердится.

Флоримон нахмурил брови, копируя то горестно-озабоченное выражение, которое ему доводилось видеть на лицах придворных, впавших в немилость.

— Какая катастрофа! Что же с нами теперь будет? Держу пари, что во всем виноваты козни этой шлюхи Монтеспан. Вот дрянь!

— Флоримон, что за выражения!

Флоримон пожал плечами. По его мнению, это были самые обычные выражения — именно так говорили в приемных перед покоями короля. Внезапно он как будто примирился с судьбой и принял вид человека, который уже не раз видел, как воздвигаются и рушатся непрочные карточные домики, и в конце концов научился смотреть на жизнь философски.

— Говорят, вы собираетесь отправиться в путешествие?

— Кто это говорит?

— Да так, говорят.

— Это просто несносно. Я бы не хотела, чтобы о моих планах стало известно.

— Я обещаю вам, матушка, что никому об этом не скажу, но, раз все теперь пошло вверх дном, мне бы все-таки хотелось узнать, что вы собираетесь делать со мной? Вы возьмете меня с собой?

Одно время Анжелика подумывала о том, чтобы взять с собой старшего сына, но оставила эту мысль. Замышляемое его предприятие таило в себе множество опасностей. К тому же она еще не знала, как выбраться из Парижа. И что скажет ей в Марселе отец Антуан, куда направит дальше? Нет, ребенок, даже такой живой и смысленый, как Флоримон, скорее всего, только помешает ее поискам.

— Сын мой, я уверена, что вы поведете себя благоразумно. То, что я хочу вам предложить, не очень-то весело, однако приходится признать, что вы невежественны, как осел, и вам пора серьезно заняться своим образованием. Я намерена поручить вас заботам вашего дядюшки-иезуита, который согласен устроить вас в один из иезуитских коллежей в Пуату. Аббат де Лесдигьер поедет с вами и будет вам наставником и опорой во время моего отсутствия.

Анжелика уже поговорила с отцом Раймоном де Сансе и попросила его позаботиться о Флоримоне и,

если понадобится, оказать ему покровительство. Как она и ожидала, Флоримон принял ее сообщение с кислой миной. Нахмурившись и надолго замолчав, он погрузился в размышления. Чтобы помочь сыну переварить эту неприятную новость, она обняла его за плечи и уже приготовилась было расписать все прелести учения и школьного товарищества, когда он вдруг вскинул голову и сухо сказал:

— Что ж, понятно. Если здесь мне больше рассчитывать не на что, то придется, видно, отправиться к Кантору.

— Боже мой, Флоримон, — воскликнула потрясенная Анжелика, — прошу тебя, не говори так! Ведь ты же не хочешь умереть, правда?

— Да нет, — с безмятежным видом отвечал Флоримон.

— Тогда зачем же ты говоришь такие ужасные вещи — будто тебе хочется отправиться к Кантору?

— Потому что мне хочется его повидать. Я уже начал по нему скучать, да и путешествовать по морю мне нравится куда больше, чем распевать латинские тексты у иезуитов.

— Но Флоримон... ведь Кантор УМЕР!

Флоримон отрицательно покачал головой и уверенно сказал:

— Нет, он не умер, он уехал к нашему отцу.

Анжелика почувствовала, как кровь отливает от ее лица. Ей показалось, что она сходит с ума.

— Что... что такое ты говоришь?

Флоримон посмотрел ей прямо в глаза.

— Да, он уехал к нашему отцу... ну, к тому, к другому, понимаете? К тому, которого хотели сжечь на Гревской площади.

Анжелика онемела. Она никогда не рассказывала об этом своим сыновьям. С детьми Ортанс они не общались, а сама Ортанс скорее дала бы отрезать себе

язык, чем заговорила бы об этом ужасном скандале. Анжелика всегда ревниво следила за тем, чтобы в присутствии ее мальчиков никто ни словом не обмолвился об их отце, и с тревогой думала, что им сказать, когда они спросят, кто он был и как его звали. Но они ни разу не задали ни единого вопроса, и лишь теперь она осознала всю необычность их поведения. Они ни о чем ее не спрашивали, потому что ЗНАЛИ.

— Кто вам это рассказал?

Решив для пущего эффекта выдержать паузу, Флоримон с выражением сомнения на лице повернулся к камину и взял медные щипцы, чтобы перемешать рассыпавшиеся поленья. Какая же наивная у него матушка! И какая милая! Многие годы он думал, что она очень строгая. Он ее побаивался, а Кантор, бывало, плакал, потому что всякий раз, когда они надеялись, что матушка наконец поиграет и посмеется вместе с ними, она исчезала. Однако в последнее время Флоримон открыл, что она совсем не так неуязвима, как он думал раньше. Он видел, как она дрожала в тот день, когда Дюшен, подкупленный госпожой де Монтеспан, попытался его убить. Он понял, что за улыбкой она прячет тревогу, и, страдая от ядовитых замечаний, которыми придворные порой обменивались по поводу «будущей фаворитки», он чувствовал, как в нем рождается новое, не изведенное ранее взрослое стремление: когда-нибудь он вырастет, и тогда он ее защитит.

Порывистым движением Флоримон повернулся к матери и, улыбаясь своей сияющей улыбкой, протянул ей руки.

— Матушка...

Анжелика обхватила кудрявую голову сына и прижала ее к груди. На всей земле не найти мальчика красивее и милее ее Флоримона! Уже сейчас было видно, что он сполна унаследовал все то очарование,

которым природа столь щедро одарила графа де Пейрака.

— А ты знаешь, что ты очень похож на своего отца?

— Да, знаю. Мне говорил об этом старик Паскалу.

— Старик Паскалу? Значит, вы все узнали от него?

— И да, и нет, — с важным видом сказал Флоримон.

— Старик Паскалу дружил с нами. Он играл нам на флейте и на бубне и рассказывал всякие истории. Он все время говорил, что я похож на того проклятого дворянина, который построил отель Ботрей. Паскалу знал его ребенком и говорил, что я похож на него как две капли воды, только у него щека была изрублена саблей. Тогда мы с Кантором попросили Паскалу рассказать нам про этого необыкновенного человека. Он знал все на свете и даже умел из пыли делать золото. Он пел так, что все замирали. Всех своих врагов он побеждал на дуэли. В конце концов злые люди, которые ему завидовали, засадили его в тюрьму, и его сожгли на Гревской площади. Но Паскалу сказал, что он был такой сильный, что сумел убежать, потому что Паскалу его видел, когда он вернулся сюда, в свой отель, в то время как все думали, что он сгорел на костре. И еще Паскалу говорил, что умрет счастливым, зная, что этот великий человек, его прежний хозяин, остался жив.

— Это правда, родной мой. Он жив, в самом деле жив!

— Но после этого мы еще долго не знали, что этот человек — наш отец, — продолжал Флоримон. — Мы спросили у Паскалу, как его звали, но этого он говорить не хотел. В конце концов, он под большим секретом сказал нам, что имя его хозяина было граф де Пейрак. Помню, мы с Кантором и Паскалу были в это время в буфетной. И тут, конечно же, входит Барба. Как услышала, о чем у нас речь, так сначала вся побелела, потом покраснела, а потом позеленела и говорит

Паскалу, что он никогда и заикаться не должен об этих ужасах. «Вы что, — говорит, — хотите, чтоб проклятие, сгубившее отца, пало и на его несчастных деток, которых их матушка с таким трудом спасла от уготованной им горькой участи?» И как пошла тараторить, а мы с Кантором слушаем и ничего не понимаем, и старик Паскалу тоже понимает не больше нашего. Слушал он, слушал, а потом и спрашивает: «Добран женщина, уж не хотите ли вы сказать, что эти бот детки — его сыновья?» Барба так и застыла, разинув рот, прямо как рыба, вытащенная из воды, а потом начала что-то мямлить. Вот была потеха!.. Но с ее стороны было очень глупо думать, что после этого мы оставим ее в покое. Мы все время ее спрашивали: «Барба, кто был наш отец? Это был он, граф де Пейрак?» Однажды мы придумали, как заставить ее сказать. Мы привязали ее к стулу, на котором она сидела перед камином, и пригрозили, что если она не скажет нам правду и не расскажет, что ей известно о нашем настоящем отце, то мы поджарим на огне ее босые ноги, как это делают разбойники с большой дороги.

Анжелика вскрикнула от ужаса. Возможно ли?! Ее мальчики, эти малютки, которые, казалось, могли бы принять причастие и без исповеди?!

При воспоминании о давней проделке Флоримон весело рассмеялся.

— Когда ее немного припекло, она все выложила, только потребовала, чтобы мы поклялись никогда не говорить об этом с вами. И мы ничего вам не сказали. Но мы были счастливы и горды, что он наш отец и что он сумел спастись от злых людей, которые хотели его убить. А Кантор решил уйти в море, чтобы его найти.

— Но почему именно в море?

— Потому что оно очень далеко, — ответил Флоримон, неопределенно поведя рукой.

Анжелика поняла, что для ее сына море — это нечто такое, о чем он не имеет ясного представления, но что открывает дорогу в райские сады, где все мечты сбываются.

— Кантор сочинил песню, — продолжал свой рассказ Флоримон. — Сейчас я уже плохо помню слова, но она была очень красивая. Кантор говорил, что будет петь ее повсюду и что наверняка найдутся люди, которые по этой песне узнают отца и скажут, где он сейчас.

У Анжелики перехватило горло, а глаза наполнились слезами. Она представила, как тайком от всех, двое детей обсуждают безумное путешествие, на которое решился ее маленький трубадур, чтобы отыскать человека из легенды.

— Но я не соглашался ехать, — рассказывал Флоримон. — Мне не хотелось уезжать, потому что моя служба в Версале мне очень нравилась. К тому же, плавая по морям, хорошую карьеру не сделаешь. А Кантор уехал. Когда он чего-нибудь захочет, то всегда своего добьется. Барба про него говорила: «Уж если этот что вобьет себе в голову, так становится хуже своей матушки». Как вы думаете, мама, он нашел отца?

Ничего не ответив, Анжелика ласково провела рукой по волосам сына. Ей не хватило духу еще раз напомнить ему, что Кантор мертв, что, как рыцари Святого Грааля, он оплатил жизнью погоню за несбыточной мечтой. Бедный малютка-рыцарь... бедный маленький трубадур! Ей вдруг представилось, что сквозь прозрачный, изумрудно-зеленый водяной покров она видит его строгое личико с плотно сжатыми губами и мечтательным взглядом широко распахнутых глаз, таких же бездонных, как взявшее его море.

— ...Благодаря той песне? — негромко проговорил Флоримон, продолжая свою мысль.

Она не знала, какие мысли скрывались за простодушным взглядом этих глаз.

Отыскать дверь в мир детства, где так странно перемешаны неразумие и мудрость, ей было уже не дано.

«У всех детей бывают безумные идеи, — подумала Анжелика, но мои, к несчастью, осуществляют их!..» А между тем она узнала еще не все. В этот вечер ее ждали новые открытия.

Глава 4

После долгого молчания Флоримон поднял голову, и на его подвижном лице вдруг отразились смятение и печаль.

— Мама, — заговорил он вновь, — скажите, это король велел казнить моего отца? Я много об этом думал, и эта мысль мучает меня — ведь ибо король справедлив...

Ему было больно ниспровергать своего кумира, и, чтобы успокоить его, Анжелика сказала:

— Это завистники хотели его погубить, а король его помиловал.

— О, как я рад! — воскликнул Флоримон. — Потому что я люблю короля, но отца я люблю еще сильнее. Когда он вернется? Ведь король его помиловал. Разве он не может вновь занять подобающее ему положение?

Анжелика тяжело вздохнула.

— Это очень запутанная история, бедный мой мальчик, и многое в ней трудно понять. До самого последнего времени я сама считала, что твой отец умер, и теперь бывают минуты, когда мне кажется, что я грежу. Он не умер, он спасся и пришел сюда, чтобы взять спрятанное золото... Это бесспорно... и в то же время это невозможно. Городские ворота охранялись, у отеля стояла стража... Как же он мог сюда проникнуть?

При этих словах она заметила, что Флоримон смотрит на нее, качая головой и снисходительно улыбаясь. И, поняв, что удивительный мальчишка готов объяснить ей еще одну загадку, она воскликнула:

— Так ты знаешь?

— Да!

Он наклонился к матери и прошептал:

— Через подземный ход, что кончается в колодце.

— О чем ты говоришь?

Флоримон выпрямился и с таинственным видом схватил Анжелику за руку.

— Пойдемте со мной!

Проходя по коридору, он прихватил с собой ночник, горевший рядом с входной дверью, а затем увлек мать в глубину сада. Полукруглая луна ясно освещала дорожки, ведущие сквозь подстриженные кусты самшита к высокой стене сада. Анжелика приказала садовникам ничего не трогать в этом уголке, где в поэтическом беспорядке виселись остатки средневековых построек и зеленели заросли простых, диких трав. Нижняя половина колонны, каменная скамья с высеченным на ней вычурным гербом и старинный колодец со сводчатой крышей из кованого железа напоминали о былом великолепии квартала Марэ, который в XV веке целиком был занят огромным дворцом с многочисленными внутренними двориками — древней резиденцией королей и принцев Франции.

— Это Паскалу показал нам подземелье, — пояснил Флоримон. — Он сказал, что, когда строили отель, отец сам следил за восстановлением старого подземного хода. Он хорошо заплатил трем мастерам, которые там работали, чтобы они хранили тайну. Паскалу тоже знал о ходе и все нам показал, потому что мы сыновья графа де Пейрака. Смотрите сюда!

— Ничего не вижу, — сказала Анжелика, склонившись над черным провалом колодца.

— Подождите, сейчас увидите.

Флоримон поставил фонарь на дно висящей на цепи большой деревянной бадьи, обитой медными обручами, и начал медленно ее опускать. Огонь фонаря освещал влажные стены колодца и отражался в каплях стекающей по камням воды.

Раскрутив цепь до половины, Флоримон остановил движение бадьи.

— Готово! Если наклониться, то в стене можно увидеть маленькую деревянную дверь. Это и есть вход в подzemелье. Если в бадье спуститься до уровня двери, ее можно открыть и попасть в подземный ход. Он очень глубокий. Проходит под подвалами соседних домов и пересекает городскую стену. В прежние времена выход наружу был в предместье Сент-Антуан, где подземный ход соединяется с древними катакомбами и старым руслом Сены. Но поскольку с тех пор эти места застроили, отец приказал продолжить ход до середины Венсенского леса. Теперь он кончается в развалинах старой часовни. Выходишь оттуда в лес — и все дела! Отец был очень предусмотрителен, не правда ли?

— Однако как узнать, проходим ли этот подземный путь сейчас? — тихо спросила Анжелика.

— Ну, конечно же, проходим! Старик Паскалу хорошо за ним присматривал. Дверь в подzemелье открывается очень легко, и механизм люка в часовне тоже работает отлично. Паскалу говорил, что, когда хозяин будет возвращаться, ход должен быть в полном порядке. Но он пока не вернулся, и мы втроем: Паскалу, Кантор и я — много раз ходили в лесную часовню и ждали его там. Мы прислушивались, надеясь услышать его шаги — шаги Великого лангедокского хромого...

Анжелика строго поглядела на сына.

— Флоримон, неужели ты хочешь сказать, что ты и Кантор... что вы спускались в этот колодец?!

— Само собой, — небрежно произнес Флоримон. — Спускались, и не раз, уж можете мне поверить!

Начав вытягивать бадью наверх, он вдруг прыснул со смеху:

— А тут нас поджидала Барба, шепча молитвы и трясясь от страха, как курица, у которой вместо цыплят вывелись утята.

— Так эта толстая дура все знала!

— Еще бы, ведь ей приходилось поднимать нас наверх в этой бадье!

— Какое бесстыдство! Позволить вам вести себя столь безрассудно и ничего мне не сказать!

— А куда ей было деваться? — возразил Флоримон.
— Она боялась, что мы еще разок поджарим ей пятки.

— Флоримон, ты хоть сознаешь, что за все это тебя следовало бы отхлестать по щекам?

Не говоря ни да, ни нет, Флоримон поспешил вытащить бадью и поставить фонарь на каменную закраину. Колодец опять сделался темным и таинственным. Пытаясь привести мысли в порядок, Анжелика провела рукой по лицу.

— Одного я никак не пойму...

Она на минуту задумалась.

— Нет, не пойму. Как он смог выбраться из колодца один, без посторонней помощи?

— Это вовсе не трудно, — сказал Флоримон. — В стену колодца вделаны маленькие железные скобы, чтоб можно было подниматься и спускаться. Но Паскалу не хотел, чтобы мы ими пользовались, потому что Кантор и я были еще слишком малы, а сам он был уже стар и начал понемногу сдавать. Вот и приходилось терпеть Барбу с ее причитаниями, чтоб было кому нас поднять наверх. Когда старик Паскалу почувствовал, что умирает, он послал за мной. Я тогда был в Версале, и мы с аббатом тотчас вскочили на коней и помчались в Париж. Вы знаете, мама, очень грустно видеть, как умирает верный слуга. Я держал его за руку до самого конца.

— Ты хорошо поступил, мой Флоримон!

— И Паскалу мне сказал, — продолжал мальчик, — что надо присматривать за колодцем, чтобы все было в порядке, когда хозяин вернется. Я ему это обещал, и, приезжая в Париж, я каждый раз спускаюсь в

подземелье и проверяю, все ли механизмы хорошо работают.

— Ты это делаешь... один?

— Да, один. Хватит с меня этой Барбы. Я уже достаточно взрослый, чтобы обходиться без няnek.

— Ты спускаешься туда по этим железным скобам?

— Ну конечно! Я же вам говорил это совсем просто. Немного сноровки — вот и все.

— А что же аббат? Неужели он ни разу не воспротивился этим диким выходкам?

— Аббат ничего не знал. В это время он спал. Я уверен, что он ни о чем не догадывался.

— Да, нечего сказать, присмотр за моими детьми превосходный! — едко заметила Анжелика. Значит, своим опасным фантазиям ты предавался ночью? И... неужели тебе ни разу не было страшно, Флоримон, когда ты совсем один был ночью в подземелье?

Мальчик отрицательно покачал головой. Если ему и бывало страшно, он не собирался в этом признаваться.

— Мне говорили, что мой отец занимался горным делом. Может быть, поэтому мне так нравится находиться под землей.

Он глядел на мать снизу вверх, польщенный восхищением, которого она не могла скрыть. Луна светила неярко. Темные тени, легшие на детские черты Флоримона, обозначили их резче, и Анжелика узнала этот насмешливый изгиб губ, искрящиеся черные глаза и особое, немного дьявольское выражение, присущее лицу последнего из графов Тулузских, так любившего эпатировать, ужасать и повергать в изумление боязливых буржуа.

— Если хотите, матушка, я проведу вас по подземному ходу.

Глава 5

Королевская галера медленно вошла в марсельский порт. В голубом зеркале рейда ярким заревом отразились ее темно-красные шелковые знамена с вьющимися по ветру золотыми кистями, расшитые гербами вымпелы, реющие на верхушках мачт, флаги адмирала и военно-морские штандарты, тоже красные, с вышитыми на них золотыми королевскими лилиями. Толпа на площади встрепенулась в едином порыве любопытства. Торговки подхватили корзины со своим товаром: винными ягодами и мимозой, дынями и гвоздиками, морскими ежами и моллюсками, и, шумно обсуждая открывшееся перед ними зрелище, устремились туда, где должен был причалить красавец корабль. Щегольски одетые дамы, прогуливающиеся у моря со своими крошечными собачками, и рыбаки в красных шапках, чинившие на берегу сети, двинулись в том же направлении. Двое грузчиков-турок, один — в зеленых шароварах, другой — в красных, оба обнаженные до пояса, с блестящими от пота медными торсами, сбросили со спин на землю огромные тюки сушеной рыбы, уселись на них и, вытащив из-за поясов длинные трубки, закурили.

Прибытие этого судна позволяло им спокойно сделать несколько затяжек, ибо стоило зайти в порт королевской галере, как работа в этом человеческом муравейнике замирала. Капитаны, наблюдающие за погрузкой судов, пузатые торговцы, снующие тут и там в сопровождении писцов и приказчиков, — все они оставляли свои дела и позволяли себе немного передохнуть. На прибытие в порт галеры ходили как на представление: и не столько ради того, чтобы полюбоваться скользющим по водам гавани прекрасным

кораблем с рядами длинных весел, похожих на вздымающиеся крылья, и поглазеть на разряженных в пух и прах офицеров, сколько для того, чтобы увидеть, как сходят на берег каторжники — галерные гребцы. Это ужасное зрелище хотя и заставляло женщин осенять себя крестным знаменем, однако никогда им не надоедало.

Анжелика поднялась с лафета портовой пушки, где ей пришлось просидеть несколько долгих часов в ожидании галеры, и, сопровождаемая Флипо, который нес ее сумку, присоединилась к толпе. Проплывая под стенами башни Сен-Жан, галера замедлила ход, будто громадная алая птица, обдумывающая, в какую сторону ей лететь дальше. Ее золоченые резные украшения ослепительно сверкали под лучами солнца.

Наконец королевский корабль направился к пристани. Его двадцать четыре белых, разукрашенных арабесками весла, разом подымались и опускались. Закончив маневрирование, галера повернулась к морю своим узким носом из черного дерева, на конце которого блестела позолоченная фигура русалки. Теперь к толпе на берегу была обращена ее корма, украшенная разноцветными гербовыми щитами и золочеными деревянными скульптурами. Над кормой возвышался большой четырехугольный шатер из красно-золотой парчи. Здесь размещались во время плавания судовые офицеры. Когда галера подошла к причалу совсем близко, весла поднялись из воды и неподвижно застыли в воздухе. С борта доносились пронзительные свистки надсмотрщиков, гулкие удары гонга, сигналившие об остановке судна, и, в конце концов — заглушивший все и вся голос капитана, который осыпал бранью матросов, сворачивающих паруса.

У поручней, рядом с покрытой позолотой деревянной лесенкой, появилась группа офицеров. Один из них перегнулся через борт, снял шляпу с пышными перьями и принялся размахивать ею, глядя в ту сторону, где стояла Анжелика. Она отвернулась и с великим облегчением увидела компанию молодых дам и элегантно одетых мужчин, только что вышедших из стоящей невдалеке кареты. Одна из дам, пикантная брюнетка с несколько чрезмерным обилием мушек на лице, восторженно воскликнула:

— Ах, этот милый Вивонн^[4]! Хоть он и адмирал флота и здесь, в Марселе, обладает большим могуществом, чем сам король, он все равно остается таким любезным и простым! Он нас заметил и не счел ниже своего достоинства приветствовать нас.

Узнав герцога де Вивонна, Анжелика поспешно отпрянула назад, в гущу толпы. Брат госпожи де Монтеспан ступил своим красным каблуком на грязную мостовую и, раскрыв объятия, направился прямо к молодой брюнетке.

— Счастлив видеть вас на этих берегах, прекрасная Ариана. И вас тоже, Кассандра. А не дражайшую ли Калистро видят мои глаза вон там? О, какая радость!

Стоящие вокруг зеваки разинув рты глазели на светские церемонии, с которыми адмирал и его друзья свидетельствовали друг другу свое почтение. В роли едва ли не вице-короля Вивонн выглядел превосходно. Загар красиво оттенял его голубые глаза и белокурые волосы, а высокий рост скрадывал намечающуюся полноту. Герцог подавал себя умело, подобно искусному актеру. Насмешливым, веселым нравом и живым умом он походил на свою блестящую сестру — фаворитку короля.

— Лишь случай привел меня сегодня в порт, — объяснял Вивонн. — По правде говоря, через два дня я

должен отплыть в Кандию. Однако повреждения, причиненные судну бурей, и болезни экипажа заставили меня взять курс на Марсель. И поскольку здесь я встретил вас, я прошу вас всех быть моими гостями. У нас есть два дня, чтобы хорошо повеселиться.

Внезапный резкий хлопок, похожий на пистолетный выстрел, заставил всю компанию вздрогнуть. Один из надсмотрщиков, охраняющих галерников, щелкая бичом, предлагал толпе расступиться.

— Давайте уйдем отсюда, мои душечки, — произнес господин де Вивонн, покровительственно положив руки в белых перчатках на плечи молодых женщин. — На берег вот-вот начнут сходить Каторжники. Я разрешил пятидесяти галерникам пройти в их лагерь на берегу бухты Роше, чтобы похоронить там одного из них — он имел глупость скончаться, когда мы входили в порт. Это нас и задержало. Мой помощник предложил — и я с ним согласился, — чтобы мертвеца тут же сбросили за борт, как это заведено, когда галера находится в открытом море. Однако этому воспротивился судовой капеллан. Он заявил, что ему не хватит времени для чтения молитв и отправления надлежащих обрядов, что нельзя обращаться с христианином так же, как с околевшей собакой, — короче говоря, что он желает предать его земле. Я дал согласие, поскольку порт был уже близко, а также еще и потому, что убедился на собственном опыте, что этот маленький патер-лазарист в конце концов всегда добивается своего. Ничто: ни увещевания, ни сила — не заставит его отступить, если он что-нибудь задумал. Ну, пойдете же, я хочу немедля отвести вас в заведение мороженщика Севола — отведать фруктового мороженого с фисташками и выпить кофе по-турецки.

Вивонн и дамы удалились. Между тем надсмотрщик продолжал щелкать бичом, стоя у подножия

спущенного трапа. Своим видом он напоминал укротителя диких зверей, стоящего у открытой двери клетки и торопящего хищников выйти на арену.

Из-за покрытого позолотой палубного ограждения доносились звяканье волочащихся цепей и хриплые голоса.

Когда на верху трапа появились красные фигуры первых каторжников, закованных в тяжелые, длинные цепи, толпа глухо зашумела. Чтобы цепи не волочились и не металы им сохранять равновесие на узком трапе, галерные рабы несли их, либо перебросив через плечо, либо поддерживая рукой. Один за другим они сходили по доске, перекинутой от корабля к пристани. Они были скованы по четыре. У каждого лодыжка, от которой тянулась цепь, была обмотана грязными тряпками, чтобы охватывающее ее железное кольцо не сдирало кожу, однако у многих на тряпках виднелись кровавые пятна. Глядя на проходящих мимо каторжников, и мужчины и женщины крестились.

Галерники брели босиком, опустив глаза и скребя ногтями зудящее от укусов вшей тело. От их просоленной одежды, состоящей из красной шерстяной рубахи, таких же штанов и грубого, когда-то белого пояса, исходило невыносимое зловоние. Лица у большинства заросли бородой. Надвинутые до бровей шапки из красной шерсти прикрывали грязные, нечесанные волосы. У некоторых шапки были не красные, а зеленые — это были сосланные на каторжные работы «навечно».

Первые каторжники прошли сквозь толпу с безразличным видом, однако следующие дали собравшимся то самое представление, которого те ожидали. Поглядывая по сторонам загоревшимися глазами, они выкрикивали в адрес женщин непристойности и делали похабные телодвижения. Один из пожизненно осужденных обругал

благодушного вида буржуа, который в его глазах был виноват уже в том, что не находился на его месте.

— Что, тебе смешно, да? У, дурак, винная бочка!

Надсмотрщик бросился к каторжнику с поднятой плетью, и ее пеньковый конец ободрал его землистую кожу, и без того испещренную рубцами и кроповодтеками. Женщины в толпе сочувственно вскрикнули. Тем временем на трапе появилась еще одна группа галерников. Каждый из них держал свою шапку в руке. Их губы шевелились, и в нестройном гуле голосов можно было различить слова молитв. Толпа благоговейно замолчала. На пристань сошли двое каторжников, несущих завернутое в парусину тело. За ними следовал капеллан, резко выделяясь своей черной сутаной среди одетых в красные лохмотья подневольных гребцов.

Анжелика жадно впилась в него взглядом. Она не смогла бы с уверенностью сказать, узнаёт ли она этого священника или нет. Со дня их встречи прошло уже десять лет, а ее обстоятельства были таковы, что она смутно помнила его лицо.

Между тем жалкая процессия уже начала удаляться, волоча цепи по камням мостовой. Анжелика дернула Флипо за рукав.

— Пойдешь за этим священником, преподобным отцом Антуаном — так его зовут. Как только сможешь с ним заговорить, скажи ему... Слушай меня внимательно... скажи ему вот что: «ГОСПОЖА ДЕ ПЕЙРАК ЗДЕСЬ, в Марселе, и желает встретиться с вами на постоялом дворе «Золотой рог».

Глава 6

— Входите, отец мой, — сказала Анжелика.

Священник остановился на пороге комнаты, где его ожидала пригласившая его знатная дама, одетая просто, но дорого. Он явно стеснялся своих грубых башмаков и позеленевшей от старости сутаны; тесные и короткие рукава оставляли открытыми его покрасневшие и потрескавшиеся от морской соли запястья.

— Извините меня за то, что я встречаю вас здесь, в моей комнате, — сказала молодая дама. — Я приехала сюда тайно, и мне бы не хотелось, чтобы меня узнали.

Священник сделал жест, означающий, что он все понимает и что ему нет дела до подробностей. Анжелика пригласила его сесть, и он опустился на табурет. Теперь она узнала в нем того аббата, которого когда-то видела сидящим, слегка сутулясь, перед очагом в доме парижского палача. Она узнавала и эту позу оцепеневшего от холода кузнечика, и эти угольно-черные глаза, вдруг загорающиеся, когда он поднимал свои полуопущенные веки.

Сев напротив, она спросила:

— Вы меня помните?

Сурово сжатые губы капеллана на мгновение дрогнули в улыбке.

— Я вас помню.

Он внимательно вглядывался в нее, сравнивая сидящую перед ним женщину с тем растерянным, почти безумным существом с неуклюже выпирающим животом, которое он когда-то видел блуждающим в зимних сумерках возле еще вспыхивающих на ветру углей догоравшего костра.

— Вы ждали тогда ребенка, — мягко заговорил аббат. — Что с ним случилось?

— Это был мальчик, — сказала Анжелика. — Он родился той же ночью. Родился... и уже умер. Ему было девять лет.

Взволнованная напоминанием о маленьком Канторе, она отвернулась к окну. «Его отняло у меня Средиземное море», — добавила она про себя.

Наступал вечер. Крики, пение, громкие оклики доносились с узких улочек Марселя, где в этот час турки, испанцы, греки, арабы, неаполитанцы, негры и англичане во всю предавались веселью и где открывали свои двери таверны и публичные дома.

Где-то неподалеку раздались гитарные аккорды, и мужской голос, звонкий и полный чувства, запел песню. Но все эти звуки не заглушали непрерывного шума моря, и было слышно, как оно гудит рядом с городом, словно огромный пчелиный рой.

Отец Антуан смотрел на Анжелику и размышлял. Эта блистательная красавица ничем не походила на ту объятую отчаянием юную женщину, чей образ сохранился в его памяти. Чувствовалось, что она уверена в себе, опытна и даже в некотором роде опасна. Отец Антуан в который раз изумился тому, как сильно жизнь меняет людей. Он не узнал бы ее и лишь с трудом поверил бы, что это и вправду она, если бы не выражение скорби, которое появилось на ее лице, когда он заговорил о ее ребенке.

Она обратила к нему свой взор, и маленький капеллан сцепил руки на коленях, будто готовясь к схватке. Ему вдруг стало страшно говорить. Сейчас эта женщина заставит его все сказать, и на его плечи ляжет тяжкая ответственность.

— Отец мой, — заговорила Анжелика, — я так и не узнала — и сегодня мне хочется узнать, — каковы были последние слова моего мужа перед сожжением?.. Перед

самым сожжением? — настойчиво повторила она. — В самую последнюю минуту, когда он уже был прикован к столбу, — что он тогда сказал?

Священник недоуменно поднял брови.

— Вот уж поистине запоздалое желание, сударыня, — запротестовал он. — Прошу вас извинить мою забывчивость, но я ничего не могу вспомнить. После этого прошло много лет, и к тому же — увы — с тех пор мне пришлось напутствовать множество других приговоренных к смерти. Поверьте, я не могу вам дать сколько-нибудь точного ответа.

— Что ж, зато я могу! Он ничего не сказал. Он не сказал ни слова, потому что был уже мертв. К столбу приковали мертвеца — другого мертвеца. А моего мужа, живого, унесли через подземный ход, в то время как на глазах толпы на площади огонь делал свое дело, исполняя вынесенный ему несправедливый приговор. Король во всем мне признался.

Она ожидала удивления, заверений в своей неосведомленности, однако отец Антуан был спокоен.

— Вы знали об этом, не правда ли? — почти беззвучно проговорила Анжелика. — Вы все время знали?

— Нет, не все время. Подмена была произведена столь ловко, что у меня не возникло ни малейшего подозрения. На приговоренного надели закрывающий лицо капюшон... Только потом...

— Потом... Где? Когда? ОТ КОГО вы узнали? — Анжелика подалась вперед, задыхающаяся, с горящими глазами. — Вы его видели, правда? — выдохнула она. — Вы его видели... после костра?

— Да, — сказал он. — ДА, Я ЕГО ВИДЕЛ. Слушайте. — И он начал свой поразительный рассказ.

Священник пристально смотрел на ее лицо. Теперь он ее узнавал. Она совсем не изменилась.

Это случилось в Париже, на исходе февраля 1661 года, в ту самую холодную ночь, когда с криком: «Пощади, Пейрак!» — умер, «мучимый демонами», монах Беше.

Отец Антуан молился в монастырской часовне, когда к нему подошел послушник и сообщил, что какой-то бедняк настойчиво просит принять его. Этот бедняк вложил в руку послушника золотую монету, и тот не осмелился вытолкнуть его за дверь. Отец Антуан прошел в приемную. Бедняк стоял, опираясь на грубо сделанный костыль, и его нескладная, почти уродливая тень падала на освещаемые масляной лампой побеленные стены. На нем было подходящее к холодному времени года платье и черная стальная маска. Когда он снял маску, отец Антуан пал на колени и воззвал к небесам, моля Всевышнего избавить его от ужасных видений, — ибо перед ним стоял призрак колдуна, которого на его глазах сожгли на Гревской площади.

Привидение насмешливо улыбнулось, попыталось заговорить, однако вместо слов слышались лишь хриплые, невнятные звуки. Внезапно оно исчезло. Отец Антуан не сразу осознал, что несчастный просто-напросто потерял сознание и лежит у его ног на каменных плитах пола. Движимый милосердием, он подавил в себе страх и склонился над упавшим. Тот был жив, однако близок к смерти. Он исчерпал все свои силы и настолько исхудал, что был подобен скелету, однако, к изумлению отца Антуана, в его тяжелой суме находилось целое состояние в золотых монетах и драгоценностях. Много дней пришелец находился между жизнью и смертью. Отец Антуан, посвятивший в тайну настоятеля монастыря, ухаживал за ним.

— Он был истощен до предела, — рассказывал священник. Невозможно было себе представить, что этот истерзанный палачом человек мог преодолеть

столь длинный путь. От растягиваний на дыбе у него на ноге той, что уже была искалечена раньше, — образовались страшные рваные раны на задней стороне колена и бедра. Они не заживали, потому что он почти месяц шел без отдыха. Поистине, сударыня, такая сила воли делает честь роду человеческому!

«Отныне вы — мой единственный друг», — сказал некогда столь могущественный граф смиренному тюремному капеллану.

Именно об этом маленьком священнике подумал Жоффрей де Пейрак, когда, добравшись из последних сил до своего отеля Ботрей, почувствовал, что умирает от изнеможения. Возвратиться из такого далека лишь для того, чтобы умереть на пороге спасения! Он вышел из отеля через потайную дверь в стене сада, от которой у него имелся ключ, и, с трудом переставляя ноги, дотащился до аббатства ордена лазаристов, где, как ему было известно, жил отец Антуан. Теперь необходимо было устроить его тайный отъезд из королевства. Граф не мог оставаться во Франции. В то время отец Антуан должен был вот-вот уехать из Парижа, чтобы с партией осужденных к ссылке на галеры отправиться в Марсель. Там ему предстояло продолжить свое милосердное служение обездоленным.

Жоффрею де Пейраку пришла в голову счастливая мысль — смешаться с этой партией каторжников и таким образом попасть в Марсель. Здесь он вновь встретился со своим слугой-мавром по имени Куасси-Ба. Золото и драгоценности преподобный отец Антуан спрятал под своей поношенной одеждой и по прибытии в Марсель вернул владельцу. Вскоре граф де Пейрак и его мавр скрылись, совершив побег на рыбацкой лодке.

— И вы их больше никогда не видели?

— Никогда.

— И вы совсем не знаете, что могло случиться с графом де Пейраком после его побега?

— Не знаю.

Анжелика еще раз вопрошающе посмотрела в глаза отца Антуана и, почти пугаясь собственной смелости, спросила:

— Разве несколько лет назад вы не приезжали в Париж, чтобы справиться о моей судьбе?.. Кто вас послал?

— Я вижу, что вы знаете о моем визите к адвокату Дегре.

— Он сам рассказал мне об этом.

Анжелика, затаив дыхание, ждала, что скажет священник, однако он молчал, и она повторила:

— Кто вас послал?

Капеллан вздохнул.

— Этого я так и не узнал — поверьте, я говорю вам правду. Вся эта история случилась несколько лет назад. Я был тогда в Марселе, работал в лазарете для каторжников. Ко мне явился некий арабский торговец, они часто бывают в таком большом портовом городе, как Марсель. Под большим секретом он сообщил мне, что кое-кто желает узнать, что случилось с графиней де Пейрак, и попросил меня съездить в столицу королевства. Адвокат по фамилии Дегре, а также некоторые другие, чьи имена он мне назвал, возможно, сумеют дать мне нужные сведения. За эту услугу он вручил мне кошель с немалой суммой денег. Я взял эти деньги для моих бедных каторжников, но, сколько я ни настаивал, араб ничего не сказал мне о том, кто его послал. Он только показал перстень с топазом, в котором я узнал одну из драгоценностей графа де Пейрака. И я поехал в Париж, чтобы выполнить данное мне поручение. В Париже я узнал, что госпожа де Пейрак стала женой одного из королевских маршалов,

маркиза дю Плесси-Белльера, что она очень богата и что и она и ее сыновья прекрасно устроены при дворе.

— Вас наверняка ужаснула такая новость, перебила Анжелика. — Я вышла замуж вторично в то время как мой первый муж был еще жив! Что ж, быть может, ваша священническая совесть успокоится, когда я вам скажу, что маршал дю Плесси-Белльер был убит при осаде Доля и что с тех пор меня считают дважды вдовой.

Язвительный выпад Анжелики несколько не обидел отца Антуана. Он даже улыбнулся едва заметной улыбкой, сказав, что хоть и повидал на своем веку немало престранных ситуаций, однако должен признать, что для нее Провидение выбрало уж очень извилистый путь. Он глубоко ей сочувствовал.

— Я возвратился в Марсель, — продолжил он свой рассказ, и, когда торговец пришел ко мне опить, я передал ему то, что узнал. С тех пор я уже ничего не слышал об этом деле. Вот и все, что мне известно, сударыня, действительно все.

Горькие сожаления, угрызения совести, уныние переполняли сердце Анжелики. «Он хотел узнать, что со мною стало», — думала она.

— А этот арабский торговец, что вы знаете о нем? — спросила она. — Откуда он прибыл? Вы помните его имя?

Священник наморщил лоб, стараясь вспомнить как можно больше.

— Я сейчас попытался припомнить все подробности, но у меня ничего не выходит. Его звали Мухаммед Раки, и он не был жителем Аравии — это я определил по его одежде. Арабские купцы с берегов Красного моря склонны одеваться на турецкий манер, а те, что живут в берберийских землях, носят широкие шерстяные плащи, называемые бурнусами. Тот араб, который приходил ко мне, был либо из королевства Алжир, либо из королевства Марокко. Это все, что я знаю о его

местожительстве, но такие сведения слишком скудны. Однако я припоминаю, что мы с ним говорили об одном его дяде, чье имя я сейчас вспомнил совершенно точно — Али Мектуб. Речь тогда зашла об одном галерном рабе-бербере, которого я знал и которого этот дядя, человек очень богатый, выкупил из плена, Али Мектуб очень успешно торговал жемчугом, губками и всякими безделушками. Жил он в Кандии и, по всей вероятности, живет там и теперь. Наверное, он сможет дать вам сведения о своем племяннике Мухаммеде Раки.

— В Кандии? — задумчиво прошептала Анжелика.

Анжелика и Флипо обходили порт, надеясь отыскать судно для весьма неблизкого путешествия к средиземноморским островам. Внезапно Анжелика остановилась как вкопанная и протерла глаза. Ей показалось, что она грезит. В нескольких шагах от нее стоял одетый во все черное старичок, и его маленькая фигурка выглядела как-то особенно черно на фоне ослепительно голубого неба. Он неподвижно стоял на краю пристани, погружившись в глубокое раздумье и не обращая ни малейшего внимания на задевающих его прохожих и на играющий его седой бородкой мистраль. Эта залоснившаяся ермолка, пенсне в толстой черепаховой оправе, старомодные брыжи, зонтик из промасленной ткани и пузатая бутылка в стоящей у его ног корзине из ивовых прутьев не оставляли сомнения в том, что перед Анжеликой находился мэтр Савари, аптекарь с парижской улицы Бур-Тибур.

— Мэтр Савари! — окликнула она его.

Старичок вздрогнул столь резко, что едва не упал в воду. Узнав Анжелику, он так обрадовался, что даже стекла его очков заблестели от удовольствия.

— А, и вы здесь, прелестное любознательное дитя! Я так и предполагал, что встречу вас в этом городе.

— Неужели? А между тем лишь невероятный случай привел меня сюда.

— Гм! Тех, кто любит приключения, случай всегда приводит в одни и те же места. Назовите мне хоть один уголок на земле, где бы человека сильнее, чем здесь, тянуло к необыкновенным свершениям. Вы, с вашим честолюбием, должны были непременно явиться в Марсель — у вас это на лбу написано. Чувствуете ли вы этот пьянящий запах, которым пропитан воздух здешних берегов, этот дивный аромат удачных путешествий?

Он вдохновенно простер руки к небу.

— О, пряности, пряности! Вы чувствуете их запах? Эти неуловимые сирены, за которыми гонялись по свету самые отважные мореплаватели... — Загибая один за другим пальцы, он начал решительным тоном перечислять:

— Имбирь, корица, шафран, красный перец, гвоздика, кориандр, кардамон и, наконец, король всех пряностей — черный перец! Черный перец! — повторил он в экстазе.

Анжелика не мешала старому аптекарю грезить о его жгучем величестве — короле перце, потому что в эту минуту к ней подошел Флипо, сопровождаемый бравым верзилой в красной моряцкой шапке.

— Так это вы предлагаете кучу денег тому, кто отвезет вас в Кандию, несчастная вы женщина? А я-то думал, что это какая-нибудь старая дура, которой и терять-то нечего, кроме своих старых костей! У вас что, нет мужа, чтоб вложить в вашу голову хоть крупицу разума? Или, может, вы развратница, раз вам охота окончить свои дни в гареме турецкого султана?

— Я сказала, что желаю ехать в Кандию, а не в Константинополь.

— Да ведь Кандия тоже принадлежит туркам, голубушка вы моя! Там полным-полно евнухов: и

черных, и белых, приехавших как раз для того, чтобы закупить свеженьких милашек для своего господина. Вам еще повезет, если вы доберетесь в эту вашу Кандию и вас не умыкнут по дороге!

— Но ведь вы сами плывете туда, не так ли?

— Плыть-то плыву — что верно, то верно, — но разве я говорил, что я туда доплыву? — пробурчал марселец.

— Вас послушать, так подумаешь, что берберийские пираты поджидают нас у самого выхода из порта.

— Вот именно. Не далее как на прошлой неделе наши моряки видели, как около Иерских островов лавировала турецкая галера. Наш флот недостаточно силен, чтобы их отпугнуть. Так что даю голову на отсечение, вас очень скоро возьмут на примету и все средиземноморские работорговцы: черные, белые и коричневые — бросятся в бой за право продать вас за большущую кучу золота какому-нибудь страдающему одышкой паше. Вон посмотрите туда! Неужели вам хочется, чтобы вас щупали со всех сторон такие вот пугала, вырядившиеся как на карнавал? — И моряк с остервенением ткнул пальцем в сторону приближающегося к причалу толстого турецкого купца и его свиты.

Анжелика с любопытством посмотрела на шествующую перед ее глазами процессию. Это зрелище, привычное для жителей Марсея, было ей в новинку. Огромные, как тыквы, тюрбаны из зеленого или оранжевого муслина, покачивающиеся над смуглыми лицами турок, их одежды из переливающегося атласа, расшитые жемчугом туфли без задников, с загнутыми кверху носками, зонты, которые держали над их головами два негритенка, прикрывая своих хозяев от жарких лучей солнца, — все это намного больше походило на сцену из прелестной комедии, чем на вторжение опасных врагов.

— У них совсем не злой вид, — сказала Анжелика, желая поддразнить марсельца, — и они очень хорошо одеты.

— Ха, не все то золото, что блестит, — отпарировал тот. — Они знают, что тут мы у себя дома. Те торговцы, которые приезжают по своим делам в Марсель, не скупаются на льстивые речи и умеют напустить на себя медовый вид. Но стоит им заплыть за замок Иф — и там уже у них на уме одно пиратство. Нет, сударыня, напрасно вы на меня так смотрите этими вашими глазками. В таком деле я вам не помощник. Пресвятая Дева стала бы меня за это попрекать...

— А меня вы повезете? — спросил Савари.

— Вы тоже едете в Кандию?

— В Кандию и дальше. Я вам признаюсь — я направляюсь в Персию, только это тайна, и ее не следует разглашать.

— А сколько дадите за проезд?

— По правде сказать, я человек небогатый. Могу предложить вам 30 ливров. Но поскольку я владею секретом, стоящим всего золота мира...

— Хорошо, хорошо, я вас понял.

Марсельский капитан сдвинул свои густые черные брови.

— Весьма сожалею, однако ничем не могу вам помочь — и вам тоже, сударыня. Вам, дедушка, потому что у вас не наберется достаточно денег даже на дорогу до Ниццы...

— 30 ливров! — возмущенно воскликнул старый аптекарь.

— Если взять в расчет, чем я рискую, то это сущие гроши. А вам, сударыня, я помочь не могу по той причине, что вы — не в обиду вам будь сказано и при всем моем почтении — привлечете берберийцев к моему судну, точь-в-точь как кусок тухлятины в рыбацкой сети привлекает морских ежей.

И, приподняв с величавым достоинством олимпийского бога свою моряцкую шапку, Мелькиор Панассав (так звали марсельца) направился туда, где был пришвартован его парусник «Жольетт».

— Все они одинаковы, эти марсельцы! — сердито вскричал Савари, — Алчные и расчетливые, как армяне! Ни один не согласится, чтобы ради триумфа науки пострадал его кошелек!

— Все мои обращения к капитанам небольших судов были тщетны, — призналась Анжелика. Они сразу начинают толковать про гарем и рабство. Можно подумать, что в море выходят только за тем, чтобы угодить в плен к турецкому султану.

— Или к тунисскому бею, или к алжирскому дею, или к марокканскому султану, — услужливо продолжил аптекарь. — Увы, в большинстве случаев этим все и кончается. Что ж, кто не хочет рисковать, тот не станет и путешествовать!..

Молодая женщина вздохнула. С самого утра она наблюдала одну и ту же реакцию на свою просьбу — насмешливое удивление, пожатие плечами и отказ. Везти в Кандию женщину? Что за безумие! Да для ее охраны понадобится весь королевский военный флот! Савари тоже никто не соглашался взять на борт, однако по другой причине — у него было мало денег.

— Давайте заключим союз, — предложила ему Анжелика. — Найдите судно, которое отвезет меня в Кандию, и я заплачу и за себя и за вас.

Она сказала старому аптекарю адрес постоянного двора, где остановилась, и, когда тот отправился на поиски, присела отдохнуть на ствол блестящей новенькой пушки.

Эти артиллерийские орудия, во множестве расставленные по всему порту и, несомненно, забытые здесь каким-то интендантским офицером, казалось, были предназначены скорее для того, чтобы служить

скамейками для гуляющих, чем для того, чтобы осыпать ядрами берберийские галеры.

Сидя на этих пушках, кумушки с улицы Канебьер вязали и ожидали возвращения ушедших в море рыбаков, а торговцы раскладывали на стволах и лафетах свои товары.

Ноги у Анжелики ныли, голова болела, будто от солнечного удара. Она с завистью глядела на торговок в широкополых, красиво отделанных соломенных шляпах, защищающих от солнца их классические лица с влажными темными глазами и чувственными, презрительно выпяченными губами. Взирая на мир с величавостью императриц, они предлагали прохожим кто гвоздики, кто морские раковины, осыпая выражениями нежности и горячей приязни тех, кто покупал, и громогласно желая всех бед-тем, кто равнодушно проходил мимо их товара.

— Купите у меня эту треску, — напористо предложила одна из торговок, обращаясь к Анжелике. — Она у меня в корзине последняя. Смотрите, какая блестящая — ну точь-в-точь как новенькое экю!

— Но что мне с ней делать?

— Как что? Съешьте ее! Да что же еще можно сделать с треской?

— Я живу далеко отсюда, и мне не в чем ее нести.

— А вы отправьте ее в желудок — в нем и понесете.

— Как, съесть ее совсем сырой?

— Да нет же, попросите отцов капуцинов испечь ее на жаровне. Вот вам стебелечек чабреца, чтоб было что пожевать, пока рыбка будет поджариваться.

— Но у меня нет тарелки.

— А вы возьмите большую гальку.

— И вилки у меня тоже нет.

— До чего же вы все усложняете, моя милая. Нет вилки? А ваши пальчики — они-то на что?

Чтобы избавиться от настырной торговки, Анжелика в конце концов купила ее треску. Держа рыбину за хвост, Флипо направился к тому месту, где трое монахов-капуцинов устроили на пристани нечто вроде кухни под открытым небом. Беднякам они наливали из котла рыбный суп, а с моряков брали несколько су за право поджарить на одной из двух жаровен их собственную провизию. От жаркого и рыбной похлебки с чесноком и пряностями исходил дразнящий аромат, и Анжелика вдруг поняла, что проголодалась. Все заботы теряли свою остроту, когда, отложив спешные дела, человек вливался в пеструю сутолоку марсельского порта. В этот час сюда, на берег моря, приходили и простые горожане, и даже чопорные буржуа, чтобы насладиться тем удивительным, единственным в своем роде настроением, которое царило в гавани Марселя.

Из остановившегося невдалеке от Анжелики портшеза вышли богато одетая дама и мальчик. Ребенок тут же с завистью посмотрел на уличных сорванцов, прыгающих на кипах хлопка.

— Матушка, можно я тоже с ними попрыгаю? — попросил он.

— Нет, Анастас, и думать об этом не смейте! — возмутилась дама. — Это же маленькие босяки.

— Как же им повезло, — надувшись, буркнул малыш. Анжелика смотрела на него с пониманием, думая о Флоримоне и Канторе. Ее сыновья тоже никогда не были паиньками.

Она с большим трудом уговорила Флоримона не ехать вслед за ней. Ей это удалось только после того, как она убедила сына, что ее отсутствие продлится не более трех, а если повезет, то и двух недель. Вполне достаточный срок для того, чтобы доехать дилижансом до Лиона, спуститься по Роне к Марселю, встретиться с галерным капелланом и вернуться в Париж. Может быть, она даже сумеет попасть обратно в свой отель

еще до того, как королевская полиция заподозрит, что она оттуда скрылась.

«Никогда еще мне не удавалось сыграть с вами такую замечательную шутку, господин Дегре», — подумала Анжелика. Она начала вспоминать свое похожее на сцену из романа бегство из столицы, и сердце ее учащенно забилося. Флоримон не солгал — подземный ход в самом деле находился в отличном состоянии. Каменные средневековые своды, восстановленные под руководством инженера, искусного в проходке и укреплении рудничных штолен, могли еще долго противостоять разрушительному воздействию влаги. Флоримон довел мать до заброшенной, превратившейся в руины часовни в Венсенском лесу, и госпожа дю Плесси-Белльер дала себе слово, что, когда вернется в Париж, непременно ее восстановит. Теперь и она, подобно старому Паскалу, считала, что все должно быть приведено в полный порядок к возвращению хозяина. Но почему же он не возвращался вот уже столько лет? Когда Анжелика обняла на прощание сына, над лесом уже занималась утренняя заря. Она была растрогана. Какой он смелый, как она гордится его умением хранить тайну! Так она ему и сказала перед расставанием. Она смотрела, как крышка люка медленно закрывается над его кудрявой головой. Перед тем как опустить каменную плиту на место, Флоримон с понимающим видом подмигнул матери. Все это было для него игрой, которая опьяняла его своей таинственностью и переполняла сознанием собственной значительности. Расставшись с сыном, Анжелика вместе с несущим ее дорожную сумку Флипо пешком добралась до ближайшей деревни и наняла двуколку, которая довезла ее до Ножана. Там она пересела в дилижанс.

И вот она достигла цели своего путешествия — Марселя, однако теперь перед нею замаячила новая цель — Кандия. Капеллан подсказал ей новый след, но как трудно будет по нему идти, и как легко он может оборваться!

Итак, следующее звено цепи — арабский торговец жемчугом, чей племянник последним видел Жоффрея де Пейрака живым. Однако даже если она найдет в Кандии этого торговца, то могут возникнуть новые затруднения — а поможет ли он ей отыскать своего племянника? Но Анжелика говорила себе: уже то, что дядя-торговец живет именно в Кандии, — счастливое предзнаменование. Ведь она купила должность консула Франции именно на Крите, в Кандии. Правда, она не знала, в какой мере сможет воспользоваться своим консульским званием, ибо в настоящее время нарушала приказ короля. По этой причине, а также по множеству других Анжелика решила, что ей следует как можно быстрее покинуть Марсель, а до того всячески избегать встреч с людьми своего сословия.

Флипо все не возвращался. Неужели нужно столько времени, чтобы поджарить рыбу? Анжелика искала глазами своего юного слугу и увидела, что он разговаривает с каким-то человеком в коричневом кафтане. Тот, похоже, о чем-то его расспрашивал. Флипо выглядел смущенным. Он переминался с ноги на ногу, держа на ладони только что поджаренную дымящуюся рыбу, и по его выразительной мимике было видно, что она его немилосердно жжет. Однако господин в коричневом не спешил отпускать его. Наконец, покачав в сомнении головой, он отошел от Флипо и затерялся в толпе. Анжелика увидела, как Флипо тут же припустил в сторону, прямо противоположную той, где сидела его госпожа. Вскоре он вновь появился в ее поле зрения. Теперь он петлял, словно не желая быть ею замеченным, и тем самым еще

больше привлекал ее внимание. Анжелика поднялась со своего места и догнала Флипо в темном переулке, где он спрятался за выступающим вперед крыльцом дома.

— Что все это значит? — спросила она. — Кто с тобой только что разговаривал?

— Я не знаю. Поначалу он не вызвал у меня подозрений... Вот ваша рыба, госпожа маркиза. От нее еще много осталось. Я ее два или три раза уронил, потому что был не в себе.

— О чем он тебя спрашивал?

— Кто я такой? Откуда? У кого я служу? Я и сказал, что не знаю. «Ну, ну, — говорит он, — ты, что же это, хочешь меня уверить, что не знаешь, как зовут твою хозяйку?» Вот по тому, как он это сказал, как будто хотел уличить меня в чем-то дурном, я и смекнул, что он из полиции. И опять говорю, что не знаю. Тут с него слетела вся его притворная любезность. «А твоя хозяйка случайно не маркиза дю Плесси-Белльер? В какой гостинице она остановилась?» Как бы вы хотели, госпожа маркиза, чтобы я ответил на этот вопрос?

— Как ты ответил?

— Я сказал ему первое название, какое вспомнил: постоялый двор «Белый конь». Это на другом конце города.

— Иди за мной, и побыстрее.

Анжелика торопливо шагала по взбирающимся вверх улочкам, пытаясь понять, что же произошло. Ею заинтересовалась полиция? Почему? Неужели Дегре сразу обнаружил ее побег и послал в погоню своих шпииков? Внезапно ей показалось, что она нашла ответ. Господин де Вивонн видел ее вчера в толпе, когда сходил с корабля. В тот момент он не смог вспомнить имени женщины, чье лицо было ему знакомо, однако потом оно всплыло в его памяти, и он поручил своим слугам ее отыскать. Зачем он это сделал? Из любопытства? Из учтивости? Из-за стремления угодить

королю? В любом случае она не имела охоты с ним встречаться, однако интерес Вивонна к ее особе не вызывал у нее тревоги. Он слишком часто воевал на море вдали от двора, чтобы следить за всеми хитросплетениями придворных интриг, и для него госпожа дю Плесси-Белльер все еще оставалась будущей фавориткой короля. Анжелика успокоилась. Да, вне всякого сомнения, это Вивонн... Если только того человека не послал галерный капеллан, который один знал, что она в Марселе. Может быть, он хочет передать ей еще какие-нибудь сведения об Али Мектубе или Мухаммеде Раки?.. Но в таком случае священник послал бы своего друга на постоянный двор «Золотой рог» — ведь он знал, где она остановилась... Анжелика вошла в гостиницу вся взмыленная, с неровно бьющимся сердцем.

— Да куда ж это годится — доводить себя до такого состояния! — воскликнула хозяйка «Золотого рога». — Ох уж эти парижские дамы — всё бегом, бегом. Пойдемте со мной. Я для вас приготовила рагу из баклажанов с помидорами и положила туда красного перца и чеснока — как раз столько, сколько нужно. А вы расскажите мне, какие вы узнали новости.

Туго набитый кошелек Анжелики внушил хозяйке почти материнские чувства к этой молодой одинокой даме, а также предупредительность, исполненную желанием подействовать. Ее не обмануло наличие у Анжелики всего лишь одного слуги. Она сразу поняла, что ее новая постоялица — знатная дама, привыкшая к тому, чтобы ее обслуживала многочисленная челядь, однако не желающая привлекать к себе внимания. Известное дело — чего не сделаешь ради любви!

— Проходите сюда, — сказала хозяйка. — В этот вот тихий уголок у окна. Вы будете одна за этим столиком, и мои клиенты если и смогут на вас пялиться, то только

издали... Чего бы вы хотели выпить? У меня есть прелестное розовое вино из Вара...

Пышные формы госпожи Коринны образовывали радующие глаз округлости под ее красным сатинетовым корсажем, светло-зеленой юбкой и черным, украшенным вышивкой передником. Ниспадающие из-под плоского чепца завитые и намащенные черные как уголь волосы и две длинные коралловые серьги обрамляли лицо с удивительно белой и чистой кожей. Она поставила перед Анжеликой оловянный кубок и покрытый глазурью глиняный кувшин, холодный и влажный на ощупь.

Анжелика подняла глаза и увидела, что на пороге маленького зала стоит Флипо и делает ей отчаянные знаки. Воспользовавшись тем, что госпожа Коринна повернулась к нему спиной, он опрометью бросился к своей хозяйке и прошептал:

— Он идет сюда!.. Этот злодей, этот легавый, тот, что хуже всех!

Анжелика посмотрела в окно. Неторопливо поднимаясь по идущей вверх улочке, затянутый в облегающий темно-фиолетовый камзол, держа в заведенных за спину руках трость с серебряным набалдашником, к гостинице, с беспечным видом гуляющего, приближался мэтр Франсуа Дегре.

Глава 7

Ни секунды не раздумывая, Анжелика отбросила стул, одним прыжком преодолела две ступеньки, отделявшие ее от большого зала, стремглав промчалась по нему и ринулась к лестнице, ведущей на верхние этажи.

— Иди за мной, — бросила она Флипо. Хозяйка воздела руки к небу.

— Сударыня, что случилось? А как же ваше рагу?

— Пойдемте со мной, — не терпящим возражений тоном сказала Анжелика. — Скорее, скорее в мою комнату. Мне надо с вами поговорить.

Выражение лица и тон знатной постоялицы были столь повелительны, что госпожа Коринна, не требуя дополнительных объяснений, поспешила вслед за ней. Схватив хозяйку за руку, Анжелика втащила ее в свою комнату и, не отдавая себе в том отчета, вонзила ногти в ее заплывшее жиром запястье.

— Слушайте меня! Сейчас в гостиницу войдет мужчина. На нем фиолетовый камзол, а в руках — трость с серебряным набалдашником.

— Может быть, это тот самый, что прислал вам утром записку?

— Что вы имеете в виду?

Госпожа Коринна сунула руку за корсаж и извлекла оттуда письмо на грубой пергаментной бумаге.

— Это письмецо принес для вас какой-то мальчик, когда вы еще не вернулись.

Анжелика выхватила у нее записку и развернула ее. Это было послание от отца Антуана. Он сообщал, что ему нанес визит бывший адвокат Дегре, с которым он имел честь встретиться в Париже в 1661 году. Отец Антуан не видел причин скрывать от него ни приезд

госпожи дю Плесси-Белльер в Марсель, ни ее нынешний адрес. Тем не менее, он считал своим долгом написать ей об этом. Анжелика скомкала теперь уже ненужную записку.

— Это письмо уже не представляет для меня интереса. Слушайте меня хорошенько, госпожа Коринна. Если мужчина, которого я вам описала, спросит вас обо мне, то вы меня не знаете и никогда не видели. Как только он уйдет, придете сюда и скажете мне об этом. Вот вам, возьмите.

Она вложила в руки хозяйки три золотые монеты. Слишком взволнованная, чтобы выразить свои чувства словами, госпожа Коринна многозначительно подмигнула постоялице своим блестящим черным глазом и с заговорщическим видом неслышно выскользнула за дверь.

Анжелика лихорадочно заметалась по комнате, покусывая костяшки пальцев. Флипо смотрел на нее с тревогой.

— Собери мои вещи, — приказала она. — Застегни сумку. И будь готов.

Да, Дегре быстро разыскал ее. Но она не позволит ему схватить себя и в цепях, как невольницу, отвезти к королю. Теперь дорога перед ней была открыта — впереди простиралось море.

На город опускалась ночь, и снова, так же как вчера, в черных расщелинах улиц, сбегаящих к порту, зазвенели струны гитар и зазвучали голоса, воспевающие на провансальском языке любовь.

Она спасется от Дегре, убежит от короля. Море унесет ее далеко отсюда. Бросив ходить по комнате, Анжелика неподвижно застыла в углу у окна, прислушиваясь к звукам, доносящимся из других помещений гостиницы. В дверь тихонько постучали.

— Вы даже свечу не зажгли, — прошептала толстуха-хозяйка, проскользнув в комнату.

Взяв огниво, она высекла искру и зажгла свечу.

— Он все еще там, — продолжила она. — Все никак не уйдет. О, он очень вежливый мужчина, ничего не скажешь, но как он на тебя смотрит! Но со мной эти штучки не прошли, нет уж!

«Как будто я не знаю, кто живет у меня в гостинице! — говорю я ему. — Уж такую даму, как вы мне описали, я бы сразу заметила, если бы она у меня остановилась. Зеленые глаза, такие необыкновенные волосы и все такое прочее! Да такая сюда и носа не казала!» В конце концов, он мне то ли поверил, то ли сделал вид и велел подать ему ужин. Мне показалось, что его заинтересовал маленький зал, где я вам накрывала столик. Он все рыскал по нему и будто что-то вынюхивал своим длинным носом.

«Запах моих духов», — подумала Анжелика.

Дегре узнал ее духи, смесь вербены и розмарина, которые готовил в своем перегонном кубе специально для нее один известный парфюмер из предместья Сент-Оноре. Этот аромат цветущего луга, так хорошо подходивший к ее подобной свежему цветку красоте, был хорошо знаком Дегре — ведь когда-то он вдыхал его прямо с ее тела, которое она позволяла ему целовать и обнимать. Ах, будь проклята эта жизнь, что отдает тебя в лапы таким мерзавцам!

— ... И посматривал на меня своими дьявольскими глазищами, — продолжала между тем госпожа Коринна. — Он сразу разглядел ваши золотые у меня в руке и говорит: «Ого, мамаша, у вас, я вижу, весьма щедрые постояльцы». Тут мне стало не по себе... Этот мужчина, он что — ваш муж, сударыня?

— Нет! — Анжелику передернуло. Хозяйка покачала головой. — Ну, тогда понятно, в чем дело, — Внезапно она насторожилась.

— Кто это сюда идет? Никто из моих постояльцев так не ходит — я знаю походку каждого.

Она чуть-чуть приоткрыла дверь и тотчас ее закрыла. — Он идет по коридору и открывает двери комнат.

Госпожа Коринна с возмущенным видом уперла руки в боки.

— Какая наглость! Ну и задам же я жару этой полицейской ищейке! — Однако она тут же спохватилась. — Ой, нет! А то, пожалуй, будет еще хуже. Знаю я этих полицейских. Пойдешь против них, так, в конце концов, придется вздохнуть да слезы утирать.

Анжелика схватила свою сумку.

— Госпожа Коринна, мне нужно отсюда уйти... Он хочет... Я не сделала ничего дурного.

Она протянула хозяйке кошелек, набитый золотом.

— Идите за мной, — прошептала госпожа Коринна. Втащив Анжелику на тесный балкончик, она сняла боковую решетку. — Прыгайте! Прыгайте! Да, да, вон туда, на соседнюю крышу. Только вниз не смотрите! Вот так, хорошо. А теперь идите влево, там есть лестка. Как спуститесь во двор, постучитесь в дверь. Скажите Марио-сицилийцу, что вы от меня и чтоб он вас отвел к Санти-корсиканцу. Нет, это недостаточно далеко отсюда. Пусть отведет вас к Хуанито, а потом в восточный квартал... А я займу разговором этого любопытного молодчика, чтобы дать вам время уйти.

Добавив еще несколько пожеланий на провансальском наречии, хозяйка скрылась в комнате.

Бегство от Дегре напоминало игру то ли в прятки, то ли в кошки-мышки. Не успевая переводить дух, Анжелика и Флипо выбегали из дверей чердаков на крыши, спускались в колодцы, попадали из них в чьи-то сады, проходили через комнаты, где всем семейством безмятежно ужинали их хозяева, даже не отрывая глаз от тарелок, чтобы посмотреть, кто пришел, выбирались из римского акведука, обходили кругом

древнегреческий храм, раздвигали руками бесчисленные розовые и голубые рубашки, сохнувшие на протянутых поперек улиц веревках, скользили на арбузных корках и рыбьей чешуе, глохли от громогласных, разноязыких криков, пения, окликов и, наконец, совсем запыхавшиеся, добрались до обещанного госпожой Коринной покровителя — испанца Хуанито, который жил на границе восточного квартала. Он уверил их, что теперь они далеко, очень далеко от окрестностей гостиницы «Золотой рог». Может быть, даме нужно еще дальше? Хуанито и Сантикорсиканец смотрели на нее с любопытством.

Анжелика вытерла платком свой мокрый от пота лоб. Тусклый красный свет еще не погасшего заката смешивался на западе с блеском городских огней. Из-за закрытых дверей и опущенных деревянных жалюзи таверн неслась музыка со странным монотонным ритмом. Здесь, за этими дверями, арабские или турецкие грузчики и купцы могли посидеть на мягких восточных диванах, покурить кальян и отведать того черного напитка, который льют из маленьких серебряных чашек на берегах Босфора. Пахло жарящимся мясом, чесноком и еще чем-то душистым и незнакомым.

— Я хочу попасть в адмиралтейство, к господину де Вивонну, — сказала Анжелика, — Вы можете отвести меня туда?

Двои проводников замотали головами, трясая длинными смоляными волосами и кольцами, которые и у одного и у другого красовались в мочке правого уха. Квартал, где находилось адмиралтейство, представлялся им куда более опасным, чем тот зловонный лабиринт, по которому они провели Анжелику. Однако поскольку она заплатила им не скупясь, они подробно разъяснили ей, как туда пройти.

— Ты понял? — спросила Анжелика Флипо.

Паренек отрицательно покачал головой. Он оцепенел от страха. Он не знал законов разношерстного воровского сообщества Марселя, но догадывался, что его члены всегда готовы пустить в ход нож. Если на его госпожу нападут, как ему защитить ее?

— Ничего не бойся, — бросила ему Анжелика.

Этот древний, основанный еще финикийцами город не казался ей враждебным. Дегре не мог распоряжаться здесь так же, как в Париже.

Уже наступила ночь, но с прозрачного ночного неба на город лился слабый синеватый свет, и порой перед Анжеликой возникали смутные очертания остатков античных построек: то одинокой полуразбитой колонны, то римской арки. Среди древних развалин бесшумно, как коты, играли полуголые дети.

Наконец за поворотом появилось изящное, ярко освещенное здание. К парадному подъезду то и дело подъезжали фиакры и кареты, а из открытых окон неслись звуки лютен и скрипок.

Анжелика в нерешительности остановилась и принялась расправлять складки своего платья, гадая, достаточно ли приличный у нес вид. От одной из стоящих у подъезда групп отделился коренастый мужчина. Он направился прямо к Анжелике, как будто именно ее здесь и поджидал. Свет падал на него сзади, и она не могла разглядеть его лица. Подойдя к ней, незнакомец пристально на нее посмотрел и снял шляпу.

— Госпожа дю Плесси-Белльер, не так ли? Да, вне всякого сомнения, это вы. Разрешите представиться — Карруле, королевский уголовный судья в Марселе. Я близкий друг господина де Ла Рейни, и он написал мне о вас, желая сделать ваше пребывание в нашем городе более приятным.

Анжелика между тем, ничуть не стесняясь, разглядывала своего собеседника. У него было благодостное лицо доброго папаши с крупной бородавкой

возле самого носа. Голос господина Карруле так и сочился елеем.

— Я также виделся с его заместителем, господином Дегре, который прибыл к нам вчера утром. Полагая, что вам, возможно, захочется встретиться с господином де Вивонном, с которым, как известно господину Дегре, вы дружны, он поручил мне подождать вас около отеля герцога, чтобы никакое прискорбное недоразумение...

Внезапно Анжелика перестала бояться. Ее охватила ярость. Так, значит, Дегре натравил на нее всю марсельскую полицию, вплоть до съёра Карруле, королевского судьи по уголовным делам, широко известного тем, что любезные манеры не мешали ему действовать весьма круто.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, сударь, — сказала она резко.

Карруле снисходительно хмыкнул.

— Полноте, сударыня, у меня есть довольно точное описание ваших примет.

Прямо на них неслась какая-то карета. Начальник марсельской полиции попятился к стене, Анжелика же, напротив, бросилась вперед, почти под копыта лошадей, и, воспользовавшись тем, что кучер осадил упряжку, смешалась с толпой, входящей в отель герцога де Вивонна. Лакеи с факелами в руках освещали парадную лестницу, ведущую в вестибюль первого этажа. Анжелика поднялась по ней уверенным шагом, затерявшись среди приглашенных гостей. Флипо следовал по пятам за своей хозяйкой, неся ее дорожную сумку. Анжелика со скромным видом дамы, у которой только что сползла подвязка, скользнула в тень под лестницей, ведущей на второй этаж.

— Спрячься, где сможешь, — шепнула она своему юному слуге. — Побудь где-нибудь среди прислуги, но не привлекай к себе внимания. Встретимся в порту завтра утром перед отплытием королевской эскадры.

Постарайся узнать, когда и от какого места она будет отплывать. Если тебя там не будет, я уеду без тебя. Вот тебе деньги. — Она вышла из своего укрытия и тем же уверенным шагом поднялась по одной из мраморных лестниц, ведущих из вестибюля на верхние этажи.

Здесь, наверху, никого не было, поскольку все слуги собрались в гостиных и внутренних двориках первого этажа.

Едва Анжелика ступила на лестничную площадку второго этажа, как в дверях появился полицейский, которого она только что покинула на улице. Любопытство пересилило в ней страх, и, уверенная, что он не сможет ее увидеть, так как наверху темно, она перегнулась через балюстраду и стала за ним наблюдать. Господин Карруле утратил свой довольный вид. Подозвав одного из слуг, он закидал его вопросами. Слуга отрицательно мотал головой. Затем он ушел, и немного погодя в вестибюле, смеясь над какой-то шуткой, появился герцог де Вивонн. Шеф полиции со смущенным видом поклонился. Адмирал королевского флота был лицом весьма значительным. Он пользовался благосклонностью короля, и все прекрасно знали, что сестра герцога — признанная любовница его величества. А поскольку в придачу ко всему этому молодой герцог обладал весьма вспыльчивым нравом, иметь с ним дело было нелегко.

— Что вы плетете? — раздался зычный голос герцога, — Госпожа дю Плесси-Белльер здесь... среди моих гостей? Поищите-ка ее лучше в постели короля, если можно верить последним слухам из Версаля.

По-видимому, господин Карруле продолжал настаивать на своем и что-то объяснять. Вивонн потерял терпение.

— Хватит с меня ваших басен! Она там была, говорите вы, и вдруг ее там больше нет... Да все это вам

просто померещилось... У вас, сударь, галлюцинации... Вам нужно принять слабительное.

Полицейский предпочел с покорным видом удалиться.

Вивонн пожал плечами. Один из его друзей подошел к нему и, по всей вероятности, спросил, в чем дело, поскольку до Анжелики донесся угрюмый ответ:

— Этот мужлан утверждал, что среди моих гостей находится прекрасная Анжелика, последняя пассия короля.

— Госпожа дю Плесси-Белльер?

— Она самая! Упаси меня Бог увидеть в моем доме эту шлюху, эту интриганку!.. Моя сестра сходит с ума от всех унижений, которые ей приходится терпеть по милости этой женщины... Она шлет мне письма, полные отчаяния. Если эта зеленоглазая сирена добьется своего, Атенаис должна будет спустить флаг и Мортемарам придется несладко.

— Неужели она в Марселе, эта красавица, чье очарование так превозносится, что мы все о ней грезим? Я сгораю от желания познакомиться с ней.

— Зря сгораете. Эта женщина — кокетка, жестокая до беспощадности. Воздыхатели, тщетно ищущие ее благосклонности, могли бы кое-что порассказать на сей счет. Она не из тех, кто на пути к намеченной цели будет растрачивать себя на пустые забавы. А ее цель — король... Интриганка... В своем последнем письме моя сестра сообщила мне, что...

Больше ничего нельзя было расслышать, ибо собеседники пошли прочь из вестибюля и вернулись в гостиную.

«Ну, мой милый, ты мне за это заплатишь», — подумала Анжелика, возмущенная тем, что сказал о ней Вивонн.

Она двинулась по темному коридору, проводя руками по его стенам, и, нащупав, наконец, какую-то

дверь, осторожно повернула ручку. В комнате никого не было, свечи не горели, и только из раскрытого окна лился слабый свет. Выбившаяся из сил Анжелика направилась к пышному восточному дивану, покрытому ковром и подушками. Она задела ногой, стоящий на полу медный поднос, и в тишине послышался звон, похожий на звук гонга. Замерен в тревоге, она прислушалась, не идет ли кто-нибудь, потом нашла подсвечник и зажгла свечу, чтобы посмотреть, куда она попала. Судя по всему, эти апартаменты — будуар, спальня и смежная с нею умывальная комната — принадлежали герцогу де Вивонну. Это было жилище моряка, которого судьба щедро осыпает своими милостями на суше. Там и сям валялись подзорные трубы, большие и малые карты и предметы морской формы. Однако в платяном шкафу Анжелика обнаружила внушительное собрание женских платьев и воздушных пеньюаров.

Анжелика выбрала один из них — из белой китайской кисеи с вышивкой. Она умылась в тазу, где для хозяина и его любовницы была приготовлена вода, благоухающая провансальской лавандой, расчесала щеткой свои запылившиеся волосы и, испустив вздох облегчения, завернулась в ласкающий кожу пеньюар. Ступая босыми ногами по пушистым турецким коврам, она возвратилась из умывальной комнаты в будуар. Ее шатало от усталости. Она еще раз на мгновение прислушалась к приглушенным звукам, доносящимся с первого этажа, и рухнула на диван. Да какое ей дело до грядущего и до всех полицейских мира? Сейчас она будет спать.

— Ого! — Этот резкий возглас разбудил Анжелику. Она приподнялась, прикрывая рукой глаза от неожиданно ослепившего ее света. Ого!

Являя собой живое олицетворение крайнего изумления и негодования, у изголовья Анжелики стояла молодая черноволосая женщина с осыпанным мушками лицом. Внезапно она повернулась и со всего размаха влепила кому-то звонкую пощечину.

— Хам! Так вот какой сюрприз вы мне приготовили! Поздравляю! Он прекрасно вам удался. Я ни за что не прощу такого жестокого оскорбления. Я никогда в жизни более не взгляну на вас!

С треском закрыв веер, громко шурша платьем, она вышла за дверь и скрылась из вида. Герцог де Вивонн, держась рукой за щеку, посмотрел сначала на дверь, потом на Анжелику, потом на своего лакея с двумя подсвечниками в руках.

Первым пришел в себя лакей. Поставив подсвечники на столик с выгнутыми ножками, он поклонился своему господину, затем — на всякий случай — Анжелике и, выскользнув в коридор, тихонько прикрыл за собою дверь.

— Господин де Вивонн... мне очень жаль, — негромко промолвила Анжелика с едва заметной виноватой улыбкой.

Услышав ее голос, герцог, похоже, наконец, осознал, что перед ним не призрак, а существо из плоти и крови.

— Значит, это правда... то, что мне рассказал этот болван... Вы в Марселе... в моем доме... Но как я мог предположить?.. Почему вы не представились?

— Мне не хотелось, чтобы меня узнали. Я уже несколько раз чуть было не попала под арест.

Молодой вельможа провел рукой по лбу. Подойдя к небольшому секретеру черного дерева, он откинул крышку и достал графин с коньяком и стакан.

— Итак, за госпожой дю Плесси-Белльер гонится вся полиция королевства! Вы что, кого-нибудь убили?

— О нет, хуже. Я отказалась лечь в постель к королю.

Брови придворного изумленно поползли вверх.

— Почему?

— Из дружеских чувств к вашей милой сестре, госпоже де Монтеспан^[5].

Все еще держа в руке графин, Вивонн озадаченно посмотрел на Анжелику. Затем его напряженное лицо расслабилось, и он громко расхохотался. Налив себе стакан коньяка, он сел рядом с нею на диван.

— По-моему, вы меня дурачите.

— Чуть-чуть. Меньше, чем вы думаете.

Анжелика по-прежнему глядела на герцога с застенчивой полуулыбкой. Ее припухшие со сна веки медленно подымались и опускались над зелеными глазами. Временами она смыкала их совсем, и тогда на гладкую кожу ее щек падали длинные тени от ресниц.

— Ах, как я устала, — произнесла она со вздохом. — Я столько часов ходила по этому городу, сбивалась с пути... Здесь я чувствую себя так, будто нашла, наконец, себе убежище. Простите меня — я сознаю, что повела себя у вас очень нескромно. Я умылась в вашей умывальной комнате и взяла из вашего гардероба этот пеньюар. — И Анжелика указала рукою на кисейное одеяние, обернутое вокруг ее обнаженного тела. Под воздушной белизной ткани угадывались линии ее бедер. Вивонн поглядел на пеньюар, отвел глаза и одним глотком осушил свой стакан.

— Чертовски скверная история, — проворчал он. — Вас разыскивает король, и меня обвинят в том, что я ваш сообщник.

— Господин де Вивонн, уж не поглупели ли вы? — вознегодовала Анжелика. — Я считала вас более заинтересованным в судьбе вашей сестры... от которой немного зависит и ваша. Неужто вы и впрямь желаете,

чтобы я пала в объятия короля, а Атенаис оказалась в немилости?

— Нет, разумеется, нет, — забормотал бедный Вивонн, у которого от этой будто вышедшей из-под пера Корнеля ситуации голова пошла кругом. — Но я также не хотел бы причинить неудовольствие его величеству. Воля ваша — отказывать ему в своей благосклонности, но почему вы в Марселе... и почему пришли ко мне?

— Потому что мне хотелось бы поехать в Кандию.

— Что?! — Вивонн вскочил как ужаленный.

— Вы же завтра отплываете, не так ли? Возьмите меня с собой.

— Чем дальше, тем лучше! Сдается мне, вы сошли с ума. В Кандию! Подумать только! Да вам хотя бы известно, где она находится?

— А вам? Вам хотя бы известно, что я — французский консул в Кандии? У меня там важные дела, и, на мой взгляд, сейчас самое время поехать туда и присмотреть за ними лично, тем более что это даст королю время остудить свою страсть. Разве это не блестящая мысль?

— Какая опрометчивость!.. В Кандию!

Он возвел глаза к небу, как бы отказываясь от тщетных попыток заставить ее умерить свое безрассудство.

— Да, да, я знаю, — подтвердила Анжелика. — Гарем турецкого султана, берберийцы, пираты и так далее и тому подобное... Однако, если я поеду с вами, то мне нечего будет бояться. Что может со мной случиться, если я поплыву в сопровождении французской королевской эскадры?

— Сударыня, — торжественно начал Вивонн. — Я всегда уважал вас безмерно...

— И, может быть, чересчур, — обольстительно улыбаясь, подхватила Анжелика.

Эта реплика выбила молодого герцога из седла. Он пробормотал в ответ что-то невнятное и лишь спустя некоторое время сумел отыскать нить своей прерванной речи.

— Какая разница!.. Гм... Как бы то ни было, я всегда считал вас женщиной разумной, с головой на плечах. И что же? Теперь мне приходится с величайшим сожалением признать, что соображения у вас ничуть не больше, чем у тех молодых особ, которые все выбалтывают прежде, чем действовать, и действуют прежде, чем подумать.

— Наподобие той прелестной брюнетки, которая нас только что покинула. Жаль, что я не смогу объяснить с вашей очаровательной возлюбленной. Она вышла отсюда в ярости и теперь начнет распространять слух, что я здесь.

— Она не знает вашего имени.

— Зато она не преминет описать мою внешность, и те, от кого я желала бы скрыться, поймут, что это я. Отвезите меня в Кандию.

Герцог де Вивонн почувствовал, что у него пересохло в горле. От взглядов Анжелики у него кружилась голова, а перед глазами стоял легкий туман. Подойдя к секретеру, он налил себе второй стакан.

— Никогда! — произнес он, наконец, в ответ на ее последнюю просьбу. — Я человек рассудительный, благоразумный... Сделавшись соучастником вашего побега — а это рано или поздно станет известно, — я навлеку на себя гнев короля.

— И заслужите признательность вашей сестры, не так ли?

— Я наверняка попаду в немилость.

— Вы недооцениваете силу Атенаис, мой дорогой. А между тем вы ее знаете лучше, чем я. Она останется одна перед королем, который питает к ней... вполне очевидную склонность. Она сумела очаровать его,

привязать к себе тысячей любовных привычек, от которых он еще и не думал отказываться. Не кажется ли вам, что ваша сестра достаточно сильна и искусна для того, чтобы снова занять первое место и смело вернуть себе то небольшое, что в последнее время — признаюсь вам в этом — отняла у нее я?

Сдвинув брови, Вивонн попытался обдумать такой поворот событий.

— М-да! — произнес он. Перед его мысленным взором промелькнул ослепительный образ прекрасной дочери Мортемаров, в ушах зазвенел ее язвительный смех и бесподобный голос, и герцог приободрился. — М-да, — повторил он. — На Атенаис можно положиться. — Он покачал головой. — Но вы, вы, сударыня...

Вивонн украдкой поглядывал на Анжелику, и она видела, что, бросая на нее очередной смятенный взгляд, он все более и более проникается сознанием того, что здесь, в его комнате, в этот час находится одна из прекраснейших женщин Версаля, предмет страстного вожделения самого короля. Он рассматривал ее совершенную красоту с чем-то вроде изумления, как будто видел в первый раз. Да, верно, кожа у нее удивительная, другой такой не сыскать — она куда более золотистая, чем у большинства блондинок. А глаза зеленые, светло-зеленые, и в середине — черные-черные зрачки. В Версале, в придворном наряде, она представлялась ему неким идолом, заставляющим бледнеть от ярости его сестру, госпожу де Монтеспан. Но теперь, в мягком, повторяющем очертания тела дезабилье, она казалась необычайно женственной, полной тепла жизни. Впервые Вивонн подумал о короле: «Бедняга! Если это правда, что она ему отказала...»

Анжелика не прерывала затянувшегося неловкого молчания. Ее весьма забавляло держать одного из Мортемаров в напряженном, томительном ожидании.

Немногие могли бы похвастаться такой удачей. Все до единого члены этого семейства славилась даром живого, меткого слова и донельзя вспыльчивым характером. Их можно было либо ненавидеть... либо же, напротив, — обожать — всех, даже самую старшую из них — настоятельницу монастыря Фонтенвро. Ее обрамленное темным покрывалом и монашеским нагрудником лицо, красивое и ясное, как у мадонны, завораживало короля и вызывало восхищение придворных, однако нежная красота настоятельницы не мешала ей обладать пламенной душой, читать полатыни сочинения отцов церкви и твердой рукой удерживать своих монашек на стезе строжайшей добродетели. Вивонн был похож на своих сестер, сочетающих в себе множество драгоценнейших достоинств со множеством худших пороков. Он был так же взбалмошен и беззастенчив, а его речи и поступки граничили то с крайней грубостью, то с чрезмерной любезностью, то с глупостью, то с гением... В конце концов, он все же производил сильное впечатление, и, подобно тому, как Анжелику притягивало к Атенаис некое дружеское чувство — нечто вроде тяготения молнии к магниту, — так и герцог де Вивонн всегда казался ей милым и забавным. Она полагала, что он сделан из более благородного материала, чем прочие дворяне, неотступно следующие за королем и живущие на королевские субсидии.

Анжелика глядела на него, улыбаясь все той же загадочной улыбкой, повергавшей его в смятение, и говорила себе, что в глубине души все-таки любит этих Мортемаров, таких алчных, бешеных и красивых. Медленно подняв руку, она заложила ее за откинутую назад голову и устремила на стоящего перед нею молодого человека насмешливый взгляд.

— Я? — промолвила она.

— Да, сударыня, вы. Вы странная женщина. Разве вы не признались мне, что прилагали усилия, чтобы оттеснить мою сестру? И вдруг вы покидаете двор и даже выражаете желание возвратить ей завоеванное вами. Чего вы добиваетесь? Какие выгоды можете извлечь из этой комедии?

— Никаких. Скорее всего, меня ждут одни неприятности.

— Так чего же вы хотите?

— А разве у меня нет права на каприз, как у любой другой женщины?

— Разумеется, есть. Однако вам следует осторожнее выбирать свои жертвы. Шутки с королем могут далеко вас завести.

Анжелика скорчила гримасу.

— Что поделаешь! Разве я виновата в том, что меня совсем не привлекают замкнутые и обидчивые мужчины, которые не умеют смеяться и приносят в интимные отношения неотесанность, доходящую до грубости?

— О ком вы говорите?

— О короле.

— Ну и ну! Вы позволяете себе судить о нем так, словно...

Вивонн был шокирован.

— Милый мой, когда речь идет о делах алькова, вы уже предоставьте нам право судить о мужчине с позиции женщины, а не подданной.

— К счастью, остальные дамы рассуждают иначе.

— Пусть терпят и скучают, если хотят. В этих делах я могу простить все, но только не скуку. Титулы, милости, почести никогда не казались мне достаточным возмещением за такого рода неволю и принуждение. И то, и другое я охотно оставляю Атенаис.

— Вы... Вы невыносимы.

— Ну что же мне делать — разве я виновата, что всегда предпочитала веселых молодых людей, пылких и горячих... таких, к примеру, как вы? Галантных дворян, которые не жалеют времени на женщин? Мне не нужны мужчины, которые вечно спешат и несутся вскачь к конечной цели, равнодушные к тому, что им попадет на пути. Я люблю тех, кто не ленится срывать придорожные цветы.

Вивонн отвел глаза и брюзгливо сказал:

— Теперь я понимаю, что вам нужно. В Кандии вас ждет любовник, какой-нибудь жалкий лейтенантишка с красивыми усами, который только и умеет, что со знанием дела щупать девок.

— Вы глубоко заблуждаетесь. Я никогда раньше не бывала в Кандии, и никто меня там не ждет.

— Тогда отчего же вы хотите ехать на этот кишачий пиратами остров?

— Я же вам уже сказала — у меня есть там дела. И к тому же такая поездка, на мой взгляд, — отличный способ заставить короля забыть меня.

— Он никогда вас не забудет. Неужели вы считаете себя одной из тех женщин, что легко забываются? — сказал Вивонн, почувствовав, что у него как-то странно перехватывает горло.

— Да говорю же я вам — он меня забудет. С глаз долой — из сердца вон. Разве вы, мужчины, не таковы? Он с удовольствием возвратится к своей Монтеспан, к своему великолепному, испытанному и никогда не иссякающему угощению, и будет счастлив, что у нее всегда... накрыт для него стол. Король — человек не сложный и не сентиментальный.

Герцог де Вивонн не смог сдержать смеха.

— Какую же злобу вы, женщины, питаете друг к другу!

— Поверьте мне, если король узнает о вашей роли в этой истории, он будет вам благодарен за то, что вы

помогли ему излечиться от бесплодной страсти. К тому же ему не придется вести себя подобно тирану и бросать меня в темницу. А когда я вернусь ко двору, пройдет уже достаточно времени. Он сам посмеется над своим гневом, а Атенаис сумеет должным образом оценить ту услугу, которую вы ей оказали, ловко убрав со сцены соперницу.

— А что, если король вас не забудет?

— Ну что ж! Тогда я решу, что мне делать дальше. Может статься, что, поразмыслив, я пойму, что ошиблась. Постоянство короля тронет мое сердце. Я паду в его объятия, сделаюсь его фавориткой и... в этом случае я также вас не забуду. Вот видите, господин придворный, помогая мне, вы обеспечиваете свое будущее и рискуете выиграть, независимо от того, какая из двух лошадей придет первой.

Эти последние слова, произнесенные с легким презрением, задели герцога. Он покраснел до корней волос и надменно спросил:

— Вы считаете меня трусом и лакеем?

— Отнюдь.

— Собственно, дело не в этом, — сурово сказал молодой адмирал. — Вы слишком быстро забыли, сударыня, что я — командующий эскадрой и что миссия, ради которой королевский флот выйдет завтра в море, — это миссия военная, а значит, опасная. Мне поручено от имени короля поддерживать порядок среди той разношерстной публики, что плавает по Средиземному морю. Я получил строжайшее указание — никаких пассажиров и уж тем более пассажиров.

— Господин де Вивонн...

— Нет! — рявкнул герцог. — Да будет вам известно, что на борту моего корабля я хозяин, и я знаю, что мне делать. Крейсирование по Средиземному морю — это вам не прогулка по Большому каналу в окрестностях Версаля. Я сознаю важность порученной мне миссии, и я

убежден, что на моем месте сам король сказал и сделал бы то же самое.

— Вы так считаете?.. А я, напротив, уверена, что король не пренебрег бы тем, что я предлагаю вам.

Она говорила серьезно. Лицо Вивонна опять залилось краской, в висках неистово застучала кровь. Он устремил на нее растерянный, вопрошающий взор. На одну долгую, нескончаемую минуту ему показалось, что вся жизнь сосредоточилась в медленном, плавном колыпании этой женской груди, выглядывающей из кружев декольте. Он обомлел от изумления.

Госпожу дю Плесси считали высокомерной и холодной, и она призналась ему, что капризна. Истинный придворный, герцог никогда и не помышлял, что ему может быть предложено то, в чем отказали королю. Он почувствовал, что у него вдруг пересохли губы, залпом осушил свой стакан и осторожно, будто боясь уронить, поставил его на крышку секретера.

— Давайте объяснимся. Нам нужно лучше понять друг друга — вымолвил он.

— Но... по-моему, мы и так понимаем друг друга как нельзя лучше, — прошептала Анжелика.

Слегка надув губы, она глядела ему прямо в глаза. Словно зачарованный, Вивонн сделал несколько шагов и упал на колени перед диваном. Его руки сомкнулись вокруг тонкого стана. Склонив голову, он благоговейно и страстно припал губами к атласной коже в ложбинке между ее грудями и застыл над загадочным сумраком, откуда исходил пьянящий аромат, аромат тела Анжелики.

Она не делала никаких попыток к отступлению и лишь слегка повела грудью, в то время как ее красивые веки опустились, прикрыв на мгновение блеск глаз. Затем он почувствовал, как она выгибается, отдаваясь его ласкам.

Его охватила безумная страсть, жажда обладать этой золотистой плотью, такой твердой и упругой и в то же время гладкой, как хрупкий фарфор. Его губы жадно целовали ее. Он поднялся с колен, обнимая ее, лаская губами ее круглое гладкое плечо, прильнул к теплой ямочке под ее горлом и почувствовал, что изнемогает.

Обвив рукою его голову, Анжелика нежно положила ладонь на щеку Вивонна и заставила его взглянуть ей в лицо. Ее изумрудные, с синеватым отблеском глаза встретились с его глазами, голубыми и жесткими, как у всех Мортемаров. Но этот Мортемар был ею побежден. Вивонн еще успел подумать, что никогда в жизни не видел такой красоты и не испытывал такого блаженства.

— Вы отвезете меня в Кандию? — спросила она.

— Мне кажется... Мне кажется, что я не смог бы поступить иначе, — хрипло ответил он.

Глава 8

Этому случайному любовнику Анжелика решила явить все свое искусство. Она поклялась себе во что бы то ни стало приворожить его, а такой пресыщенный повеса, как герцог, не удовлетворился бы одними лишь пассивными объятиями.

То ластясь, то заливаясь смехом, то как будто чего-то пугаясь и слегка дичась, она самозабвенно покорялась его воле, а потом вдруг уклонялась от исполнения его очередной просьбы, и тогда, умирая от нетерпения, он тихо умолял ее и уговаривал.

— Не будет ли это нескромным?

— А на что нам скромность?

— Я не знаю... Еще вчера мы едва знали друг друга.

— Неправда! Я всегда вами восхищался и безмолвно вас обожал.

— А я, признаться, считала вас всего лишь занятым. Сегодня вечером я словно увидела вас в первый раз. Вы намного более... волнуете меня, чем я предполагала раньше. И я вас немножко боюсь.

— Бойтесь?

— Ах, эти жестокие Мортемары! О них говорят такое...

— Вздор!.. Забудьте ваши подозрения... милая моя!

— Нет... господин герцог... о, дайте мне перевести дух. Послушайте, я взяла за принцип позволять себе некоторые вещи лишь с тем возлюбленным, которого я знаю очень, очень давно.

— Вы очаровательны! Но я попробую заставить вас отказаться от ваших принципов. Неужели вы считаете, что я на это не способен?

— Может быть... Я уже не знаю.

Они говорили тихим, страстным шепотом в полумраке комнаты, освещенной тусклым, колеблющимся огоньком догорающей свечи, и Анжелика отдавалась страстной и нежной любовной игре, непритворно дрожа в крепких руках, которые гнули и подчиняли себе ее тело. Свеча, вспыхнув в последний раз, погасла, и окутавшая их сообщница-тьма, казалось, подняла ее на гребне волны и понесла дальше и дальше в темном потоке. И она отдалась этому потоку, кружась, ничего не видящая и на все согласная, в вечно новом и неизменно удивляющем ее водовороте сладострастия. Она забыла обо всем, и это придавало искренности ее вздохам в этом радостном и смелом единоборстве и сделало необычайно трогательными признания и стоны, которые исторгало из ее уст наслаждение.

Он заснул, сжимая ее в своих объятиях. Однако, несмотря на усталость и приятное головокружение, будто затягивающее ее в глубины сна, она не дала себе заснуть. Рассвет был уже близко, и она хотела застать тот момент, когда он откроет глаза. Анжелика не доверяла обещаниям мужчин, чье желание уже было удовлетворено. Она продолжала лежать с открытыми глазами, глядя на синюю завесу ночи за окном, из-за которой доносился глухой рокот прибоя, и машинально гладила рукой мускулистое тело спящего с ней рядом мужчины, словно добирая недополученные ею ласки, о которых она когда-то мечтала, живя с Филиппом.

Приближающийся рассвет окрасил небо в светло-серый с сиреневым отливом цвет, цвет шейки горлицы, затем оно побелело и, наконец, стало бледно-зеленым, нежно-переливчатым, как перламутр. В дверь заскребли.

— Господин адмирал, пора, — раздался голос камердинера. Вивонн вскочил с быстротой военного, привыкшего к внезапным тревогам.

— Это ты, Джузеппе?

— Да, господин герцог. Помочь вам одеться?

— Нет, я справлюсь сам. Только скажи моему турку, чтоб приготовил мне кофе.

Сообщнически улыбаясь Анжелике, он добавил, обращаясь к слуге:

— Скажи ему, чтобы принес две чашки и подал пирожных.

Камердинер удалился.

Анжелика улыбнулась в ответ на улыбку Вивонна и коснулась рукой щеки своего любовника.

— Какой ты красивый! — сказала она.

Это обращение на «ты» преисполнило герцога восторгом, близким к испугу. Она отказала в этом самому королю! Он перехватил на лету изящную ручку и поцеловал ее.

— Ты тоже красивая. Мне кажется, что это сон!

В предрассветном полумраке, прикрытая плащом из длинных распущенных волос, она казалась почти девочкой.

— Ты отвезешь меня в Кандию? — прошептала она.

Вивонн изумился.

— Конечно! Неужели ты считаешь меня скотом, неспособным выполнить свои обещания после того, как ты так чудесно исполнила свои? Но нам надо торопиться, ведь мы должны отплыть менее чем через час. Твои вещи с тобой или за ними послать?

— У мола меня должен ждать слуга с моей дорожной сумкой. А пока я кое-что возьму из этого гардероба, где есть все, что может доставить удовольствие даме. Это наряды твоей жены?

— Нет, — ответил Вивонн, помрачнев. — Моя жена и я живем отдельно и больше не встречаемся с тех пор, как в прошлом году эта гадюка попыталась меня отравить, чтобы освободить место для своего любовника.

— Да, действительно, сейчас я вспоминаю. При дворе говорили об этой истории.

Она без всякой жалости рассмеялась.

— Бедняжка! Какое неприятное приключение!

— Я был ужасно после этого болен.

— Сейчас по тебе не скажешь, — ласково заметила Анжелика, погладив его по щеке, чтобы снова развеселить. — Так, значит, это платья твоих любовниц, столь же разнообразных, сколь и многочисленных, если верить слухам. Что ж, с моей стороны было бы грешно на это жаловаться — ведь я найду здесь все, что мне нужно.

Она вновь рассмеялась. Любовные забавы оставили на ее теле пряный аромат, и, когда она попыталась пройти перед ним, он инстинктивно протянул к ней руки, чтобы схватить и прижать к своей груди.

Но она, смеясь, высвободилась из его объятий.

— Нет, монсеньор. Сейчас у нас нет времени. Наверстаем упущенное потом.

— Ах! — вздохнул он, скривив губы. — Не знаю, представляешь ли ты, насколько неудобна жизнь на борту галеры.

— Ну и что? У нас будет достаточно возможностей, чтобы обнять друг друга то тут, то там. Разве на Средиземном море нет гаваней? Нет островов с маленькими бухточками, где голубая вода и берег с мягким песком?..

Вивонн испустил глубокий вздох.

— Замолчи, а то я потеряю голову.

Посвистывая, он натянул шелковые чулки и штаны из синего атласа и, пройдя через спальню, остановился на пороге ванной комнаты. Она уже налила кувшином воду в мраморную ванну и сейчас плескала ее на себя, стараясь побыстрее закончить омовение.

— Позволь мне хоть посмотреть на тебя, — сказал он с мольбой в голосе.

Она снисходительно взглянула на него через мокрое плечо.

— Как же ты молод!

— Нисколько не моложе тебя. Я даже думаю, что я на три или четыре года тебя старше. Если мне не изменяет память, я тебя впервые увидел, когда... да, я уверен — это было, когда король после своей свадьбы въезжал в Париж. В тебе чувствовалась робость и терпкая свежесть двадцатилетней... Мне тогда исполнилось двадцать четыре, и я считал себя опытным парнем. Я только сейчас начинаю понимать, что ничего толком не умею.

— Но я старела быстрее тебя, — шутливо сказала Анжелика. — Я очень старая... Мне сто лет!

Слуга-турок в зеленой чалме с лицом темным, как медовая коврижка, внес в будуар медный поднос, на котором стояли две крошечные дымящиеся чашечки, до краев наполненные черным напитком. Анжелика узнала в нем то питье, которое она пробовала у персидского посла Бахтиари-бея и чьим запахом был пропитан воздух в восточном квартале Марсея. Его едкий вкус ей не нравился, и она едва пригубила свою чашку. Вивонн, напротив, наливал себе еще и еще и наконец, выпив несколько чашек, спросил у слуги, все ли готово к отъезду.

Анжелика почувствовала, что ею опять овладевает панический страх. А что, если полицейские уже начали ее разыскивать и рыщут сейчас по еще не проснувшемуся городу?

К счастью, одна из дверей адмиральского дворца выходила прямо на расположенные по соседству здания арсенала. Пройдя через несколько двориков, можно было добраться до самого мола.

Галеры стояли дальше, на рейде. От них в направлении мола плыла белая с золотом шлюпка. Анжелика глядела на нее, изнемогая от нетерпения.

Камни марсельской мостовой так и жгли ей ноги. В любую минуту здесь мог появиться Дегре, и тогда все ее ухищрения оказались бы напрасными, а надеждам настал бы конец. Она окинула взглядом мол, причалы, доки, порт и подняла глаза вверх, где, окутанный легким туманом, уступами поднимающийся к церкви на вершине холма, виднелся город, похожий в этот час на огромную, искусно украшенную и покрытую позолотой раку святого.

Пока слуги бросали багаж в подошедшую шлюпку, Вивонн беседовал с двумя офицерами.

— Кто это там?

Анжелика обернулась. Из-за сложенных на пристани ящичков с товарами несмело вышли две фигуры и направились прямо к стоящей у причала компании.

Узнав Флипо и Савари, Анжелика облегченно вздохнула.

— Это моя свита, — представила она их. — Мой врач и мой слуга.

— Пусть спускаются в шлюпку. И вы, сударыня, тоже спускайтесь.

Пришлось подождать еще немного, сидя в покачивающейся у мола шлюпке, пока слуги Вивонна ходили за морскими картами, забытыми в адмиральском дворце. Порт просыпался. Рыбаки, таща за собой сети, спускались по лесенкам в свои лодки. Моряки со стоящих на якоре судов сходили на берег, чтобы разогреть свой завтрак у капуцинов, которые устанавливали на пристани жаровню и котел. Откуда-то появилась проститутка, то ли турчанка, то ли гречанка, и пустилась в пляс, взмахивая покрывалами и высоко подымая руки с медными кастаньетами. Ни время, ни место не подходили для того, чтобы звать мужчин к плотским утехам... Быть может, своим танцем она приветствовала новый день, наступающий после гнусной ночи, проведенной ею в трущобах восточного

квартала, Перестук кастаньет, робкий и монотонный, странно звучал на почти безлюдной пристани.

Шлюпочные весла поднялись, низвергая бесчисленные струйки воды, затем опустились, и подгоняемая усилиями гребцов шлюпка заскользила вперед среди плавающего вокруг мусора. Вскоре она достигла более чистой воды, где в волнах отражалась башня Сен-Жан, освещенная первыми лучами восходящего солнца. Анжелика в последний раз посмотрела назад. Уходящий вдаль Марсель как будто съежился, но ей показалось, что она видит идущего по молу человека. Расстояние было слишком велико, чтобы различить его черты, но она почувствовала глубокую уверенность в том, что это Дегре.

«Я победила, господин Дегре», — подумала она торжествующе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
КАНДИЯ

Глава 1

Анжелика задумчиво смотрела, как золотая бахрома, свисающая с драпировки кормового шатра, окунается в гребни волн и играет с пеной в струе кильватера.

Шесть галер королевской эскадры плыли быстро, со свежим ветром в парусах. Их изящные, продолговатые корпуса с великолепными украшениями на обшивке бортов легко скользили по синим волнам. Золоченые деревянные статуи на носгах галер весело рассекали морскую зыбь, а красующиеся на их кормах фигуры тритонов, дующих в раковины, амуров в венках из роз и пышногрудых, как сама Венера, русалок то подымались из воды, ослепительно сверкая на солнце мокрой позолотой, то снова скрывались под волнами.

На мачтах радостно хлопали развеваемые ветром флаги, орифламмы^[6] и вымпелы.

Сзади портьеры кормового шатра были подняты, и внутрь врывался морской воздух, напоенный долетающим с близкого берега благоуханием мирта и мимозы.

Герцог де Вивонн устроил свой корабельный быт на восточный манер. Корму адмиральской галеры устлали ковры, на коврах были разложены подушки и расставлены низкие диваны, а над всем этим был раскинут роскошный шатер, называемый также «табернаклем» и служащий офицерам кают-компанией. Анжелика нашла для себя здесь кое-какой комфорт и предпочитала проводить время в шатре, а не в своей тесной, сырой и темной каюте, расположенной под нижней палубой. Тяжелые драпировки табернакля и шум ударяющихся о корпус галеры волн заглушали

назойливое бухание гонгов галерных приставов и хриплые команды надсмотрщиков.

В нескольких шагах от Анжелики стоял один из младших офицеров — господин де Мильеран и рассматривал побережье через подзорную трубу. Это был почти безусый юноша, рослый и ладно скроенный. Воспитанный своим дедом-адмиралом на культе королевского военно-морского флота и только что оставивший школьную скамью, он был исполнен уважения к преподанным ему принципам и не одобрял присутствия на корабле дамы. Сохраняя при пассажирке угрюмый и высокомерный вид, Мильеран ни разу не сказал ей ни слова и никогда не присоединился к остальным офицерам адмиральского штаба, которые в определенные часы собирались вокруг Анжелики. Не столь суровые, они были только рады, что на судне находится красивая женщина и своим присутствием придает плаванию некоторую пикантность.

Тянущееся невдалеке побережье являло собой сплошную стену из багровых утесов, над которыми высились темно-зеленые горы, покрытые низким кустарником и высохшими душистыми травами. Несмотря на все свое очарование, местность казалась дикой и пустынной. Ни одной черепичной крыши на склонах гор, ни единой лодки в прелестных бухточках, приветливо синеющих среди алых, словно арбузная мякоть, скал. Лишь изредка можно было увидеть маленький городок, окруженный мощными каменными стенами.

В шатер, улыбаясь, вошел герцог де Вивонн, а следом за ним — его раб негритенок, несущий бонбоньерку своего хозяина.

— Как вы себя чувствуете, моя дорогая? — спросил герцог, поцеловав руку Анжелики и усевшись рядом с нею. — Не желаете ли отведать восточных сладостей? Мильеран, что там у вас? Ничего, достойного внимания?

— Ничего, монсеньор, если не считать того, что побережье совсем обезлюдело. Рыбаки уходят из своих уединенных деревушек, напуганные дерзостью берберийцев, которые приплывают сюда ловить для себя рабов. Прибрежные жители предпочитают искать убежища в городах.

— Кажется, мы только что проплыли Антиб, — сказал Вивонн. — Если повезет, сегодня вечером мы сможем воспользоваться гостеприимством моего доброго друга, принца Монако.

— Да, монсеньор, но при условии, что другой наш добрый друг — я имею в виду Рескатора — не потревожит нас, прежде чем мы туда доплывем.

— Вы что-нибудь заметили? — спросил Вивонн, поспешно встав и взяв из рук Мильерана подозрную трубу.

— Нет, не беспокойтесь. Однако именно это и удивляет, если учесть, что мы знаем о Рескаторе.

В шатер зашли старший офицер господин де Ла Броссардьер и еще два офицера: граф де Сен-Ронан и граф де Лаженест. Тотчас вслед за ними появился мэтр Савари. За аптекарем вошел турок, слуга Вивонна, и с помощью сопровождающего его молодого раба начал готовить кофе, пока господа усаживались на подушках.

— Вам нравится кофе, сударыня? — спросил Анжелику господин де Ла Броссардьер.

— Не знаю. Мне еще нужно к нему привыкнуть.

— Когда привыкнешь, то уже не можешь без него обойтись.

— Кофе не дает телесным сокам подниматься от желудка к голове, — с ученым видом заметил Савари. — Магометане любят этот напиток не столько из-за его похвальных качеств, сколько из-за того, что, согласно преданию» он был изобретен архангелом Гавриилом для восстановления сил храброго Магомета. А сам пророк хвалился, будто, выпив кофе, всегда ощущает в

себе такую силу, что способен вышибить из седла сорок мужчин и удовлетворить сорок женщин.

— Так выпьем же кофе! — весело воскликнул Вивонн, бросая пламенный взгляд на Анжелику.

Эти молодые, полные сил мужчины смотрели на нее, не скрывая восхищения. Она была поистине великолепна в своем светло-лиловом платье, оттеняющем матовость ее лица, разгуманенного морским воздухом, и золотистый цвет ее волос. Она улыбалась, благосклонно принимая это мужское преклонение, столь ясно читаемое в обращенных к ней глазах.

— Я припоминаю, что уже пила кофе с персидским послем Бахтиари-беем, — сказала Анжелика.

Молодой раб раскладывал на столике камчатные салфетки с золотой бахромой, турок наливал в изящные фарфоровые чашечки кофе, а негритенок обходил собравшихся, держа в руках две серебряные бонбоньерки, в одной из которых лежали кусочки белого сахара, а в другой — орешки кардамона.

— Возьмите сахару, — посоветовал Ла Броссардьер.

— Натрите в чашку немного кардамона, — добавил Сен-Ронан.

— Пейте очень медленно, но не ждите, пока кофе остынет. Мужчины потягивали черный напиток из своих чашек мелкими глотками. Анжелика выполнила все, что ей посоветовали, и пришла к заключению, что если кофе сам по себе и нехорош, то аромат у него восхитительный.

— Это плавание началось при благоприятных предзнаменованиях, — с довольным видом заметил Ла Броссардьер. — Во-первых, нам выпало счастье видеть на нашем корабле одну из королев Версаля, а во-вторых, я слышал, что Рескатор направился с визитом к

своему сообщнику Мулею Исмаилу^[7], султану Марокко. Без него Средиземное море вновь обретет спокойствие.

— Да кто же этот Рескатор, мысли о котором, похоже, не дают вам покоя? — спросила Анжелика.

— Один из тех разбойников без чести и совести, которых нам поручено преследовать и при удобном случае захватить, — помрачнев, ответил Вивонн.

— Так это турецкий пират?

— То, что он пират, — бесспорно, но вот турок он или нет — этого я не знаю. Некоторые считают его братом султана Марокко, однако другие полагают, что он француз, так как он отлично говорит на нашем языке. Что касается меня, то я думаю, что он испанец. Об этом человеке трудно что-либо сказать наверняка, потому что он всегда в маске. Ношение масок весьма распространено среди ренегатов, которые нередко нарочно себя уродуют, чтобы их не могли опознать. С другой стороны, говорят, что он нем. Утверждают, что ему вырвали язык и вырезали ноздри. Однако кто это сделал? Поэтому вопросу любители средиземноморской светской хроники никак не могут прийти к согласию. Те, кто полагает его Мавром, и притом мавром андалузским, уверяют, что он жертва испанской инквизиции. Те же, кто, напротив, считает, что он испанец, обвиняют мавров. Во всяком случае, он наверняка не красавец, поскольку никто не может похвастаться, что видел его без маски.

— Что, впрочем, не мешает ему иметь некоторый успех у женщин, — смеясь, подхватил Ла Броссардьер. — В его гареме, должно быть, имеется несколько бесценных красоток, за которых он дал на рынке больше, чем смогли предложить агенты самого турецкого султана. Начальник белых евнухов султана — вы знаете этого красавчика кавказца Шамиль-бея — никак не может утешиться после того, как на недавнем

аукционе Рескатор перехватил у него очаровательную черкешенку с голубыми глазами — настоящее чудо красоты.

— От вашего рассказа у меня слюнки текут, — сказал Вивонн. — Но подобает ли рассказывать такие истории в присутствии дамы?

— А я не слушаю, — заверила его Анжелика. — Прошу вас, сударь, продолжайте вашу средиземноморскую светскую хронику.

Ла Броссардьер пояснил, что подробности сделки стали ему известны от судьи Мальтийского ордена итальянца Альфредо ди Васкузо, с которым он повстречался в Марселе. Этот мальтийский рыцарь, возвратившийся из Кандии, куда он лично отвозил на продажу рабов, сохранил прямо-таки эпическое воспоминание об этих торгах, во время которых Рескатор один за другим швырял к ногам черкешенки мешки экю, пока их груда не дошла ей до колен.

— Да, деньги у него есть, уж будьте уверены! — вскричал Вивонн, побагровев до краев парика от одного из тех внезапных приступов гнева, которые иногда с ним случались. — Недаром он именуется Рескатором. Вы знаете, сударыня, что означает это слово?

Анжелика отрицательно покачала головой.

— По-испански «рескатор» — это торговец контрабандным золотом и серебром, фальшивомонетчик. Раньше везде имелись свои «рескаторы» — несколько человек тут, несколько — там. Это были мелкие ремесленники, не представлявшие опасности и не причинявшие особых неудобств. Теперь же есть только один — Рескатор с большой буквы.

Адмирал погрузился в мрачные размышления. Юный лейтенант де Мильеран, который по натуре был чувствителен и застенчив, дерзнул с некоторым опозданием включиться в разговор.

— Вы сказали, что отрезанный нос не мешает ему нравиться женщинам. Но ведь эти пираты имеют дело лишь с купленными невольницами, нередко взятыми ими силой, так что, на мой взгляд, об их мужской привлекательности нельзя судить по числу перебивавших у них женщин. Возьмем, к примеру, самого крупного из здешних работорговцев, алжирского ренегата Меццо-Морте^[8], эту мерзкую, жирную свинью. Тот, кто его видел, ни за что не подумает, что хоть одна женщина могла бы отдаться ему по любви или даже по простому влечению.

— Лейтенант, то, что вы говорите, кажется логичным, — сказал Ла Броссардьер, — и, тем не менее, вы ошибаетесь, и притом ошибаетесь дважды. Начнем с того, что Меццо-Морте, хотя и самый крупный работорговец на Средиземном море, не имеет в своем гареме женщин, ибо предпочитает... мальчиков. Говорят, что в своем алжирском дворце он содержит их более пятидесяти. И напротив, что касается Рескатора, то он, в самом деле, слывет любимцем женщин. Он покупает их во множестве, однако оставляет у себя только тех, которые сами желают у него остаться.

— А что же он делает с остальными?

— Он дает им свободу. У него такая причуда. Как только ему представляется возможность, он освобождает всех рабов: и мужчин и женщин. Не знаю, верно это или нет, — во всяком случае так гласит рассказываемая о нем легенда.

— Как же, легенда, — брюзгливо сказал Вивонн, и на его лице отразилась неприязнь, смешанная с горечью. — Эта самая легенда — не что иное, как чистая правда. Он действительно освобождает рабов — я сам тому свидетель.

— Может быть, он это делает, чтобы искупить грех вероотступничества? — высказала предположение

Анжелика.

— В это нетрудно поверить. Но я считаю, что он освобождает рабов прежде всего ради того, чтобы мутить воду... и чтобы всем вокруг досадить! — гневно выкрикнул Вивонн. — И чтобы позабавиться, да, вот именно, чтобы позабавиться. Грамон, вы были со мной в бою у мыса Пассеро — помните те две галеры, которые он тогда захватил? Знаете, что он сделал с четырьмя сотнями каторжников из их экипажей? Он велел снять с них цепи, а затем попросту высадил их на берег в Венеции. Можете себе представить, как венецианцы благодарили нас за такой подарок! Эта история вызвала дипломатический инцидент, и его величество не без иронии заметил мне, что, позволяя захватывать мои галеры, я мог бы по крайней мере избрать в качестве захватчика обычного торговца рабами.

— Ваши рассказы очень увлекательны, — сказала Анжелика. — Я вижу, что на Средиземном море можно встретить множество весьма колоритных личностей.

— Упаси нас Бог оказаться от них слишком близко! Эти авантюристы и ренегаты, работоторговцы или контрабандисты, заключившие союз с неверными, чтобы подорвать силу Мальтийского ордена и короля Франции, все до единого заслуживают костра. Вы еще услышите о французе маркизе д'Эскренвиле, о датчанине Эрике Янсене, об уже упоминавшемся сегодня алжирском адмирале Меццо-Морте, об испанцах братьях Сальвадор и о прочих, более мелких разбойниках. Средиземное море так ими и кишит. Однако хватит нам обсуждать этот сброд. Сейчас уже не так жарко, и, на мой взгляд, самое время для вас, сударыня, осмотреть галеру. Пойду посмотрю, все ли в порядке там, внизу.

Адмирал вышел. Офицеры попрощались с пассажиркой и вернулись на свои посты.

Когда они вышли из шатра, Анжелика увидела Флипо. Было похоже, что ее юный слуга поднялся по ступенькам трапа бегом. Он тяжело дышал, его лицо покрывала смертельная бледность, а обращенные к хозяйке расширенные глаза блуждали, как у безумного.

— Что с тобой? — воскликнула Анжелика.

— Там... — пролепетал Флипо. — Я видел...

Она подошла к нему и, схватив за плечи, встряхнула.

— Что? Что ты видел? Кого?

Она была настолько уверена, что во время отплытия видела на пристани Дегре, что ей вдруг подумалось, что он вот-вот появится перед нею, как черт из табакерки.

— Да говори же!

— Я видел... видел... каторжников. Ах, госпожа маркиза, мне так нехорошо... Я не могу, не могу вам сказать... Там... там, внизу, среди каторжников, там...

Он икнул, бросился бегом к поручням, и его вырвало.

Анжелика успокоилась. Бедный парнишка просто-напросто страдал морской болезнью, а вид и запах галерных гребцов усилили его недомогание. Анжелика попросила слугу-турка налить Флипо чашечку кофе.

— Оставайся тут, — приказала она ему. — На свежем воздухе тебе станет лучше.

— Ах, Господи, увидеть такое, — все повторял Флипо. — У меня прямо вся кровь застыла в жилах.

Вид у него был затравленный и жалкий.

— Все в порядке, — провозгласил, входя в шатер, герцог де Вивонн, — Через три дня мы будем готовы с честью выдержать шторм. Сударыня, сейчас вы совершите прогулку по галере, на которой столь опрометчиво пустились в плаванье.

Глава 2

Позолоченная решетка и темно-красные портьеры, закрывающие вход в кормовой шатер, отделяли рай от ада.

Едва Анжелика вышла на палубу, в лицо ей ударил тошнотворный запах каторжников. Прямо под нею ряды одетых в красное тел медленно и мерно сгибались и выпрямлялись, и от их непрерывного, монотонного качания вперед-назад начинала кружиться голова.

Герцог де Вивонн подал своей гостье руку, помогая спуститься по ступенькам трапа, а затем двинулся впереди по узкому дощатому настилу.

Этот мостик шел почти вдоль всей галеры. По обеим сторонам его зияли зловонные ямы с рядами скамей для гребцов. Здесь не было ни ярких красок, ни позолоты — только грубо отесанное дерево скамеек, на которых гребли скованные по четыре каторжники.

Молодой адмирал медленно шествовал впереди, прогибая в коленях свои на редкость красивые ноги в красных чулках с золотыми стрелками и осторожно ступая изящными туфлями с обтянутыми алой кожей каблуками по липкому от грязи настилу. На нем был синий с широкими красными отворотами камзол, обильно украшенный вышивкой и перетянутый в талии широким белым поясом с золотой бахромой; из-под камзола виднелись жабо и манжеты из дорогих кружев, а на адмиральской шляпе колыхалось такое количество пышных перьев, что на ветру она напоминала гнездо, полное готовящихся взлететь птиц. Время от времени он останавливался для более тщательного осмотра. У расположенного в середине галеры камбуза, где готовилась пища для гребцов, адмирал задержался подольше. Здесь над небольшим очагом были

подвешены два громадных, окутанных паром котла с постным овощным супом и рагу из черных бобов — обычной пиццей каторжников.

Вивонн попробовал суп, нашел его отвратительным и счел нужным пояснить Анжелике, что устройство камбуза для гребцов было усовершенствовано лично им.

— Прежние котлы весили пять тысяч фунтов. Они были очень Неустойчивы, и при шквалистом ветре ближайших гребцов нередко ошпаривало кипятком. Я велел доставить на галеру более легкие котлы и установить их ниже.

Анжелика рассеянно кивнула в знак одобрения. Исходящий от каторжников тошнотворный смрад, к которому теперь добавился еще и неаппетитный запах варящегося супа, несколько поколебал ее устойчивость к морской болезни. Однако Вивонн, чрезвычайно обрадованный тем, что она рядом с ним, и гордящийся своим судном, желал показать ей все, ничего не пропуская. Она должна была высказать восхищение красотой и прочностью двух спасательных лодок: большой «фелюги» и меньшего по размерам «каика», а также похвалить удачное расположение у фальшборта небольших, стреляющих каменными ядрами пушек.

Во время плаванья солдатам, участвующим в морских сражениях, приходилось постоянно находиться здесь, рядом с пушками в узком пространстве, зажато между фальшбортом и расположенными внизу ямами для гребцов. Тут было так мало места, что Солдаты могли только сидеть: либо на досках, либо на корточках. При этом они должны были как можно меньше двигаться, чтобы не подвергать риску равновесие тяжелого корабля. Единственным Доступным им развлечением было осыпать бранью сидящих внизу каторжников и перекрикиваться со

стражниками и галерными Приставами. Поддерживать среди солдат должную дисциплину было нелегко.

Затем Вивонн пояснил, что гребцов набирают из уголовных преступников и пленников-чужеземцев.

— Галерный гребец должен обладать большой силой, а звание Убийцы или вора само по себе отнюдь не означает, что у тебя достаточно крепкие бицепсы. Осужденные, которых нам присылают из тюрем, мрут как мухи. Поэтому мы также используем турок и мавров.

Анжелика взглянула на ряд гребцов с длинными светлыми бородами. У большинства из них на шеях висели деревянные крестики.

— Эти люди совсем не похожи на турок, и то, что у них на груди, вовсе не напоминает полумесяц.

— Они считаются турками, поскольку принадлежали туркам как пленники. Это русские, купленные нами у турок. Они отличные гребцы.

— А кто вон те, с черными бородами и большими носами?

— Это грузины с Кавказа, которых мы приобрели у мальтийских рыцарей. А вот настоящие турки. Они завербовались добровольно. Из-за их исключительной силы мы берем их на службу в качестве старших гребцов, и во время плаванья они поддерживают среди каторжников дисциплину.

Анжелика видела под собою сгибающиеся людские спины, обтянутые красными каторжными робами. Затем гребцы откидывались назад, являя взору свои землистые, заросшие бородами лица с раскрытыми от напряжения ртами. И еще острее, чем невыносимый запах пота и нечистот, Анжелика ощутила устремленные на нее волчьи взгляды каторжников, вожделенно пожирающих глазами эту женщину, которая возникла над их ямой, как сказочное видение.

Атлас ее платья переливался на солнце, морской бриз шевелил перья широкополой шляпы. Внезапно более сильный порыв ветра приподнял ее юбку и швырнул край тяжелой вышитой материи прямо в лицо ближайшего к мостику каторжника. Тот резко дернул головой и вцепился в подол зубами.

Анжелика вскрикнула от ужаса, пытаясь высвободить юбку. Каторжники дико захохотали.

Подбежал надсмотрщик с поднятой плетью и, спрыгнув вниз, обрушил град ударов на голову несчастного преступника, однако тот не разжал зубов. Длинные грязные космы, свисающие из-под его зеленой шапки осужденного на бессрочную каторгу, наполовину скрывали блеск жадно глядящих на Анжелику черных глаз. В этих глазах, дерзких и свирепых, читался такой властный, настойчивый зов, что Анжелика смотрела в них словно зачарованная. Потрясенная внезапной мыслью, она побледнела. Кровь отхлынула от ее лица. ЭТИ ЖАДНЫЕ, НАСМЕШЛИВЫЕ ВОЛЧЬИ ГЛАЗА БЫЛИ ЕЙ ЗНАКОМЫ.

В яму спрыгнули еще два стражника. Они схватили каторжника в зеленой шапке, разбили ему дубинками лицо, вышибли зубы и окровавленного вновь бросили на скамью.

— Прошу прошенья, монсеньор! Прошу прощения, сударыня! — повторял отвечающий за смену галерный пристав. — Этот мерзавец хуже всех, отъявленный смутьян и зачинщик. Никогда не знаешь, что он сейчас выкинет.

Вивонн был вне себя от гнева.

— Привязать его на час к бушприту^[9]. Несколько погружений в соленую воду остудят его пыл.

Герцог обнял Анжелику за талию.

— Идемте, дорогая. Я сожалею о случившемся.

— Пустяки, — сказала она, взяв себя в руки. — Он меня напугал, но сейчас все прошло.

Они пошли прочь. Внезапно из ямы гребцов раздался хриплый вопль:

— Маркиза ангелов!

— Что он сказал? — спросил Вивонн.

Побелев как полотно, Анжелика обернулась. Вровень с настилом виднелись две скованные руки, тянущиеся в ее сторону, точно ястребиные когти. Из ямы показалось лицо, и внезапно она перестала различать его распухшие, безобразные черты: она видела только одно — черные глаза, глядящие на нее из вдруг ожившего перед нею далекого прошлого.

«Никола!»

Адмирал де Вивонн поддерживал свою гостью до самого кормового шатра.

— Мне следовало быть осмотрительнее с этими собаками, — сказал он. — Безусловно, человек представляет собой неприятное зрелище, когда смотришь на него с мостика над ямой для галерных гребцов. Такие картины не для глаз благородной дамы. Тем не менее, мои прелестные подруги обожают смотреть на гребущих каторжников. Я никогда бы не подумал, что ты такая чувствительная.

— Пустяки, — еле слышно повторила Анжелика.

Ее тошнило так же, как только что тошнило Флипо, когда он, бывший карманный воришка со Двора чудес^[10], узнал Никола-Каламбредена, знаменитого разбойника с Нового моста, которого считали погибшим в схватке на сен-жерменской ярмарке и который скоро уже десять лет искупал свои преступления на скамье королевской галеры.

— Дорогая моя, душенька моя, что с вами? Вы кажетесь печальной.

Герцог де Вивонн подошел к Анжелике, воспользовавшись тем, что застал ее в шатре одну. Она стояла над самой кормой, глядя на догорающий над морем закат, и взгляд у нее был настолько отсутствующий, что он оробел.

Она обернулась к нему и сжала руками его крепкие плечи.

— Обними меня, — прошептала она.

Ей хотелось прижаться к здоровому, сильному мужчине, чтобы отогнать воспоминания о нищете и страшном позоре, которые непрестанно терзали ее уже несколько часов. Неумолчные удары гонга, задающие ритм взмахам весел, падали на ее сердце, словно тяжелые капли, пробуждая в нем отзвуки давнего, бесконечного отчаяния и чувства бессилия перед неумолимой судьбой.

— Поцелуй меня.

Он овладел ее губами, и она пылко ответила на его поцелуй. Ей хотелось уйти от своих мыслей, забыть обо всем. Вивонн целовал ее снова и снова, разгоряченный страстью. Его рука скользнула от ее талии к груди, и он затрепетал, ощутив под своими пальцами ее совершенство, которым не успел еще вдоволь насладиться... Анжелика прильнула к нему.

— Нет... послушай меня, моя милая, — вымолвил он, прерывисто дыша, и разжал обнимающие ее руки. — Только не сегодня вечером, сегодня нельзя. Нужно быть начеку... море беспокойно.

Она не стала настаивать. Потершись лбом о его золотой эполет она слегка оцарапала кожу. Эта слабая боль помогла ей овладеть собой.

— Беспокойно? — повторила она вслед за ним. — Будет буря?

— Нет... Но вокруг нас рыщут пираты. Пока мы не пройдем Мальту, нам придется все время быть настороже.

Он снова прижал ее к себе.

— Я не понимаю, что со мною происходит, когда ты рядом. Ты возбуждаешь во мне страсть... и жгучий интерес... Ты так переменчива, так полна тайн и неожиданностей. Совсем еще недавно ты вся сияла, и мы были как покорные бараны перед чарами твоих глаз и твоих улыбок. А теперь ты мне кажешься слабой, будто подавленной какой-то грозящей тебе опасностью, и мне хочется тебя от нее защитить. Ты знаешь, я никогда раньше не испытывал этого чувства... Разве что к детям. Ведь женщины такие стервы!

Он нежно отстранил ее от себя и облокотился на поручни. Ключья пены с гребней волн порой долетали до его лица и смачивали его губы, горящие от поцелуев Анжелики. Он все еще чувствовал прикосновение ее губ к своим, ощущал их сладость. Он жаждал вновь припасть к ним, почувствовать, как они точно нехотя, поддаваясь принуждению, раскрываются, обнажая гладкие сомкнутые зубы, из-за которых готов вырваться смех, эта преграда, воздвигаемая ею перед его нетерпением, делала еще более радостным ее поражение, когда ее прекрасное лицо с закрытыми глазами наконец запрокидывалось и она отвечала на его поцелуй. Женщина, способная так целоваться!.. Женщина, которая смеется и плачет от сердца, без притворства! Ему нравилась ее чувствительность, ее уязвимость, и в то же время он не мог забыть, что она заставила покориться неукротимую Атенаис, сломив ее теми жестокими и коварными приемами, которые используют друг против друга соперницы, сражающиеся насмерть, без всякой пощады. Он больше ее не понимал, и это повергало его в растерянность. Ему захотелось проверить пришедшую ему на ум догадку, и он ласково сказал:

— Я знаю, отчего ты печальна. С тех пор как я вновь тебя встретил, я со страхом жду той минуты, когда ты

заговоришь со мной об этом. Ты думаешь о своем сыне, не так ли, о том ребенке, которого ты мне доверила и который утонул во время боя?

Анжелика уронила голову и закрыла лицо руками.

— Да, это так, — сказала она глухо. — Мне тяжело видеть это море, такое синее и прекрасное, которое отняло у меня мое дитя.

— Это несчастье — дело рук все того же проклятого Рескатора. Когда мы обогнули мыс Пассеро, он вдруг бросился на нас, как морской орел. Никто не видел, как он к нам приблизился. На его корабле были подняты только нижние паруса, что позволяло ему долго оставаться незамеченным, так как в тот день на море была очень высокая зыбь. Когда мы его заметили совсем близко, было уже поздно: единственный залп его двенадцати бортовых пушек пустил ко дну две наших галеры, и Рескатор уже послал своих мавров на abordаж галеры «Фламанд». Именно на ней находились все мои слуги и домочадцы, и среди них — маленький Кантор. Наверное, его охватила паника: то ли от воплей закованных в цепи каторжников, барахтающихся в своей яме, то ли от вида мавров с кривыми саблями в руках... Конюший Жан Галле слышал, как он кричал: «Отец! Отец!». Один солдат схватил его, чтобы унести...

— И что было потом?

— Галера разломилась пополам и быстро ушла под воду. Взобравшихся на борт мавров смыло в море. Пираты выловили их из воды, а мы вытащили своих, которые уцелели, держась за обломки. Но почти все мои слуги и домочадцы погибли: капеллан, певцы моей капеллы, четверо дворецких и этот милый ребенок, певший как соловей.

Проникший в шатер луч луны осветил лицо Анжелики, и Вивонн увидел, что ее щеки мокры от слез. Он со страстным чувством подумал, что ему нравится

видеть ее плачущей, ее, обладающую такой властью над мужскими сердцами. Он смутно помнил давнюю скандальную историю с каким-то колдуном, которого сожгли на Гревской площади.

— Кто был его отец? Кто был тот, кого звал твой сын? — спросил он внезапно.

— Человек, исчезнувший много лет назад.

— Он умер?

— Вероятно.

— Это удивительно — как человек чувствует, что настал его последний час. Даже ребенок понимает, что сейчас ему предстоит умереть.

Он глубоко вздохнул.

— Я очень любил моего маленького пажа... Ты не слишком сердисься на меня из-за него?

Анжелика слегка пожала плечами — в ее жесте сквозило фаталистское смирение перед неизбежным.

— За что мне сердиться на вас, господин де Вивонн? Вы ни в чем не виноваты. Виновата война, виновата жизнь... такая жестокая и такая глупая!

Глава 3

Перед отплытием из Специи, где родственник герцога Савойского устроил в честь французской эскадры пышный прием, Анжелика заметила некоторое усиление мер предосторожности. При всей своей взбалмошности адмирал де Вивонн умел при случае показать себя предусмотрительным и вдумчивым флотоводцем. Пока вторая галера его эскадры отходила от причала, он наблюдал за ее движением из кормового шатра флагмана «Ройяль».

— Броссардьер, немедленно верните ее назад!

— Но, монсеньор, это произведет крайне неблагоприятное впечатление на итальянцев, которые сейчас любят наши маневры.

— Мне совершенно безразлично, что о нас думают эти пожиратели макарон. Для меня очевидно другое — то, чего вы, похоже, не замечаете: у «Дофин» перегружен левый борт, и груз к тому же размещен слишком высоко. Держу пари, что трюм у нее пуст и при самом легком шквале галера перевернется.

Старший офицер пояснил, что все дело в сложенном на палубе запасе продовольствия. Если погрузить его в трюм, все тут же заплесневеет, и прежде всего мука.

— Пусть лучше заплесневеет мука, чем перевернется галера, как это недавно с нами случилось в самом марсельском порту.

Ла Броссардьер исполнил приказание своего командира. От причала отошла еще одна галера — «Флер-де-Лис».

— Броссардьер, велите просигналить им, чтобы гребцы в средней части галеры больше налегали на весла.

— Это невозможно, адмирал. Вы же знаете, что на этих скамьях сидят мавры с того захваченного нами суденышка, которое перевозило замаскированное серебро.

— Опять нам портят обедню эти приспешники Рескатора! И каковы смутьяны! Передайте галерному приставу, чтоб он удвоил их порцию плетей и давал им заплесневелый хлеб и гнилую воду.

— Все это уже сделано, и лекарь даже говорит, что вам следовало бы оставить на берегу некоторых из них — тех, что слишком ослабели.

— Пусть лекарь не лезет не в свое дело. Я никогда не высажу на берег людей Рескатора, и вы отлично знаете почему.

Ла Броссардьер согласился. Стоило пленным матросам Рескатора оказаться на суше, как все они, включая умирающих, словно по волшебству исчезали. У них не было недостатка в сообщниках — очевидно, из-за того, что их главарь выплачивал крупную награду тем, кому удавалось освободить его людей. Все они были отборные моряки, однако, попав в плен, начинали оказывать пассивное сопротивление, более упорное, чем другие пленники.

— А теперь конец каботажному плаванью, — сказал Вивонн, когда все шесть галер вышли из порта.

Анжелика спросила, что означает это выражение, и герцог объяснил, что эскадра выходит в открытое море.

— А, наконец-то! Мы плывем почти десять дней, и я уже начала думать, что галеры способны плыть только вдоль побережья.

— Поднять паруса на грот-мачтах! — крикнул адмирал. Его приказ был передан от галеры к галере.

Матросы взялись за тросы и блоки, подняли реи, поддерживающие свернутые паруса, и те расправились, наполнившись морским ветром. Анжелика впервые оказалась в открытом море.

Оставшийся позади тосканский берег уже скрылся из вида, и вокруг расстилалась одна только морская гладь.

Лишь около полудня раздался крик боцмана:

— Земля!

— Это остров Горгонцола, — пояснил герцог де Вивонн. — Посмотрим, не укрываются ли там пираты.

Выстроившись полукругом, французская эскадра окружила бесплодный каменистый островок, ощетинившийся по берегу высокими утесами, отчетливо выделяющимися на фоне темно-голубого неба.

Однако если не считать трех генуэзских и двух тосканских рыбацких лодок, чьи хозяева сообща ловили сетями тунца, на острове не обнаружилось никаких следов пиратов. Он был почти совсем гол. Несколько коз объедали редкие, чахлые кусты. Вивонн пожелал их купить, но предводитель рыбаков ответил отказом, сказав, что эти козы — их единственный источник молока и сыров.

— Скажи им, чтобы они доставили нам хотя бы пресной воды, — приказал Вивонн одному из своих унтер-офицеров, который говорил по-итальянски.

— Они говорят, что ее тут нет!

— Тогда перебейте коз!

Прыгая с камня на камень, солдаты ринулись к пасущимся животным и перестреляли их из пистолетов. Вивонн приказал подзвать к себе рыбацкого предводителя, который отказался от денег. Охваченный внезапным подозрением, адмирал велел вывернуть его карманы, и по доскам палубы покатались золотые и серебряные монеты. Вне себя от ярости, Вивонн приказал выбросить рыбака за борт. Тот добрался до своей лодки вплавь.

— Пусть скажут, кто дал им все эти деньги, и мы спустим им несколько сыров и бутылок вина в обмен на их коз. Мы не грабители. Переведи.

Лица рыбаков не выразили ни удивления, ни недовольства. Анжелике они казались будто вырезанными из дерева и закопченными над огнем. От них веяло такой же тайной, как от статуи Черной Девы, которую она видела в маленькой марсельской церкви Нотр-Дам-де-ла-Гард.

— Держу пари, что эти так называемые рыбаки ловят тунца только для отвода глаз и что они явились сюда лишь затем, чтобы сообщить о нашем появлении врагу, который таким образом сможет судить о курсе нашей эскадры.

— Но у них такой безобидный вид.

— Я этих обманщиков вижу насквозь, — с яростью сказал Вивонн, чеканя каждый слог и грозя невозмутимым рыбакам кулаком. — Они служат всем разбойникам здешних мест. Я уверен, что золотые и серебряные монеты им дал Рескатор.

— Вы повсюду видите врагов, — заметила Анжелика.

— Такова моя служба — я охочусь за пиратами. Подошел Ла Броссардьер и показал рукою на заходящее солнце, однако не для того, чтобы привлечь внимание к красоте заката. Багровое небо, по которому скользили длинные фиолетовые, окаймленные золотом облака, внушало ему опасения.

— Через два дня может подуть сильный южный ветер. Давайте приблизимся к берегу — так будет благоразумнее.

— Никогда! — сказал Вивонн.

Побережье принадлежало герцогу Тосканскому, который, клянясь в дружбе с Францией, тем не менее, преспокойно пускал в свой порт Ливорно и англичан, и голландцев, независимо от того, торговали они между собой в данный момент или воевали, и, главное, — привечал берберийцев. Именно в Ливорно находился второй по величине после кандийского невольничий

рынок, и, явившись туда, нужно было либо устроить внушительную демонстрацию французской военной мощи, либо закрыть глаза на торговлю людьми. А поскольку его величество предпочитал поддерживать добрые отношения с герцогством Тосканским, французской эскадре приходилось ограничиваться патрулированием островов.

— Мы поплывем прямо на юг, и госпожа дю Плесси сможет удостовериться, что галеры способны не только выйти в открытое море, но и плыть по нему ночью, и даже не на веслах, а на парусах.

Однако ночью ветер совершенно стих, и эскадра продолжала идти на веслах. Тем не менее, вахты на всех судах были из предосторожности усилены. Работала всего одна смена гребцов, и при свете масляных ламп фигуры ходящих по мостику надсмотрщиков отбрасывали на их спины громадные тени. Остальные каторжники лежали, скованные по четыре, на досках у своих скамей. Среди нечистот, покрытые вшами, они спали тяжелым сном смертельно уставших животных.

В кормовом шатре, на другом конце галеры, Анжелика пыталась не думать о том, кто страдает там, в яме, в нескольких шагах от нее. Она больше ни разу не появилась на мостике и не дала знать Никола, что узнала его. Этот каторжник был частью слишком горестной страницы ее жизни. Ужас и мерзость пережитого ею при Дворе Чудес стерли в ее душе воспоминания о том, что их связывало в детстве. Она разорвала в клочья ту страницу и не позволит случайности воскресить в ее памяти уничтоженный текст. Однако медленно тянущиеся часы плавания были для нее пыткой, и ей не терпелось поскорее прибыть в Кандию.

В темно-синей ночи море как будто слабо светилось — это в волнах отражались огни галер, медленно

следующих за флагманом. При каждом взмахе весел с них стекали посверкивающие струйки воды. На кормах были зажжены фонари — огромные, в человеческий рост сооружения из позолоченного дерева и венецианского стекла, в каждом из которых за ночь сгорало двенадцать фунтов свечей.

Анжелика услышала, как лейтенант де Мильеран докладывает адмиралу, что солдаты жалуются, недовольные необходимостью ночевать на судне. Они провели весь день сидя, тесно прижатые друг к другу, а теперь им предстояло мучиться в этом неудобном положении еще и ночь.

— На что им жаловаться? — удивился Вивонн. — На них нет цепей, сегодня вечером их накормили рагу из козлятины. Война есть война. Когда я был полковником королевской кавалерии, мне случалось спать в седле и с пустым желудком. Им просто следует приучить себя спать сидя. Все зависит от привычки.

Анжелика начала укладывать на диване подушки. Негритенок Вивонна подошел, чтобы ей помочь. Требовать услуг от Флипо было бесполезно — его скрутила морская болезнь.

Негритенок с бонбоньеркой следовал за Вивонном постоянно, словно маленькая тень. Чревоугодие Мортемаров было общеизвестно, и приятная полнота молодого герцога объяснялась его чрезмерным пристрастием к сладостям. Беспрестанно грызя засахаренные орешки и рахат-лукум, Вивонн обдумывал, как избежать во время плавания неприятных случайностей. Он посоветовал своим офицерам немного отдохнуть, и те сейчас спали на брошенных на пол тюфяках, однако сам не последовал их примеру. Он казался чем-то озабоченным и, несмотря на поздний час, приказал вызвать к себе главного комендора. Освещенный фонарем, на корме появился немолодой моряк с седеющими волосами.

— Готовы ли к бою ваши пушки?

— Монсеньор, пушки проверены и смазаны, и я велел перегрузить с баржи на галеры часть зарядных картузов, пороха и ядер.

— Отлично. Возвращайтесь на свой пост. Броссардьер, друг мой...

Вырванный из объятий сна, старший офицер эскадры снова надел парик, расправил манжеты и почти тотчас предстал перед своим адмиралом.

— Сударь?

— Возьмите на себя труд разъяснить шевалье де Клеану, что его баржа должна постоянно находиться в центре эскадры, а не с краю. На ней хранится весь наш запас пороха и ядер, и необходимо, чтобы они бесперебойно доставлялись на суда, если нам придется вести длительный пушечный огонь. И вызовите ко мне начальника стрелкового арсенала.

Тот явился.

— Обеспечьте раздачу мушкетов, пуль и пороха и, главное, не спускайте глаз с десяти камнеметных бортовых орудий. Не забывайте, что, поскольку у нас всего по три носовые пушки на каждой галере, единственной реальной защитой судов в случае внезапной атаки будут камнеметы и мушкеты.

— Все готово, монсеньор. Во время последнего смотра боевой выучки мы четко определили место каждого участника боя.

Вскоре после начальника стрелкового арсенала из мрака вынырнул мэтр Савари и объявил, что селитра в его аптекарском сундучке стала влажной и это предвещает изменение погоды в течение ближайших суток.

— Мне нет нужды в вашей селитре для того, чтобы определить погоду, — недовольно проворчал Вивонн. — Если она испортится, то это произойдет не вдруг, и

надо полагать, что до тех пор на поверхности моря кое-что все же изменится.

— Скажите, монсеньор, вы боитесь, что на нас нападут?

— Мэтр аптекарь, да будет вам известно, что офицер военно-морского флота Его Величества НЕ БОИТСЯ НИЧЕГО. Можете сказать, если уж вам так хочется, что я ожидаю вражеского нападения, и возвращайтесь к своим склянкам.

— Я хотел спросить вас, монсеньор, могу ли я поместить бутыл с моим драгоценным мумие в безопасное место в каюте офицерского совета. Если какое-нибудь шальное ядро ее разобьет... — Да, да, можете делать все, что вам угодно. Герцог де Вивонн подошел к Анжелике и присел рядом с нею на диван.

— Я сильно взбудоражен, — сказал он. — Чувствую — что-то должно произойти. Со мною всегда так было. Когда я был ребенком, в грозовые вечера к моим пальцам притягивало мелкие предметы. Что бы мне такое сделать, чтоб успокоиться? — Он послал да одним из своих пажей, и тот принес лютню и гитару. — Я спою несколько песен в честь этой звездной ночи и любви к дамам.

Брат Атенаис де Монтеспан обладал красивым голосом, несколько высоким, но приятного тембра. Сегодня он был в ударе, и ему великолепно удавались итальянские песни. Стало веселее. Большие, рассчитанные на час песочные часы пришлось перевернуть дважды, прежде чем герцог кончил петь. Едва затих его голос, как тишину заполнил мощный, низкий звук, похожий на рев вдруг налетевшего из-за горизонта штормового ветра. Затем этот звук замер, чтобы тут же послышаться снова, уже тише, и более не смолкал, глубокий и сильный, то разрастаясь, то затихая. У Анжелики побежали по спине мурашки.

— Слушайте, — прошептал граф де Сен-Ронан. — Каторжники поют!

Они пели без слов, не разжимая губ, хором в четыре голоса, и их пение далеко разносилось над морем, звучное, как трубный зов морской раковины, долгое, бесконечное, захлестывающее душу волнами беспредельного отчаяния. Затем послышался одинокий голос, звонкий и еще молодой, поющий припев этой печальной народной песни:

*Мне матушка твердила:
Смири свой нрав, сынок,
Не то тебя, мой милый,
Упрячут под замок.
Я матушке не верил,
И хоть я честно жил,
А все ж меня к галерам
Судья приговорил...*

Песня смолкла. В наступившем безмолвии еще громче показался плеск ударяющихся о корпус галеры волн. Раздался крик матроса:

— В пяти лье, один румб справа, огни неизвестного происхождения!

— Боевая тревога! Погасить фонари! Оставить только ходовые огни! Четирем отделениям гвардейцев — боевая готовность!

Вивонн схватил подзорную трубу, долго молча смотрел в нее, а затем передал Ла Броссардьеру. Тот посмотрел и высказал свое суждение:

— Мы приближаемся к северной оконечности Корсики. Я думаю, этот огонь зажжен на лодке, ведущей ночной лов тунца. Он нужен, чтобы загнать рыбу в центр небольшой рыбацкой флотилии, раскинувшей здесь свои сети. Возьмем на них курс?

— Нет. Корсика принадлежит Генуе, и кроме того, берберийцы никогда или почти никогда не укрываются в бухтах корсиканского побережья. Корсиканцы так рьяно охраняют свою самобытность, что не пускают чужаков к себе в гавани. Все моряки — и законные каперы, и пираты — придерживаются правила обходить этот остров стороной. Так что будем следовать плану, намеченному перед отплытием, и нанесем визит на остров Капрера, владение герцога Тосканского, где, в отличие от Корсики, часто ищут убежище турецкие пираты.

— Когда мы дойдём до него?

— Если погода не испортится, то на рассвете, Броссардьер, вы ничего не слышите?

Они прислушались, с одной из далеких галер донеслось протяжное завывание. Потом оно резко оборвалось. Вивонн выругался.

— Эти собаки-мавры воют на луну!

Ла Броссардьер, имевший многолетний опыт плаваний в водах Леванта^[11] и знакомый с арабскими обычаями, заметил:

— Они вопят от радости. Это их победный клич.

— От радости? Победный клич? Положительно, сегодня ночью гребцы чересчур взбудоражены.

С носового наблюдательного пункта явился адъютант.

— Монсеньор, командир носовых наблюдателей поднимался сейчас на марс^[12]. Он просит вас посмотреть через вашу подзорную трубу на то место, откуда только что, похоже, кто-то подавал сигналы.

Вивонн вновь поднес к глазам подзорную трубу. Ла Броссардьер воспользовался биноклем.

— По-моему, наблюдатель прав, — сказал он. — Сигналы подаются с корсиканской горы Рильяно,

вероятно, для того, чтобы рыбацкая флотилия внизу возвращалась к берегу.

— Да, вероятно, — согласился адмирал с некоторым сомнением в голосе.

В это время завывания гребцов слышались снова. Они доносились оттуда же, откуда и в первый раз, — с галеры «Дофин». В шатер опять вошел Савари и, подойдя к Анжелике, доверительно сообщил:

— Мое мумие в безопасности. Я обложил бутылку соломой и сетями. Надеюсь, она не разобьется. Вы слышали, как мавры с «Дофин» кричат от радости? Им что-то передали с побережья с помощью световых сигналов.

Услышав последние слова, Вивонн схватил аптекаря за старомодные, фасона времен Людовика XIII, брыжи.

— Что им передали?

— Этого я не могу сказать, монсеньор. Мне неизвестен код этих сигналов.

— Почему вы думаете, что они были адресованы маврам?

— Потому что это были турецкие ракеты, монсеньор. Вы заметили голубые и красные огоньки? Я знаю, что это такое, так как работал пиротехником у начальника турецкой артиллерии в Константинополе. Я изготавливал эти ракеты из пороха и солей некоторых металлов, которые при сгорании дают пламя различных цветов. Секрет их изготовления пришел из Китая, но сейчас они применяются во всех странах ислама. Вот поэтому я и думаю, что это турки или арабы подавали сигналы другим туркам или арабам, а поскольку до самого горизонта я не вижу иных мусульман, кроме тех, что на ваших галерах...

— Вы слишком далеко заходите в ваших умозаключениях, мэтр Савари, — с досадой сказал герцог.

К борту галеры подплыл освещенный двумя фонарями каик, Ла Броссардьер тут же крикнул, чтобы матросы на нем потушили огни. Из наступившей темноты послышался голос:

— Монсеньор, у нас на «Дофин» неприятности. Огни на горе взбудоражили мавров на скамьях в средней части галеры.

— Тех самых, которых мы взяли в плен на фелюге, перевозившей контрабандное серебро?

— Да, монсеньор.

— Так я и думал, — процедил адмирал сквозь зубы.

— Один из них все время вскакивает на скамью и выкрикивает какие-то заклинания.

— Что он кричит?

— Не могу вам сказать, монсеньор. Я не понимаю по-арабски.

— Я понимаю, — подал голос Савари. — Он кричал: «Наше освобождение близко!» Именно на этот крик, похожий на зов муэдзина, другие мавры отвечали воплями радости.

— Приказываю схватить и казнить смутьяна!

— Как, монсеньор? Через повешенье?

— Нет. У нас на это нет времени, и к тому же вид его тела, болтающегося на рее, может побудить к действиям других фанатиков. Всадите ему пулю в затылок, а труп бросьте в море. Каик отошел. Немного погодя прогремели два выстрела.

Анжелика плотнее запахнула плащ. Ей было холодно. Дул внезапно поднявшийся ветер.

Адмирал еще раз оглядел побережье, однако все опять было покрыто тьмой.

— Поднять паруса! Грести всем трем сменам! Если повезет, к утру мы будем около Капреры. Там возьмем на борт коз — их на этом острове уйма, — наберем пресной воды и запасемся апельсинами.

Анжелика думала, что не сможет заснуть, однако ей все же удалось ненадолго забыться, потому что внезапно она осознала, что уже начинается день.

На фоне перламутрового рассветного неба из воды поднимался остров. Он заслонял собою восходящее солнце и, окруженный с трех сторон бледно-золотистым с голубовато-сиреневым отливом небосводом, казался сплошной мутно-синей громадой, отражающейся в почти неподвижной поверхности моря.

Анжелика увидела, что кроме нее в шатре никого нет. Она расправила юбку, привела в порядок волосы и вышла подышать свежим утренним воздухом. Офицеры штаба были на носу. Молодая женщина в нерешительности остановилась перед мостиком, идущим над скамьями гребцов. Заметив ее, лейтенант де Мильеран любезно поспешил ей навстречу и провел на нос галеры.

Герцог де Вивонн, явно пребывающий сегодня в отличном расположении духа, протянул Анжелике подзорную трубу.

— Поглядите, сударыня, какой очаровательный, приветливый остров! Обратите внимание — у подножья этих вулканических скал не видно пены прибоя. Это означает, что мы подойдем к берегу при полном безветрии и нам ничто не помешает.

Приноровившись наконец к подзорной трубе, Анжелика вскрикнула от восторга. Перец нею открылась маленькая бухта с глубокой лиловой водой. Над бухтой резвились чайки.

— А что это такое — тот яркий огонек слева? — спросила она. Не успела она произнести эти слова, как огонек взвился в небо и, потухая, вновь опустился на землю.

Офицеры переглянулись. Мэтр Савари невозмутимо сказал:

— Еще одна сигнальная ракета. Вас здесь ждут.

— Приготовиться к бою! — крикнул в рупор Вивонн.
— Комендорам — занять места у пушек! Мы пробьем себе дорогу! Какого черта, у нас же целый флот!

Перекрывая шум ветра, с галеры «Дофин», идущей впереди, довольно близко от флагмана, слышался вой гребцов.

— Заткните глотку этой сволочи!

Однако тотчас вслед за этой командой пронзительный, заглушающий все остальные шумы голос монотонно затянул:

— Ля-илляхи-илла-Алла, Ва-Мохаммадун-расулу-Алла^[13].

Наконец все смолкло. Герцог де Вивонн продолжал отдавать приказы:

— Сигнальте сбор! Выстраиваемся сообразно величине и маневренности судов. Надо постараться, чтобы баржа все время находилась в центре, так как на ней — боеприпасы для нашей артиллерии. Я также пойду в центре, недалеко от баржи, чтобы следить за обстановкой. Галеры «Дофин» и «Фортюн» пойдут в авангарде, «Люронн» — на левом фланге. Три остальные галеры следуют полукругом сзади.

— Флаг на скале! — крикнул впередсмотрящий. Вивонн посмотрел в подзорную трубу.

— Там два флага. Один белый, но полотнище не надето на древко — его держит в руках человек. Таким сигналом объявляют войну христиане. Второй флаг красный, с белой каймой, а герб на нем... Как странно: мне кажется, я вижу герб Марокко. Да это... это неслыханно!

— Я понимаю, что вы имеете в виду, монсеньор. Среди берберийцев не заведено поднимать флаг заранее, и они никогда не поднимают рядом со своим знаменем белого флага. Белым флагом как сигналом

объявления боевых действий пользуются только христиане.

— Ничего не понимаю, — задумчиво сказал Вивонн.
— Хотел бы я знать, кто наш противник.

Несмотря на волнение на море, галеры сблизилась, идя одна за другой с частично убранными парусами, и начали выстраиваться в боевой порядок, держа курс на скалу у входа в бухту.

В эту минуту перед эскадрой появились две турецкие фелюги. Это были всего-навсего парусные лодки, но у них было некоторое преимущество перед галерами — ветер дул им в корму.

Адмирал передал свою подзорную трубу Ла Броссардьеру, а тот, взглянув на фелюги, предложил ее Анжелике. Однако она уже воспользовалась другой трубой, старой и очень длинной, в позеленевшем медном корпусе, которую извлек из своего багажа мэтр Савари.

— Я вижу в этих лодках только негров и несколько грозных на вид мушкетов, — сказала она.

— Это вызов, и вызов наглый! Вивонн принял решение:

— Поручите «Люронн» — она у нас самая легкая — догнать их и потопить. У этих олухов даже нет пушек!

Получив сигнал, «Люронн» ринулась в погоню за фелюгами. Вскоре бухнул пушечный выстрел. Анжелика поспешно сунула подзорную трубу Савари и заткнула руками уши.

Ядро не попало ни в одну из фелюг. Они уходили в открытое море.

Вот они оказались на линии огня «Конкорд» и «Флер-де-Лис», и те, соблазненные легкой добычей, изменили курс, чтобы ближе подойти к мишени. Прогремело еще несколько пушечных выстрелов.

— Попали!

Треугольный парус одной из фелюг лег на воду. Через несколько секунд ее корпус с экипажем исчез под водой. На гребнях волн замелькали черные головы уцелевших. Вторая фелюга попыталась развернуться, чтобы подплыть к ним, однако в нее полетели ядра с взявших ее в клещи «Флер-де-Лис» и «Конкорд», и она была вынуждена опять обратиться в бегство.

— Bravo! — сказал адмирал. — Приказываю всем трем галерам вновь взять курс на вход в бухту.

Галеры, отошедшие уже довольно далеко, начали разворачиваться. Из-за волнения на море этот маневр удавался им с трудом. Предначертанный адмиралом боевой порядок несколько смешался.

В это время с грот-мачты раздался громкий крик вперёдсмотрящего:

— По правому борту военный шебек^[14]! Он нас атакует!

Глава 4

У входа в бухту показался идущий на всех парусах корабль. Он быстро плыл между скалами наперерез эскадре.

— Повернуться к противнику носом! — зычно скомандовал Вивонн. — По моей команде — залп из трех носовых орудий. Огонь!

От сильного толчка громоздкая центральная пушка откатилась назад. В ноздри оглушенной выстрелом Анжелике ударил едкий запах пороха. Из клубов дыма одна за другой неслись краткие, четкие команды.

— Камнеметы правого борта — к бою! Шебек превосходит нас в скорости. Дать залп из всех мушкетов и по местам к повороту для залпа из камнеметов. Огонь!

Гром выстрелов слился с еще не затихшим эхом залпа носовых пушек. Однако шебек, избежавший попадания чугунных ядер, был еще недосягаем для мушкетных пуль.

Савари разглядывал его в подзорную трубу с довольным видом натуралиста, рассматривающего через увеличительное стекло муху.

— Прекрасное судно! Сделано из сиамского тика. Это дерево очень ценное. На стволе кольцом срезают кору, и за пять лет оно засыхает на корню. Затем его семь лет сушат под навесом и только после этого распиливают на доски. На грот-мачте белый флаг, на корме — знамя короля Марокко, и в центре еще один флаг — красный с серебряным щитом посередине.

— Флаг монсеньора Рескатора, — желчно сказал Вивонн. — Ну, конечно же, можно было смело держать пари, что это именно он!

Сердце Анжелики затрепетало. Так, значит, перед нею — тот самый грозный Рескатор, из-за которого погиб ее сын и которого, похоже, страшатся — и притом с полным основанием — доблестные офицеры его величества. Вивонн и Броссардьер, обмениваясь впечатлениями, пристально наблюдали за маневрами Противника.

— У этого чертова Рескатора новое судно. Великолепные линии! Очень низкая осадка — нашим пушкам трудно достать его при навесной стрельбе. Вот почему мы промахнулись, когда он был у нас спереди. Двадцать две пушки. Проклятье!

Из открытых портов^[15] шебека выглядывали блестящие жерла пушек и стлались струйки дыма, свидетельствующие о том, что комендоры находятся на своих местах, готовые зажечь фитили по первому приказу.

На вантах^[16] вражеского корабля взвились сигнальные флажки: «Сдавайтесь, или мы вас потопим».

— Каков наглец! Неужели он думает, что ему удастся так просто напугать французский флот? Расстояние слишком велико, чтобы он мог нас потопить, «Конкорд» приближается, и он скоро окажется на линии ее огня. Поднять на носу белый боевой флаг, а на корме — королевские лилии!

Вражеский корабль тотчас поменял курс и начал описывать дугу, чтобы уйти из-под огня пушек, находящихся на обращенных на восток, к берегу, носах французских галер. Он плыл очень быстро, на всех парусах, Грянули пушечные выстрелы — это стреляли «Флер-де-Лис» и «Конкорд», возвращающиеся из погони за фелюгами-приманкой и пытающиеся теперь поразить из своих пушек напавший на эскадру пиратский корабль.

— Промах! — констатировал раздосадованный Вивонн и извлек из бонбоньерки несколько засахаренных фисташек.

— Теперь надо быть начеку. Скоро он вновь бросится в атаку и попытается нас потопить. Повернуться к неприятелю носом!

Галера сделала поворот. На несколько секунд над палубой повисла давящая тишина. Слышались только мерные удары гонгов галерных приставов, напоминающие глухой стук охваченного томительной тревогой сердца.

Но вот пиратский шебек рванулся с места и, как и предсказывал французский адмирал, помчался навстречу эскадре.

Он пронесся сквозь ее боевые порядки, точно морской орел, и, оказавшись далеко позади всех французских галер, вдруг резко остановился и, переставив паруса, повернулся к эскадре бортом.

— Он превосходный мастер маневра, этот проклятый пират, — проворчал Ла Броссардьер. — Жаль, что он наш враг.

— По-моему, вы выбрали неудачный момент для восхваления его мореходного искусства, господин де Ла Броссардьер, — сухо заметил Вивонн. — Комендоры, вы перезарядили пушки?

— Да, монсеньор.

— Итак, по моей команде — залп из всех орудий. Мы стоим к нему носом, а он подставил нам свой борт. Как раз удобный момент.

Однако первыми выстрелили двенадцать пушек правого борта шебека:

Из моря ударил громадный фонтан, скрыв вражеское судно за завесой пены. В воздух взлетели обломки. До флагмана «Ройяль» докатился оглушительный грохот взрыва, затем на скамьи гребцов обрушилась гигантская волна, переломив на своем

пути, будто хрупкие тростинки, многие весла левого борта.

Промокшая до нитки Анжелика цеплялась за поручни медленно выравнивающейся галеры.

Герцог де Вивонн, которого удар волны опрокинул на палубу, уже успел снова вскочить на ноги.

— Ничего страшного, — сказал он. — Он в нас не попал. Мою трубу, Броссардьер. Мне кажется, что...

Внезапно он замолчал и застыл с раскрытым ртом, растерянный, не желающий верить своим глазам.

На том месте, где только что была баржа с боеприпасами, кружился огромный водоворот, затягивающий в себя обломки досок и весел. Баржа вместе с сотней каторжников, командой и — главное — четырьмястами тоннами ядер, зарядных картузов и картечи пошла па дно.

— Весь наш запас боеприпасов, — беззвучно вымолвил Вивонн. — Проклятый разбойник! Мы попались в его ловушку. Он метил не в нас, а в баржу. Погнавшись за фелюгами, галеры оставили ее без прикрытия. Но мы его тоже потопим... непременно потопим! Партия еще не окончена.

Молодой адмирал сорвал с головы свою мокрую шляпу и пропитанный морской водой парик и зло швырнул их на палубу.

— Приказываю галере «Дофин» выдвинуться на передовой рубеж. Ее пушки еще не стреляли и боевой запас не расходовался.

Вражеский корабль выжидал, непрестанно маневрируя на одном месте и обращая к французской эскадре то нос, являющий собой наиболее узкую мишень, то левый борт с заряженными, готовыми к выстрелу пушками.

«Дофин» выдвинулась вперед довольно быстро. Анжелика отметила про себя, что именно на этой галере находятся захваченные в плен сообщники

Рескатора, те самые, которые ночью горланили что-то нараспев по-арабски и чей вожак тогда же был казнен. Весьма неразумно использовать их в бою со сложными маневрами.

Еще не успев додумать свою мысль до конца, она увидела, как длинные весла гребцов, сидящих в средней части галеры, вдруг поднялись не в такт и перепутались между собой. «Дофин», которая в эту минуту заканчивала поворот, содрогнулась, затрепетала точно раненая птица, затем резко накренилась и опрокинулась на левый борт. Послышались вопли, зловещий треск дерева и, перекрывая все, — пронзительные возгласы мавров.

— Всем галерам спустить на воду фелюги и каики для оказания помощи!

Лодки спускались медленно. Анжелика отвернулась и закрыла глаза руками. Она больше не в силах была смотреть на медленно переворачивающийся корабль. Большинство матросов и все каторжники были обречены на смерть внутри корпуса «Дофин». Одни из них будут раздавлены, другие — захлебнутся. Солдаты, сброшенные с палубы в море, отчаянно барахтались, наполовину парализованные своим тяжелым снаряжением, саблями и пистолетами, и истошными криками звали на помощь.

Когда молодая женщина решилась вновь открыть глаза, она увидела высокие мачты и десять белых, полощущихся па ветру парусов. Теперь шебек находился не более чем в одном кабельтове ^[17] от адмиральской галеры. Можно было видеть блестящую, будто лакированную обшивку его плавно покачивающегося на волнах корпуса и разглядеть смуглолицых мавров в широких белых плащах, из-под которых виднелись разноцветные, яркие кушаки. Держа

в руках мушкеты, они густо облепили поручни по всей длине борта от носа до кормы.

Впереди, окруженные охраной из вооруженных кривыми саблями мавров в зеленых тюрбанах, неподвижно стояли два человека. Глядя через подзорные трубы, они внимательно рассматривали флагманскую галеру «Ройяль».

Поначалу Анжелика подумала, что, несмотря на их европейское платье, они тоже мавры, так как их лица показались ей темными. Однако затем она увидела, что руки у обоих белые, и поняла, что они в масках.

— Видите того, самого высокого, одетого в черный костюм и белый плащ? — глухо произнес стоящий рядом с Анжеликой Вивонн. — Это он, Рескатор. Второй — его помощник по имени или, скорее, по прозвищу капитан Ясон. Гнусный авантюрист, однако умелый моряк. Подозреваю, что он француз.

Анжелика протянула дрожащую руку к подзорной трубе Савари. В мутноватом кружке окуляра двое пиратских главарей показались ей еще более несхожими меж собой, чем Санчо Панса и Дон-Кихот, однако вид этой пары не располагал к улыбке.

Капитан Ясон был коренастый мужчина, одетый по-военному в перетянутую кожаной портупеей куртку с отворотами. Висящая на портупее длинная сабля била его по сапогам. Он составлял полную противоположность длинному, худому Рескатору. На том был черный, немного старомодный костюм испанского покроя, облегающие сапоги с узкими, отделанными золотыми кисточками отворотами, на голове — повязанный на корсарский манер красный платок и поверх него — широкополая черная шляпа с красным плюмажем.

Однако в своей одежде он также отдал дань исламу — за его спиной развевался на ветру широкий белый, расшитый золотом шерстяной плащ.

Анжелика с содроганием подумала, что он похож на Мефистофели. От всего его облика исходило нечто колдовское.

Был ли он так же неподвижен и бесстрастен, когда глядел на уходящую под воду галеру, ту галеру, на которой, простирая руки к небу, звал своего отца ее ребенок?

— Да чего же вы ждете? Почему его не топите?! — вскричала Анжелика в крайнем возбуждении.

Она забыла, какое горестное зрелище разыгрывается рядом с нею. «Дофин» еще не перевернулась вверх килем. Ценой героических усилий матросам удавалось удерживать ее на боку, однако было очевидно, что галеру невозможно выровнять. Ее корма черпала воду, и, несмотря на работу помп, «Дофин» медленно погружалась в море.

С борта шебека спустили на воду каик. В него сел помощник Рескатора.

— Они просят принять парламентаря, — удивленно сказал Вивонн.

Вскоре корсар взобрался на борт «Ройяль» и, представ перед офицерами, отвесил им низкий восточный поклон.

— Мое почтение, господин адмирал, — произнес он на безукоризненном французском языке.

— Я не здороваюсь с ренегатами, — ответил Вивонн.

Не прикрытые черной маской губы пирата дрогнули в странной улыбке. Он перекрестился.

— Я и мой господин, монсеньор Рескатор, — такие же христиане, как и вы, сударь.

— Христианам нет нужды командовать экипажем из неверных!

— Наш экипаж состоит из арабов, турок и европейцев точно так же, как и ваш, сударь, — парировал Ясон, бросив взгляд на гребцов в яме. —

Единственная разница в том, что на наших людях нет цепей.

— Довольно разговоров! Что вы нам предлагаете?

— Дайте нам освободить и взять к себе па борт наших мавров, которых вы держите в плену на галере «Дофин», и мы уйдем, не возобновляя боя.

Вивонн взглянул на терпящую бедствие галеру.

— Вашим маврам суждено пойти на дно вместе с этой обреченной галерой, сказал он.

— Все нет. Мы предлагаем вновь поставить ее на киль.

— Это невозможно!

— Мы можем это сделать. Наш шебек более быстроходен, чем... чем ваши галеры, годные разве что для плавания вдоль побережья, — закончил корсар с оттенком презрения. Решайте быстро. Время не терпит — через несколько минут будет уже поздно.

В душе Вивонна шла борьба. Он знал, что ничем не может помочь «Дофин». Согласиться — значило спасти великолепное судно и несколько сот человек, однако это также означало капитуляцию перед меньшим по численности противником. На Вивонне лежала ответственность за королевскую эскадру, и у него не было выбора.

— Согласен, — выдавил он сквозь зубы.

— Благодарю вас, господин адмирал. А теперь имею честь откланяться.

— Изменник!

— Вы ошибаетесь, меня зовут Ясон, с иронией проговорил корсар.

Он направился к лесенке, ведущей к его лодке. Вивонн плюнул ему вслед.

— Подумать только, француз — ведь вы же француз, в этом никто не станет сомневаться, услышав валу речь!.. Негодяй! Как вы могли дойти до того, чтобы отречься от своих соотечественников?

Ясон обернулся. Глаза его сверкнули в прорезях маски.

— Мои соотечественники первыми от меня отреклись, — сказал он и резко выбросил руку в сторону гребущих каторжников. — Когда-то я греб на скамье королевской галеры, сударь, греб много лет. Все лучшие годы моей молодости. А ведь я не сделал ничего дурного!

— Ну, еще бы!..

Лодка отошла. Герцог де Вивонн сжал кулаки. Он больше не мог сдерживать свою ярость. Подчиняться приказаниям беглого каторжника, позволять оскорблять себя бывшему галерному рабу! «А Рескатор наблюдает за нами и посмеивается. Он забавляется... забавляется!»

— Монсеньер, неужели вы верите слову нечестивца? — спросил, дрожа от возмущения, один из лейтенантов.

— В чем я совершенно уверен, так это в том, что не спрашивал вашего мнения, юный болван. Иной раз слово пирата бывает тверже, чем слово принца. Броссардьер, что вы обо всем этом думаете?

— Нам неожиданно предложили сделку, монсеньор, и притом вполне в духе этого мрачного шутника Рескатора. Я бы не стал так говорить, имей мы дело с алжирским адмиралом Меццо-Морте или с берберийскими капитанами, которые в большинстве своем отъявленные обманщики.

— Поднять все флаги и объявить перемирие!

Шебек рванулся с места и проплыл несколько кабельтовых, нисколько не опасаясь за свой обращенный к противнику правый борт, из портов которого, впрочем, выглядывали двенадцать наведенных на «Ройяль» пушек.

— Он идет слишком быстро, сейчас проскочит мимо «Дофин». Это ловушка! — встревожился лейтенант де Сен-Ронан.

Внезапно на неприятельском судне переставили паруса. Это резко замедлило его ход и рывком повернуло его под прямым углом. Продолжая идти этим курсом, оно оказалось как раз позади терпящей бедствие «Дофин». Между тем фелюги и каики были наконец спущены с галер на воду и начали подбирать оказавшихся в воде солдат и матросов с опрокинувшегося корабля.

На палубе шебека Рескатора царило оживление. По приказу капитана мавры привязали к подножию средней мачты трос, затем притащили лебедку.

Офицеры «Ройяль» затаили дыхание, солдаты и матросы, словно окаменев, застыли на своих местах.

От надменной неподвижности Рескатора не осталось и следа. Было видно, как он долго обсуждает что-то со своим помощником, изображая жестами предстоящие маневры судна. По его знаку один из мавров, его телохранителей, взял у него шляпу и плащ. Другой подал ему конец свернутого во много раз троса. Рескатор повесил моток себе на плечо. Одним легким прыжком он достиг передней части планшира^[18], взобрался на него и с непринужденным видом сделал несколько шагов по узкому бушприту.

Тем временем его помощник кричал в рупор, обращаясь к капитану «Дофина».

— Он рекомендует Турнёву отдать носовой якорь, чтобы галера не начала вертеться, когда шебек ее потянет. Он также советует переместить все, что можно, на правый борт, а затем, как только галера начнет выравниваться, быстро вернуться на левый борт, чтобы она не опрокинулась направо.

— Вы полагаете, что этот черный дьявол намерен бросить свой канат, как индейцы бросают лассо, и зацепить петлей правый борт «Дофин»?

— Очень похоже.

— Но это невозможно! Этот свернутый трос должен иметь колоссальный вес. Нужно обладать силой Геркулеса, чтобы... Смотрите!

Внезапно высокий силуэт па-бушприта еще больше вытянулся на фоне голубого неба. Брошенный трос свистнул в воздухе, и затяжная петля па-его конце обвилась вокруг выступа в средней части правого борта «Дофин».

Потеряв равновесие при броске, человек в маске оступился и соскользнул с бушприта, однако тут же ухватился за него обеими руками, подтянулся, с обезьяньей ловкостью оседлал узкий брус и выпрямился. Неторопливо проверив, надежно ли затянулась петля, он встал и той же непринужденной походкой вернулся на палубу.

Шебек огласился воплями восторга. Выражая свою радость, мавры подбрасывали в воздух мушкеты.

Ла-Броссардьер глубоко вздохнул:

— Акробат с Нового моста и тот не сделал бы лучше.

— Любуйтесь, любуйтесь, мой дорогой, — с желчной усмешкой сказал Вивонн. — Вот вам еще один лакомый кусочек для Вашей средиземноморской светской хроники. Легенде о монсеньоре Рескаторе явно не грозит угасание от недостатка пищи.

Между тем на шебеке повернули паруса так, чтобы плавно двинуться назад. Матросы: негры и турки — пробежали по палубе и выставили наружу шесть длинных весел, чтобы подкрепить действие ветра усилиями гребцов.

Трос натянулся. Все моряки, оставшиеся на палубе полуопрокинутой галеры, переместились на правый борт, к которому он был прикреплен, и повисли на поручнях.

Погруженный в море борт резко поднялся из воды с громким чавкающим звуком. По команде Турнёва весь

экипаж бросился налево, чтобы восстановить равновесие.

Вставшая на киль «Дофин» неистово закачалась с боку на бок, затем бортовая качка утихла, и галера вновь обрела устойчивость. Раздулась новая команда капитана, возвещающая избавление:

— Все к помпам! Откачивать воду!

С остальных галер неслись радостные возгласы.

Немного спустя, от корсарского судна вновь отошел каик и поплыл в сторону «Дофин».

— Они везут с собой переносную кузницу и все кузнечные инструменты, Собираются расковать своих мавров.

Эта операция длилась довольно долго. Наконец из ямы показались освобожденные пленники-арабы. За ними последовали десять наиболее сильных гребцов-турок.

Герцог де Вивонн побагровел от гнева.

— Предатели, разбойники, неверные собаки! — заорал он в рупор. — Вы не держите своего слова... Вы не имеете права уводить этих турок.

Капитан Ясон крикнул в ответ:

— Мы берем их себе в качестве платы за кровь того мавра, которого вы приказали казнить.

— Монсеньор, успокойтесь. Вам необходимо отворить кровь, — предложил своему командиру Ла Броссардьер. — Я сейчас пошлю за лекарем.

— У лекаря хватает других дел, — угрюмо ответил молодой адмирал. — Пусть подсчитают, сколько у нас убитых и раненых. Очертания плывущего на всех парусах шебека Рескатора постепенно исчезали в морской дали.

Глава 5

Герцог де Вивонн спустился в шлюпку и с улыбкой посмотрел вверх.

— До скорой встречи, моя дорогая. Назначаю вам свидание через несколько дней на Мальте. Помолитесь за торжество моего оружия.

Анжелика перегнулась через поручни и заставила себя улыбнуться. Потом сняла пояс из небесно-голубого шелка с золотой бахромой и бросила его молодому герцогу.

— Это для вашей шпаги, в знак того, что я уверена в победе.

— Благодарю вас! крикнул Вивонн из отплывающей шлюпки.

Он поцеловал пояс и обвязал его вокруг эфеса своей шпаги. Затем еще раз весело помахал рукой.

Анжелика сказала себе, что с ее стороны глупо чувствовать себя подавленной из-за этого расставания. Вивонн решил преследовать Рескатора и попытаться устроить па пего облаву в окрестностях Мальты, где французам могли помочь рыцари Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Поскольку адмиральская галера «Ройяль» была слишком тяжела и неповоротлива для подобной охоты, герцог перешел на «Люронн», оставив свой корабль и Анжелику на попечение Ла Броссардьера и нескольких солдат. «Ройяль» и нуждающаяся в ремонте «Дофин» должны были медленно, с частыми остановками, идти в Валетту.

Боевые галеры выстроились в походный порядок и вскоре исчезли за стремительно надвигающейся с юго-запада плотной стеной дождя.

Анжелика укрылась от ливня в кормовом шатре. «Ройяль» швыряло из стороны в сторону.

— Сначала нам досаждали пираты, теперь — погода, — заметил Ла Броссардьер.

— Это шторм?

— Еще нет, но долго ждать не придется.

Дождь кончился, однако небо оставалось серым, а морс по-прежнему сильно волновалось. Несмотря на сырой, порывистый ветер, было душно.

Беседа со славным Савари и лейтенантом де Мильераном, несколько оттаявшим после отъезда Вивонна, к которому он втайне отчаянно ревновал пассажирку, не спасала Анжелику от смертельной скуки.

— И зачем только меня занесло на эту галеру? — сказала она, обращаясь к Савари, и грустно улыбнулась, подумав о Версале, о Мольере и о его забавных фарсах.

С наступлением темноты господин де Ла Броссардьер посоветовал Анжелике запереться в ее каюте под нижней палубой. Однако ей не хватило на это духу, и она сказала, что сойдет вниз, только если ей станет совсем неважно оставаться на корме.

Бешеные рывки, от которых галера раскачивалась и скрипела, в конце концов, убаюкали Анжелику, и, несмотря на усилившийся ветер и яростные удары обрушивающихся на корпус «Ройяль» волн, она крепко заснула.

Она проснулась так, как пробуждаются от кошмарного сна. Вокруг была непроглядная тьма. Анжелика приподнялась на своем ложе, смутно чувствуя, что происходит нечто необычное. Килевая качка продолжалась с прежней неистовой силой, но ветер как будто стих.

Внезапно Анжелика поняла, что ее разбудило, — безмолвие. Гонги галерных приставов молчали. На корабле царила мертвая тишина. Можно было

подумать, что «Ройяль» потерпела крушение и, покинутая командой, носится теперь по воле волн.

Молодую женщину объял панический страх.

— Господин де Ла Броссардьер! — позвала она.

Никто не отозвался. Анжелика встала и, с трудом удерживаясь на ногах, сделала три робких шага.

Споткнувшись обо что-то мягкое, она едва не упала.

Она нагнулась, и ее рука коснулась вышивки на офицерской форме. Схватив лежащего прямо на полу человека, она сильно его встряхнула.

— Господин де Ла Броссардьер, проснитесь!

Он был странно безучастен. Лихорадочно шаря, Анжелика нащупала его лицо.

Она ощутила под пальцами ледяной холод и, в ужасе отшатнувшись, упала назад.

Встав, она пошла за своей сумкой, которая всегда стояла около ее ложа, так чтобы можно было дотянуться до нее рукой. Анжелика вынула оттуда дорожный фонарик и высекла огнивом искру, пытаясь его зажечь. Дьявольские порывы ветра трижды задували огонь. Наконец, Анжелике удалось закрыть пламя красным стеклянным абажуром и осветить пространство вокруг себя.

Господин де Ла Броссардьер скрючившись лежал на полу. Его глаза уже остекленели, а на лбу рдела страшная звездообразная рана.

Анжелика перешагнула через него и подошла к выходу из шатра. Здесь ее нога уперлась в еще одного мертвеца, лежащего поперек выходного проема. Это был солдат, так же как и Ла Броссардьер, убитый на месте ударом по голове. Анжелика осторожно подняла портьеру и выглянула наружу. В ночном мраке светились тусклые огоньки, зажженные в ямах для гребцов. По продольному мостику двигались какие-то фигуры, но то не были надсмотрщики с длинными бичами в руках. Анжелика разглядела, что люди на

мостике одеты в красное, и услышала их хриплые выкрики.

Она опустила портьеру и, пятась, отступила к задней стене шатра, не замечая водяных брызг, долетающих до нее всякий раз, когда в корму ударяла особенно мощная волна.

Ею владел панический ужас. Теперь она поняла, отчего гонги молчали.

Услышав шлепанье босых ног, Анжелика в тревоге выпрямилась. На пороге стоял Никола, одетый в красные отрепья каторжника. Этот устремленный на нее из-под всклокоченных волос взгляд, эта играющая на бородатом лице улыбка были точь-в-точь те же, что ужаснули ее много лет назад, когда он следил за ней из-за окна таверны. Он заговорил, и его бессвязная, исступленная речь все продлевала и продлевала страшное наваждение.

— Маркиза ангелов... моя красавица... моя мечта... Вот ты меня и увидела! Ради тебя я разбил мои цепи... Пристава — хрясть! Надзирателя — хрясть! Ха-ха-ха! Всех перебили... Мы давно к этому готовились... Но из-за тебя все пошло быстрее... Увидеть тебя рядом... живой! Такой же, как я тебя видел на небе все десять каторжных лёт... И ты была с другим, что, скажешь, нет? Ты его целовала, ласкала... О, я тебя знаю!.. Пока я греб на галерах, у тебя была своя жизнь. Тогда ты меня обставила... да только не всегда тебе выигрывать. Колесо-то крутится. И оно принесло тебя обратно...

Он двинулся вперед, протягивая к Анжелике руки. Кандалы, которые он терпеливо перепиливал долгие месяцы, стерли его запястья до мяса. За десять лет каторги на галерах Никола-Каламбрден дважды пытался бежать. Третья попытка увенчалась успехом. Он и его сообщники перебили всех матросов, солдат и офицеров. Теперь они были хозяевами галеры.

— Ты молчишь... Ты что, боишься? Да ведь я же держал тебя в объятиях, и ты тогда не боялась?

Снаружи ночное небо расколола молния, слышались гулкие раскаты грома.

— Ты меня не узнала? — настойчиво продолжал каторжник. — Этого не может быть! Я уверен — ты узнала меня еще в тот раз. Анжелика почувствовала исходящий от его лохмотьев запах соли и пота и, охваченная отвращением, закричала: — Не прикасайся ко мне, не прикасайся!

— Ага, ты меня признала! Ну, скажи, кто я?

— Ты Каламбрден, разбойник!

— Нет, я Никола, Никола, твой хозяин из Нельской башни. Внезапно на них обоих обрушилась перехлестнувшая через борт волна, и Анжелике пришлось, что есть сил вцепиться в поручни, чтобы не быть смытой в море.

Неистово загремел гром, и в ответ ему тотчас слышался зловеший треск дерева.

На пороге шатра показался молодой каторжник. Вид у него был растерянный.

— Атаман, грот-мачта сломалась. Что нам делать?

Никола отряхнул свою вымокшую одежду и выругался.

— Чертовы недоумки! — заорал он хриплым голосом. — Если вы не знаете, что делать, то зачем требовали перерезать всех матросов? Вы же говорили, что сами сможете управлять кораблем.

— Но ведь парусов-то больше нет.

— Ну и что? Пойдем на веслах. Заставим поработать тех, других, которые еще в цепях. Ты будешь бухать в литавры, а я уж позабочусь, чтобы эти схизматики и черномазые гребли как надо!

Он вышел, и немного спустя, перекрывая вой бури, вновь слышались мерные удары гонгов. Корабль, который на несколько нескончаемых минут словно

взбесился, накренившись в ту сторону, куда упала поваленная ветром мачта, снова обрел равновесие, когда Никола несколькими ударами топора перерубил не до конца переломившийся брус и очередная волна унесла его за борт. Заработали, откачивая воду, помпы, и гребцы, налегая на весла, попытались вновь направить галеру вперед.

Теперь, когда сущность происходящего с нею кошмара вполне прояснилась, к Анжелике вернулось утраченное было хладнокровие. За свою жизнь она уже не раз умирала от страха, однако стоило напряжению перейти некую грань, как ярость и волн к борьбе брали в ней верх над паникой.

Промокшее платье липло к ее ногам, сковывая движения. Она с трудом добралась до своей сумки, вытащила из нее другую одежду и, воспользовавшись тем, что ветер несколько стих, стащила с себя после нескольких попыток мокрые платье и белье. Предвидя, что во время путешествия с нею может приключиться всякое, она захватила с собой мужской костюм из серого сукна и теперь кое-как нарядилась и пего. Надев короткие, до колен, штаны и наглухо, до самого белого полотняного воротника, застегнув облегающий талию камзол, Анжелика почувствовала, что сможет более уверенно встретить кораблекрушение... и захвативших галеру каторжников. Она натянула сапоги, закрутила волосы в тугий узел и заправила их под фетровую шляпу. Ей хватило хладнокровия еще раз расстегнуть сумку, взять оттуда переводные векселя и перепрятать все оставшееся у нес золото, набив им свой пояс. Все это время палуба ходуном ходила у нее под ногами, пол шатра то и дело заливали волны, и тело несчастного Ла Броссардьера скользило то туда, то сюда под заунывный плеск воды.

— Анжелика! — завопил показавшийся на пороге Никола.

Он увидел в шатре силуэт какого-то юноши и не сразу понял, в чем дело.

— А, это ты, — сказал он с облегчением. — А я-то подумал, что ты свалилась за борт.

— Что же, если галера будет так плясать и дальше, то за этим дело не станет.

Шатровая ткань вдруг лопнула, и в прореху, свистя, ворвался ветер.

— Дело дрянь, проворчал Никола. — Кажется, нас несет к берегу.

Вместе с ним в шатер вошел старый одноглазый каторжник с седой бородой.

— Отсюда хорошо видно, — заметил он, перевесившись через кормовые поручни и вглядываясь в грозовую ночь. — Вон там — видишь — огоньки пляшут. Я тебе точно говорю — это какой-то порт. Надо идти туда и укрыться там от шторма.

— Ты что, спятил? Хочешь опять попасть в лапы стражников?

— Это маленькая рыбацкая гавань... Они там все перепугаются и будут сидеть тихо, а как море успокоится, мы оттуда уйдем. Если сейчас не попробовать туда попасть, то галеру расколет о скалы, как какую-нибудь жалкую лодчонку.

— Я не согласен.

— Ну, хорошо, атаман, а ты-то что предлагаешь?

— Будем плыть, пока буря не утихнет.

— Да ты, атаман, сам спятил! Эта старая посудина не выдержит бури.

— Поставим вопрос на голосование, — сказал Никола. — Пошли, — бросил он, хватая Анжелику за руку. — Укройся в твиндеке^[19]. Я не хочу, чтоб тебя съели рыбы. Ты принадлежишь мне...

В темноте можно было скорее почувствовать, чем увидеть, что на искореженном бурей корабле воцарился

хаос. Яма для гребцов была наполовину залита водой. Подгоняемые бичами своих вчерашних товарищей, гребцы-чужеземцы: русские, мавры и турки гребли что есть сил, время от времени издавая жуткие, полные отчаяния крики.

Где сейчас мэтр Савари? Где Флипо?

Рядом с Анжеликой снова очутился Никола.

— Они все хотят идти в порт, который виден вон там, — прокричал он ей. — Но я туда не полезу. Я и еще несколько ребят спустили на воду фелюгу и сейчас поплывем. Идем, маркиза.

Она попыталась убежать от него, надеясь обрести спасение, если мятежная галера войдет в порт, но он крепко схватил ее, поднял на руки и понес к фелюге.

Лодку швыряло то вверх, то вниз, как ореховую скорлупку. Занялся день, и небо тотчас прояснилось. Тучи рассеялись, но море по-прежнему оставалось бурным и зеленым и неумолимо толкало к берегу суденышко со слабыми человечками, дерзнувшими так долго противостоять его ярости.

— Каждый за себя, и будь что будет! — крикнул Никола, когда прямо перед фелюгой встали грозные багровые утесы.

— Ты умеешь плавать? — спросил Анжелику Никола.

— Нет.

— Все равно прыгай!

Он кинулся в море вместе с ней, стараясь держать ее так, чтобы ее голова оставалась над водой.

Анжелика глотнула соленой воды и на мгновение задохнулась. Накатившая волна оторвала ее от Никола и со скоростью мчащейся во весь опор лошади понесла к берегу. Она ударилась о скалу и ухватилась за нее со сверхчеловеческой силой. Море отхлынуло. Анжелика вскарабкалась чуть выше. Бешено несущийся вал вновь настиг ее, вода словно окутала ее холодным саваном, потом отпустила, окатила снова, однако с каждым

разом ей удавалось взобраться немного выше. Наконец она почувствовала, что ее будто налившееся свинцом тело лежит на пологом песчаном откосе. Еще! Еще немного!.. Она доползла до поросшей сухой травой ямки, свернулась в ней калачиком и лишилась чувств.

Первая мысль, которая забрезжила в ее прояснившемся сознании, была совсем детской. Она открыла глаза, увидела над собою суровое синее небо и с ужасом подумала, что за всю эту страшную ночь ей ни разу не пришло в голову поручить свою душу Богу.

Мысль об этом упущении так ее удручила, как будто она вдруг обнаружила у себя дотоле скрытую болезнь. Пристыженная, Анжелика не осмелилась загладить свою оплошность, возблагодарив Провидение за подаренную ей сегодня утром жизнь. Она с трудом приподнялась, чувствуя легкую тошноту от проглоченной морской воды, и лицо ее тут же омрачилось. Стоит ли благодарить Провидение? В нескольких шагах от себя Анжелика увидела сидящих вокруг костра каторжников.

Солнце уже стояло высоко, и его палящие лучи успели высушить ее промокшую одежду и волосы. Правда, в волосы Анжелики набилось немало песка, обожженная кожа лица горела, а руки были сильно исцарапаны.

Мало-помалу к ней возвращалась способность воспринимать окружающее. После зрения вернулся слух, и она расслышала грубые голоса галерников. Их было около десятка. Двое поджаривали над костром какую-то снедь, а остальные стояли кругом и спорили между собой.

— Нет, атаман, так дело не пойдет, — вскричал высокий нескладный малый с соломенными патлами, — Мы делали все, что ты приказывал, закон соблюдали, так что ты его тоже соблюдай.

— У нас такие же права на маркизу адмирала, как и у тебя, — подхватил другой каторжник, картавя и растягивая слова. — Почему ты решил, что она принадлежит тебе одному?

Никола стоял к Анжелике спиной, и она не расслышала, что он ответил.

Однако каторжники, услышав ответ своего вожака, возмущенно загалдели.

— Болтать ты можешь все что угодно, а вот как ты докажешь, что она была твоей подружкой?

— Так мы тебе и поверили!.. Она знатная дама — на что бы ей сдалась такая рвань, как ты?

— Ты хочешь нас надуть, атаман. Это не по-честному.

— Да если даже он говорит правду, нечего заводить тут свои порядки. В Париже один закон, а на галерах — другой.

Тщедушный старичок с беззубым ртом и лысым, как колено, черепом наставительно поднял указательный палец и сказал:

— Ты же знаешь поговорку здешних моряков: «Трупы — баклану, добыча — пирату, а женщина — всем».

— Всем, всем! — завопили остальные, с угрожающим видом пододвигаясь к своему главарю.

Анжелика посмотрела вверх, туда где кончался крутой, скалистый берег и начиналась равнина. Надо попробовать добраться туда и спрятаться среди кустарника или в роще растущих на краю обрыва пробковых дубов. На этом острове наверняка есть рыбаки. Они ее защитят.

Она осторожно поднялась с земли и встала на колени. Если каторжники сейчас подерутся, то у нее будет больше времени, чтобы уйти.

Однако ссора, похоже, разрешилась миром:

— Значит, так и порешим. В таком разе и возражать нечего. Ты у нас главный и имеешь законное право попользоваться ею первым. Только оставь кое-что и на нашу долю...

Эти слова были встречены грубым хохотом. Анжелика увидела, как Никола, широко шагая, направился в ее сторону. Она попыталась вскочить на ноги, чтобы броситься прочь. Он не заметил этого движения. Сделав три больших шага, он очутился рядом с ней и схватил ее за запястье. Его глаза дико блестели, почерневшие от жевания табака зубы были оскалены. Он был так поглощен своей яростью, что не заметил, как она отшатнулась, и, таща ее за собой, начал почти бегом взбираться по козьей тропке, круто поднимающейся от песчаного берега к скалистому краю обрыва. Им вслед неслись смех и непристойные шутки оставшихся внизу каторжников.

— Делай свои дела без спешки, старшой, только про нас не забудь. Нам тоже не терпится.

— Как же, отдам я ее вам, — рычал Никола. — Да я уж лучше... Она моя! Моя!

По-прежнему таща ее за собой, он побежал наискосок по покрытому мелкими камешками склону, продираясь сквозь низкий, сухой кустарник. Ветер подхватывал длинные волосы Анжелики и, точно полотнище флага или моток шелковой пряжи, с силой бросал их ей в лицо, так что она уже ничего не могла видеть.

— Остановись! — закричала она. Каторжник продолжал бежать.

— Остановись, я больше не могу!

Наконец он услышал ее, остановился и, словно пробудившись ото сна, огляделся вокруг.

Они бежали по краю обрыва, и море теперь расстилалось далеко внизу, темно-синее, кажущееся почти черным на фоне ярко-голубого неба, на котором

летающие чайки вычерчивали белые арабески. Порывистый, душистый ветер бил Анжелике в лицо и затруднял дыхание.

Беглый галерный раб, казалось, лишь сейчас осознал, что он свободен и что перед ним лежит огромный, необъятный мир.

— И все это, — прошептал он, — все это принадлежит мне... Он отпустил запястье Анжелики, раскинул руки и несколько раз вдохнул полной грудью, расправляя плечи, которые от гребли на галере стали еще шире, чем прежде. Под его тесной красной курткой задвигались твердые бугры мышц. Анжелика прыгнула в сторону и побежала.

— Вернись! — заревел Никола и ринулся вслед за ней. Когда он догнал ее, она повернулась к нему лицом и, точно разъяренная кошка, выставила вперед руки с острыми ногтями.

— Не подходи ко мне... не прикасайся.

Ее глаза полыхали такой ненавистью, что он застыл на месте.

— Ты что? — пробормотал он. — Разве ты не хочешь, чтобы я тебя поцеловал? После такой долгой разлуки? Разве тебе не хочется моих ласк?

— Нет.

Его брови сдвинулись. Можно было подумать, что слова с трудом доходят до его сознания и он мучительно силится понять их смысл. Он попробовал было еще раз схватить ее, но она увернулась. Он глухо зарычал от разочарования.

— Да ты что, Анжелика? Ты не можешь так со мной поступить. У меня уже десять лет как не было женщины. Я ни до одной даже пальцем не дотронулся, видел их и то редко. И вот пришла ты, ты здесь, рядом... Ты! И что же, у меня нет права к тебе прикасаться?

— Нет.

Его черные глаза начали вдруг блуждать, как у безумного. Он бросился па нее, сумел ее схватить, но она так свирепо полоснула его ногтями, что он разжал пальцы и оторопело уставился на вспухшие на его руке кровоточащие царапины.

— Ты что? — повторил он. — Может, ты меня не признала, моя сладкая? Так ты ничего не помнишь?.. В Нельской башне ты спала, прижавшись ко мне... Я брал тебя и любил тебя так, как хотелось мне, так, как хотелось тебе... Это мне не приснилось, нет! Это было, было... Ну, скажи, разве это не правда, что мы с тобой земляки, что я всегда желал только тебя и, что ты меня захотела в тот вечер перед твоим замужеством? Что бы ты ни говорила, все давно это правда. Я всегда тебя любил... Неужто ты не помнишь? Я Никола, тот самый Никола, который собирал для тебя землянику...

— Нет, нет! — пятась от него, выкрикнула Анжелика. — Никола давно умер. Ты бандит Каламбрден. Я тебя ненавижу.

— Но я тебя люблю! — взревел он.

Она снова пустилась бежать — он кинулся вдогонку. Они мчались, продираясь через колючий кустарник, то и дело цепляющийся шипами за их одежду. Анжелика споткнулась о пень и упала. Никола набросился на нее, но она уже успела вскочить на ноги, и ему пришлось крепко обхватить ее за талию. Она вырывалась, молотя кулаками по его лицу.

— Но я тебя люблю, — все повторял он, глядя на нее растерянными, безумными глазами. — Я всегда тебя хотел, никогда не забывал... Все эти годы меня распирало от желания. Я тебя все время вспоминал, снова и снова обладал тобой во сне... И теперь я не могу больше ждать...

Он попытался стащить с нее одежду, однако мужской костюм Анжелики было, не так-то легко снять. Она продолжала с нечеловеческой силой отбиваться, но

ему все же удалось разорвать ворот ее камзола и обнажить ее грудь.

— Ну, позволь мне, позволь, — умолял он. — Попробуй меня понять. Я больше не могу... Я смерть... смерть как хочу тебя.

И они продолжали отчаянно бороться друг с другом среди кустов мирта и можжевельника, обдуваемые резким, порывистым ветром... Внезапно какая-то сила оторвала каторжника от Анжелики и швырнула его на землю в нескольких шагах от нее.

В кустах стоял человек. Сквозь прорехи на его синей морской форме виднелись испещренные синяками грудь и плечи, на распухом лице запеклись струйки крови, но Анжелика узнала в нем юного лейтенанта де Мильерана.

Поднявшийся с земли Никола тоже его узнал.

— А, так это господин офицерик, — сказал он, осклабясь. — Выходит, вы еще не годились на ужин рыбам, когда вас выпихнули за борт? Жаль, вами занимался не я — тогда бы вы тут не стояли и не меш...

— Мерзавец! — вскричал молодой моряк. — Сейчас ты заплатишь за свои преступления.

Никола бросился на Мильерана, но крепкий удар кулака опять свалил его на землю. Каторжник заревел от ярости и снова ринулся в атаку. В течение долгих, нескончаемых минут над обрывом слышались глухие звуки ударов, частых и беспощадных. Противники были примерно равны по росту и силе. Королевский офицер тоже несколько раз падал, и Анжелике порой казалось, что ему уже больше не встать. Вот Никола, склонившись над лейтенантом, начал яростно колотить его кулаками. Но тот быстрым движением перекатился на спину и ударил своего врага ногой в живот. Еще один удар в живот, и обросшее грязной бородой лицо Никола побелело как мел. Он согнулся вдвое.

— Сволочь! — зарычал он. — Тебя хорошо кормили... ты ел мясо овсянок, а я жрал бобовое варево каторжников...

Лейтенант де Мильеран без всякой жалости ударил его в лицо. Никола попятился, и тут удары Мильерана посыпались па него как град.

Шатаясь, Никола отступал и отступал к краю пропасти.

— Нет! — закричала Анжелика.

Внезапно нога Никола ступила в пустоту, и он опрокинулся назад, в необъятную голубизну неба.

Под долгий, пронзительный крик Анжелики он летел вниз, освещаемый ослепительными лучами солнца, пока, наконец, не рухнул на багровые прибрежные скалы.

Лейтенант де Мильеран отер рукою лоб.

— Правосудие свершилось, — промолвил он.

— Он мертв! — закричала Анжелика, — Теперь уже вправду мертв! О, Никола! О! Теперь ты уже не вернешься...

— Да, он мертв, — повторил за ней офицер. — Его уже уносит в море.

Оглушенный только что закончившейся схваткой, Мильеран не понимал, что означают ее крики и отчего с такой мукой на лице она стоит на коленях у края обрыва и ломает руки.

— Не смотрите туда, сударыня, не нужно. Он мертв, уверяю вас. Вам больше нечего бояться. Однако нам надо идти, и я прошу вас — перестаньте, пожалуйста, кричать. Ваши крики привлекают внимание остальных бандитов.

Он помог ей встать, и они медленно, как в сомнамбулическом сне, пошли прочь от страшного места.

Глава 6

Анжелика и лейтенант де Мильеран долго брели вдоль пустынного берега и, наконец, увидели в отдалении башню дворянского замка, построенного на высоком мысу.

— Слава Богу! — прошептал Мильеран. — Теперь мы можем попросить гостеприимства у здешнего сеньора.

Молодой офицер изнемогал от усталости. Ночью он долго плыл в холодной воде, борясь со сном, судорогами и подступающим отчаянием. На рассвете перед ним, наконец, показалась земля, и волны выбросили его на берег, хотя этого он уже не помнил.

Очнувшись, он собрал несколько моллюсков и, чтобы подкрепить свои силы, съел их. После этого решил направиться вглубь острова, найти жителей и попросить у них помощи.

Именно в это время до его слуха донеслись женские крики, и он поспешил к тому месту, где Анжелика отбивалась от Никола.

Охваченный гневом при виде зачинщика мятежа, который стоил жизни его товарищам, господин де Мильеран сумел найти в себе достаточно сил, чтобы отомстить за их гибель, однако во время поединка он получил несколько жестоких ударов и теперь был вконец измотан.

Анжелика выглядела ничуть не лучше. К тому же и лейтенанта, и ее терзала сильная жажда.

Увидев замок, они приободрились и зашагали быстрее. В окружающей местности, прежде дикой и пустынной, уже чувствовалось присутствие людей. Вдалеке на пологом песчаном берегу можно было различить человеческие фигурки, а за поворотом

тропинки показалось стадо коз, мирно щиплющих короткую траву.

Лейтенант де Мильеран взглянул на них, внезапно нахмурился и затащил Анжелику за ближайшую скалу, показывая ей жестом, что нужно лечь на землю.

— Что случилось?

— Не знаю. Но в этих козах есть что-то подозрительное.

— Но что?

— Я бынисколько не удивился, если бы мне сказали, что в штормовые ночи их иногда водят туда-сюда по берегу, повесив им на шею фонари.

— Что вы хотите этим сказать?

Он приложил палец к губам, подполз к краю обрыва и, посмотрев вниз, сделал ей знак ползти к нему.

— Я не ошибся, — прошептал он. — Поглядите.

Под ними лежала широкая бухта, над которой высилась темная громада замка. Среди обнажившихся в этот час отлива подводных скал плавали обломки корабля. На волнах прибоя, сталкиваясь, раскачивались мачты, весла, паруса, куски золоченых бортовых поручней, бочки. Под водой повсюду виднелись мертвые тела. Других мертвецов, также одетых в позорную красную форму каторжников, море выбросило на скалы, и они яркими пятнами отражались в спокойной воде образовавшихся на песке луж. Под громкий писк множества привлеченных поживой морских птиц на берегу копошились люди — мужчины и женщины. Одни, орудуя баграми, подтягивали к себе все, что плавало на поверхности воды, другие переворачивали выброшенных на камни утопленников.

Третьи, плыли в маленьких лодках в сторону моря, где виднелся развороченный остов большого корабля, насаженный на острые рифы у входа в бухту.

— Это береговые разбойники, они грабят наскочившие на рифы суда, — прошептал Мильеран. —

По ночам они вешают на шеи своих коз фонари. Терпящие бедствие моряки думают, что это светятся огни какого-то порта, берут на них курс, и их суда разбиваются о скалы у входа в бухту.

— Прошлой ночью каторжники заметили огни и решили плыть на них, чтобы укрыться в гавани.

— Значит, они были наказаны за свои злодеяния. Но что скажет господин де Вивонн, когда узнает о гибели адмиральской галеры? Бедная «Ройяль»!

— Что нам теперь делать? — спросила Анжелика. Бесшумное появление за их спинами десятка смуглолицых мужчин избавило лейтенанта от необходимости дать ей ответ.

Береговые разбойники связали им руки сзади и отвели их к синьору Паоло ди Висконти, который из башни своего базальтового замка, как король, правил округой.

Синьор Паоло был атлетического сложения генуэзец с мускулатурой столь мощной, что туго обтягивающий его атласный камзол, казалось, должен был вот-вот лопнуть по всем швам. Его ослепительная улыбка и хищный взгляд ясно говорили о склонности к разбою, каковым он, впрочем, и промышлял, обитая на стоящем особняком утесе и повелевая оттуда своими свирепыми и дикими корсиканскими вассалами.

Увидев двух приведенных к нему пленников, синьор ди Висконти чрезвычайно обрадовался. Старая галера и несколько жалких каторжников показались ему чересчур скудной добычей.

— Офицер его величества короля Франции! — воскликнул он с сильным итальянским акцентом. — Я полагаю, у вас, синьор, есть семейство, которое горячо вас любит и имеет много денег? Dio mio! Che bello ragazzo!^[20] — вскричал генуэзец, погладив подбородок

Анжелики смуглой рукой, на которой обилие колец не уступало обилию грязи.

Лейтенант де Мильеран с чопорным видом представил свою спутницу:

— Госпожа дю Плесси-Белльер.

— Так это женщина! О, мадонна! *Ma guarda che carina! Che bella ragazza!*^[21] Я очень люблю молодежь, но такая женщина — о, это большая редкость!..

От синьора Паоло лейтенант де Мильеран узнал, что буря принесла их к побережью Корсики, бедного и дикого острова, который в то время принадлежал Генуе.

Из уважения к их званию итальянец пригласил Анжелику и Мильерана отужинать вместе с ним. Его прием представлял собой странную смесь роскоши и сельской непритязательности. Столы были застланы изумительными кружевными скатертями, однако на них не было вилок, а немногочисленные оловянные ложки использовались только для того, чтобы накладывать кушанья в тарелки. Приходилось есть руками, беря пищу из серебряной посуды, на которой было выбито клеймо знаменитого золотых и серебряных дел мастера из Венеции.

Сначала герцог ди Висконти предложил своим обессилевшим пленникам жареного молочного поросенка, обложенного каштанами и укропом. Затем слуги принесли большую оловянную кастрюлю, полную приправленного шафраном супа с лапшой и кусочками вареного сыра.

Несмотря на свои опасения, Анжелика уплетала все за обе щеки. Генуэзец, не сводя с нее пылкого взгляда, то и дело до краев наливал в ее золоченый, изукрашенный, как потир, кубок темное сладкое вино, от которого у молодой женщины вскоре начали гореть щеки.

Насытившись, она начала бросать на лейтенанта де Мильерана взгляды, полные паники. Тот понял, что от него требуется, и пришел ей на помощь:

— Госпожа дю Плесси очень утомлена. Нельзя ли ей отдохнуть в какой-нибудь тихой комнате?

— Утомлена? Эта синьора ваша *carissima*?^[22]
Молодой человек покраснел до самых корней волос.

— Нет.

— А! Что ж, я очень рад. Я могу вздохнуть с облегчением! — воскликнул генуэзец, прижав к сердцу растопыренную пятерню. — Мне бы не хотелось причинять вам неприятности. Но теперь все в порядке.

Он повернулся к Анжелике.

— Вы утомились, синьора? Я понимаю. Я же не зверь. Сейчас я провожу вас в ваши... по-французски это, кажется, называется апартаменты.

В расположенной под самой крышей башни и продуваемой сквозняками комнате Анжелика нашла кровать с дырявыми простынями и парчовыми покрывалами. Покой был полон венецианских зеркал, французских часов и турецкого оружия. Анжелике это напомнило комнату в Нельской башне, где воры хранили краденое.

Низкорослая служанка-корсиканка уговаривала гостью принять ванну и надеть довольно красивое женское платье, извлеченное ею из сундука, где оно лежало вместе со множеством других, без сомнения, взятых из багажа неких чересчур отважных путешественниц.

Анжелика погрузилась в чан с горячей водой и дала отдых своим усталым членам, саднящим от морской соли и солнечных ожогов. Однако, искупавшись, она поспешила снова надеть свой собственный костюм, хотя он был помят, грязен и изорван. Ее пояс, по-прежнему набитый золотыми монетами, был на месте. Она

надеялась, что мужская одежда и золото в какой-то мере защитят ее.

Ей чудилось, что кровать под ней раскачивается, как палуба во время бури, и эта воображаемая качка терзала ее и без того издерганные нервы. Перед ее мысленным взором кружились кривляющиеся лица каторжников, Никола, синьора Паоло. В конце концов она погрузилась в тяжелый сон.

Анжелику разбудил стук в обитую железом дверь. Приглушенный голос звал:

— Хозяйка, хозяйка! Госпожа маркиза, это я, откройте!.. Анжелика прижала руки к вискам. По комнате гулял ледяной ветер.

— Это я, Флипо!

— А, это ты, — сказала она.

Она встала, пошатываясь, подошла к двери, отодвинула засовы и увидела на пороге своего маленького слугу с масляным ночником в руке.

— Как вы себя чувствуете, госпожа маркиза? — спросил он, улыбаясь во весь рот.

— Но... но как ты...

Мало-помалу Анжелика начала вспоминать, что произошло.

— Но, Флипо, — воскликнула она в радостном изумлении, — откуда ты здесь взялся?

— Оттуда же, откуда и вы, госпожа маркиза, — из моря. Анжелика схватила его за плечи и поцеловала.

— Дитя мое, я так рада! А я уже думала, что ты убит каторжниками или утонул во время кораблекрушения.

— Да нет. Каламбрден узнал меня и сказал, что я свой. Я его попросил не трогать старика-аптекаря — ведь вреда им от него никакого. Нас заперли в камбузе, а потом господин Савари взломал замок. Это было ночью, в самый разгар бури. Гребцы в яме орали как резаные. Те из них, которые не были закованы, цеплялись за что попало. Когда мы поняли, что вас на

галере нет, мы с господином Савари спустили на воду каик. Между нами говоря, этот старикан — отличный моряк! Правда, это не помешало нам лопасть в лапы к дикарям этого синьора Паоло. Ну да что там, руки-ноги у нас целы, и они даже дали нам перекусить. Когда мы узнали, что вы тоже спаслись, мы были страшно рады.

— Остаться в живых — это, конечно, неплохо, но наше положение весьма затруднительно, мой бедный Флипо. Мы в руках отъявленных разбойников.

— Вот насчет этого я к вам и пришел. Тут есть одно торговое суденышко, которое в скором времени выйдет в море. Синьор Паоло решил устроить ему досмотр, и теперь капитан хочет попробовать потихоньку смыться. Он согласился подождать нас еще час, но надо поторапливаться.

Анжелике не было нужды долго раздумывать. Все, что она имела, было на ней.

Она посмотрела вокруг, сочла, что один из валяющихся на полу кинжалов может ей пригодиться, и сунула его в рукав.

— А мы сможем выйти из замка? — шепотом спросила она.

— Попробуем. Здешняя прислуга вся перепилась по случаю крушения галеры. Они нашли в трюме несколько бочонков вина и наакались, как свиньи.

— А синьор Паоло?

— Я его не видал. Тоже, наверное, дрыхнет в каком-нибудь углу.

Анжелика подумала о лейтенанте де Мильеране, однако Флипо сообщил ей, что тот заперт в замковой темнице. Пришлось предоставить молодого офицера его печальной участи.

Идя друг за другом, Анжелика и Флипо долго спускались по бесконечным винтовым лестницам. Ветер раздувал пламя в лампах и колебал огонь факелов, вставленных в железные кольца на стенах.

По последнему на их пути залу, слегка пошатываясь, прохаживался синьор ди Висконти. Он заметил Анжелику и Флипо, и его губы растянулись в улыбке, явно не предвещающей ничего хорошего.

— О! Синьора! Che cosa с'е?^[23] Вы пришли, чтобы составить мне компанию? Я очень счастлив.

Анжелике пришлось спуститься еще на несколько ступенек.

Ей было довольно одного взгляда, чтобы оценить обстановку.

Над головой сеньора Паоло висела сколоченная из неструганных досок рама. На раме были укреплены четыре толстые сальные свечи. Эта незамысловатая люстра крепилась к своду с помощью, пропущенной через блок веревки, которая была привязана к железному крюку, вбитому в стену над лестницей.

У Анжелики не ушло и трех секунд на то, чтобы выхватить из рукава кинжал и рассечь натянутую совсем рядом веревку.

Она так и не узнала, попала ли тяжелая махина генуэзцу по голове, поскольку свечи на раме успели погаснуть еще до приземления.

Беглецы услышали могучий, перекрывающий грохот падения рев синьора Паоло и поняли, что если он и не убит, то положение у него сейчас самое плачевное.

Воспользовавшись темнотой и неразберихой, Анжелика и Флино пробежали к двери. Двор им удалось пересечь без помех. Замок был полуразрушен, и убегающим пленникам казалось, что они все еще не вышли за пределы его стен, когда Флипо вдруг узнал тропинку, ведущую к тому месту, где их ждало судно.

Мчащиеся по небу тучи то застилали, то вновь открывали взору сверкающий диск луны.

— Это здесь, — сказал Флипо.

Было слышно, как море со злобным ревом обрушивается на белеющий внизу маленький песчаный пляж. Анжелика и Флипо проскользнули через кусты и вышли на берег бухточки, где рядом с небольшим судном темнели силуэты тех, кто их ожидал.

— Это вы хотите попасть на обед рыбам у берегов Корсики или Сардинии? — спросил голос, говорящий с марсельским акцентом.

— Да, я, — ответила Анжелика. — Вот вам плата за труды — держите.

Об этом поговорим после. Поднимайтесь на борт. В нескольких шагах от них мэтр Савари, похожий на джинна тьмы, изливал душу ночному мраку и ветру, призывая проклятия на голову хозяина судна.

— Ваша алчность принесет вам несчастье, о ненасытный молох, безжалостный спрут, гнусный кровопийца, высасывающий из ближних их достояние! Я предложил вам все, что имею, а вы отказываетесь взять меня на борт.

— Я заплачу за этого господина, сказала Анжелика.

— На судне будет слишком много народу, проворчал хозяин.

Затем он встал к штурвалу и сделал вид, что не замечает старика-аптекаря, взбирающегося на борт со своей сумой, зонтиком и бутылью.

Луна, верная союзница здешних контрабандистов и беглецов еще со времен античности, надолго спряталась за тучи, и судну

Хватило этого времени, чтобы незамеченным проплыть между скал, на которых бодрствовали караульные синьора ди Висконти. Когда над морем вновь разлилось серебристое сияние, огонь, горящий на вершине разбойничьей башни, был уже далеко. Провансалец испустил глубокий вздох.

— Ну, вот и все! — сказал он. — Теперь можно и песню спеть. Мучо, встань к штурвалу.

Он вынул из сундучка гитару и начал искусно перебирать струны. Вскоре в лунной средиземноморской ночи зазвучал его глубокий сильный голос.

Глава 7

— Эге, да вы никак та самая дама из Марселя, которой хотелось посетить гарем турецкого султана? Ну, скажу я вам, своего вы добиваться умеете. Здорово вы меня обошли! .. При свете утра Анжелика не без удивления узнала в хозяине парусника «Жольетт» того самого марсельского капитана, который недавно с таким жаром предостерегал ее от опасностей морских путешествий. Его звали Мелькиор Панассав. Это был мужчина лет сорока с веселым, загорелым лицом под красно-белой неаполитанской шапочкой. Его ноги облегли черные штаны, стянутые широким, много раз обернутым вокруг талии поясом. Он с лукавой усмешкой пососал трубку и, повернувшись к своему матросу, наконец заключил:

— Тут можно сказать только одно — уж коли женщина чего захочет, так самому Господу Богу не под силу ей помешать.

Матрос, маленький, сухой как палка старичок с беззубыми деснами, по-видимому, столь же молчаливый, сколь его хозяин был словоохотлив, выразил свое согласие при помощи длинного плевка.

Третьим и последним членом экипажа был мальчик-грек по имени Мучо.

— Ну ладно! Вы на моем судне, сударыня, и тут уж ничего не поделаешь, — подвел итог капитан. — У нас здесь не очень-то просторно, особенно после того, как я погрузил свои товары. Я ведь никак не предполагал, что среди моих пассажиров окажется дама.

— Не могли бы вы обращаться со мной как с юношей? — попросила Анжелика. — Неужели я не могу сойти за молодого дворянина?

— Кто его знает, может, и сойдете, да только мы здесь все свои, и нам незачем ломать комедию.

— Я прошу вас обращаться со мною так, как будто я мужчина. чтобы это получалось у вас более естественно на тот случай, если нас возьмут на abordаж неверные.

— Голубушка вы моя, вы тешите себя иллюзиями, не в обиду вам будь сказано. Стоит этим молодцам увидеть хорошенькую мордашку, так, будь ты девушка, будь ты парень, путь у тебя все равно один — в кастрюлю! Спросите об этом у Меццо-Морте, адмирала алжирского флота, — он вам скажет. Ха-ха-ха!

Бросая на своего невозмутимого матроса многозначительные взгляды, он разразился сальным хохотом.

— Эта ваша навязчивая идея о роковой встрече с берберийскими или турецкими пиратами просто смехотворна, и мне кажется, вы высказываете ее только ради того, чтобы позабавиться.

— Э, нет, сударыня, то быть извините — сударь, никакая это не навязчивая идея. Меня самого захватывали в плен десять раз. Пять раз обменяли почти что сразу, и все равно за другие пять раз набежало целых тринадцать годочков неволи. Сначала меня заставили сажать виноградники на побережье Босфора, а потом поставили печь белый хлеб для гарема какого-то паши, у которого был загородный дом под Константинополем. Вы можете представить меня — пекарем?! Ох, бедный я, горемычный, что за гнусное было время!.. Тем более что приходилось печь не наш хлеб, а их поганые, плоские, как носовой платок, лепешки, которые надо прилеплять к стенкам печи будто блины. Ну, я разобрался, что к чему, и так набил руку, что любо-дорого было смотреть. Но что мне больше всего не нравилось, так это то, что вокруг меня все время толклись евнухи с саблями наголо и следили

за тем, чтобы я не заглядывался на милашек за решетками гарема.

— Друг мой, — сказал Савари, — вы не можете утверждать, что действительно претерпели в плену страдания, если вам не довелось, как мне, побывать в рабстве у марокканцев. Они относятся к своей религии очень серьезно и соответственно ненавидят христиан. Города, расположенные в их внутренних областях, закрыты для европейцев и даже для турок, которые, по их мнению, слишком слабы в вере. Меня они послали в окруженный пустыней город, называемый Томбукту, на работу в соляных копах. Когда же они увидели, что умирать я не собираюсь, меня перевели в другой город — Марракеш, где я стал трудиться на строительстве мечети Эль-Муассин и мечети султанши Вахиде.

— Ну вот! Я так и думал, что такой скряга, как ты, у которого всего багажа — одна бутылка дрянного вина, недостоин ничего лучшего, как месить глину с ослиным навозом, чтобы сляпать из этой грязи, как куличики, богопротивные сарацинские мечети.

— Мой друг, вы меня оскорбляете. Вы никогда не видели мечетей Эс-Сабат в Мекнесе, Карауин и Баб-Гисса в Фесе и — самое главное — султанского дворца, который больше Версаля.

— Куличики из глины — говорю я вам, едва прикрытые штукатуркой. Другой дело собор святой Софии или Семибашенный замок в Константинополе. Вот это постройки так постройки! Только строили их христиане в те времена, когда Константинополь еще звался Византией.

Дрожа от возмущения, мэтр Савари раз за разом снимал, протирал и вновь надевал свои очки.

— Во всяком случае, эти мавританские куличики ничем не хуже тех турецких лепешек, которые вы выпекали для вашего стамбульского паши. Что же касается моей бутылки дрянного вина, как вы ее

называете, то, если бы вы знали, каково ее истинное содержимое, вы бы говорили о ней с большим почтением. — Ей-Богу, дедушка, коли вы предложите мне стаканчик, я, может статься, возьму свои слова обратно и принесу вам извинения.

Савари торжественно встал. С осторожностью заботливой няни он расковырял красный воск, покрывающий пробку бутылки, откупорил ее и поднес горлышко к носу Мелькиора Панассав. — Оцените этот божественный аромат, капитан. За одну только перевозку этого царского эликсира персидский шах заплатил вы вам десять мешков золота.

— Тьфу! — сказал марселей, — Так это, стало быть, не вино? Это что же, аптекарское снадобье?

— Чистое минеральное мумие, извлеченное из священной скалы персидского шаха.

— Я что-то слышал от арабских купцов про эту дорогостоящую пакость, но мне не очень-то по душе иметь эту бурду на борту собственного судна.

Марселец поглядывал на бутылку с подозрением, к которому, однако, примешивалось некоторое уважение. Довольный произведенным впечатлением, ученый аптекарь вынул из карманов палочку красного воска и трут.

— Сейчас я заново залью пробку воском, — сказал он. — Однако встану с подветренной стороны, ибо даже пары мумие могут воспламеняться. Я обнаружил это свойство во время опытов.

— Вы хотите всех нас сжечь живьем! — вскричал Панассав. — Мать Пресвятая Богородица, так вот какова моя награда за то, что я сжалился над бедным старцем, который, казалось мне, и мухи не обидит! Честное слово, я и сам не знаю, что меня удерживает от того, чтобы вышвырнуть вашу проклятую бутылку в море! Он сделал угрожающий жест в сторону драгоценного

сосуда. Савари поспешно закрыл его своим телом, и капитан, посмеиваясь, отошел. Анжелика смеялась.

— Итак, вы сумели спасти ваше мумие, господин Савари? Да вы просто чудо!

— А вы полагаете, что я впервые попал в кораблекрушение? — сказал старичок, стараясь придать своему лицу безразлично-непринужденное выражение, хотя в глубине души он чувствовал себя чрезвычайно польщенным.

Погода снова стояла великолепная. По небу еще неслось несколько больших, пронизанных светом облаков. Со свистом дул сухой ветер, завивая на гребнях волн белые барашки пены...

— Нам повезло, что буря утихла, как только мы отошли от побережья, — вновь заговорил марселей, набивая табаком свою трубку. — Теперь до самой Сицилии перед нами одно только море.

— И берберийцы, — прибавил, ни к кому не обращаясь, мэтр Савари.

— Чего я никак не могу понять, — сказала Анжелика, — так это почему после всех пережитых вами приключений у вас обоих еще хватает смелости снова выходить в море? Зачем вам это нужно? Что вас так в нем притягивает, хотела бы я знать?

— Э, да вы, я вижу, начинаете кое-что понимать в нашей жизни. Это добрый знак! Почему я выхожу в море? Я, сударыня, торговец. Я плаваю от порта к порту с кое-каким товаром. То, что вы видите сейчас вон там, — это пакетики из оловянной фольги с лекарственным огуречником и шалфеем. В Леванте я их обменяю на сиамский чай. Получается — зелье на зелье, так?

— Чай не принадлежит ни к семейству миртовых, ни к семейству укропных, — пояснил Савари. — Это листья растения, которое напоминает олеандр. Их отвар

очищает мозг, придает ясность зрению и хорошо помогает от кишечных газов.

— Полностью с вами согласен, — с насмешкой заметил марселец, — но лично я предпочитаю турецкий кофе. Чай я продаю мальтийским рыцарям, которые перепродают его берберийцам: алжирцам, тунисцам и марокканцам. Похоже, что все они охотно его пьют. Еще я везу небольшой груз кораллов, а в поясе у меня надежно запрятаны несколько отборных жемчужин из Индийского океана. Ну, ладно...

Провансальский капитан потянулся и улегся на одну из скамеек погреться на солнышке.

На носу маленького парусника Анжелика пыталась усмирить свои волосы. В конце концов, она повернулась лицом к ветру и отдала их на его волю. Ее мягкая, темно-золотистая грива затрепетала, слегка оттягивая назад голову и заставляя ее запрокинуть лицо и подставить его под обжигающие поцелуи солнца.

Мелькиор Панассав смотрел на нее из-под полуопущенных век.

— Эх! Почему я хожу в море? — повторил он с улыбкой. — А потому, что для сына Марселя нет на свете ничего слаще, чем плыть на легком кораблике по синему морю да под синим небом. А когда вдобавок ко всему перед твоими глазами стоит красивая девушка и распускает на ветру свои волосы, тогда... тогда ты говоришь себе...

— По правому борту косой парус, — сказал старый матрос, внезапно обретя дар речи.

— Умолкни, болтун, ты мешаешь мне мечтать. — Это арабский парусно-весельный корабль.

— Подыми флаг Мальтийского ордена.

Юнга прошел на корму и поднял на мачте красный штандарт с белым крестом.

Команда и пассажиры «Жольетт» с беспокойством ожидали, что предпримет арабское судно.

— Они уходят, — сказал Панассав, укладываясь с довольным видом на скамью и возвращаясь к прерванному отдыху. — Против всех темнокожих молодчиков, размахивающих полумесяцем, на Средиземном море не сыскать лучшего противоядия, чем флаг славных монахов ордена святого Иоанна из Иерусалима. Конечно, в Иерусалиме их уже больше нет, да и Кипр они оставили и даже Родос. Но на Мальте они еще сильны. У мусульман уже несколько веков нет более лютого врага, чем эти рыцари. Испанцы, французы, генуэзцы и даже венецианцы — это все враги до поры до времени, а вот орден святого Иоанна — это враг заклятый. Монах-рыцарь с белым крестом на груди всегда готов взмахнуть саблей и расцедь окаянного сарацина надвое. Вот потому-то я, Мелькиор Панассав, который никогда ничего не делает, не подумав, решил потратить пятьсот ливров на покупку права плавать под мальтийским флагом. И хотя выложить мне пришлось не пятьсот, а всю тысячу, это, как вы сами видите, хорошее вложение капитала. У меня также есть французский флаг, флаг великого герцога Тосканского, еще одна блеклая тряпица, которая, если повезет, поможет нам избежать неприятностей от испанцев, и, наконец, — пропуск, полученный от марокканцев. Эта бумага — настоящий клад, и есть она у немногих. Я придерживаю ее на самый крайний случай. Вот так-то, сударыня, будь то берберийцы или еще кто, сами видите — мы готовы к встрече.

Глава 8

На маленьком провансальском паруснике не было ни кубрика, ни каюты. Юнга Мучо повесил на палубе два гамака и развернул промасленную водонепроницаемую парусину, чтобы ночью хоть немного защитить Анжелику от соленых морских брызг. Ветер ослабел, стих, но почти тотчас задул снова, в другом направлении. В сгустившейся тьме двое матросов принялись переставлять паруса.

— Вы не зажжете огней? — спросила Анжелика.

— Зачем? Чтобы нас заметили?

— Кто нас может заметить?

— Почем знать? — сказал провансалец, широко махнув рукой в сторону загадочного горизонта.

Анжелика вслушивалась в глухой рокот моря. Вскоре вошла луна и проложила перед их маленьким суденышком серебряную дорожку.

— Ну, теперь, пожалуй, можно и песню спеть, — промолвил Мелькиор Панассав, с видимым удовольствием беря в руки свою гитару.

Анжелика слушала летящие над морем звонкие, вибрирующие звуки неаполитанской канцонетты, и ею все больше и больше овладевала мысль, которая прежде не приходила в голову. В Средиземноморье любят петь. За песней галерные рабы забывают о своих страданиях, моряки — о подстерегающих их опасностях. Среди южан с незапамятных времен часто встречаются великолепные, сильные голоса. «А он, он, которого прозвали Золотым голосом королевства, — ведь он пел так, что в здешних краях молва о нем должна была перешагнуть через моря и земли...»

Трепеща от внезапной надежды, Анжелика воспользовалась мгновением, когда Панассав

переводил дыхание между песнями, и спросила, не слышал ли он здесь, в Средиземноморье, о каком-либо певце с голосом особенно красивым и волнующим. Марселец подумал и перечислил ей всех тех, кто от Босфора до побережья Испании, включая берега Корсики и Италии, славился своим певческим талантом, но внешне ни один из этих певцов не походил на далекого трубадура из Лангедока.

Анжелика заснула разочарованная.

Когда она проснулась, солнце стояло уже высоко. Море было прекрасно. Парусник шел со средней скоростью. Его хозяин, казалось, дремал за штурвалом. Старый матрос отдыхал, жуя табак. Анжелика увидела свернувшегося калачиком Флипо, нашла глазами маленького юнгу, спящего в расстегнувшейся на смуглой груди красной рубаше. Савари не было видно нигде, как и его драгоценной бутылки с мумие.

Анжелика бросилась к полусонному капитану и встряхнула его.

— Что вы сделали с мэтром Савари? Вы высадили его ночью на берег, высадили силой?

— Если вы и дальше будете так волноваться, сударыня вы моя, то будет лучше, если я высажу на берег вас самих.

— О, значит, вы все-таки совершили эту низость? И все из-за того, что у него не было денег? Но я же вам сказала, что заплачу за него!

— Ну-ну, успокойтесь. Да вы прямо настоящий Тараск^[24], ей-Богу! Так вы, стало быть, вообразили себе, что судно может зайти ночью в порт, будто в облако, потом из него выйти, и все это без шума, без хлопот, без визитов из адмиралтейства, из карантинной полиции, а то, глядишь, и пираты пожалуют. Нужно уж очень крепко спать, чтобы ничего не услышать.

— Но тогда где же он? — вскричала безутешная Анжелика. — Может быть, он упал за борт?

— А ведь и верно — чудно как-то, — согласился вдруг марселец и начал осматриваться.

Вокруг, насколько хватало глаз, было видно только море, синее, искрящееся под лучами солнца.

— Я здесь, — произнес глухой, замогильный голос, казалось, принадлежащий некоему морскому божеству.

Крышка ведущего в трюм люка приподнялась, и оттуда показалась черная, как у угольщика, физиономия. Старый ученый выкарабкался на палубу и принялся вытирать лоб, одновременно разглядывая черный предмет, который он держал в руке.

Марселец, прыснул со смеху.

— Не тратьте попусту силы, дедушка. Пятна от этой штуки — мы называем ее «пинио» — не выводятся. Она будет похуже чернильных орешков.

— Странное вещество, — сказал аптекарь. — Как будто похоже на свинцовую руду.

От внезапно ударившей в борт волны он споткнулся, и черный камень, выскользнув из его руки, с глухим стуком упал на палубу. Мелькиор Панассав неожиданно разъярился:

— А нельзя ли поосторожнее? Если бы эта штука свалилась за борт, мне пришлось бы выложить тысячу ливров штрафа.

— Свинцовая руда сильно подорожала в здешних местах, — задумчиво сказал мэтр Савари.

Панассав, казалось, пожалел о своих словах и успокоился.

— Я это так, наобум брякнул. В том, чтобы перевозить свинец, нет ничего дурного, но мне было бы приятнее, если бы вы сделали вид, что ничего не видали. А, между прочим, чем это вы занимались у меня в трюме?

— Я хотел поместить свою бутылку в более надежное место, чтобы она не могла вдруг упасть и покатиться по палубе и чтобы ее случайно не задела ногой. Не могли бы вы дать мне немного пресной воды, чтобы умыться?

— Вы бы только зря перевели воду, так что для этого я вам ее не дам. Нет на свете такой воды и такого мыла, которые справились бы с этими пятнами. Тут нужен лимон или очень крепкий уксус, а у меня на судне их нет. Придется вам подождать, пока мы не пристанем к берегу.

— Странное вещество, — повторил ученый аптекарь, присев в уголке и смирившись с тем, что он еще долго будет походить на угольщика.

Анжелика расположилась на свернутом парусе в закутке, несколько более защищенном от ветра, чем другие места на судне. Она медленно жевала кусок солонины с сухарями и красным перцем, которые Панассав раздал своим пассажирам, и думала о том, что марселей, пожалуй, хитрит. Ее глаза неотрывно смотрели на то, что он назвал «пинио», и в памяти оживало далекое прошлое. Савари, при всей его учености, похоже, не догадывался, что «пинио» — это вовсе не свинцовая руда, а спеченное со шлаком серебро, которое для того, чтобы сделать его поверхность еще более черной и тусклой, подержали в парах горячей серы. Именно этот способ маскировки использовал когда-то граф де Пейрак для перевозки в Испанию и Англию серебра, добытого в его руднике Аржантьер, и тогда же Анжелика слышала от него, что многие контрабандисты Средиземноморья делают то же самое.

Когда в полдень Мелькиор Панассав приготовился насладиться послеобеденным сном на излюбленной скамейке, Анжелика присела рядом с ним.

— Господин Панассав, — тихо окликнула она его.

— Да, моя красавица.

— Я хочу задать вам один вопрос. Скажите, вы перевозите это серебро для Рескатора?

Марселец, начавший было не торопясь разворачивать большой платок, чтобы прикрыть им лицо от жгучих лучей солнца, резко сел на своей скамейке. Веселое выражение вмиг исчезло с его лица.

— Я плохо слышу то, что вы мне говорите, милая дама. Знаете, бросать слова на ветер — дело рискованное. Рескатор — пират-христианин, заключивший союз с турками и берберийцами, иными словами, опасная личность. Я его никогда не видел и не имею к тому охоты. А в трюме моего судна я перевозю свинец.

— В моей родной провинции рудокопы называли это «штейном». Вы говорите «пинио». Но я знаю, что это одно и то же — замаскированное черное серебро. Когда-то, давно, мулы моего отца перевозили штейн к берегу океана, где эти безобразные черные лепешки грузили на корабли, не пометив их королевским штемпелем. Я не могла ошибиться. Выслушайте меня, господин Панассав, я расскажу вам все.

Она рассказала ему, что разыскивает человека, которого любит и который некогда занимался этой самой отраслью рудничного дела.

— И вы думаете, что он, возможно, все еще промышляет этим здесь, в наших краях?

— Да.

Не приходилось ли господину Панассаву слышать от других торговцев о некоем очень ученом человеке, хромом, с изуродованным лицом?

Мелькиор Панассав отрицательно покачал головой, затем спросил:

— А как его зовут?

— Я не знаю. Должно быть, ему пришлось сменить имя.

— Так у него еще и имени нет! Ну и ну! Тут остается сказать только одно: любовь слепа на оба глаза, и никто ей не указ. Он погрузился в размышления. Лицо его вновь повеселело, но по-прежнему выражало некоторое недоверие.

— Вот что я вам скажу, дорогая вы моя, — наконец заговорил он снова. — Я не хочу обсуждать ваши вкусы и не спрашиваю, почему вы так держитесь за этого вашего возлюбленного, когда на свете полно красивых молодых людей с прямой спиной, прекрасными гладкими щеками, у которых нос растет там, где ему положено, — в середине лица, — и которые гордо носят то имя, которое дали им при крещении Господь Бог и их родители... Конечно, не мое дело читать вам наставления. Вы уже не девочка и знаете, что вам нужно. Но не стоит вам тешить себя иллюзиями. Перевозкой «пинио» на Средиземном море промышляли всегда и будут промышлять впредь. Здешний народ знал это ремесло и без вашего колченогого друга. Да если хотите, уж мой отец перевозил эту штуку и был, как тогда говорили, «рескатором». Ну, он, конечно, был мелкой рыбешкой — не чета нынешнему. Этот новый — прямо настоящая акула. Говорят, что он явился из Южной Америки, куда испанский король посылал его за золотом и серебром из сокровищ инков. Потом он, как видно, решил открыть собственное дело и начал промышлять «пинио». Стоило ему объявиться у нас на Средиземном море, как он тут же проглотил всех мелких торговцев-рескаторов. Либо ты начинал работать на него, либо твое судно топили. Он, так сказать, захватил на этот промысел монополию. Правда, мы тут на это не жалуемся... Дела с тех пор пошли куда лучше. Легче стало торговать, теперь живем — не тужим. В прежние времена, бывало, побегаешь с протянутой рукой, пока раздобудешь на рынке малую толику денег. В обращение они поступали в час по

чайной ложке, так что приходилось затягивать пояса — особо не разлакомишься. Когда какой-нибудь купец хотел заключить крупную сделку по поставке с Востока шелков или других товаров, у него часто не было иного выхода кроме как занять деньги у банкиров под ростовщический процент. Турки не желали, чтоб вместо звонкой монеты им платили пустопорожними обещаниями, и были правы. Ну и, конечно, операции такого рода делали все цены на рынке страшно неустойчивыми. Теперь серебро и золото поступают в достатке. Откуда они берутся? А нам это знать ни к чему. Главное, что они есть. Само собой, не всем такое положение нравится. Оно пришлось не по вкусу королевствам и мелким княжествам, которые прежде держались за свою кубышку и коли давали денежки займы, так только при условии, что заемщик вернет им впятеро больше. Взять, к примеру, короля Испании, который считает, что все богатства Нового Света принадлежат одному ему, или других государей, помельче, но столь же ненасытных: герцога Тосканы, венецианского дожа мальтийских рыцарей. Всем им пришлось приспособиться к нормальной цене денег.

— Короче говоря, этот ваш патрон — прямо-таки спаситель и благодетель!

Лицо марсельца помрачнело.

— Он мне не патрон. Я не желаю иметь никаких дел с этим проклятым пиратом.

— Но если вы занимаетесь перевозкой серебра, а он захватил в этом деле монополию...

— Послушайте, моя голубушка, я вам дам один совет. В этих краях никогда не стоит выяснять, откуда что берется. Человеку здесь незачем дознаваться, ни где начинается веревка, за которую он держится, ни где она кончается. Я, к примеру, беру груз в Кадисе или в другом месте — чаще всего на побережье Испании. Я должен его доставить в христианские колонии в

Леванте, причем не всегда в одно и то же место. Я привожу товар, и мне платят либо деньгами, либо переводным векселем, который я могу предъявить к оплате везде в Средиземноморье: в Мессине, в Генуе и даже в Алжире, если мне вдруг взбредет в голову туда прогуляться. Вот и все, на этом мое дело закончено, и Мелькиор Панассав возвращается к себе, на улицу Канебьер.

С этими словами марселец развернул свой платок, ясно давая понять, что он сказал все, что хотел, и больше говорить не о чем.

«Незачем дознаваться, куда ведет веревка, за которую держишься...» Анжелика потрянула головой. Она не подчинится закону этих краев, где сплелось друг с другом слишком много страстей и противоположных интересов, что и породило нужду в благодетельной забывчивости, в короткой памяти. Нет, она до тех пор не отпустит зажатую в ее руке тоненькую нить, пока та не приведет ее к цели.

Но временами ей чудилось, что ниточка сама ускользает из ее пальцев, превращается в неосязаемое марево и тает, растворяется без следа в небесной лазури. На этом лениво колышущемся море, под палящим солнцем реальность становится легендой, оборачивается зыбкой, недостижимой мечтой. Анжелике казалось, что теперь она понимает, как родились на здешних берегах античные мифы.

«А что, если я сама гонюсь за мифом... за легендой о пропавшем герое, которого нет более в мире живых... Я пытаюсь разгадать, какой путь мог избрать он в этих краях, где «не стоит ничего выяснять», но меня встречает одно лишь сплетение миражей».

— Вы рассказывали мне очень интересные вещи, господин Панассав, — сказала она вслух. — Благодарю вас.

Прежде чем растянуться на лавке, марселей, сделал рукою величавый жест.

— Мне удалось научиться кое-чему, — снисходительно подтвердил он.

Вечером на горизонте показалась гора со снежной, сияющей ослепительной белизной вершиной.

— Везувий, — сказал Савари.

Юнга, взобравшийся по такелажу на мачту, крикнул, что видит парус.

Команда и пассажиры «Жольетт» подождали, пока судно подошло ближе. То был военный корабль, красивая и величественная бригантина.

— Какой у них флаг?

— Французский! — радостно закричал Мучо.

— Подыми флаг Мальтийского ордена, — нахмурившись, приказал Панассав.

— Почему мы не поднимаем наш собственный флаг с королевскими лилиями? — спросила Анжелика. — Ведь это наши соотечественники.

— Потому что я не доверяю соотечественникам, которые плавают на военных судах испанской постройки.

Бригантина, похоже, намеревалась перерезать путь маленькой «Жольетт», По ее фалу взвились разноцветные вымпелы.

Мелькиор Панассав с трудом удержал готовое сорваться с языка ругательство.

— Говорил же я вам! Они требуют, чтобы мы дали им осмотреть наше судно. Это незаконно! Мы находимся в неаполитанских водах, и Франция не воюет с Мальтийским орденом. Наверняка это какой-то пират, бесчестящий наш флаг, — разбойников в здешних краях не перечесть. Подождем еще.

Корабль маневрировал, приближаясь к «Жольетт». На нем убрали часть парусов. Затем Анжелика с

изумлением увидела, как французский флаг спускается с его мачты и его место занимает какой-то неизвестный ей штандарт.

— Флаг великого герцога Тосканского, — сообщил Савари. — Это значит, что на судне плавают французы, но они купили право продавать свои трофеи в Ливорно, Палермо и Неаполе.

— Не все еще потеряно, дети мои, — тихо сказал марселец. — Приготовим им потеху, коли они настаивают.

На юте ^[25] большого корабля стоял дворянин в красном камзоле и шляпе с плюмажем и смотрел в подзорную трубу. Когда он опустил ее, Анжелика увидела, что его лицо закрыто маской.

— Дурной знак, — проворчал Панассав. — Честные капитаны никогда не надевают масок, идя на сближение.

Стоящий рядом с дворянином молодчик с физиономией висельника, должно быть, его помощник, протянул ему рупор.

— Какой везете груз? — крикнул капитан по-итальянски.

— Испанский свинец для Мальтийского ордена, — ответил на том же языке Панассав.

— И больше ничего? — нагло и нетерпеливо спросил тот же голос, перейдя на французский.

Еще аптекарские снадобья, — прибавил марселец тоже по-французски.

Толпу матросов, перегнувшихся через поручни бригаантины, чтобы лучше слышать этот допрос, потряс взрыв гомерического хохота. Панассав подмигнул:

— Хорошо, что я сказал им про аптекарские снадобья. Это отобьет у них охоту устраивать нам досмотр.

Однако, посоветовавшись со своим помощником, дворянин в красном опять поднял рупор:

— Приказываю вам лечь в дрейф и приготовить ваш судовой манифест. Мы проверим правильность ваших заявлений.

Марселец побагровел от гнева.

— Что он о себе воображает, этот жалкий дешевый пират? Манифест ему подавай! Я ему покажу манифест!

С бригантины спустили на воду каик. В него сели вооруженные мушкетами матросы во главе с помощником капитана, чью и без того неприглядную физиономию еще более безобразила черная нашлепка на глазу.

— Мучо, убавь паруса, — сказал Мелькиор Панассав. — Скайано, будь готов схватиться за кормовое весло, как только я скажу. Дедушка, вы человек куда более ушлый, чем подумаешь, на вас глядя, Подойдите ко мне, да только без спешки — за нами наверняка наблюдают. Повернитесь к ним спиной. Так, хорошо. Вот вам ключ от зарядного ящика. Когда я повернусь к ним носом и они не смогут видеть, что делается у нас на судне, выньте оттуда несколько ядер. Пушка уже заряжена, но может статься, что нам понадобится ее перезарядить. Чехол с пушки не снимайте — может, они ее еще не заметили.

Паруса «Жольетт» безжизненно обвисли. Она легла в дрейф. Флибустьеры в спущенной с бригантины шлюпке всю налегали на весла, то исчезая из виду в ложбинках между волн, то вновь показываясь на гребне, каждый раз все ближе и ближе.

Мелькиор Панассав крикнул в рупор: — Я отказываю вам в праве на досмотр!

В ответ послышался издевательский смех.

— Ну, все, теперь они достаточно близко, — прошептал марселец. — Дедушка, встаньте к штурвалу.

Он уже сдернул со своей маленькой пушки маскировочный чехол. Схватив фитиль, он скусил его, зажег и сунул в казенную часть орудия.

— Ну, будь что будет! Держитесь крепче, дети мои. Громыхнул выстрел, парусник трянуло, и всех, кто на нем находился, опрокинуло на палубу.

— А, черт, промазал! — выругался Панассав.

В окутавших его густых клубах порохового дыма он пытался на ощупь вложить в пушку второй заряд.

Ядро упало в нескольких морских саженьях ^[26] от пиратской шлюпки и всего лишь окатило гребцов водой. Пережив мимолетный испуг, пираты обнаружили, что они целы и невредимы, и, разразившись проклятьями, принялись заряжать свои мушкеты.

Продолжающая дрейфовать «Жольетт» представляла собой легкую мишень для противника, далеко превосходящего ее в огневой мощи.

— Хватай кормовое весло, Скайано, скорее, скорее! А вы, дедушка, постарайтесь править так, чтобы мы шли зигзагами.

Ударил мушкетный залп, и по воде вокруг маленького парусника хлестнули пули. Марселей глухо зарычал и схватился за свою правую руку.

— О, вы ранены! — вскричала, бросаясь к нему, Анжелика.

— Ублюдки! Ну, ничего, они мне за это заплатят! Дедушка, вы умеете обращаться с пушкой?

— Я был пиротехником у Сулеймана-паши.

— Хорошо. Тогда закройте казенную часть и приготовьте фитиль. Мучо, возьми штурвал.

Шлюпка находилась уже самое большее в пятидесяти морских саженьях от «Жольетт» и была теперь обращена к ней носом. Трудная мишень. Море волновалось, дул порывистый ветер, и оба суденышка: и

«Жольетт», и атакующую ее пиратскую шлюпку — швыряло то вверх, то вниз.

— Эй вы, олухи, сдавайтесь! — крикнул разбойник с черной повязкой на глазу.

Все еще держась левой рукой за раненую правую, Мелькиор Панассав обернулся к своим спутникам. Они отрицательно замотали головами.

Тогда он крикнул:

— А вам с вашим вором-капитаном еще никто из провансальских моряков не отвечал: катитесь к черту, дерьмо вы этокое? — Затем поднял палец, делая знак Савари, и тихо скомандовал:

— Огонь!

Парусник содрогнулся от нового выстрела. Когда дым рассеялся, стали видны плавающие на волнах весла, обломки дерева и цепляющиеся за них пираты.

— Bravo! прошептал марселец. — А теперь поднимем все паруса и попробуем уйти.

Но в эту минуту корпус «Жольетт» потряс глухой удар. Анжелике показалось, что поручни, на которые она опиралась, тают как масло. Палуба вдруг сделалась холодной и мягкой и начала уходить у нее из-под ног. Рот наполнила соленая морская вода.

Глава 9

Капитан пиратского судна снял свою маску, открыв еще довольно молодое лицо. Его загар красиво контрастировал с серыми глазами и белокурой шевелюрой. Однако на этом лице явственно проступали признаки увядания, придающие ему желчное, сардоническое выражение. Тяжелые мешки под глазами свидетельствовали о пристрастии к излишествах. Виски пирата уже посеребрила седина.

Приблизившись к своим пленникам, он брезгливо оттопырил нижнюю губу.

— В жизни не видал такого жалкого улова. Если не считать этого молодца из Марсея, который сложен довольно недурно, но умудрился-таки заполучить пулевую рану в плечо, то мы имеем всего-навсего двух худосочных мальчишек и двух плюгавых старикашек, один из которых зачем-то перекрасился в негра.

Он схватил Савари за жидкую эспаньолку и со злостью дернул ее.

— Ты что же, старый козел, рассчитывал, что так за тебя больше заплатят? Да будь ты хоть негр, хоть белый, я бы не дал за твой высохший костяк и двадцати цехинов.

Одноглазый помощник, смуглый, приземистый толстяк, указал на старика-аптекаря трясущимся пальцем:

— Это он... это он... пустил ко дну... нашу шлюпку. Бандит стучал зубами от холода в своей насквозь промокшей одежде. Его и троих уцелевших матросов выловили из воды, но пять членов экипажа бригантинны «Гермес» нашли свою гибель в сражении с этим маленьким, таким безобидным на вид парусником.

— Он? Неужели? — проговорил капитан пиратского судна, сверля скрюченного старичка своими холодными змеиными глазами. Однако вид у того был столь убогий, что пират не поверил словам помощника.

Он пожал плечами и, отвернувшись от невзрачной компании, состоящей из бедно одетых, промокших до нитки Савари, Флипо, юнги и старого Скайано, обратил свой взор к здоровяку-марсельцу, который лежал на палубе с перекошенным от боли лицом.

— Ох уж эти дурни-провансальцы — на них совершенно невозможно положиться... Думаешь, что они безобидные ребятки, этакие неопасные остряки-самоучки, — и вдруг им что-то ударяет в голову, и они готовы без страха сразиться с целым флотом. Дурак! Зачем ты петушился? Что тебе это дало? Ты сам лежишь раненый, а твой парусник продырявлен ядром. Если бы он не был таким славным суденышком, я пустил бы его ко дну, но думается, что после ремонта я смогу получить за него недурную цену. Ну-с, а теперь займемся этим юным господином, который представляется мне единственным стоящим товаром на этой утлой посудине.

Неторопливым шагом он направился к Анжелике, которую по его приказу поставили поодаль от других пленников. Она тоже дрожала от холода в своем мокром наряде, так как солнце уже клонилось к горизонту и ветер посвежел. Вымокшие, тяжелые волосы свисали ей на плечи.

Капитан разглядывал ее с той же холодной внимательностью, что и остальные человеческие трофеи. Под его пристальным взглядом молодая женщина почувствовала острую неловкость. Она сознавала, что мокрая материя надетого на ней камзола плотно облепила ее тело. Белесые брови пирата сдвинулись к переносице, глаза недобро прищурились. Он глумливо улыбнулся.

— Итак, юноша, вам нравятся путешествия?

Резким движением он выхватил саблю и приставил ее конец к груди Анжелики, виднеющейся в раскрытом вороте рубашки, который она машинально пыталась запахнуть. Она ощутила укол острой стали, но не шелохнулась.

— Так вы храбрец?

Пират нажал на клинок чуть-чуть сильнее. Анжелике казалось, что ее нервы вот-вот лопнут от мучительного напряжения. Внезапно сабля скользнула вниз, рассекла ткань и отвела ее в сторону, обнажив одну белую грудь.

— Смотрите, женщина!

Наблюдавшие эту сцену матросы заржали, громко выкрикивая непристойности. Анжелика быстро запахнула разрезанную одежду. Ее глаза горели яростью.

Пират продолжал улыбаться.

— Женщина! Положительно, сегодня на борту «Гермеса» дают комедию. Старик, изображающий негра, женщина, изображающая мужчину, марселец, изображающий героя, и, наконец, наш славный помощник Кориано, изображающий тритона.

Снова грянул дружный хохот, сделавшийся еще оглушительнее при виде унылой физиономии вышепоименованного Кориано — головореза с повязкой на глазу.

Анжелика подождала, пока шум утих.

— И хам, изображающий французского дворянина!
— резко бросила она.

Разбойник выслушал оскорбление все с той же улыбкой.

— Ого! Еще один сюрприз! Женщина, которая за словом в карман не лезет! В портах Леванта такой товар весьма редок. Пожалуй, сегодня у нас с вами

выдался удачный день, мессеры. Откуда вы, моя красотка? Из Прованса, как и ваши спутники?

Поскольку она не отвечала, он подошел к ней вплотную, положил руку ей на талию и, не обратив внимания на ее попытку отшатнуться, отобрал у нее кинжал и пояс. Взвесив тяжелый пояс на руке с многозначительной улыбкой знатока, он расстегнул его и одну за другой высыпал из него себе на ладонь золотые монеты. Матросы, алчно блестя глазами, придвинулись поближе, однако капитан одним взглядом заставил их вернуться на место.

Он еще раз прощупал пояс и извлек из него пропитанный камедью непромокаемый футляр, а из последнего — переводной вексель. Прочитав текст, он, казалось, был озадачен.

— Госпожа дю Плесси-Белльер? — проговорил он.

И затем, приняв, наконец, решение, отрекомендовался: Позвольте представиться — маркиз д'Эскренвиль.

Изящество его поклона говорило о том, что он получил неплохое воспитание. По-видимому, его дворянство и титул были подлинными. Анжелика начала надеяться, что благодаря их принадлежности к одному сословию он проявит к ней определенное уважение.

— Я вдова маршала Франции, — сказала она, — и еду в Кандию по делам покойного мужа.

Пират улыбнулся холодно, одними губами.

— Меня также называют Ужасом Средиземного моря, — сказал он.

Однако, поразмыслив, он все же велел отвести свою пленницу в каюту, которая, видимо, предназначалась для именитых пассажиров и — прежде всего — пассажиров.

Здесь в старом, обитом гвоздями кожаном коробе, Анжелика обнаружила ворох европейских и турецких

женских нарядов, покрывал, фальшивых драгоценностей и туфель.

Она никак не могла решиться раздеться, На этом судне она не чувствовала себя в безопасности. Ей чудилось, что сквозь щели в дощатых стенках каюты за ней наблюдают жадно блестящие мужские глаза. Но промокшая одежда облегла ее тело, будто ледяной саван, и она ничего не могла поделать со своими лязгающими от озноба зубами. В конце концов, Анжелика сделала над собой усилие и стащила с себя мужской костюм. Она с отвращением надела более или менее подходящее ей по росту старомодное, белое, сомнительной чистоты платье и подумала, что наверняка выглядит в нем сущим пугалом. Накинув на плечи испанскую шаль, она почувствовала себя несколько лучше. Затем она легла на койку, свернулась калачиком и предалась мрачным мыслям. От ее слипшихся волос и сырых стен каюты пахло морской водой, и этот солоноватый запах казался ей мерзким до тошноты. У нее было сейчас такое чувство, словно она осталась одна-одинешенька в пустынном море, беспомощная, всеми покинутая, как потерпевший кораблекрушение на утлом плоту. Она сама, своими руками, обрубил швартовы, привязывающие ее к ее прежней блестящей жизни при дворе, но там, на другом берегу, ее никто не ждет и не протянет ей руку помощи... Где сумеет она вновь соединить концы разорванной нити? Если даже предположить, что этот пират-дворянин согласится отвезти ее в Кандию, то что она будет там делать без денег? Единственный, кто мог бы ей помочь, — это Али Мектуб, арабский торговец. Потом она вспомнила, что консульские обязанности исполняет в Кандии какой-то француз. Можно будет обратиться к нему. Она попыталась припомнить, как его зовут. Роше? Поше? Паша?.. Нет, не так...

Послышавшиеся совсем рядом женские крики и плач вырвали Анжелику из оцепенения. Сквозь щели между неплотно пригнанными досками стен в каюту проникали тонкие красные лучи, и когда Анжелика распахнула дверь, в лицо ей полыхнуло алое зарево заката. Солнце, похожее на огненный шар, опускалось в море. Анжелика посмотрела из-под приставленной ко лбу руки. В нескольких шагах от нее два матроса тискали молоденькую девушку, почти ребенка. Один пират держал ее за руки, а второй, не переставая ухмыляться, с жаром ее ласкал.

Анжелика вскипела.

— Отпустите девочку! — крикнула она.

Поскольку пираты не обратили на ее слова ни малейшего внимания, она ринулась к ним и сорвала шерстяную шапку с головы того, который держал руки девушки.

Почувствовав, что с него сняли головной убор, который для матроса составляет такую же неотъемлемую часть его особы, как и его нечесаная и немытая шевелюра, флибустьер разжал руки и протянул их к своей шапке.

— Эй, эй, моя шапка! — закричал он.

— Вот что я с ней сделаю, грязный ты распутник, — отвечала Анжелика, бросая шапку за борт.

Девушка тем временем проворно высвободилась из рук второго пирата и теперь, дрожа как натянутая струна, ошеломленно следила за происходящим. Пираты удивились ничуть не меньше ее. Тупо посмотрев на качающуюся на волнах шапку, они обернулись к Анжелике и ткнули друг друга локтями.

— С ней надо держать ухо востро! — проворчал один. — Это та самая краля, которую мы нынче выудили из моря, та, у которой водилось золотишко. Коли наш маркиз имеет на нее виды...

Они пошли прочь, оставив все как есть. Анжелика повернулась к девочке. Оказалось, что та старше, чем она думала вначале. Ее бледное с большими черными глазами лицо, обрамленное густыми темными кудрями, могло принадлежать двадцатилетней, однако одетое в белое платье тело было хрупким и тоненьким, как у подростка.

— Как тебя зовут? — спросила Анжелика, не особенно надеясь, что незнакомка ее поймет.

К ее великому изумлению, та ответила:

— Эллис.

Затем она встала на колени и, схватив руку своей заступницы, поцеловала ее.

— Что ты делаешь на этом судне? — задала еще один вопрос Анжелика.

Но девушка вдруг отскочила в сторону, как пугливая кошка, и скрылась в сгущающихся вечерних сумерках.

Анжелика обернулась. С лесенки, ведущей на ют, на нее глядел маркиз д'Эскренвиль, и она поняла, что он стоит там уже давно и видел всю сцену с самого начала.

Он оставил свой наблюдательный пункт и направился к ней. Вблизи было видно, что его глаза горят ненавистью.

— Ах, вот оно что, — проговорил он. — Госпожа маркиза думает, что она все еще среди своих слуг. Она отдает повеления и корчит из себя важную даму. Ну, так я вам покажу, моя милая, что вы не у себя дома, а на корабле флибустьеров.

— В самом деле? Вы полагаете, что я еще этого не заметила? — насмешливо сказала Анжелика.

Глаза маркиза д'Эскренвиля сделались похожи на расплавленную сталь.

— Да она еще и острит! Тебе, видно, кажется, что ты по-прежнему порхаешь по салонам Версаля? Что ты окружена поклонниками, жадно ловящими каждое драгоценное слово, которым ты соблаговолишь их

удостоить? Воздыхателями, которые пресмыкаются у твоих ног?.. Которые обращают к тебе свои мольбы? Которые плачут?.. А ты — ты смеешься, насмехаешься над ними, не так ли? Ты говоришь: «Ах, моя милочка, вы же знаете, какой он назойливый. Он меня обожает...» И ты притворяешься, и хитришь, и даришь обольстительные улыбки... Ты все хладнокровно просчитываешь и дергаешь за ниточки своих послушных марионеток... Одному — ласка, другому — томный взор... а того, который более не может быть мне полезен, я за ненужностью прогоню. Он в отчаянии? Велика важность!.. Он хочет умереть? Ах, как смешно! Ах, ах! О, этот кокетливый смех, терзающий мне слух, — сегодня я заставлю его смолкнуть.

Он поднял руку, как будто хотел ее ударить. Говоря, он так взвинул себя, что весь дрожал от бешенства и на губах выступила пена.

Анжелика оторопело глядела ему в лицо.

— Опустит глаза, — приказал он. — Опустит глаза, наглая тварь. Здесь ты уже не королева. Теперь ты, наконец, научишься слушаться хозяина... Время капризов и пустых обещаний для тебя прошло. Я тебя вышколю!

Видя, что она продолжает спокойно на него смотреть, он с остервенелой яростью ударил ее по лицу.

— Вы не имеете права! — вскрикнула Анжелика. Д'Эскренвиль усмехнулся.

— Здесь я имею все права. Я могу делать, что пожелаю, с паршивками твоего сорта, которых следует научить покорности... Скоро ты у меня все уразумеешь. Не позднее сегодняшней ночи, моя красотка, ты поймешь раз и навсегда, кто такая ты и кто такой я. — Он схватил ее за волосы, втолкнул в каюту и, захлопнув за ней дверь, повернул в замке ключ.

Вскоре дверной запор снова заскрежетал, оповещая о новом визите. Анжелика встала, готовая ко всему. Однако это был всего лишь капитанский помощник Кориано с фонарем в руке. За ним шел негритенок с подносом. Помощник повесил фонарь на слуховое оконце, приказал негритенку поставить поднос на пол и своим единственным глазом внимательно осмотрел пленницу с головы до ног. Затем указал жирным, униженным перстнями пальцем на поднос с едой и приказал:

— Ешьте!

Когда он ушел, Анжелика не смогла устоять перед исходящим от подноса аппетитным запахом. Здесь были пирожки с креветками, суп из моллюсков и апельсины. Рядом со снедью стояла бутылка хорошего вина. Анжелика проглотила все до крошки. Подорванные усталостью и волнением, силы ее были на исходе.

Когда она услышала приближающиеся к двери неторопливые шаги маркиза д'Эскренвиля, ей показалось, что сейчас она не выдержит и закричит.

Пират отпер дверь и вошел. Ему пришлось нагнуться, чтобы не удариться головой о низкий потолок. Рыжеватый огонь фонаря освещал его лицо снизу. Со светлыми глазами, загорелой кожей и сединой на висках он мог бы показаться красивым, если бы не безобразящий его злобный оскал.

— Итак, — сказал он, взглянув на поднос с пустой посудой, — госпожа маркиза изволила счавкать весь свой корм?

Она не удостоила его ответом и с презрением отвернулась. Он положил руку на ее обнаженное плечо. Анжелика отпрянула и, бросившись в глубину каюты, забилась в угол. Она поискала глазами какой-нибудь предмет, пригодный для защиты, но ничего не нашла,

Д'Эскренвиль наблюдал за ней со злорадным видом кота, играющего с пойманной мышью.

— Нет, — проговорил он. — Сегодня ты от меня не сбежишь. Сегодня я сведу с тобой счеты, и ты мне за все заплатишь.

— Но я же ничего вам не сделала! — запротестовала Анжелика.

Он засмеялся.

— Не ты, так твои сестры... Какая разница! Ты достаточно сделала другим, чтобы сто раз заслужить наказание. Скажи, сколько их было, тех, которые ползали у твоих ног? Ну, скажи, сколько?

Огонек безумия в его глазах внушал Анжелике панический ужас. Взгляд ее отчаянно заметался в поисках выхода.

— Ну что, ты начинаешь бояться? Это мне уже больше нравится... У тебя поубавилось спеси? Отлично, скоро ты будешь молить меня о пощаде. Я знаю, как это делается!

Он снял с себя портупею и вместе с саблей бросил ее на койку, затем швырнул туда же свой кожаный пояс и с циничным бесстыдством начал расстегивать штаны.

Анжелика схватила первое, что подвернулось ей под руку, — маленький табурет — и кинула в него. Он увернулся, ухмыляясь, подошел к ней и обхватил ее обеими руками. Когда он нагнулся к ее лицу, она укусила его за щеку. — Сука! — крикнул пират.

В бешенстве он схватил ее за руки и попытался свалить на пол. Они боролись яростно и безмолвно в тесном пространстве каюты, и их сплетенные тела гулко ударялись о дощатые стены.

Анжелика чувствовала, что быстро изнемогает. Она упала, и д'Эскренвиль, тяжело дыша, навалился на нее всем телом и придавил ее к полу. Молодая женщина совсем выдохлась, силы оставили ее, и она могла заставить себя только поворачивать голову то влево, то

вправо, чтобы избежать прикосновений этой склоненной над ее лицом ухмыляющейся маски.

— Спокойно, спокойно, моя прелесть. Вот ты у меня и поумнела. Дай-ка я рассмотрю тебя вблизи.

Он разорвал на ней корсаж и, довольно хрюкнув, впился губами в ее тело. Охваченная омерзением, она извивалась, пытаясь вырваться, но он еще крепче стиснул ее, раздвинул ее ноги, мало-помалу подчиняя себе это бунтующее женское тело. В момент, когда он приготовился овладеть ею, она изо всех сил рванулась. Пират выругался и обрушил на нее такой жестокий удар, что она завопила от боли. Несколько бесконечных минут Анжелике пришлось выносить его слепое опустошающее неистовство, пока он насыщался ею с громким пыхтением хозяйничающего в своем логове дикого кабана.

Когда он встал, она горела от стыда.

Д'Эскренвиль приподнял ее, изучающе посмотрел на ее мертвенно-бледное лицо, затем снова пихнул ее на пол, и она тяжело повалилась к его ногам.

— Вот такими мне нравятся женщины, — проговорил он. — Для полного совершенства тебе не хватает только одного — слез.

Он привел в порядок свой красный суконный камзол и застегнул поясной ремень. Опираясь одной рукой о пол, Анжелика другой запахнула на груди лохмотья, оставшиеся от платья. Ее светлые волосы, как густая вуаль, свесились на лицо, открыв согнутую шею.

Д'Эскренвиль в последний раз пнул ее носком сапога.

— Ну, плачь же, плачь!

Пока он оставался в каюте, Анжелика не плакала, и только когда он ушел, на лицо ее жгучим потоком хлынули слезы. Она с трудом поднялась и села на край койки. Суровые испытания последних дней и постоянные схватки с озверевшими от похоти

человеческими самцами начинали подтачивать ее мужество и стойкость.

В ее мозгу снова и снова несмолкающим сатанинским эхом раздавались слова старого каторжника, услышанные на песчаном корсиканском берегу:

«Трупы — баклану, добыча — пирату, а женщина — всем».

Она все еще продолжала надрывно всхлипывать, когда ближе к середине ночи кто-то начал тихо царапать по двери каюты. Этот неожиданный звук вывел Анжелику из овладевшего ею отчаяния.

— Кто там?

— Это я, Савари.

Глава 10

— Вы позволите мне войти? — прошептал старый аптекарь, просунув в приоткрытую дверь свое почерневшее от «пинио» лицо.

— Разумеется, — ответила Анжелика, стараясь побыстрее прикрыть полуобнаженную грудь. — К счастью, эта скотина не заперла дверь на ключ.

— М-да, — сказал Савари, оглядывая царящий в каюте красноречивый беспорядок.

Он присел на краешек койки, сконфуженно опустив глаза.

— Увы, сударыня, я должен признать, что с тех пор, как я попал на это судно, я не очень-то горжусь своей принадлежностью к мужской половине рода человеческого. Я прошу у вас за нее прощения.

— Вы ни в чем не виноваты, мэтр Савари. — Анжелика решительно вытерла свои мокрые щеки и вскинула голову, — Во всем виновата я сама, — сказала она. — Меня достаточно предупреждали. Сама заварила кашу — самой и расхлебывать. И, в конце концов, я же не умерла, и вы тоже живы, а это главное... Кстати, как себя чувствует бедняга Панассав?

— Плохо. Он в жару и бредит.

— А как вы сами? Разве вы не рискуете навлечь на себя какую-нибудь суровую кару за этот визит ко мне?

— Плети, палки и подвешивание к нижним реям за большие пальцы рук, Таковы излюбленные забавы нашего утонченного капитана.

Анжелика содрогнулась.

— Это ужасный человек, Савари. Он способен на все.

— Он курит гашиш, — озабоченно сказал старый аптекарь. — Я понял это вчера вечером, когда увидел, что взгляд у него временами становится безумным, как

у человека, страдающего галлюцинациями. Это аравийское снадобье вызывает у тех, кто его потребляет, приступы самого настоящего сумасшествия. Наше с вами положение, сударыня, весьма опасно...

Он потер свои костлявые белые ручки, и Анжелика со сжавшимся сердцем подумала, что этот маленький, слабый, одетый в лохмотья старичок с растрепанными седыми вихрами и лицом, испещренным черными и сине-зелеными пятнами, как у покойника, — теперь единственная ее опора.

Мэтр Савари начал тихо убеждать ее не падать духом. Через несколько дней они смогут убежать.

— Убежать! О, мэтр Савари, неужели это возможно? Но каким образом...

— Тсс! Это будет действительно нелегкое дело, но на этот раз нам поможет то, что Панассав — человек Рескатора. Впрочем, вы и сами это подозревали. Он один из тех многочисленных моряков, рыбаков и торговцев, которые оказывают этому господину содействие в его коммерции. Панассав сам рассказал мне об этом. В их братстве даже самый мелкий перевозчик так называемого «пинио», будь то мусульманин или христианин, может быть уверен, что ему не придется гнить в трюме у работорговцев. Рескатор сделал так, что у него найдутся сообщники повсюду. Именно поэтому на этого корсара работает так много людей.

Савари нагнулся, приблизив свое лицо к лицу Анжелики, и его голос перешел в едва различимый шепот:

— У него есть сообщники даже здесь, на этом судне. Одна из тех таинственных бумаг, которые марселец прячет в своем непромокаемом мешочке между флагами мальтийских рыцарей и герцога Тосканского, послужит ему опознавательным знаком для получения

помощи от тех самых караульных, которых к нему приставили.

— Вы и вправду полагаете, что караульные этого зверя д'Эскренвиля согласятся стать соучастниками побега? Ведь они могут поплатиться головой...

— Или разбогатеть! Оказывается, те, кто содействует побегу одного из членов братства торговцев серебром, получают за это баснословные суммы. Так распорядился их тайный хозяин, тот самый Рескатор, которого мы с вами уже имели опасную честь повстречать. Никто не знает, кто такой этот Рескатор: бербериец, турок или испанец, христианин он, ренегат или просто прирожденный мусульманин, но одно известно наверняка — он ничем не связан с другими средиземноморскими пиратами, будь то европейцы или магометане, которые все до единого торгуют рабами. Все свои богатства он добывает контрабандой серебра. Это вызывает дикую злобу у остальных дельцов, которые никак не могут уразуметь, каким образом этот Пират ухитряется процветать, не прибегая к торговле живым товаром. Венецианцы, генуэзцы и мальтийские рыцари враждебны ему не менее, чем алжирские корсары Меццо-Морте или турецкие работорговцы в Бейруте. Однако он очень могуществен, поскольку все, кто ему служит, находят свою службу на редкость выгодной. Например, Панассав, который умудрился спасти часть своего груза, получит от него столько денег, что сможет купить себе новое судно, не хуже, а может быть, даже лучше, чем его «Жольетт». Правда, для того чтобы попытаться сбежать, нам нужно подождать, пока наш бедный марселей оправится от своей раны.

— Только бы это ожидание не затянулось надолго! Ах, мэтр Савари, как мне благодарить вас за то, что вы меня не покинули теперь, когда я уже ничем не могу быть вам полезна?

— Сударыня, разве я могу забыть, как вы, не щадя усилий, проявив такое благородство, добыли для меня минеральное мумие, которое персидский посол привез в подарок нашему королю Людовику XIV? Тем самым вы многое сделали для науки, а наука — единственный смысл моей жизни. И еще более, чем за оказанную лично мне услугу, я благодарен вам, сударыня, за ваше почтительное отношение к НАУКЕ. Женщина, питающая такое уважение к науке и к непонятым для непосвященных трудам ученых, не заслуживает того, чтобы сгинуть в лабиринте гарема и стать игрушкой для похотливых мусульман. Я все сделаю, чтобы избавить вас от этой участи.

— Не хотите ли вы сказать, что такова участь, которую готовит мне маркиз д'Эскренвиль?

— Я бы этому не очень удивился.

— Это невозможно! Конечно, он грязный авантюрист, но ведь он, как и мы, француз, и его род принадлежит к старинному дворянству. Ему не может прийти в голову столь чудовищный замысел.

— Этот господин всю жизнь прожил в христианских колониях в Леванте, сударыня. Надетое на нем яркое тряпье выглядит как одежда французского дворянина, но его душа — если она у него имеется — это душа жителя Востока. Здесь этого трудно избежать. — Савари издал короткий смешок. — На Востоке мужчины вдыхают презрение к женщине вместе с ароматом кофе. Д'Эскренвиль попробует либо продать вас, либо сделать своей наложницей.

— Ни одна из этих перспектив меня не прельщает.

— Вам незачем забивать себе этим голову. Я надеюсь, что до тех пор, пока мы прибудем в Мессину, где находится ближайший невольничий рынок, Панассав выздоровеет и мы разработаем, план побега.

Визит старого, верного друга помог Анжелике вновь обрести утраченное мужество. Проснувшись утром, она с удивлением обнаружила на сундуке свой серый мужской костюм, выстиранный, высушенный и даже отутюженный, а в углу — свои тщательно натертые воском сапоги. Она оделась, стараясь думать только о Савари и его обещаниях и не вспоминать те мерзости, которые пережила накануне. Она хотела убедить себя, что это было не так уж страшно, что показаться сегодня слишком удрученной значило бы признать власть этого пирата, которому нравится мучить людей, и что лучше всего относиться к происходящему с видимым безразличием. Когда солнце начало нагревать ее каюту, Анжелика выскользнула на палубу и с радостью увидела, что вокруг никого нет...

Она твердо обещала себе, что будет вести себя как можно тише и незаметнее. Однако и на этот раз ее вывели из задумчивости человеческие крики. Истошно кричал ребенок.

Есть вещи, неизменно пробуждающие в любой женщине-матери слепой, первобытный инстинкт, безотчетное стремление не медля броситься на помощь. Это зов и испуганные крики попавшего в беду ребенка. Услышав пронзивший душную тишину тоненький, надрывающийся от отчаянного страха голосок, Анжелика, словно, вся оцетинилась.

Она сделала несколько шагов, все еще колеблясь. Вдруг ей почудилось, что к всхлипываниям испуганного ребенка прибавился свирепый мужской смех, и она рванулась вперед, вверх по лестнице, ведущей на ют, откуда слышались детский и мужские голоса.

Прошло несколько секунд, прежде чем Анжелика осознала смысл открывшегося перед нею зрелища.

Стоящий у поручней матрос держал на весу над морской пучиной душераздирающе вопящего мальчика лет трех-четырех. Пирату достаточно было разжать

руку и отпустить ворот детской рубашонки, чтобы малыш, пролетев восемь туазов, исчез в плещущемся внизу море. Маркиз д'Эскренвиль взирал на происходящее с улыбкой, окруженный членами своего экипажа, которых, как и его, эта сцена, по-видимому, чрезвычайно забавляла.

Чуть поодаль два других матроса удерживали молча бьющуюся в их руках женщину с обезумевшими глазами.

Д'Эскренвиль что-то сказал ей на незнакомом Анжелике языке, должно быть, по-гречески.

Женщина поползла к нему на коленях. Приблизившись к самым ногам пирата, она нагнула голову, затем внезапно замерла, словно заколебавшись.

Маркиз отдал краткую команду. Матрос у поручней разжал пальцы, держащие мальчика за шиворот, но тут же поймал его другой рукой. Ребенок завизжал:

— Мама!

Страшная дрожь сотрясла все тело женщины. Она склонилась еще ниже и, высунув язык, коснулась им сапога пирата.

Присутствующие члены экипажа завопили от восторга. Матрос, державший малыша, небрежно, как котенка, швырнул его на палубу, где его тотчас подхватила и судорожно прижала к себе мать. Д'Эскренвиль хохотал во все горло.

— Вот оно, мое самое большое удовольствие! Баба, лижущая мне сапоги. Ха-ха-ха!

Вся гордость Анжелики, все ее чувство женского достоинства восстали. Она быстро пересекла ют, подошла к маркизу д'Эскренвилю и что есть силы ударила его по лицу.

Маркиз охнул, схватившись рукой за щеку. Не веря своим глазам, он уставился на вдруг возникшую перед ним невесть откуда фигурку молоденького пажа с горящими гневом глазами.

— Вы самое гнусное, самое подлое, самое мерзкое существо, которое я когда-либо встречала, — сквозь зубы сказала Анжелика.

Лицо корсара вспыхнуло. Он поднял плеть на короткой рукоятке, с которой никогда не расставался, и хлестнул дерзкую. Анжелика заслонила лицо согнутыми руками, потом снова вскинула голову и плюнула. Плевков угодил маркизу прямо в лицо.

Матросы молчали. Они так и застыли на своих местах, не смея шевельнуться, чувствуя одновременно ужас и смущение от унижения, которому подвергся их главарь.

Дать сотворить с собой такое рабыне, да еще на глазах своей собственной команды!..

Маркиз д'Эскренвиль медленно вынул носовой платок и вытер щеку. Теперь он был мертвенно бледен, и следы пощечины и вчерашнего укуса Анжелики выступили на его лице отчетливыми пятнами.

— Ах, вот оно что, — госпожа маркиза снова подняла голову, — проговорил он глухим от сдерживаемой ярости голосом. — Стало быть, вчерашнего легкого внушения недостаточно для того, чтобы умерить ее воинственный пыл? По счастью, у меня в запасе есть и другие средства.

Повернувшись к своим подчиненным, он зарычал:

— Чего вы ждете? Взять ее и отвести в трюм.

Крепко держа Анжелику за руки и подталкивая ее сзади, матросы повели свою пленницу по трапам, ведущим в нижнюю часть корпуса корабля.

Маркиз д'Эскренвиль шел сзади. Пройдя по темному коридору, они остановились перед закрытой дверью.

— Открой! — приказал капитан матросу, стоящему на карауле при свете чадающего огарка свечи.

Матрос взял связку ключей и отпер несколько замков.

В низком помещении, куда свет проникал через один-единственный порт, царил полумрак. В центре, от пола до потолка, трюм пересекало основание грот-мачты. С вделанных в толстый столб многочисленных железных колец свисали цепи, лежащие вокруг мачты, неясно различимые в полутьме мужские фигуры слегка приподнялись над полом.

— Сними с них цепи, — приказал маркиз караульному.

— Со всех?

— Да.

— Так ведь они ребята опасные, вы знаете?

— Как раз это мне и нравится. Делай, что я тебе сказал, а затем пускай они выстроятся в ряд, лицом ко мне.

Караульный заскрежетал своими ключами, отпирая замки на железных браслетах, надетых каждому узнику на лодыжку. Арестанты вставали, угрюмо поглядывая на капитана. При взгляде на их заросшие бородой лица и виднеющиеся из-под шерстяных шапок и завязанных на пиратский манер платков низкие лбы становилось не по себе. Здесь были французы, итальянцы, арабы и даже огромный негр с дикарской татуировкой на груди.

Маркиз д'Эскренвиль окинул их долгим взглядом и ощерился в злобной ухмылке. Он повернулся к Анжелике:

— По-видимому, одному мужчине не под силу тебя укротить. А что, если их будет много? Посмотри на них хорошенько. Вид у них совсем не располагающий, верно? Это самые своевольные АН буйные молодчики из моего экипажа. Время от времени мне приходится сажать их на цепь, чтобы напомнить им, что такое дисциплина. Большинство этих ребят в трюме уже много месяцев, не сходили на берег и не имели возможности поразвлечься с девками в каком-нибудь

порту. Я не сомневаюсь, что твой визит приведет их в восторг.

Он резко толкнул ее к ним, и вид ее длинных золотистых волос потряс их так, будто им явилось райское видение.

— О, мадонна! — хрипло сказал один из арестантов.

— Это для вас.

— Женщина?

— Да. Делайте с ней все, что хотите.

Маркиз закрыл за собой дверь, и Анжелика услышала скрежет поворачиваемых в замках ключей.

Пираты смотрели на нее, точно остолбенев.

— Неужели и впрямь женщина?

— Ага.

Внезапно ее сдавили чьи-то громадные ручки. Негр бесшумно подобрался к ней сзади и схватил ее за грудь. Анжелика в ужасе закричала, сиюсь вырваться из цепких черных лап. Негр разразился гулким, похожим на рев трубы смехом. Остальные тоже обступили ее вплотную.

— И верно — женщина. Все точно...

Пытаясь стряхнуть с себя бесстыдные, похотливые пальцы, Анжелика изогнулась и с силой выбросила вперед ногу. Носок ее сапога врезался в чью-то скалящуюся рожу. Пират заорал от боли, держась за разбитый нос.

Теперь она чувствовала, что множество рук держат все ее тело, парализуя любое движение. Ей завели руки за спину, стянули шнурком запястья и заткнули рот скомканной грязной тряпкой.

Внезапно, будто по волшебству, скотская возня прекратилась. В трюме раздалось громкое, как мушкетные выстрелы, щелканье бича.

Анжелика, растрепанная, в измятой одежде, но невредимая, обнаружила рядом с собой кривого

Кориано, помощника капитана, который, размахивая плетью, отгонял от нее озверевших матросов.

— Надень на них цепи, да поживее! — заорал Он тюремщику, пнув его при этом, чтобы тот быстрее взялся за дело.

И поскольку обитатели трюма явно не выказывали готовности подчиниться и злобно роптали, помощник схватил свой длиннотвольный пистолет и выстрелил в толпу. Один из пиратов, взревев, рухнул на пол.

На пороге показался маркиз д'Эскренвиль.

— Не лезь не в свое дело, Кориано! Это я приказал снять с них цепи.

Помощник повернулся к нему с неожиданным для такого толстяка проворством.

— Да вы что, сдурели? — рявкнул он. — Вы отдали им эту женщину?

— Только я один решаю, какое наказание налагать на непокорных рабов.

Кориано стал похож на ошетилившегося, готового броситься в драку черного вепря.

— Вы что, сдурели? — повторил он. — Отдать этому дерьму, этим хрякам, этим подонкам женщину, за которую нам заплатят золотом? Мало вам того, что мы дали мальтийским рыцарям захватить нашу вторую бригантину у побережья Туниса?.. Что мы потеряли весь ее груз — товары и боеприпасы на шесть тысяч пиастров? Мало вам того, что экипаж, как вы сами знаете, уже полгода не получал своей законной доли добычи? Что мы работаем, как жалкие поденщики, подбирая всякую шваль с берегов Африки и с островов? Так нет же, вы еще и упускаете случай, который принес к нам в сети эту женщину... Таковую женщину! Блондинку, белокожую, с хорошей фигурой, не слишком высокую и не слишком низенькую. Не зеленую, не перезрелую... в самый раз то, что нужно. Уж с кем, с кем, а с ней переспало довольно ловких ребят, чтоб она

научилась заниматься любовью, не теряя при этом свежести... Или вы не знаете, что цена на девственниц упала?.. Что в Константинополе нынче спрос как раз на таких, как эта?.. Вот что вы бросили на съедение этим дикарям! Вы не взглянули на их рожи? Нет?.. Тут ведь есть мавры... Сними с них цепи, так потом придется в них гранату кидать, чтоб они разжали лапы! Вы помните, в каком виде была потом та крошка-итальяночка, которую вы отдали трюмной своре в прошлом году? Ведь она уже ни на что не годилась, так что нам пришлось выбросить ее за борт!

Кориано остановился, чтобы перевести дыхание.

— Уж поверьте мне, капитан, — продолжал он более спокойным тоном, — в батистане в Кандии покупатели будут рвать ее друг у друга из рук. Да можно трижды сплавать вокруг света, так ни разу и не увидав такой бабенки, как эта.

Он принялся считать, загибая пальцы:

— Первое: она француженка — товар, пользующийся спросом, но редкий. Второе: она хорошо воспитана — это видно по ее фанерам. Третье — она женщина с характером, а это какое-никакое разнообразие по сравнению со всеми этими восточными медузами. Четвертое: она блондинка.

— Это ты уже говорил, — раздраженно сказал д'Эскренвиль.

— И она НАША! Это мы ее зацапали! Когда к тебе прет такая удача, нельзя кипятиться и делать глупости. Вот помяните мое слово — мы за нее получим десять тысяч пиастров, а может, даже и все двенадцать. Будет на что купить новое судно!

Д'Эскренвиль скорчил недовольную гримасу. Он размышлял. Наконец, приняв решение, он круто повернулся на каблуках и вышел вон. Кориано вывел Анжелику из мерзкого вертепа. Он поднялся вместе с

ней на палубу и, не спуская с нее глаз, проводил ее в каюту. Она все еще дрожала.

— Я хочу поблагодарить вас, сударь, — сказала она.

— Не за что, — грубо буркнул одноглазый помощник. — Я старался не ради вас, а ради своей выгоды. Не люблю, когда понапрасну портят товар.

Глава 11

— Госпожа! Прекрасная госпожа!.. Ты хочешь пить? Ласковый женский голос звучал настойчиво. Анжелика поднялась, опираясь на локоть. Голова у нее болела, лоб будто налился свинцом.

— Попей! Я вижу — тебя мучит жажда.

Анжелика припала губами к краю протянутой ей чаши. От прохладной воды ей стало легче. Да, да, ее мучит жажда, страшная жажда.

— Эллис, — позвала она.

Маленькое личико с огромными черными глазами то и дело расплывалось у нее перед глазами, заволакиваясь туманной дымкой.

— Ты знаешь французский?

— Хозяин научил меня.

— Откуда ты?

— Я гречанка.

— Почему ты здесь, на этом судне?

— Я рабыня. Хозяин купил меня год назад. Но теперь я ему надоела... Он позволяет своим матросам мучить меня... На днях, когда тебя здесь не было...

— Где мы сейчас находимся?

— У берегов Сицилии. Вечером я видела, как светится вулкан. Он все дымится, проклятый.

— Сицилия, — машинально повторила за ней Анжелика. Она протянула руку и погладила темные кудрявые волосы. От присутствия этой девушки ей стало немного легче на душе, почти так, как будто рядом с нею была сестра.

— Побудь со мной еще немного. Гречанка пугливо огляделась.

Я не смею здесь долго оставаться... но я вернусь. Я буду тебе служить, потому что ты была ко мне добра...

Хочешь еще воды?

— Да, очень хочу. Помоги мне снять одежду. Она всю меня жжет... Это ты вчера ее высушила и выгладила?

— Да.

Ласково и бережно Эллис помогла Анжелике снять камзол, штаны, сапоги и рубашку. Она разглядела свинцово-сизые тени, проступившие под глазами пленной француженки, и теперь посматривала на ее лицо с испугом. Анжелика завернулась в простыню и бессильно упала на койку.

— Мне было очень жарко, — проговорила она. — Сейчас уже лучше.

Она не слышала, как рабыня крадучись вышла. Корабль плыл быстро, и ее размеренно качало, качало из стороны в сторону. Временами где-то вверху хлопал надутый ветром парус.

Бригантина шла вперед, и Анжелика говорила себе, что плывет по морю навстречу своей судьбе. Она всегда мечтала об этом, мечтала с того самого дня, когда ее брат Жослен крикнул ей: «Я уйду в море...»

Этот корабль везет ее к ее возлюбленному... Но ее возлюбленный все отдаляется от нее, отодвигается дальше и дальше к темному горизонту. «Помнит ли меня еще Жоффрей де Пейрак, хочет ли он меня видеть? — спросила она себя с внезапной ясностью в мыслях. — Я отреклась от его имени, и он отрекся от памяти обо мне...»

«Всюду падает пепел... пепел из жерла вулкана. Он засыпает дороги, по которым давным-давно никто не ступал... И следов уже не отыскать... Этот пепел убьет меня... Я задыхаюсь, мне так жарко... он всю меня жжет, и теперь я знаю, что никто не придет мне на помощь...»

Дверь приоткрылась, и темноту каюты прорезал неверный свет копящего фонаря. Над Анжеликой

склонилось похужее на потрескавшуюся глиняную маску лицо маркиза д'Эскренвиля. — Так что же, прекрасная фурия? Вы хорошо поразмыслили? Теперь вы будете вести себя послушно?

Пленница лежала на животе, положив голову между рук. Со своими матовыми бледными плечами и распущенными светлыми локонами она походила на мраморную статую. Но ее неподвижность не была неподвижностью спящей.

Д'Эскренвиль нахмурился, быстро поставил фонарь на столик и нагнулся, чтобы приподнять ее. Тело Анжелики, не сопротивляясь, покорно легло на его руки, голова тяжело привалилась к его плечу. Покрывало соскользнуло вниз, открыв ее плечи и грудь, на Светло-золотистую кожу которых сумрак наложил мягкие тени. Она вся горела, как в огне. Пират вздрогнул. Он приподнял ее лицо, чтобы посмотреть на него. Голова Анжелики запрокинулась, словно под тяжестью густой копны волос. Улыбающиеся чему-то ведомому ей одной губы быстро проговорили:

— Любимый! Любимый!

Из-под опущенных век, блуждая, смотрели невидящие глаза. Маркиз д'Эскренвиль перевел взгляд с этого лица, преображенного щемящей печалью и нежностью, на тяжело повисшее на его руках податливое тело. Затем осторожно уложил свою пленницу на койку и опять прикрыл ее простыней.

Снаружи он увидел неясный женский силуэт — женщина пыталась незаметно скрыться. Он позвал:

— Эллис!

Гречанка подошла к нему, одной рукой держа перед лицом покрывало, так что видны были одни ее огромные черные глаза. Д'Эскренвиль указал на приоткрытую дверь каюты.

— Эта женщина больна. Позаботьтесь о ней.

Анжелике казалось, что она видит кошмарный сон. Она осталась одна в беспроглядной, черной тьме на корабле, стремительно летящем по морю неизвестно куда. Она слышала шум ветра в снастях, хлопанье парусов и глухие удары волн о корпус. Над ее лицом пронеслось легкое, прохладное дуновение. Незапертая дверь каюты хлопала. Луны не было видно, ЕЮ из открытого где-то на палубе люка струился слабый свет. По временам будто всплесками оттуда доносилось многоголосое пение, тихое, мелодичное, похоже на церковное.

Анжелика встала с постели. Она с невероятным усилием добралась до двери и остановилась, прислонясь к косяку и машинально стягивая вокруг влажного тела концы окутывающей ее длинной шали.

Тонкий луч выглянувшей из-за облака луны превратил палубу в серебристую прогулочную дорожку, и Анжелика пошла по ней, с наслаждением ступая босыми ногами по теплomu, еще не остывшему дереву. Впереди мелькнули две смутные тени, и в лунном свете блеснули кривой клинок мавританской сабли и ствол мушкета.

«Это стражники», — подумала Анжелика.

Она силилась понять, зачем они здесь, но мысли ускользали от нее, как высыпавшийся между пальцами песок. Луна опять спряталась за тучу, кругом стало темно, и Анжелике снова почудилось, будто она блуждает в бездонной пустоте. Но нет, она все еще здесь, на корабле. Рядом с караульными висит зажженный фонарь. Над палубой приподнята крышка люка... Исходящее оттуда рыжеватое свечение стало теперь ярче, и Анжелика увидела под собой зияющий провал трюма и в нем — слившиеся пятна человеческих лиц, белых и темных, обращенных вверх, к отверстию в палубе. Из ямы шел тяжелый запах скученных человеческих тел.

«Так же пахло при Дворе Чудес, — подумал Анжелика. — И от каторжников на галерах. Эти люди — рабы. Бедные рабы...»

Она продолжила свой путь и прошла рядом с караульными. Те вздрогнули и склонились друг к другу, испуганно перешептываясь. Может быть, они подумали, что видят бродячий призрак, чью-то блуждающую по свету неуспокоенную душу?

Навстречу Анжелике из потемок вышла фигура в белом. Ласковая рука обняла ее за плечи.

— Где ты была? Я везде тебя искала. Ах, до чего ты напугала меня! Пойди ляг. Тебе нельзя здесь оставаться, от луны тебе станет хуже. Пойдем, моя милая, пойдем, сестра...

Теперь корабль стоял на якоре. Анжелика почувствовала это по качке, которая сделалась слабой и неровной. Она села на постели и прислонилась усталой спиной к деревянной переборке. В слуховое оконце глядел раскаленный добела шар солнца. Это его палящий, почти нестерпимый жар разбудил ее. Она передвинулась в тень. Безмолвие ночи уступило место громкому, нестройному шуму. Сверху доносился гулкий топот бегающих босых ног, другие неясные звуки. Перекрывая гудение растревоженного человеческого улья, слышались крики и отрывистые свистки.

— Где я?

Анжелика потерла руками лицо, пытаясь избавиться от мутной пелены, застилающей ее мысли. Ее пальцы показались ей исхудавшими, почти прозрачными. Она их не узнавала. Разметавшиеся по плечам волосы были мягки, шелковисты на ощупь, даже слегка надушены. Судя по всему, чьи-то заботливые руки долго и старательно расчесывали их щеткой.

Анжелика поискала взглядом свою одежду и увидела ее на сундуке, чистую и аккуратно сложенную.

«Это все сделала Эллис. Эллис, добрая рабыня, которая называет меня сестрой».

Она начала одеваться, удивляясь тому, как просторен стал ее камзол. Не найдя своих сапог, она обулась в туфли без задников. Ей никак не удавалось разыскать свой пояс.

«Ах да, верно. Пират забрал его».

Память мало-помалу возвращалась к ней. Она встала. Ноги удержали ее нетвердо, но, опираясь о стенг, она все же сумела выйти из каюты. На палубе вокруг нее не было ни души. Шум доносился откуда-то из носовой части судна. Анжелика сделала еще несколько шагов. От свежего воздуха у нее закружилась голова, она зашаталась и едва не упала, однако, оправившись, тотчас тихонько вскрикнула от восторга. Перед нею был остров, и на нем, на фоне золотистого неба, высился изящный, белый античный храм. Он стоял одиноко на вершине невысокой горы, наполовину серой, скалистой, наполовину зеленой, покрытой пышной растительностью, и казалось, что на гору надета драгоценная диадема, увенчанная жемчужиной. Ослепительно белый силуэт храма как будто едва заметно дрожал в прозрачном, пронизанном солнечным светом воздухе, похожий на волшебный корабль, готовый вот-вот помчаться в Елисейские поля, безмятежную обитель блаженных, Повсюду вокруг, словно лилии среди сорняков, возвышались многочисленные колонны, напоминая о других храмах и других алтарях, исчезнувших с лица земли. Развалины...

Анжелика перевела взгляд к подножию горы и увидела на берегу деревушку из квадратных, сложенных из неотесанных камней домиков, сгрудившихся вокруг построенной в восточном стиле церковной колокольни. Одетые в черное мужчины и женщины, толпящиеся на отлогом берегу, смотрели в

сторону стоящей на рейде бригантины. Именно здесь разворачивалось заинтересовавшее их зрелище.

Совсем близко от Анжелики хлопнула дверь, и на палубу неожиданно вышел человек. Он прошел мимо молодой женщины, не заметив ее. Она узнала его красный, немного выцветший камзол с посекшейся вышивкой и, главное, — его загорелое, исчерканное мелкими морщинками лицо, искаженное сейчас безумной яростью. «Это маркиз д'Эскренвиль». Она видела его склонившимся над ней, когда она боролась с жутким ощущением удушья, и сейчас это подергивающееся лицо напомнило ей о часах изнурительного единоборства. Она попятилась, стараясь остаться незамеченной.

Послышавшийся рядом негромкий вскрик заставил ее вздрогнуть.

— О, так, значит, ты и вправду выздоровела! — воскликнула Эллис. — Вот почему ты вставала сегодня ночью... Ты чувствуешь себя лучше?

— Да, почти совсем хорошо. Но что это там за переполох?

— Ночью сбежал раб, тот маленький старичок, что был твоим другом.

— Савари! — вскрикнула Анжелика, чувствуя, как в ее душе разверзается пустота.

— Да. И хозяин в ярости, потому что он им очень дорожил из-за его учености.

Анжелика хотела стремглав кинуться на бак ^[27], откуда исходил шум, но Эллис ее удержала.

— Не показывайся. Хозяин сейчас не в своем уме.

— Но я должна узнать, что там происходит.

Эллис, смирившись, не стала ей мешать. Они подкрались как можно ближе к носу корабля и начали наблюдать за происходящим, спрятавшись за бухтами ^[28] канатов.

На носу собрался весь экипаж, а также разношерстная толпа людей, должно быть, тех самых рабов, которых Анжелика мельком видела в трюме. Здесь были женщины и дети, мужчины в расцвете сил, юноши, девушки и даже старики. Белые, смуглые, коричневые, черные, они были одеты в самые разнообразные костюмы — от ярких вышитых курток из плотной материи, которые носили крестьяне на берегах Адриатики, до арабских бурнусов и черных покрывал греческих женщин.

Д'Эскренвиль обвел их безумным взглядом, затем отрывисто подозвал к себе Кориано. Тот, грузно ступая, с философским видом поднялся по трапу на бак.

— Вот до чего доводит мягкость! — заорал маркиз. — Я позволил этому чертову аптекарю, этому проклятому старому ворону, подольститься ко мне. И знаешь, что он сделал? Он СБЕЖАЛ! Меньше чем за месяц с моего корабля сбегает уже второй раб! Прежде этого никогда не случалось. Чтобы такое приключилось со мной, со мной — Ужасом Средиземного моря! Я недаром получил это прозвище. И вот пожалуйста — меня оставляет в дураках этот жалкий червь, за которого я не получил бы в Ливорно и пятидесяти пиастров и который так заговорил мне зубы, что я потащился к этим проклятым Богом островам. Эта окаянная мокрица клятвенно уверяла меня, что я будто бы разбогатею на каком-то расчудесном продукте, который здесь, по его словам, можно грести лопатой. И подумать только — я, как последний осел, ему поверил! Мне следовало бы помнить, что мы взяли его вместе с этим трижды клятым провансальцем, который исхитрился сбежать, прихватив с собой свой парусник. Лодку, которую я позаботился отремонтировать, чтобы получить за нее хорошую цену! Никто никогда не насмеялся надо мной подобным образом. И вдруг сегодня еще этот аптекарь!

— У него наверняка были сообщники среди караульных, матросов или рабов.

— Именно это я и собираюсь выяснить. Кориано, здесь собраны все?

— Да, сударь.

— Ну что ж, сейчас мы немного посмеемся. Ха-ха! Нельзя долго шутить с маркизом д'Эскренвилем. А если я когда-нибудь вновь встречу этого аптекаря, я раздавлю его как клопа. Я не должен был забывать, что именно этот старый черт уже пустил ко дну один наш каик. Эй вы, живее сюда! Приказываю собраться всем.

Поскольку все уже и так собрались, никто не шелохнулся. Все молчали, с тревогой глядя на бак.

— Сегодня ночью с корабля был спущен каик, и на нем сбежал раб. Кто этой ночью сменялся в карауле? Их было шестеро. Пусть эти шестеро предстанут передо мной. Пусть добровольно сознаются, и им будет сохранена жизнь. Если виновный или виновные сами признают свою вину, они не понесут никакого наказания, кроме увольнения из моего экипажа и высадки на берег этого острова. Сознавайтесь, прежде чем я закончу переводить на итальянский, греческий и турецкий.

Он повторил свою речь на трех языках. Кориано перевел ее на арабский.

Когда перевод был закончен, в толпе стало совсем тихо. Время от времени молчание прерывал лепет какого-нибудь младенца, но каждый раз перепуганная мать тотчас призывала свое дитя к порядку.

Наконец один из стражников, охраняющих скованных гребцов, встал и что-то крикнул.

Д'Эскренвиль и Кориано переглянулись.

— Ну конечно, они ничего не знают. Обычное дело. Что ж, хорошо, мессеры, раз уж вы решили заартачиться, то вам известно установленное наказание. Караульные бросят жребий, и тот, на кого

жребий укажет как на виновного, будет повешен. Итак, начнем. Ты, вон там, и ты — выйдите вперед!

Двое пиратов, на которых указал д'Эскренвиль, отделились от толпы и поднялись на бак.

Один из них был красавец-негр, другой — европеец средиземноморского типа, вероятно, корсиканец или сардинец со светлыми волосами и загорелым лицом.

Ни тот, ни другой не выказывали признаков страха. По обычаю флибустьеров жребий часто определял, кому поплатиться за общую вину. Никто не пытался от этого увильнуть.

— Вот раковина — орудие Божьего суда, — сказал д'Эскренвиль. — Если она упадет горбом вверх, значит, орел. Если вверх будет обращена вогнутая ребристая поверхность, значит, решка. Тот, у кого выпадет орел, будет казнен. Сперва ты, Мустафа. Начинай.

Губы негра зашевелились:

— Иншалла!^[29]

Он взял ракушку и подбросил ее вверх.

— Решка!

— Теперь ты, Сантарио. Сардинец перекрестился и бросил.

— Орел!

На лице негра отразилось несказанное облегчение. Сардинец понурил голову. Д'Эскренвиль ухмыльнулся.

— Жребий указал на тебя, Сантарио. А между тем ты, быть может, и невиновен. Если бы ты заговорил, то остался бы жив. Но теперь уже поздно! На рею его!

На бак поднялись еще два матроса и схватили осужденного.

— Погодите, — приказал капитан. — Мы не дадим ему взлететь в небеса в одиночестве. Теперь очередь за рабами. Они побега не видели, не слышали, и, конечно же, никто из них ничего не знает. Но они тоже свое получают, а жребий укажет, кто из них должен быть

наказан. Поскольку предыдущим приговором был осужден на смерть христианин, на этот раз жребий будут бросать одни только мусульмане.

Едва маркиз закончил перевод своих слов, как из рядов турецких и мавританских пленников раздался дружный вопль негодования. Старик с тонкими арабскими чертами и рыжей от хны бородой начал что-то возмущенно говорить, Кориано перевел:

— Он сказал, что Божье правосудие само должно выбирать между правоверными и неверными.

Д'Эскренвиль усмехнулся.

— Ну-ну, дети мои, значит, плен не охладил пыл ваших религиозных споров. Что ж, пусть этот старый муэдзин подбросит раковину. Если выпадет орел, то он сам назначит жертву из числа своих единоверцев.

Старый араб повернулся к восходящему солнцу, встал на колени, трижды коснулся лбом палубы и затем произнес несколько слов.

— Он говорит, что если Бог выберет магометанина для расправы за побег, то он сам пойдет на смерть, ибо он мулла, то есть священнослужитель, в Алжире.

— Согласен! Только давай без этих твоих ужимок. Кидай раковину, старая макака!

Мулла подбросил вверх легкую ракушку.

— Решка! — вскричал д'Эскренвиль, раздражаясь истерическим смехом. — Ах ты, старый комедиант! Твое счастье, что так удачно бросил. Теперь пусть христиане дадут нам священника, чтоб показывал всем язык, болтаясь на рее. Эй вы, давайте сюда вашего пастыря! Что? Среди вас нет священника? Нет священника?..

— Нет священника? — снова завопил д'Эскренвиль с тем же безумным хохотом душевнобольного. — Тогда мы повеселимся. Жребий бросят самый старый и самый юный из рабов-христиан. Но, конечно же, не младше десяти лет. Я не Минотавр.

Среди рабов воцарилось гробовое молчание, затем послышались стенания женщин, и матери попытались закрыть своими телами прижавшихся к ним мальчиков лет двенадцати.

— Поторапливайтесь! — заорал д'Эскренвиль. — На корабле правосудие должно быть скорым. Выходите вперед, не то...

В это мгновение мощный, глухой взрыв, раздавшийся где-то в недрах судна, прервал речь бесноватого. На миг все оторопели, затем грянул вопль:

— Пожар!

С кормы «Гермеса», медленно просачиваясь через забранные деревянными решетками вентиляционные отверстия, валил белый дым.

Толпа рабов заколыхалась, объятая паникой, но плети стражников быстро навели в ней порядок.

Д'Эскренвиль и его офицеры бросились на корму.

— Где первый палубный старшина? — взревел маркиз. Вперед нерешительно шагнули несколько испуганных матросов.

— Четырем человекам — открыть люк, четверем — спуститься в трюм и выяснить, что там стряслось. Дым идет из отсека для продовольствия, что рядом с камбузом.

Однако никто не сдвинулся с места. Матросы будто окаменели, напуганные чем-то диковинным и жутким.

— Это сатанинский огонь, сударь, — пролепетал один из них. — Посмотрите на этот дым — с ним дело не чисто...

Действительно, выползающие из люка клубы дыма медленно стелились у самой палубы, то становясь густыми, как белая гуашь, то вдруг рассеиваясь, словно туман, подымающийся над сырой ложбиной. Д'Эскренвиль приблизился к облаку дыма, сделал движение рукой, будто хотел набрать его в горсть, затем поднес ладонь к носу.

— Странный запах.

Спохватившись, он выдернул из-за пояса Кориано пистолет и рявкнул:

— Я вам всажу пулю в зад, если вы сейчас не спуститесь вниз, как я вам приказал.

Внезапно окутанная дымом решетчатая крышка люка приподнялась. Послышались вопли ужаса, и даже сам капитан сделал шаг назад.

— Привидение!

— Воскресший из мертвых!

Из вырвавшегося наружу особенно плотного облака возникла человеческая фигура, закутанная в мокрую белую ткань. Из-под белого покрывала раздался приглушенный голос:

— Умоляю вас, господин д'Эскренвиль, не тревожьтесь. Это пустяки, не стоящие вашего внимания.

— Что... что это значит? — пробормотал, запинаясь, сбитый с толку пират. — Ах ты, проклятый алхимик! Мало с тебя того, что мы из-за тебя все утро сбиваемся с ног, так ты еще устраиваешь пожар на моем судне!

Белая фигура, похоже, выпуталась из своего мокрого кокона. На мгновение показались голова и борода Савари, затем он чихнул, закашлялся, снова завернулся в свой саван и, сделав несколько жестов, призванных успокоить собравшихся, вновь нырнул под крышку люка, которая тотчас захлопнулась над странным видением.

Анжелике и всем присутствующим показалось, что они стали свидетелями колдовства. Однако Савари вскоре показался вновь, поднявшись на этот раз по трапу с нижней палубы. Вид у него был спокойный и чрезвычайно довольный, несмотря на то что на лице его виднелись пятна сажи, а одежда была помята, испачкана, изорвана и пропитана тошнотворным, сладковатым запахом. Он неторопливо и степенно

объяснил, что никакого пожара не было, а испарения и взрыв были просто-напросто вызваны «экспериментом, который дает надежду далеко продвинуть науку, и в особенности — навигацию».

Д'Эскренвиль смерил его свирепым взглядом.

— Так, значит, ты не сбежал?

— Я? Сбежал? Зачем мне убегать? Мне очень хорошо на вашем судне, господин маркиз.

— Но в таком случае... куда подевался каик? Кто его отвязал? Над бортовым ограждением показалась остроносая, покрытая красноватым загаром физиономия молодого матроса. Он только что взобрался на борт по свисающей к воде веревочной лестнице и остановился, удивленно воззрившись на открывшееся его взору собрание.

Каик, капитан? Так это же я его взял утром, чтобы привезти нам с острова вина.

Д'Эскренвиль несколько успокоился. Кориано позволил себе рассмеяться:

— Хо, капитан! После истории с этим треклятым марсельцем вам всюду мерещатся побеги. А Перрику я сам сказал нынче утром, чтоб запасся на острове винцом.

— Идиот!

Раздосадованный маркиз д'Эскренвиль пожал плечами и отвернулся.

Только теперь он заметил Анжелику.

Его искаженное лицо разгладилось. Казалось, он сделал над собой усилие, чтобы подавить раздражение, и стал почти любезным.

— А вот и наша прекрасная маркиза. Стало быть, вы, наконец, поправились? Как вы себя чувствуете?

Анжелика стояла, прислонясь к переборке, и смотрела на него со смесью ужаса и недоумения. Наконец она прошептала:

— Извините меня, сударь, но я никак не могу понять, что же со мной случилось? Так я, значит, была очень больна?

— Вы болели больше месяца, — сказал пират с недовольной гримасой.

— Месяца? О Боже! Где я теперь нахожусь?

Маркиз указал рукой на увенчанный античными руинами остров.

— У острова Кея, милейшая сударыня, в центре греческого архипелага Киклады.

Глава 12

Анжелика помнила, что заснула, когда корабль проплывал мимо Сицилии, и вот теперь спустя месяц она проснулась на краю света, среди давно покинутых богами греческих островов, по-прежнему во власти пирата-работоторговца.

Вновь укрывшись за стенами своей тесной каюты, она тщетно пыталась вспомнить, что с ней происходило.

Присев на корточки у ног Анжелики, Эллис рассказала ей, что Савари и она сама не отходили от нее ни днем, ни ночью, борясь со сжигавшей ее жестокой лихорадкой. Иногда приходил маркиз д'Эскренвиль. Он невозмутимо смотрел на мечущееся на узкой койке бесчувственное тело, а потом говорил им, цедя слова сквозь зубы, что сдерет с них живых кожу, если они «дадут околеть такому первосортному товару».

— Я хорошо ухаживала за тобой, подруга моя... Когда у тебя стала меньше болеть голова, я расчесала твои волосы щеткой, посыпая их ароматными порошками. Теперь они у тебя очень красивые. И ты сама тоже скоро станешь такой же красивой, как прежде.

— Дай мне зеркало, — с беспокойством попросила ее Анжелика. Она посмотрела на свое отражение и поморщилась: ее щеки впали и были бескровны, глаза казались несоразмерно большими. Она подумала, что теперь, быть может, пират откажется от мысли продать ее.

— Неужели ты не чувствуешь стыда от того, что одета как мужчина? — спросила Эллис.

— Нет. Я считаю, что так удобнее.

— Как жаль! Ты, наверное, такая красивая, когда надеваешь эти французские платья, о которых столько толкуют.

Чтобы доставить ей удовольствие, Анжелика описала некоторые из туалетов, которые она носила в Версале. Восхищенная Эллис смеялась и хлопала в ладоши. Глядя на ее юное личико с ласковыми темными глазами, Анжелика спрашивала себя, каким образом женщина, прожившая целый год с таким чудовищем, как маркиз д'Эскренвиль, смогла сохранить в себе столько непосредственного веселья.

Она задала этот вопрос вслух. Молодая гречанка отвела глаза.

— О, знаешь... там, где я была раньше, было хуже... А он не такой уж плохой. Дарил мне подарки... Научил меня читать — правда-правда! Обучил меня французскому и итальянскому... Мне нравилось, когда он меня ласкал... Но я ему надоела. Теперь он меня больше не любит.

— А кого он любит?

На лице рабыни мелькнуло выражение горечи.

Свою трубку с гашишем. Она вздохнула, покорная своей участи.

— Он курит гашиш, потому что все время хочет чего-то, чего не может получить.

Вошедший в каюту одноглазый Кориано постарался изобразить на своей физиономии приветливую улыбку, отчего обнажились несколько гнилых, обломанных зубов, которые еще торчали у него во рту. Он заметил, что молодой даме следует выйти на палубу. Свежий воздух будет очень полезен для ее здоровья.

Эллис укрыла плечи Анжелики легким покрывалом и усадила ее лицом к острову на бухту каната. Веял чудесный прохладный ветерок, и Анжелика с Эллис

долго сидели на палубе, глядя на отливающие радужными красками небо и море.

Немного спустя подошел и маркиз д'Эскренвиль. Ему достало такта не вступать в разговор со своей пленницей, ограничившись низким поклоном. Он так и остался стоять у выхода на трап над спущенной с борта веревочной лестницей, чтобы лично наблюдать за погрузкой на судно своего «товара».

На острове началась суматоха. Время от времени оттуда доносился душераздирающий крик, за этим одиноким воплем следовали новые, потом они вдруг резко обрывались.

К «Гермесу» подошел каик, и на борт вскарабкалась первая партия «товара», состоящая из юноши лет семнадцати и мальчика, которому можно было дать лет десять. Оба были красивы, как древнегреческие статуи, с оливковыми лицами и длинными черными кудрями. И у одного, и у другого через плечо была перекинута куртка из овечьих шкур. И эти овчинные кожухи, и простодушное выражение их лиц говорили о том, что они оба пастухи. Мальчик все еще держал в руке тростниковую дудочку, игрой на которой он сзывал своих коз. Он посмотрел на родной остров и, простирая к нему руки, закричал. Один из матросов утащил его в трюм. Затем на борт поднялась женщина. Это ее истошные вопли были слышны минуту назад. Сейчас она, казалось, была в полубеспамятстве. Матрос втянул ее наверх, и она так и осталась бессильно сидеть на палубе, низко уронив голову с длинными темными волосами, беспорядочно рассыпавшимися по грязным доскам. Поднимавшиеся вслед за нею женщины спотыкались о ее неподвижное тело. За женщинами последовали мужчины и множество стариков. Последний из них, старый торговец, помог втащить на борт несколько корзин с черным виноградом и поднес

их маркизу д'Эскренвилю. Тот взял гроздь и протянул ее Анжелике. Молодая женщина холодно отказалась.

— Напрасно, заметил пират. — Эти ягоды вернули бы румянец вашим щечкам. Кея славился своим виноградом, а ваш друг Савари утверждает, что виноград нужно есть для предотвращения цинги. Кстати, куда опять запропастилась эта старая обезьяна?

Один из матросов, прыснув, ответил:

— Он на острове, сударь, расчесывает козлов. Маркиз д'Эскренвиль захохотал во все горло.

— Расчесывает козлов!.. Ха-ха-ха! Никогда в жизни не слышал такой потешной выдумки. А между тем, он таки заставил меня поверить, будто, расчесав всех козлов на греческих островах, я добуду себе состояние.

Внезапно пират рассвирепел.

— Но пусть он не воображает, что я позволю ему командовать мною, как ребенком! Где он? Пусть его сейчас же разыщут. Я не собираюсь здесь ночевать.

Кто-то закричал:

— Вон он!

Стало видно, как по берегу острова мимо черных силуэтов его обитателей бежит некто, похожий на спешащего по своим делам негритенка. Человечек успел в самый последний момент вскочить в отходящую шлюпку.

Старый аптекарь с обезьяньим проворством взобрался по веревочной лестнице на борт, не переставая при этом без умолку говорить. Его речь была обращена к д'Эскренвилю:

— Заход в эту гавань принесет вам более, чем обычное удовлетворение, сударь, — он доставит вам целое состояние. Я собрал здесь более ста унций ладана, а вы, конечно, помните, что знаменитый «черный бальзам» продается по цене в несколько десятков ливров за унцию. С благовониями, которые вы

таким образом добудете, вы сможете держать в руках все дворы Европы.

Дабы показать результат своих деяний в натуре, Савари, уже стоя на ступеньках наружного трапа, сунул за пазуху камзола руку, которая тотчас вновь вылезла наружу через одну из дыр. При этом из-за пазухи у него выпала курительная трубка и старый ученый, попытавшись подхватить ее, нечаянно поддал по ней так, что она вылетела за борт.

Его манипуляции вызвали у флибустьеров взрыв хохота. Изношенная одежда Савари была перепачкана чем-то похожим на растительный клей. Он был вымазан весь — до самых седых волос, выбившихся из-под черной ермолки. Его лицо было бледно, как у мертвеца, и самым диковинным образом разрисовано синими и зелеными пятнами, но глаза старого аптекаря, как и прежде, искрились жизнью. Выхватив из рук влезшего за ним на борт юнги небольшую чашечку, он поднес ее к носу д'Эскренвиля.

— Посмотрите! Вот он, подлинный ладан, драгоценнейшее вещество, успешно конкурирующее с привозимым из Индии мускусом, который так трудно достать... Я вас приветствую, сударыня, — наконец-то вы выздоровели... Взгляните на это чудо. Речь идет о веществе, сходном по консистенции и происхождению со смолой и камедью, которое самопроизвольно в виде капель выступает на листьях некоторых кустарников рода *Cistus ladeniferus*. Его собирают, расчесывая бороды козлов и коз, которые объедают листья с этих кустарников. Маслянистое вещество, которое вы сейчас видите, будет мною расплавлено и очищено, и из него получится жидкий ладан — он же «черный бальзам». Эту жидкость я перелью в маленькие пузырьки.

— И ты обещаешь, что эта вот дрянь принесет мне доход?

— Я полностью ручаюсь вам за это. Это как раз тот самый продукт, который входит в состав лучших духов и придает их запаху устойчивость. Французские и итальянские парфюмеры платят тем, кто может достать его, столько золота, сколько весит сам ладан. А я вам ручаюсь за обильный сбор — особенно на Санторине.

— Я не поплыву на Санторин, старый ты ворон! — завопил маркиз-пират, вновь впадая в ярость. — Я согласен отвезти тебя на Делос и на Миконос, но затем я должен идти в Кандию. Ты что, хочешь, чтоб я пропустил самые крупные торги сезона?

— Когда вы близки к тому, чтобы обрести богатство...

— Понятно, понятно, не зли меня больше! Собирай свою утварь и проваливай. Смотри, как бы ты не заставил меня пожалеть, что я не продал тебя в Ливорно, как твоих спутников.

Мэтр Савари с угодливо-смирненным видом, который он великолепно умел на себя напускать, собрал все свои принадлежности: чашечку, два больших деревянных гребня и кусок мешковины — и, сгорбившись, притворился, что уходит.

— Вы знаете, — сказал он, приблизившись к Анжелике, — мне удалось его спасти.

— Что спасти?

— Мое минеральное мумие. «Жольетт» не затонула, хотя была сильно повреждена. Этот прохвост-маркиз приказал поднять ее на борт, и мне однажды удалось пробраться внутрь и взять мою бутылку.

— А теперь «Жольетт» уже далеко отсюда, — с горечью сказала Анжелика.

— Увы! Бедняга Панассав не мог ждать, пока вы выздоровеете. Его планы могли раскрыть либо его самого могли продать как раба прежде, чем он успел бы их осуществить. Уже в Ливорно маркиз продал всех наших спутников, включая вашего юного слугу.

— Мой бедный Флипо! Его продали!

— Да, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить нашего хозяина оставить меня на корабле.

— А, ты еще здесь, чертов шут? — вскричал, угрожающе потрясая кулаком, вернувшийся маркиз д'Эскренвиль.

Ученый бросился наутек, как испугнутая крыса, и исчез в одном из люков. Но когда Анжелика возвратилась к себе в каюту, он появился снова.

— Я хотел бы поговорить с вами, сударыня. Душенька моя, — Обратился он к Эллис, — не сочти за труд, покарауль у двери, чтобы нас случайно не побеспокоили.

— Значит, вы остались в рабстве из-за меня, мэтр Савари? — Спросила растроганная Анжелика.

— Разве я мог вас оставить? — просто сказал старик. — Вы были очень больны, у вас и сейчас еще нездоровый вид, но вот увидите — все образуется.

— А вы, вы сами не больны? На вашем лице видны синие пятна.

— Это все еще дает о себе знать «пинио», свинец Панассава, Его трудно смыть. Я испробовал лимон, винный спирт... Думаю, пятна сойдут только вместе с моей кожей, — весело заключил аптекарь, — но это совершенно не важно. Важно другое — как нам вырваться из рук этих опасных пиратов, — прошептал он, с опаской посмотрев вокруг. — Но у меня есть одна идея. Тсс!

— Вы полагаете, что маркиз д'Эскренвиль поплывет в Кандию?

— Несомненно, ибо он намерен выставить вас в батистане.

— Что такое батистан?

— Это караван-сарай, где продают самых ценных рабов. Остальных выставляют на продажу на рынках и

на городской площади. Кандинский батистан является самым крупным в Средиземноморье.

Анжелика похолодела от страха.

— Не волнуйтесь, — продолжал между тем Савари, — ибо у меня есть идея, как нам спастись. Чтобы осуществить ее, мне было необходимо уговорить нашего меднолобого пирата отвести нас к этому архипелагу под тем предлогом, что здесь он составит себе состояние на редких благовонных веществах, используемых в производстве парфюмерии.

— Но почему нам нужен этот архипелаг?

— Потому что нам требуются сообщники.

— И вы рассчитываете найти их на греческих островах?

— Кто знает? — с таинственным видом произнес Савари. — Сударыня, я должен буду проявить бестактность, но, раз уж мы с вами оба попали в эту скверную историю, вы не рассердитесь на вашего старого друга за несколько нескромных вопросов. Почему вы решили одна, без провожатых, пуститься в путешествие, полное неисчислимых опасностей? Я, к примеру, гоняюсь по свету за мумие, но вы, сударыня, — что ищете вы?

Анжелика вздохнула и после минутного колебания решила довериться старому ученому.

Она рассказала ему, как, прожив многие годы с мыслью, что ее муж, граф де Пейрак, погиб на костре, она сумела достоверно узнать, что он избежал казни. Как розыски привели ее к выводу о необходимости плыть в Кандию, где сохранялась слабая надежда отыскать след ее пропавшего возлюбленного...

Савари молча затряс своей бородой.

— Вы считаете, что с моей стороны было безумием и сумасбродством вот так кинуться в эту авантюру?

— Конечно. Но я вас не виню. Сам я тоже старый безумец. Я все бросаю и, не раздумывая, отправляюсь

навстречу опасностям. В погоне за своей мечтой я мчусь на запах мумие. Точно так же и вы очертя голову пускаетесь творить величайшие глупости, ибо где-то там, в неведомом вам самой далеке, сияет ваша любовь, как звезда над темной пустыней. Так нас ли называть безумцами? Я думаю — нет! Есть нечто, что выше разума, — инстинкт, который направляет нас и заставляет трепетать наши души. Так трепещет над скрытым под землей источником ореховый прутик... Вы когда-нибудь слышали о греческом огне? — спросил старый аптекарь, неожиданно сменив тему. — Во времена Византии его секретом владела одна ученая секта. Откуда он был им известен? Мои изыскания в тех местах привели меня к выводу, что они являлись огнепоклонниками, последователями учения Зороастра, и пришли из окрестностей Персеполиса, из области, находящейся на границе между Персией и Индией. Именно благодаря этому военному секрету Византия была непобедимой — до тех пор, пока византийским ученым удавалось сохранять формулу неугасимого огня. К несчастью, она была утеряна около 1203 года, когда в Византию вторглись крестоносцы. Ну, так вот — я убежден, что секрет греческого огня заключен в минеральном мумие. Оно горит, не потухая, а если его определенным образом обработать, из него начинает выделяться быстро испаряющаяся эссенция, исключительно легко воспламеняющаяся и чуть ли не самовзрывающаяся. Сегодня утром я провел эксперимент с ничтожной частицей такого специально обработанного мумие. Да, сударыня, да — я заново открыл секрет греческого огня!

Забывшись от радостного возбуждения, он невольно возвысил голос. Анжелика напомнила ему, что надобно соблюдать осторожность. Нельзя забывать о том, что они оба — всего лишь несчастные невольники, находящиеся во власти безжалостного работорговца.

— Ничего не бойтесь, — с уверенностью сказал Савари. — Если я говорю с вами о своих открытиях, то это вовсе не потому, что я на них помешался, а потому, что они помогут нам вернуть себе свободу. У меня есть идея, и я ручаюсь вам за успех, если только нам удастся попасть на остров Санторин.

— Почему Санторин?

— Я открою вам это, когда придет время.

Савари ушел.

С наступлением вечера корабль вновь наполнили разнообразные шумы. Слышались женские крики и сопровождающая их мужская ругань, звуки ударов, топот мчащихся по лабиринтам судовых помещений босых ног, рыдания, затем долгие, захлебывающиеся вопли, наполовину заглушаемые грубыми басами и громовым хохотом.

— Что там опять происходит? — спросила Анжелика у своей спутницы.

— Матросы школят новых пленниц.

— Что они с ними делают?

Молодая гречанка отвела глаза.

— Но это же ужасно, — почти беззвучно сказала Анжелика. — Это нельзя терпеть. Нужно что-то сделать.

Где-то совсем рядом раздался похожий на рыдание стон насилуемой женщины, тщетно молящей о пощаде. Эллис удержала Анжелику.

— Не ходи туда. Они всегда это делают. Это их право.

— Их право?!

Эллис своим нежным голоском объяснила, что пираты имеют право на свою долю добычи. Они получают ее как натурой, так и деньгами, после того как трофеи будут проданы. Кроме того, если очень красивые женщины предназначаются для плотских утех, то остальные — очень многие — продаются главным образом как рабыни-служанки, то есть своего

рода вьючные животные для пополнения бесчисленной челяди караван-сараев. Такую женщину можно сбыть дороже, если выставить ее на рынке беременной, с будущим рабом в утробе. Бот подчиненные маркиза д'Эскренвиля и стараются из всех сил, чтобы повесить цену своего «товара».

Анжелика закрыла руками уши, и пронзительно завопила, что не может больше выносить этих дикарей и хочет уйти, немедля уйти отсюда. Когда в каюту явился Кориано, за которым два негритенка несли поднос с едой, она осыпала его бранью и отказалась проглотить хоть кусок.

— Но вам необходимо кушать! — трагическим голосом вскричал кривой пират. — От вас же остались только кожа да кости! Это просто катастрофа!

— Перестаньте мучить тех женщин! Прикажите положить конец этой оргии!

Она ударила по подносу ногой и опрокинула все кастрюли на пол.

— Чтобы эти крики сейчас же прекратились!

Кориано выскочил из каюты так быстро, как только позволяли его короткие ноги. Немного спустя послышался рев д'Эскренвиля.

— Ага, ты был счастлив, что у нее есть характер. Я надеюсь, что она показала тебе его во всей красе! Если уж моя команда не может вволю поблудить на своем собственном судне!..

Он широким шагом, не скрывая своей злости, вошел в каюту.

— Вы, кажется, отказываетесь принимать пищу?

— А вы полагаете, что ваша вакханалия должна возбудить во мне аппетит?

Исхудавшая, колючая, одетая в слишком просторный для нее камзол, Анжелика напоминала упрямого, неуступчивого мальчишку-подростка. Губы д'Эскренвиля дрогнули в едва заметной полуулыбке.

— Хорошо! Я отдам соответствующее приказание. Но и вы со своей стороны тоже проявите немного доброй воли. Госпожа дю Плесси-Белльер, вы окажете мне честь отужинать со мной на юте?

Глава 13

Вокруг низенького столика были разложены подушки. На ужин подали большие серебряные миски с кислым молоком, в котором плавали мясные фрикадельки, завернутые в душистые виноградные листья. Из-за блюд с соусами, приправленными луком, шафраном, черным и сладким красным перцем, казалось, что стол испещрен идеально круглыми зелеными, желтыми и красными пятнами.

— Попробуйте долмы, — сказал Кориано, наливая в тарелку Анжелики целый половник. — А если, она вам не понравится, подадут рыбу.

Пиратский главарь наблюдал за своим помощником с насмешкой.

— Да так ты у нас заделаешься заправской нянькой. Теперь нет ни малейшего сомнения — именно для этого ты и родился!

Кориано рассердился.

— Так ведь надо же хоть кому-то потрудиться, чтобы исправить ущерб! — рявкнул он. — Да счастье уже, что она вообще не померла. Но коли теперь она станет чахнуть, то мы с этим делом никогда не покончим.

Теперь пришел черед рассердиться маркизу.

— Чего еще ты от меня хочешь? — возопил он. — Я позволяю ей задирать нос, с расшаркиванием приглашаю ее на ужин, и все вокруг нее ходят на цыпочках! Моим матросам приходится вести себя как мальчишкам из церковного хора — в восемь часов вечера они уже в кроватках с хорошо подоткнутыми одеяльцами...

Анжелика рассмеялась. Оба пирата умолкли и воззрились на нее, разинув рты.

— Она смеется!

Волосатая физиономия Кориано просияла.

— Мадонна! Если бы она вот так смеялась на рынке, мы заработали бы на две тысячи пиастров больше!

— Идиот! — с презрением произнес д'Эскренвиль. — Ты много видел женщин, которые смеялись, когда их продавали на рынке?

А что касается этой, то, поверь мне, такое поведение совсем не в ее духе. Мы должны будем почесть за счастье, если она хотя бы поведет себя смирно. Почему вы смеетесь, моя красавица?

— Не могу же я все время плакать, — ответила Анжелика. Она расслабилась, отдавшись умиротворяющему покою этого синего, теперь уже тихого вечера. Маленький остров, удалялся, точно сказочный корабль, скрываясь в легкой дымке вместе со своим вознесенным на вершину горы храмом, отливающим серебром в лучах восходящей луны. Маркиз д'Эскренвиль проследил направление взгляда Анжелики и заметил:

— Когда-то у Аполлона было шесть храмов. На этом острове каждый день танцевали, прославляя красоту.

— А теперь благодаря вам там царит ужас.

— Не принимайте всего этого близко к сердцу. Ведь должна же быть какая-то польза от этих вырождающихся греков.

— Вы считаете полезным отнимать детей у их матерей?

— На этих бесплодных островах им была суждена смерть от голода.

— А несчастные, бессильные старцы, которых вы подняли к себе на борт?

— О, это особый случай. Я беру их на корабль, чтобы оказать им услугу.

— Да неужели? — с иронией сказала Анжелика.

— Да! Представьте себе — по обычаю острова Кея жители, достигшие шестидесяти лет, обязаны либо отравиться, либо покинуть родину. В этом уголке земли не любят стариков.

Он наблюдал за ней с сардонической усмешкой.

— На Средиземном море, моя прелесть, вам еще многое предстоит узнать.

Подошедший к столику раб поставил перед д'Эскренвилем кальян. Откинув голову назад, маркиз закурил.

— Посмотрите на это звездное небо. Завтра мы поплывем на остров Киурос. Там под сенью олеандров покоится спящий бог Марс. Жители острова еще не разбили его на куски, чтобы наделать из мрамора извести. Каждый раз, когда я там бываю, я прихожу полюбоваться им. Вам нравятся скульптуры?

— Да. Король украсил ими сады Версаля.

Теперь серебристый храм выступал из ночной тьмы, будто паря в середине неба.

Анжелика тихо промолвила:

— Боги умерли.

— Но богини живы.

Маркиз д'Эскренвиль разглядывал ее из-под полуопущенных век.

— В целом этот костюм вам даже идет. Он таит приятные сюрпризы и вполне позволяет догадаться, что под ним скрыто.

Анжелика сделала вид, что не слышит. Она принялась за еду, не в силах более противиться требованиям своего голодного желудка, и вкус кислого молока ей понравился.

— Мы сейчас далеко от Кандии?

— Не очень. Мы были бы уже там, если бы этот чертов аптекарь не заговаривал мне зубы и не вынуждал терять время, плавая от острова к острову. Когда его со мной нет, мне хочется раздавить его как

клопа, но, когда он является, берет меня за пуговицу и начинает убеждать, что добывает для меня богатство, я, как ребенок, позволяю ему делать со мною все что угодно. А, что за беда! Одно из преимуществ жизни на Востоке как раз в том и состоит, что можно не торопиться и не подгонять время. Он затянулся и выдохнул длинную струю дыма. — А вы торопитесь прибыть в Кандию?

— Я тороплюсь узнать, какая участь мне уготована. Кажется, в Ливорно вы продали слугу, который меня сопровождал? — Да, и даже с немалой выгодой. Я на это не рассчитывал, однако по счастью мне попался некий итальянский дворянин, мекавший для своего сына наставника, который мог бы обучить того французскому языку. Это позволило мне запросить более высокую цену.

— Флипо — учитель французского! — воскликнула Анжелика и снова звонко рассмеялась. Она с трудом заставила себя остановиться, чтобы спросить работоторговца, помнит ли он имя того итальянского синьора, которому продал Флипо, так как впоследствии она намерена выкупить своего бедного слугу. Д'Эскренвиль, в свою очередь, шумно фыркнул. — Выкупить? Стало быть, вы надеетесь вернуть себе свободу? Ну, так знайте, моя милая, что из гарема никто не выходит на волю. Молодая женщина пристально посмотрела на него, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь признак человечности в этом лице, выхваченном из темноты лучами только что зажженного кормового фонаря. — Вы и в самом деле хотите это сделать?:

— Само собой. Иначе, зачем бы мне, по-вашему, держать на судне такую тварь, как вы?

— Послушайте, — сказала Анжелика, окрыленная внезапно проснувшейся надеждой, — если вам нужны деньги, то я могу заплатить вам за себя выкуп. Во Франции у меня огромное состояние.

Д'Эскренвиль отрицательно мотнул головой. — Нет. Я не желаю никаких сделок с французами. Они слишком хитры. Чтобы получить эти деньги, мне пришлось бы плыть в Марсель. Это опасно и слишком долго. У меня нет времени на ожидание. Мне нужны средства, чтобы купить корабль... У тебя хватит на это денег? — Вероятно.

Но она вспомнила, в каком расстроенном состоянии находились ее дела перед отъездом. Чтобы было чем оплатить расходы, связанные с ее жизнью при дворе, ей пришлось заложить и свое судно, и его будущий груз. И, кроме того, навлекши на себя гнев короля, разве не сделала она свое положение во Франции чрезвычайно шатким?

Она в отчаянии закусила губу.

— Вот видишь, — сказал д'Эскренвиль, — я крепко держу тебя в руках. Я твой хозяин и сделаю с тобой все, что захочу.

Плавание продолжалось. Каждый день, проклиная при этом Савари, маркиз-пират бросал якорь у очередного засушливого, усеянного белыми статуями острова. Под палящим солнцем земля рождала только виноградную лозу и великолепные руины. Из винограда жители островов делали крепкое вино, а античный мрамор дробили деревянными молотками, чтобы затем перемолоть его в пыль, пережечь и изготовить известь для побелки своих домов. Ни вино, ни прекрасные боги не могли накормить досыта.

Вечно подстерегаемые голодом, островитяне продавали на редко заходящие в их гавани суда свое вино, мешки с известью, а также своих женщин и детей. Турецкий жандарм, которого константинопольская администрация прислала сюда, дабы он демонстрировал на этих нищих, забытых Богом островах свою кривую саблю, закрывал глаза на

незаконный промысел пирата-христианина. Д'Эскренвиль приглашал его к себе на корабль. Они вместе пили кофе, курили кальян, и турок, разбогатев на несколько цехинов, лично руководил погрузкой состоящих под его управлением жителей в трюм для рабов. Так остались позади Китнос, Сирос, Миконос, Делос.

Несмотря на заверения Савари, Анжелику грыз страх перед будущим, и Эллис иной раз никак не удавалось разогнать ее тоску.

— Как жаль, — воскликнула она однажды, — что Рескатор сейчас уехал в гости к султану Марокко. Он бы тебя выкупил.

Анжелику передернуло.

— Перейти из лап одного пирата в лапы другого? Я не вижу, в чем здесь преимущество.

— Это было бы для тебя лучше, чем оказаться запертой в каком-нибудь серале. Только смерть может отворить двери серала перед женщиной, которую евнухи однажды ввели туда. Даже старость не возвращает ей свободы. Я предпочитаю пиратов, — рассудительно подытожила девушка. — А тот из них, про которого я тебе толкую, совсем не таков с женщинами, как другие хозяева. Я расскажу тебе историю итальянки Лючии, которую берберийцы похитили с берегов Тосканы. Мне про нее рассказали в Алжире, в тюрьме для рабов... рассказала одна женщина, которая познакомилась с Лючией уже после того, как Рескатор вернул ее на родину. Когда она жила с ним на его укрепленном острове, ей подавали роскошную еду и каждый день у нее были конфеты и много-много любви.

Анжелика не смогла не рассмеяться простодушию юной гречанки.

— Но мне не хочется ни Конфет, ни любви... Во всяком случае, не при таких условиях.

— А вот Лючии этого хотелось. В своей бедной Тоскане она никогда не ела досыта. И так как она была красивая, как богиня, она очень быстро научилась наслаждаться. И была довольна и конфетами и любовью.

— Что поделаешь — я не Лючия и, в отличие от нее, не обладаю вкусами одалиски.

На лице Эллис отразилось разочарование. Затем, внезапно воодушевившись, она заговорила вновь.

— Послушай еще, сестра... В Кандии продавали армянку Марию. Когда ее выставили в батистане, она легла на пол, и распорядителю торгов Эривану пришлось поднять ее голову за волосы, чтобы покупатели смогли увидеть ее лицо. И хотя она была прекрасна, как ночь, никто не хотел ее покупать из-за ее слабости... Ее купил Рескатор. Он отвез ее в свой загородный дворец Милос. Осыпал ее подарками. Но ничто не могло ее исцелить. Тогда Рескатор сел на свой корабль и уплыл, а когда вернулся, то привез с собой двух маленьких детей — детей армянки Марии, которые были проданы одному эфиопу.

Молодая гречанка вдруг вскочила, озаренная ярким солнечным светом, и попыталась изобразить движениями своих худеньких рук описываемую ею сцену.

— Когда она их увидела, то закричала, как дикий зверь. Она целый день прижимала их к груди, и никто не мог к ней приблизиться. Но когда наступил вечер и они заснули, она встала, она надушила свое тело и украсила себя драгоценностями, которые ей подарил Рескатор. Она поднялась к нему на террасу и стала танцевать перед ним, чтобы он ее пожелал... О! Теперь ты понимаешь, сестра моя?.. Ты понимаешь, кто этот человек!

Подняв над головой изящно изогнутые руки, она кружилась на носках босых ног, танцуя, как танцевала

армянка Мария, как когда-то, давным-давно, должно быть, танцевали девушки под белыми портиками островных храмов. Затем она снова села у ног Анжелики, обхватив руками колени.

— Ты понимаешь, что я хочу тебе объяснить?

— Нет.

Рабыня мечтательно промолвила:

— Он с каждой женщиной говорит на том языке, который ей понятен. Он — волшебник!

— Волшебник! — желчно повторил за Эллис появившийся маркиз д'Эскренвиль. — Так вот что она плетет, эта потаскуха! Им здесь не много надо, чтобы вскружить их куриные головы. Сумасброд — вот кто такой этот проклятый Рескатор.

— Стало быть, вы тоже считаете его сумасбродом? Почему?

— Потому что он единственный, вы меня слышите — единственный пират, который не торгует рабами, и тем не менее он богаче всех благодаря своей грандиозной торговле серебром, которая расстраивает все дела и ведет нас к разорению. Волшебник ли он? Ну, еще бы! Вечно ухитряется появляться как раз там, где его не ждут. Никто не знает, где у него база. Он долго находился в Джиджелли близ Алжира. Затем его видели на Родосе. Затем в Триполи. Я полагаю, что сейчас он, скорее всего на Кипре. Он страшен, потому что никто не может взять в толк, что им движет. Наверное, он немного не в своем уме. В нашем деле это бывает.

— Правда, что он иногда освобождает всех рабов на захваченных им кораблях?

Д'Эскренвиль со скрежетом стиснул зубы и пожал плечами.

— Он помешанный! Сам богат, вот и забавляется тем, что расстраивает дела и разоряет других. Купцы и банкиры в крупных городах ходят перед ним на задних

лапках, уверяя, что он, дескать, упорядочил цену денег. Он все прибирает к рукам. Но долго это не продлится. Хоть он и окружил себя этой своей мавританской охраной, будто какой-нибудь важный шериф^[30], а все равно в один прекрасный день найдется кто-нибудь, кто отправит к праотцам этого фальшивого мага с отрезанным носом... Волшебник Средиземного моря... Ха-ха-ха! А я — Ужас Средиземного моря... Посмотрим, чья возьмет! Я его ненавижу, как ненавидят его и все остальные пираты, торгующие рабами: Меццо-Морте, Симон Дансат, Фабрицио Олильеро, братья Сальвадор, испанец Педро Гармантас и даже мальтийские рыцари и все, все! Как он втерся в милость к королю Марокко Мулею Исмаилу? Это загадка! Грозный султан предоставил ему свой флаг и дал мавров из личной охраны. Но довольно разговоров об этом субъекте. Не хотите ли отведать кебаб? — И д'Эскренвиль протянул Анжелике блюдо с кусочками мяса, приправленного кислыми семечками тамариска и поджаренного на бараньем жире.

Глава 14

Каждый вечер маркиз повторял Анжелике свое приглашение взойти на ют и разделить с ним его трапезу. Он, как мог, старался быть с ней любезным, очевидно, вследствие внушений своего помощника Кориано, однако его природные склонности порой снова брали верх, и тогда он обращался к ней на «ты» и говорил ей гадости. Временами он, напротив, вспоминал некогда полученное им хорошее воспитание и умел увлечь молодую даму интересной беседой. Она обнаружила, что он хорошо образован, знает все восточные языки и может в подлиннике читать греческих классиков. Сочетание столь разнородных качеств делало из маркиза престранную личность. Капризы, побуждавшие его с наслаждением истязать своих рабов, уживались в нем с проявлениями чуть ли не отеческого внимания к некоторым из них. Он часто приказывал привести на ют десять миловидных мальчиков-негритят, которых он приобрел в Триполи. Дети тихо опускались на колени и смиренно сидели на своих голых пятках. Белки их глаз блестели в сгущающихся сумерках, словно белая эмаль.

— Ну, разве они не красавчики? — сказал однажды д'Эскренвиль, не сводя с негритят умильного взгляда. — Вы знаете, что каждый из этих маленьких суданских дикарей ценится на вес золота?

— Неужели?

— Они евнухи.

— Бедные дети!

— Почему бедные?

— Но разве такое уродование не чудовищно?

— Вот еще! Их колдуны умеют проделывать это в два счета. Затем рану поливают кипящим маслом и

зарывают кастратов до пояса в горячий песок пустыни вплоть до рубцевания. Это отличный способ. Племенные вожди, доставляющие их к нам на побережье, утверждают, что от этой операции умирает не более двух из сотни.

— Бедные дети! — повторила Анжелика. Пират пожал плечами.

— Поверьте мне, вы расточаете свою жалость не по адресу и вопреки здравому смыслу. Для этого отродья каннибалов такой удел — величайшая удача. Они родились в жутких краях, где тот, кто не попадет в пасть льву, будет поражен дротиком своего врага, который затем съест его живьем. Живя в своих племенах, эти негрятя питались крысами и кореньями. Теперь они едят досыта. Когда я их продам, они станут для своих владельцев предметами роскоши. Пока они юны, они только и будут, что играть на ступеньках дворцовых лестниц в триктрак или шахматы с сыновьями какого-нибудь султана или сопровождать их на соколиной охоте. Когда же они повзрослеют, то станут играть первые роли. Вы помните из истории, что евнухи подчас становились императорами Византии? Я знаю немало евнухов, которые вертят, как хотят, своими ослепленными сладострастием хозяевами. Вы еще услышите о начальнике черных евнухов турецкого султана, о начальнике белых евнухов его брата Сулеймана, некоем Шамиль-бее, или, скажем, об Османе Ферраджи, великом евнухе Мулея Исмаила, султана Марокко. Этаким великан под два туза ростом и большой человек во всех смыслах этого слова, жестокий, коварный и гениальный. Это он посадил Мулея Исмаила на трон, оказав содействие в убийстве нескольких десятков других претендентов, которые преграждали ему путь.

Внезапно д'Эскренвиль оборвал свою речь и залился злым смехом.

— Да! Да! Я думаю, что вы, прекрасная пленница, очень скоро сами оцените, какую власть имеют на Востоке евнухи.

Анжелика стояла, прислонясь к колонне, украшенной каннелюрами и облитой светом жаркого солнца Киклад.

Ее пальцы теребили стебелек базилика. Только что, когда она проходила по деревне, ей навстречу вышел православный священник в камлавке с ниспадающим с нее черным покрывалом и протянул ей душистую ветку — символ мира и гостеприимства. Бедный старик, такой неуклюжий в своем неведении, пытался спасти свою паству от пиратов-работорговцев. Он силился что-то объяснить юному светловолосому корсару, который сошел на берег в сопровождении матросов с бандитскими рожами. А вдруг он пожалеет этих нищих, горемычных крестьян?..

Д'Эскренвиль немедленно схватил священника за бороду и повалил его на землю, осыпая греческими ругательствами и пиная сапогами.

— Нечестивец! — крикнула Анжелика.

Старик быстро заговорил, простирая к ней иссохшие руки. Маркиз разразился хохотом.

— Он думает, что вы мой сын, и умоляет вас, ради любви, которую я к вам питаю, попросить, чтобы мы пощадили его двоих дочерей. Ха-ха-ха! В жизни не слышал ничего смешнее.

— А если бы я вас об этом попросила?

Стоя над сбитым с ног священником, д'Эскренвиль посмотрел на нее долгим взглядом, в котором трудно было что-либо прочесть.

— Уйдите отсюда, — сказал он. — Вам незачем вмешиваться в то, что мы здесь делаем.

Она ушла, отвернувшись от печального зрелища, которое наблюдала уже столько раз.

После ее выздоровления Кориано настаивал, чтобы она сходила на берег при каждом заходе в гавань. Свежий воздух будет ей полезен, говорил он. Можно подумать, что ей не хватает этого воздуха на палубе корабля. Но Кориано был непреклонен. Нужно, чтобы пленница побольше двигалась.

В первый раз она ступила на берег несмело, удивляясь тому, что земля неподвижна и не качается у нее под ногами. И вот теперь она оставила позади деревушку, где пираты ожесточенно торговались из-за рабов, и уединилась в тени древнего храма среди белоснежных обломков опрокинутых статуй. Поднеся к лицу стебелек базилика, она вдыхала аромат самой этой бедной, выжженной солнцем земли. Здесь не росло ни одно дерево. Кругом лишь нищета и запустение, и рядом — бессмертное величие былого. В этих местах не хватало воды, но не иссякал родник поэзии, давший вечную жизнь родившимся здесь мифам и легендам.

С плоскогорья слышались пронзительные выкрики пастухов. По полям весело неся вооруженный своими деревянными гребешками Савари, чтобы расчесать бороды пасущихся наверху козлов и коз. Сегодня вечером он принесет на корабль собранный за день ладан. Сегодня вечером на берегу завоют плакальщицы, раздирая себе ногтями лица и посыпая пеплом свои седые волосы...

Анжелика закрыла глаза. Запах базилика навевал ей грезы, от тепла солнечных лучей еще острее хотелось жить...

Остановившись недалеко, на нее пристально смотрел маркиз д'Эскренвиль. Она стояла, прислонившись к белой колонне, в позе, исполненной молодой грации, склонив обращенную к нему в профиль голову под покрывалом золотых волос. И, глядя на нее, он подумал, что ему нравится то двойственное,

полуженское-полуюношеское очарование, которое придает ей упрямо не снимаемый мужской костюм. В женском наряде она слишком походила на ту, другую... В конце концов, он бы ее убил. В платье она была слишком женственной, воплощенной сиреной-обольстительницей, и к тому же чересчур беззащитной. Теперь же, одетая без затей в поношенный камзол, в расстегнутом вороте которого виднелась ее гибкая шея, его пленница обрела иную, полумальчишескую прелесть, созвучную со сладкой и таинственной печалью этих мест, где когда-то отдавались друг другу объятые страстью эфебы ^[31].

Анжелика ощутила на себе чей-то взгляд, подняла глаза и тут же сделала шаг назад.

Д'Эскренвиль повелительно махнул ей рукой.

— Иди сюда.

Она медленно двинулась к нему, задевая носками своих турецких туфель устилающие тропинку мелкие камешки. Загорелые икры под блестящими серебряными пряжками, стягивающими выше колен ее короткие штаны, были приятно округлены. Да, Кориано дал дельный совет. Сейчас у пленницы снова были полные щечки, а ее матовую кожу покрыл здоровый румянец. Д'Эскренвиль сжал ее руку выше локтя и проговорил с таким видом, будто они сообща разыграли веселую шутку:

— Возрадуйся, сын мой! Дочки здешнего попа — знаешь, что мы с ними сделали?.. Оставили их здесь, в родной грязи и скудости...

Она посмотрела ему в лицо, пытаясь понять, серьезно ли он говорит. Серые глаза пирата придвинулись совсем близко к ее глазам. В их зрачках плясали странные огоньки.

— Я очень рада, — сделав над собой усилие, сказала Анжелика.

Д'Эскренвиль не отрицал, что сделал это ради нее. Толкая Анжелику рядом с собой по тропинке, он заставлял ее взбираться по возвышающемуся над морем крутому берегу. Сквозь рубашку и камзол она ощущала обжигающее прикосновение его горячей ладони и сотрясающую его тело дрожь.

— Не смотри на меня так, будто я собираюсь тебя съесть, — сказал он. — Ты что, считаешь меня новым Минотавром?

— Нет, просто тем, что вы есть.

— И кто же я, по-твоему?

— Ужас Средиземного моря.

Этот ответ, похоже, пришелся ему по вкусу, и он еще крепче стиснул ее локоть. Отсюда было уже рукой подать до самой высокой точки острова, и виднеющийся далеко внизу «Гермес» походил на прелестную игрушку на фоне муарового рисунка морского дна, просвечивающего сквозь прозрачную воду.

— А теперь закрой глаза, — приказал д'Эскренвиль. Анжелика содрогнулась. Какую жестокую игру он задумал? Перехватив ее встревоженный взгляд, он весело оскалился.

— Закрой глаза, непослушная ослица.

Чтобы быть вполне уверенным, что она ничего не видит, он прикрыл ей глаза рукой и, прижимая ее к себе, потащил дальше. Наконец Анжелика почувствовала, что его рука перестала заслонять от нее свет и, словно лаская, скользнула по ее лицу.

— Смотри!

— О!

Те несколько шагов, которые они только что прошли, привели их на ровную площадку, где высились руины храма.

Три ступени, сверкающие под лучами солнца подобно грудам соли, выходили на паперть, выложенную ослепительно белыми мраморными

плитами, в промежутках между которыми росла короткая трава.

Здесь, среди половодья обсыпанного желтыми и розовыми ягодами дикого малинника, начиналось чудо — две длинных вереницы нисколько не поврежденных, стройных, белоснежных статуй, как будто готовых взмыть ввысь со своих пьедесталов. Застывший танец залитых солнечным светом каменных фигур на фоне раскаленной голубизны небосвода.

— Что это? — прошептала Анжелика.

— Богини.

Медленно шагая, он потянул ее за собой в середину аллеи. С обеих сторон к ним были обращены мраморные улыбки и простирались изящные руки прекрасных, исполненных тихой печали божеств, забытых людьми на этой горе, где вместо курящегося фимиама для них благоухали одни только заросли малины, а единственным подношением был веющий с моря ветерок. Забывшая обо всем в своем восхищении, Анжелика не замечала, что д'Эскренвиль продолжает, как и прежде, прижимать ее к себе.

В конце аллеи стоял изваянный из мрамора ребенок, маленький бог, с торжествующим видом натягивающий тетиву лука, прелестный мальчуган, словно вылепленный из позолоченного солнцем снега.

— Эрос!

— Как он прекрасен, — промолвила Анжелика. — Это бог любви, не так ли?

— А вас когда-нибудь поражала его стрела?

Теперь пират стоял от нее чуть поодаль, нервно похлопывая по сапогам кончиком хлыста. Анжелика почувствовала, что чудесное волшебство рассеялось.

Ничего не ответив, она подошла к стройной мраморной Афродите, желая укрыться от солнца в тени ее высокого пьедестала.

— Вы, должно быть, очень красивы, когда любите, — вновь заговорил д'Эскренвиль после долгого молчания.

Его черты исказила болезненная гримаса. Он взглянул на статуи богинь, затем снова перевел взгляд на Анжелику, но она не понимала, отчего его лицо вдруг приняло это страдальческое выражение. Куда он клонит?

— Ты думаешь, что сумела пустить мне пыль в глаза своими великосветскими замашками и что я из-за этого не наведываюсь к тебе по вечерам, чтобы проучить тебя, как ты того заслуживаешь? — брюзгливо сказал он. — У тебя такие претензии, что ты наверняка вообразила себе невесть что, но ты ошиблась — дело совсем не в этом. Еще ни одной рабыне не удавалось пустить, пыль в глаза Ужасу Средиземного моря. Но мне надоели крики ненависти и впивающиеся в меня ногти. Разок-другой это придает развлечению остроту, но со временем приедается. Не могла бы ты попробовать быть со мной ласковой?

Анжелика холодно на него посмотрела, но принявшийся ходить взад и вперед д'Эскренвиль не заметил этого взгляда. Его сапоги гулко стучали по мраморным плитам, заглушая безумолчное, пронзительное стрекотание цикад.

— Вы, должно быть, очень красивы, когда вы любите, — глухо продолжал он. — Когда ваше лицо становится таким, как в тот вечер, когда оно запрокинулось в моих объятиях и ваши глаза были закрыты, а губы говорили: «Любимый!»

И, видя отразившуюся на ее лице растерянность, он пояснил:

— Вы не можете этого помнить. Вы были больны, бредили. Но я, я вспоминаю это лицо все время. Оно стоит у меня перед глазами. Вы, должно быть, так красивы, когда вас обнимает мужчина, которого вы любите.

Он остановился и поднял к маленькому богу Эросу свои водянистые глаза, в которых теперь сквозило что-то трогательное.

— Я хотел бы быть этим мужчиной, — проговорил он. — Я хотел бы, чтобы вы меня любили!..

Анжелика была готова к чему угодно, только не к этой просьбе.

— Вас любить? ВАС?! — воскликнула она.

Это показалось ей столь нелепым, что она расхохоталась, Он что, не понимает, кто он такой, — мерзкая тварь, преступник, палач, лишенный души и сердца? И он хочет, чтобы его любили!..

Ее залиvistый смех все звенел и звенел, разрывая тишину этих покинутых людьми мест. Эхо повторяло его снова и снова, резкий и язвительный, и ветер никак не желал уносить его прочь.

Лицо маркиза д'Эскренвиля сделалось бело как мрамор. Он шагнул к Анжелике и дважды ударил ее по лицу тыльной стороной руки. Молодая женщина ощутила во рту соленый вкус крови. Он еще раз ударил ее, и она упала на землю у его ног. Из уголка ее губ потекла кровавая струйка.

— Этот смех! — проревел он.

Его рот был широко раскрыт, словно ему не хватало воздуха.

— Сука! Да как ты посмела! Ты еще хуже той, другой, хуже всех остальных! Я тебя продам! Продам развратному паше, базарному торговцу, мавру, скоту, который тебя изничтожит... Но свое лицо любовницы ты больше никому не покажешь... Я тебе ЗАПРЕЩАЮ... А теперь убирайся отсюда! Убирайся! Я не хочу восстанавливать против себя Кориано и команду... Убирайся, пока я тебя не убил!..

Через день корабль бросил якорь у берегов острова Санторин. Маркиз д'Эскренвиль вышел из своей каюты,

где он два дня пробыл в состоянии прострации, окутанный клубами гашишного дыма.

— Ты все-таки затащил меня, куда хотел, чертов таракан! — заорал он на Савари. — Хотел бы я знать, какие такие богатства ты можешь отыскать на этой голой скале, на этом булыжнике! Сколько я ни гляжу на этот остров, а что-то не видно, чтобы коз на нем было больше, чем на других. Похоже, что их тут даже меньше. Смотри, старая лиса, я тебя прочу, если ты меня облапошишь.

Мэтр Савари уверил его, что количество собранного здесь ладана превзойдет все ожидания, однако недоверие пирата не рассеялось.

— Никак не возьму в толк, как здешние козлы ухитряются выпачкать бороды в этом твоём зелье. Если смотреть невооруженным глазом, здесь не видно ни дерева, ни куста.

Это была правда. Остров Санторин, древняя Тира, не походил на другие острова Киклад. То было удивительное творение природы — отвесно поднимающийся из моря утес высотой в три сотни туазов, являющий взору, словно в многоцветном срезе, все секреты земных недр и похожий на исполинский кусок слоеного неаполитанского мороженого. Между пластами коричневой скальной породы, окаменевшего черного пепла и наслоившейся сверху красной земли тянулись белые прожилки пемзы, свидетельствуя о том, что этот странный остров есть не что иное, как стенка вулканического кратера, центр которого находится как раз под водами рейда. Расположенный напротив Тиры остров Тирасия представлял собой другой край кратера. Подводный вулкан еще не потух. Местные жители жаловались на частые подземные толчки, сотрясающие их обмазанные известью глинобитные лачуги и внезапно выдавливающие из моря островки лавы,

которые при следующей встряске вновь исчезали в пучине.

За примостившимися на берегу маленькими домишками с куполообразными крышами виднелась поднимающаяся по склону горы тропинка с вырезанными в земле ступенями. Она вела к самому высокому месту острова, где стояла ветряная мельница с красными и зелеными решетчатыми крыльями и белели руины. Выпущенная на прогулку Анжелика присела в тени этих развалин, бывших некогда гимназией для греческих юношей, и устремила взгляд на фигуры изваянных из камня молодых танцоров. Рядом с нею на усыпанной щебнем земле лежала отколотая рука с изящной кистью и тонкими пальцами. Он был тяжел, этот прекрасный обломок, — тяжестью прокатившихся над ним веков. Анжелика попробовала приподнять его, но оставила безуспешные попытки и снова опустилась на землю в тени мраморного метателя диска. Недавние пощечины д'Эскренвиля все еще давали о себе знать. Молодой женщиной владели тоска и уныние. Она подумала было о возможном побеге вглубь острова, но безводность окружающего ландшафта не сулила надежды на спасение.

Немного спустя она услышала дребезжание колокольчиков, и на тропинке показался мэтр Савари, сопровождаемый своими неизменными спутницами — козами, — а также молодым греком, с которым он вел дружескую беседу. Лицо старого ученого сияло.

— Позвольте представить вам Вассоса Миколеса, сударыня, — произнес он. — Как вам нравится этот прекрасный юноша?

Из вежливости Анжелика не выказала своего удивления. Ей иногда случалось любоваться красотой мужчин-греков, иные из которых сохранили мощь и изящество тех самых древних эфебов, изваяния которых окружали ее сейчас. Однако эпитет

«прекрасный» несколько не подходил к внешности молодого спутника Савари. Напротив, он показался Анжелике на редкость невзрачным. В его хитрой, обросшей редкой темной бороденкой мордочке и худосочном, несколько сгорбленном теле даже ощущалось некое неуловимое сходство с только что представившим его аптекарем. Анжелика перевела взгляд с грека на мэтра Савари.

— О да! — радостно подтвердил тот, — Вы угадали — это мой сын.

— Ваш сын, мэтр Савари? Стало быть, у вас есть дети?

— Понемногу во всех землях Востока, — с широким жестом отвечал старый аптекарь. — Гм, гм! Что поделаешь, тридцать лет назад, когда я впервые побывал на острове Санторин, я был моложе и резвее, чем нынче. Я был такой же француз, как все, — бедный, но галантный.

Далее Савари поведал, как, вторично посетив здешние места лет эдак через пятнадцать, он с удовлетворением узнал, что отпрыск, прижитый им на архипелаге Киклады, сделался отлично знающим свое дело рыбаком. Именно тогда семейству Миколес, которое благоговело перед путешественником-французом, как перед самим великим Улиссом, был оставлен на хранение целый бочонок минерального мумие, которое Савари, рискуя жизнью, вывез из Персии.

— Вы понимаете, сударыня, что это означает? Целый бочонок! Теперь мы спасены!

Анжелика не очень хорошо представляла, ради чего и каким образом стоящий перед нею тощий отпрыск захудалого парижского аптекаря будет спасать их от многочисленного экипажа пиратского корабля, однако Савари был уверен в успехе. Он нашел нужных им

сообщников. Вассос и братья его матери приплывут
вслед за ними в Кандию и привезут бочонок мумие.

Глава 15

Уже несколько часов, как «Гермес», плавно покачиваясь на волнах, стоял на якоре в порту Кандии. Солнце полыхало вовсю. Вокруг парило яркое восточное многоцветье, а дующий с берега ветер приносил с собой запах кипящего на сковородке масла и нагретых апельсинов.

Из-за насыщенно-красного цвета здешней почвы обращенный к морю край пристани и рытвины на узких городских улочках казались похожими на кровоточащие раны. Розовая пыль окутывала весь город и покрывала построенные венецианцами крепостные стены с еще свежими отметинами недавних боев за Крит, бывший прежде христианским владением, а теперь перешедший к мусульманам. О присутствии в городе новых хозяев свидетельствовали толстые белые свечи минаретов, воздвигнутых ими среди колоколен и куполов христианских церквей греческой или венецианской постройки. Д'Эскренвиль сразу же по прибытии в порт сел в каик и отправился на берег.

Стоя на палубе, Анжелика смотрела на город — наконец-то достигнутую цель ее безрассудного путешествия.

От древнего Крита, где когда-то обитал Минотавр и находился страшный Лабиринт, потомкам осталась Кандия — ненасытный, с взрывной силой разрастающийся город, современный лабиринт, где гибли или исчезали, смешиваясь друг с другом, народности всех рас, ибо, располагаясь на равном удалении от побережий Азии, Африки и Европы, он превратился в завязавшийся между ними гордиев узел.

При всем том в порту совсем не было видно завоевавших остров турок. Когда пиратская бригантина

подняла бело-зеленый штандарт герцога Тосканского, с верхушки одного из фортов ей подали сигнал красным с белым полумесяцем флагом Оттоманской империи, на чем все портовые формальности были исчерпаны.

На рейде и у пристани стояли на якоре около двух десятков галер и боевых кораблей и несколько сотен лодок и небольших парусников.

Внимание Анжелики привлек очень красивый галиот^[32], вооруженный десятью сверкающими, свеженадраенными пушками.

— Ведь эта галера французская, не так ли? — спросила она, взволнованная вдруг проснувшейся надеждой.

Сидящий подле нее с зажатым между коленями зонтиком Савари рассеянно взглянул на свою спутницу.

— Это галера Мальтийского ордена. Посмотрите на этот красный флаг с белым крестом. Мальтийский флот — один из самых лучших на Средиземном море, поскольку Христовы рыцари очень богаты. К тому же должен вам напомнить — на какую помощь со стороны французов можете рассчитывать вы, пленница?

И он объяснил, что при любых хозяевах — будь то греки, франки, венецианцы или турки — Кандия оставалась тем, чем она сделалась еще много столетий назад, то есть притоном для христианских пиратов. Точно так же Александретта^[33] служит пристанищем для пиратов-турок, а Алжир — для их собратьев из Берберии. Будучи освобождены от уплаты портовых сборов турецкому губернатору, морские разбойники, плавающие под флагами Тосканы, Неаполя, Мальтийского ордена, Сицилии или Португалии и собравшие под эти знамена наиболее отпетое отребье со всего христианского мира, с непоколебимым постоянством вновь и вновь возвращались в Кандию, чтобы сбыть здесь награбленные трофеи. Анжелика

окинула взглядом груды товаров, сложенных на пристани и на баржах. Здесь были рулоны тканей, рыба, бочки масла, горы арбузов и дынь, однако ни количество, ни разнообразие выставленных здесь продуктов не шли ни в какое сравнение с тем, что можно было наблюдать в обычном торговом порту, и явно не соответствовали внушительному числу стоящих на якоре судов.

— Это в основном военные корабли, — заметила Анжелика. — Что они здесь делают?

— А мы с вами, что здесь делаем? — поблескивая глазами, риторически спросил Савари. — Вглядитесь получше в эти суда — у большинства из них трюмные люки закрыты, а между тем, прибывая в порт, торговое судно, везущее честный груз, должно по обычаю их открыть. Посмотрите на эти усиленные караулы на палубах. Что они охраняют? Самый ценный товар — вот что.

Анжелика невольно вздрогнула.

— РАБОВ? Выходит, все эти корабли принадлежат работоторговцам?..

Савари ничего не ответил, так как в эту минуту к борту «Гермеса» причалил изрядно потрепанный каик. На его корме стоял европеец в не совсем чистой одежде и в шляпе, украшенной выдавшими виды перьями. За его спиной развевался крохотный, не крупнее носового платка, флажок с изображением золотых лилий на серебряном поле.

— Француз! — опять воскликнула Анжелика, которая, невзирая на желчные разъяснения старика ученого, по-прежнему надеялась обрести союзников среди своих соотечественников.

Пассажир каика услышал ее восклицание и после недолгого колебания приветствовал ее едва заметным кивком.

— На борту ли д'Эскренвиль? — крикнул он.

Поскольку никто не потрудился ему ответить, он взобрался по веревочной лестнице на палубу. Два или три матроса, с вялой беспечностью несущие вахту, не обнаруживали ни желания услужить, ни недовольства по поводу несвоевременного визита и все так же играли в карты и лузгали семечки.

— Я спрашиваю, здесь ли ваш капитан? — повторил вновь прибывший, подойдя к одному из вахтенных.

— Очень может статься, что вы найдете его в порту, — ответил тот, не поднимаясь со своего места.

— А не оставил ли он для меня посылки?

— Я не кладовщик, — заметил на это вахтенный матрос и, выплюнув шелуху от семечка, сосредоточился на карточной игре.

Незнакомец досадливо потер рукой свой плохо выбритый подбородок. Вышедшая из каюты Эллис одарила его лучезарной улыбкой и, подойдя к Анжелике, тихо сказала:

— Это съёр Роша, консул Франции. Хочешь с ним поговорить? Он мог бы тебе помочь... Сейчас я принесу вам французского вина.

— О, теперь я вспомнила! — сказала Анжелика. — Съёр Роша! Ну конечно же, так зовут того господина, который выполняет за меня должностные обязанности консула в Кандии. Может быть, ему удастся что-нибудь для меня сделать.

Тем временем съёр Роша, осознав, что стоящий на корме юноша — это одетая в мужской костюм женщина, направился в ее сторону.

— Я вижу, что моему старому товарищу д'Эскренвилю продолжает сопутствовать удача. Прекрасная путешественница, разрешите мне представиться: Роша, консул французского короля в Кандии.

— А я, — отвечала Анжелика, — маркиза дю Плесси-Белльер, владелица должности консула французского

короля в Кандии.

На физиономии съёра Роша отразились самые разнообразные чувства: от изумления и недоверия до тревоги и мрачных подозрений.

— Разве вам не говорили обо мне, когда я купила эту должность? — мягко спросила Анжелика.

— Разумеется, сударыня, однако позвольте мне все же высказать некоторое удивление. Если предположить, что вы действительно маркиза дю Плесси-Белльер, то какая цель могла побудить вас забраться в эти места? Мне хотелось бы иметь доказательства, удостоверяющие вашу личность.

— Вам придется довольствоваться моим честным словом, сударь. Когда ваш «товарищ» маркиз д'Эскренвиль устроил нашему судну досмотр в море, он украл все мои документы, включая патент на должность консула.

— Понятно! — промолвил обшарпанный дипломат, посмотрев на Анжелику и старика Савари с тут же возросшим высокомерием. — Короче говоря, вы оказались в гостях у моего доброго друга д'Эскренвиля не по своей воле?

— Вот именно. А это мэтр Савари — мой управляющий и советчик.

Савари мгновенно вошел в роль.

— Не будем терять драгоценного времени, — веско изрек он. — Сударь, мы предлагаем вам сделку, которая в скором времени может принести вам сто ливров.

Роша проворчал, что он не совсем понимает, каким образом пленники...

— Эти пленники способны доставить вам сто ливров через три дня, если вы немедля окажете им небольшую помощь.

Представитель Франции, похоже, никак не мог решить, какой же путь указывает ему его совесть, и,

чтобы лучше думалось, поправил свой порядком измятый кружевной воротник.

В эту минуту возвратилась Эллис, неся поднос с кувшином вина и несколькими бокалами. Она поставила его перед пленниками и Роша и, как подобает хорошо вышколенной служанке, незаметно удалилась. Ее подчеркнутое почтение к Анжелике, по-видимому, убедило Роша в том, что он имеет дело не с обычной рабыней, а со знатной дамой. Затем, когда, беседуя, они обменялись именами некоторых общих знакомых, уверенность его окрепла окончательно, что повергло господина дипломатического чиновника в крайнюю растерянность.

— Я глубоко сожалею, сударыня. Попасть во власть д'Эскренвиля — самое худшее, что только могло с вами приключиться. Он ненавидит всех женщин, и его нелегко заставить выпустить из рук пленницу, если он задумал ей мстить. Лично я ничего не могу для вас сделать. Работоторговцы имеют здесь права гражданства, и, кроме того, как гласит поговорка, «добыча принадлежит пирату». Что до меня, то я не обладаю тут никакой властью: ни финансовой, ни административной. Не рассчитывайте на то, что я пойду против д'Эскренвиля или буду рисковать теми ничтожными преимуществами, которые все же дает мне мое место временно исполняющего обязанности консула.

Затем, не переставая поправлять свои неопрятные одежды и вперив взор в носки замызганной обуви, он принялся тихим, но исполненным страсти голосом оправдываться за свое поведение. Он был младшим сыном графского семейства Роша, однако у него не было состояния, и в возрасте восьми лет его отправили в одну из французских колоний в Леванте для изучения восточных языков. Он был принят в учебное заведение, учрежденное для младших отпрысков бедных дворянских семей и дающее им возможность освоить

местный язык и обычаи, с тем, чтобы впоследствии они стали переводчиками французских консульств. Таким образом, Роша вырос в особом французском квартале Константинополя, время от времени посещая уроки в мусульманской школе и играя вместе с сыновьями пашей. Именно тогда он и познакомился с д'Эскренвилем, который тоже был отправлен в Турцию для овладения восточными языками. Они вместе завершили учение, и д'Эскренвиль начал весьма успешно делать карьеру чиновника дипломатической службы, пока не влюбился в одну красавицу, супругу королевского посла в Константинополе. У дамы был любовник, а у любовника были долги. Чтобы заплатить их, не привлекая внимания мужа, кокетка обратилась к д'Эскренвилю, попросив его подправить кое-какие суммы в бумагах посольства. Очарованный ею, он согласился.

Само собой разумеется, что, когда обман вышел наружу, платить пришлось именно ему. Красотка от всего отперлась и даже сумела дополнительно представить несколько мелких улик, чтобы окончательно его погубить. История получилась весьма банальная. Эскренвиль совсем потерял голову и, продав свою должность, приобрел небольшое судно, чтобы на свой страх и риск заняться морским разбоем. Как показало время, он выбрал лучший путь, чем его сверстник Роша. Последний прилагал все силы, чтобы вскарабкаться по ступенькам дипломатической лестницы, но, в конце концов, совершенно запутался в той неразберихе, которую создавали версальские придворные, продавая и перепродавая друг другу свои должности и посты. Он точно знал только одно — что у него есть право на вознаграждение, выплачиваемое исполняющему обязанности консула и составляющее два с половиной процента от стоимости французских товаров, перевозимых транзитом через Кандию. Однако

вот уже четыре года, как ни торговая палата Марселя, ни министр Кольбер не удосуживались выплатить ему положенных денег, которые, по всей вероятности, оседали в кармане нового владельца или владелицы исполняемой им должности.

— А не сгущаете ли вы краски, чтобы выставить себя в более выгодном свете? — спросила Анжелика. — Обвинять короля и министра — это не шутка! Отчего вы со всеми вашими бумагами не явились в Версаль?

— Я не имею на это средств. Счастье еще, что у меня нет неприятностей с турками. Если вы полагаете, будто я преувеличиваю, то да будет вам известно, что дипломат куда более высокого ранга, чем я, и имеющий более влиятельных родственников — я имею в виду нашего посла в Турции маркиза де Ла Э — заключен сейчас за долги в константинопольскую тюрьму, и все по той простой причине, что министр уже несколько лет не выплачивает ему жалованья. Поймите — мне нужно как-то существовать. Черт возьми, у меня ведь жена и дети!

И он со вздохом заключил:

— Я, тем не менее, могу попытаться вам помочь, если для этого не потребуются вступать в конфликт с маркизом. Что я могу для вас сделать?

— Две вещи, — сказал Савари. — Первое: разыщите в этом хорошо знакомом вам городе арабского торговца, имя которого — Али Мектуб и у которого есть племянник Мухаммед Раки. Попросите его ради совершения благого, угодного пророку дела быть на кандийской пристани, когда судно д'Эскренвиля будет разгружаться и с него, по-видимому, будут продавать часть привезенных рабов.

— Это вполне в моих силах, — с облегчением согласился дипломат. — Кажется, я даже знаю, где живет этот торговец.

Однако вторая часть замысла Савари оказалась для господина Роша более трудной. Речь шла о немедленной передаче аптекарю нескольких цехинов из кошелька королевского уполномоченного. В конце концов он все же дал согласие, хотя и состроив при этом кислую мину.

— Раз уж вы обещаете, что мои сорок цехинов принесут мне сто ливров... Да, кстати, а как прошла сделка по перепродаже в Марселе моих губок? Кроме того, Эскренвиль обещал привезти мне бочку баньюля^[34]. Где она?

Ни Анжелика, ни Савари ничего об этом не знали.

— Ничего не поделаешь! У меня нет времени дожидаться хозяина. Когда вы его увидите, скажите ему, что заходил его товарищ и что он требует денег за свои губки, а также обещанную бочку баньюля. Впрочем, нет, не говорите ему ничего. Будет лучше, если он не узнает, что мы с вами имели беседу. Почем знать, как все обернется...

— На Востоке правая рука никогда не должна знать, что делает левая, — наставительно заметил Савари.

— Да... Главное, чтоб он не заподозрил, что я одолжил вам денег, вам, пленникам. Ах, как нехорошо! Хотел бы я знать, не придется ли мне дорого поплатиться за свое великодушие. А между тем мое положение и без того достаточно сложное. Ну да ладно!..

И он удалился, забыв допить свой стакан, — так разволновали его воспоминания о прошлом и мысль о последствиях своей неосторожности.

Вечером, когда рабов выгружали на берег, рядом с молом стоял араб, облаченный в джеллабу. Анжелика сошла на пристань, зорко охраняемая одноглазым Кориано. Савари пристроился сзади и следовал за ними

по пятам. Неожиданно он сунул в руку Кориано горсть цехинов.

— Откуда у тебя эти деньги, старый негодяй? — проворчал пират.

— Если ты это узнаешь и донесешь своему капитану, это все равно не сделает тебя богаче, — прошелестел аптекарь. — Позволь мне поговорить пять минут с тем арабом, и после этого я дам тебе еще столько же.

— Чтобы вы с ним подготовили тебе побег?

— А даже если и так, то какая тебе разница? Ведь твоя доля от выручки за мои старые кости не составит и тех тридцати цехинов, что я тебе даю.

Кориано подкинул на ладони медные монеты и, мгновенно осознав разумность такого суждения, отвернулся и сосредоточил все свое внимание на сортировке выгруженного товара: стариков и больных — в одну сторону, крепких мужчин — в другую, молодых и красивых женщин — отдельно и далее в том же духе... Тем временем Савари быстро засеменял к стоящему на пристани арабу. Вскоре он вернулся и, подойдя к Анжелике, тихо сказал:

— Этот человек — действительно тот самый Али Мектуб, о котором вам говорили, и у него, в самом деле, есть племянник по имени Мухаммед Раки, однако этот племянник проживает в Алжире. По словам дяди, он помнит, как его родич ездил в Марсель по поручению некоего европейца, у которого, он долго служил в Судане, где этот европеец, человек весьма ученый, занимался добычей золота.

— А каков из себя был этот человек? Торговец может его описать?

— Успокойтесь. Не мог же я сразу расспросить его обо всех подробностях. Но сегодня вечером или завтра я буду иметь с ним более длительное свидание.

— Как вы сумеете это сделать?

— Это моя забота. Положитесь на меня.

Кориано прервал их беседу. Анжелику под охраной отвели во французский квартал Кандии. Уже темнело, и из выходящих на улицу окон кофеен доносились звуки тамбуринов и флейт.

Дом, в который они вошли, походил на маленькую крепость. Эти владения д'Эскренвиля были убраны наполовину по-европейски, наполовину по-азиатски. Прекрасная мебель и портреты в золоченых рамах соседствовали здесь с восточными диванами и неизменным кальяном. Повсюду ощущался запах гашиша.

Д'Эскренвиль предложил своей пленнице чашечку кофе, чего не делал ни разу после того, что произошло в аллее богинь.

— Итак, моя красotka, вот мы и прибыли в порт. Через несколько дней все любители красивых женщин, готовые заплатить за обладание редкой вещью хорошую цену, смогут рассмотреть ваши формы во всех подробностях. И уж поверьте мне — мы дадим им для этого достаточно времени!

— Вы низкий человек, — с презрением сказала Анжелика, — но я не думаю, что у вас хватит дерзости продать меня... и к тому же голой.

Пират расхохотался.

— А я думаю, что чем больше я покажу покупателям, тем вернее смогу получить свои двенадцать тысяч пиастров.

Анжелика вскочила. Глаза ее метали молнии.

— Нет, этому не бывать! — вскричала она. — Я никогда не соглашусь на такое бесчестье! Я не рабыня. Я французская аристократка! Никогда этому не бывать, никогда! Только попробуйте так поступить со мной... Вы еще сто раз пожалеете, что дерзнули даже помыслить об этом!

— Наглая тварь! — взревел маркиз, хлестнув ее плетью. За Анжелику опять вступился Кориано.

— Не трогайте ее, патрон! Вы можете попортить ей кожу! Вам незачем портить себе кровь. Посидит немного в карцере — и с нее враз слетит вся спесь.

Маркиз д'Эскренвиль был уже неспособен внять голосу рассудка, но помощник бесцеремонно его оттолкнул, и бесноватый, выронив на пол плетень, рухнул на диван. Кориано шагнул к Анжелике и схватил ее за руку. Она высвободилась и сухо заметила, что вполне может идти без поддержки. Она никогда не питала симпатии к этому молодчику с волосатыми лапами, покрытыми синей татуировкой, как у дикаря. Его внешность как нельзя лучше соответствовала его сущности — это был обычный гнусный пират с черной нашлепкой на глазу и в повязанной поверх сальных волос лямкой красной косынке, из-под которой на его нечисто выбритые щеки ниспадали кокетливые завитки. Пожав плечами, он пошел впереди Анжелики, петляя по лабиринту коридоров и переходов старинного дома, напоминающего нечто среднее между крепостью и караван-сараями. Заставив ее спуститься по каменной лестнице, одноглазый остановился перед дверью, окованной железом на средневековый манер, вытащил из-за пояса связку ключей и с лязгом отодвинул дверные запоры.

— Входите. Молодая женщина в нерешительности остановилась на пороге темной камеры, в которую он ее приглашал. Кориано, посмеиваясь, втолкнул ее внутрь и закрыл дверь.

Теперь она осталась одна в темном карцере, куда свет проникал только через маленькое слуховое оконце, зарешеченное двумя толстыми железными прутьями. Здесь не было даже соломы — а лишь три вделанных в стену тяжелых цепи с браслетами на концах. «Меня этот скот по крайней мере не заковал, — подумала Анжелика. — Они боятся «попортить мне кожу».

Ее плечи горели в том месте, где по ним прошлась плеть д'Эскренвиля. Она легла на земляной пол карцера. Тут она может подумать если не в комфорте, то хотя бы в тишине. Глубокое, безмятежное спокойствие пришло к ней, когда Савари сказал ей про Али Мектуба. У него действительно есть племянник по имени Мухаммед Раки, и этот племянник говорил ему про европейца, который искал в Судане золото и по поручению которого он когда-то ездил в Марсель. Анжелика повторила про себя каждое слово этого рассказа, черпая в нем надежду. Нет, она не могла обмануться. Она правильно сделала, что, несмотря на самые жестокие злоключения, все-таки не оставила попыток добраться до Кандии, ибо тонкая нить не оборвалась и в конце ее пути по-прежнему сиял свет надежды. Однако не следует слишком обольщаться. Ее поиски еще долго не дадут ничего определенного. Когда и где сможет она встретиться с племянником Али Мектуба? Она не знала даже, каким образом сумеет вернуть себе свободу и не уготован ли ей самый страшный из всех уделов — удел узницы гарема. Несмотря на эти мысли, она все-таки заснула и, по всей видимости, спала довольно крепко, так как по пробуждении обнаружила подле себя медный поднос с аппетитно пахнущим турецким кофе, засахаренными фисташками и медовыми лепешками. В выборе этих угощений явно чувствовалась женская рука, и Анжелика поняла, кто о ней позаботился, когда увидела рядом с подносом свернутую трубкой циновку, принадлежавшую тихой и незаметной свободной рабыне Эллис.

Анжелика заканчивала свою трапезу, когда в коридоре подземной тюрьмы раздались голоса, затем заскрежетал отпираемый замок и кривой помощник д'Эскренвиля грубо втолкнул в камеру еще двух женщин. У одной из них лицо было закрыто

покрывалом. Едва войдя, обе завизжали и, обращаясь к Кориано по-турецки, начали бурно выражать недовольство. Тюремщик ответил им потоком брани на том же языке, вновь запер дверь и, не переставая ругаться, удалился.

Женщины забились в угол карцера, бросая оттуда на Анжелику взгляды, полные страха, пока не разглядели, что перед ними тоже женщина. Поняв свою ошибку, они приснули, как девчонки Глаза Анжелики уже привыкли к сумраку. Она рассмотрела, что женщина под покрывалом одета в пышные шальвары из черного шелка и короткую бархатную душегрейку. На ее густых черных волосах, подкрашенных басмой, красовалась круглая плоская шапочка из красного бархата, с которой ниспадало тонкое газовое покрывало, закрывающее лицо. Уразумев, что она находится в обществе женщины, она сняла свою вуаль, и на Анжелику взглянули газельи глаза, обрамленные на редкость длинными иссиня-черными ресницами. Женщина была бы очень красива, если бы не большой, несколько длинный нос. Она вытянула из-под одежды висящий на золотой шейной цепочке крестик и, поцеловав его, размашисто перекрестилась справа налево. Заметив впечатление, которое этот жест произвел на Анжелику, она села рядом с нею и, к великому ее удивлению, заговорила по-французски — тихо и с запинкой, но совершенно правильно. Она была армянка с Кавказа, из Грузии, и исповедовала православную веру, а французскому научилась у священника-иезуита, который преподавал этот язык ее братьям. О своей белокурой спутнице она сказала, что это девушка из Московии, захваченная турками под Киевом.

Анжелика спросила, как они очутились в руках д'Эскренвиля. Обе знали его недолго, так как их лишь недавно привезли в Кандию после долгого и

мучительного пребывания в сирийском городе Бейруте, где они оказались, побывав до того в Эрзеруме и Константинополе.

Пленницы были очень рады, что их доставили сюда, ибо знали, что на этот раз с ними уже не будут обращаться как со скотом и выставлять голыми на городском базаре, а продадут с особого аукциона, проходящего за закрытыми дверями и предназначенного только для «ценного товара».

Слушая армянку, Анжелика смотрела на нее в недоумении. Эту самую Чемичкян работорговцы таскали с собой много месяцев, выставляли нагой на рынках Леванта, а между тем никто из них не снял с нее ни массивных золотых браслетов, украшающих ее запястья и даже щиколотки, ни тяжелого пояса из золотых цехинов, два или три раза обвитого вокруг ее талии. На ней было надето несколько фунтов золота. Сколько же его нужно в этих краях, чтобы выкупиться на волю?

Армянка расхохоталась. «Это зависит от обстоятельств», — сказала она. По ее словам, дело было не в том, чтобы иметь деньги, а в том, чтобы найти могущественного и влиятельного покровителя. Она была уверена, что обрести такого покровителя ей будет легче именно здесь, в городе, которым еще недавно владели христиане и который по-прежнему оставался домом для христианских корсаров и промежуточным портом для торговых флотов Запада. На улице она видела православных священников, и они ее обнадежили.

Славянка держалась более отчужденно, а может быть, просто была менее болтлива. Будущее было ей, казалось, безразлично, а пока что она, ни у кого не спросясь, расположилась на циновке Анжелики и, заняв большую ее часть, почти тут же заснула.

— Эта не будет опасной соперницей, — многозначительно подмигнув, заметила армянка. — Она

красива, но сразу видно, что ей чего-то не хватает, чтобы привлекать мужчин. С другой стороны, я надеюсь, что ваше присутствие не помешает мне найти хорошего хозяина.

— А вы никогда не думали о том, чтобы убежать? — спросила Анжелика.

— Убежать? Куда? До Кавказа, где я жила, очень далеко. Путь туда лежит через всю огромную империю турок. Вот Кандия совсем еще недавно была христианской — и разве они не завоевали ее? На Кавказе у меня больше нет своего дома — там теперь турки! Они зарезали моего отца и старших братьев, а младших у меня на глазах оскостили, чтобы продать их как белых евнухов своему паше в Карее. Нет, самое лучшее для меня — найти себе могущественного хозяина, и чем могущественнее — тем лучше. Затем она начала расспрашивать Анжелику. Не с мальтийского ли невольничьего рынка прибыла она в Кандию? Когда она Произносила эти слова, в ее голосе слышалось глубокое почтение. — А что, это большая честь — быть захваченной в плен монахами мальтийского ордена? — с иронией осведомилась Анжелика.

— Они самые могучие христианские сеньоры Леванта, — скатала армянка, вращая подведенными глазами. — Даже турки их боятся и уважают, ибо мальтийские рыцари торгуют со всем светом и богатства их неисчислимы. Вы знаете, что им принадлежит здешний батистан? Мне говорили, что одна из их галер находится в порту и что уполномоченный ордена по работоторговле придет на аукцион, с которого нас будут продавать. Ой, что за глупости я говорю — вы же француженка, а у вас во Франции наверняка есть свои собственные невольничьи рынки. Толкуют, что Франция очень могущественна. Расскажите мне про нее. Она такая же большая, как Мальта?

Анжелика возмутилась. Нет, во Франции нет невольничьих рынков. И Франция в десять тысяч раз больше Мальты. Армянка презрительно расхохоталась ей в лицо. Зачем француженка выдумывает небылицы, еще более неправдоподобные, чем арабские сказки? Ведь известно же, что в мире нет ни одной христианской страны крупнее, чем Мальта. Анжелика не стала ее разубеждать. Она сказала, что перспектива быть проданной в батистане благородных рыцарей все же не искупает в ее глазах потерю свободы и что она надеется убежать. Армянка покачала головой. Она не верила, что можно вырваться из когтей такого влиятельного торговца рабами, как французский пират. Она находилась в лапах у турок почти целый год и за это время НИ РАЗУ не слыхала об успешном побеге женщины.

Наиболее «преуспевших» беглянок находили заколотыми либо обглоданными собаками и кошками.

— Кошками?

— Некоторые мусульманские племена натаскивают кошек стеречь своих пленниц. А кошка свирепее и проворнее, чем собака.

— А я думала, что женщин охраняют евнухи. Разве это не так? Из ответа Анжелика узнала, что евнухи охраняют лишь тех счастливиц, которым удалось возвыситься до гарема, а прочих пленниц предоставляют караулить кошкам и свиньям. Иногда непокорных живыми бросают им на съедение. Мерзкие твари сначала вырывают им глаза и отгрызают груди.

Анжелика содрогнулась. Она не боялась смерти, но умереть так!..

Между тем аппетит армянки несколько не испортился. Принесенные Эллис сладости быстро подошли к концу, поделенные даже не на двоих, а на троих, поскольку славянка проснулась и одна съела большую их часть. Узницы почувствовали жажду,

однако, несмотря на громкие призывы армянки, никто не принес им напиток. Ночная прохлада уняла жажду, и женщины спали почти хорошо. Но с приходом утра им еще сильнее захотелось пить, а между тем, сколько они ни кричали, никто не приходил.

Сквозь узкое оконце в их глубокий подвал врывалось жаркое дыхание дня. Пленниц мучили голод и жажда. Проникающий снаружи свет сделался красным, затем розовато-лиловым и, наконец, померк. Опять наступила ночь, еще более тягостная, чем предыдущая. У Анжелики болела спина. Плеть пирата рассекла ей кожу, и кровь приклеила одежду к телу.

Утром их разбудил восхитительный аромат. Его источник был где-то рядом.

— Это кавказский шашлык, — сказала армянка, и ноздри ее затрепетали. — Баранина, жаренная на вертеле.

В эту минуту из коридора, лаская слух, донесся стук металлических блюд.

— Поставьте их сюда, — раздался голос д'Эскренвиля. Лязгнула отодвигаемая задвижка, и в карцер тут же просочился луч света.

— Ну что, моя прелесть, недолгий пост и хорошо осведомленное общество заставили тебя взяться за ум? Ты будешь вести себя, как полагается благоразумной рабыне? Опустит голову и скажи: «Да, хозяин, я сделаю все, что вы захотите...»

От пирата несло вином и гашишем. Он был плохо выбрит. Увидев, что Анжелика молчит, он выругался и заявил, что его терпение подходит к концу.

— А между тем, не обломав эту дрянь, я не могу ввязаться в торги. Да она доведет меня до банкротства! А ну, упрямая ослица, повторяй за мной: «Да, хозяин...»

Анжелика стиснула зубы. Работорговец в ярости плюнул. Он вновь взмахнул плетью, но кривой

помощник опять его удержал. Вняв здравому смыслу, маркиз постарался сдержать свой гнев.

— Если я еще не содрал кожу с твоей физиономии, то это только оттого, что не хочу получить за тебя меньшую цену...

Он повернулся к матросам, которые принесли блюда с едой.

— Отведите других невольниц в соседнюю камеру, чтобы они могли хорошо поесть и напиться, а эту упрямицу оставьте здесь.

К великому изумлению Анжелики, армянка и ее товарка, прожорливая москвитка, отказались воспользоваться привилегией, которая не распространялась на третью невольницу. Среди пленников было принято всегда поддерживать друг друга. Их мучитель послал всех женщин к дьяволу, божась, что такое поганое отродье просто не имеет права на существование, и по его приказу матросы, громко грохоча посудой, унесли еду и питье.

Глава 16

День миновал, снова пришла ночь. Трех узниц все сильнее терзал голод. Анжелика не могла уснуть. Неужели ей придется вынести еще один столь же мучительный день, и все лишь ради того, чтобы послезавтра ее продали с аукциона, где они трое, по всей вероятности, должны стать главной приманкой? Савари обещал снасти ее от этой горькой участи. Однако несчастный нищий старик с своими невежественными друзьями-греками мало что мог сделать в этом страшном осином гнезде, где верхушка пиратской братии располагала всеми необходимыми средствами, чтобы беспрепятственно заниматься своим исконным и прибыльным промыслом — торговлей рабами.

В середине ночи она вдруг увидела в слуховом оконце пару светящихся глаз.

— Кошка! — взвизгнула Анжелика, которой то и дело вспоминались жуткие рассказы армянки.

Но то была всего-навсего масляная лампа с двумя фитилями. Кто-то вдруг заслонил ее неверный свет, и тихий голос позвал Анжелику по имени:

— Синьора Анжелика, идите сюда... я — Эллис... Анжелика, пошатываясь, приблизилась к окну, и прямо в руки ей упало что-то липкое и холодное. Она в ужасе уронила все на пол, не сразу взяв в толк, что это были три больших виноградных грозди.

— Старый лекарь велел передать... что бы ни случилось — не надо отчаиваться. Он придет сюда на рассвете, когда с большой мечети раздастся первый зов муэдзина.

— Спасибо, Эллис! Какая ты добрая!.. А что это там шумит? Это подземный вулкан?

— Нет! Это буря. Море сегодня очень злится. Здесь все слышно, потому что дом хозяина от него очень близко.

Она ушла бесшумно, как тень. Анжелика с жадностью набросилась на виноград, затем перестала есть, упрекнув себя за то, что не угостила остальных. Она отделила им их часть ягод и быстро съела свою. Теперь ей начало казаться, что ночь никогда не кончится. Немного утолив голод и жажду, она почувствовала, что ее клонит в сон, но не давала себе дремать, ожидая прихода Савари.

Ближе к рассвету свирепый грохот волн затих. Анжелика сидела, прислонившись к стене под самым окошком; в конце концов она заснула.

— Госпожа дю Плесси, вы напишете письмо?

Анжелика вскочила. Вглядевшись, она различила за окном старого аптекаря — тот пытался просунуть через решетку листок бумаги, чернильницу и перо.

— Но я ничего не вижу в этой темени. И здесь не на чем писать.

— Неважно. Приложите бумагу к стене или положите на пол. Анжелика прижала листок к шершавому, песчанику стены.

Савари протягивал ей чернильницу.

— Письмо... письмо кому? — спросила Анжелика, понемногу приходя в себя.

— Вашему мужу.

— Моему мужу?..

— Да... Я еще раз говорил с Али Мектубом, и он решил отправиться в Алжир, чтобы встретиться со своим племянником и расспросить его. Может статься, что тот приведет его прямо к вашему мужу. Было бы лучше, если бы Али Мектуб мог передать ему письмо, написанное вашим почерком, чтобы доказать, что его действительно послали вы.

Рука Анжелики задрожала над мятым листком бумаги.

Написать письмо мужу! Жоффрей переставал быть призраком и становился живым человеком. Мысль о том, что его руки, возможно, коснутся этого письма, что его глаза прочтут его, казалась ей безумной. «Да верила ли я когда-нибудь в его воскрешение из мертвых?» — спросила она себя.

— Что мне сказать ему в письме, мэтр Савари? Я не знаю... Что нужно писать?

— Неважно что — лишь бы он узнал ваш почерк.

Разрывая пером бумагу от охватившего ее волнения, Анжелика написала: «Вспомните меня, ту, которая была вашей женой. Я всегда вас любила. Анжелика».

— Должна ли я сообщить ему о том ужасном положении, в которое я попала, и пояснить, где я нахожусь?

— Али Мектуб все объяснит ему на словах.

— Вы и вправду думаете, что Али Мектубу удастся с ним встретиться?

— Во всяком случае, он использует для этого все средства.

— Как же вы сумели склонить его отправиться в путь ради нас? Ради нищих рабов, не имеющих денег?

— Видите ли, мусульмане не всегда руководствуются корыстью, — сказал Савари. — Прежде всего они следуют двум или трем великим исламским принципам, и, когда они слышат веление духа, удерживать их бесполезно. Торговец Али Мектуб счел, что история с вами и вашим мужем — это знамение, ниспосланное Аллахом. Вас обоих ведет неодолимое Господне предначертание. Ваши поиски — дело святое, и Али Мектуб решил, что должен пуститься в путь, иначе Аллах его покарает. Он отправится в это путешествие с таким благоговением, будто едет в Мекку, отправится за свой счет, и это он ссудил мне те

сто ливров, которые я обещал господину Роша за его услуги. И я убежден, что он все сделает так, как сказал...

— А может быть, это действительно знамение, знак того, что Господь сжалился надо мной? Но путешествие Али Мектуба будет долгим... Что станет со мной до тех пор? Вы знаете, что они собираются продать меня через два дня?

— Знаю, — озабоченно сказал Савари, — но не теряйте надежды. Быть может, мне достанет времени, чтобы подготовить вам побег. Однако, если вам удастся выиграть несколько дней, прежде чем вас выставят на аукционе, это увеличит шансы на успех.

— Я думала над этим и расспрашивала моих сокамерниц. Оказывается, пленницы иногда калечат или уродуют себя, чтобы избежать продажи. Мне не хватает на это мужества, но я подумала, что, если бы я отрезала себе волосы под корень, это бы сильно помешало моим тюремщикам. Они возлагают большие надежды на светлый цвет моих волос, потому что мужчинам Востока нравятся блондинки. Остриженная наголо, я упаду в цене. Они не решатся продавать меня в таком виде, и им ничего не останется, как ждать, пока мои волосы опять отрастут.

— Мысль неплохая, но я боюсь, что тем самым вы возбудите ярость этого мерзавца и он может жестоко вас наказать.

— Не бойтесь за меня — я уже начинаю приспособливаться. Мне понадобится только пара ножниц.

— Я попробую вам их передать. Не знаю, смогу ли прийти сюда сам — за мной следят, — но я непременно найду, кому это поручить. Не падайте духом. Иншалла!

Наступило утро третьего дня заключения. Анжелика приготовилась к тому, что теперь маркиз-работорговец прибегнет к еще более суровым мерам. Она

чувствовала, что у нее начинается легкая лихорадка. Голова кружилась, ноги были как ватные. Когда в коридоре послышались шаги, ее пробрала болезненная Дрожь.

Появившийся на пороге Кориано молча вывел ее из карцера и отвел в гостиную, где с выражением сосредоточенной ярости на лице шагал из угла в угол маркиз д'Эскренвиль. Он бросил на Анжелику взгляд, полный ненависти, затем, сунув руку под полу своего камзола, вытащил оттуда пару длинных ножниц.

— Мы нашли это у мальчишки-грека, который пытался прошмыгнуть к окошку карцера. Ведь эти ножницы предназначались тебе, не так ли? Что ты собиралась ими делать?

Анжелика ничего не ответила и с презрением посмотрела в другую сторону. Значит, ее уловка не удалась.

— Она наверняка что-то задумала, — сказал Кориано. — Вы же знаете, что они способны иной раз измыслить, лишь бы увильнуть от торгов!.. Помните ту сицилийку, которая сама себя облила купоросом?.. А ту, которая бросилась вниз с городской стены? Чистый убыток.

— Не говори о несчастьях, а то их накличешь! — ответил д'Эскренвиль.

Он снова начал ходить взад и вперед по комнате, затем подошел к Анжелике, и, схватив ее за волосы, заглянул ей в лицо.

— Так ты решила, что не дашь себя продать, да? Что ты сделаешь все что угодно, чтобы избежать этого? Ты станешь кричать? Выть? Вырваться?.. И понадобится десять мужчин, чтобы тебя раздеть?

Он отпустил ее и снова принялся мерить шагами гостиную.

— Представляю, какой разразится скандал. Хозяевам батистана, мальтийским рыцарям, такие

фортели не по нраву и любителям покорных женщин — тоже.

— А может, напоить ее дурманящим зельем?

— Ты же знаешь, что покупателям такие женщины не нравятся. У них вид тупой и вялый. Это не побуждает к покупке. А между тем мне так необходимы эти двенадцать тысяч пиастров!

Он остановился перед Анжеликой.

— Если ты будешь покорной, я получу их наверняка... Но ты до самой последней секунды собираешься подстраивать нам подвох за подвохом. Говорю тебе, Кориано, скорее я сам заплачу деньги, чтобы кто-нибудь избавил меня от этой дряни.

Одноглазый возмущенно хрюкнул:

— Надо ее обломать!

— Как? Мы уже все испробовали.

— Нет, не все.

Единственный глаз помощника загорелся.

— Она еще не видела ту темницу, что под городской стеной. Прогуляется туда — поймет, что ее ожидает, если она помешает нам выгодно ее продать. — Его беззубый рот ощерился в мерзкой ухмылке. Д'Эскренвиль ответил понимающим взглядом.

— Хорошая мысль, Кориано. Можно попробовать и это, Он приблизился к своей пленнице.

— Хочешь знать, какую смерть я тебе приготовил на тот случай, если ты помешаешь нам выгодно тебя продать? Хочешь знать, какая смерть тебя ждет, если мне не дадут за тебя двенадцать тысяч пиастров?.. Если ты будешь вести себя так, чтобы оттолкнуть покупателей?..

Держа ее за волосы, он склонил к ней свое искаженное лицо, обдав ее сладковатым запахом гашиша.

— И не надейся, что я тебя пожалею... Если за тебя будут давать меньше двенадцати тысяч пиастров, я

сниму тебя с торгов, и тогда ты умрешь. Хочешь узнать как?

За Анжеликой захлопнулась дверь новой камеры. Как и первая, она была темная и сырая, но в ней не было ничего необычного. Анжелика долго стояла, потом села на топчан в углу. Она не хотела показывать д'Эскренвиллю, что ее гложет страх, но ей было страшно, нестерпимо страшно! Когда он закрывал дверь темницы, она готова была броситься к его ногам, молить о пощаде, обещать, что сделает все, что он захочет... Но, в последний раз вспыхнувшая в душе гордость удержала ее.

— Мне страшно, — сказала она вслух. — Господи, как мне страшно!

Он мучил ее уже столько дней, и она больше не могла владеть собой так, как прежде. Здесь было как в могиле. Анжелика закрыла лицо ладонями и начала ждать.

Ее ухо уловило глухой стук, как будто невдалеке от нее что-то шлепнулось на землю, затем вновь наступила тишина.

Но теперь она уже была в камере не одна. Рядом рыскало какое-то неведомое существо, и Анжелика чувствовала на себе его взгляд. Она медленно, очень медленно отняла пальцы от глаз и едва не закричала от ужаса. С середины камеры на нее смотрела огромная кошка. Ее фосфоресцирующие глаза мерцали в полумраке. Анжелика сидела неподвижно, чувствуя, что не может шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Через решетку оконца проскользнула еще одна кошка и тоже прыгнула вниз. За ней последовала третья... четвертая, пятая. Теперь Анжелику со всех сторон окружали ползущие к ней кошки. В темноте карцера она различала только их горящие глаза, следящие за ней зорко и неотрывно. Одна из них

подобралась ближе и напряжинилась, готовясь прыгнуть. Анжелике показалось, что кошка метит ей в глаза. Она попыталась пинком отбросить ее. Животное ответило злобным мяуканьем, которое тут же, словно бесовский хор, подхватили остальные.

Анжелика вскочила на ноги и бросилась к двери. На ее плечи навалилась тяжесть кошачьих тел, острые когти вонзались в ее плоть, впивались в одежду.

Прикрывая скрещенными руками глаза, она завопила как помешанная:

— Нет! Нет!.. Не надо!.. Помогите! Помогите!

Дверь распахнулась, и ворвавшийся в камеру Кориано принялся изо всех сил колотить котом плетью, пинать сапогами и осыпать проклятьями. Ему пришлось немало потрудиться, прежде чем он разогнал изголодавшееся зверье. Он вытащил наружу Анжелику, трепещущую, вопящую, не помнящую себя, скорчившуюся от дикого ужаса.

Д'Эскренвиль смотрел на нее, теперь уже наконец-то сломленную. Сейчас это была всего-навсего еще одна покорная женщина. Ее чувствительные нервы не выдержали пытки, и женская слабость взяла верх над неукротимой волей. Она была всего-навсего женщина и ничего больше, такая же, как и все остальные.

Губы пирата искривила гримаса. Это была самая сладкая его победа... и самая горькая. Внезапно ему захотелось закричать, словно от боли, и он сжал зубы.

— Ты уразумела? Будешь покорной?

Она, всхлипывая, повторяла:

— Нет, не надо! Не отдавайте меня кошкам, не отдавайте... Он приподнял ее голову.

— Ты будешь покорной? Дашь отвести тебя в батистан?

— Да, да.

— Ты дашь нам выставить тебя, перед покупателями, раздеть догола?

— Да, да... ВСЕ... Все, что вы захотите... Только не кошки... Двое бандитов переглянулись.

— Похоже, что мы выиграли, патрон, — сказал Кориано. Он, в свою очередь, тоже склонился над съезжившейся на полу, сотрясаемой мучительными рыданиями Анжеликой и показал пальцем на ее исполосованное плечо.

— Я вошел, как только она начала звать на помощь, но они таки успели здорово ее изодрать, Главный банщик батистана и аукционный оценщик Эриван будут ругать нас на все корки.

Маркиз д'Эскренвиль вытер свой покрытый липким потом лоб.

— Тут мы еще дешево отделались. Это счастье, что она не дала им выцарапать ей глаза.

— Сушая правда! Я таких упорных еще не встречал. О, мадонна! Теперь я всю жизнь, куда бы меня ни забросило, буду рассказывать истории о француженке с зелеными глазами.

Глава 17

После этой страшной сцены Анжелика жила, погруженная в тупую, безнадежную покорность, не стремясь привести в порядок свои мысли и не делая попыток к бунту.

Видя, что француженка, еще недавно такая гордячка, лежит, не вставая, с отрешенным невидящим взглядом, две ее сокамерницы многозначительно переглянулись. Да, французский пират знает, КАК смирять самых строптивых. Он человек большого опыта. Обе женщины испытывали к нему почтение и почти гордились тем, что оказались в его власти.

На следующий день в камеру вошел один из мавританских стражников с «Гермеса». За ним следовали два необыкновенно толстых негра. Собственно, Анжелике только вначале показалось, что это мужчины, потому что они были одеты по-мужски, включая громадные турецкие тюрбаны и сабли у поясов. Однако, всмотревшись в них внимательнее, она увидела, что это пожилые женщины... поскольку под их короткими вышитыми бархатными безрукавками угадывались отвислые груди, а лица с многочисленными подбородками и складками жира были совершенно безволосы. Старшая из двух встала перед Анжеликой и фальцетом сказала:

— Хаммам!

Француженка вопросительно посмотрела на армянку.

— Хаммам? По-персидски это, кажется, означает — баня?

— Шош якши^[35], — подтвердила старуха с сияющей улыбкой. Затем она направила свой оранжевый от хны указательный палец в сторону московитки и сказала

уже по-русски: «Баня». Напоследок она ткнула тем же пальцем в свою собственную грудь и провозгласила:

— Хаммамчи!

— Это значит — главный банщик, — в радостном волнении перевела госпожа Чемичкян.

Она объяснила, что эти двое — евнухи, которые пришли за ними, чтобы отвести их в турецкую баню, выщипать им на теле волосы, быть их стражей и, главное, — чтобы их ОДЕТЬ. Славянка, словно пробудившись ото сна, защебетала, обращаясь к отвратительным скопцам с величайшей приветливостью. И она и ее товарка явно были в восторге.

— Они говорят, что мы можем выбрать на базаре самые дорогие одежды и драгоценности тоже. Но сначала вы должны согласиться закрыть свое лицо и фигуру. Евнух сказал, что вам неприлично быть одетой по-мужски и что ему за вас стыдно.

Женщин отвели из подземелья в дом, где для них было приготовлено угощение — пирожки с мясом и соки из апельсинов и лимонов. Евнухи не сводили с них глаз. Анжелику передернуло, когда старый евнух положил ей на плечо руку с оранжевыми ногтями и отвел в сторону ее волосы, чтобы осмотреть ее спину. В это время явился маркиз д'Эскренвиль.

Евнух с негодованием сказал ему что-то по-турецки. Армянка зашептала на ухо Анжелике:

— Он говорит: «Вы что, с ума сошли — бить такую красавицу перед торгами?» Он не ручается, что сумеет убрать эти отметины к вечеру.

Д'Эскренвиль — также по-турецки — ответил какой-то грубостью. Евнух поджал губы с видом глубоко оскорбленной матери семейства и замолчал. Глаза корсара были налиты кровью, губы кривились, будто у него была горечь во рту. Его блуждающий взгляд ни разу не остановился на Анжелике. Вскоре он

повернулся и, стуча сапогами, ушел. Слуги принесли женщинам одежду для выхода в город. Анжелике пришлось надеть широкую черную чадру с затянутой белой вуалеткой прорезью для глаз.

На улице их ждали несколько ослов, которых держали на поводках оборванные мальчишки. Армянка заметила, что если их повезут на ослах, а не поведут пешком, то это свидетельствует об их высокой рыночной стоимости. Затем она и ее приятельница-славянка заговорили по-турецки с пожилым евнухом, и не понимающая этого языка Анжелика оказалась в стороне от общей беседы.

Старик евнух, как вскоре выяснилось, был человеком весьма любезным и болтливым. Первым делом он купил несколько кусочков мелко подрагивающего красно-зеленого желе и предложил его троим женщинам, пояснив, что оно приготовлено из малины и мяты и что перед баней не следует есть его слишком много. Анжелике этот изготовленный на основе морских водорослей сладкий студень показался безвкусным и противным. Но когда она пожелала отдать его мальчику, который вел на поводу ее ослика, негр вырвал сладость у него из рук и своим бичом из бычьих жил хлестнул мальчугана по голым икрам.

После долгих дней заключения Анжелика наконец вдыхала свежий воздух, и к ней понемногу возвращались силы. Буря утихла. Море, временами проглядывающее где-то на противоположном конце очередной боковой улочки, еще оставалось фиолетовым, с белыми пятнами пены НУ волнах, но небо сделалось голубым и безоблачным, а жара — не такой удушающей. Маленький кортеж еле-еле продвигался сквозь шумную толпу, уже запрудившую улицы города, несмотря на ранний утренний час. Как и в порту, в теснинах этих переулков, зажатых между глухими стенами греческих домов или выпяченными

балконами венецианских палаццо, можно было встретить бок о бок представителей всех рас и народов Средиземноморья. Горцы-греки, крестьяне окрестных деревень, легко распознаваемые в толпе по их коротким белым юбочкам и голым коленям, шагали рядом с арабскими купцами в темных или ярко расшитых джеллабах. Турки, попадавшие на пути довольно редко, выделялись своими огромными шарообразными тюрбанами из белой кисеи или переливающегося атласа с аграфами из драгоценных камней, своими просторными шароварами и яркими кушаками, обернутыми вокруг талии бесчисленное число раз.. Оливково-смуглые мальтийцы протискивались мимо сардинцев и итальянцев в традиционных народных костюмах. Большею частью это были мелкие торговцы, плавающие на своих лодках вдоль берегов. Они не попали в лапы корсаров, что давало им право вести здесь переговоры о продаже своего груза, как это мог бы сделать и Мелькиор Панассав, если бы ему улыбнулась удача. На городских улицах можно было увидеть немало европейских камзолов и широкополых шляп с перьями, сапог с отворотами и даже туфель на высоких каблуках. Камзолы разной степени потертости и жабо разной степени помятости принадлежали забытым на этом далеком острове чиновникам дипломатических ведомств, а бархатные одежды, страусовые плюмажи и обувь из тонкой кожи — банкирам, прибывшим из Италии, или преуспевающим купцам.

Через каждые сто шагов можно было встретить бородатого, одетого в черную рясу православного священника с висящим на груди массивным крестом из украшенного резьбой дерева, серебра или золота. Армянка просила у каждого из них благословения, и святые отцы давали его, рассеянно чертя в воздухе крест.

В квартале, где размещались портняжные мастерские, старший евнух с увлечением занялся покупками и приобрел множество рулонов тонких тканей различных цветов и женские украшения. Под конец он предложил ехать назад не по городу, а через порт.

Маленький караван двинулся в обратный путь, проезжая через многочисленные базарные ряды. Одни из них располагались прямо под голубым, дышащим зноем небом, под сводами других царил сумрак, как, например, в ряду, где торговали медной посудой и где ремесленники пятидесяти мастерских с оглушительным грохотом работали по меди. Толпа становилась все гуще. Тут и там сквозь нее пробирались торгующие вразнос, умудряясь при этом нисколько не накренить свои громадные деревянные подносы, покоящиеся частью на их тюрбанах, частью — на укрепленных на плече у каждого разносчика одноногих табуретах. На этих подносах можно было найти что угодно: фрукты, орехи, сладости и даже серебряные кувшины с кофе, рядом с которыми были поставлены пара маленьких чашек и неизменный стеклянный сосуд со столь ценимой на Востоке водой.

У самых копыт ослов дрались с собаками голые или слегка прикрытые пестрым тряпьем ребятишки всех цветов и оттенков, и дети, и собаки были худы, между тем как столь же разноцветные коты и кошки отличались отменной упитанностью. Анжелика с ужасом смотрела на пушистых зверьков, сидящих с непроницаемым видом под навесом каждой лавки, под каждым карнизом, в тени всех колонн и балконов. На небольшой площади мяукающая стая окружила человека в высоком красном колпаке, держащего на обоих плечах шампуры с нанизанными на них кусками сырого мяса. Это был продавец бараньей печени, на которого городские власти возложили обязанность

одевать лакомствами самых любимых домашних животных оттоманской цивилизации.

Затем вереница осликов вышла на пристань, вымощенную толстыми плитами из черного камня и сплошь усеянную грудями плодов: фиников, дынь, арбузов, апельсинов, лимонов и инжира. Показалось море и на нем — лес из корабельных мачт, рей, парусов и такелажа. На палубе галиота, на мачте которого развевался флаг Туниса, стоял некто, одетый в перепачканные смолой короткие штаны, косматый, бородатый, очень похожий на сказочного великана-людоеда, и издавал могучий, достойный самого Нептуна рев. Евнухи остановили ослов, чтобы насладиться занимательным зрелищем, и обменялись с пленницами замечаниями по поводу происходящего. Чемичкян любезно перевела Анжелике их содержание. Она сообщила, что перед ними — ренегат-датчанин Эрик Янсен, который двадцать лет назад перешел на сторону берберийцев и научил их строить суда западного образца с выпуклым килем.

Прошлой ночью его корабль, направлявшийся в Албанию, попал в бурю, и, дабы избежать крушения своего перегруженного судна, ему не оставалось ничего иного, как выбросить за борт часть груза — почти сотню рабов. Старый викинг с разлетающейся на ветру белокурой бородой под красным мусульманским тюрбаном рвал и метал, наблюдая за распродажей другой части своего товара — рабов, «подпорченных» за время ужасной ночи, проведенной ими в трюме полузатонувшего корабля. Раненых мужчин, полумертвых от страха женщин и детей — всех их он сбывал по дешевке прямо на пристани, оставляя у себя только самые интересные трофеи своих последних набегов. Все эти коммерческие неприятности привели его в скверное расположение духа, и подзадориваемые его львиным рыком стражники вовсю щелкали бичами.

Чтобы продаваемых хорошо было видно публике, жалкую стайку расставили на штабелях мачт и бочках. Арабы в белых бурнусах из экипажа берберийского капитана надсаживались до хрипоты, расхваливая предлагаемый товар. Приценивающиеся покупатели имели право трогать, щупать и раздевать продаваемых женщин. Те стояли у кромки набережной, нагие, дрожащие, выставленные на всеобщее обозрение. Иные пытались прикрыться своими длинными волосами, но звонкий удар плети надсмотрщика тут же пресекал подобное проявление стыдливости! Эти женщины были всего-навсего скот, который требовалось продать. Их заставляли открывать рты, чтобы посмотреть, не слишком ли мало у них зубов.

Анжелику обжег нестерпимый стыд.

«Не может быть, чтобы и меня тоже... — подумала она. — Чтобы и меня... нет, нет, только не это». И она огляделась вокруг в поисках невероятного, невысказанного — помощи. Вдруг она заметила старого продавца апельсинов, пристально смотрящего на нее, прикрывая лицо рукавом джеллабы. Он едва заметно кивнул ей и скрылся в толпе.

Невдалеке черный торговец старался оторвать отупелую от горя женщину с безумными глазами от троих голеньких отчаянно кричащих ребятишек.

— Вот так у моей матери отнимали моих братьев, — с грустью сказала армянка.

Она прислушалась к репликам торговца и пояснила:

— Эта женщина куплена для гарема одного египтянина, который живет очень далеко, в самом сердце пустыни. Торговец не хочет возиться с такими маленькими детьми — они все равно умрут по дороге.

Анжелика ничего не ответила. Ее объяло странное безучастие.

— Их купят за несколько пиастров, — продолжала между тем армянка, — или просто пустят бродить но

Кандии вместе с псами и кошками. Будь проклят... будь проклят тот день, когда они появились на свет! — Молодая уроженка Востока раздумчиво покачала головой: — Наша судьба счастливая. Мы-то хоть не голодаем.

Затем она веселым тоном попросила евнухов отвести их полюбоваться двумя мальтийскими галерами, чьи красные с белым крестом флаги трепетали на морском ветру.

Здесь продажа была уже почти закончена. «Ратные служители» — так назывались солдаты Мальтийского ордена — с алебардами в руках поддерживали спокойствие и порядок вокруг шеренг пленников, которых уводили к себе их новые хозяева. Обутые в сапоги, в шлемах на головах, эти воины отличались от обычных наемных солдат своими черными рясами с изображением белого восьмиконечного креста.

Православная армянка восторженно глядела на этих представителей самого большого флота христианского мира, и старику евнуху пришлось накричать на нее, чтобы, наконец, оторвать девушку от любования ими. Конечно, он вовсе не желал лишать пленниц, которых завтра увезут в дальние гаремы, этой последней возможности поглазеть на «томаша» — то есть зрелище оживленной улицы, столь милое сердцу всякого жителя Востока, что в нем не следует отказывать даже преступнику, приговоренному к смерти. Однако надо было спешить. Приближался час торгов.

— Хаммам! Хаммам! — повторял он, торопя своих подопечных.

Возле турецких бань Анжелика снова увидела того же нищего торговца-разносчика с корзиной апельсинов. Споткнувшись, он свалился прямо под копыта ее ослика, и Анжелика узнала в нем Савари.

— Сегодня вечером, — прошептал он, — когда вы выйдете из батистана, будьте готовы. Сигналом для вас

послужит голубая ракета. Мой сын Вассос проводит вас, а если он не сможет к вам приблизиться, сделайте все, чтобы добраться до Башни Крестоносцев, что стоит над портом.

— Это невозможно. Как я смогу убежать от моих стражей?

— Думаю, что в это время вашим стражам — кто бы они ни были — будет не до вас, — хохотнул Савари, побесовски сверкнув глазами за стеклами очков. — Будьте готовы!

Глава 18

Солнце уже заходило, когда паланкины с задернутыми занавесками, которые несли на плечах носильщики-рабы, доставили трех женщин к кандийскому батистану.

Он располагался на возвышенности и представлял из себя большое четырехугольное, построенное в византийском стиле здание с высокими ажурными воротами. На подступах к батистану толпа сделалась еще плотнее, и пленницам под присмотром евнухов пришлось некоторое время топтаться у входа, где группа людей сгрудилась у некоего подобия классной доски из черного неполированного мрамора. Смуглый носатый человек, облаченный в широкое узорчатое восточное одеяние, но без тюрбана на голове, старательно писал на доске по-итальянски и по-турецки. Анжелика в достаточной мере знала итальянский, чтобы разобрать написанное. Смысл его сводился к следующему:

Греки-схизматики — 50 золотых экю Русские
большой силы — 100 экю Мавры и турки — 75 экю

Французы разные, несортированные — 30 экю Курсы
обмена

1 француз — 3 маврам в Марселе

1 англичанин = 6 маврам в Тане

1 испанец = 7 маврам в Монте-Кристи (Агадир)

1 голландец = 10 маврам в Ливорно или Генуе

Толчок одного из евнухов заставил Анжелику продолжить путь, и маленькая группа вошла в просторный, походящий на сад двор, вымощенный драгоценными, очень древними плитками, из синего фаянса. Плиточный настил перемежался густыми насаждениями из роз, олеандров и апельсиновых

деревьев. В центре двора-сада журчали струи великолепного фонтана работы венецианских мастеров. Городские шумы не проникали сквозь толстые стены этого роскошного караван-сарая, где и прибывающие и уходящие, сколь бы ни были они обременены заботами, имели величаво-торжественный вид, приличествующий тем, кто вершит высшую коммерцию. Ибо тут был батистан, а не базар. Точеные колонны, покрытые старинными византийскими росписями, выполненными с ювелирной тонкостью книжных миниатюр, поддерживали крышу окружающей сад галереи, куда выходили двери залов, в которых проходили торги.

Пройдя через весь двор-сад, хаммамчи оставил своих подопечных рядом с галереей и пошел справиться, какой им отвели зал.

Анжелика задыхалась под закутывающими ее многочисленными покрывалами. Ее все больше охватывало ощущение, что она оказалась в кошмарном сне. Безжалостный механизм, в который она попала, принес ее на порог рынка, где товаром была человеческая плоть и где вскоре мужчины всех рас будут с горящими похотью глазами оспаривать друг у друга право назвать ее своей собственностью. Чтобы глотнуть свежего воздуха, она откинула покрывало, закрывавшее ее лицо. Молодой евнух в негодовании приказал ей вновь прикрыться, но Анжелика его не слушала. Она со страхом и тоской провожала взглядом входивших в батистан покупателей: турок, арабов и европейцев, — которые, учтиво раскланиваясь, шествовали по саду и вступали под своды колоннады.

Внезапно она увидела проходящего через ворота Роша, того самого господина, что исполнял в Кандии обязанности французского консула. Он был по своему обыкновению украшен восьмидневной щетиной и держал под мышкой связку каких-то бумаг.

Неожиданно для своих стражей пленница сорвалась с места и стремглав пробежала сквозь сад.

— Господин Роша, я прошу вас немедленно меня выслушать, — проговорила она, задыхаясь. — Ваш гнусный знакомец Эскренвиль решил меня продать. Постарайтесь мне помочь, и я сумею отблагодарить вас. Во Франции у меня есть немалое состояние, и кроме того, вспомните — ведь я не обманула вас, пообещав те сто ливров. Я знаю, что вы сами не можете вступить в торги, но не могли бы вы рассказать обо мне покупателям-христианам, например мальтийским рыцарям, которые обладают здесь таким большим влиянием, и внушить им участие к моему бедственному положению? Я дрожу при одной мысли о том, что меня купит мусульманин и увезет в свой гарем. Дайте знать рыцарям Ордена, что я готова заплатить им за себя любой выкуп, если они выиграют торги и вырвут меня из когтей этих неверных. Неужто они не сжалятся над пленной христианкой?

В начале этого монолога королевский представитель всем своим видом выражал крайнюю досаду и желание поскорее удалиться, однако по мере того, как Анжелика говорила, лицо его все больше светлело.

— Но это же прекрасная мысль, — заметил он, скребя ногтями шею, — и притом вполне осуществимая. Сегодня вечером здесь как раз находится верховный уполномоченный Мальтийского ордена по делам работорговли дон Хосе де Альмада из Кастилии и с ним еще один высокопоставленный рыцарь — судья Ордена Шарль де Ла Марш, наш соотечественник из провинции Овернь. Я постараюсь побудить их принять в вас участие. Не вижу никаких причин, по которым они могли бы отказаться.

— Однако не покажется ли странным, если монахи вдруг купят женщину?

Роша возвел глаза к небу.

— Мое бедное дитя, сразу видно, что вы никогда не жили в здешних краях. Орден уже давным-давно покупает и перепродает женщин точно так же, как и прочих рабов. И никто их за это не порицает. Ведь тут Восток, и к тому же не надо забывать, что славные рыцари дают обет безбрачия, но не целомудрия. Во всяком случае, их интересуют не любовные забавы, а деньги. Орден нуждается в звонкой монете, чтобы поддерживать мощь своего военного флота. А я могу поручиться перед ними за ваше положение, титул и за то, что вы богаты. Кроме того, мальтийские рыцари всегда рады случаю заслужить расположение короля Франции, а вы, как я слышал, находитесь в большой милости при дворе его величества Людовика XIV. Все это убедит рыцарей Ордена оказать вам помощь.

— О, спасибо вам, господин Роша... Вы мой спаситель! Она забыла о том, что Роша жалок, безволен и плохо выбрит...

Ведь он готов что-то для нее сделать. И она порывисто схватила и сжала его руки. Растроганный и смущенный, он сказал:

— Не благодарите меня. Я счастлив, если могу быть вам полезным... Я страдал, думая о вас, но ВЫ ЖЕ ПОНИМАЕТЕ — я ничего не мог для вас сделать. Но теперь все образуется — будьте покойны.

Между тем подошедший к ним молоденький евнух уже давно вопил, как оглашенный. В конце концов, он схватил Анжелику за руку, дабы положить конец этой возмутительной беседе.

Роша быстро удалился.

Прикосновение к ее руке черных пальцев евнуха привело Анжелику в ярость, и, повернувшись, она отхлестала его по рыхлым щекам. Он выхватил из ножен саблю и застыл в нерешительности, не зная, каким образом можно ее применить против ценного

товара, который ему строго-настрого наказали охранять. То был молодой евнух, присматривавший ранее за небольшим провинциальным гаремом, где все женщины были кротки и ленивы. Его еще не научили, как вести себя со строптивыми чужеземками. Толстые губы евнуха искривились, как будто он готов был расплакаться.

Узнав о случившемся, хаммамчи воздел руки к небесам. Сейчас он хотел только одного — поскорее снять с себя ответственность за невольниц. К счастью для него, в это время в батистан прибыл маркиз д'Эскренвиль. Двое евнухов подробно поведали ему о своих трудностях. Пират злобно взглянул на закутанную в покрывала женщину, в которой с немалым трудом узнавал того юного дворянина, что был с ним в плавании. Мягкие складки шелка и кисеи подчеркивали женственность Анжелики. Да, древние, которые вместо того, чтобы затягивать своих женщин в корсеты, драпировали их мягкими тканями, понимали, что ниспадающие складки материи могут как нельзя лучше обрисовать красивое и желанное женское тело.

Эскренвиль скрипнул зубами. Его пальцы так сильно стиснули предплечье Анжелики, что она побледнела от боли.

— Ты что же, потаскуха, забыла? Забыла, что я тебе обещал, если ты не будешь вести себя смирно? Сегодня же вечером тобой займутся евнухи или кошки. Слышишь — кошки...

Его искаженные черты выражали невероятную жестокость. Анжелике подумалось, что он похож на демона.

Маркиз овладел собой, так как по аллее сада к ним направлялся один из приглашенных на торги — пузатый венецианский банкир, разряженный в перья, кружева и сверкающее золотое шитье.

— Господин маркиз д'Эскренвиль, — воскликнул вновь прибывший с заметным итальянским акцентом, — я счастлив вас видеть. Как вы поживаете?

— Плохо, — отвечал пират-дворянин, вытирая покрытый испариной лоб. — У меня мигрень. Голова прямо раскалывается. И моя мигрень не пройдет, покуда я не продам вот эту девку.

— Она красива?

— Судите сами.

Жестом барышника, показывающего стати лошади, он откинул покрывало с лица Анжелики. Венецианец присвистнул:

— Фью-у! Везет же вам, господин д'Эскренвиль. За эту женщину вы получите немало золота.

— Я на это и рассчитываю. Я не отдам ее меньше чем за двенадцать тысяч пиастров.

На обрамленной толстыми трясущимися брылями физиономии банкира отразилось разочарование. По-видимому, он подумал, что приобрести эту прекрасную невольницу будет ему не по карману.

— Двенадцать тысяч пиастров... Что ж, она их, конечно, стоит, однако как же вы ненасытны!

— Есть ценители, которые не колеблясь заплатят мне эту сумму. Я ожидаю прибытия черкесского князя Риома Мирзы, друга турецкого султана, который поручил князю раздобыть для своего гарема какую-нибудь редкую жемчужину. На торгах также будет великий евнух паши Сулеймана-аги Шамиль-бей, который не смотрит на цену, когда речь идет о наслаждениях его господина...

Венецианец испустил глубокий вздох.

— Нам трудно состязаться с баснословными богатствами этих магометан. И все же я приду на эти торги. Если я не ошибаюсь, нам предстоит весьма увлекательное зрелище. Удачи вам, дорогой друг!

Аукционный зал напоминал огромную гостиную. Его пол покрывали дорогие ковры, а вдоль стен стояли низкие восточные диваны. В глубине зала возвышался помост, к нему вела лестница из нескольких ступеней. Бесчисленные хрустальные подвески свисающих с потолка роскошных венецианских люстр искрились, отражая огонь свечей, которые кончали зажигать лакеи-мальтийцы.

Зал уже был наполовину полон, и толпа все прибывала. Длинноусые служители-турки в остроконечных, расшитых золотом или серебром шапках проворно расставляли на низеньких медных и серебряных столиках маленькие чашечки кофе и тарелки со сладостями. Перед желающими ставили кальяны, и к гулу голосов примешивалось негромкое бульканье воды.

Большинство собравшихся были в восточных одеждах, однако с этими длинными облачениями соседствовали испачканные смолой короткие штаны и вышитые кафтаны десятка пиратов-европейцев. Кое-кто из них, подобно маркизу д'Эскренвилю, дал себе труд натянуть не очень поношенный камзол или другое европейское одеяние и покрыть голову шляпой с еще не утратившим пышности плюмажем, но ни один не расстался со своими воинственными украшениями — многочисленными пистолетами и абордажными саблями. Из-под усов корсаров, соперничая с турецкими кальянами, торчали голландские трубки с маленькими чашечками и длинными мундштуками.

В сопровождении своих трех телохранителей-тунисцев в зал вошел ренегат-датчанин Эрик Янсен и, с надменным видом уселся на диван рядом со старым торговцем из Судана. Черный негоциант в варварском африканском одеянии был важной персоной — он представлял на торгах работорговцев с Нила, в обязанности которых входило пополнение гаремов в

Аравии и Эфиопии и доставка новых наложниц всем султанам и царькам внутренних областей Африки. Его виднеющиеся из-под расшитой жемчугом ермолки седые курчавые волосы резко контрастировали с черной кожей лица, которая на скулах и переносице имела несколько желтоватый оттенок.

Три закутанных в покрывала женщины прошли под охраной евнухов в глубину зала. Им приказали подняться по ступенькам на помост, затем подтолкнули к задней стене. Здесь имелась наполовину скрывающая их от покупателей занавеска, а на полу лежали подушки для сидения.

Сопровождаемый маркизом д'Эскренвилем, к невольницам подошел тот самый армянин, который только что писал на доске у входа в батистан биржевые цены на рабов. Это был Эриван, аукционный оценщик и распорядитель. Он был облачен в просторное одеяние коричневого цвета, а его лицо обрамляли тщательно завитая и расчесанная ассирийская борода и такая же завитая и надушенная шевелюра. Чувствовалось, что и в кипении аукционных страстей, слушая плач рабов и претензии их владельцев, этот человек сохранит все ту же сладкую, любезную улыбку, которая играла на его лице в эту минуту.

Он весьма почтительно поздоровался с Анжеликой, потом, перейдя на турецкий, осведомился у армянки и русской, не желают ли они, чтобы им подали кофе, фруктовое мороженое, варенье и сладости для придания ожиданию большей приятности. Затем между Эриваном и д'Эскренвилем завязался оживленный спор.

— Да зачем же закручивать ей волосы на затылке?
— не соглашался маркиз. — Вы сейчас сами увидите — распущенные, они у нее прямо как золотая накидка.

— Предоставьте это дело мне, — глядя на невольницу из-под полуприкрытых век, отвечал Эриван.

— Надо подготовить для покупателей приятные сюрпризы.

Он хлопнул в ладоши, и на помосте появились две низкорослые служанки. Следуя указаниям Эривана, они заплели волосы Анжелики и закрутили их на затылке в тяжелый узел, закрепленный шпильками с жемчужными головками. После этого снова закутали ее голову в покрывала. Анжелика ничему не противилась. Ее внимание целиком сосредоточилось на том, чтобы не пропустить прихода мальтийских рыцарей, чью помощь ей пообещал Роша. Глядя в шелку между занавеской и стеной, она тщетно пыталась отыскать среди кафтанов и камзолов строгие черные плащи с белыми крестами, какие носили рыцари Мальтийского ордена. На висках Анжелики выступал холодный пот, когда она думала, что Роша, возможно, не сумел убедить этих осторожных коммерсантов в истинности рассказанной им истории.

Между тем аукцион начался. На продажу выставили мавра — искусного моряка, — и собравшиеся замолчали, оценивая про себя этого бронзового гиганта, все тело которого было смазано маслом, чтобы рельефнее показать его узловатые мускулы и мощное, как у Геркулеса, сложение. Затем всеобщее внимание было на мгновение отвлечено от продаваемого раба — в зал вошли два рыцаря Мальтийского ордена. Одетые в широкие черные плащи с серебрястыми крестами, они прошли по залу, кланяясь именитым гостям из Константинополя, и, подойдя к помосту, что-то сказали Эривану. Тот указал им на угол, где сидели пленницы.

Анжелика встала, полная надежды.

Рыцари поклонились. Один из них был испанец, другой — француз; оба состояли в родстве со знатнейшими семействами Европы, ибо для того, чтобы получить звание рыцаря самого могущественного из христианских монашеских орденов, требовалось доказать наличие по меньшей мере восьми поколений

благородных предков. При всей строгости, костюмы двух рыцарей были не лишены изысканности. Из-под плащей виднелись надетые поверх камзолов короткие черные рясы, также украшенные белыми мальтийскими крестами. Однако шейные платки и манжеты обоих мужчин были из венецианских кружев, чулки — из шелка с серебряными стрелками, а на их башмаках красовались изящные серебряные пряжки.

— Это вы та знатная француженка, о которой нам только что говорил господин Роша? — спросил старший из двоих рыцарей, носивший седой парик в лучшем версальском вкусе.

Он представился:

— Де Ла Марш из Оверни, судья Мальтийского ордена. А это — дон Хосе де Альмада из Кастилии, уполномоченный Ордена по делам работорговли. В этом своем качестве он может принять в вас участие. Мы узнали, что вас захватил в плен этот гнусный стервятник д'Эскренвиль, когда вы направлялись в Кандию с поручением от короля Франции.

Анжелика мысленно благословила беднягу Роша за то, что он представил ее путешествие в таком свете. Это подсказало ей, как следует себя вести. И она поспешно завела беседу о короле, говоря как человек, постоянно бывающий при дворе и чувствующий себя там как дома, упомянула своих самых высокопоставленных знакомых, от господина Кольбера до госпожи де Монтеспан, после чего перешла к герцогу де Вивонну, который предоставил в ее распоряжение свою адмиральскую галеру и эскорт из кораблей королевской эскадры. Затем она рассказала, как их плавание было расстроено внезапным нападением Рескатора...

— А, Рескатор!.. — сказали рыцари, страдальчески возводя глаза к небу.

Далее Анжелика поведала, как впоследствии, воспользовавшись случайно оказавшимися под рукой средствами, она попыталась продолжить выполнение своей миссии и села на маленький парусник, который вскоре, однако, стал добычей другого пирата — маркиза д'Эскренвиля.

— Вот они, прискорбные следствия хаоса, воцарившегося на Средиземном море с тех пор, как неверные изгнали отсюда строгий христианский порядок, — сказал судья де Ла Марш.

Оба члена Мальтийского ордена слушали Анжелику, покачивая время от времени головами и быстро проникаясь убеждением в том, что все рассказанное — чистая правда. Названные ею имена и те детали, которые она походя упомянула, говоря о своем положении при французском дворе, не оставили у них на сей счет ни малейших сомнений.

— Весьма прискорбная история, — мрачно согласился с де Ла Маршем рыцарь-испанец. — Наш долг по отношению к королю Франции и к вам, сударыня, велит нам постараться вывести вас из этого затруднения. Увы, мы в Кандии уже не хозяева! Однако, поскольку мы владельцы батистана, туркам приходится оказывать нам известное почтение. Мы будем участвовать в торгах. Будучи уполномоченным Ордена по делам работорговли, я имею кое-какие наличные средства, чтобы по-своему усмотрению совершать сделки, обеспеченные хорошими гарантиями.

— У Эскренвиля крупные требования, — заметил судья де Ла Марш. — Он желает получить по меньшей мере двенадцать тысяч пиастров.

— Я могу обещать вам вдвое больше в качестве моего выкупа, — с жаром сказала Анжелика. — Если потребуются, я продам свои земли, продам свои должности, но вам сполна будут возмещены ваши расходы — и в этом я даю вам слово. Орден не

пожалееет, что спас меня от страшной участи. Подумайте — ведь если меня увезут в какой-нибудь турецкий сераль, то уже никто, даже король Франции, ничего не сможет для меня сделать.

— Увы, это правда! Однако не теряйте надежды. Мы сделаем для вас все, что в наших силах.

Внезапно на лице дона Хосе отразилось беспокойство.

— Нам следует ожидать, что цена поднимется очень высоко. Объявлено о прибытии друга турецкого султана Риома Мирзы. Султан поручил ему разыскать для себя белую рабыню необычайной красоты. Толкуют, что он уже побывал на рынках Палермо и даже Алжира, однако остался неудовлетворен. Он уже совсем было собрался вернуться в Константинополь с пустыми руками, когда услышал о француженке, захваченной в плен маркизом д'Эскренвилем. Нет сомнений, что он не отступит, если найдет, что госпожа дю Плесси-Белльер как раз и воплощает в себе тот идеал, который он безуспешно искал, чтобы угодить своему августейшему другу. В числе возможных конкурентов называют также Шамиль-бея и богатого арабского ювелира Накера Али.

Двое рыцарей отошли на несколько шагов, быстро вполголоса посовещались и затем вернулись к Анжелике.

— Мы готовы дойти до восемнадцати тысяч пиастров, — сказал дон Хосе. — Это огромная сумма, и наверняка она заставит даже самых упорных конкурентов выйти из игры. Положитесь на нас, сударыня.

Немного успокоенная, Анжелика поблагодарила их чуть слышным голосом и со сжавшимся сердцем посмотрела вслед двум удаляющимся фигурам в черных плащах с белыми крестами. Проявили бы они такую же щедрость, если бы узнали, что знатная дама, которую они стремятся спасти, навлекла на себя королевскую

немильность? Однако сейчас нужно думать о том, как противостоять ближайшей из опасностей. Пусть она поменяет одного рабовладельца на других, но лучше уж оказаться под сенью Креста, чем Полумесяца.

Глава 19

Пока рыцари беседовали с пленницей, торг продолжался. Мавр достался итальянскому корсару Фабрицио Олильеро, который приобрел его для включения в свой экипаж. Теперь на продажу был выставлен великан-славянин со светлыми волосами и великолепными мышцами. Для вида дон Хосе де Альмада вступил в торг за него против датского ренегата из Туниса. Когда русский раб увидел, что его владельцем стал ренегат, он упал на колени, сетуя на свою горькую долю. Всю свою жизнь, кричал он, будет он обречен грести на берберийских галерах! Никогда уже ему не увидать серых, продуваемых ветрами равнин своей родины! Слуги-мальтийцы, в чьи обязанности входило поддерживать в батистане порядок, схватили русского и передали его телохранителям нового хозяина. Потом на помост вывели группу белых детей. Армянка стиснула плечо Анжелики.

— Смотри — там, у колонны. Это мой брат Арминак.

— А я думала, что это девочка. Он так сильно накрашен.

— Я же тебе рассказывала — он евнух, и потом, ты ведь сама знаешь, что у нас принято подрумянивать лица мальчиков. Я не ожидала его здесь увидеть, но это к лучшему. Значит, его сочли достойным дорогого аукциона. Лишь бы только его купил какой-нибудь богач: мой брат хитер, и вот увидишь — через двадцать лет он завладеет состоянием своего дурака-хозяина, который перед тем непременно сделает его своим наперсником и визирем.

Старый суданец показал на подростка рыжим от хны пальцем и гортанным голосом коротко назвал свою

цену. Турецкий губернатор Кандии предложил больше. Между тем на диване рядом с рыцарями теперь сидел монах в черной сутане с изображенным на ней белым крестом. Это был один из капелланов Мальтийского ордена. Подойдя к оценщику, он дернул его за полу кафтана и что-то прошептал. Оценщик заколебался, бросил взгляд на губернатора, и тот благосклонным жестом позволил ему исполнить просьбу. Мальчишки начали петь. Капеллан, по происхождению итальянец, прослушал каждого по отдельности и отобрал пятерых, в том числе и брата Чемичкян. — Тысяча пиастров за всю партию, — сказал он.

Белокожий мужчина в украшенном вышивкой тюрбане, скорее всего черкес, встал и крикнул:

— Тысяча пятьсот пиастров!

— Какая удача! — прошептала армянка. — Это Шамиль-бей, глава белых евнухов Сулеймана-аги. Если брату удастся попасть в этот знаменитый сераль, то богатство ему обеспечено.

— Две тысячи, — надбавил цену капеллан Мальтийского ордена. Партия мальчиков досталась ему. Чемичкян расплакалась, вытирая насурьмленные глаза уголком покрывала.

— Ах! Сколько бы мой несчастный Арминак ни хитрил, он никогда не сумеет обмануть бдительность этих монахов, которые не дают одурманить себя плотскими наслаждениями и думают лишь о том, чтобы накопить побольше золота для содержания своего флота. И я уверена, что этот священник купил его просто из-за его тонкого, как у всех кастратов, голоса, чтобы он пел в католической церкви. Какое бесчестье! Может статься, что его даже увезут в Рим и он будет там петь перед папой!

Произнеся это последнее слово, она сердито плюнула.

Тем временем торг продолжался. На помосте теперь остались только двое тщедушных мальчиков, которых никто не желал брать и которых старик суданец приобрел за бесценок, уверяя, что уже сама их покупка грозит ему потерей его репутации опытного коммерсанта и человека хорошего вкуса.

Внезапно зал загудел — на аукцион прибыл личный посланец султана всех правоверных. Черкесский князь был в каракулевой папахе и мундире из черного шелка со множеством чеканных золотых рожков для пороха на груди, прикрепленных к мундиру красными шелковыми шнурками, которые вместе составляли своего рода боевой узор. Его кинжал и сабля были украшены рубинами. Шествуя по залу в сопровождении своей охраны, посланник султана рассеянно поклонился турецкому губернатору, затем вдруг остановился перед Шамиль-беем и о чем-то яростно с ним заспорил.

— Ссорятся, — прошептала армянка. — Князь говорит, что не допустит, чтобы евнух Сулеймана приобрел красивую пленницу, ибо она предназначена для султана султанов. Надеюсь, что «красивая пленница» — это я. — Она выпятила грудь и покачала бедрами.

Сколько Анжелика ни убеждала себя прислушаться к голосу рассудка и положиться на мальтийских рыцарей, ей едва удавалось сдерживать рыдания. Эти люди, пришедшие сюда, чтобы купить ее с публичного торга, уже сейчас решали ее участь. У нее закружилась голова! Она почти не слышала, как продавали маленьких черных евнухов д'Эскренвиля, потом русскую и, наконец, — бедную Чемичкян. Анжелика так и не узнала, сбылось ли желание юной уроженки Кавказа, чтобы ее взяли в княжеский гарем, или же вместо этого она попала в руки старого суданского перекупщика или — того хуже — досталась корсару,

который прежде вдоволь позабавится с нею, а потом продаст опять.

Перед Анжеликой склонился Эриван со своей неизменной будто приклеенной улыбкой и обильно намасленными кудрями.

— Соблаговолите следовать за мной, красавица.

Идущий по пятам за оценщиком д'Эскренвиль схватил свою пленницу за плечо.

— Не забывай, — прошипел он. — Кошки...

Мысль об угрожающей ей ужасной смерти и надежда спастись от нее благодаря вмешательству мальтийских рыцарей дали Анжелике силы, чтобы храбро встретить обжигающие взгляды сотен устремленных на нее мужских глаз.

Наступила напряженная тишина. Слухи о необыкновенной красоте француженки лихорадили Кандию уже три дня. Подавшись всем телом вперед, зрители вопрошали себя, что за тайна сокрыта под покрывалами этого существа, которое наконец-то предстало перед их алчущими взорами. Эриван сделал знак молодому слуге-евнуху, и тот, подойдя к невольнице, сбросил на пол покрывало, закрывавшее ее лицо.

Анжелика вздрогнула. Глаза ее засверкали. При ярком свете люстр она увидела напряженные лица и неподвижные, пристально глядящие на нее глаза насторожившихся самцов, и при мысли о том, что на потребу их сладострастия ее сейчас разденут донага, гордость ее взбунтовалась, она покрылась бледностью, вся одеревенела, и по ее телу пробежала долгая дрожь.

Этот трепет и надменный, едва ли не повелительный взгляд зеленых, словно, морская вода, глаз разожгли вожделение и интерес собравшейся в зале публики, которая до этих пор вела себя довольно вяло. Ряды голов заметно заколыхались. Эриван объявил цену:

— Пять тысяч пиастров.

Сидящий в углу д'Эскренвиль вздрогнул от неожиданности. Это было вдвое выше той первоначальной цены, о которой они условились. Ну, Эриван, чертова мокрица! Он с самого первого мгновения учуял, что публику охватил тот мощный порыв вожделения, который оправдывает любые безумства. Сейчас эти мужчины будут готовы на все, обуреваемые одновременно желанием и азартом.

— Семь тысяч! — крикнул черкесский князь.

Глава белых евнухов шепотом назвал свою цену. Услышав ее, Риом Мирза, человек горячий и полный решимости непременно выиграть торги, выкрикнул:

— Десять тысяч пиастров!

После этого воцарилось благоговейное молчание.

Анжелика посмотрела в сторону мальтийских рыцарей, которые еще не сказали ни слова. Улыбаясь одним уголком губ, дон Хосе наклонился к Риому Мирзе и сказал:

— Князь, последний имам великого султана проповедовал строжайшую бережливость. Я воздаю должное богатству султана, но ведь десять тысяч пиастров — это цена всего экипажа галеры, разве не так?

— Султан всех султанов может пожертвовать одной из своих бесчисленных галер, если такова его августейшая прихоть, — сухо ответил кавказец.

И бросил торжествующий взгляд на евнуха Шамильбея, чье толстое, добродушное бабье лицо выражало в эти минуты величайшую скорбь. О, какой гордостью преисполнилось бы сердце главного евнуха сераля Сулеймана-аги, если бы он мог привести к своему сиятельному господину эту драгоценную, небывалую рабыню! Однако, управляя делами Сулеймана, он лучше, чем кто-либо, знал его финансовые возможности

и уже сейчас укорял себя за то, что вышел за их пределы.

Молчание затягивалось. Внезапно Анжелика ощутила на своих плечах проворные пальцы молодого евнуха — он сноровисто разматывал кусок материи, прикрывающий ее грудь. Теперь она была обнажена до пояса, и янтарное пламя свечей озарило ее побледневшее тело. Невыразимая мука покрыла ее кожу мельчайшими капельками пота, придав ей переливчатое мерцание перламутра.

Она шагнула вспять, но в этот миг евнух выдернул шпильки, скреплявшие ее закрученную в узел шевелюру, и волосы золотым водопадом обрушились ей на плечи. Непроизвольным движением женщины, вдруг почувствовавшей, что у нее распускается прическа, она вскинула руки, чтобы удержать ускользающую шелковистую массу кудрей, и тем самым оставила без прикрытия свои прекрасные упругие груди, явив собравшимся исполненный прелести и обыкновенно ревниво оберегаемый от чужих взглядов образ женщины, закалывающей перед омовением свои волосы.

По залу пронесся глухой шум. Какой-то итальянский корсар замысловато выругался. Объятая страстью и болезненным возбуждением, пестрая масса мужских тел в восточных кафтанах, камзолах и золотом шитье резко всколыхнулась. Евнух Шамиль-бей решил, что, обретя такое сокровище, его господин простит ему временное расстройство своих финансов, и громко выкрикнул:

— Одиннадцать тысяч пиастров!

Старый работороговец из Судана встал и, говоря нараспев, монотонным речитативом, произнес какую-то длинную фразу. Эриван перевел:

— Одиннадцать тысяч и пятьсот пиастров от бедного старца, отдающего все свое состояние на

покупку этой прекрасной бирюзы, за обладание которой, дабы вкусить ее ласк, будут соперничать шейхи Аравии, цари Эфиопии, султаны Судана и даже далекой африканской земли Кампар.

В торге опять наступила пауза. Анжелика с ужасом смотрела на старого негра из дальних краев, который своим нахальным коммерческим напором пытался заставить высокопоставленных соперников отказаться от дальнейшего участия в борьбе.

Мальтийский рыцарь наполовину, опустил свои длинные смуглые веки.

— Двенадцать тысяч пиастров! — проговорил он.

— Тринадцать тысяч! — закричал Риом Мирза. Испанец опять прибег к иронии:

— Вы полагаете, султан всех султанов поблагодарит вас за то, что вы его разоряете? Ни для кого не секрет, что его финансы находятся в беспорядке.

— Я выступаю не от имени султана, а от себя лично, — отвечал черкесский князь, — Я хочу эту женщину.

Его черные глаза неотрывно смотрели на Анжелику.

— И в том, и в другом случае, не рискуете ли вы подставить голову под топор? — настаивал уполномоченный Мальтийского ордена по делам работорговли.

Вместо ответа князь нетерпеливо повторил:

— Тринадцать тысяч. Дон Хосе вздохнул.

— Пятнадцать тысяч.

В зале раздался невнятный гул. Шамиль-бей молчал, раздираемый сомнениями. Как поступить: может быть, все-таки допустить многомесячное превышение расходов над доходами и поддаться тщеславному желанию доставить в сераль Сулеймана эту редкостную жемчужину?

— Шестнадцать тысяч! — крикнул Риом Мирза.

Однако даже он уже начинал слабеть и, сняв с головы каракулеву шапку, вытер вспотевший лоб.

— Кто больше? — прокричал оценщик и повторил свой вопрос на нескольких языках.

В зале установилась гнетущая тишина. Корсары-европейцы так ни разу и не раскрыли ртов. Они с самого начала поняли, что цена быстро скакнет за пределы того, что они могли себе позволить. Проклятый д'Эскренвиль! Какой жирный кусок ему достался! Подцепив эту девчонку, он сможет не только оплатить все свои долги, но еще и прикупить второе судно со всем экипажем.

— Кто больше? — повторил Эриван, делая жест в сторону дона Хосе.

— Шестнадцать тысяч и пятьсот, — сухо сказал тот. Князь упорствовал.

— Семнадцать тысяч!

Цены выстреливали как пули. В голове Анжелики цифры, выкрикиваемые покупателями, реплики, бросаемые по-французски, по-итальянски, по-гречески, все больше путались, смешивались друг с другом. Она больше не понимала, что говорят эти люди. Ей было страшно. Она видела, как кривится смуглое лицо дона Хосе, как мрачнеет судья де Ла Марш. Она дрожала, пытаясь прикрыться своими волосами. Когда же, когда же, наконец, окончится эта пытка?

В дальнем конце зала с дивана поднялся высокий араб в белом бурнусе и, отвесив по пути множество поклонов, пружинистым шагом пантеры подошел к помосту.

Анжелика услышала, как Эриван объявил его имя — Накер Али. Из-под его красно-белого полосатого тюрбана с бронзового, горбоносого, окаймленного черной лоснящейся бородой лица на Анжелику смотрели темные как ночь глаза.

Не отрывая взгляда от молодой невольницы, он сел на корточки, вынул из висящего у него на груди объемистого кошель горсть каких-то предметов и,

держа их на протянутой ладони, показал присутствующим. Это были самые красивые из драгоценных камней, которые он привез из своего последнего путешествия в Индию: два сапфира, крупный, как лесной орех, рубин, изумруд, синий берилл, несколько опалов и кусочки бирюзы. Другой рукой он извлек миниатюрные ювелирные весы, состоящие из сделанного из иглы дикобраза коромысла и медной чашечки. Склонившись над весами Эриван принялся загибать пальцы и шевелить губами, быстро производя в уме сложные расчеты. Наконец он с видом триумфатора объявил:

— Двадцать тысяч пиастров!

Анжелика в панике взглянула на дона Хосе. Предел цены, который он для себя установил, был перейден.

Говоря громким шепотом, почти вслух, судья де Ла Марш взмолился:

— Брат, попробуйте еще!

Черкесский князь Риом Мирза скрежетал зубами. Сам он сложил оружие. Но нельзя допустить, чтобы эта бесподобная француженка досталась заурядному торговцу с берегов Красного моря, пусть богатому, но низкого звания, чей жалкий, как у всякого лавочника, гарем, уютящийся в каком-нибудь деревянном домике в Кандии или Александретте, наверняка смердит прогорклым маслом и жареной саранчой!

Риом Мирза со злостью обрушился на дона Хосе, требуя, чтобы тот сию же минуту поднял цену, не то он прикончит его своей собственной рукой. Мальтийский рыцарь возвел глаза к потолку и стал похож на христианского мученика с запрестольного образа кисти испанского живописца.

Обождав, пока стихнет поднявшийся шум, он бросил тоном человека, называющего свою последнюю цену:

— Двадцать одна тысяча пиастров!

Турецкий губернатор Кандии хитро прищурился, выпростал из своей белой стариковской бороды чубук кальяна и сказал сладким голосом:

— Двадцать одна тысяча и пятьсот.

Взгляд, брошенный на него доном Хосе, был подобен отравленному кинжалу. Рыцарь отлично знал, что турку неоткуда взять таких денег и что ему просто захотелось слегка утереть нос суверенному Мальтийскому государству, первейшему из всех христианских государств. Дол Хосе почувствовал сильное искушение прекратить торг и предоставить старому шутнику самому выкручиваться из созданного им затруднения. Пускай попыхтит, пытаясь наскрести эти самые двадцать одну тысячу пятьсот пиастров и надлежащим образом ублажить свою чересчур красивую рабыню. Но выражение боли и ужаса на лице Анжелики тронуло сердце уполномоченного по делам работорговли, хотя он ни за что бы не признался себе, что руководствуется не расчетом, а чувством.

Между тем Эриван, также понимавший, что последнее предложение — это всего лишь шутка, умело тянул время, чтобы доставить губернатору возможность пожалеть о своей выходке и дать себе зарок никогда больше ее не повторять. Наконец он спросил, обращаясь к мальтийскому рыцарю:

— Кто больше?

— Двадцать две тысячи, — отрывисто бросил дон Хосе де Альмада.

На этот раз тишина была долгой. Покупатели колебались. Однако Эриван еще не открыл им всех своих козырей, Он по опыту знал, что сладострастие в мужчинах куда сильнее, чем их жадность до денег. Дон Хосе, сражающийся за коммерческую выгоду, не мог набавлять цену с тем же упорством, с каким это делает мужчина, обуреваемый плотским вожделением.

Стоя на коленях у самого подножия помоста, араб Накер Али ошалело смотрел вверх, туда, где стояла белая невольница. Его тонкие губы дрожали, рука то и дело тянулась к кошельку на груди, но каждый раз в нерешительности останавливалась.

К пленнице приблизился евнух и расстегнул застежку, удерживавшую на ее талии последнее покрывало. Легкая ткань упала к ногам Анжелики.

Она увидела исступление, сотрясающее сидевших в зале мужчин, заставляющее их тянуться к открытой их взорам белой женской фигурке, такой же красивой, как те греческие статуи, что стоят под олеандрами на средиземноморских островах. Но эта статуя была живая. Она трепетала, и всем были видны мучительные содрогания ее прекрасного тела, сулящие жгучее наслаждение, сладостные волнения и многие часы самозабвенной страсти тому, кто сумеет зажечь в ней любовный пыл.

Каждый жаждал трудного покорения и венчающей его упоительной победы. Каждый жаждал стать тем господином, в чьих объятиях она будет млеть от блаженной неги.

Пронизавший Анжелику смертельный холод сменился волной обжигающего жара. Чтобы больше не видеть этих жадных, пылающих вожделением глаз, она закрыла лицо согнутой в локте рукой. Придавленная страшным стыдом и отчаянием, она словно ослепла и оглохла и уже не видела, не слышала того, что происходило вокруг.

Она, не видела, как Накер Али поднял на ладони крупный алмаз чистейшей воды и опустил его на чашу весов.

— Двадцать три тысячи пиастров! — возгласил Эриван. Дон Хосе отвернулся.

— Кто больше? Кто больше? — пробормотал Эриван, и его пальцы потянулись к колокольчику, чей звон

возвещал окончание торгов.

Черкесский князь зарычал и в знак отчаяния разодрал себе щеки ногтями. Лицо араба медленно расплылось в улыбке. Но в эту минуту поднялся главный белый евнух Шамиль-бей. Пока другие набавляли цену, он успел обдумать несколько финансовых комбинаций, с помощью которых он вновь приведет в порядок расстроенные дела своего господина и восполнит наносимый им сегодня существенный ущерб. Глядя холодно и невозмутимо, он надменным тоном проронил:

— Двадцать пять тысяч пиастров.

Радость, осветившая было лицо Накера Али, погасла. Он собрал свои драгоценные камни, опять спрятал их на груди, встал и побрел прочь, уходя в сгустившуюся тень, пока наконец не скрылся за дверью.

Повернувшись к Шамиль-бею, Эриван медленно поднял колокольчик. Однако его рука вдруг застыла в воздухе, будто парализованная, и больше не шевельнулась.

В наступившей тишине ощущалось что-то томительное и странное, она тянулась без конца... Безмолвие было нескончаемым, полным и настолько необычным, что это дошло до сознания Анжелики, и она невольно подняла голову. Потрясение было сокрушительным, как удар, один из тех страшных ударов, от которых мутится разум, а из горла вырывается безумный вопль.

Ибо к помосту, неспешно пройдя под ошеломленными взглядами множества глаз, размеренным шагом приближался огромный черный человек. Он был с ног до головы одет во все черное — вплоть до черных кожаных, отделанных серебряными заклепками перчаток с крагами и такой же черной кожаной маски, которая закрывала его лицо до самых обрамленных темной бородкой губ и делала внезапно

появившегося пришельца похожим на видение из ночного кошмара. За его спиной Анжелика увидела коренастую фигуру капитана Ясона.

Эриван очень медленно опустил руку с колокольчиком. Он так и не зазвонил. Поклонившись до земли, оценщик тихим елейным голосом проговорил:

— Эта женщина продается. Интересует ли она вас, монсеньор Рескатор?

— Какова последняя цена?

Исходящий из-под черной маски голос звучал тихо и хрипло.

— Двадцать пять тысяч пиастров, — сказал Эриван.

— Тридцать пять тысяч!

Армянин замер с разинутым ртом, и уже не он, а капитан Ясон зычно повторил, повернувшись лицом к залу:

— Тридцать пять тысяч пиастров от моего господина монсеньора Рескатора. Кто больше?

Шамиль-бей в изнеможении упал на подушки и не проронил больше ни слова.

Анжелика услышала тонкий звон колокольчика. Ей показалось, что темная фигура, на которую был устремлен ее смятенный, полубезумный взгляд, вдруг сделалась еще огромнее, приблизилась к ней вплотную, и она почувствовала, что ее окутывает тяжелый плащ из черного бархата, — Рескатор снял его с себя и накинул на ее плечи. Складки плаща доходили ей до самых ступней. Она испуганным движением завернулась в темную ткань. Никогда, никогда она не сможет забыть пережитого позора!

Ее продолжали держать незнакомые сильные руки, держать крепко, не отпуская. В этот миг она осознала, что ноги у нее поднашиваются и что без этой поддержки она бы рухнула на колени. Между тем глухой, хриплый голос говорил:

— У вас был сегодня удачный вечер, Эриван. Французенка!.. И какая! Кто ее владелец?

Маркиз д'Эскренвиль вышел вперед, шатаясь, словно пьяный. Глаза его сверкали на белом как мел лице. Он дрожащим пальцем показал на Анжелику.

— Она т-тварь, — сказал он мрачным, заикающимся голосом. — Худшая тварь, которую когда-либо носила земля. Берегись, проклятый волшебник, — она сожрет твое сердце!..

Кривой Кориано со всех ног выбежал из-за боковой занавески, откуда он наблюдал за ходом торгов, и немедля вмешался в разговор, ощерив беззубый рот в улыбке, полной величайшего подобоострастия.

— Не слушайте его, монсеньор, он от радости потерял голову! Эта дама — милашка, сущая милашка, совсем смиренная и ласковая.

— Лжец! — сказал Рескатор.

Он опустил руку в висящий у него на поясе мешочек из золотой парчи и, вынув оттуда набитый кошелек, бросил его Кориано. У того изумленно округлился уцелевший глаз.

— Но, монсеньор, — пролепетал разбойник, — я получу свою долю добычи при разделе.

— Возьми это куда в качестве задатка.

— Но почему?

— Потому что я хочу, чтобы сегодня вечером все были счастливы.

— Bravo! Брависсимо! — завопил Кориано. — Да здравствует монсеньор Рескатор!

Рескатор поднял руку:

— Празднество начинается.

Громогласно повторяя его тихие слова, капитан Ясон объявил о предстоящем пире, на который самый богатый в Средиземноморье торговец серебром приглашал благородное собрание. На пиру будут танцовщицы, вина, кофе, музыканты и жареная

баранина. Экипажи всех стоящих в порту корсарских кораблей получают угощение из целых бычьих туш и тридцать бочек с вином из Смирны, а также с мальвазией, которые будут выставлены и открыты на всех городских перекрестках. По улицам пройдут слуги с корзинами лепешек и жареным мясом на вертелах, а с крыш на город просыплется град из мелкой монеты.

Сегодня ночью вся Кандия будет веселиться и пировать в честь француженки. Так пожелал монсеньор Рескатор.

— Виват! — кричали приглашенные.

— Вах! Вах! Вах! — восклицали турки, вновь занимая свои места на диванах в том самом зале, который они уже приготовились покинуть. Все, будь то пираты или князья, опять рассаживались, ожидая новых увеселений. И лишь двое рыцарей Мальтийского ордена пошли к выходу. Рескатор сам позвал их обратно:

— Кабальерос! Не желаете ли присоединиться к нам?

Дон Хосе метнул на него испепеляющий взгляд и вместе с судьей де Ла Маршем гордо удалился.

Глава 20

Только теперь Анжелика вполне осознала, что она продана. Продана пирату, который заплатил за нее цену, равную цене корабля со всем экипажем!.. Она просто перешла из рук одного хозяина в руки другого — такова будет отныне ее участь, участь женщины слишком красивой, которую всегда найдутся охотники перекупить. С ее губ сорвался пронзительный крик — в нем выплеснулось наконец все ее безграничное отчаяние, весь ужас того, что она вынесла, все возмущение женщины, очутившейся в безвыходной, западне.

— Нет... я не продана! Не ПРОДАНА!

Она кинулась прочь из колышущегося, пестрого людского круга, который снова неумолимо смыкался вокруг нее, словно бесовская стая, на мгновение сцепилась с телохранителями Рескатора, но те крепко схватили ее и без всяких церемоний толкнули к ногам своего господина. Она, как в бреду, повторяла:

— Нет, я не продана...

— Неужто среди французских дам принято убегать в столь скудном наряде? Сударыня, обождите хотя бы до той поры, когда вы будете одеты.

Идущий сверху вниз голос Рескатора был глух и полон иронии.

— У меня здесь есть несколько платьев, которые я хотел вам предложить. Посмотрите, подходят ли они вам, и выберите то, которое вам понравится.

Непонимающий взгляд Анжелики скользнул вверх, по возвышающейся над ней черной фигуре, пока не уперся в жуткую, неподвижную маску. Живым в ней было только одно — блеск насмешливых глаз. Рескатор рассмеялся.

— Встаньте, — сказал он, протягивая ей руку.

И когда она послушалась и встала, он отвел в сторону упавшие ей на лицо спутанные пряди и, словно неразумного ребенка, ласково погладил ее по щеке.

— Проданы? Да нет же, нет. Сегодня вечером вы моя гостья вот и все. А теперь выберите для себя туалет.

Он показал ей на трех негритят в красных тюрбанах, каждый из которых — совсем как в сказках — держал перед собою роскошное платье: одно из розового шелкового репса, другое — из белой парчи, а третье — сине-зеленое, атласное, украшенное позументами из переливающегося на свету индийского перламутра.

— Вы колеблетесь? Что ж, на вашем месте заколебалась бы любая... Однако поскольку нас ждут на празднестве, я позволю себе дать вам совет. Мой выбор пал бы вот на это, — и он указал на платье, отделанное перламутром. — Сказать по правде, я выбрал его для вас, ибо узнал, что у француженки глаза цвета моря. Надев его, вы станете походить на русалку. Право, в этом есть нечто символическое. Прекрасная маркиза, спасенная из морской пучины!..

И поскольку она по-прежнему молчала, он продолжил:

— Я понимаю, что вас смущает. Каким образом в этой далекой Кандии можно раздобыть туалеты, сшитые по последней версальской моде? Не ломайте над этим вашу прелестную головку. У меня в запасе есть и другие фокусы. Разве вам не говорили, что я волшебник?..

Анжелика, будто замороженная, смотрела на ироническую складку его прячущихся в короткой сарацинской бородке губ. Временами на этом темном лице, как молния, вспыхивала улыбка. Как бы с трудом выходящий из горла, медленно произносящий слова

голос человека в маске вызывал у Анжелики какое-то тягостное чувство, близкое к страху, и, когда он к ней обращался, по ее спине пробегал озноб. Она чувствовала себя совершенно отупевшей. Она никак не реагировала на происходящее, пока две низенькие рабыни, помогавшие ей одеваться, не запутались в завязках, крючках и нагрудных вставках европейского женского платья, Раздраженная их неловкостью, Анжелика проворно заколола булавки и завязала шнурки. Ее движения не ускользнули от внимания Рескатора. Он опять рассмеялся своим сдавленным смехом, тут же перешедшим в кашель.

— Где тот поэт, что воспевает силу и власть привычных, многократно повторенных жестов? — сказал он, отдышавшись. — Даже стоя одной ногой в могиле, вы бы ни за что не согласились быть небрежно одетой, не правда ли? Ах, эти француженки! Ну, а теперь давайте взглянем на украшения.

Он склонился над ларцом, который ему протягивал паж, и достал оттуда великолепное ожерелье из трех ниток лазурита. Он сам надел его Анжелике на шею. Когда он приподнял ее волосы, чтобы застегнуть застежку, она почувствовала, как его пальцы задержались на царапинах, которые оставили на ее спине когти отвратительных котов. Однако новый хозяин Анжелики ничего не сказал. Он помог ей надеть серьги.

Шум, доносящийся из-за стены охраняющих их мавров, все усиливался. В зал только что прибыли музыканты и танцовщицы. На столиках расставляли новые подносы с грудами фруктов и сладостей.

— Вы любите сладкое? — спросил Рескатор. — Хотите халвы? Это сладость, приготовленная из орехов. А персидскую нугу вы пробовали?

Видя, что она молчит, он сказал:

— Я знаю, чего вы хотите. Сейчас вас не прельщают ни сладости, ни все земные удовольствия, вместе взятые. Вам хочется только одного — плакать.

У Анжелики задрожали губы, к горлу подступил ком.

— Нет, — сказал Рескатор, — не здесь. Когда вы будете у меня дома, вы сможете поплакать вволю, но не здесь, не перед этими неверными. Вы же не рабыня, черт возьми, вы потомок крестоносцев! Посмотрите на меня.

Взгляд огненных зрачков, властно притягивающий к себе взгляд Анжелики, заставил ее поднять голову.

— Вот это уже лучше. Взгляните на себя в зеркало... Нынче вечером вы королева,;. Королева Средиземного моря. Дайте мне вашу руку.

Так, в наряде, достойном принцессы, вложив свою руку в руку Рескатора, Анжелика сошла с позорного помоста. Когда она шла по залу, спины присутствующих сгибались в поклонах.

Рескатор сел рядом с пашой-губернатором, представляющим в Кандии власть великого султана, и усадил Анжелику справа от себя. В облаках подымающегося из курильниц благовонного дыма танцовщицы вытягивали над головами свои длинные воздушные покрывала, изгибаясь под музыку тамбуринов и «нанов» — маленьких трехструнных гитар, издающих чистые, подпрыгивающие звуки.

— Давайте выпьем доброго кандийского кофе, — предложил Рескатор, подавая Анжелике одну из миниатюрных фарфоровых чашечек, которыми был уставлен стоящий перед ними на низком столике поднос. — Нет лучше средства для того, чтобы разогнать тоску и вернуть силы измученному сердцу. Вдохните этот изысканный аромат, сударыня.

Анжелика взяла протянутую чашку и начала пить маленькими глотками. Она научилась любить кофе на

борту «Гермеса», и сейчас ей было приятно вновь ощутить во рту его горьковатый вкус.

Глаза грозного пирата пристально наблюдали за ней из прорезей маски. Это не была обычная маска из тех, что надеваются на переносицу и едва прикрывают скулы. Она, подобно старинному шлему, закрывала почти все лицо, доходя до самых губ. Кожа была выделана так, чтобы полностью повторить форму человеческого носа, с двумя дырочками на месте ноздрей. Анжелика невольно подумала о том ужасном, безобразном лице, которое пряталось под этой маской. Как может женщина спокойно смотреть на эту склоняющуюся к ней кожаную личину, зная, что за черной кожей

Скрываются жуткие уродства? Ее пробрала дрожь.

— Да? — произнес пират, будто в нем самом эхом отозвался ее трепет. — Расскажите мне немного о тех чувствах, которые я вам внушаю...

— Я думала, что у вас еще отрезан язык?..

Рескатор откинулся назад и от души расхохотался.

— Наконец-то я слышу ваш голос, — сказал он. — И что же я узнаю? Что, по вашему мнению, судьба обошлась со мной еще недостаточно сурово. О, моим врагам никогда не надоест добавлять новые черные штрихи к их без того мрачной картине. Они были бы в восторге, если бы в довершение всего я стал одноруким и безногим. И, если возможно, — мертвым! Что же касается меня, то мне довольно и того, что я весь покрыт шрамами, как старый дуб, который ста лет неколебимо стоял и под ударами молний, и в ясные, тихие дни. Но, слава Богу, язык у меня все же сохранился достаточно хорошо, чтобы говорить с дамами. Признаюсь — для меня было бы тяжким лишением не иметь возможности воспользоваться хотя бы теми средствами, что дает нам речь, для

обольщения этих очаровательных существ, украшений мироздания.

Склонившись к Анжелике, он говорил с нею так, словно они были одни, и она постоянно ощущала на себе внимательный взгляд его светящихся черных глаз.

— Скажите еще что-нибудь, сударыня. У вас чудесный голос. Я знаю, что о моем голосе этого не скажешь. Я надорвал его однажды, когда зывал к тому, кто был от меня очень далеко. Я позвал его, и мой голос сорвался...

— А кого вы звали? — оторопело спросила Анжелика. Рескатор показал пальцем на потолок, застланный дымом благовоний.

— Аллаха!.. Аллаха в его райских куцах... Это далеко. Мой голос сорвался, но он был услышан... Аллах внял моему зову и дал мне то, что я у него просил, — жизнь.

Анжелика подумала, что он над ней смеется, и это ее несколько уязвило. Кофе возвращал ей силы, и она нехотя согласилась откусить кусочек лепешки.

— В моем доме, — сказал Рескатор, — я предложу вам блюда со всего света. Из всех краев, где я бывал, я привозил поваров, искусных в приготовлении тамошних кушаний. Таким образом, я могу исполнить любое желание моих гостей.

— А в вашем доме... есть кошки?

Несмотря на все усилия Анжелики, при этих последних словах голос ее задрожал. Пират, казалось, был изумлен этим вопросом; потом он понял и посмотрел на маркиза д'Эскренвиля взглядом, полным лютой ненависти.

— Нет, в моем доме нет кошек. Там нет ничего, что могло бы вас испугать или огорчить. Там цветут розы... светят лампы... и окна выходят прямо на море. Да полно же, стряхните с себя это оцепенение, которое совершенно вам не идет. Должно быть, мой добрый

друг д'Эскренвиль применил крутые меры, чтобы сделать из вас женщину с потухшими глазами, готовую лизать сапоги своего хозяина!

Анжелика встрепенулась, как от удара бичом, выпрямилась и бросила на Рескатора вспыхнувший точно молния взгляд. Он снова рассмеялся, опять закашлялся и, наконец, переведя дыхание, сказал:

— Ну вот. Как раз то, чего я ждал. Вы снова стали величавой маркизой, французской великосветской дамой, надменной и обворожительной.

— Смогу ли я когда-нибудь снова ею стать? — тихо промолвила Анжелика. — Не думаю, что Средиземное море легко отдает назад свою добычу.

— Это правда — Средиземное море смывает с человека все показное и поддельное, но воздаёт чистым золотом тем, кто нашел в себе силы не склонить перед ним голову и не польститься на его миражи.

Как же он догадался, что ее меньше занимает мысль о возвращении во Францию, чем моральная невозможность вновь появиться среди великолепия Версаля такой же, как прежде, — горделивой победительницей, перед которой все склонялись несколько месяцев назад?.. Сейчас эта картина казалась ей такой далекой, такой нереальной и словно потускневшей от соприкосновения с магией Востока. И она уже сама взглянула в глаза Рескатора пытаюсь найти в них ответ. Что за силой обладает этот человек, который, сказав ей всего несколько слов, завладел ее душой? Сколько дней она жила сломленная, затравленная, униженная. Он внезапно поднял ее с колен и вырвал, из темной, страшной ямы. Он встряхнул ее, как хлыстом ожег своей насмешкой, околдовал, и, подобно поникшему цветку, овеянному вдруг живительной прохладой, она сбросила с себя рабскую приниженность. Плечи ее распрямились, в оживших глазах зажегся прежний, ясный и задумчивый свет.

— Гордое создание, — ласково проговорил Рескатор.
— Вот такой вы мне нравитесь.

Она смотрела на него, словно молясь, словно перед нею было божество, которое она просила даровать ей жизнь. И она даже не сознавала, что в ее глазах читается сейчас та страстная жажда чуда, с какой людские взоры обращаются к тем, кто может исполнить все.

И по мере того, как взгляд Рескатора вливал в нее силу, ее смятенное сердце успокаивалось. Фигуры в тюрбанах и прокопченные лица пиратов под шелковыми головными платками растворялись и исчезали, отступали гул голосов и шумная музыка.

Она была одна в зачарованном круге рядом с этим человеком, отдавшим ей без остатка все свое внимание. Ее обволакивал аромат восточных благовоний, которыми была пропитана его одежда, — он напоминал ей душистый воздух островов и смешивался с запахом дорогой кожи его маски, табачного дыма из его длинной трубки и горячего кофе, которым непрерывно наполняли их чашки.

Внезапно ее охватила слабость, и она почувствовала, что бесконечно устала. Она глубоко вздохнула и закрыла глаза.

— Вы утомлены, — тихо сказал он. — У меня дома, в моем загородном дворце, вы уснете. Вы очень давно не спали. Вы ляжете отдохнуть на открытой террасе под звездным небом... Мой арабский врач даст вам успокаивающего отвара из трав, и вы будете спать... так долго, как пожелаете... слушая дыхание моря и пение арфы маленького музыканта, моего пажа. По душе ли вам эти планы? Что вы о них думаете?

— Я думаю, — едва слышно сказала она, — что вас нельзя назвать требовательным хозяином.

Глаза корсара весело сверкнули.

— Кто знает, может быть, когда-нибудь я им стану? Ваша красота не такова, чтобы ею возможно было долго пренебрегать... Но ничто не произойдет без вашего согласия — это я вам обещаю... Сегодня вечером я попрошу вас только об одном даре, для меня бесценном, — об улыбке на ваших устах... Я хочу быть уверен, что вы более не испытываете ни печали, ни страха... Улыбнитесь мне.

Губы Анжелики приоткрылись, глаза засияли...

В зале вдруг раздалось нечеловеческое, заглушающее все остальные звуки рычание, и из сгущающегося марева, словно некий красный призрак, шатаясь, выступил маркиз д'Эскренвиль. Он бурно жестикулировал, держа в руке обнаженную саблю, и никто не решался к нему приблизиться.

— А-а, значит, она достанется тебе, — прохрипел он. — Это тебе она покажет свое лицо любовницы, проклятый волшебник Средиземного моря... Тебе, а не мне... Я только Ужас... Эй, вы, прочие, слышите — Ужас... Не волшебник!.. Но этому не бывать. Сейчас я тебя убью.

Он ринулся в атаку, выставив вперед свою саблю. Рескатор ударом ноги швырнул ему под ноги поднос и большой сосуд с водой и, пока бесноватый спотыкался, вскочил на ноги и тоже выхватил саблю. Два клинка скрестились. Эскренвиль дрался с остервенелой яростью безумия. Оба пирата, ступая среди раскиданных в беспорядке подушек и блюд, отступили к помосту, на который теснимому Рескатором маркизу пришлось взобраться под пронзительный визг разбегающихся танцовщиц.

Противники бились насмерть. Фигура в красном против фигуры в черном, и оба дуэлянта мастерски владели своим оружием — абордажной саблей. Слуги-мальтийцы не смели вмешаться, чтобы навести порядок в помещении батистана, где им надлежало

поддерживать общественное благочиние. Рескатор каждому из них дал двадцать серебряных цехинов и большую пачку американского табака... Таким образом, все собрание ожидало исхода поединка в благоговейной тишине. Наконец сабля Рескатора рассекла запястье взбесившегося работоторговца, и тот выронил оружие. Эскренвиль беспрестанно икал, в уголках его губ выступила белая пена. Эриван, выказав немалую храбрость, бросился к нему, обхватил за туловище и передал в руки Кориано.

— Жаль! — лаконично бросил Рескатор, вкладывая саблю в ножны.

Если бы не вмешательство коротышки-армянина, труп маркиза д'Эскренвиля, несомненно, лег бы сейчас на аукционный помост в виде искупительной жертвы за страдания всех тех несчастных, которых он здесь продал.

Рескатор вскинул обе руки.

— Празднество окончено! — крикнул он.

Он кланялся направо и налево, прощаясь с гостями то по-турецки, то по-итальянски, то по-испански.

Под разноголосый гул светских разговоров собравшиеся вышли из зала.

Рескатор вновь подошел к Анжелике. Он еще раз поклонился — очень низко, метя пол черным пером своей шляпы.

— Угодно ли вам пойти со мной, сударыня?

В эту минуту она пошла бы с ним на край света. Она не узнала того сада, где совсем еще недавно прошла в ужасе и тоске.

Рескатор снова накиннул ей на плечи свой великолепный плащ.

— Ночь прохладна... но как благоухают цветы.

На площади перед батистаном над огромным костром жарилась целая бычья туша, и отблески огня ложились на довольные лица созванных на пир горожан

и матросов со стоящих в гавани кораблей. По улочкам Кандии разносились песни флибустьеров, воздающих должное доброму вину из Смирны. Появление Рескатора было встречено громом приветственных возгласов.

Над крышами взвилась длинная голубая ракета и рассыпалась сверкающим куполом искр.

— Смотрите, фейерверк...

В какое мгновение выражение лиц изменилось? Что это — веселье на них вдруг сменилось ужасом?

Рескатор первым уловил, что происходит что-то небывалое. Он оставил Анжелику и бегом бросился к крепостной стене, с которой открывался вид на город.

В тот же миг ночь сотрясли быстро следующие один за другим взрывы, и из батистана донесся звон разлетевшихся вдребезги оконных стекол, зеркал и люстр.

По небу разлилось красное зарево. Колышущиеся отблески света, исходящего откуда-то из нижней части города, заплясали на ошеломленных темных лицах телохранителей Рескатора, и они тоже кинулись к крепостной стене. Зазвонили колокола. Все заглушая, слышался повторяемый на разных языках крик:

— Пожар!..

Стремительный натиск толпы, жаждущей увидеть, что происходит, опрокинул Анжелику наземь. Она проползла по камням мостовой и вжалась в дверной проем. Неожиданно в ее руку вцепились чьи-то пальцы:

— Идем! Идем!

Она увидела перед собой хитрое лицо Вассоса Миколеса и вспомнила слова Савари: «Когда вы выйдете из батистана, сигналом вам послужит голубая ракета...»

Она просила его вырвать ее из рук того, кто ее купит, и вернуть ей свободу, и он выполнил свое обещание.

Но она стояла, словно окаменев; леденящий холод подступил к ее сердцу. Она была не в силах сделать ни единого движения, а между тем маленький грек с тревогой в голосе повторял:

— Идем! Идем!

Наконец она сдвинулась с места и последовала за ним. Они бежали по узким улочкам, захваченные неудержимым людским потоком, стремящимся вниз, в сторону кандийского порта. Повсюду царило неопишное смятение. Бегущая толпа топтала детей и даже кошек, которые, мяукая, со вставшей дыбом шерстью прыгали с карнизов на балконы, мелькая словно черные когтистые джинны на фоне багровых отсветов пожара. Теперь из всех глоток рвался другой крик: «Корабли!..»

Когда Анжелика, ведомая Вассосом Миколесом, достигла берега моря возле Башни Крестоносцев, она поняла, что означали эти вопли. Стоящий в гавани «Гермес», бригантина маркиза д'Эскренвиля, пылал, как вязанка хвороста. Уже теперь от него оставался один только объятый пламенем остов.

Разносимые ветром горящие головешки дождем падали на стоящие на якоре суда. Галеру ренегата-датчанина уже пожирал огонь. На других кораблях тоже начинались пожары, и при этой адской иллюминации Анжелика узнала шебек Рескатора. Огонь тлел в его носовой части. Оставшиеся на борту вахтенные боролись с ним упорно, но тщетно и начинали отступать к корме, задыхаясь в распространяющемся жаре.

— Савари!

— Я вас ждал! — крикнул Савари с ликованием. Вы не в ту сторону смотрите, сударыня, взгляните вон туда!

Он показал ей лодку, прячущуюся в тени Ворот Крестоносцев, которые турок-караульный покинул,

чтобы побежать на пожар. На лодке кончали ставить парус, готовясь к отплытию. Ночная тьма скрывала ее почти полностью, и только мгновенные отблески пожара иногда освещали немного растерянные лица теснящихся в ней беглых рабов и возящихся с парусом моряков-греков. Это была лодка Вассоса Миколеса и его дядей.

— Скорее сюда!

— Но этот пожар, Савари, этот пожар, это...

— Это греческий огонь! — вскричал старый ученый, подпрыгивая от неистовой радости. — Я зажег неугасимый огонь. А-а-а! Им его ни за что не погасить! Это секрет древних... Секрет Византии... и Я ОТКРЫЛ ЕГО ВНОВЬ!..

Он приплясывал, словно гном, вылезший из ада. Вассос Миколес взял своего высокочтимого отца за руку, чтобы посадить его в лодку. К Анжелике подошла стоявшая на берегу женщина.

— Вот та бумага, которая была спрятана в твоём поясе и которую он у тебя забрал. Прощай, сестра, подруга моя. Да храпят тебя святые угодники!

— Эллис! А ты не едешь?

Юная гречанка повернула голову в сторону порта. Мачты «Гермеса», похожие на призрачные золотые колонны, рухнули, подняв сноп искр.

Маркиз д'Эскренвиль метался по пристани как помешанный. Его глаза, устремленные на пылающий «Гермес», были глазами безумца.

— Нет, я остаюсь с ним! — крикнула Эллис. И пустилась бежать в самое пекло.

Анжелика влезла в лодку, и та тихо отошла от берега. Рыбаки старались держаться в тени поднимающегося из моря высокого мыса, но свет от пожара все время распространялся, и на беглецов порой падали его красные блики. Стоя на корме, Савари

упивался зрелищем освещенного, пламенем порта, по которому суетливо сновали люди, точно муравьи в муравейнике.

— Внутри корпусов двух судов я во многих местах напихал пакли, — объяснил он. — На протяжении всего плавания среди островов я каждый день спускался в трюм и все подготовил. Наконец сегодня вечером я полил носовые части этих двух судов изнутри и снаружи эссенцией, извлеченной из моего минерального мумие, тем самым веществом, которое в тысячу раз более воспламенимо, чем само мумие. Пиротехники просили меня помочь в приготовлении фейерверка, и мне ничего не стоило поместить в укромном месте на верхней палубе сделанные мною ракеты. Огонь распространился как ураган...

Стоящая рядом с аптекарем Анжелика вдруг судорожно напряглась. Она вытянулась всем телом, не в силах произнести ни слова, глаза ее расширились. Савари оборвал свою речь. Его рука нащупала висящую у него на поясе старую подзорную трубу, и он поднес ее к глазу.

— Что он делает? Да он сошел с ума!

Оба они только что разглядели на окутанной дымом корме «Морского орла» черную фигуру Рескатора. Матросы-мавры обрубали швартовы, и шебек, все больше охватываемый огнем, плыл прочь из превратившейся в громадный костер гавани. Однако и сам он был уже частицей этого костра.

Пламя на его носу взметнулось еще выше, еще яростней. Бушприт обвалился в море. Потом послышался глухой взрыв.

— Пороховой погреб, — прошептала Анжелика.

— Нет.

Подскакивающий на месте Савари больно наступал ей на ноги своими тяжелыми башмаками. Вассос

Миколес безуспешно упрашивал своего глубокоуважаемого отца постоять спокойно.

— Это белое облако на уровне воды, — воскликнул аптекарь, — что это такое? ЧТО ЭТО ТАКОЕ?!

Из центральной части шебека валил густой желтый дым и «стекал» в море. Через несколько секунд он закрыл собой весь корабль, кроме верхушки самой высокой мачты. Свечение огня вдруг погасло, и окутанный своим желтым коконом «Морской орел» погрузился во тьму.

Порт, по-прежнему освещаемый пламенем пожаров, уходил вдаль. Греки изо всех сил налегали на весла. Вскоре они развернули на мачте косой парус, и лодка беглецов быстро понеслась по темным волнам.

Савари опустил свою подзорную трубу.

— Что это было? Можно подумать, что этот человек потушил пожар на своем судне с помощью колдовства.

Его ум был уже занят разгадыванием этой тайны, и сын воспользовался моментом, чтобы усадить его на дно лодки. Анжелику, хотя и по другим причинам, также не покидало ощущение нереальности происходящего.

Кандия отодвигалась от нее все дальше. Долго-долго на волнах плясали багряные отблески ее огней. Анжелика вдруг осознала, что ее плечи все еще окутывает плат Рескатора. И тогда безумная боль пронзила ей душу, и, уткнувшись лицом в ладони, она протяжно застонала.

Сидящая рядом женщина коснулась ее руки.

— Что с тобой? Разве ты не рада, что опять свободна? Она говорила по-гречески, но Анжелика ее поняла.

— Я не, знаю, — сказала она, всхлипнув. — О, я не знаю, не знаю!

Потом началась буря.

Глава 21

Два дня лодку беглецов трепал шторм.

Только на рассвете второго дня ярость стихии утихла. Лодка все еще держалась на плаву, но со сломанным кормовым веслом и поваленной мачтой она была всего лишь неуправляемым куском дерева. Каким-то чудом все пассажиры уцелели. Ни одного ребенка волны не вырвали из рук матери, ни одного из матросов не смыли с палубы, где те делали все, чтобы не дать судну пойти ко дну. Но теперь все они были беспомощными жертвами кораблекрушения, промокшими, дрожащими от холода, не ведающими, куда их занесло, и ждущими спасения только от Бога.

Море казалось пустынным. Наконец к вечеру их увидели и подобрали моряки с мальтийской галеры.

Анжелика прислонилась к мраморным перилам балкона. Красные лучи заходящего солнца проникали в ее комнату, придавая зеркальный блеск черным и белым плиткам пола. Рядом с Анжеликой на круглом одноногом столике стояла полная корзина отличного винограда, которую ей прислал рыцарь де Рошбрюн. Этот любезный дворянин не утратил на Мальте своих галантных манер, за которые его весьма ценили и когда он бывал при королевском дворе. Будучи главой французской общины Мальтийского ордена, он был чрезвычайно рад предложить госпоже дю Плесси-Белльер приют в своей Гостинице. Такое скромное название носил каждый из великолепных дворцов, построенных различными общинами Ордена для выходцев из своего родного края. Общин насчитывалось восемь, и их символизировали восемь концов мальтийского креста — эмблемы рыцарей святого Иоанна.

Община Прованса, Оверни, Франции, Италии, Арагона, Кастилии, Германии и Англии. Последняя, впрочем, была упразднена после того, как в Англии победила Реформация. Дворец английской общины был обращен в склад.

Анжелика в задумчивости отщипнула ягоду муската и высосала из нее мякоть. Она была довольна, что попала на Мальту. После магометанского Востока, представлявшегося ей сплошным огромным базаром, где все дышит распушенностью и сладострастием, она очутилась в обстановке неуклонной, как стальные планшеты корсета, благопристойности, которая царила в великой твердыне христианства. Девиз рыцарей-монахов, казалось, могло бы составить парадоксальное соединение двух слов: пышность и аскетизм.

В Гостинице Франции, просторном и роскошном, украшенном скульптурами караван-сарая с многочисленными лоджиями и уставленными венецианскими зеркалами вестибюлями, Анжелика обнаружила такой же комфорт, как в дорогой парижской квартире. Стены были увешаны гобеленами, в спальне стояла кровать с парчовым балдахином, а в смежной комнате находилась умывальная, достойная покоев Версаля. Эти расположенные на верхних этажах апартаменты предназначались для именитых гостей. Внизу же, в кельях, с простыми дощатыми койками, жили рыцари, капелланы или монахи-слуги, и иногда, проходя через первый этаж, Анжелика видела, как эти французы, разделившись по четыре, едят монастырскую похлебку из общих мисок.

Когда, вступая в Мальтийский орден, младшие сыновья родовитых семейств давали три обета: послушания, личной бедности и безбрачия, они хорошо сознавали, на что идут. В непрестанных боевых действиях против неверных они обретали утешение

своей страсти к битвам и служение религиозному идеалу, а сверх того — гордое сознание принадлежности к грозному Ордену, внушающему страх врагам христианства. Неисчерпаемые богатства Ордена давали им возможность вести ту войну, ради которой они в него и вступили. Мальтийские рыцари обладали одним из самых сильных военных флотов в Европе. Их галеры, всегда готовые завязать или принять бой, непрерывно крейсировали по Средиземному морю, обрекая мусульманские торговые суда на ту же незавидную участь, которую ислам уготовил торговым судам христиан.

После своих недавних злоключений Анжелика была особенно чувствительна к неукоснительно учтивому обхождению рыцарей.

В этом отношении в орденских командорствах соблюдалась жесткая дисциплина, и если во время опасных плаваний или в упоении радостью победы мальтийским рыцарям порой случалось ненадолго поддаться чарам красивой, сладострастной рабыни, то на самой Мальте, в этом оплоте Ордена, властвовала величайшая благопристойность.

Свободных женщин здесь не было, если не считать мальтиек, местных крестьянок, вечно кутающихся в черные покрывала, а невольницы представляли собой не более чем товар для продажи. Имелось также небольшое число благородных дам, которые прибывали на остров на очень короткий срок, сопровождая своих любовников или — что случалось реже — мужей во время какой-нибудь военной кампании испанского, английского или французского флота.

Анжелика являла собой более редкий случай. Знатная дама, заслуживающая почестей, подобающих ее высокому положению в обществе, она, тем не менее, была выловлена из моря вместе с горсткой беглых рабов. И она прекрасно поняла, что должна

отблагодарить Мальтийский орден не чем иным, как звонкой монетой.

Она договорилась с французом, казначеем Ордена, что напишет своему эконому, мэтру Молину, и прикажет ему передать приору парижского Тампля определенную сумму в качестве платы за ее спасение при кораблекрушении. Однако она была донельзя возмущена, когда, спросив, что сделали с «ее» греками, обнаружила, что их поместили вместе с рабами в одном из мальтийских пакгаузов. Незадачливые рыбаки с Санторина были все до единого занесены в графу «взятие в плен неверных».

В большом складском зале, где на соломенных подстилках ожидали продажи мужчины, женщины и дети с такими же покорными и безучастными взглядами, какие Анжелика видела на пристани в Кандии или в трюме корабля д'Эскренвиля, она нашла Савари, Вассоса Миколеса, его дядей, их присоединившихся к экспедиции жен и детей, а также несколько беглых рабов, которых это семейство взяло на борт своей лодки. Все они собрались в одном углу и с терпеливым видом грызли оливы.

Анжелика не стала скрывать от казначея Ордена господина де Сармона, что она думает о бесчеловечности так называемых Христовых воинов.

Монах был крайне шокирован. — Что вы имеете в виду, сударыня?

— А то, сударь, что вы такие же гнусные работоторговцы, как и остальные.

— Ну, знаете, это уже слишком!

— Слишком? А как же вот это? — И она указала на жалкое сборище греков, турок, болгар, мавров, негров и русских, которые с отрешенным видом сидели и лежали под искусно украшенными сводами склада. — Вы полагаете, что есть большая разница между вашей тюрьмой для рабов и подобными заведениями в Кандии

или Алжире? Сколько бы вы ни ссылались на величие вашей миссии, все равно то, что вы делаете, — это пиратство!

Казначей Ордена стойко выдержал этот натиск.

— Вы, сударыня, заблуждаетесь, — сухо сказал он, — Мы не похищаем — мы захватываем в плен!

— Не вижу разницы.

— Я хочу сказать, что мы не совершаем набегов на побережья Италии, Триполитании^[36], Испании или Прованса, чтобы пополнить свои кошельки, как это делают «остальные» пираты. Те рабы, что оказываются в наших руках, попадают к нам с неприятельских галер, с которыми мы сражались, Захваченных мавров, турок и негров мы делаем гребцами на наших галерах, однако при этом каждый раз освобождаем множество невольников-христиан, которые, не будь нас, до самой смерти гребли бы на кораблях неверных. Известно ли вам, что в Тунисе, Алжире и в королевстве Марокко содержатся в неволе пятьдесят тысяч христиан, а тех, кто томится в плену у турок, даже сосчитать невозможно?

— Я слыхала, что на Кипре, в Ливорно, в Кандии и на Мальте ваш Орден содержит тридцать пять тысяч пленников!

— Вполне возможно, однако мы не заставляем их работать на себя и не пользуемся ими для своих удовольствий. Мы используем их только для обмена или для того, чтобы выручить за них деньги на содержание нашего флота. Разве вы не знаете, что в Средиземноморье рабы представляют собой единственное надежное средство обмена и единственный по-настоящему выгодный товар? Ради освобождения одного христианина нам приходится отдавать троих или четверых мусульман.

— Но этих несчастных греков, христиан-схизматиков, и к тому же спасенных вами при крушении их судна, — почему же вы и их зачислили в рабы?

— А что нам было с ними делать? Мы их накормили, одели, приютили. Что же, прикажете нам еще и снарядить особую экспедицию, дабы любезно развезти их одного за другим по их островам, находящимся под турецкой юрисдикцией?.. Если бы нашим галерам пришлось заниматься благотворительностью, возвращая на родину всех рабов, которых носит по Средиземному морю, то на это не хватило бы всего нашего флота. И чем бы мы тогда оплачивали содержание наших кораблей и их экипажей?

Анжелика была вынуждена признать разумность этих доводов. Она попросила, чтобы Савари, ее врачу, отвели приличное жилье в Гостинице Франции, и предложила заплатить за остальных выкуп и оплатить издержки, связанные с возвращением их домой, когда какой-нибудь мальтийский корабль отправится на патрулирование у берегов Леванта.

Теперь Анжелика ждала.

Для выполнения ее финансовых обязательств требовалось время. Однако порой ее начинала одолевать тревога. Не перехватят ли по дороге ее письмо? А что, если король в гневе наложил секвестр ^[37] на ее имущество?

Как бы то ни было, она вовсе не горела желанием поскорее покинуть Мальту. Здесь, в этом последнем оплоте крестоносцев, она была в безопасности. Вокруг нее стоял выстроенный из потемневшего от морской соли мрамора город Валетта, врезаясь, точно исполинская золотая река, в линию горизонта между пурпурным закатным небом и таким же пурпурным морем. Это было величественное нагромождение возведенных прямо на скальной породе колоколен,

куполов, дворцов и уставленных грозными пушками укреплений, постепенно спускающееся к великолепному, защищенному самой природой порту, чей похожий на гигантского спрута бассейн охраняли многочисленные, оцетинившиеся фортами островки. «Город, построенный дворянами для дворян», как выразился Великий магистр Ордена сеньор де Ла Валетт, который начал его строительство после того, как в шестнадцатом веке рыцари-иоанниты, изгнанные турками с Родоса, укрылись со своими галерами и святыми реликвиями на этом утесе, затерянном между Сицилией и Тунисом. С помощью мальтийцев, народа вольнолюбивого и упорного, они превратили маленький остров в неприступную крепость.

Когда турецкий султан осадил ее пять лет спустя, все его старания оказались тщетны. Ему пришлось отступить, причем флот его изрядно поредел — и не только от ядер и атак орденских галер, но и от хитрости отборных ныряльщиков-мальтийцев, членов удивительного братства людей-рыб. Их легкие были натренированы для долгого пребывания под водой, и по ночам они заплывали в расположение оттоманского флота, чтобы взрывать и поджигать вражеские корабли.

Да, здесь Анжелика могла чувствовать себя под надежной защитой. Граф де Рошбрюн сообщил ей, что вооруженные силы, обороняющие Мальту, включают в себя два состоящих из наемников и мальтийцев полка общей численностью 700 человек, 400 боевых кораблей, 300 галер, 1200 самых отборных стрелков, 100 канониров, 1200 человек орудийной прислуги, столько же стрелков ополчения и примерно 300 воинов недавно сформированных вспомогательных сил.

Для Мальтийского ордена война длилась непрерывно с тех далеких времен, когда госпитальеры, или иоанниты, то есть рыцари Госпиталя святого

Иоанна в Иерусалиме, начали патрулировать дороги Палестины, дабы помогать попавшим в беду христианским паломникам. Орден странноприимных монахов, учрежденный для того, чтобы давать приют паломникам, направляющимся в Святую Землю, очень быстро сменил лохань с водой для омовения ног странников на кольчугу и тяжелый меч. К трем обетам членов Ордена добавился четвертый — защищать Гроб Господень и святой Крест до последней капли крови и сражаться с неверными ВЕЗДЕ, где бы они их не встретили.

Ныне братство монахов-воинов, изгнанное из Иерусалима в крепость Маргат, затем с Кипра на Родос, а оттуда на Мальту, волею, судеб превратилось в суверенное государство, ведущее постоянную войну с сынами Магомета.

Быть может, те галеры, что нынче вечером медленно входили в порт под красными с белым крестом орифламмами, всего лишь несколько часов назад атаковали какое-нибудь берберийское пиратское судно. В таком случае сейчас они везут пленных мавров, которые отныне будут грести на христианских галерах, и освобожденных христиан, которых Мальтийский орден отправит к их семьям, предварительно обсудив с ними размер платы за оказанные услуги. Именно одна из этих боевых галер подобрала потерпевших кораблекрушение Анжелику и ее спутников. Маленькая, потерявшая мачту лодка была замечена с галеры, и незадачливых греков подняли на борт, завернули в одеяла, накормили и дали им по стакану астианского вина. Немного позже, почувствовав, что силы ее восстановились, Анжелика представилась капитану судна, рыцарю лет пятидесяти, барону Вольфу фон Нессельхооду. Это был огромного роста белокурый германец с сединой на висках, красиво оттеняющей его загорелый лоб, прорезанный светлыми морщинами.

Барон пользовался широкой известностью как грозный воин и искусный моряк. Берберийцы боялись его, считая самым опасным из своих противников, и ходил слух, будто алжирский адмирал Меццо-Морте поклялся, что если захватит фон Нессельхоода в плен, то велит разорвать его на куски, привязав к четырем галерам. Помощником у барона был француз, рыцарь де Рогье, молодой человек лет тридцати, с открытым лицом, на которого Анжелика, похоже, произвела глубокое впечатление. Назвав свои титулы и звания, Анжелика рассказала двум рыцарям о пережитых ею злоключениях. Принятая в Валетте как почетная гостья своим старым версальским приятелем графом де Рошбрюном, она узнала, что ее разыскивает герцог де Вивонн. Французская эскадра две недели простояла в Валетте, где мальтийские рыцари и французские дворяне смогли всласть порассуждать о злодеяниях пиратов.

Весть о крушении «Ройяль» у берегов Корсики повергла Вивонна в ужасающее состояние. Как адмирал королевского флота он был глубоко уязвлен. Как влюбленный — ибо герцог боялся, что на этот раз он влюбился, влюбился в Анжелику, — он был безутешен, непрестанно терзаясь мыслью о страшной гибели этой столь прелестной женщины. Сначала сын, потом — мать... Он обвинял себя в том, что принес им несчастье, ведь они оба утонули, плывя на его галерах и при почти одинаковых обстоятельствах, — толковал о неблагоприятных знамениях на небе, о злополучных судьбах... Никто ничего не понимал в его бессвязных речах, пока на Мальту не пришло послание от лейтенанта де Мильерана, пребывающего в плену у синьора Паоло ди Висконти. Лейтенант просил, чтобы на Корсику срочно выслали кругленькую сумму в одну тысячу пиастров, которую разбойник-генуэзец требовал за возвращение ему свободы. В своем письме от

подтвердил, что «Ройяль» погибла, завлеченная на рифы береговыми разбойниками, однако сообщил, что маркиза дю Плесси-Белльер цела и невредима. Неустрашимая путешественница сумела сбежать от их тюремщика и, по всей вероятности, направилась в Кандию на борту маленького парусника из Прованса.

Вне себя от неожиданной радости, герцог де Вивонн тут же позабыл про все свои неприятности. Как только галеры его флота были отремонтированы в доках Валетты, он также взял курс на Кандию, мечтая встретиться там с прекрасной маркизой, которая всего через несколько дней после его отплытия сошла на пристань Валетты, кутаясь в накинутый поверх ее просоленного и испорченного морской водой платья черный плащ Рескатора.

Какая странная игра в прятки! Губ Анжелики коснулась едва заметная разочарованная улыбка: Вивонн, каторжники, жуткое появление из небытия ставшего галерным рабом Никола и его смерть — все это казалось ей теперь чем-то очень далеким. Неужели это действительно с нею произошло? Жизнь мчалась так быстро. На ее теле еще не изгладились отметины, напоминающие о более недавних и более страшных событиях. Через неделю после своего прибытия на Мальту она, гуляя, случайно встретила дону Хосе де Альмаду, недавно вернувшегося в Валетту вместе со своим приятелем судьей де Ла Маршем.

Анжелика, дважды пережившая кораблекрушение и трижды совершившая побег, даже не покраснела, столкнувшись с человеком, который видел ее выставленной нагишом на аукционе в батистане, а уполномоченный по делам работоторговли, навидавшийся подобных зрелищ до пресыщения, давно уже отучился проявлять неуместную застенчивость. Они заговорили друг с другом с равным удовольствием, как старые

друзья, которым хочется о многом друг друга спросить и о многом друг другу рассказать.

Суровый испанец был так искренне обрадован, встретив ее живой, невредимой и свободной, что даже слегка отступил от своей обычной чопорности.

— Я надеюсь, сударыня, вы не сердитесь на нас за то, что мы были вынуждены оставить попытки вам помочь из-за безумств покупателей, которые взвинтили цену. Никогда, никогда еще на аукционе не предлагали таких сумм... Настоящее сумасшествие. Я продолжал участие в торге до тех пор, пока это было возможно.

Анжелика ответила, что знает об усилиях, которые рыцари приложили, чтобы ее спасти, и что, поскольку ей удалось избежать уготованной ей горькой участи, она всегда будет им признательна за проявленное участие.

— Сохрани вас Бог вновь попасть в руки Рескатора, — со вздохом сказал судья де Ла Марш. — Несомненно, что именно от вас он получил самый болезненный удар за всю свою карьеру. Позволить сбежать рабыне, за которую он заплатил сумасшедшую цену — тридцать пять тысяч пиастров, да еще в ночь после аукциона... То, что тогда был пожар, дела не меняет. Вы сыграли с ним недурную шутку, сударыня. Однако берегитесь этого человека!

Дон Хосе и Ла Марш рассказали ей о том, что происходило в Кандии той адской ночью. Пожар распространился на старые деревянные дома турецкого квартала, и они полыхали как факелы. В порту множество судов либо сгорело полностью, либо получило сильные повреждения. Маркиз д'Эскренвиль рухнул на землю, словно в припадке падучей болезни, когда увидел, что его «Гермес» с шипением, в подымающемся к небу столбе пара, уходит под воду. А вот Рескатор спас свой корабль. Ему удалось справиться

с пожаром на своей судне при помощи некоего таинственного, никому не ведомого способа.

После этого рассказа Савари проводил все свое время либо в Гостинице Оверни, либо в Гостинице Кастилии, стараясь разузнать у рыцарей мельчайшие подробности этой истории: как, чем и за какой отрезок времени Рескатор сумел потушить пожар? Дон Хосе ничего не знал. Судья же слышал толки о какой-то арабской жидкости, которая при соприкосновении с огнем превращается в газ. Всем известно, что арабы весьма сведущи в науке, называемой химией. Завершив спасение своего корабля, Рескатор, кроме того, помог потушить и другие очаги пожара. И, тем не менее, ущерб был велик, ибо огонь распространился с ошеломляющей быстротой.

— Хе-хе! Я так и предполагал, — посмеивался Савари, и глаза его вспыхивали за стеклами очков. — Греческий огонь...

В конце концов, он вызвал у своих собеседников подозрения.

— Может быть, вы как раз из тех негодяев — по всей вероятности, рабов, — которые устроили эту ужасную катастрофу? Мы потеряли в ней одну из наших галер.

Савари благоразумно ретировался.

Он пришел со своими колебаниями к Анжелике. Какой путь ему отныне избрать? Следует ли ему вернуться в Париж и написать диссертацию о его сенсационных исследованиях и опытах с мумие, дабы направить ее в Академию наук? Или же броситься на поиски Рескатора с тем, чтобы выведать у него секрет таинственного вещества, побеждающего огонь? А может быть, продолжить свое прерванное путешествие, возможно, столь же безуспешное, сколь и опасное, чтобы собрать новый запас мумие в его персидских месторождениях? По правде сказать, Савари стал немного походить на страждущую в аду грешную душу

с тех пор, как лишился своей драгоценной бутылки и забот о ее перевозке и сохранности. А что же маркиза дю Плесси-Белльер, какой путь намерена избрать она сама? Она не знала.

Какой-то голос шептал ей: «Довольно. Вернись ко двору. Покайся. Моли короля о прощении. А потом...»

На этом «потом» мысли ее спотыкались. И ее блуждающий по морским далям взгляд невольно искал в них последнюю надежду.

Солнце скрылось за горизонтом. Темные силуэты галер на сверкающем море напоминали громадных морских птиц с опущенными на воду крыльями — рядами из двадцати четырех весел. Гребцы — турки и мавры — возвращались в пакгаузы, где их заковывали на ночь; между тем ныряльщики, натерев тела маслом, спускались под воду, чтобы проверить, в порядке ли натянутые там цепи и сети, закрывающие вход в гавань.

Зазвонили колокола многочисленных церквей, призывая прихожан прочесть вечернюю молитву Богородице. Храмов всех стилей и размеров тут было более сотни — их выстроили, работая ради богоугодного дела по воскресеньям, здешние истово набожные жители. Когда начинали бить во все колокола, над островом будто раздавались раскаты грома, и три раза в день Мальта превращалась в огромное громкоголосое чудище, оглушительным ревом славящее величие Девы Марии в окружении тучами носящихся по небу ошалелых морских птиц. Анжелика закрыла окно и поспешно отошла в глубь комнаты. Сейчас за два шага невозможно было бы слышать выкрикнутое во весь голос слово. Она села на край постели и стала ждать, когда прекратится этот гул.

Рядом с ней, поперек парчового покрывала, лежал плащ Рескатора. Она не стала оставлять у себя

испорченного во время бури платья с отделкой из индийского перламутра, но не захотела расстаться с тяжелым бархатным плащом, который пират в тот вечер в Кандии набросил на ее плечи. Ведь его можно было считать своего рода трофеем, не так ли? Внезапно Анжелика растянулась на кровати и зарылась лицом в складки темной ткани.

Даже морской ветер и хлесткие соленые волны не смогли вытравить исходящий от нее резкий аромат. Анжелике достаточно было его вдохнуть, как перед ее мысленным взором снова возникала властная черная фигура Рескатора. Она опять слышала его тихий, хриплый голос и заново переживала тот странный час в Кандии, промелькнувший в причудливо клубящемся мареве из воскуряемых благовоний, табачного дыма и душистых паров кофе под скрипучие звуки маленьких трехструнных гитар.

Из прорезей кожаной маски на нее неотрывно смотрели горящие, как угли, глаза... Анжелика со стоном прижала к себе измятую материю и замотала головой, ложась на плащ то правой щекой, то левой, мучимая неотступным сожалением и непроходящей тоской, которые не хотела себе объяснить.

Гул колоколов становился тише, их голоса звучали реже. Один большой колокол еще басил в ответ на торопливый и веселый перезвон колоколов поменьше. Сквозь последние переливы их звона Анжелика наконец расслышала стук в ее дверь, который раньше тонул в оглушительном шуме.

— Войдите! — крикнула она.

На пороге появился паж в черной рясе.

— Сударыня, простите, что я прервал ваш отдых, — сказал он, повысив голос, чтобы перекричать последние удары колоколов, — но внизу вас спрашивает какой-то араб. Он говорит, что его зовут Мухаммед Раки и что он прибыл от вашего мужа.

Глава 22

С того мгновения, когда Анжелика услышала эти удивительные слова, она действовала как автомат. Она молча встала, пересекла комнату, легкой тенью скользнула по мраморной лестнице, пробежала через вестибюль. Под сводом галереи с венецианскими колоннами стоял человек. У него была светлая кожа, характерная для берберских племен, которые и дали Берберии ее название. Туго повязанный тюрбан из белого полотна удерживал на его голове высокий красный колпак.

Его одежда имела довольно близкое сходство с костюмом средневекового французского крестьянина и состояла из широких штанов, стоптанных остроносых башмаков и некоего подобия блузы с капюшоном и доходящими до локтей рукавами. Подбородок незнакомца был скрыт жиденькой бесцветной бородкой.

Он низко поклонился. Анжелика глядела на него, сцепив руки и широко раскрыв глаза.

— Вас зовут Мухаммед Раки?

— К вашим услугам, сударыня.

— Вы знаете французский?

— Я научился ему у французского сеньора, у которого долгое время был слугой.

— У графа Жоффрея де Пейрака?

Губы араба растянулись в улыбке. Он сказал, что никогда не встречал человека, носящего то странное имя, которое она только что произнесла.

— Но тогда...

Мухаммед Раки сделал рукой успокаивающий жест. Французского сеньора, у которого он служил, звали Джеффа-эль-Кальдун.

— Таково имя, которое дали ему мусульмане. Я всегда знал, что он француз и человек высокородный. Однако я должен признать, что мне был неизвестен его титул, потому что он не открывал его никому. И когда четыре года тому назад он послал меня в Марсель, чтобы встретиться там с одним священником-лазаристом и передать ему поручение разыскать некую госпожу де Пейрак, я постарался забыть даже это имя в угоду тому, кто стал для меня больше другом, чем господином.

Анжелика глубоко вздохнула и почувствовала, что ноги у нее подгибаются. Она сделала арабу знак идти за ней и, пройдя в гостиную, опустилась на один из многочисленных диванов. Мухаммед Раки со смиренным видом присел перед ней на корточки.

— Расскажите мне о нем, — еле слышно сказала Анжелика. Мухаммед Раки закрыл глаза и заговорил медленно и монотонно, будто читая наизусть вызубренный урок.

— Он высок, худощав и похож на испанца. Все лицо его иссечено шрамами — знаками доблести, и порой его вид внушает страх. На левой щеке рубцы образуют острый угол — вот так.

Оранжевый от хны палец араба начертил букву «V».

— А на виске у него еще один шрам, пересекающий глаз. Аллах не дал ему ослепнуть, ибо ему была предначертана великая судьба. Волосы у него черные; они такие же темные и густые, как грива нубийского льва. Глаза черные и пронзительные, как у хищных птиц. Он ловок и силен, очень искусен во владении саблей и укрощении самых горячих скакунов. Но еще более велика его ученость, коей изумлялись ученые мужи Феса, знаменитого и запретного города мусульманских медресе.

По жилам Анжелики снова начало разливаться тепло.

— Неужели мой муж стал ренегатом? — спросила она, испугавшись, но тут же подумав, что это было бы ей все равно. Однако такая мысль была нечестивой и кощунственной.

Мухаммед Раки отрицательно покачал головой.

— Не часто бывает, — сказал он, — чтобы христианин мог безнаказанно передвигаться по королевству Марокко, не приняв нашей веры. Однако Джеффа-эль-Кальдун прибыл в Фес и вообще в Марокко не как раб, а как друг нашего высокочтимого благочестивого мудреца Абд-эль-Мешрата, с которым он много лет переписывался о работах в области алхимии, ибо они оба очень ею увлечены. Абд-эль-Мешрат взял этого христианина под свое покровительство и запретил трогать хоть один волос на его голове. Они вместе отправились в Судан, чтобы добывать там золото, и именно тогда я поступил к нему на службу. Эти ученые мужи, которым ведомы тайны природы, служили одному из сыновей султана Тафилы. — Араб замолчал, нахмутив брови, как будто пытался припомнить какую-то важную подробность.

— Его всюду сопровождал преданный слуга-негр, откликавшийся на имя Куасси-Ба.

Анжелика закрыла лицо руками. Имя верного слуги-мавра еще решительнее, чем точное описание посланием внешности ее мужа, разрывало пелену неизвестности, открывая ее взору ослепительную явь. Путь, по которому она шла ощупью и в муках, вывел ее, наконец, на яркий солнечный свет, цель была достигнута, воскрешение свершилось, и то, что было лишь ее безумной мечтой, обретало отныне живую человеческую плоть, которую она вскоре сможет сжать в своих объятиях.

— Где он? — спросила она молящим голосом. — Почему он с вами не приехал?

Араб снисходительно улыбнулся ее нетерпению. Скоро будет два года, сказал он, как он оставил службу у Джеффа-эль-Кальдуна. Теперь он, Мухаммед Раки, женился и завел небольшое торговое дело в Алжире. Однако до него часто доходили известия о его прежнем хозяине, который много путешествовал и в конце концов обосновался в Боне, городе на побережье Африки, где он продолжал свои научные занятия.

— Стало быть, мне нужно только поехать в Бон, — возбужденно сказала Анжелика.

— Разумеется, сударыня. Если только хозяин случайно не отправился в какую-нибудь недалекую поездку, вы легко найдете его в Боне, ибо всякий укажет вам его дом. Он знаменит во всей Берберии.

Она едва не бросилась на колени, чтобы возблагодарить Бога, но гулкий, мерный стук алебарды по каменным плиткам пола заставил ее поднять глаза и взглянуть на дверь. В комнату входил Савари, стуча по мозаичным плиткам вовсе не алебардой, как ей показалось, а всего лишь концом своего огромного зонта из промасленной материи. При виде его Мухаммед Раки встал и поклонился, говоря, что рад познакомиться с почтенным старцем, о котором ему рассказывал его дядя.

— Мой муж жив! — проговорила Анжелика голосом, прерывающимся от сдерживаемых рыданий. — Этот человек все подтвердил. Мой муж живет в Боне, и я смогу поехать к нему.

Глядя поверх очков, старый аптекарь окинул посланца острым, изучающим взглядом.

— Ого! — сказал он. — А я и не знал, что племянник Али Мектуба — бербер.

Мухаммеда Раки это замечание, казалось, изумило и обрадовало. В самом деле, объяснил он, его мать, сестра Али Мектуба, была арабка, а отец — бербер с гор

Кабилии. Сам он унаследовал все свои черты именно от отца.

— Ого! — повторил Савари. — Это редкий случай. Обыкновенно брачных союзов между этими двумя народами заключается немного, ибо они друг друга ненавидят: с одной стороны завоеватели-арабы, пришедшие из Аравии, с другой — покоренные ими берберы, народ европейского происхождения.

Мухаммед Раки опять улыбнулся: почтенный старей хорошо знает обычаи стран ислама.

— Как случилось, что твой дядя не приехал вместе с тобой? Мы направлялись в Кандию, когда со встречного судна нам сообщили, что француженка оттуда сбежала и сейчас находится на Мальте. Дядя продолжил свой путь в Кандию, спеша возвратиться к оставленной им там торговле, а я пересел на то судно и поплыл назад. — Из-под своих густых ресниц он бросил на Савари насмешливо-торжествующий взгляд.

— На Средиземном море новости распространяются быстро, досточтимый мессир. Они летят с такой же скоростью, как почтовые голуби.

Из складок своей джеллабы Мухаммед Раки медленно извлек кожаный мешочек и вынул оттуда сложенный листок — то самое письмо, которое Анжелика дрожащей рукой написала из своей темницы: «Вспомните меня, ту, которая была вашей женой. Я всегда вас любила. Анжелика».

— Разве это не то послание, которое вы вручили моему дядюшке Али Мектубу?

Савари поправил на носу очки, чтобы рассмотреть бумагу вблизи.

— Это действительно то самое письмо. Но почему ты не отдал его адресату?

Лицо Мухаммеда Раки огорченно сморщилось, и он заговорил тягучим, ноющим голосом, сетуя на те сомнения, которые высказал в отношении него Савари:

разве досточтимый старец не знает, что Бон — это испанский анклав, что он находится в руках самых фанатичных из всех католиков и что два бедных мавра — сыны Мухаммеда — не могут туда проникнуть, не подвергая опасности свою жизнь?

— Но на Мальту-то ты прибыл благополучно, — заметил Савари.

Мусульманин терпеливо объяснил, что, во-первых, Мальта — это не Испания, а во-вторых, он воспользовался единственным в своем роде случаем и затесался в свиту раиса ^[38] Ахмеда Сиди, ехавшего на Мальту для ведения переговоров о размере выкупа за принца Лай Лума, брата султана Адена, которого недавно захватил в плен Мальтийский орден.

— Наша галера вошла в гавань час назад, подняв флаг, означающий, что мы прибыли по поводу выкупа, и, как только я ступил на берег, я поспешил на поиски французской госпожи. Пока переговоры о выкупе за Лай Лума не закончены, мне здесь ничто не угрожает со стороны христиан.

Савари с этим согласился. Его лицо заметно прояснилось.

— Но ведь высказать возникшие у меня сомнения — этой мой долг, не так ли? — обратился он к Анжелике, как бы извиняясь за свои колебания. В эту минуту его осенила еще одна мысль, и он выставил указательный палец в сторону бербера.

— А кто мне докажет, что ты и вправду Мухаммед Раки, племянник моего друга Али Мектуба и слуга разыскиваемого нами французского сеньора?

Посетитель опять сморщился и слегка опустил веки. На его лице мелькнуло гневное выражение, однако он тут же овладел собой.

— Мой господин любил меня, — сказал он глухим голосом. — Он оставил мне свидетельство своего

расположения.

Из того же сафьянового мешочка, что и письмо, он вынул серебряное украшение с драгоценным камнем. Анжелика сразу узнала камень — это был ТОТ САМЫЙ ТОПАЗ!

Это кольцо не имело большой цены, но Жоффрей де Пейрак очень им дорожил, потому что оно принадлежало его роду на протяжении нескольких столетий. Он любил говорить, что топаз приносит ему удачу, так как его цвет — это одновременно цвет золота и цвет огня. Анжелика не раз видела это украшение у него на шее на серебряной цепочке поверх его бархатного камзола. Позднее он велел показать его преподобному отцу Антуану, чтобы тот его опознал.

Она взяла кольцо из рук мавра и, закрыв глаза, пылко прильнула к нему губами. Старый Савари смотрел на нее и молчал.

— Что вы намерены делать? — спросил он наконец.

— Постараться отплыть в Бон, чего бы мне это ни стоило.

Глава 23

Уговорить мальтийских рыцарей взять на борт одной из своих галер молодую французскую маркизу, чтобы высадить ее в Боне, было делом весьма нелегким. Анжелика обращалась к графу де Рошбрюну, судье де Ла Маршу, рыцарю де Рогье и даже к дону Хосе де Альмаде, и каждый старался отговорить ее от столь безрассудного предприятия. Христианка, говорили они, не может высадиться в Берберии, не подвергая себя при этом величайшей опасности.

Берберия включала в себя всю Северную Африку, то есть Триполитанию, Тунис, Алжир и Марокко. Религиозные фанатики и пираты, принадлежащие к менее утонченной цивилизации, чем турки, чей протекторат над собой они едва терпели, берберийцы были самыми лютыми врагами рыцарей Мальтийского ордена.

Женщина среди них — это либо рабыня, выполняющая самую грязную работу, либо запертая в гареме одалиска. Одни только еврейки могут ходить по улицам свободно и с открытыми лицами, однако ни в коем случае не выходя за пределы «меллаха», особого еврейского квартала.

— Но я же еду в Бон, католический анклав, — настаивала на своем Анжелика.

Что ж, это еще хуже. В этих анклавах на побережье Африки, в которые испанцы впились точно клещи, чтобы изводить укусами берберийского льва, в избытке хватает всех напастей, и первейшая из них — бедность. Что делать ей, великосветской даме, среди этого убогого сборища недалеких, мелочно расчетливых торговцев, охраняемых гарнизоном андалузцев, таких же мрачных и свирепых, как те мавры, что из-за

городских стен осыпают их пулями и стрелами? Что она надеется отыскать в одном из самых нищих и унылых уголков земли, в месте без души, без сердца, без лица? Неужели ей хочется снова навлечь на себя те неисчислимы опасности, которых она Божьей милостью избежала?

В конце концов, Анжелика обратилась со своей просьбой к Великому магистру Ордена, государю Мальты Никола Котонеру, французскому дворянину английского происхождения, который в формуле, предваряющей тексты издаваемых им государственных актов, именовал себя так: «Милостью Господа нашего монах странноприимного дома военного ордена святого Иоанна в Иерусалиме, хранитель Гроба Господня и смиренный магистр бедняков». Когда папа римский собирал капитул, Великий магистр занимал самое почетное место справа от его святейшества. Кроме того, он обладал привилегией охранять вместе со своими рыцарями конклав, выбирающий нового папу, а когда происходило представление только что избранного наместника святого Петра, Великий магистр шел впереди него в полном вооружении, неся большой, красный с белым крестом штандарт Мальтийского ордена. На Анжелику этот красивый старец в седом парике с властным взглядом человека, привыкшего повелевать, произвел сильное впечатление. Она была с ним вполне откровенна и без утайки рассказала ему драматическую и необычайную историю своей любви. Десять лет она оплакивала своего горячо любимого мужа, а теперь, узнав, где он живет, может в самом скором времени увидеть его. Не слишком ли она злоупотребит добротой Его Высокопреосвященнейшего Высочества, если попросит разрешить ей сесть на одну из галер, отправляющихся крейсировать у берегов Берберии, с тем чтобы эта галера зашла в Бон и высадила ее там на берег?

Великий магистр слушал ее внимательно. Время от времени он вставал со своего места, подходил к окну и, приставив к глазу подзорную трубу, обозревал маневрирующие на рейде корабли. Поверх его сшитого по французской моде камзола была надета перевязь Мальтийского ордена с изображением Страстей Господних.

Он долго молчал, потом вздохнул. Много в рассказе этой женщины казалось ему невероятным, и более всего то, что знатный христианский сеньор, каким, по ее словам, был ее муж, решил искать пристанище в такой жалкой дыре, как Бон.

— Вы сказали, что прежде, чем поселиться в Боне, он безнаказанно разъезжал по берберийским землям?

— Именно так мне и было сказано.

— В таком случае он ренегат, живущий на исламский манер с гаремом из пятидесяти жен. Воссоединение с ним будет иметь самые пагубные последствия и для вашей души, и для вашей земной жизни.

Анжелика почувствовала, что сердце ее сдавил страх, но внешне она осталась спокойной.

— Я не знаю, беден ли он, не знаю, стал ли он ренегатом, — сказала она. — Я знаю только одно — что он мой муж перед Ботом и что я хочу быть вместе с ним.

Суровое лицо Великого магистра смягчилось.

— Счастлив тот мужчина, который внушил вам такую любовь!

Однако он все еще колебался.

— Ах, дитя мое, ваша молодость и красота вселяют в меня тревогу. Какие тяжкие беды могут вас постигнуть на нашем Средиземном море, которое прежде было великим внутренним христианским озером, а ныне отдано на поругание исламу! Как горько нам, рыцарям из Иерусалима, когда мы думаем о том, сколь далеко мы отступили! Никогда, никогда наше упорство в

борьбе с неверными не будет достаточным — нам всегда надобно будет стремиться к большему. Мы должны отвоевать не только Святые места, но и Константинополь, древнюю Византию, где в былые времена властвовала великая церковь и где впервые пышно расцвело христианство под сенью куполов Собора Святой Софии, который ныне обращен в мечеть.

Он помрачнел, погруженный в свои мистические видения.

Анжелика резко сказала:

— Я знаю, почему вы не хотите дать мне уехать, — потому что еще не получили моего выкупа.

Лицо старого прелата повеселело. Слова Анжелики его явно позабавили.

— Не скрою, что я был бы весьма рад использовать этот предлог, чтобы помешать вам совершить глупость. Однако я как раз сегодня получил извещение от нашего банкира в Ливорно, что оговоренная с вами сумма передана вашим экономом нашему Великому приору в Париже.

В его глазах зажглись саркастические огоньки.

— Ну, хорошо, сударыня. Я признаю, что человек, обретший свободу, вправе воспользоваться ею, чтобы себя погубить, если уж ему так заблагорассудилось. Галера, которой командует барон фон Нессельхоод, должна через неделю выйти в море для крейсирования у берегов Берберии. Я разрешаю вам отплыть на ней.

Лицо Анжелики засветилось от радости, но Великий магистр не позволил себе растрогаться. Сдвинув свои седые брови и простерев в ее сторону руку с вытянутым пальцем, на котором сверкал аметист прелестного перстня, он вскричал:

— Помните, о чем я вас предупреждал! Берберийцы — жестокие, похотливые, непримиримые фанатики. Сами турецкие паши их боятся, ибо эти морские разбойники даже их обвиняют в недостатке

религиозного рвеня. Если ваш муж завел с ними дружбу, значит, он стал таким же, как они. Ради спасения вашей души, сударыня, вам было бы лучше остаться под сенью Креста!

Затем, видя, что она не отступит, он продолжил уже более мягким тоном:

— Преклоните колени, дитя мое, и дайте мне вас благословить.

Глава 24

Галера уходила все дальше в море, оставляя за кормой Валетту с ее золотистыми крепостными стенами. Перезвон колоколов затихал, уступая место учащенному дыханию волн и глухим ударам, доносящимся из ямы, где находились скамьи гребцов.

Рыцарь барон фон Нессельхоод, стуча сапогами, шагал по идущему от бака до юта мостику уверенной походкой опытного морского командира.

На нижней палубе два француза, торговца кораллами, вели беседу с важным голландским банкиром и юным испанским студентом, едущим к своему отцу, офицеру гарнизона Бона. Вместе с Анжеликой и Савари они составляли немногочисленную группу штатских пассажиров галеры.

Само собой разумеется, что предметом разговора были шансы на то, чтобы не угодить в плен к берберийцам. Путь, правда, был коротким, однако возрастающая с каждым днем дерзость пиратов делала его весьма опасным. Двое торговцев кораллами, люди бывалые, давно промышляющие поездками к берегам Африки, развлекались тем, что всячески выражали по этому поводу пессимизм, дабы заставить своих впервые плывущих по Средиземному морю попутчиков, как следует поволноваться.

— Иначе говоря, — со смаком расписывал один из торговцев, — когда вы пускаетесь в морское путешествие, то у вас есть один шанс против двух закончить его в чем мать родила на площади большого рынка в Алжире.

— В чем мать родила? — удивленно переспросил голландский банкир, чей французский не включал в себя знания языковых нюансов.

— В костюме Адама, сударь. Именно в таком виде нас будут продавать, если мы дадим захватить себя в плен. У вас посмотрят зубы, пощупают бицепсы и заставят немного пробежаться, чтобы определить, сколько вы стоите.

Толстобрюхий банкир совершенно не представлял себя в такой роли.

— О, с нами это не может случиться. Мальтийские рыцари непобедимы; к тому же говорят, что командир нашего судна, барон фон Нессельхоод из Германии, — это грозный воин, чья репутация уже сама по себе отпугивает наглых корсаров.

— Гм, гм! Почем знать? — отвечал торговец кораллам. — Дело в том, что эти корсары все наглеют и наглеют. Поговаривают, что не далее как в прошлом месяце две алжирские галеры появились неподалеку от замка Иф и захватили барку, в которой было около пятидесяти человек, в том числе несколько знатных дам, совершавших паломничество в Сент-Бом.

— Можно себе представить, какое паломничество они совершат у берберийцев, — заметил второй торговец, бросая игривый взгляд в сторону Анжелики.

Мэтр Савари, обыкновенно такой многоречивый, не принимал участия в разговоре. Он считал свои кости. То есть не свои собственные, а те, которые он осторожно вынимал из лежащего рядом с ним большого мешка. Во время его посадки на галеру с ним произошел еще один комический случай. Корабельный колокол уже трезвонил вовсю, возвещая об отплытии, когда он, наконец, явился, таща огромный мешок.

Навстречу ему с суровым видом вышел барон фон Нессельхоод. Не может быть и речи о том, чтобы взять излишний багаж на борт и без того перегруженной галеры, сказал он.

— Излишний багаж? Посмотрите сюда, мессир рыцарь.

И мэтр Савари, словно паяц, завертелся на месте, легко держа мешок большим и указательным пальцами вытянутой руки.

— Он весит не более двух фунтов!

— Что у вас в нем? — изумился барон.

— Слон.

Вдоволь насладившись произведенным впечатлением, мэтр аптекарь подтвердил свое заявление. Речь идет, пояснил он, об «ископаемом хоботном животном», или карликовом слоне, редчайшем феномене, относящемся к эпохе возникновения мира, звере, чье существование до сих пор представлялось столь же проблематичным, как и существование единорога.

— Отправной точкой разработанной мною смелой теории послужил один из трудов Ксенофонта. Прочитав его, я понял, что если это хоботное животное существовало, то его останки следует искать в недрах островов Мальта и Гозо, которые некогда составляли единое целое с Европой и Грецией. Это открытие наверняка откроет мне двери в Академию наук, если только Господь даст мне до этого дожить.

Галера Мальтийского ордена была просторнее, чем галера французского королевского флота. Под ютом здесь располагалась каюта для пассажиров, где те могли отдохнуть на простых деревянных скамьях.

Анжелика чувствовала себя больной от нетерпения и — отчего бы не признаться в этом самой себе? — от какой-то неясной тревоги. Действительность нисколько не походила на ее мечту. Если бы не топаз, она усомнилась бы даже в том, что посланец в самом деле тот, за кого себя выдает. Ей казалось, что у него лживые глаза. Тщетно она пыталась разузнать у него какие-нибудь другие подробности. Араб только разводил руками, улыбаясь странной, удивленной улыбкой. «Я все сказал», — говорил он.

Ей вспомнились мрачные пророчества Дегре. Как примет ее Жоффрей де Пейрак после стольких лет разлуки? Лет, что пронеслись над ними и наложили свою печать на их тела и души? Каждый из них познал иные битвы, иные стремления, иные любовные увлечения... Трудная предстоит им встреча!..

В ее золотистых волосах белела одна седая прядка. Но она была в расцвете молодости, даже красивее, чем во время их свадьбы, когда ее черты еще не обрели своей нынешней законченности и выразительности, тело еще не вполне сформировалось, а в походке еще не чувствовалась та царственная горделивость и уверенность в себе, которая теперь порой внушала мужчинам робость.

Это превращение свершилось вдали от глаз Жоффрея де Пейрака и без его влияния. Ее нынешний облик был вылеплен рукой злой судьбы, оставившей ее в одиночестве.

А он? Испытавший бесчисленные унижения и несчастья, лишенный всего, оторванный от своего мира, своих трудов и своих корней, — что смог он сохранить в себе от себя прежнего, от того Жоффрея, которого она любила?

— Мне страшно! — прошептала Анжелика.

Она боялась, как бы чудесный миг их встречи не был растрочен на пустяки, испорчен, осквернен чем-то низменным. Однако у нее ни разу не промелькнула мысль, что такой человек, как Жоффрей де Пейрак, способен пасть.

Обуревающие ее сомнения согнули ее так, что она едва было не рухнула на колени. Словно наивная девочка, она повторяла себе, что хочет снова увидеть «его», «своего любимого», «своего возлюбленного из Отеля Веселой Науки», а не «того, другого», незнакомого человека на незнакомой земле. Она хотела услышать его удивительный голос. Но Мухаммед Раки

ничего не сказал об этом прославленном голосе. Можно ли петь в Берберии? Под этим жестоким солнцем? Среди этих темнокожих людей, рубящих головы так, как крестьянин косит траву? Единственное пение, которое может здесь раздаваться, — это пение муэдзинов на вершинах минаретов. Всякое другое проявление радости есть святотатство.

О! Каким же здесь стал Жоффрей?

Она в отчаянии попыталась воскресить в памяти прошлое, мысленно увидеть далекого лангедокского графа под аркадами Отеля Веселой Науки. Но его образ от нее ускользал.

Тогда ей захотелось заснуть. Во сне исчезнет земная пелена, скрывающая от нее ее возлюбленного.

Она чувствовала себя утомленной... Чей-то голос ей шептал: «Вы утомлены... У меня дома вы уснете... Там цветут розы, светят лампы... и окна выходят прямо на море...»

Анжелика проснулась с истошным криком. Ее тряс склонившийся над нею Савари.

— Госпожа дю Плесси, мне пришлось вас разбудить. Сейчас вы переполошите всю галеру!

Анжелика села на своем ложе и прислонилась к переборке. Уже наступила ночь, и в темноте слышалось только надсадное уханье гребцов, потому что галера шла под немногими парусами и ее длинные, в двадцать туазов весла работали все до единого, от носа до кормы. В этой непривычной тишине над каютой пассажиров гулко топали сапоги ходящего по юту мальтийского рыцаря барона фон Нессельхоода.

Большой сигнальный фонарь светил совсем тускло, что говорило об опасении привлечь внимание пиратов, которые, несомненно, устроили засады на этом узком пути, где по левому борту лежали Мальта и Сицилия, а

по правому — побережье Туниса. Анжелика глубоко вздохнула.

— Во сне меня преследует волшебник, — прошептала она.

— Хорошо бы, чтоб это было только во сне!.. — заметил Савари.

Она вздрогнула и попыталась разглядеть в темноте выражение его лица.

— Что вы имеете в виду? О чем вы сейчас думаете, мэтр Савари?

— Я думаю, что такой дерзкий пират, как Рескатор, не позволит вам уйти, не попробовав вернуть себе свое имущество.

— Я не его имущество! — возмутилась Анжелика.

— Он купил вас, заплатив цену целого корабля.

— Отныне меня будет защищать мой супруг, — ответила Анжелика, однако в ее голосе звучали нотки неуверенности.

Савари молчал. Со скамьи голландского банкира доносился мерный храп.

— Мэтр Савари, — прошептала Анжелика, — вам не кажется, что это может быть ловушкой?.. Я с самого начала видела, что вы не доверяете этому Мухаммеду Раки, между тем разве не предъявил он нам бесспорные свидетельства искренности своих намерений?

— Да, он их предъявил.

— Он наверняка виделся со своим дядей Али Мектубом — ведь у него оказалось мое письмо. К тому же, описывая моего мужа, он назвал такие детали, какие могла знать только я. Я помнила их уже смутно, но они тотчас ожили в моей памяти... Значит, он видел его вблизи. Разве что... Ах, Савари, как вы думаете, не могла ли я стать жертвой колдовства, переданных издали обманчивых видений, заставляющих меня видеть то, чего нет, но чего я хочу больше всего на

свете, и все ради одного — чтобы вернее заманить меня в ловушку?

— Такие явления могут иметь место, — сказал старый аптекарь, — но я не думаю, что дело сейчас в них. Может быть, это и ловушка, но магия здесь ни при чем. Этот Мухаммед Раки скрывает от нас правду. Подождем, пока не прибудем на место, а там увидим.

Он тщательно размешал что-то маленькой ложечкой в оловянном стакане.

— Выпейте это лекарство. От него вы будете спать спокойнее.

— Опять мумие?

— Вы хорошо знаете, что мумие у меня больше нет, — с грустью сказал Савари. — Я не захотел отделить от него ни единой частицы — все оно пошло на то, чтобы зажечь пожар в Кандии.

— Савари, почему вы пожелали сопровождать меня в этой поездке, которую вы не одобряли?

— Мог ли я вас оставить? — произнес старик, словно размышляя вслух над некой трудноразрешимой научной проблемой. — Нет, думаю, что не мог. Я поеду с вами в Алжир.

— В Бон.

— Это одно и то же.

— Но ведь в Боне христиане подвергаются куда меньшим опасностям, чем в Алжире.

— Кто знает? — сказал Савари, покачивая головой с видом прорицателя, видящего то, что от других сокрыто.

На следующий день продвижение галеры к западу стало более медленным, поскольку ветер стих и приходилось идти только на веслах. На своем пути корабль Мальтийского ордена встретил несколько других кораблей, в том числе огромный караван голландских торговых судов, которые даже при слабом ветре шли вперед благодаря большой площади своих

парусов. Караван сопровождали два военных корабля, каждый из которых имел на борту от пятидесяти до шестидесяти пушек. Таков был метод, который страны Запада — Англия, Нидерланды и другие — применяли для ведения своей средиземноморской торговли. Они отправляли в Средиземное море мощные флоты, хорошо охраняемые и защищенные, которые отпугивали обнаглевших пиратов.

Около полудня ветер подул сильнее, и на галере подняли два паруса. Вдалеке показались очертания гористого острова. Рыцарь де Рогье привлек к нему внимание Анжелики:

— Это Пантеллария, владение герцога Тосканского.

Они могли бы бросить здесь якорь и сойти на берег, но военное судно должно действовать, ничем не выдавая сути выполняемой им задачи, дабы не попасть в засаду нечестивых врагов. Лучше всего избегать каких бы то ни было сношений даже с друзьями, пока корабль не прибудет в порт назначения — Бон.

Паруса галеры, наконец, наполнились ветром.

— Если и дальше дела пойдут так же хорошо, то мы сможем прибыть в Бон послезавтра, — сказал молодой рыцарь.

После этого на пути мальтийской галеры уже не попадались встречные суда. Вокруг, насколько видел глаз, простиралось только синее, слегка пенящееся море.

Вечер принес с собой неприятное происшествие. Обнаружилось, что чья-то преступная рука просверлила дыру в емкости, где хранился судовой запас пресной воды. Когда по поводу случившегося начали довольно грубо задавать вопросы одному из помощников кока, юному испанскому мавру, тот вынул нож и стал угрожать им допрашивающему его надсмотрщику. Всем членам команды было запрещено иметь при себе ножи, когда это не требовалось им для работы. Согласно

незыблемому морскому обычаю, юнга должен был понести жестокое наказание, налагаемое за нарушение этого пункта устава, — надлежало его же собственным ножом пригвоздить кисть его руки к грот-мачте и оставить его в этом положении на несколько часов, число коих зависело от тяжести совершенного проступка. Рыцарь де Рогье подошел к Анжелике, чтобы сообщить ей об этой досадной помехе.

— Глупая история, но она нас задержит, потому что теперь нам придется идти к Пантелларии, чтобы взять на борт новый запас пресной воды. Этот случай еще раз доказывает, что на Средиземном море надо всегда быть настороже и не проявлять необдуманного великодушия. Из-за юного возраста этого мальчишки мы пожалели его, избавив от тяжелой участи гребца. Мы позволили ему беспрепятственно ходить по кораблю. И вот в качестве благодарности он пробуравливает сегодня дырку в емкости с пресной водой.

— Почему он это сделал? — спросила встревоженная Анжелика.

Рыцарь де Рогье в сомнении пожал плечами. Между тем галера изменила курс. Теперь она плыла не на северо-запад, а на юго-запад, что было видно по изменению ее положения относительно заходящего солнца. Пассажирам выдали по порции вина из судовых запасов, однако экипаж и рабы-гребцы глухо роптали, так как теперь на галере нельзя было готовить пищу.

День, на редкость жаркий, подошел к концу.

Анжелике не спалось. Ближе к полуночи она вышла на палубу, чтобы подышать свежим воздухом. Вокруг была кромешная тьма, потому что бортовые огни, уже вчера горевшие еле-еле, сегодня не были зажжены вовсе. Только слабое мерцание далеких звезд освещало корабль. На нем была поднята лишь часть парусов, и из трех смен гребцов работала только одна, а две остальные отдыхали. Было слышно дыхание галерных

рабов, спящих в зловонных ямах, но разглядеть их было невозможно. Анжелика сделала несколько шагов в сторону расположенного над ямами продольного мостика. Она полагала, что оба рыцаря сейчас на баке галеры, и ей хотелось с ними поговорить. Не остановил негромкий звук.

Глухой, прерываемый горячечной икотой голос тихо и жалобно бормотал сквозь стиснутые зубы по-арабски, то и дело повторяя имя Аллаха. Стенание то замолкало, то начиналось опять. Анжелика скорее представила себе, чем увидела фигуру подростка-рenegата, пригвожденного к грот-мачте. Он наверняка жестоко страдал, притом не только от боли, но и от жажды. У Анжелики больше не было вина, однако у нее оставался кусок арбуза, и она пошла за ним в каюту. Когда она захотела вновь приблизиться к грот-мачте, путь ей преградил солдат — ратный служитель.

— Не мешайте мне, — сказала она. — Вы моряки и воины. Я не берусь судить о ваших действиях. Но я женщина, и у меня есть сын почти такого же возраста, как этот мальчик.

Солдат поклонился. Едва ли не оцупью Анжелика вложила между горячими губами юного испанца кусочки арбуза. У него были такие же кудрявые волосы, как у Флоримона. Его пронзенная рука была скрючена, словно лапа хищной птицы, и покрыта засохшими потеками крови.

«Я попрошу барона фон Нессельхоода прекратить наказание, это слишком жестоко», — подумала потрясенная Анжелика.

Внезапно все вокруг залил рыжеватый свет. Он несколько раз поменял оттенки и, рассыпавшись многоцветными искрами, погас.

— Ракета!

Юный мавр тоже ее заметил.

— Алла мубарак!^[39]

На галере, только что погруженной в сонное оцепенение, все пришло в лихорадочное движение. Матросы и ратные служители сновали туда-сюда, окликая друг друга. В темноте прыгали круглые глазки потайных фонарей. Анжелика разбудила Савари. Эта сцена слишком живо напоминала ей начало другой — той, которая предшествовала бою с шебеком Рескатора.

— Как вы полагаете, Савари, нам предстоит еще одна встреча с этим пиратом?

— Сударыня, вы спрашиваете меня об этом, как будто я военный стратег и к тому же обладаю магической способностью пребывать одновременно и на мальтийской галере, и на судне неприятеля. Турецкой ракетой мог воспользоваться не только ваш владелец Рескатор. Она может также означать, что нам готовят засаду алжирцы, тунисцы или марокканцы.

— Мне показалось, что ее запустили прямо отсюда, с нашего корабля.

— Значит, на борту есть предатель.

Не будя остальных пассажиров, Анжелика и Савари вновь поднялись на палубу. Галера, похоже, шла зигзагами, чтобы сбить с толку противника, возможно затаившегося в ночной тьме. Анжелика услышала голос рыцаря де Рогье, который вместе с фон Нессельхоодом возвращался с носа на корму:

— Брат, настало ли время надеть наши алые кольчуги?

— Еще нет, брат мой.

— Вы приказали разыскать предателя, который пустил с нашего корабля сигнальную ракету? — спросила их Анжелика.

— Да, но поиски ничего не дали. Как бы то ни было, нам придется отложить отправление правосудия. Посмотрите туда!

Далеко впереди виднелась линия огней.

«Берег материка или острова», — подумала Анжелика.

Но этот берег, казалось, подрагивал и качался. Огоньки мигали, придвигаясь все ближе. Первоначальная прямая линия превратилась в полукруг.

— Прямо по курсу — засадный флот. Тревога! — раздался громовой голос рыцаря фон Нессельхоода.

Экипаж занял свои места по корабельному расписанию и начал устанавливать на палубе шестифутовый палисад, предназначенный для нападения на более высокие суда.

Анжелика насчитала над водой около тридцати огоньков.

— Берберийцы! — тихо промолвила она. Проходивший мимо рыцарь де Рогье услышал ее.

— Да, — подтвердил он. — Однако не тревожьтесь — это всего-навсего флотилия из маленьких лодок, которые, безусловно, не посмеют нас атаковать, если только к ним на подмогу не идут военные корабли. Вместе с тем нет никаких сомнений в том, что это ловушка. Была ли она приготовлена для нас? Запуск ракеты, похоже, указывает на это... Но в любом случае мы не собираемся зря растрачивать боеприпасы на мелкие стычки, раз их можно без труда избежать. Вы слышали: наш командир не считает, что нам пришло время облачатся в боевые доспехи красные кольчуги рыцарей Мальтийского ордена. Нам надлежит надевать их, только когда начинается сражение, чтобы во время боя наши люди не теряли нас из виду. Барон фон Нессельхоод дерется как лев, но ему надо увидеть перед собой по меньшей мере три вражеские галеры, прежде чем он сочтет дичь достойной того, чтобы ради нес рисковать своими людьми и своим судном.

Хотя молодой рыцарь и уверял, что флотилия мусульманских лодок слабее их галеры, Анжелика видела, что лодки движутся быстрее, чем тяжелая, сильно нагруженная галера. На христианском корабле подняли все паруса, посадили на весла все три смены гребцов, затем он сделал разворот и ринулся в широкий разрыв еще не замкнувшегося кольца вражеского окружения.

Вскоре огни лодочной флотилии исчезли вдали. Немного спустя впереди показались темные очертания гористого островка. При тусклом свете фонаря двое рыцарей сверились с судовой картой.

— Это остров Кам, — сказал барон. — Вход в бухту здесь очень узкий, но с Божьей помощью мы попробуем через него проплыть. Это позволит нам набрать пресной воды, укрывшись от галер Бизерты или Туниса, которые наверняка не преминут соединиться со встреченной нами флотилией. Живущие здесь жалкие рыбаки не в силах помешать нам расположиться в бухте: в этих местах не только нет форта, но даже не сыскать одного-единственного мушкета. Заметив неподвижно стоящую в нескольких шагах Анжелику, фон Нессельхоод сердито добавил: — Не думайте, сударыня, будто в обычае мальтийских рыцарей вот так легко уклоняться от боя. Но я считаю своим долгом доставить вас в Бон, поскольку меня, кроме всего прочего, попросил об этом наш Великий магистр. Мы встретимся с нашими врагами на обратном пути.

Анжелика поблагодарила его, чувствуя, что у нее перехватывает горло. Паруса были свернуты, и немецкий рыцарь стал на корме к штурвалу, чтобы выполнять роли рулевого и лоцмана. Рассеянный ночной свет не проникал в чернильную тень от нависающих над морем утесов.

Анжелика чувствовала себя подавленной. Несмотря на удавшееся бегство от берберийцев, несмотря на то,

что на своем пути они, благодаря навигационным познаниям монаха-адмирала, каким-то чудом нашли остров с питьевой водой, ее томили тягостные предчувствия. Она по собственному опыту знала, что на Средиземном море невозможно напрямик, без помех добраться до цели, но сейчас малейшие промедления были для нее пыткой, и ей казалось, что ее нервы их не выдержат. Встревоженная словами Савари, она опасалась самого худшего. Она обводила взглядом черные скалистые берега, ожидая, что, пущенная рукой предателя, над ними вот-вот взорвется еще одна сигнальная ракета. Но ничего не случилось. Над галерой снова показалось слабо светящееся ночное небо; в спокойной воде отражались звезды. В глубине бухты можно было различить маленький пляж, за ним — несколько глинобитных лачуг и темную полосу пальм и олив, чье присутствие говорило о том, что здесь из земли бьет родник. Небо начало светлеть. Анжелика по-прежнему не уходила с палубы. «У меня не хватит духу заснуть, пока мы не прибудем в Бон», — подумала она.

Из предосторожности галера продолжала стоять у скал, защищающих вход в бухту, ожидая восхода солнца, чтобы плыть дальше. Барон фон Нессельхоод осматривал окрестности, и по мере того как утренний туман рассеивался, открывая все новые участки ландшафта, его голубые глаза пристально вглядывались в каждый куст, в каждую скалу. Со своим обращенным вверх настороженным лицом он напоминал сейчас громадного сторожевого пса, который готов искать подвох даже в самом лакомом куске и не желает ничего оставлять на волю случая. Анжелика смотрела на его неподвижную фигуру как зачарованная. Когда же он шевельнется, когда его тонкие, плотно сжатые губы произнесут наконец успокоительные слова? Его ноздри вздрагивали. Он явно к чему-то принюхивался. Впоследствии Анжелика

могла бы себе поклясться, что он учуял запах врагов прежде, чем увидел их самих. Губы барона выпятились, глаза сузились, превратившись в колющие щелки.

Он повернулся к Анри де Рогье, и оба рыцаря, не говоря никому ни слова, быстро прошли в кормовой шатер. Когда они оттуда вышли, на них были надеты красные кольчуги.

— Что случилось? — закричала Анжелика.

В светлых глазах рыцаря появился стальной блеск. Он выхватил из ножен шпагу, и из его груди вырвался древний, звучащий уже на протяжении многих веков боевой клич его Ордена:

— Сарацины! К оружию, братья!

В тот же миг, обрушившийся с высоких берегов острова град картечи, смел все живое с носовой части галеры. Наполовину перебитый волнорез сломался и повис.

Солнце уже взошло. Теперь среди кустарника стали видны блестящие пушки шести вражеских батарей. Все они нависали над галерой и были наведены в ее сторону. Под гром пушечных выстрелов рыцарь фон Нессельхоод отдал приказ развернуться и попытаться выйти через узкий пролив обратно в открытое море. Останься галера в бухте, ей неминуемо предстояло превратиться в изрешеченное картечью и ядрами вместительное кладбище трупов и пойти ко дну, ибо под огнем обстреливающих ее сверху мавританских орудий она была совершенно беззащитна.

Пока мальтийский корабль с трудом разворачивался, ратные служители вытащили наверх и установили на палубе переносные бомбарды. Другие солдаты ордена, вооруженные мушкетами, отвечали, как могли, на вражеский огонь, но им негде было укрыться, и их беспрепятственно косила картечь. Палуба уже была покрыта телами убитых и раненых. Из

ям, где сидели гребцы, неслись крики — два залпа ядер начисто опустошили одну из скамей.

Но вот мальтийские солдаты наконец навели бомбарду на одну из батарей противника. Грянул выстрел. С вершины утеса свалился негр и упал в воду. Одному из стреляющих из бомбард комендоров удалось зарядом картечи снять еще двоих из орудийной прислуги другой вражеской батареи, расположенной в дальнем конце бухты.

— Мы уложили уже троих! — закричал рыцарь де Рогье. — Нужно целиться в их пушки. Когда им будет не из чего стрелять, мы вернем себе преимущество.

Однако гребни окрестных скал оцетинились частоколом из бесчисленных темнолицых голов в белых тюрбанах или красных плоскодонных шапках. Эхо повторяло их внушающие ужас вопли:

— Бребре, мена перрос!^[40]

А выход из пролива преграждали десятки лодок, те самые небольшие фелюги, которые прошлой ночью, выстроившись в цепь, загнали галеру Мальтийского ордена в приготовленную для нее западню.

При первых же пушечных выстрелах Савари затащил Анжелику в каюту, где было безопаснее, но она упрямо не желала отойти от двери и продолжала смотреть на этот неравный и беспорядочный бой с таким видом, будто с ней случился приступ галлюцинаций.

Мусульман было в пять-шесть раз больше, чем обороняющихся христиан, а превосходство орденской артиллерии было, если не считать немногих метких выстрелов, бесполезно, так как двадцать четыре пушки, закупоренные на батарейной палубе галеры, годились лишь для стрельбы по целям, находящимся на том же уровне, и не могли стрелять снизу вверх. Солдаты, стреляющие из мушкетов, показывали чудеса меткости,

убивая преимущественно раисов, то есть мусульманских главарей, легко узнаваемых по их остроконечным шлемам, чтобы тем самым обезглавить нападающих. Но все было напрасно. Пиратов становилось все больше и больше, в исступлении боя они бросались с берегов в воду, чтобы достичь галеры вплавь, не дожидаясь, когда их подвезут к ней на баркасах. В бухту уже удалось проскользнуть нескольким лодкам, и они тоже выпустили в море стаи пловцов, у каждого из которых в тюрбан был воткнут обмазанный смолой горящий факел.

Отборные мальтийские стрелки перенесли свой огонь на них и многих перебили. Вода покраснела от крови. Но чем больше нападавших уходило на дно, тем больше появлялось новых. В скором времени все пространство у бортов галеры было густо усеяно вражескими лодками. Одни из них оставались на плаву, другие, перевернутые, погружались в воду, но со всех их на корабль лезли и лезли несметные полчища мавров, истошно вопящих и размахивающих факелами, кинжалами, саблями и мушкетами. Мальтийская галера походила на раненую чайку, которую со всех сторон атакует стая муравьев. Мавры взбирались на ее борта, крича:

— Аллах! Аллах!

— Да здравствует истинная вера! — отвечал рыцарь фон Нессельхоод, пронзая шпагой первого полуголого араба, который ступил на палубу. Но за ним следовали все новые и новые. Двое рыцарей, окруженные несколькими ратными служителями, не переставая отбиваться шпагами, отступили к подножию гот-мачты, где все еще висел наказанный юноша-мавр.

Всюду шел рукопашный бой. Никто из нападавших не помышлял о грабеже, а только, о том, чтобы перерезать побольше оказавшихся перед ним врагов. Охваченная ужасом, Анжелика увидела, как один из

торговцев кораллами схватился с двумя молодыми маврами. Сплетясь в единый клубок, они с остервенением кусали и душили друг друга. Это было похоже на драку взбесившихся собак.

Из всех обороняемых позиций только одна — у подножия грот-мачты — являла собой пример порядка. Оба рыцаря сражались как львы. Перед ними в толпе атакующих зияли два пустых полукруга, обрамленных пестрыми брустверами из нагроможденных мертвых тел, и, чтобы приблизиться к мальтийским рыцарям, нужно было сначала оттащить в сторону трупы. Даже самые отчаянные из мавров начали было отступать перед этим яростным сопротивлением, когда меткий выстрел целившегося с кормы стрелка ранил барона фон Нессельхоода, и он как подкошенный рухнул на палубу. Рогье нагнулся к нему, и в тот же миг удар кривой мавританской сабли отсек ему пальцы.

Торговец кораллами, вырвавшись из рук одержимых юнцов, бегом спустился по трапу, ведущему в каюту, и втолкнул Анжелику внутрь, где находился его товарищ, а также Савари, голландский банкир и испанский студент.

— На этот раз все кончено, — сказал он. Рыцарей разбили. Нас всех захватят в плен. Сейчас самое время выбросить наши бумаги в море и переодеться, чтобы наши хозяева не узнали нашего настоящего положения в обществе. Это особенно относится к вам, юноша, — продолжал он, обращаясь к испанцу. — Молите Пресвятую Деву, чтобы они не прознали, что вы сын офицера из гарнизона в Боне, не то они сделают вас заложником, и, как только под испанскими стенами будет убит очередной мавр, они пошлют вашему отцу в подарок вашу голову, а к ней в придачу — еще кое-какую часть тела.

Тем временем оба торговца, банкир и студент, ничуть не стесняясь присутствия дамы, торопливо

сдирали с себя свои одежды, сворачивали их в тюки, вместе с документами и выбрасывали через иллюминатор за борт, одновременно наряжаясь в извлеченные из какого-то сундука мешковатые отрепья.

— Тут нет ни одного женского платья, — сокрушенно сказал один из торговцев. — Сударыня, эти грабители сразу же пойму! по вашему туалету, что вы занимаете высокое положение в обществе. Одному Богу известно, какое колоссальное состояние они потребуют у вас в качестве выкупа!

— Ну, а мне ничего не нужно, — сказал Савари, который, аккуратно завязав свой мешок с палеонтологическими костями и взяв в руку зонт, спокойно ждал дальнейшего развития событий. — Тем, кого вы называете «они», всегда поначалу хочется выбросить меня за борт — до того жалкой добычей я им кажусь.

— Что мне делать с моими часами и золотом? — спросил голландский банкир, чувствуя себя чрезвычайно неловко в тех драных обносках, которые должны были ввести разбойников в заблуждение относительно его рыночной стоимости.

— Делайте как мы — проглотите, что сможете, — сказал один из торговцев.

Его товарищ, морщась и икая, уже заглатывал пистоль за пистолем, содержимое своего кошелька. Не желая от него отставать, испанский студент проглотил свои кольца. Рассудительный банкир наблюдал за этим лихорадочным пожиранием золота с видом крайнего неодобрения.

— Я предпочитаю бросить их в море!

— Вы не правы. Если вы бросите их в море, вам их уже никогда не вернуть. А если вы их проглотите, то сможете получить их обратно.

— Как? Каким образом?

В это время на верхней ступеньке трапа показался огромный негр с угольно-черным лицом. Он потрясал широкой кривой саблей и не менее устрашающе вращал похожими на белые костяные шары глазами. Таким образом, последний вопрос остался без ответа. Банкир был взят в плен с золотом в руках, что тут же лишило его всех выгод от переодевания.

Глава 25

Разноголосые вопли сменились тишиной, нарушаемой только стонами раненых.

Захваченных в плен пассажиров вытолкнули на верхнюю палубу. Через пролив между скалами в бухту входили четыре низкобортные галеры с развевающимися на мачтах зелеными орифламмами и красно-белыми флагами Алжира. На корме первой галеры стоял раис-баши — командующий этим небольшим флотом. На нем был шлем с длинным острым верхом, похожий на те шлемы, в которых сарацины сражались с крестоносцами, и украшенная вышивкой джеллаба из тонкой белой шерсти. Раис-баши поднялся на борт мальтийской галеры. За ним следовали его офицеры: раис-эль-асса, то есть старший помощник, копа — писец, ваотоджи — главный комендор, в обязанности которого входили осмотр и регистрация повреждений захваченного мальтийского судна, и, наконец, ведающий учетом трофеев раис-счетовод. Последний скорчил недовольную мину, ибо счел, что осуществлявшие засаду фанатичные болваны чересчур сильно повредили эту превосходную галеру. Он высказал по этому поводу несколько язвительных замечаний, после чего приказал приступить к методичному составлению описи захваченных у врага ценностей.

Те из галерных рабов, которые прежде жили в Алжире, тут же получили свободу. Остальных перевезли на алжирские галеры. Мальтийский экипаж был закован в цепи. Анжелика видела, как мимо нее в ручных кандалах прошел окровавленный Анри де Рогье. За ним трое великанов-мавров несли рыцаря фон Нессельхоода, тоже скованного, несмотря на его

страшные, непрерывно кровоточащие раны. На палубу галеры взбиралась партия янычар, чтобы занять место экипажа.

Пленных пассажиров подвели к раису-баши Али-Хаджи. Он не дал ввести себя в заблуждение их унылым, постным физиономиям. Первым делом он внимательно осмотрел их руки, проверяя, соответствует ли их вид тем занятиям, которыми пленники, по их словам, зарабатывали на жизнь. Само собой, руки банкира ничуть не походили на руки портного, за которого он себя выдавал. Его украшенные мелкими бриллиантами часы, которые берберийские офицеры благоговейно рассматривали, передавая из рук в руки, также многое говорили о возможных размерах его выкупа. Победителей не очень рассердил его категорический отказ назвать свое имя, местожительство и национальность. Это у него пройдет, когда к нему применят соответствующие средства. Торговцы кораллами с видом самого неподдельного чистосердечия признались, что они являются «выслужившимися из солдат офицерами», каковое скромное звание подразумевало, что никаких богатств за свою «военную карьеру» они себе выслужить не могли.

Вид Савари сперва вызвал разочарованные гримасы, а затем — взрыв безудержного смеха. У него пощупали бока, осмотрели потертую материю его платья. Содержимое мешка, который он прижимал к сердцу, повергло пиратов в крайнее изумление, смешанное с легким суеверным страхом. Какой-то остряк, по-видимому, высказался в том духе, что мешок и его хозяина можно было бы приберечь для отощавших алжирских собак. В итоге Савари отодвинули подальше.

Внимание разбойников полностью сосредоточилось на Анжелике. Темные глаза алжирских офицеров рассматривали ее с любопытством, к которому

присоединялось почтение и даже восхищение. Берберийцы обменялись между собой несколькими словами, и раис Али-Хаджи сделал ей знак выйти вперед.

Для тех, кто отваживался на морские путешествия, берберийский плен был исходом столь частым, что Анжелика была к нему внутренне готова. Она уже все обдумала и приняла решение. Она не станет ничего скрывать. Чтобы во что бы то ни стало вернуть себе свободу, она откровенно расскажет о своем богатстве и сыграет на том, что она — жена, разыскивающая своего мужа. Алжирцы не были необузданной, недисциплинированной вольницей, нападающей на корабли, жгущей и насилующей единственно из любви к войне и ради своих удовольствий. В своем разбойном «промысле» они подчинялись довольно строгим законам. Добыча непременно подлежала дележу, и все трофеи: от последнего клочка парусины до капитана захваченного судна — учитывались и заносились в реестр, дабы затем обратить их в звонкую монету. Когда дело касалось женщин, и особенно белых европейек, добычи редкой и очень ценной, корыстолюбие, как правило, брало верх над сластолюбием.

Анжелика назвала корсарам свое имя, то имя, которое она скрывала многие годы. Она — супруга знатного французского сеньора Жоффрея де Пейрака, который ожидает ее в Боне и, несомненно, вступит с алжирцами в переговоры относительно ее выкупа. От мужа к ней приезжал посланец, их единоведец Мухаммед Раки, который, по-видимому, находится сейчас среди пленников и который засвидетельствует истинность ее слов.

Переводчик перевел. Лицо раиса было бесстрастно. Он приказал привести оказавшихся на мальтийской галере мусульман. Анжелику мучил страх — а что, если

Мухаммед Раки был ранен или убит во время боя? Однако она увидела его целым и невредимым и показала его Али-Хаджи, после чего был отдан приказ содержать его отдельно. После мусульман наступила очередь пленных христиан. Их перевезли на одну из берберийских галер и загнали на тесную корму, где уже были свалены как попало раненые из мальтийского экипажа. Оба рыцаря сидели на палубе, прислонясь к бортовым поручням. Их лица были обезображены коркой запекшейся крови. Солнце, теперь уже стоящее в зените, со всей силой обрушивало на них свой безжалостный жар.

Анжелика окликнула охраняющего их негра и с повелительным видом дала ему пенять, что умирает от жажды. Тот передал просьбу пленницы своему начальству, и раис Али-Хаджи тотчас приказал принести ей кувшин воды. Нисколько не заботясь о том, как будет воспринят берберийцами ее поступок, Анжелика опустилась на колени рядом с бароном фон Нессельхоодом, дала ему пить, а затем осторожно обмыла его иссеченное саблями лицо, в то время как рыцарь де Рогье, дождавшись своей очереди, утолял жажду. Раис не вмешался. Раб-христианин, который принес кувшин с водой, наклонился и тихо сказал:

— Если это может вам как-то помочь, мессир рыцари, то я вам скажу, что мое имя — Жан Диллуа. Я француз из Мартига и уже десять лет как нахожусь в рабстве в Алжире. Мне здесь доверяют. И я должен вам сказать вот что: алжирский адмирал Меццо-Морте знал, что вы плывете в Бок, и подготовил ту засаду, в которую вы попали.

— Он не мог этого знать, — проговорил немецкий рыцарь, с трудом шевеля разрубленной, губой.

— Он знал, мессир рыцарь. Вас предал кто-то из ваших людей. Нанесенный плашмя удар саблей заставил раба замолчать.

Взяв с собой пустой кувшин, он ушел.

— Нас предали. Помните об этом, брат, когда вы снова увидите Мальту, — прошептал рыцарь фон Нессельхоод. Его голубые глаза обратились к темно-лазурному небу. — А мне Мальты уже не увидеть.

— Не говорите так, брат, — возразил Анри де Рогье. — Другим рыцарям тоже случалось становиться гребцами на галерах неверных, но теперь они свободны, а их мучители сидят в ямах для галерных рабов.

— У Меццо-Морте ко мне свои счета. Он поклялся, что четвертует меня, привязав к четырем галерам.

На лице Рогье промелькнуло выражение ужаса. Барон фон Нессельхоод положил свою закованную руку на руку молодого рыцаря.

— Помните также, брат мой, на что вы шли, когда произносили под знаменем Ордена свои обеты. Если рыцарь умрет в провинциальном командорстве, тихом пристанище для уставших воинов, — это не будет для него хорошей смертью. Есть смерть лучше — погибнуть со шпагой в руке на палубе своего корабля. Но истинно подобающая рыцарю смерть — это мученичество!

Оставив, позади окрашенные кровью воды бухты, маленький флот вышел в открытое море. Алжирские галеры, идеальные пиратские суда, скроенные так, чтобы быстро и незаметно нестись по впадинам между зелеными морскими валами, точно лисица по ложине, имели низкие борта и узкие корпуса. Заняв на такой галере свое место, никто не должен был покидать его, чтобы ненароком не нарушить ее равновесия и не уменьшить скорости хода. Одни только галерные приставы — негры и мавры — бегали взад и вперед по продольному мостику и хлестали бичами по спинам галерных рабов-христиан. И у гребцов, и у надсмотрщиков поменялся цвет кожи, но вокруг опять

было все то же море с его нескончаемой круговертью приключений.

Али-Хаджи то и дело поглядывал в сторону Анжелики. Она догадывалась, что он беседует со своим писцом именно о ней, однако не понимала, что они говорят. Старый Савари умудрился незаметно оказаться рядом с ней.

— Я не знаю, подтвердит ли Мухаммед Раки мои слова, — сказала Анжелика. — А мой муж — что он обо всем этом подумает? Сможет ли заплатить за меня выкуп? Придет ли мне на помощь? Я ехала к нему, но я понимаю, что ничего о нем не знаю. Раз он долгое время жил в Берберии, то он сумеет лучше, чем кто-либо другой, вести переговоры с захватившими нас пиратами. Как вы считаете — правильно ли я поступила, назвавшись госпожой де Пейрак?

— Во всяком случае, это не ошибка. Ситуация была достаточно сложной, так что не терзайтесь — как бы то ни было, вы не могли запутать ее еще больше. Если же вам посчастливится : напасть на исламских законников, то в качестве замужней женщины вы по крайней мере сумеете избежать самого худшего — покушений на вашу честь. Коран запрещает правоверным сожительствовать с женщиной, у которой есть муж, ибо грех прелюбодеяния осуждается очень сурово. Между прочим, я слышал, что сказал раис, когда вас к нему привели: «Это она?» — «Да, она». — «Тогда наша задача выполнена. Меццо-Морте и Осман Ферраджи будут довольны».

— Савари, что это значит?

Савари недоуменно пожал плечами.

Дул сильный ветер, но солнце палило во всю. Анжелика, чувствуя ломоту во всем теле от сидения в неудобной позе прямо на голых досках палубы, пыталась заслонить лицо от обжигающих лучей. Это

внезапное пленение, когда она была так близка к желанной цели, — нет, этого не может быть, это слишком несправедливо! Ее восставший из мертвых супруг уже был совсем рядом, но судьба со злобной насмешкой опять уводила ее в другую сторону — как же все это походило на тщетные и изнуряющие поиски из призрачного мира снов!

Ночью алжирские талеры прошли мимо Бона. Анжелика, не спавшая и считавшая на небе звезды, догадалась, что за город они миновали. Разум ее опять взбунтовался, не желая смириться со случившимся. Как это глупо и как невыносимо — быть от него так близко и все же не встретиться! Затем в ее сердце снова затеплилась надежда. Ведь в конце концов ничто не потеряно, а лишь отодвинулось на время. Находящийся в Алжире берберийский адмирал — ренегат итальянского происхождения, тот самый знаменитый Меццо-Морте. Она сможет с ним объясниться, а Жоффрей поспешит к ней на выручку, ибо она не сомневалась, что он стал здесь человеком влиятельным, если не богатым. Потом Анжелика уснула, и ей приснилось, будто она слышит его неровный шаг, гулко отдающийся в мощенном каменными плитами длинном пустом коридоре. Но звук этих шагов к ней не приближался. Она напрасно напрягала слух. Он уходил все дальше и дальше, пока не растворился в глухом рокоте моря.

**ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ВЕЛИКИЙ ЕВНУХ**

Глава 1

Алжир просыпается. Солнечные лучи золотят стены двух старых испанских башен, напоминающих о временах иберийского владычества, которое в XVI веке сменилось господством пришельцев из Азии — турок. Заря освещает нежно-зеленые и светло-серые верхушки высоких четырехугольных минаретов, чей вызывающе костистый, своевольный вид так не похож на обычную приятную округлость минаретов Востока. Паша Блистательной Порты Сали Хасан в который раз повторяет себе, что ему не нравятся эти алжирские минареты, Они слишком напоминают здешних горожан, угловатых, вечно готовых учинить бунт алжирцев, и еще больше — их раисов-ренегатов, которые потеснили здесь милую сердцу восточную праздность, принеся с собой рвение, предприимчивость и страсть к наживе, присущие христианским народам Севера. Да будут прокляты калабриец Эндж-Али, и венецианец Али-Бичин, и фламандец Увер, и ларошелец^[41]. Сулейман, и датчане Симон Дансат и Эрик Янсен, и англичане Сэнсон и Эдвард, и самый худший из них всех — Меццо-Морте, еще один итальянец из Калабрии. Это они, ренегаты, превратили ленивых мусульман в алчных и неутомимых морских орлов и пристрастили к пиратскому промыслу даже самих турецких янычар. В прошлом году пашу Алжира Сали Хасана чуть было не убили его собственные войска — и только за то, что он побуждал их удовольствоваться положенным им жалованьем. Пришлось уступить и позволить им пуститься в плавание в качестве волонтеров, чтобы попытаться счастья на море.

Однако паша Сали Хасан, уполномоченный великого турецкого Дивана в этой варварской крепости Алжир,

утешает себя, вспоминая, что, с другой стороны, именно они, ренегаты, сделали из Алжира великую корсарскую цитадель. А разве одна восьмая часть награбленных богатств не принадлежит по праву самому паше? Он приобрел свою должность ценой дорогих подношений и за отведенный ему короткий трехлетний срок должен возместить понесенные расходы и составить себе состояние. Если за это время его не зарежут и не отравят, то через три года он снова окажется в Стамбуле в привычной обстановке беспечной роскоши. Меццо-Морте правильно делает, что непрестанно вооружается, подстрекает раисов к набегам и муштрует своих воинов и матросов. Весь город живет только для корсаров и за счет корсаров. В Алжире почти нет промышленности и торговли, не зависящих от морского разбоя. Если бы он вдруг прекратился, население буквально умерло бы с голоду. Сам паша, лишившись самого важного источника своих доходов, не смог бы даже выплатить месячного жалованья янычарам. Разразился бы мятеж, итогом которого стало бы убийство самого Сали Хасана и свержение турецкой администрации в Алжире. От пиратского промысла зависит поддержание общественного порядка и жизни ста тысяч жителей Алжира, от самого убогого феллаха до высшего сановника государства. А посему нужно все время грабить, грабить и еще раз грабить. Начинается новый день. Придут ли сегодня в гавань победоносные корабли с новыми трофеями? Паша Сали Хасан облизывает губы, думая о большом неаполитанском галионе, который Меццо-Морте захватил на прошлой неделе. На нем находились груз зерна, 10000 пар шелковых чулок, 20 ящичков золотой нити, 10 000 ящичков полупарчи, 76 пушек, 10 000 ядер и 130 пленников, из коих многие были людьми знатными и заплатят за себя огромные выкупы. Правда, такая удача выпадает не каждый день, но всегда можно надеяться.

Вот в чем коренится неуловимая притягательность каперства — в надежде на то, что тебе тоже повезет, что тебе тоже улыбнется удача.

Паша усаживается у окна своего дворца, стоящего над морем. И когда его пажы начинают локоть за локтем обматывать его высокочтимую голову зеленым муслином, приказывает подать себе свою подозрную трубу из оправленного в золото черного дерева и, приставив ее к глазу, всматривается в горизонт.

Осветив верхушки минаретов, на которых муэдзины монотонно выкрикивают утреннюю молитву, солнечные лучи ложатся на расположенные уступами плоские крыши домов. Теперь становится видно, как на крышах грациозно потягиваются изящные белые фигурки — ночью там спали женщины, спасаясь от невыносимой духоты своих покоев. Они лежали под звездным небом, с любопытством прислушиваясь к лаю голодных собак и крикам рабов-христиан, бранящихся и дерущихся друг с другом в своей тюрьме. Но сейчас уже светло, и стерегущие женщин евнухи торопят своих подопечных возвратиться на свое место, иными словами, — спуститься в сумрачные, зарешеченные глубины гаремов, прячущихся за стенами богатых домов алжирских горожан.

Эти дома построены возле моря, в западной части города. Это квартал моряков, владение могущественной корпорации корсарских раисов, называемой «таиф». Глядя в ту сторону из своей резиденции на вершине холма, турецкий паша чувствует некоторое беспокойство. Там живут командующий алжирским флотом Меццо-Морте и главные раисы: как те, которые еще выходят в море, так и те, кто, разбогатев, ушел на покой. Их соседи — это экипажи их кораблей и весь тот люд, что живет доходами от обслуживания корсарского промысла, — плетельщики канатов, судостроители, варщики смолы и дегтя, продавцы галет и соленой

рыбы и чуть дальше — торговцы рабами, скупщики трофеев и еврей-менялы, сидящие, скрестив ноги, перед своими столиками, на которых расставлены столбики пар^[42], пиастров, патагонов^[43] и золотых эку.

Лучи света проникают сквозь узкие оконца тюрьмы, где содержатся рабы. Это может быть тюрьма паши или тюрьма, принадлежащая Али Рами, тюрьма Корлурлис, или общая тюрьма всего бейлыка^[44], находящаяся за казармой янычар, или другая, собственность Али Арабаджи, расположенная рядом с мечетью. На своих тростниковых циновках или койках из неструганого дерева просыпаются рабы. Ночью им снились серое небо Англии или Нормандии, красная земля Испании, оливковые рощи Италии. Они открывают глаза и видят перед собой голые, равнодушные стены своих камер. Слово «бэнг» — так здесь называют тюрьму для рабов — происходит от «баньо», что по-итальянски означает «баня». Когда-то, очень давно, в Константинополе рабов запирали в стоящем особняком здании бани, но потом, за неимением такой большой бани, котораяместила бы многие сотни их рабов, горожане начали строить для их содержания особые тюрьмы. Однако название осталось прежним. Внутри тюрьма для рабов похожа на все остальные дома города Алжира — внутренний двор, окруженный галереей, над которой возвышается еще один этаж. Перегородки разделяют помещение на камеры, в которых могут содержаться от пятнадцати до двадцати человек. Здесь нет никакой мебели, кроме сделанных самими пленниками циновок и коек, а из утвари — только глиняные миски и кувшины, в которых хранят воду и готовят еду. Хозяин мало заботится о пропитании своего раба. На добывание пищи ему отводится два часа в день.

Надзиратель торопит невольников поскорее выходить на работу. Обыкновенно сей полезный служитель — это говорящий на всех языках ренегат. Должности надзирателя домогаются многие, потому что она приносит неплохой доход и не требует больших трудов. У надзирателя есть несколько помощников, так что его собственная роль сводится к немногому: поддерживать в тюрьме кое-какой порядок, требовать, чтобы раз в неделю галереи и комнаты убирались и белились известью, а также обеспечивать возвращение всех рабов на свои места к тому часу, когда подается сигнал о тушении огней и закрытии городских ворот. Кроме того, во время набора гребцов для корсарских судов надзиратель разбивает их на звенья и назначает каждому его скамью и место на ней, Он тщательно их осматривает, дабы удостовериться, что ни один из них не поражен заразной болезнью, и приказывает им вымыть и обрить все тело перед отплытием. Тогда же он раздает им по пять локтей холста, чтобы они сшили себе по рубахе и по паре штанов для работы на галере — только в этих случаях хозяин снисходит до того, чтобы снабдить своего раба одеждой.

В алжирских тюрьмах для рабов можно встретить людей самых различных национальностей и званий. Гибкий, изворотливый итальянец соседствует здесь с грубым, суровым московитом. Надменный и мстительный испанец презрительно отворачивается от англичанина, который в рабстве легко поддается меланхолии, Католики, лютеране, кальвинисты, английские пуритане, схизматики-православные — здесь представлены все ветви древа христианства. Среди невольников есть принцы и лакеи, торговцы и военные. Моряцкие шерстяные шапки и измятые, перепачканные смолой короткие штаны перемежаются с сутанами, с камзолами из грубого сукна, с вышитыми

безрукавками и разноцветными куртками выходцев из Албании или итальянских княжеств.

Свет занимающегося дня распространяется все дальше и дальше в центр города. Солнечные лучи подбираются к воротам Баб-Азум и озаряют высокую каменную стену. По всей ее высоте в кладку остриями вверх вделаны огромные железные крючья, напоминающие своей формой рыболовные крючки. Эта стена предназначена для совершения самой излюбленной жителями Алжира казни. С гребня стены жертву сбрасывают, вниз, на эти крюки, чтобы острие пронзило какую-нибудь — неважно какую — часть ее тела. В это ясное утро здесь агонизируют два человека. Они висят, подвязанные веревками за подмышки, а животы у обоих насквозь проткнуты крюками. Уже в третий раз над казненными восходит заря, принося с собой обжигающий жар солнца и медленное кружение крикливых и прожорливых чаек, которые уже выклевали им глаза.

Глава 2

На подходе к алжирской гавани плывущую из открытого моря галеру встретила внезапная тишина. Слышался только плеск разрезаемой форштевнем воды, которая постепенно становилась все спокойнее.

Анжелика распрямила затекшую шею и увидела, что лицо барона фон Нессельхоода обращено вперед.

— Алжир, — прошептал он.

В этот миг до них донесся шум города. Он посылал им свой громоподобный тысячеустый глас. Вот он появился между двумя увенчанными башнями дамбами белый и суровый.

Флагманская галера вошла в порт, таща за собой по волнам знамя Ордена святого Иоанна из Иерусалима. Ридом с поднятым на ее мачте вышитым золотом штандартом раиса Али-Хаджи развевалось множество вымпелов и два флага красный с белой эмблемой и зеленый с изображением полумесяца. С флагмана выстрелила пушка. Ей ответили орудия алжирских фортов. На пристани уже собралась толпа, выражающая пронзительными криками свое ликование.

Пленников начали сводить по сходням на пристань. Первыми шли двое мальтийских рыцарей в своих красных боевых кольчугах, за ними — матросы и солдаты и, наконец, — пассажиры. Вооруженные янычары отделили от них Анжелику, и отвели ее в сторону. Остальных, скованных по двое, под охраной победивших берберийцев, толкая, провели по сходням и повели к Дженине, резиденция наши, которому их надлежало представить для осмотра в первую очередь, дабы он мог отобрать для себя тех из них, кого пожелает.

Толпа напирала на пленников со всех сторон. Несмолкающий, пронзительный, многоголосый вопль рвался из глоток этих страшных, одетых во все белое существ с лицами цвета охры и жуткими, вращающимися глазами. Среди них там и сям мелькали землистые лица рабов-христиан, бородатых и оборванных, что есть мочи вопящих каждый на своем языке. Они выкрикивали свои имена в надежде на то, что среди захваченного в плен экипажа окажутся их земляки, которые смогут сообщить им что-либо об их семьях.

— Я Жан Парагю из Коллиура.... Вы знаете моих родных?

— Я Робер Тутэн из Сета...

Турецкие янычары с раскосыми глазами в украшенных перьями киверах размахивали бичами из бычьих жил, раздавая удары направо и налево. Между тем стоящее уже высоко в небе африканское солнце кончало раскидывать над городом шатер из своих слепящих золотых лучей.

Когда Анжелика была доставлена в батистан, ее отвели на второй этаж, в маленькую, темную, выбеленную известью комнату. Она скорчилась на полу в углу, слушая оглушительный шум, доносящийся снаружи. Немного спустя прикрывающая дверной проем занавеска приподнялась, и в комнату вошла смуглая, сморщенная как мушмула старуха мусульманка.

— Мое имя Фатима, — сказала она с приятной, полной сочувствия улыбкой, — но пленники называют меня Мирей-провансалка.

Она принесла две медовые лепешки, приправленную уксусом и слегка подслащенную воду и квадратный кусок кружев, чтобы защитить лицо от загара. Эта предосторожность несколько запоздала. Анжелика чувствовала, что ее лицо уже опалено солнцем, а лоб даже саднит от ожогов. Кроме того, ей

очень хотелось помыться. Ее платье было безнадежно испорчено соленой водяной пылью и расплавленной смолой с досок палубы.

— Я отведу тебя в баню после того, как продадут остальных рабов, — сказала старуха. — Надо немного подождать, потому что нельзя начать продажу до молитвы Эд-Дахр.

Она говорила на лингва-франка — жаргоне средиземноморских моряков и рабов, состоящем из испанских, итальянских, французских, турецких и арабских слов. Но мало-помалу в ее памяти всплыл ее родной французский. Она рассказала, что родилась в Провансе, а в шестнадцать лет поступила в услужение к одной знатной даме, жившей в Марселе. Сопровождая свою госпожу, плывшую к мужу в Неаполь, Мирей попала в плен к берберийцам. Поскольку она была просто служанкой, и — что самое главное — некрасивой, ее продали за несколько цехинов бедному мусульманину, а знатную даму приберегли для гарема какого-нибудь султана.

Теперь старая и овдовевшая Мирей-Фатима зарабатывала на жизнь, ухаживая за новыми пленницами, поступающими в батистан. Их владельцы, желающие, чтобы во время продажи их товар выглядел привлекательно, просили старуху оказать им услуги. Она купала, причесывала и утешала несчастных женщин, которые нередко прибывали в Алжир в самом плачевном состоянии из-за ужасов и лишений, испытанных во время плавания, и из-за страха перед своим новым положением рабынь.

— Как же я горжусь, что мне доверили тебя обихаживать! — воскликнула старуха. — Ведь ты — та самая француженка, за которую пират Рескатор заплатил тридцать пять тысяч пиастров и которая тут же от него сбежала. Меццо-Морте поклялся захватить тебя прежде своего соперника.

Анжелика смотрела на нее с ужасом.

— Это невозможно, — пролепетала она. — Разве Меццо-Морте мог знать, где меня искать?!

— О, Меццо-Морте знает все. У него всюду есть шпионы. Он и великий евнух марокканского султана Осман Ферраджи, приехавший на побережье для покупки белых женщин, снарядили экспедицию, чтобы захватить тебя.

— Но почему?

— Потому что о тебе идет слава как о самой красивой невольнице в Средиземноморье.

— О! Я хотела бы быть безобразной! — ломая руки, вскричала Анжелика. — Гадкой, страшной уродиной...

— Совсем как я, — сказала старая провансалка. — Когда меня захватили в плен, у меня только и было что мои восемнадцать лет и большая грудь. Я еще немного прихрамывала. Тот, кто меня купил, — мой муж — был местный ремесленник, гончар, который никогда не имел денег на наложницу. Я работала как вол, но мне так было лучше. Мы, христиане, не любим делить своего мужа с другой.

Анжелика провела рукой по своему ноющему лбу.

— Я не понимаю. Каким образом им удалось устроить эту ловушку?

— Я слыхала, что Меццо послал к тебе своего самого доверенного советника, Амара Аббаса, чтобы он убедил тебя плыть в такое место, где бы тебя можно было легко захватить.

Анжелика качала головой, боясь понять, что это означает.

— Нет... Ко мне никто не приезжал... Только бывший слуга моего мужа, человек по имени Мухаммед Раки...

Это был он, Амар Аббас.

— Нет, этого не может быть!

— Скажи, тот человек, который к тебе приезжал, был бербер с жидкой бесцветной бородкой?..

Анжелика не смогла выговорить в ответ ни слова.

— Погоди, — сказала старая невольница. — Мне пришла на ум одна мысль. Я только что видела Амара Аббаса — он был на внутреннем рынке батистана и разговаривал с Сади Хасаном, поверенным в делах здешнего паши. Я сейчас пойду посмотрю, там ли он еще, и покажу его тебе.

Через несколько минут она вернулась, неся в руке большое покрывало.

— Завернись в него. Закрой лицо так, чтобы были видны одни глаза.

Старуха повела Анжелику по крытой галерее, идущей вдоль внутренних стен второго этажа. Оттуда, двигаясь вдоль перил, обе женщины смотрели вниз, на квадратный двор батистана.

Торг уже начался. Новые рабы стояли раздетые догола. Их скученные тела, светлокожие и волосатые тела европейцев, резко выделялись на фоне белых джеллаб, оранжевых, нежно-розовых или ярко-зеленых длиннополых кафтанов, тугих кремовых тюрбанов, увенчивающих бронзовые, чеканные лица, мавров, и громадных тыквообразных сооружений из муслина, которые возвышались над более светлыми лицами турок. Справа на роскошных подушках сидели командиры городской стражи и предводители корпорации корсарских раисов, а также ушедшие на покой корсары: мавры и ренегаты. Удачные походы принесли этим старикам богатство, и теперь они наслаждались им, живя со своими непрерывно пополняемыми гаремами в загородных домах, стоящих среди обширных садов, где сотни рабов сажали апельсиновые деревья, оливы и олеандры.

В окружении негрят, плавно обмахивающих его большими опахалами на длинных ручках, на подушках восседал один из любимцев паши, его поверенный в

делах Сади Хасан. Он, богатые горожане и корсарские раисы были совладельцами этого маленького рынка.

— Посмотри на человека, который сидит рядом с Сади-Хасаном и что-то говорит, — сказала старая Мирей-Фатима.

Анжелика перегнулась через перила и узнала Мухаммеда Раки.

— Это он, — проговорила она.

— Вот он и есть Амар Аббас, советник Меццо-Морте.

— Нет, нет, — в отчаянии закричала Анжелика, — ведь он показал мне топаз и письмо.

Весь день она чувствовала себя обессиленной и подавленной, пытаясь найти объяснение случившемуся. Значит, Савари был прав, не доверяя посланцу-берберу? А где сейчас Савари? Она забыла посмотреть, был ли он в жалкой толпе рабов, которых выставили на продажу. Единственное, в чем она была уверена, это в том, что среди них не было двоих мальтийских рыцарей.

Мало-помалу в батистане воцарилась тишина. Покупатели разошлись по домам, уводя с собой своих новых рабов. Может быть, сегодня вечером голландский банкир выучится крутить ручку подъемной машины, качающей воду из колодца во дворе какого-нибудь феллаха...

На Алжир опускалась ночь. Среди ночного безмолвия мусульманского города только в одном месте не гас красноватый свет и не стихал шум. Исходящий оттуда гомон доносился даже до батистана. Мирей-Фатима лежала на циновке рядом с диваном, на котором пыталась уснуть Анжелика. Старая провансалка подняла свою морщинистую голову и сказала:

— Это таверна при тюрьме для рабов.

Желая убаюкать новую пленницу, она долго говорила об этом удивительном месте, где рекой текут вино и водка. Рабы приходят туда, чтобы обменять то,

что им удалось украсть за день, на малую толику пищи, а те, что больны или ранены, могут получить здесь помощь и уход.

А ближе к рассвету, когда масляные фонари начинают коптить и потрескивать, в таверне можно услышать самые увлекательные истории на свете. Датчане и гамбургцы рассказывают о том, как они охотились на китов у берегов Гренландии, о том, в какое время там показывается солнце и кончается длящаяся полгода ночь, голландцы говорят об Ост-Индии, Японии и Китае, испанцы грезят о красотах Мексики и богатствах Перу, а французы описывают Ньюфаундленд, Канаду или Виргинию. Потому что почти все рабы прежде были моряками.

Глава 3

На следующий день Анжелику вывели из батистана и отвели на пирс. Здесь она увидела раиса-баши Али-Хаджи, окруженного толпой мальчиков, вся одежда которых состояла из желтых шелковых набедренных повязок, в узлы которых у каждого был воткнут нож. На головах у детей были тюрбаны из такого же желтого шелка. Большинство из них были негры или арабы, однако у некоторых смуглый цвет кожи объяснялся только загаром, а у одного мальчика даже были голубые глаза уроженца севера и личико цвета хорошо подрумяненного пшеничного хлеба.

Когда они глядели на пленницу, в их взглядах читались презрение, чувство собственного превосходства и холодная ненависть. У Анжелики было такое ощущение, будто ее окружают львята или, скорее, свирепые молодые тигры. Рядом с ними арабский корсар, мужчина во цвете лет, казался существом приятным и приветливым.

У подножия пирса на волнах покачивался каик. На веслах сидели десять закованных в цепи гребцов, все со светло-русыми или рыжими волосами, очевидно русские. Среди них в ожидании приказа стоял невозмутимый надсмотрщик-турок, скрестив на груди мощные, мускулистые руки и держа наготове длинный бич. Один из мальчиков с акробатической ловкостью прыгнул на корму каика и взялся за штурвал.

Анжелика спустилась в лодку под высокомерными взглядами детей с ножами, усевшихся на края бортов, точно стая бакланов.

Куда плывет этот каик? Во всяком случае, не к пристани. Он двинулся в направлении открытого моря, обогнул пирс и затем, подгоняемый частыми взмахами

весел, помчался в сторону от Алжира, туда, где виднелся гористый мыс. Оттуда слышалось глухое буханье мушкетов, которому вторили более гнусавые звуки пистолетных выстрелов.

— Куда мы плывем? — спросила Анжелика.

Ей никто не ответил. Один из подростков плюнул в ее сторону, не попал и, ничуть не скрываясь, усмехнулся в ответ на угрожающее замечание раиса. Было похоже, что эти сорванцы никого не боятся.

По воде ударило несколько пуль, подняв фонтанчики брызг.

Анжелика нервно дернулась и посмотрела на лица своих спутников. Раис-баши даже не вздрогнул, однако, заметив вопросительный взгляд пленницы, любезно улыбнулся и с видом предупредительного и радушного хозяина повел рукой, словно приглашая ее на некое весьма занимательное зрелище. Обогнув мыс, они увидели перед собой две группы людей. Бородатые христиане, вооруженные саблями и мушкетами, защищали двухмачтовую фелюгу, между, тем как множество мальчиков в желтых тюрбанах, прыгнувших в воду с нескольких далеко отстоящих от фелюги лодок, плавали у самых ее бортов и старались ее захватить. Они ныряли, проплывали под ее днищем, чтобы вынырнуть возле менее защищенного места, карабкались на борта, как обезьяны, резали снасти и голыми руками дрались с рабами-христианами, уклоняясь от наносимых плашмя ударов саблями и стремясь победить противника в ближнем бою.

На высоком юте фелюги между двух пестро выряженных пажей стоял мужчина в короткой джеллабе и таком же желтом, как у юных пловцов, тюрбане и, внимательно следя за ходом сражения, руководил нападающими. Время от времени он хватал рупор и изрыгал в него поток ругательств на арабском, лингва-франка и итальянском. Брань была адресована

неумелым кадетам, которые позволяли сбрасывать себя за борт, а также тем, которые, изнемогая от ран или от усталости, не спешили снова броситься в атаку.

При виде боя львята-конвоиры из каика пришли в исступление. Торопясь вновь принять участие в схватке, они поскакали в воду, словно стая лягушат, и быстро поплыли к фелюге. Гребцы, чье внимание было отвлечено этим зрелищем, стали гребсти медленнее, но удар бича привел их в чувство. Каик понесся вперед и подплыл к корме фелюги.

— Я — сам Меццо-Морте, — сказал мужчина в желтом тюрбане, говоря по-французски с сильным итальянским акцентом.

Произнося эти слова, он гордо выпятил грудь под красной атласной джеллабой, делавшей его похожим на богатого горожанина из средних веков. Его длинноносые туфли без задников, отделанные золотом и серебром, еще более усиливали это сходство. Он был довольно приземист, и ни унизывающие его пальцы многочисленных перстни, ни сверкающие на тюрбане бриллианты не могли ввести в заблуждение относительно его истинного происхождения. Он вышел из самых низов общества, и под его крикливым нарядом принца из сказок «Тысячи и одной ночи» угадывался тот нищий калабрийский рыбац, грубый, недокормленный и жадный, каким он был в дни своей молодости.

Однако взгляд его черных глаз был пронизателен и исполнен едкой иронии. От тех времен, когда он был калабрийским рыбаком, у него в ухе осталась сережка в виде маленького золотого кольца. Анжелика вовремя вспомнила, что перед ней — великий адмирал Алжира, глава корпорации раисов и командующий самым грозным корсарским флотом Средиземного моря. Он мог диктовать свою волю здешнему паше, и от него зависел весь город. Анжелика присела в неглубоком реверансе, что доставило сей выдающейся личности очевидное

удовольствие. Он оглядел пленницу с выражением глубочайшего удовлетворения и, повернувшись к раису. Али-Хаджи, быстро заговорил. По их мимике и нескольким арабским словам, которые она понимала, Анжелика догадалась, что адмирал поздравляет Али-Хаджи с успешным выполнением данного ему поручения.

Ее охватила тревога — в этих многочисленных подмигиваниях Меццо-Морте ей чудилась куда большая угроза, чем в том оценивающем взгляде знатока, каким работороговец обыкновенно окидывает новую невольницу.

— Адмирал, — сказала она, именуя его тем титулом, который за ним признавали даже христиане, — прошу вас, скажите мне, что меня ждет. Примите во внимание, что я не пыталась обмануть ваших людей, назвавшись чужим именем, или утаить от них, что во Франции у меня есть крупное состояние. Я прошу вас также учесть, что я отправилась в это путешествие, чтобы разыскать своего мужа, который живет в Боне и сможет уладить вопрос о моем выкупе.

Меццо-Морте слушал ее речь, утвердительно кивая головой. Он все время щурился, едва ли не жмуря глаза, и, наконец, к крайнему изумлению Анжелики, прыснул и стал давиться от беззвучного смеха.

— Все это совершенно верно, сударыня, — сказал он, переводя дух. — Я чрезвычайно рад, что для получения вашего выкупа нам требуется всего-навсего переслать от вас письмо в Бон. Однако вполне ли вы уверены в том, что говорите?

Анжелика горячо заверила его, что говорит правду и что ей к тому же нет никакого смысла лгать. Если адмирал сомневается в истинности ее слов, он может допросить мусульманина по имени Мухаммед Раки, который вместе с ней находился на мальтийской галере. Этот человек был прислан к ней ее мужем из

Бона. — Знаю, знаю, — пробормотал Меццо-Морте, и в его насмешливом взгляде появилось что-то глумливое, почти зверское. — Вы знаете моего мужа? — спросила Анжелика. — В землях ислама его называют Джеффаэль-Кальдун.

Ренегат неопределенно покачал головой. Затем он снова разразился смехом, который тут же подхватили его два пажа в нарядах из фисташково-зеленого и малинового шелка. Адмирал отдал им короткую команду, и они, мчась со всех ног, принесли ему ларчик, полный рахат-лукума. Меццо-Морте набил им свой рот и с непроницаемым видом возобновил наблюдение за боем, который все еще продолжался на палубе. При этом он, не переставая, жевал сладости — чрезмерное пристрастие к ним он разделял со своим коллегой и противником, адмиралом французского флота герцогом де Вивонном.

— Адмирал, — настойчиво сказала Анжелика, трепеща от надежды, — я умоляю вас сказать мне правду! Вы знаете моего мужа?

Меццо-Морте вперил в нее свои черные глазки.

— Нет! — грубо ответил он. — И не смейте говорить со мной в таком тоне. Вы — пленница, не забывайте об этом! Мы захватили вас на галере Мальтийского ордена, государства более всех враждебного исламу. Сверх того, вашим судном командовал мой Злейший враг, барон фон Нессельхоод, который потопил 1050 моих лодок, 31 мою галеру, 11 других моих кораблей, 11 000 человек из их экипажей и освободил 15000 пленников. Однако вчерашний день принес мне большую удачу. Мы одним выстрелом убили двух зайцев ведь именно так, кажется, выражаются французы?

Несмотря на сильный акцент, его французский отличался богатством словаря и беглостью. Анжелика с трудом поспевала за смыслом его речи. Она начала с жаром объяснять, что оказалась на Мальте лишь

потому, что ее подобрала одна из галер Ордена, когда она была близка к гибели на терпящем бедствие злополучном баркасе, на котором она плыла из Кандии.

— Так вы плыли из Кандии? А что вы там делали?

— Примерно то же, что и здесь, — с горечью сказала Анжелика. — Я была захвачена в плен христианским пиратом и продана как рабыня. Но мне удалось бежать, — закончила она, с вызовом глядя на своего собеседника.

— Стало быть, вы и есть та самая француженка, которую Рескатор приобрел, заплатив безумную цену, достаточную для покупки двух галер, и которая в тот же вечер от него сбежала?

— Да, это я.

Неожиданно Меццо-Морте затрясся в припадке гомерического хохота. Он подпрыгивал, хлопал себя по ляжкам, а два его юных фаворита аккомпанировали этой буйной пляске, издавая пронзительный визг. Немного успокоившись, ренегат спросил, как она сумела ускользнуть от Волшебника Средиземного моря..

— Я подожгла порт, — почти не преувеличив, ответила Анжелика.

— Значит, это правда — рассказы о пожаре, про который они все кудахтали.

Глаза Меццо-Морте сияли нескрываемой радостью. Он спросил также, верно ли, что Рескатор «увел ее из-под носа» турецкого султана и рыцарей Мальтийского ордена, которые взвинтили цену до двадцати пяти тысяч пиастров.

И почему же вы не остались в Кандии, чтобы вкушать удовольствий, которые вам сулил этот проклятый колдун? Разве, выложив такие деньги, он не доказал, что осыплет вас богатыми подарками?

— Я не охочусь за богатством, — ответила Анжелика. — Я отправилась в плавание по Средиземному морю не за тем, чтобы сделаться

одалиской при христианском или мусульманском пирате, а за тем, чтобы разыскать моего мужа, с которым я была разлучена десять лет и которого считала давно умершим.

Меццо-Морте опять зашелся от смеха. Анжелику охватила ярость. Да что же с ним такое — рехнулся он, что ли? Или это она сходит с ума?

Ренегат все хохотал, хохотал до слез. Время от времени его веселье начинало было идти на убыль, но затем он будто вспоминал какую-то особенно уморительную деталь только что услышанного рассказа и снова раздражался безудержным смехом.

— Это та самая, — выдавливал он из себя, икая, — слышишь, Али-Хаджи, та самая!...

Арабский раис тоже смеялся, хотя и с большей сдержанностью.

Анжелика терпеливо повторила им то, что уже объясняла раньше и что, по ее мнению, могло заставить их вести себя более здраво. У нее есть деньги, сказала она, и она может вытребовать их из Франции, чтобы заплатить за себя выкуп. Алжирский адмирал с лихвой возместит все расходы на экспедицию, предпринятую для устройства ловушки у острова Кам...

Итальянец мгновенно оборвал свой смех и резко спросил:

— Значит, вы полагаете, что это была ловушка? Анжелика кивнула. Меццо-Морте поднял указательный палец и сказал, что за всю свою карьеру моряка и корсара впервые видит женщину, которая обладает способностью правильно рассуждать и не утратила ее, несмотря на волнение, вызванное пленом. — Да, Али-Хаджи, это действительно она. Та француженка, что свела с ума этого болвана д'Эскренвиля, который, как видно, не сумел с ней справиться, та, за которую Рескатор заплатил столько, сколько никогда еще не платили ни за одну рабыню, — и тут же ее лишился...

потому что она подожгла порт. Ха-ха! Он окинул Анжелику зорким взглядом, внимательно рассматривая ее фигуру в поношенном платье, ее покрасневшее от солнечных лучей лицо и растрепанные, спутавшиеся от ветра волосы. Она твердо выдержала его взгляд. Меццо-Морте был неотесанный мужлан, однако небо вместе с безошибочным моряцким чутьем подарило ему еще и способность верно оценивать людей, что весьма скоро позволило ему обрести над ними власть. Жалкий вид пленницы не обманул адмирала. Его черные глаза калабрийского бандита заблестели, как полированный гагат, рот открылся в свирепом, сардоническом оскале, так что стали видны белые зубы.

— Теперь я понимаю, — негромко проговорил он. — Это и впрямь та самая женщина, Али-Хаджи, та, что написала письмо, та, которую ОН купил в Кандии. Какая необыкновенная удача — это превосходит все мои ожидания! Теперь Рескатор у меня в руках, и ему придется смириться передо мной и согласиться на самые унижительные мои условия. Я отыскал-таки его уязвимое место. Оно то же самое, что и у всех этих олухов, — женщина. Ах, как же он нас подмял, ах, как он забавлялся, расстраивая нашу торговлю рабами! И Он уже считал себя здесь хозяином — еще бы, ведь деньги у него не иссякают никогда. Если бы не он, я бы сейчас был великим адмиралом султана всех султанов, но он очернил меня перед повелителем правоверных. Он пролезал в любые щели, раздавая золото и серебро полными пригоршнями, так что везде — от Марокко до Константинополя — все заделались его союзниками. Но теперь он будет в моей власти. Ему придется уйти из Средиземного моря. Слышишь, Али-Хаджи, он уйдет из Средиземного моря И НИКОГДА СЮДА НЕ ВЕРНЕТСЯ!

Меццо-Морте широко раскинул руки, словно впад в экстаз.

— И тогда ХОЗЯИНОМ СТАНУ Я. Я одержу победу над моим злейшим врагом Рескатором... Над моим злейшим врагом...

— Я вижу, этих злейших врагов у вас великое множество, — заметила Анжелика, не в силах скрыть иронии.

Ее сказанные оскорбительным тоном слова тотчас оборвали восторженный бред ренегата.

— Вот именно — множество, — холодно подтвердил он. — И скоро вы увидите, как я с ними поступлю. Черт возьми, я начинаю понимать, как вам удалось едва не довести до полного сумасшествия этого беднягу Эскренвиля, который и без того был слаб головой. Садитесь.

Анжелика скорее рухнула, чем села на указанную им зеленую бархатную подушку. Перед глазами у нее все плыло. Адмирал Алжира уселся рядом с ней по-турецки и, взяв ларчик с рахат-лукумом, предложил его своей пленнице. Ослабевшая и голодная, Анжелика с радостью приняла эту сделанную из водорослей сладость, которая в Кандии показалась ей очень противной. Она протянула к ларчику руку, но тут же ее отдернула, ощутив острую боль. На ее кисти алели четыре длинные кровоточащие полоски. Красные ногти одного из адмиральских любимцев пребольно ее оцарапали.

Этот инцидент вновь привел Меццо-Морте в хорошее настроение.

— Ах, мои милые ягнятки, — сказал он с похотливым смешком. — Для них непривычно видеть, как я сажаю рядом с собой женщину и проявляю к ней такой интерес, что даже готов разделить с нею лакомства, всегда предназначавшиеся только им. Что верно, то верно — для меня это необычно. Никаких женщин — вот принцип, на котором зиждется сила великих военачальников и великих евнухов. Женщина — это

беспорядок, слабость, путаница в мыслях, помрачение рассудка и, наконец, — источник самых худших глупостей, совершаемых мужчиной, у которого, не тяни его к бабам, было бы все, что нужно для победы. Однако тот способ, к которому прибегают евнухи, чтобы оградить себя от этой опасности, представляется мне чересчур радикальным. У меня иные вкусы.

Он снова засмеялся и погладил курчавую голову своего свирепого любимца, сильно покрашенного подростка-негритенка. Вторым его фаворитом был белый мальчик, черноглазый и тоже покрашенный. Скорее всего, он был испанец. Эти дети, похищенные из прибрежных поселений, должны были по доброй воле или по принуждению отречься от христианской веры и стать ренегатами, Прибегая то к ласкам, то к угрозам, их господин в конце концов всегда добивался такого отречения, ибо от обращаемого в ислам требовалось согласие. Никто не мог быть подвергнут обрезанию, не произнеся перед тем священной формулы: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его». После этого новообращённые мусульмане могли стать новыми Нарциссами и Паллантами^[45] при богатых раисах и пашах.

— Эти дети — фанатики, — продолжал Меццо-Морте. — Они умеют быть преданными и душой и телом. Если бы я им приказал, мои кадеты разорвали бы вас на куски, как голодные волки. Посмотрите, какие взгляды они на вас бросают. Когда они возьмут на бордаж христианское судно, они будут пить кровь христиан. Что поделаешь — ведь вино им запрещено!..

Анжелика слишком устала, чтобы выказывать отвращение. Меццо-Морте не сводил с нее своего тяжелого взгляда. Эта женщина только что смертельно его оскорбила, а он был не из тех, кто прощает обиды.

— Вы горды, — сказал он. — Я ненавижу гордость в женщинах так же, как ненавижу ее в христианах. Ни те, ни другие не имеют на нее права.

Неожиданно он снова рассмеялся. Его смех был исполнен злобы и долго не умолкал.

— Почему вы смеетесь? — спросила Анжелика.

— Потому, что вы горды и надменны, и потому, что один только я ЗНАЮ, ЧТО ВАС ЖДЕТ. Вот почему я так смеюсь. Ну что, понимаете?

— Должна признаться, что нет.

— Это неважно. Скоро поймете.

Глава 4

Следующую ночь Анжелика провела на борту одной из стоящих в гавани галер Меццо-Морте.

Явилась Фатима-Мирей и предложила свои услуги.

Анжелика отдала ей один из своих браслетов и попросила старуху остаться на ночь в ее каюте. Ей было не по себе от присутствия злобных и ревнивых кадетов в желтых тюрбанах, которые охраняли галеру. Старая провансалка легла на циновку, загородив дверь своим телом. Выбившаяся из сил Анжелика заснула как убитая. На следующий день старуха сошла на берег и вернулась только вечером, в сильном возбуждении. В городе царило ликование. Утром в гавань неожиданно вошли двадцать кораблей, которые считались погибшими. Это было все, что осталось от огромного флота, отпывшего из Алжира два года назад для экспедиции в самое большое на свете море, то море, к которому нужно идти под огнем испанских пушек через пролив между Сеутой и Гибралтаром. Дали великого океана поглотили берберийцев, но теперь они возвратились, насмотревшись удивительных вещей в краю туманов, из которых поднимаются ледяные горы. Они рассказывали о скованной льдом земле, где ничто не движется и где в бесконечной ночи в небе вертятся три солнца в розово-голубых ореолах. Множество кораблей погибло там от сатанинских бурь, когда все джинны ветров собирались вместе, чтобы раскалывать корпуса судов, словно ореховую скорлупу. И тем не менее, те берберийские моряки, что спаслись, привезли с собой семьсот рабов — все население колонии, которую учредил в Исландии датский король.

Весь Алжир явился посмотреть на эти существа с дальнего севера, с белой, как снег, кожей и волосами,

подобными лунному свету. Обнаженные, жмущиеся друг к другу женщины с развевающимися на фоне синего моря неправдоподобно светлыми волосами напоминали выловленных из родной стихии русалок. Но, описывая их Анжелике, старая провансалка скептически качала головой. Они курносые, говорила она, у них нет ни бровей, ни ресниц, а глаза гноятся и явно не приспособлены к слепящему африканскому солнцу. К тому же после кошмарного плавания они сделались тощими, как скелеты. Когда пройдет первый порыв любопытства, их не смогут продать даже по сотне патагонов^[46] за голову. Невозможно себе представить, чтобы добрый мусульманин, всегда немного суеверный, с охотой положил к себе в постель такую вот холодную, как ледышка, отупелую размазню. Мужчинам магометанской веры нужны женщины в теле, с горячей кровью, упруги ми мышцами и ненасытным темпераментом, никогда не устающие от любовных трудов, — словом, такие, какой в дни своей молодости была сама Фатима. Аллах свидетель — ее мужу приходилось так усердствовать, чтобы ее ублажить, что у него пропадала всякая охота бегать за другими. Да, она хорошо знает здешних жеребцов — они очень падки на белотелых и светловолосых женщин, однако не чересчур белотелых и не слишком уж белобрысых. Анжелика в точности соответствует их идеалу. Наверняка именно поэтому ее почтили тут особым обхождением, отчего чуть было не разгорелась ссора между алжирскими раисами и турецкой администрацией. Но в это время возвратились храбрые мореплаватели, побывавшие в Исландии, и отвлекли внимание на себя. Фатиме очень хотелось бы узнать, кто же то важное лицо, для кого Меццо-Морте предназначил свою пленницу.

— Меня не продадут, так как я должна заплатить выкуп, — твердо сказала Анжелика.

— Одно другому не мешает, — наставительно заметила старая вероотступница.

На следующий день в городе начались приготовления к какому-то большому празднеству. Быть может, она, Анжелика, знатная пленница великого адмирала Алжира, тоже должна будет на нем присутствовать? Она не находила себе места от нетерпения — с калабрийским ренегатом она больше не виделась, а между тем ей хотелось наконец точно узнать у него, какую участь он ей уготовил. Здесь, на этом похожем на дворец корабле, ее стерегли еще крепче, чем в тюрьме, расположенной на берегу. Меццо-Морте хвалился, что конструкцию этого судна он придумал сам, взяв от итальянского галиота большую плотность вооружений и мощную артиллерию, от старинной галеры — ее восемь пар весел, а от алжирского шебека — его низкие борта, хотя, в отличие от шебеков, у адмиральского корабля было не три, а две мачты.

При всем его сходстве с плавучим дворцом, это был прежде всего мощный военный корабль. К нему была придана фелюга для проведения учений. И днем, и ночью оба судна охранялись удвоенными караулами из свирепых кадетов в желтых тюрбанах. Они находились в состоянии постоянной боевой готовности и могли сняться с якоря и отплыть в течение нескольких минут в том случае, если в городе вдруг вспыхнет бунт рабов, — а его всегда можно было ожидать, поскольку невольников-христиан здесь было тридцать тысяч, — или если синдикат раисов, могущественный «таиф», решив, что великий адмирал его больше не устраивает, попытается его свергнуть. Мог восстать и гарнизон турецких янычар, грозных воинов, которые уже много раз убивали либо пашу, либо дея, либо того, кто

занимал должность адмирала, дабы в очередной раз добиться повышения своего жалованья или права участвовать в дележе корсарской добычи.

Меццо-Морте правил на вулкане, и он это понимал. Собственно, именно поэтому он и продолжал оставаться у власти. Он предусмотрел все. Отгороженная алжирская гавань, сооруженная в XVI веке знаменитым Барбароссой^[47], стараниями адмирала была заминирована, и в случае чрезвычайной опасности караульные имели приказ взорвать ее, в то время как сам Меццо-Морте со своими нагруженными богатствами кораблями беспрепятственно выйдет в море и отправится искать счастья в других краях.

Сжавшиеся вокруг Анжелики клещи замыкал гористый полуостров, где размещалась крепость — штаб-квартира военного флота Алжира с бесчисленными пушками на стенах и огромным, гарнизоном. Сегодня утром у подножия цитадели былолюдно и оживленно. Две вереницы рабов, сопровождаемых стражниками, тащили туда брусья, мачты и доски и возводили из них некое подобие трибуны, как будто с крепостной стены зрителям предстояло любоваться регатой, проводимой в акватории алжирского порта.

На борту плавучей тюрьмы, где содержалась Анжелика, приготовления к празднеству также шли полным ходом. Все кадеты надели парадную форму: светло-желтые шелковые тюрбаны, такого же цвета шаровары, зеленые кафтаны, красные турецкие туфли, а вместо простого ножа у каждого красовался кинжал или сабля. Самые старшие были вооружены мушкетами с прикладами, инкрустированными золотом и серебром.

Некоторые из юных подчиненных Меццо-Морге перебрасывались шуточками, показывая друг другу на два больших баркаса, которые только что бросили

якорь в середине рейда. Мачты баркасов были соединены привязанным к их верхушкам горизонтальным брусом. Вместе две мачты и брус составляли остов некоего плавучего портика или триумфальной арки, через которую могли бы проплыть, идя в ряд, три лодки, однако не смогла бы протиснуться фелюга. Анжелика гадала, для встречи какого гостя предназначалось это незатейливое сооружение. Взгляды, бросаемые в его сторону кадетами в желтых тюрбанах, вселяли в нее тревогу. Наконец она увидела свою знакомую — старую рабыню Фатиму, которая весело поднималась на борт по трапу. Ее глаза возбужденно блестели над закрывающей лицо черной чадрой. Как она и предполагала, «именитую пленницу» тоже поведут смотреть на предстоящее зрелище. Впрочем, на него созвали всех рабов, даже тех, кто томился в «мазморе», подземной тюрьме, — а среди ее узников были и такие, кто не видел солнечного света уже много лет.

За Мирей-Фатимой следовали два невольника, несущие большой тюк. В нем Анжелика обнаружила платья, купленные ею на Мальте, и несколько других, еще более красивых, взятых алжирцами с захваченных и разграбленных европейских судов.

Вскоре молодая француженка уже сидела на одной из покрытых коврами, расположенных амфитеатром скамей, которые рабы установили утром на самой высокой части крепостной стены. Рядом с Анжеликой сидел великан-негр, одетый с царским великолепием и очень похожий на одного из трех волхвов с картинки в Евангелии. С его широких плеч красивыми складками ниспадал белый плащ из верблюжьей шерсти, на котором разными цветами, с преобладанием ярко-красного, густо-зеленого и черного, были вытканы и вышиты геометрические узоры. Из-под этого

необычного плаща, поражающего безупречным вкусом и строгой красотой, был виден длиннополый алый кафтан, застегнутый на множество маленьких пуговиц и расшитый золотыми арабесками. В соседстве с ярко-алой материей кафтана еще более темным казалось черное с синеватым отливом лицо негра, обрамленное высоким, туго намотанным тюрбаном из белого шелка, несколько витков которого проходили под подбородком. Тюрбан был стянут лентой золотого шитья, выглядевшей как диадема. Перехватив взгляд Анжелики, которая, словно зачарованная, смотрела на своего величественного соседа, негр встал и отвесил ей низкий поклон. У него было тонко очерченное лицо с часто встречающимся среди семитских народов орлиным носом и слегка впалыми щеками.

— Вы, кажется, любуетесь моим плащом, — сказал он.

Услышав эту фразу, произнесенную с некоторой запинкой по-французски, Анжелика вздрогнула от неожиданности, однако приятный, немного высоковатый голос негра произвел на нее успокаивающее впечатление.

— Да, — ответила она. — Ваш плащ похож на знамя крестоносцев.

Умное лицо негра слегка сморщилось, и его прихотливо изогнутые губы дрогнули в едва уловимой улыбке. Он снова сел на свои подушки, скрестив ноги по-турецки, и с приветливым, учтивым видом сказал:

— Я уже давно не говорил на вашем языке и надеюсь, что вы извините меня за мой французский, благородная дама... Я не говорил на нем с тех пор, как умер обучивший меня ему иезуит, человек весьма известный и высокоученый, которого Аллах позволил мне встретить, дабы я мог усовершенствовать мои познания... Среди христиан мы предпочитаем французов фанатичным испанцам. Их разум ближе к

той радостной мудрости, которая угодна в людях Аллаху... Вы говорите, что моя скромная джеллаба похожа на знамя крестоносцев? Между тем ее выткала для меня в Судане, в верховьях Нила, моя высокочтимая матушка. Она надела на ткацкий станок первую нить через восемь дней после моего рождения и начала ткать плащ, который я должен был надеть по достижении возраста мужчины. С незапамятных времен все суданские женщины умеют ткать эти узоры. Ваши христиане-крестоносцы скопировали их на своих знаменах, ибо были восхищены их красотой.

Анжелика кивнула. Ей было не до полемики по поводу происхождения восточных и западных ткацких узоров, однако личность суданца ее привлекала. Его нельзя было назвать ни красавцем, ни уродом. У него был мягкий, открытый взгляд, исполненный глубокой мудрости и доброжелательности и свидетельствующий о том, что этот человек не лишен чувства юмора. Чтобы не раздражать его, Анжелика заметила, что он очень хорошо говорит по-французски, и этим ограничилась.

— Я всегда получал удовольствие от бесед с французами, — сказал он. — Они люди приятные и не гордецы, однако у них есть один большой недостаток — они христиане.

Анжелика ответила на это, что христиане, напротив, убеждены, что большим недостатком язычников, иудеев и мусульман является то, что они не христиане, однако сама она, будучи женщиной, сознает, что религиозные споры не по ее части. Похожий на царя-волхва негр одобрил такое проявление скромности. Слабому женскому разуму не следует опрометчиво вторгаться в глубины богословия.

— Я желал стать священнослужителем, — признался он затем, — однако Аллах судил иначе. Он отдал под мое начало паству особого рода — и ею труднее управлять, чем овцами, которых я пас в детстве.

— Вы были пастухом?

— Да, прекрасная Фирузэ.

Анжелика содрогнулась. Неужели этот человек — ясновидец? Как он узнал, что некогда персидский князь, приехавший во Францию как посол, называл ее Фирузэ, что по-персидски означает «бирюза»? Эта мысль потянула за собой воспоминания о Версале, о ревности короля к шахскому послу, и Анжелика подумала о том, какая пропасть отделяет ее от совсем еще недавней жизни французской придворной дамы. У многих ли из рабов, что собрались внизу, на алжирской пристани, разрыв между их прошлым и настоящим так велик? Стоял удушающий зной. Толпа мавров в белых одеждах с рыжими пятнами выкрашенных хной бород и коричневыми — лиц все прибывала, словно океанский прилив. Впереди колышущейся линией двигались пленники-христиане, выделяясь своей серовато-бледной кожей и пестрыми отрепьями. Некоторые из них были закованы в цепи. Множество людей стояло также на крышах домов и в проемах между зубцами крепостных стен.

Воцарилась тишина. Из принесенного носильщиками портшеза с трудом вылез роскошно одетый толстяк и уселся на скамью трибуны. Его сопровождали два человека, вся одежда которых состояла из красных саванов, а снаряжение ограничивалось перекинутыми через плечо длинными черными шнурами.

— Это его превосходительство дей Алжира, — сказал гигант-негр, по-дружески наклонившись к Анжелике. — Он родственник турецкого султана и удостоен великой чести иметь в своей охране двух «немых из Серая», принадлежащих к знаменитой когорте душителей.

— Почему они называются душителями? Что они делают?

— Они душат, — ответил негр с легкой усмешкой, — поскольку именно в этом и заключается смысл их существования.

— А кто их жертвы?

— Этого никто не знает, потому что они немые. У них вырваны языки. Такие слуги очень полезны. У моего господина они есть тоже.

Анжелика подумала, что ее собеседник, скорее всего, высокопоставленный берберийский дипломат. Может быть, он посол Судана, о котором он упоминал в разговоре? Дей низко ему поклонился. Появившийся вскоре Меццо-Морте также согнулся в глубоком поклоне, приложив руку к тюрбану. Адмирал алжирского флота шествовал впереди самого паши, и эта наглость вызвала гримасу ярости на физиономии паши Сали Хасана, которому поневоле пришлось идти вторым.

Трое повелителей Алжира расселись на скамьях в окружении роты турецких янычар в алых кафтанах и тюрбанах, роты алжирской милиции, роты городской стражи и их командиров. Вслед за деем, пашой и адмиралом начали усаживаться богатые горожане — честные торговцы рабами — и самые видные из корсарских раисов.

Внезапно воздух огласился мощным многоголосым воплем. Взгляды зрителей обратились к берегу бухты, где появился отряд всадников-турок. Перед всадниками шли турецкие стражники с голыми икрами и обнаженными торсами, в красных ермолках на бритых головах, более похожие не на стражу, а на портовых грузчиков. В середине, окруженный со всех сторон конным и пешим конвоем, шел нагой, закованный в цепи пленник-христианин.

Анжелика похолодела от жуткого предчувствия. Несмотря на расстояние, она была уверена, что узнала

жалкого, нагого пленника, — это был рыцарь фон Нессельхоод, адмирал Мальтийского ордена.

Ожидающий у пристани большой каик принял на борт пленного мальтийского рыцаря, четырех окружающих его надзирателей, турецкую стражу и сверх того — двух галерных рабов, несущих тяжелые мотки каната. Каик подплыл к двум баркасам в середине рейда, и его пассажиры пересели в баркасы. Одновременно от стоящего на якоре вдоль берегов алжирской бухты флота отделились четыре галеры и, медленно скользя по волнам, приблизились к баркасам, словно четыре акулы, окружающие свою жертву. Анжелике вспомнились слова немецкого рыцаря: «Меццо-Морте поклялся, что четвертует меня, привязав к четырем галерам». И другие его слова: «Истинно подобающая рыцарю смерть — это мученичество».

Теперь смысл этих слов обретал леденящую ясность. Понятна стала и фраза, брошенная Меццо-Морте: «Скоро вы увидите, как я поступаю со своими врагами».

Анжелика с ужасом взглянула на ренегата. Тот смотрел на нее не отрываясь, и в его глазах светилось дьявольское злорадство. Значит, ее привели сюда, чтобы она присутствовала при страшной казни, совершаемой над человеком, которого она глубоко уважала и который принадлежал к одному из знатных дворянских родов христианского мира. Анжелика сделала над собой усилие, дав себе слово, что будет держаться твердо и не выкажет слабости на радость этим неверным. Ей хотелось завопить от ужаса и броситься прочь, но она была со всех сторон окружена стражей и посажена на такое место, откуда ей будут видны все подробности зрелища, которое начнется сейчас на лежащей внизу голубой арене.

Безупречно завершив сложный маневр, галеры встали к баркасам задом, остановившись от них на

расстоянии примерно тридцати туазов.

Теперь рыцарь фон Нессельхоод был подвешен к соединяющему мачты баркасов поперечному брусу. Он висел на веревке, привязанной к надетому на него кожаному поясу, словно марионетка на ниточке, а от его запястий и лодыжек, подобно нитям паутины, отходили канаты, прикрепленные к кормам четырех галер.

Зрители на пристани все как один тяжело задышали — объятая исступлением толпа под неусыпным присмотром многочисленных круглых глаз — жерл наведенных на берег крепостных пушек.

— Ля-илляхи-илла-Алла^[48]! — пронзительно понеслось к раскаленному небу.

Анжелика закрыла лицо руками.

Визгливые завывания арабских женщин и детей, часто и в такт хлопающих себя пальцами по губам, буравили воздух тысячами острых сверл.

— Хор адских цикад, — сказал евангельский волхв. Он улыбался.

Зрители на трибуне повскакали со своих мест. Для них это была не просто казнь, но еще и состязание — его выиграет та из четырех галер, которая первой оторвет от трепещущего человеческого тела, руку или ногу.

Напоминающие взбесившихся шмелей надсмотрщики носились взад и вперед по продольным мостикам галер, крича и хлеща бичами по голым, окровавленным спинам гребцов. Сегодня вечером их капитанам придется подсчитывать, сколько умерло за день галерных рабов.

Славящий Аллаха тысячеголосый рев звучал снова и снова, заглушая хриплый вопль четвертуемого:

— Господи! Господи! Смилуйся!

— Ля-илляхи-илла-Алла! — катилось в ответ.

— Господи, — молила Бога Анжелика, — Господи, ведь это ты сотворил людей!

Откуда-то издалека до нее донесся голос, спрашивающий:

— Разве религия христиан не обещает рай тем, кто умирает за свою веру?

Царственный негр был единственным, кто сохранил невозмутимость среди всеобщего неистовства. Он наблюдал какое-то время за ожесточенным состязанием галер, а затем незаметно обратил свой пронзительный взор к сидящей рядом с ним пленнице-христианке. Она не дрожала, не падала в обморок, но он не мог видеть ее лица, а только лоб и распушенные по плечам густые волосы. Она низко склонила голову совсем так же, как те библейские плакальщицы, которых идолопоклонники-христиане рисуют в своих молитвенниках, — его знакомый-иезуит оставил ему одну такую книжку.

Однако когда зрители издали торжествующий вопль и немного погодя — второй, пленница подняла голову и на глазах у всех неверных осенила себя крестным знаменем. Два юных кадета Меццо-Морте увидели ее жест и кинулись к ней, точно разъяренные волки. Но в эту минуту негр встал, выпрямился во весь свой огромный рост, выхватил кинжал и, сверкая глазами, властно приказал им немедленно вернуться на свои места.

Анжелика не видела этой короткой сцены. По воцарившемуся среди зрителей глухому и словно бы усталому молчанию она поняла, что все кончено. Четыре галеры уходили в открытое море, таща за собой в смешанных с кровью кильватерных струях куски разорванного тела рыцаря-мученика. Совершив короткое триумфальное плавание в ту сторону, где лежит Мекка, место паломничества правоверных, они вернутся в тот час, когда муэдзины на верхушках

минаретов будут призывать мусульман склониться в молитве.

Меццо-Морте подошел к Анжелике и встал прямо перед ее глазами. Она смотрела мимо него, провожая взглядом удаляющиеся галеры. Лицо пленницы было бледно, но он ожидал увидеть ее куда более потрясенной и подавленной, и то, что эти ожидания не оправдались, привело его в ярость.

Губы ренегата искривились в хищном оскале.

— А теперь займемся вами, — сказал он.

Глава 5

Вверх по дороге, ведущей от квартала моряков к одним из ворот Алжира, двигался маленький кортеж. С одной стороны к дороге примыкала городская стена, с другой — скопление лачуг, прорезанное узкими расщелинами улиц, где уже начали сгущаться вечерние сумерки. Анжелика брела, спотыкаясь время от времени об острые камни. Впереди нее шагал Меццо-Морте в сопровождении своей неизменной охраны из кадетов в желтых тюрбанах. У ворот Баб-Азум процессия остановилась. Подошли офицеры городской стражи, чтобы поклониться великому адмиралу, который часто приходил проверить караулы у ворот. Но нынче вечером он явился не за этим. Было похоже, что он кого-то ждет. Вскоре с одной из городских улиц выехал всадник, за которым следовала пешая охрана из негров, вооруженных копьями. По многоцветному плащу всадника Анжелика узнала в нем своего недавнего чернокожего соседа. Он соскочил с коня и поклонился Меццо-Морте, который ответил еще более низким поклоном.

Обращаясь к царственному суданцу, возвышавшемуся над ним на целых три головы, итальянский ренегат держался очень почтительно. Говоря по-арабски, они обменялись приветствиями и многословными уверениями в своих дружеских чувствах. Затем оба одновременно повернулись к пленнице. Держа руки ладонями вверх, негр отвесил ей поклон. Глаза Меццо-Морте сияли насмешкой и злорадством.

— Чуть было не забыл! — воскликнул он. — Чуть было не забыл изысканных обычаев французского двора. Сударыня, я не представил вам моего друга, его

превосходительство Османа Ферраджи, великого евнуха гарема его величества султана Марокко Мулея Исмаила.

Анжелика взглянула на великана-негра больше с удивлением, чем со страхом. Значит, он евнух? Да, действительно, она могла бы догадаться об этом и раньше. Но она приписала некоторую женственность его черт и его слишком благозвучный голос тому, что в его жилах течет семитская кровь. По его безволосому подбородку также нельзя было определить, что он кастрат, поскольку у большинства негров борода начинает расти только в старости, а высокий рост суданца создавал впечатление мощи и величавости, что совсем не вязалось с тем представлением, которое Анжелика составила себе о евнухах. К тому же он казался менее толстым, чем обыкновенно бывают евнухи, которым их жирные, отвислые щеки и двойные подбородки придают неприятное сходство с располневшими сорокалетними женщинами. Именно так выглядели шесть негров его личной охраны.

Стало быть, перед ней сам Осман Ферраджи, главный евнух марокканского султана. Анжелика много о нем слышала, но сейчас она уже не помнила, где и от кого. Она была настолько утомлена, что у нее не было сил напрягать память.

— Мы ждем еще кое-кого, — предупредил ее Меццо-Морте.

Он ликовал, явно наслаждаясь разыгрываемой комедией, в которой все участники исполняли роли, распределенные им самим.

— А, вот и он!

Пришедший был Мухаммед Раки. Он не удостоил Анжелику ни единым взглядом, однако пал ниц перед адмиралом Алжира.

— Теперь идем, — бросил Меццо-Морте.

Едва они вышли за ворота и очутились за пределами городских стен, как в глаза им брызнул алый свет солнца, заходящего за далекую цепь бурых и сиреневых холмов. Слева от едва различимой среди щебня тропинки высилась стена, справа уходил вниз крутой, короткий откос, переходящий в отвесный обрыв. Закат окрасил клубящиеся у его подножия тени в багровые тона, и Анжелике подумалось, что эта пропасть похожа на самую адскую бездну. Казалось, на всем этом месте лежит печать проклятия, и это впечатление еще больше усиливалось от беспрестанного кружения птиц: чаек, воронов и грифов-стервятников, оглашающих небо своими скорбными криками. Чем темнее становились вечерние тени, тем сильнее сердце Анжелики сдавливал холодный страх.

— Посмотрите туда!

Меццо-Морте показывал рукой на небольшую горку камней и щебня на склоне внизу. Анжелика посмотрела на нее, не понимая, что он имеет в виду.

— Смотрите, смотрите! — настойчиво повторил ренегат. Наконец она увидела — из-под груды камней торчала человеческая рука, белая рука европейца.

— Здесь покоится второй из рыцарей, командовавших вашей галерой, ваш соотечественник Анри де Рогье. Испанские мавры, бежавшие в Алжир из Андалузии и с берегов Тахо, привели его сюда и побили камнями в час дневной молитвы.

Анжелика перекрестилась.

— Перестаньте кривляться! — заорал ренегат. — Вы навлечете на город несчастье.

Он зашагал дальше, сочтя за лучшее не привлекать внимания пленницы ко второму холмику из белых камней, виднеющемуся несколько дальше. Под камнями лежало изуродованное тело юноши-испанца, пассажира мальтийской галеры. Меццо-Морте был лишь отчасти повинен в этих двух казнях. Их причиной стала ярость

испанских мавров, которые, узнав накануне, что на аутодафе в Гранаде инквизицией были заживо сожжены шесть мусульманских семей, требовали мщения. Им были выданы Две жертвы: молодой испанец и рыцарь Мальтийского ордена. Так для Анри де Рогье, беспечного младшего сына знатного семейства, бывшего пажа при французском дворе, и для студента-испанца начался мучительный путь через весь город к месту казни.

Предшествуемые своими хозяевами, которые купили их за день до этого и теперь собирали пожертвования для возмещения понесенных расходов, сопровождаемые бушующей толпой, осыпаемые бранью, избиваемые женщинами и детьми, несчастные пленники, раздетые до пояса, со связанными за спиной руками, были медленно проведены по улицам и выведены за ворота Баб-эль-Уэд, туда, где должна была совершиться казнь. К концу пути они уже мало походили на людей. Их разбитые в кровь, облепленные грязью и нечистотами лица, вырванные клочьями волосы, тела, сплошь утыканные острыми тростниковыми щепками, которые, развлекаясь, вонзали в них мавританские дети, являли собой страшный пример того, что способна сделать озверелая, упивающаяся своей свирепостью толпа с отданными в ее руки жертвами. Побивание камнями положило конец их мучениям.

Анжелика не знала всех этих подробностей, но она о многом догадывалась. Может быть, ее тоже ведут сейчас на казнь?

Наконец ее спутники остановились перед высокой крепостной стеной. По всей высоте в нее были с неравными промежутками вделаны железные крючья, похожие на гигантские рыболовные крючки. Сверху на их острия сбрасывали казнимых, и они, еще живые, корчились на крюках по нескольку дней. Сейчас здесь

висели два полусъеденных хищными птицами трупов, жуткие, ободранные человеческие останки, отбрасывающие безобразные тени на камни стены, позолоченные мягким светом заходящего солнца. Анжелика, смертельно уставшая от увиденных за день ужасов, отвела глаза.

— Посмотрите на них внимательнее! — сладким голосом произнес Меццо-Морте.

— Зачем? Может быть, вы и мне уготовили такую участь?

— Нет, — смеясь, ответил ренегат, — мне было бы жаль увидеть вас на одном из этих крюков. Я не считаю себя большим знатоком женской красоты, но уверен, что такую женщину, как вы, следует использовать для иных целей, нежели украшение алжирской стены, доставляющее удовольствие одним только воронам и бакланам. И все же присмотритесь получше к тем двоим. Один из них вам знаком.

У Анжелики мелькнуло страшное подозрение — неужели там висит Савари? Преодолев отвращение, она взглянула на стену и увидела, что оба казненных — мавры.

— Извините меня, но я не имею вашего опыта в созерцании трупов, — сказала она с иронией. — Что же касается этих двоих, то их вид не будит во мне никаких воспоминаний.

— Тогда я назову вам их имена. Тот, что слева, — это Али Мектуб, арабский торговец украшениями из Кандии, которому вы передали письмо для вашего мужа... Ага, я вижу, что «мои» трупы начинают вас интересовать. Не хотите ли узнать имя второго?

Анжелика пристально посмотрела в лицо Меццо-Морте. Он играл с ней, как откормленный кот играет с пойманной мышью. Казалось, еще немного — и он начнет облизываться.

— Так вот, второй — это Мухаммед Раки, племянник Али Мектуба.

Анжелика вскрикнула и повернулась к человеку, который явился к ней в Гостиницу Франции на Мальте.

— Я догадываюсь, о чем вы сейчас думаете, — сказал Меццо-Морте, — однако чудо объясняется донельзя просто. Перед вами шпион, которого я к вам подослал, мой советник Амар Аббас. Это, так сказать, «поддельный» Мухаммед Раки. Настоящий висит вон там.

Анжелика произнесла только одно слово:

— Почему?

— Как любопытны, женщины! Вам хочется объяснений? Что ж, я добрый правитель, и я вам их предоставлю. Не будем терять времени на описание обстоятельств, при которых письмо, врученное Али Мектубу, попало ко мне... Итак, я его читаю и узнаю, что некая знатная француженка разыскивает своего пропавшего много лет назад мужа и что она готова сделать что угодно и отправиться куда угодно, чтобы его найти. В моем мозгу зарождается идея. Я спрашиваю Али Мектуба, красива ли эта женщина, богата ли. Он говорит, что да. Все! Мое решение принято: я ее захвачу. Требуется заманить ее в ловушку, и приманкой послужит ее муж. Я допрашиваю племянника, Мухаммеда Раки. Он знал мужа этой дамы и много лет пробыл у него слугой в Тетуане, где этого человека когда-то купил один старый алхимик, сделавший его потом своим помощником и чуть ли не наследником. Запомнить его приметы было очень легко: лицо в шрамах, высокий, худой, смуглый. И в довершение всех удач он подарил своему преданному слуге Мухаммеду Раки фамильную драгоценность, которую его жена не может не узнать. Мой шпион внимательно выслушивает Мухаммеда Раки и оставляет драгоценность у себя. Итак, самое трудное в этом: деле

— вновь разыскать написавшую письмо женщину, которую тем временем могли продать. Но вскоре я узнаю, где она. Она прибыла на Мальту после того, как сбежала от Рескатора, купившего ее в Кандии за тридцать пять тысяч пиастров...

— Мне казалось, что этой детали вы не знали, пока ее не сообщила вам я.

— Нет, я ее знал. Но мне было так смешно слышать ее от вас... так смешно! Дальше все было просто. Я послал на Мальту своего шпиона под именем Мухаммеда Раки, и мы устроили засаду на острове Кам. Она удалась как нельзя лучше благодаря сообщникам, которыми мой шпион обзавелся на борту галеры. Среди них был и молоденький юнга-мусульманин. Как только почтовый голубь принес мне сообщение об успехе засады, я приказал казнить Али Мектуба и его племянника.

— Почему? — беззвучным голосом повторила Анжелика. — Потому что только мертвые всегда молчат, — с циничной усмешкой ответил Меццо-Морте.

Анжелику передернуло. Она испытывала к ренегату такую ненависть и презрение, что даже перестала его бояться.

— Вы низкий человек, — сказала она, — но прежде всего вы лжец! Зачем нужны эти измышления? Неужели вы думаете, что я поверю, будто ради поимки одной женщины, которую вы никогда не видели и величину выкупа которой невозможно было определить заранее, вы привели в движение целый флот из четырех галер и трех десятков фелюг и каиков и пошли на то, чтобы потерять в бою у острова Кам столько человек, что хватило бы на два экипажа? Кроме того, вы потратили не менее десяти тысяч пиастров на боеприпасы, не менее двадцати тысяч — на ремонт галер, по меньшей мере около пятидесяти тысяч — на вознаграждение раисам, которым эта экспедиция ничего существенного

не давала. В совокупности вы потратили что-то около ста тысяч пиастров — и все ради захвата одной-единственной пленницы? Я охотно верю в вашу жадность, но не в вашу глупость!

Меццо-Морте внимательно слушал ее, полузакрыв глаза.

— Откуда вам стали известны эти цифры?

— Ниоткуда. Я просто умею считать.

— Из вас получился бы хороший судовладелец.

— Я и есть судовладелица... У меня есть корабль, который я использую для торговли с Вест-Индией. О, я прошу вас: выслушайте меня! воскликнула Анжелика с жаром. — Я очень богата и могу... да, могу, хотя и не без труда, заплатить вам за себя колоссальный выкуп. Какую иную выгоду можете вы извлечь из вашей экспедиции, которая, по-видимому, была с вашей стороны ошибкой и о которой вы сами уже сожалеете?

— Нет, — промолвил Меццо-Морте, медленно качая головой, — Экспедиция не была ошибкой, и я ни о чем не сожалею.

— А я говорю, что я вам не верю! — снова вскричала Анжелика, давая волю своей ярости. — Если даже благодаря этой операции вы добились гибели двух мальтийских рыцарей, ваших, как вы изволили выразиться, злейших врагов, то это все равно не оправдывает всех ваших ухищрений. Ведь у вас даже не было полной уверенности в том, что я непременно поплыву в Бон. И еще — почему вам не пришло в голову вступить в сношения с моим мужем, чтобы наверняка заманить меня в вашу западню? Если бы не напавшая на меня вдруг глупая доверчивость, разве я удовольствовалась бы теми скудными доказательствами, что представил ваш шпион? Вместо этого я должна была бы почувствовать сомнения и потребовать показать мне собственноручное письмо моего мужа, в котором он звал бы меня к себе.

— У меня была такая мысль, но осуществить ее оказалось невозможно.

— Почему?

— Потому что он мертв, — глухо сказал Меццо-Морте. — Ваш муж или человек, которого вы приняли за своего мужа, умер от чумы три года назад. В Тетуане умерло тогда десять тысяч жителей, и в том числе ученый христианин Джеффа-эль-Кальдун, бывший хозяин Мухаммеда Раки.

— Я вам не верю, — сказала Анжелика. — Я вам не верю, НЕ ВЕРЮ!

Она кричала это ему в лицо, пытаясь воздвигнуть непреступную стену между своей надеждой и той пропастью, которую разверзали в ее душе произнесенные им слова. «Если я сейчас заплачу, я погибла», — повторяла она про себя.

Подростки-телохранители Меццо-Морте, при которых никто никогда не говорил с их командиром в таком тоне, возмущенно зароптали и схватились за кинжалы, готовые наброситься на дерзкую. Однако евнухи спокойно и решительно преградили им путь, и, оказавшись здесь в эту минуту зритель европеец, его глазам предстала бы удивительная картина: одинокая женщина стоит и кричит, окруженная персонажами из балета на восточную тему: черными стражами-евнухами и вооруженными подростками в желтых тюрбанах. А между тем надвинувшаяся со стороны моря синяя мгла уже окутала всю стену со страшными крючьями, и только на самом верху еще пламенеют последние отблески заката. — Вы сказали мне не все!..

— Вполне возможно, но больше я вам ничего не скажу.

— Верните мне свободу. Я заплачу вам выкуп.

— Нет! предложи вы мне все золото мира — я и тогда бы этого не сделал. Мне, как и другим, нужно нечто большее, чем богатство, — мне нужна власть. И

вы для меня — средство достичь ее. Поэтому захватить вас в плен было для меня неоценимой удачей... Вам незачем понимать, что я имею в виду.

Анжелика подняла глаза на стену. Вечер обволакивал ее тьмой, скрывая от взгляда острые крюки с их чудовищным грузом. Казненный Мухаммед Раки был единственным человеком, о ком Анжелика могла с уверенностью сказать, что он знал Жоффрея де Пейрака в его второй жизни. Но теперь он уже никогда не заговорит!

«Возможно, в Тетуане я разыскала бы людей, которые его знали, — подумала она, — но для того, чтобы поехать туда, я должна быть свободной...»

— А теперь я вам открою, какова будет ваша участь, — сказал Меццо-Морте. — Поскольку вы и в самом деле так красивы, как позволяла надеяться идущая о вас слава, я включу вас в число подарков, которые я через посредство его превосходительства Османа Ферраджи посылаю моему дорогому другу султану Мулею Исмаилу. Я передаю вас его превосходительству. Под его покровительством вы научитесь умерять свою гордость. Никто не умеет школить женщин лучше, чем евнухи. Вот институт, которого очень не хватает в Европе...

Анжелика его почти не слышала. Смысл слов ренегата дошел до нее лишь тогда, когда она увидела, что он со своим эскортом удаляется. На ее плечо легла черная рука великого евнуха.

— Соблаговолите следовать за мной, благородная дама.

«Если я сейчас заплачу, я погибла... Если я сейчас закричу, начну вырываться, то я погибла... меня запрут в гареме...»

Не сказав ни слова, не сделав ни одного жеста, она спокойно и покорно последовала за евнухами, которые пошли обратно к воротам Баб-эль-Уэд.

«Через несколько секунд станет темно... тогда надо бежать. Если я упущу момент, я погибла».

Под сводом ворот Баб-эль-Уэд еще не успели зажечь масляные лампы. В проходе было темно, как в туннеле, Анжелика угрем проскользнула между евнухами, ринулась вперед и нырнула в переулок, где стояла такая же темень, как в подворотне. Она мчалась, не чуя под собой ног. Выбежав из почти безлюдного переулка, она оказалась на более широкой, оживленной улице; здесь она должна была замедлить шаг, пробираясь между маврами в шерстяных джеллабах, закутанными в чадры женщинами, походящими на движущиеся белые свертки, и маленькими, тяжело навьюченными осликами. Пока что темнота помогала беглянке, но она понимала, что прохожие не замедлят обратить внимание на пленницу-христианку с открытым, взволнованным лицом. Она свернула налево, в еще один узкий переулок, и остановилась, чтобы перевести дух. Куда идти дальше? Ей снова, как в Кандии, удалось сбежать от своих стражей, но в этом городе не было ждущих ее сообщников. Она ничего не знала о судьбе Савари.

Внезапно ей послышался приближающийся шум. За ней гнались. Она опять понеслась вперед. Улочка ступенями спускалась к морю. Впереди был тупик, справа и слева высились глухие стены. На большом расстоянии друг от друга в них чернели маленькие подковообразные двери. Одна дверь отворилась, и Анжелика с разбега налетела на вышедшего из нее раба с большим кувшином на плече. Кувшин упал на землю и разбился вдребезги. До Анжелики донеслось громкое «тысяча чертей!», за которым последовал поток отборных ругательств из лексикона доблестных воинов армии его величества Людовика XIV. Анжелика со всех ног бросилась назад.

— Сударь, вы француз? — проговорила она, задыхаясь. — Сударь, ради всего святого, спасите меня!

Шум погони слышался все ближе. Действуя почти безотчетно, раб втолкнул Анжелику в дверной проем и закрыл дверь. Послышались крики и топот множества бегущих ног, босых и обутых. Анжелика стиснула плечи раба-француза. Ее голова бессильно привалилась к его широкой, прикрытой грязными лохмотьями груди. Она ощутила резкую слабость, но это длилось недолго. Топот и голоса преследовавших ее демонов затихли в лабиринте алжирских улиц.

Анжелика вздохнула с облегчением.

— Все, — прошептала она. — Они прошли мимо.

— Ах, бедняжка, что же вы наделали! Вы попытались бежать от своего хозяина?

— Да.

— Несчастливая! Вас высекут до крови, и рубцы могут остаться на всю жизнь.

— Нет, они меня не поймают. Вы меня спрячете. Вы меня спасете!

Она говорила в полной темноте, крепко сжимая руками плечи мужчины, о котором она ничего не знала, но который говорил на одном с ней языке и — она смутно чувствовала — был молод и привлекателен. Она понимала, что по формам ее прижимающегося к нему тела он, вероятно, тоже догадывается, что эта незнакомая ему женщина молода и красива.

— Вы меня не бросите?

Молодой человек испустил глубокий вздох.

— Ну и положение — хуже не придумаешь! Вы находитесь в доме моего хозяина, Мухаммеда Селиби Уага, алжирского торговца. Мы окружены мусульманами. Почему вы сбежали?

— Почему?.. Потому что я не хочу, чтобы меня заперли в гареме.

— Увы! Такова участь всех пленниц.

— И она кажется вам столь легкой, что я, по-вашему, должна была с нею примириться?

— Участь мужчин не лучше. Вы думаете, я, граф де Ломени, весело провел последние пять лет, таская кувшины с водой и вязанки сухих терновых веток для кухни моей хозяйки? В каком виде теперь мои руки! Что бы сказала, взглянув на них, моя привередливая парижская любовница, прелестная Сюзанна де Рэньо, — впрочем, увы, она наверняка уже давно нашла мне замену!

— Вы граф де Ломени? Я знакома с одним из ваших родственников, господином де Бриенном.

— О, какое приятное совпадение! Где вы с ним познакомились?

— При дворе.

— В самом деле? Могу ли я узнать ваше имя, сударыня?

— Я маркиза дю Плесси-Белльер, — немного поколебавшись, сказала Анжелика. (Она помнила, что возвращение к имени «графиня де Пейрак» не принесло ей удачи). Ломени напряг память, стараясь ее вспомнить.

— Я не имел удовольствия встречаться с вами в Версале, — сказал он, — однако я уже пять лет страдаю в рабстве, и за это время многое должно было измениться. Ну да Бог с ним! Вы знакомы с моим родственником и, может статься, сможете объяснить мне, почему молчит моя семья. Я не получил никакого ответа на мою просьбу о выкупе. Мое последнее письмо я отдал отцам-выкупателям, монахам ордена Пресвятой Троицы, выкупающим пленников-христиан, когда они приезжали в Алжир в прошлом месяце. Будем надеяться, что на этот раз оно наконец дойдет до адресатов. Но что же мне делать с вами? А, вот я, кажется, придумал. Но тише, сюда кто-то идет.

Из глубины двора, пропахшего бараньим жиром и разваренным кускусом^[49], в их сторону двигался огонек ночника.

Граф де Ломени спрятал Анжелику за своей спиной и постарался закрыть ее от взгляда того, кто к ним приближался.

— Это моя хозяйка, — прошептал он с облегчением, когда фигура с ночником подошла ближе. — Она славная и честная женщина. Думаю, мы можем попросить ее о помощи — она питает ко мне некоторую слабость.

Мусульманка подняла свою масляную лампу, чтобы лучше разглядеть двоих рабов, что шептались у входа в ее жилище. Будучи у себя дома, она не надела чадру, и Анжелика увидела ее полное немолодое лицо с насурьмленными глазами. Было нетрудно догадаться, какую роль играет при ней молодой раб-христианин, сильный, красивый и галантный, которого она облюбовала для себя на распродаже пленников в батистане.

Мелкий торговец Мухаммед Селиби Уага не имел денег, чтобы купить евнуха для присмотра за своими тремя, а может быть, и четырьмя женами. Поэтому он доверил ведение всех домашних дел своей первой жене и согласился, что для тяжелой работы ей требуется раб-христианин. В дальнейшие подробности он предпочитал не вникать.

Женщина с лампой увидела Анжелику. Граф де Ломени тихо заговорил с ней по-арабски. Слушая его, она то и дело качала головой, кривила губы и пожимала плечами. Вся ее мимика красноречиво говорила, что, по ее мнению, положение Анжелики безнадежно и что лучше всего было бы немедля вытолкнуть ее за дверь. Под конец она все же вняла уговорам своего любимца, быстро сходила за чадрой и помогла Анжелике надеть

ее. Затем хозяйка открыла дверь, посмотрела, нет ли кого-нибудь на улице, и махнула рукой своему рабу и беглой пленнице, чтобы те выходили. Однако, едва выйдя на улицу, она разразилась визгливой бранью.

— Что с ней случилось? — шепотом спросила Анжелика. — Она что, передумала и решила нас погубить?

— Нет, она просто увидела осколки кувшина и, не выбирая выражений, высказывает мне свое недовольство. Сказать по правде, я никогда не отличался особой ловкостью и уже извел у нее изрядное количество посуды. Ну да ладно, я знаю способ ее задобрить и, как только вернусь, сразу пущу его в ход. А теперь идем — то, что нам нужно, находится совсем близко.

Пройдя несколько шагов, они очутились у другой маленькой железной двери, и молодой француз постучал в нее условным стуком. В щели между дверью и стеной появился свет, и чей-то голос шепотом произнес:

— Это вы, господин граф?

— Да, Люка, это я.

Дверь открылась, и Анжелика в страхе стиснула руку своего спутника — на пороге стоял араб в джеллабе и тюрбане. В высоко поднятой руке он держал свечу.

— Не путайтесь, — сказал граф, втолкнув молодую женщину внутрь. — Это Люка, мой бывший камердинер. Он был захвачен в плен вместе со мной, когда мы плыли в Геную, к новому месту моей военной службы. А поскольку за время пребывания у меня в услужении он успел набить руку в воровстве и стать на редкость ловкой шельмой, здесь, в Алжире, он устроился очень недурно. Местные торговые посредники по достоинству оценили его превосходные качества, и его хозяин заставил его перейти в ислам, дабы доверить ему

ведение своих дел. Теперь Люка нажился на спекуляциях и сделался важной персоной.

Бывший камердинер подозрительно смотрел на Анжелику из-под своего не слишком хорошо намотанного тюрбана. У него было обсыпанное веснушками лицо и широкий, толстый нос.

— Кого это вы мне сюда привели, господин граф?

— Нашу соотечественницу. Люка. Пленную француженку, маркизу дю Плесси-Белльер, которая только что сбежала от купившего ее мавра.

Реакция Люка на эти слова была точным повторением реакции его бывшего господина.

— О Господи! Зачем она это сделала?

Граф де Ломени с непринужденным видом щелкнул пальцами.

— Женский каприз, Люка. Теперь уже ничего не поделаешь. Ты спрячешь ее у себя.

— Я, господин граф?

— Да, да, ты. Ты же знаешь, что я всего-навсего нищий раб, который должен делить свою камышовую циновку с двумя хозяйскими псами и не имеет даже собственного уголка во дворе. А вот ты пошел в гору. Спрячь ее — тебе это ничем не грозит.

— Ничем не грозит? Ну да, конечно — если не считать распятия на кресте, сожжения на костре, сажания на кол, расстрела из луков, сбрасывания со стены на железные крючья, закапывания в землю живьем и побивания камнями! Когда речь идет о казни новообращенного мусульманина, который прячет у себя христиан, то выбор способов здесь очень богатый.

— Так ты отказываешься?

— Отказываюсь!

— Я велю избить тебя палками.

Люка с достоинством поправил складки своей джеллабы.

— Наверное, господин граф забыл, что раб-христианин не вправе поднять руку на мусульманина?

— Ну, погоди у меня! Когда мы вернемся домой, я дам тебе пинка в зад и добьюсь, чтобы инквизиция сожгла тебя заживо как вероотступника... Люка, ты мне не оставил чего-нибудь вкусенького? У меня с утра ничего во рту не было, кроме горсти фиников и стакана воды. И я не знаю, ела ли сегодня что-нибудь эта дама, — не исключено, что она весь день питалась одними душевными волнениями.

— Разумеется, господин граф, я ждал вашего визита и приготовил для вас... ну, догадайтесь, что... прежде вы очень любили это блюдо... — паштет с корочкой из слоеного теста.

— Паштет с корочкой из слоеного теста! — воскликнул несчастный раб, и глаза его загорелись от вожделения.

— Тише! Располагайтесь поудобнее. Сейчас я пойду спроважу моего приказчика, закрою лавку и потом буду в полном вашем распоряжении.

Он поставил свою свечу и удалился, чтобы вскоре вернуться с бутылкой вина и небольшой кастрюлей, откуда исходил восхитительный аромат.

— Я сам замесил тесто, господин граф, используя верблюжье масло, и приготовил соус на молоке ослицы. Конечно, это совсем не то, что доброе коровье молоко и масло, но надо обходиться тем, что есть. У меня не было кнелей из щуки и грибов, но, по-моему, маленькие морские рачки и почки капустных пальм, которые я использовал, тоже дают неплохой вкус. Если госпоже маркизе будет угодно попробовать...

— Этот Люка прямо мастер на все руки, — растроганно сказал граф. — Он умеет делать все. Твой пирог просто великолепен. Знаешь, приятель, когда мы вернемся домой, ты получишь от меня сто экю.

— Господин граф очень добр ко мне.

— Поверьте, сударыня, если бы не Люка, я бы давно погиб. Нет, я не стану утверждать, что мой хозяин Мухаммед Селиби Уага — дурной человек, а о хозяйке я не сказал бы так и подавно. Но она несколько скуповата, и, кроме того, эти люди едят так мало, что даже трудно себе представить. Этого количества совершенно недостаточно для человека, которому приходится выполнять тяжелую работу. Я имею в виду не только переноску воды и дров... Честное слово, мусульманские женщины уж слишком охочи до мужчин-христиан. Арабам следовало бы предусмотреть это в своем Коране... Впрочем, с другой стороны, здесь есть и свои преимущества.

Анжелика с жадностью набросилась на еду. Бывший камердинер откупорил принесенную бутылку.

— Прекрасное вино мальвазия! Я тут позаимствовал несколько капель из тех бочонков, которые Осман Ферраджи закупил для гарема марокканского султана. Как вспомнишь, что мы с вами оба, господин граф, уроженцы Турена, а нас здесь заставляют пить воду или мятный чай, так сразу подумаешь — до чего же низко мы пали! Надеюсь, что наши скромные возлияния не навлекут на меня неприятностей со стороны господина великого евнуха. Он мужчина очень пронизательный — все насквозь видит. То есть, когда я говорю «мужчина», это, конечно, нельзя понимать буквально... Никак не могу привыкнуть к субъектам этого рода, которые в здешних краях кишмя кишат. Когда он со мной разговаривает, мне иной раз случается назвать его сударыней! Но пронизательности ему не занимать, уж вы мне поверьте. Кого-кого, а его лучше и не пытаться надуть насчет количества или качества товара.

Упоминание имени Османа Ферраджи отбило у Анжелики всякий аппетит. Она отставила свою серебряную чашечку, чувствуя, что в ее душу снова возвращается прежняя томительная тревога. Граф де

Ломени встал, сказав, что он и так слишком долго задержался и его хозяйка будет сердиться. Грязная, рваная рубаха составляла резкий контраст с его профилем молодого любезника, который он умудрился сохранить вопреки суровым испытаниям плена и жестокому африканскому солнцу. Он повернулся к Анжелике и, яснее разглядев ее лицо при свете свечи, воскликнул:

— Бог мой, как вы очаровательны!

Он ласково отвел рукой упавшую ей на лоб светлую прядку, и лицо его снова омрачилось.

— Бедняжка, — тихо проговорил он.

Анжелика сказала Ломени, что нужно попробовать разыскать ее друга, мэтра Савари. Он человек изобретательный, с большим опытом и непременно что-нибудь придумает. Она описала его внешность, а также внешность других пассажиров мальтийской галеры: голландского банкира, двоих французов — торговцев кораллами и молодого испанца. Наконец граф скрылся за дверью, заранее сгорбившись в ожидании упреков своей раздражительной и требовательной хозяйки.

— Пусть госпожа маркиза чувствует себя как дома, — сказал Люка, убирая посуду.

Анжелика наслаждалась мимолетным чувством покоя и безопасности, навеянным присутствием вышколенного французского слуги, который называл ее «госпожа маркиза». Она вымыла лицо и руки принесенной им благовонной водой, утерлась поданной салфеткой и улеглась на подушки. Люка из Турена ходил взад и вперед по комнате, шаркай своими турецкими туфлями без задников и путаясь в полах длинной арабской джеллабы.

— Ах, сударыня, сказал он с глубоким вздохом, — надо сто раз подумать, прежде чем пускаться в плаванье! Ну почему, ну какого дьявола нам с хозяином взбрела в голову дурацкая мысль сесть на эту галеру?

— Действительно, почему? — вздохнула Анжелика, думая о своей собственной опрометчивости.

Когда в Марселе Мелькиор Панассав предсказал ей, что она угодит в гарем турецкого султана, она сочла это за одно из тех преувеличений, к которым склонны южане. Теперь же зловещее предсказание сбывалось, и даже более того — турецкий султан был бы, пожалуй, все же менее ужасен, чем Мулей Исмаил, свирепый повелитель Марокко.

— Вы только подумайте, сударыня, до чего я докатился! Такой славный малый, как я, всегда ладивший и с Пречистой Девой Марией и со святыми угодниками, — и на тебе, сделался ренегатом! Ясное дело, я этого не хотел, но когда тебя колотят палками, жгут тебе стопы ног, когда грозят содрать с тебя с живого кожу, отрезать тебе некую часть тела, зарыть тебя в песок по шею, а потом размозжить тебе голову камнями, то деваться некуда... Как-никак, у человека есть только одна жизнь и один... ну, в общем, вы меня понимаете. Кстати, а как вам удалось сбежать? Женщин, проданных в большие гаремы, потом никто уже больше не видит, а поглядев на вас, всякий поймет, что вас купили для какой-нибудь важной особы.

— Для султана Марокко, — сказала Анжелика.

Это показалось ей вдруг столь забавным, что она прыснула со смеху. Выпитая мальвазия уже начала действовать.

— Что? — произнес Люка, явно не усматривая в таком известии ничего смешного, — Не хотите ли вы сказать, что вы — часть подарков, которые Меццо-Морте собирается послать в Мекнес, чтобы завоевать благорасположение Мулея Исмаила?

— Да, насколько я могла понять, что-то в этом роде.

— А как вам удалось сбежать? — повторил свой первый вопрос Люка.

Анжелика рассказала ему, как она сбежала, воспользовавшись темнотой подворотни, через которую они проходили, и невнимательностью евнухов из черной охраны Османа Ферраджи.

— Так вот кто за вами гонится?! Смилуйся над нами, Боже!

— Вы его знаете? Вы ведете с ним дела?

— Приходится, но это сущее наказание! Как-то раз я попробовал сбыть ему несколько кувшинов прогорклого масла, что при таком крупном заказе — целых пятьсот кувшинов — вполне обычно и естественно. И подумать только! Он явился ко мне с рабами, которые несли эти злосчастные десять кувшинов, и чуть было не срубил мне голову. А один мой коллега остался-таки без головы после того, как продал ему немного червивый кускус.

— Вы уверены, что мы с вами говорим об одном и том же человеке? — задумчиво сказала Анжелика. — Я приняла его за очень высокопоставленную особу, и он показался мне учтивым, любезным и едва ли не застенчивым.

— Он и есть высокопоставленная особа, сударыня, и что верно, то верно — он и учтив и любезен. Только это не мешает ему рубить людям головы — со всей учтивостью. Все дело в том, что твари этого сорта совершенно бесчувственны. Им все едино — разглядывать голую женщину или резать ее на куски. Вот поэтому-то они и опасны. И подумать страшно, что вы так надули этого дьявола!

Анжелика наконец вспомнила, кто рассказывал ей об Османе Ферраджи, — маркиз д'Эскренвиль. Говоря о великом евнухе, маркиз сказал: «Большой человек во всех смыслах этого слова, жестокий, коварный и гениальный. Это он посадил Мулея Исмаила на трон».

— Что он со мной сделает, если я снова попаду к нему в руки?

— Ах, сударыня, тогда вам было бы лучше без промедления глотнуть яду! По сравнению с марокканцами алжирцы — сущие агнцы. Но вы не изводите себя понапрасну — мы постараемся вас отсюда вытащить, вот только я не очень себе представляю как!

Граф де Ломени пришел на следующий день, оставив свою ношу — вязанку хвороста — в углу двора своего бывшего слуги. Ему не удалось разыскать никаких следов Савари. Торговцы кораллами, которых до прибытия их выкупа содержали в одной из тюрем для рабов, ничего не знали о судьбе старого аптекаря.

— Его, наверное, купили крестьяне и увели с собой вглубь страны, — предположил Ломени.

Зато граф слышал толки о побеге необычайно красивой пленницы-француженки, предназначавшейся для гарема султана Марокко. Пятеро негров из охраны великого евнуха, виновных в этом побеге, были казнены, однако шестой был помилован благодаря наличию смягчающего обстоятельства — он начал служить под началом Османа Ферраджи очень недавно. Меццо-Морте, разъяренный оскорблением, которое было нанесено его гостю, приказал провести розыски, и янычары уже начали обшаривать дома, сопровождаемые евнухом, снимавшим чадру с каждой женщины, не пропуская ни одной.

— А тебя, Люка, они могут заподозрить? — спросил граф.

— Не знаю. К несчастью, я живу здесь, в квартале, где сбежавшая рабыня, как предполагают, нашла убежище. Как вы думаете, господин граф, ваша хозяйка сумеет держать язык за зубами?

— Думаю, что сумеет, если только не начнет меня ревновать из-за участия, которое я проявил к своей соотечественнице.

Граф и Люка испытывали неподдельную тревогу. Анжелика слышала, как они вполголоса обсуждают создавшуюся ситуацию. Последний раз отцы-выкупатели, эти отважные монахи, готовые подвергнуться величайшим опасностям ради выкупа пленных христиан, приезжали в Алжир в прошлом месяце. Однако маленькая группа монахов отбыла, увозя с собой всего лишь около сорока невольников. К тому же они ничем не могли помочь Анжелике, поскольку в ее случае речь об освобождении за выкуп не шла. Может быть, попробовать доставить ее на свободное французское торговое судно? Подобная мысль часто приходила на ум пленникам, когда они видели в порту паруса свободного корабля своей родной страны. Одни пытались добраться до возделенного убежища вплавь, другие — привязав себя к доске и гребя руками. Но на городском пирсе и на стенах цитадели военно-морского ведомства были расставлены многочисленные часовые, а вдоль берега непрестанно крейсировали сторожевые фелюги. Перед отплытием каждое христианское судно тщательно обыскивалось отрядом янычар или городской стражи, так что успешный побег на таком корабле стал почти невозможен. Ну, а раз невозможен, то, стало быть, не о чем и жалеть.

Вероятность удачного побега по суше была еще меньше. Чтобы достичь испанского анклава Оран, ближайшего к Алжиру населенного пункта, где находились христианские войска, требовалось несколько недель двигаться по незнакомой, безводной, населенной врагами местности, постоянно рискуя сбиться с пути или быть съеденными хищными зверями. Никто из рабов, пытавшихся проделать этот путь, не добился успеха. Их возвращали обратно и били палками, а если побегу сопутствовало малейшее

насилие над охранявшей невольников стражей, пойманных жестоко пытали и увечили.

Ломени вспомнил о морях с Майорки. В самом деле, до Балеарских островов было довольно близко. Хорошей парусной лодке с лихвой хватало суток, чтобы добраться до них, а их бесстрашные жители за последние два столетия успели наладить процветающий промысел по освобождению пленных христиан. Легкие суда островитян снаряжались почти исключительно для этих целей. К тому же большинство членов их команд сами побывали в плену и отлично знали здешнее побережье. Устраивая побеги, они шли на огромный риск — в случае поимки их сжигали живьем. Однако этот промысел приносил им неплохие доходы, и они продолжали им заниматься, тем более что большинство этих храбрых мореплавателей с молоком матери всосали ненависть к мусульманам, этим слишком близким соседям их маленьких католических островов.

Через своих шпионов островитяне устанавливали связь с группой пленников, решивших бежать и собравших необходимую для этого сумму денег. Стороны обговаривали, день и час, выбирая безлунную ночь, и договаривались о сигнале и пароле. Когда приходило назначенное время, судно-избавитель, которое днем, чтобы не быть замеченным, стояло далеко от берега, положив на бок мачты, осторожно приближалось к условленному месту. Между тем рабы, устроившиеся на работу в загородных садах, тихонько прятались на берегу, с нетерпением ожидая отплытия. Наконец к берегу бесшумно причаливала лодка, идущая на обмотанных паклей и смазанных жиром веслах. С одной стороны звучал пароль, с другой — отзыв, затем пленники быстро и безмолвно садились в лодку, и она немедля выходила в открытое море. Но сколько же опасностей подстерегало беглецов! Достаточно было

задержавшейся в море рыбацкой лодки, напавшей на какого-нибудь прибрежного жителя бессонницы или лая сторожевой собаки — и все усилия могли пойти прахом. Тотчас раздавался громкий крик: «Христиане! Христиане!» Стража у городских ворот поднимала тревогу, и галеры береговой охраны, всегда вооруженные и готовые к любым неожиданностям, спешно выходили из отгороженной гавани в море. В последнее время опасность возросла еще больше из-за выстроенных вдоль побережья фортов. Некоторые пленники пробовали бежать без помощи извне. Люка вспомнил одиссею Иосифа из Кандии, который сбежал из плена на крохотном суденышке, сделанном им самим из тростника и клеенки, затем упомянул пятерку англичан, добравшихся до Майорки на парусной лодке, сделанной из промасленной, непромокаемой парусины. А два смелых молодца из Бреста ухитрились угнать фелюгу, на которой они были матросами, и отвели ее в Чивита-Веккиа. Однако подобные подвиги, конечно же, не для молодой дамы, и к тому же никто никогда не слышал, чтобы из плена удалось сбежать женщине...

Наконец Ломени поднялся и сказал, что попытается встретиться и поговорить с Альфересом. Этот Альферес, пояснил он, приехал с Майорки. Он держал таверну при городской тюрьме для рабов, и здешнее житье так ему понравилось, что он уже не хотел возвращаться на родину, однако сохранил кое-какие связи с соотечественниками.

Вечером граф вернулся с обнадеживающими известиями. Он виделся с Альфересом, и тот под большим секретом сообщил ему, что группа пленников готовит сейчас побег и что они с радостью возьмут в дело еще одного товарища, поскольку один из участников внезапно умер.

Я не сказал ему, что речь идет о женщине, и тем более о вас, — закончил Ломени, — потому что ваш

побег уже наделал много шума и тому, кто донесет, где вы скрываетесь, обещана большая награда. А теперь дайте мне что-нибудь ценное, и я выясню время и место встречи, чтобы отвести вас туда.

Анжелика отдала ему свои браслеты и золотые экю, спрятанные во внутреннем кармане ее широкой нижней юбки.

— Послушайте, господин де Ломени, — сказала она, а отчего бы вам самому не воспользоваться этими сведениями, чтобы бежать вместе со мной?

Эти слова озадачили молодого дворянина. Ему никогда не приходила в голову мысль подвергнуть себя опасностям, связанным с побегом.

Ночью Анжелика уснула в душной клетушке, где ее прятал Люка. Как и многим другим пленникам, которых африканская жара и вечно безоблачное небо доводили до исступления, ей приснилась зимняя ночь, снежная и холодная ночь Рождества. Она пришла в церковь, над ее головой звонили колокола, и ей казалось, что она никогда в жизни не слышала ничего приятнее, чем этот католический благовест. В церкви стояли ясли, а в них на мху были аккуратно расставлены глиняные фигурки Пресвятой Девы Марии, святого Иосифа, младенца Иисуса, пастухов и трех царей-волхвов. На царе Валтасаре был необычный плащ и тюрбан с золотым шитьем, похожий на диадему.

Анжелика шевельнулась и поняла, что уже не спит. Однако она проснулась не сейчас, а несколькими мгновениями раньше и тогда же увидела его. Перед ней стоял великий евнух Осман Ферраджи!

Глава 6

Вокруг царило ночное безмолвие. От оконной решетки на залитый лунным светом пол падала черная кружевная тень. Пахло зеленым чаем и мятой, Анжелика преодолела овладевшую ею расслабленность и села на своем ложе. Время от времени тишину прорезал далекий вопль, протяжный и пронзительный. Анжелика знала, кто издаст эти истошные крики животного, попавшего в капкан, — одна из тех двух исландок, которых великий евнух купил в подарок своему господину.

А она, Анжелика, не кричала, когда ее уводила стража. Она молча прошла между двумя державшими ее за руки евнухами и села в охраняемый десятком евнухов паланкин. Занавески паланкина не помешали ей услышать вскрики несчастного графа де Ломени, которого по приказу его хозяина, Мухаммеда Селиби Уага, нещадно били палками. Она не знала, что случилось с лакеем Люка и кто их предал. Может быть, приказчик... или ревнивая мусульманка? Теперь это уже не имело значения. Она была отгорожена от мира, «заперта в гареме», и одиночество, в котором она очутилась после того, как ее водворили в эту комнату, не предвещало ничего хорошего. Еще более, чем страх, ее угнетало сознание своего полного поражения. Рассказав ей о том, как ловко он заманил ее в ловушку, Меццо-Морте отнял у нее все, даже желание бороться. То единственное, что поддерживало ее и придавало ей мужество, оказалось ложью от начала до конца. Владевшая ею несколько дней уверенность, что ее муж находится от нее совсем близко, была плодом искусного обмана. За всем этим не было ничего, НИЧЕГО! Его не было ни в Боне, ни в каком-либо другом месте, его не

было нигде! Может быть, он умер, может быть, жив, но Мухаммед Раки — тот мертв наверняка. И неуловимый образ изгнанника-француза снова уходил от нее, скрываясь в непроницаемой мгле. Она оказалась в рабстве, погнавшись за пустотой. Своим безрассудством она обрекла себя на ту нелепую и трагическую участь, которая так часто ожидала чересчур смелых путешественниц.

Мышеловка захлопнулась. И снова, как это не раз бывало с ней в прошлом, когда из-за своей импульсивности она оказывалась в безвыходных ситуациях, гнев Анжелики обратился против нее самой. Ее как каленым железом обожгла мысль о том, что скажет госпожа де Монтеспан, если узнает, какая участь постигла ее соперницу. «А вы знаете, что случилось с госпожой дю Плесси-Белльер? Ха-ха-ха! Представляете — она угодила в плен к берберийцам!.. Ха-ха-ха! Говорят, что адмирал алжирского флота подарил ее султану Марокко, ха-ха! Ах, как забавно! Вот бедняжечка!..»

В ушах Анжелики явственно зазвучал саркастический смех прекрасной Атенаис. Она вскочила, обуреваемая желанием что-нибудь разбить, однако вокруг не было ничего бьющегося. Комната с ее выбеленными известью стенами была бы похожа на монастырскую келью, не будь в ней роскошного, покрытого подушками дивана, на который ее бросили, как мешок. Окон не было, если не считать этого служащего одновременно и окном и дверью проема, закрытого фигурной решеткой, будь она трижды проклята! Анжелика бросилась к ней, чтобы вцепиться в нее и изо всех сил потрясти. К ее немалому удивлению, решетчатая створка открылась при первом же толчке. Сначала нерешительно, потом все быстрее она побежала по открывшейся за решеткой галерее. Сидевший у стены евнух вскочил и кинулся за ней. Еще

один евнух, вооруженный алебардой, стоял на верху показавшейся впереди лестницы. Он вытянул вперед руку, пытаясь преградить дорогу беглянке. Однако Анжелика, вдруг ощутившая в себе силу неудержимого горного потока, резко оттолкнула его плечом. Он схватил ее за запястье — и тут к маркизе дю Плесси-Белльер мигом вернулась вся сноровка хозяйки таверны «Красная маска», которой частенько приходилось выталкивать за дверь докучливых пьяниц. Она закатила караульному пару затрещин по дряблым щекам, ухватила его за шиворот и швырнула наземь. Евнухи заверещали, как обезьяны. Анжелика сбежала вниз по лестнице и натолкнулась еще на троих вопящих негров. Все ее попытки вырваться из их цепких рук были тщетны. Она слышала, как они что-то кричат у нее над головой своими пискливыми голосами, и билась, дралась, как тигрица, но очень скоро ее движения были парализованы. Здоровенный, толстый евнух бросился к непокорной, размахивая многохвостой плеткой с узелками на концах ремней, однако Осман Ферраджи, срочно призванный на помощь, сделал ему знак утихомириться. На этот раз на великом евнухе не было ни великолепного плаща, ни украшенного золотом тюрбана. Он был одет по-домашнему в малиновую атласную безрукавку и шаровары, стянутые в талии серебряным поясом, а его узкую голову увенчивал туго намотанный тюрбан с султаном. Теперь в Османе Ферраджи было легче распознать полумужчину-кастрата. Эти гладкие, полные, униженные браслетами предплечья и кисти с многочисленными перстнями вполне могли бы принадлежать какой-нибудь красивой негритянке.

Он невозмутимо посмотрел сверху вниз на растрепанную Анжелику и мелодичным голосом сказал по-французски:

— Не желаете ли выпить чаю? Или лучше лимонного сиропа? Хотите, вам принесут жаренную на шампурах баранину или рубленую голубятину, приправленную корицей? А может быть, вам хочется миндальных пирожных? Вы наверняка испытываете голод и жажду.

— Я хочу свежего воздуха! — вскричала Анжелика.
— Я хочу увидеть небо, хочу выйти из этой тюрьмы!

— И только? — мягко произнес великий евнух. — Тогда я прошу вас следовать за мной.

Хотя слова их начальника были исполнены учтивости и великодушия, стражники, тем не менее, продолжали крепко держать пленницу за руки. После того как из-за ее побега были казнены пятеро их товарищей, она вселяла в них трепет.

Идя за Османом Ферраджи, Анжелика поднялась по одной узкой лесенке, потом по другой. Внезапно она оказалась на уступчатой крыше, и над ее головой во всю свою необъятную ширь распахнулось усыпанное звездами небо. Лунный свет придавал подымающимся над морем прохладным испарениям нежную голубизну, и окутанный голубой дымкой город обрел удивительную воздушность. Чудилось, что даже тяжеловесный купол соседней мечети стал невесомым, как туман. Ее высокий минарет тоже словно сделался прозрачным, проницаемым для серебристых лучей луны, и от взгляда на него начинала кружиться голова — таким он казался высоким, легким и ломким.

Безмолвие теплой, душной ночи временами нарушал лай собак, сливаясь с неумолчными вздохами прибоя. Шум таверны при тюрьме для рабов не долетал до этого окруженного красивыми садами квартала, где выстроила свои серали городская аристократия. Кругом было тихо, но то была особая тишина, тишина мусульманских ночей, не менее, если не более насыщенных событиями, чем дни, ибо именно по ночам плетутся интриги, достигают развязки заговоры, немые

душители накидывают удавки на свои жертвы, а заточенные в гаремах женщины обретают право выйти на вольный воздух и помечтать, всматриваясь в раскинувшийся перед ними огромный запретный мир. На всех крышах виднелись их белые фигурки, лежащие, свернувшись калачиком, на диванах и подушках или неторопливо прогуливающиеся взад и вперед. Их лица наконец-то были открыты, и затворницы могли насладиться свежим ветерком и соленым запахом моря. Рокоту волн вторило тихое журчание их голосов, перемежаемое иногда приглушенным смехом и звоном серебряных кубков. По воздуху плыл легкий аромат чая с мятой и свежеспеченных сладких пирожков.

Время от времени охраняющие женщин евнухи вставали и обходили крыши дозором. Они двигались медленно, чернея на фоне освещенного луной неба, с подозрением вглядывались в темноту улиц, где мог прятаться дерзкий любовник, однако не мешали своим подопечным переговариваться с соседками на ближайших крышах.

Стражи наконец отпустили руки Анжелики. Она повернула голову и увидела аметистовое, с серебряными прожилками море.

Трудно было представить, что на другом краю этого сказочного зеркала лежат берега Европы и стоят дома из серого и коричневого камня, не таясь глядящие на мир тысячами любопытных глаз, но всегда незрячие с той стороны, что обращена к небу.

Анжелика присела возле зубчатой стены, огораживающей край крыши. На разложенных вокруг подушках сидели и другие женщины, но все они молчали, и даже служанки, наливающие им чай и разносящие подносы с пирожками, казались робкими и напуганными. И те и другие были рабынями, которых великий евнух купил или получил в подарок от Меццо-

Морте, и они еще не успели познакомиться друг с другом.

Осман Ферраджи наблюдал за Анжеликой с пристальным вниманием. Внезапно его осенило:

— Хотите турецкого кофе?

Ноздри Анжелики жадно затрепетали. Она вдруг поняла, чего ей больше всего не хватало в Алжире, — кофе! Не дожидаясь ее согласия, Осман Ферраджи хлопнул в ладоши и отдал короткое распоряжение. Через несколько секунд перед ними был разостлан ковер, навалена гора подушек, поставлен низкий столик, и в воздухе распространился аромат черного кофе. Осман Ферраджи знаком велел служанкам удалиться. Он уселся на ковер, скрестив по-турецки свои длинные ноги, и начал сам прислуживать пленной француженке. Он подал ей сахар, затем предложил добавить в чашку молотого перца и абрикосового ликера, но она отказалась и стала пить кофе без всяких приправ и лишь слегка подсластив. После первого же глотка глаза ее сами собой закрылись и в душу хлынула острая тоска. «Запах кофе напоминает мне Кандию... и аукционный зал, где к нему примешивался аромат табака... Мне бы хотелось вернуться туда, вернуть то мгновение, когда рука в черной перчатке приподняла мою голову... Кофе пах так хорошо... В Кандии я была счастлива...»

Она отпила три глотка и, наконец, заплакала, не в силах сдержать рвущихся из груди рыданий. Она стыдила себя за эту слабость, за признание своего поражения перед Османом Ферраджи, тем более что ей была очевидна вся нелепость охвативших ее чувств. В Кандии она была всего лишь несчастной, униженной, запуганной рабыней, в Кандии ее продавали с торгов. Но тогда она была еще полна надежд, у нее была заветная цель! Там рядом с нею был ее друг, ловкий и предприимчивый Савари, который ободрял ее, не давал

ей впасть в отчаяние, говорил, что ей делать, который сквозь решетку ее подземной темницы передавал ей перо и бумагу и, переодевшись в рубище нищего, неожиданно подавал ей таинственные знаки. Где теперь бедный, старый Савари? Может быть, ему выкололи глаза, чтобы он вместо осла ходил кругами, вращая черпаковый подъемник, качающий воду из колодца?

А может быть, его сбросили в море или отдали на съедение псам?.. Ведь эти люди способны на любую жестокость.

— Я не понимаю, отчего вы плачете, кричите, брыкаетесь и вообще портите себе кровь, — сказал приятный голос великого евнуха.

— Уж будто не понимаете, — выговорила между двумя всхлипами Анжелика. — Ну конечно, где вам понять, от чего может плакать женщина, которую разлучили с ее близкими и заточили в тюрьму! И, кажется, не я одна здесь плачу. Послушайте, как воеет там, внизу, другая несчастная.

— Но ведь Вы — это совсем другое дело.

Он поднял руку, раздвинул свои длинные, унизанные кольцами пальцы с оранжевыми ногтями и принялся считать:

— Женщина, которая довела до сумасшествия маркиза д'Эскренвиля, которая побудила дона Хосе де Альмаду, самого осторожного коммерсанта из всех, кого я знаю, дойти до цены в двадцать пять тысяч пиастров, чего он был делать не вправе, которая сбежала от непобедимого Рескатора, которая осмелилась говорить с Меццо-Морте в таком оскорбительном тоне, какого не решались себе позволить даже его враги... И я еще добавлю — первая женщина, которой удалось убежать от великого евнуха Османа Ферраджи! Такая репутация ко многому

обязывает. Женщина, все это совершившая, не может плакать и впадать в истерики!

Анжелика вынула свой носовой платок и залпом допила остывающий кофе. Выслушав панегирик Османа Ферраджи, она пришла к выводу, что, пожалуй, недооценивала свои возможности, и в ней снова пробудился прежний боевой дух. «В конце концов, разве я не могу стать первой женщиной, которой удастся совершить побег из гарема?» — подумала она.

Ее зеленые глаза изучающе посмотрели на сидящего напротив нее великого евнуха. Сейчас она снова чувствовала к нему ту симпатию и уважение, которые он внушил ей, когда она впервые увидела его в день казни рыцаря фон Нессельхоода. При свете луны его лицо походило на лик изящной бронзовой статуи. Лежащие на нем мягкие тени подчеркивали тонкость черт, несколько чрезмерную для мужчины. Когда на этом лице не было улыбки, низко нависшие брови делали его суровым. Однако в эту минуту великий евнух улыбался. Он думал о том, что зеленые глаза сидящей перед ним женщины схожи с глазами пантеры. Она из той же породы, и ее слезы вызваны не чем иным, как досадой на свое поражение. Ничего, он сумеет повернуть ее честолюбие в нужное русло.

— Нет, — сказал он, качая головой. — Пока я жив, вы от меня не убежите. Не желаете, ли фисташек? Они привезены из Константинополя. Как вы их находите?

Анжелика нехотя пожевала несколько ореховых ядрышек и сказала, что ей доводилось пробовать фисташки вкуснее этих.

— Где? — внезапно забеспокоился Осман Ферраджи. — Вы помните имя и адрес торговца, который их продавал?

И он пояснил, что доставка лакомств к столу сотен наложниц Мулея Исмаила является предметом его особой заботы. В гареме ожидают чего-то

необыкновенного от этой поездки в Алжир, предпринятой им для пополнения запасов мальвазии и восточных сладостей. Благодаря его стараниям гарем Мулея Исмаила снабжается лучше всех гаремов Берберии. Когда она приедет в Мекнес, она сможет в этом убедиться сама...

Анжелика выпрямилась, мгновенно выпустив когти.

— Я никогда не поеду в Мекнес! Я хочу быть свободной!

— А что вы станете делать со свободой?

В его вопросе прозвучало такое неподдельное недоумение, что весь бунтарский запал Анжелики тут же угас. Она могла бы крикнуть ему в лицо, что хочет вернуться к своим близким, вновь увидеть родину, но внезапно ей стало ясно, что она уже не знает, чего на самом деле хочет, и вся ее жизнь показалась ей сплошной насмешкой. У нее не осталось на земле привязанностей, кроме двоих маленьких сыновей, но даже их она легкомысленно втянула в водоворот своих безрассудных авантюр.

— Надо уметь наслаждаться радостями жизни везде, куда бы ни привела нас воля Аллаха, — негромко промолвил голос великого евнуха. — Женщины способны быстро приспособливаться. Вам страшно оттого, что у нас черная или коричневая кожа и вам незнаком наш язык; но разве в наших нравах и обычаях есть что-либо, что могло бы внушить страх?

— Неужели вы всерьез полагаете, что такое зрелище, как четвертование мальтийского рыцаря, на котором мы с вами недавно присутствовали, может склонить меня к тому, чтобы находить приятность в мусульманских нравах?

На лице Османа Ферраджи изобразилось искреннее удивление.

— Но разве в вашей стране людей не казнят, разрывая их на части четырьмя лошадьми? Французы, с

которыми мне приходилось беседовать, рассказывали мне о таком способе казни.

— Это правда, — согласилась Анжелика. — Но... такие казни бывают далеко не каждый день. Во Франции четвертуют только тех, кто покусился на жизнь короля.

— Однако и у нас способ, которым казнили этого мальтийского рыцаря, тоже применяется редко. Поступая так с противником, ты признаешь, что он был для тебя очень опасен, что ты его боялся и что он причинил тебе много вреда. Удостоиться такой казни есть великая честь. Вам, сударыня, страшно потому, что вы невежественны, как все христиане, не желающие понять ислам

Они воображают, что мы дикари. Вы увидите города Магриба, что на нашем языке означает «запад». Вы увидите розовый, как пламя, Марракеш, стоящий у подножия Атласских гор, чьи снежные вершины сверкают подобно бриллиантам. Фес, что по-арабски значит «драгоценный камень», и столицу нашего султана Мекнес, город, словно воздвигнутый из слоновой кости. Наши города красивее и богаче, чем ваши.

— Этого не может быть, — прервала его Анжелика. — Вы не знаете, о чем говорите. Разве можно сравнить с Парижем это нагромождение белых кубиков?..

Она указала, рукой на спящий у их ног Алжир и запнулась. То, что она увидела, было исполнено невообразимой красоты; красоты, пришедшей не из реального мира, а из царства снов. Там, у аметистового моря, стоял город, созданный кудесницей-луной из белого-белого, просвечивающего фарфора, город-сон, воплощение созерцательного, склонного к неспешным раздумьям духа ислама, открывшегося вдруг над крикливой мишурой пиратского поселения.

— Вы не созданы для страха, — говорил, покачивая головой, Осман Ферраджи. — Будьте покорной, и вам не сделают ничего дурного. Я дам вам время привыкнуть к исламским обычаям.

— Не знаю, смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к тому пренебрежению, с которым вы относитесь к человеческой жизни.

— А стоит ли человеческая жизнь того, чтобы о ней так беспокоиться? Действительно, христиане до безобразия боятся смерти и пыток. Похоже, что ваша религия плохо готовит вас к лицезрению Бога.

— Что-то в этом духе я уже слышала от Меццо-Морте.

— Меццо-Морте — ренегат, так сказать, турок по профессии, — с неприкрытым презрением сказал Осман Ферраджи, — однако, мне хотелось бы верить, что его привели к нам не только его страсть к наживе и честолюбие, но и та свобода верований, которая дает нам вкус к жизни и вкус к смерти, а не страх перед тем и другим, как у вас, христиан.

— Как жаль, что вы не смогли стать муллой, Осман-бей. Вам хорошо удаются проповеди. Вы думаете, что сумеете обратить меня в мусульманскую веру?

— У вас не будет выбора. Как одна из жен нашего великого владыки Мулея Исмаила, вы должны будете стать мусульманкой.

Анжелика плотно сжала губы, чтобы удержаться от колкого ответа, и довольно непочтительно подумала: «Держи карман шире!» До марокканского страшилища, которому ее предназначали в наложницы, было, слава Богу, еще далеко. А пока суд на дело, нужно найти способ сбежать. И она его непременно найдет. Хорошо, что Осман Ферраджи угостил ее кофе!..

Глава 7

Прошло совсем немного времени, и Анжелика нашла исчезнувшего было мэтра Савари — верный признак того, что небо не оставило ее своим попечением.

Караван-сарай, где остановились марокканцы, превосходил размерами кандийский батистан и точно так же совмещал в себе гостиницу и склад. Оба здания были выстроены по одному и тому же плану: огромный трехэтажный четырехугольник с обрамленным колоннадой внутренним двором, служащим, в свою очередь, рамкой для сада, где журчали струи фонтанов и росли олеандры, лимонные и апельсиновые деревья. Внутрь можно было попасть через один-единственный вход — ворота, охраняемые отрядом вооруженной стражи. Ни одно из окон караван-сарая не выходило на улицу. Все четыре наружные стены были глухими, крыша — плоской, а по ее наружному краю возвышалось каменное ограждение с зубцами и амбразурами, у которых постоянно дежурили часовые.

В сорока или шестидесяти помещениях этого мощного сооружения, настоящей крепости, возведенной в самом центре Алжира, проживало великое множество людей и животных. На первом этаже располагались конюшни и стойла, в которых содержались горячие верховые лошади, ослы и верблюды. Именно здесь Анжелика впервые увидела удивительное животное с длинной, змеевидной, пятнистой шеей, оканчивающейся миниатюрной головкой с большими доверчивыми глазами и маленькими ушками. Животное казалось смирным и незлым. Оно спокойно вытягивало из-за окружающей дворик колоннады свою длинную шею и объедало листья с ближайшего олеандра. Анжелика с

изумлением разглядывала это диковинное существо, когда чей-то голос неожиданно сказал по-французски:

— Это жираф.

Лежащая на земле куча соломы зашевелилась, и из нее поднялась сгорбленная и до крайности обтрепанная фигура старого парижского аптекаря.

— Савари, милый мой Савари, — тихо проговорила Анжелика, с трудом удержавшись от радостного взгласа. — Как вы сюда попали?

— С тех пор как я узнал, что вы находитесь в руках великого евнуха Османа Ферраджи, я не оставлял попыток проникнуть в этот караван-сарай. Мне помог случай. Меня купил грузчик-турок, в чьи обязанности входит подметание двора перед казармой янычар. Однако сознание собственной значимости не позволяет этому незаменимому должностному лицу самому махать метлой, и он был вынужден купить для этих целей раба. Один из его приятелей оказался смотрителем этого зверинца, и от него я узнал, что здешний слон захворал. Я предложил свои услуги, и мне удалось его вылечить. Смотритель купил меня у грузчика, и вот я здесь.

— Савари, что с нами теперь будет? Меня хотят увезти в Марокко, в гарем Мулея Исмаила.

— Не отчаивайтесь. Марокко — очень интересная страна, и я уже давно хотел найти случай побывать там еще раз. У меня там остались кое-какие знакомства.

— Еще один сын? — спросила Анжелика с невеселой улыбкой.

— Не один, а два. У одного из них мать была еврейка. Что бы ни говорили, а для обретения искренне преданных тебе сообщников нет ничего лучше кровных уз. Должен вам признаться, что, к моему великому сожалению, здесь, в Алжире, у меня нет наследников. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет устройство побега. Собственно говоря, вы и сами убедились в том, что такие попытки связаны с огромным риском...

— Вы слышали о моем побеге?

— Здесь новости распространяются быстро. Сбежала рабыня-француженка, и ее никак не могут найти — вполне очевидно, что это могли быть только вы. Вас не слишком сурово наказали?

— Меня не наказывали совсем. Более того, Осман Ферраджи был сама предупредительность.

— Это весьма странно, но отрадно.

— Мне даже предоставлена некоторая свобода. Мне позволяют ходить по караван-сараю и даже покидать женские покои. Словом, это еще не гарем, Савари. Морс рядом. Мне кажется, сейчас самое время еще раз попытаться бежать.

Савари вздохнул и, взяв из лохани щетку, принялся энергично тереть ею жирафа. Наконец он снова заговорил и спросил, что стало с Мухаммедом Раки. Анжелика пересказала ему признания Меццо-Морте. Все ее надежды рухнули. Теперь она желает только одного — бежать и возвратиться во Францию.

— Поначалу отсюда всегда хочется бежать, — заметил Савари, — а потом начинаешь жалеть, что ты это сделал. Такова сила чар ислама — вы сами в этом убедитесь. Но мы все равно попробуем убежать, ибо именно таким образом проявляются первые симптомы болезни.

Вечером к Анжелике явился Осман Ферраджи и вежливо осведомился, кем ей доводится пожилой раб, который убирает конюшни: отцом, дядей или иным родственником. Поняв, что за ней следили в то самое время, когда она была уверена, что ускользнула из-под наблюдения, Анжелика залилась краской. Она не без горячности ответила, что этот человек — ее попутчик, с которым ее связывают дружеские чувства, и что он к тому же является выдающимся ученым, однако мусульмане заставили его убирать навоз, поскольку, желая унижить христиан, они нарочно ставят лакея на

место господина, а людям высокого ума дают грязную работу. Этот взрыв ребяческого возмущения вызвал у Османа Ферраджи снисходительную улыбку.

— Вы заблуждаетесь, как и все христиане, — заметил он, — Ибо ислам учит, что в день Страшного суда чернила мудреца перетянут на весах пороховой воина. Скажите, этот достойный старец случайно не лекарь?

Получив утвердительный ответ, великий евнух просветлел лицом. Исландка и слон больны, пояснил он, и его очень огорчает, что эти два драгоценных подарка, посылаемые султану адмиралом алжирского флота, пришли в негодность еще до отъезда из города.

Савари сопутствовала удача — вскоре он излечил обоих своих пациентов от лихорадки, применив снадобье собственного изготовления. Анжелика была поражена, узнав, что, невзирая на все передрыги и на все умножающееся число дыр в его карманах, он, тем не менее, ухитрился сохранить свои порошки, пилюли и сушеные травы. Великий евнух приказал выдать ему приличную джеллабу и зачислил его в свою челядь.

— Вот так-то, — сказал в заключение этой эпопеи старый аптекарь. — Поначалу они всегда хотят выкинуть меня в море или отдать на съедение собакам, но очень скоро они уже не могут без меня обойтись.

Теперь Анжелика чувствовала себя менее одинокой. Рядом с нею был Савари, а также старая рабыня-христианка Фатима со своим детским французским, помогавшая ей понять язык и обычаи незнакомого мусульманского мира.

Когда Анжелика попросила Османа Ферраджи принять Фатиму к себе в услужение, он сказал, что сомневается в ее согласии отправиться в Марокко, где частные лица не могут владеть рабами и где все невольники-христиане — а их целых сорок тысяч — принадлежат султану. Правда, по исламским законам Фатима — женщина свободная, но она упрямо

продолжает считать себя рабыней и наверняка побоится ехать к арабам, чье произношение отличается от алжирского и на которых алжирцы, несмотря на всю расточаемую ими лесть, смотрят как на дикарей.

Однако вопреки всем ожиданиям Фатима заявила, что ей уже недолго осталось жить и что, поскольку в Алжире у нее теперь нет близких, она хотела бы умереть рядом со своей соотечественницей, тем более что та носит титул маркизы, как и ее первая хозяйка, которой она служила, когда еще звалась Мирей.

— Это доказывает, — заметил Осман Ферраджи, — что старая колдунья предвидит уготованный вам счастливый жребий. Она знает, что на вас упадет тень Мулея Исмаила и что вам с вашей красотой и умом суждено снискать великую милость.

Анжелика не стала его разубеждать. Она говорила себе, что из всех столпов здешнего общества, с которыми она встречалась: Меццо-Морте с его злобными волчатами, алжирского дея с его немymi душителями, раисов с их пиратскими ватагами и прочих воров и разбойников, — Осман Ферраджи был единственным, от кого она могла ждать сколько-нибудь человеческого обращения. Великий евнух проявлял к ней чрезвычайную снисходительность, что было для него весьма необычно, ибо превыше всего он ставил дисциплину и порядок. За появление без чадры во внутреннем дворе в то время, когда там находились погонщики верблюдов, юная черкешенка Марриамти была по его приказу подвергнута порке. Между тем Анжелика, позволявшая себе выходить в тот же самый дворик не только без чадры, но даже в своем собственном «неприличном» европейском платье, не услышала от него ни одного упрека. Он попросил ее закрыть лицо лишь в двух или трех случаях, чтобы походить по лавкам.

После пребывания в плавучем дворце Меццо-Морте Анжелика испытывала панический страх перед мусульманскими мальчиками. Помимо кровожадных кадетов в желтых тюрбанах она наблюдала в Алжире шайки сорванцов, которые бросали осколки бутылок в оконца подземных тюрем и втыкали острые тростниковые щепки в спины закованных в цепи галерных рабов-христиан. Нетрудно было себе представить, какая жуткая участь ждала сбежавшего раба, за которым под улюлюканье толпы гналась эта свирепая свора, Так что ей, Анжелике, еще повезло! Как-то раз она с беспокойством обнаружила, что двор караван-сарая заполнен сотнями мальчиков-подростков. Они тесно сидели на газонах и вокруг фонтанов и, казалось, были заняты одним только щелканьем орехов и поеданием сладостей и пирожков.

Анжелика поинтересовалась у Османа Ферраджи, что они здесь делают.

— Они часть тех подарков, которые мой прославленный господин, султан Марокко, соблаговолил принять от этих алжирских собак. Султан обожает детей, откуда бы они ни были: с далекого Кавказа или из Египта, из Турции или с юга Африки, из Греции или из Италии. Из своих пажей он воспитывает бойцов ударных войск. Ибо Мулей Исмаил любит мальчиков не как предмет роскоши, а потому что они — потенциальные воины. Не забывайте, что его прозвали «Мечом ислама». Он умеет чтить Аллаха. У нас рамазан, или великий пост, длится два месяца, а не один, как у этих изнеженных алжирцев. Мы постимся вдвое дольше, дабы уберечь себя от нерадения в вере, которым грешат здешние лжемусульмане. Конечно, они довольно неплохо сражаются против христиан, однако на редкость бесчестны в делах и ненавидят труд. Что они строят? Мы в Марокко строим очень много. Я подсказал султану мысль о формировании

победоносных отрядов, все воины которых были бы одновременно и строителями. Вначале пятнадцать тысяч мальчиков обучаются строить и изготавливать кирпичи. На это уходит два года. Затем на протяжении еще двух лет они верхом на лошадях охраняют наши стада. А в шестнадцать лет учатся владеть оружием и начинают участвовать в битвах.

С великим евнухом всегда было интересно беседовать. Судя по всему, он питал к французской пленнице исключительное уважение, что слегка льстило ее самолюбию, хотя она и не желала себе в этом признаться. Анжелика гадала, в какой мере этот негр с его холодным и трезвым умом может стать ее союзником. Пока что она зависела от него целиком и полностью. Остальные женщины — в большинстве своем рабыни-христианки, а также около десятка красивых кабилек и эфиопок — очень его боялись. Как только на плиты пола падала тень его длинной фигуры, они цепенели, обрывали свой смех и становились похожи на провинившихся воспитанниц монастырского пансиона. Великий евнух с величавой невозмутимостью оглядывал вверенное ему стадо непослушных притворщиц. Когда он говорил с ними, в его речи не было раздражения, однако от его зорких глаз не укрывалась ни одна деталь.

Сегодня Осман Ферраджи казался чем-то озабоченным. В конце концов, он рассказал Анжелике, чем вызвано его беспокойство. Благородная французская пленница, которую он будет иметь честь препроводить в сераль султана Марокко, кажется, говорила как-то раз, что ей доводилось самостоятельно заниматься торговлей? Что за странные нравы, позволяющие знатым женщинам вести торговлю, которая к тому же почитается низким занятием. Такое мнение, впрочем, совершенно неверно, ибо сам Мухаммед в своей великой мудрости, ниспосланной ему

Аллахом, не упускал случая напомнить, что в глазах истинного правоверного благородны все занятия и что в числе признаваемых исламом сорока пророков был землепашец Адам, плотник Иисус, нищий Иов, царь Соломон, а также несколько торговцев. Поэтому французенке не следует стыдиться того, что в прошлом — разумеется, до того, как она поднялась до высокого звания маркизы, — ей приходилось заниматься коммерцией, и, имея опыт в таких делах, она, вероятно, знает толк в сукне, ткани сугубо христианской, в качестве которой хороший мусульманин разбирается плохо. Не забыла ли еще бесценная Фирузэ, как определяется качество сукна?

Анжелика охотно выслушала пространные рассуждения Османа Ферраджи о сложностях, коими изобилует торговля, и приняла приглашение пойти с ним и осмотреть тюк купленных им сукон. Из-под обертки выглядывали рулоны зеленого и алого цвета. Анжелике очень редко приходилось торговать сукном, однако, наслушавшись сетований Кольбера по поводу неудовлетворительного состояния сукноделия во Франции, она, в конце концов, заинтересовалась вопросом и научилась разбираться в особенностях этого товара, считавшегося основным в торговле с мусульманскими странами.

Она пощупала измятый уголок ткани и посмотрела его на свет.

— Эти сукна не много стоят, — заключила она. — Вот это, красное, сделано из чистой шерсти, этого я отрицать не стану, однако из шерсти «мертвой», то есть оставленной овцами на колючем кустарнике и впоследствии собранной с его шипов, а не состриженной, как это полагается. Кроме того, оно выкрашено не мареной, а каким-то другим красителем, и я бы очень удивилась, если бы оно не выгорело на солнце.

— А зеленое? — спросил Осман Ферраджи, чья обычная невозмутимость сменилась едва скрываемой тревогой.

Анжелика помяла в руках зеленое сукно. Оно было чересчур жестким.

— Хлам! — сказала она. — Качество шерсти здесь, конечно, лучше, но это сукно выткано из смесовой пряжи и вдобавок чересчур сильно накрахмалено. Если его намочить, оно сомнется, сядет, и в нем останется только половина его нынешнего веса.

Лицо великого евнуха приобрело пепельный оттенок. Неуверенным голосом он попросил невольницу оценить качество еще двух рулонов сукна. Анжелика сказала, что оно выше всяких похвал, и, немного подумав, добавила:

— Вероятно, эти два рулона — образцы, которые были вам предоставлены, чтобы убедить вас сделать более крупный заказ?

Лицо Османа Ферраджи опять прояснилось.

— Вы угадали, госпожа Фирузэ! Вас послал мне сам Аллах. Рели бы не вы, мне бы грозила потеря престижа в королевстве Марокко, а также в княжествах Алжир и Тунис, И это при том, что наша королева, султанша Лейла Айша, очень капризна, и уж она-то сумела бы очернить меня перед повелителем. Поистине, сам Аллах удержал меня, когда, разгневанный вашим побегом, я решил подвергнуть вас пыткам на глазах остальных женщин, чтобы ваши мучения послужили им уроком. Затем я намеревался отсечь вам голову саблей и специально для этого велел ее хорошо наточить. Но благоразумие остановило мою руку, и моей славной сабле пришлось позорно ржаветь в этой крысиной норе Алжире, мерзком гнезде подлых, бесчестных торговцев! О, моя сабля! Теперь ты, наконец, утетишься! Пришла пора ради полезного и справедливого дела положить конец твоему бездействию.

Эта последняя фраза была сказана по-арабски, однако Анжелика без труда уловила ее смысл, когда увидела, как Осман Ферраджи театральным жестом выхватил свою саблю и ее клинок засверкал в солнечных лучах. Поспешно прибежавшие на его зов служанки надели на пленницу просторную шелковую чадру, затем она была посажена в окруженный вооруженной охраной портшез и в скором времени вместе с Османом Ферраджи очутилась в лавке мошенника торговца.

Тот простерся ниц, уткнувшись лбом в пол. Марокканец очень спокойно попросил Анжелику повторить высказанное ею мнение о качестве сукон. Внесенные в лавку рулоны развернули, и Анжелика начала говорить. Приказчик торговца, раб-француз, переводил ее слова, слегка заикаясь и опасно косясь на обнаженную саблю в руке великого евнуха.

Негоциант-алжирец принялся громко уверять Османа Ферраджи в своей невиновности: он знать не знал, что сукно негодного качества! Очевидно, произошло недоразумение. Он бы никогда не посмел умышленно обмануть посланца великого султана Марокко. Он сам немедля пойдет в кладовую, чтобы собственноручно отобрать все штуки сукна для выполнения заказа высокочтимого и высочайшего визиря султана Мулея Исмаила. Раболепно согнув спину, он юркнул в свой темный чулан.

Осман Ферраджи посмотрел на Анжелику с довольной улыбкой. Его глаза блестели и щурились, как у кота, готовящегося прыгнуть на мышь. Подмигнув, он слегка повел подбородком в сторону кладовой. Чуть погодя оттуда слышались истошные вопли, и хозяин лавки появился снова, тщетно стараясь вырваться из крепких рук трех черных стражников, которые задержали его, когда он пытался удрать через заднюю дверь.

Его заставили встать на колени и положить голову на тук сукна.

— Но не станете же вы рубить ему голову?! — вскричала Анжелика.

Голос француженки остановил уже занесенную руку Османа Ферраджи.

— Разве долг не велит нам уничтожить мерзкую гадину? — спросил он.

— Нет, право же, нет, — в ужасе запротестовала Анжелика.

По разумению начальника сераля Мулея Исмаила, это заступничество было лишено всякого смысла. Однако у него были свои причины щадить чувства пленной француженки, и он со вздохом объявил, что смягчает наказание торговцу, который чуть было не опозорил его, высокомудрого управителя всего громадного сераля султана Марокко! Он отрубил виновному только кисть руки, как вору. Что он тут же и проделал, быстро ударив саблей с таким видом, будто перед ним лежал всего-навсего стебель сахарного тростника.

— Воистину, нам пришло время покинуть этот воровской город и эту воровскую страну! — сказал Осман Ферраджи несколькими днями позднее.

Анжелика вздрогнула. Она не слыхала, как он вошел. Великого евнуха сопровождали три негритенка: один нес кофе, другой — толстую книгу, свиток бумаги, чернильницу и тростниковую палочку для письма, а третий — горящую головню и ворох колючих веток. Анжелика в тревоге ждала, что будет дальше. От этого странного человека можно ожидать и самого худшего... Может быть, эти предметы в руках негритят — орудия для какой-то особой, изощренной пытки, которой он решил ее подвергнуть?

Великий евнух улыбался. Он вынул из складок своей джеллабы большой платок в красную и черную клетку,

развязал завязанный на нем узелок и извлек из него кольцо.

— Это кольцо я дарю вам, — сказал он. — Оно, конечно, невелико, ибо, хотя я очень богат, исключительное право дарить вам подарки большой ценности я должен оставить султану, моему повелителю. Я предлагаю вам этот дар в знак того, что между нами заключен союз. А теперь я начну обучать вас арабскому языку.

— Но... для чего нужен этот огонь? — спросила Анжелика.

— Для того чтобы очистить воздух вокруг священного Корана, который вы сейчас начнете изучать. Не забывайте — вы пока остаетесь христианкой, а значит, оскверняете все, что вас окружает. Везде, где вы будете проезжать во время нашего путешествия, мне придется очищать место для совершения молитв и частенько использовать для этого огонь. Поверьте мне, это очень обременительно...

Осман Ферраджи оказался мягким, терпеливым и просвещенным учителем. Анжелика начала находить в его уроках немало приятного. Они ее развлекали. Знание арабского могло принести ей только пользу. Оно поможет ей найти сообщников и в один прекрасный день убежать.

Как? Когда? Где? Этого она не знала. Она только повторяла себе снова и снова, что если останется жива и в здравом рассудке, то непременно сумеет совершить побег!

Среди множества странных вещей, которые ей предстояло для себя открыть, было и то, что понятие времени на Востоке отсутствует. И когда великий евнух раз за разом повторял ей, что «они уезжают немедленно», она воспринимала эти слова буквально. Каждый день она ждала, что ее посадят на верблюда и

их караван тронется в путь. Однако один день сменялся другим, Осман Ферраджи в очередной раз бранил ленивых и вороватых алжирцев, вороватее которых были, по его словам, только евреи и христиане, а между тем в караван-сараях не было заметно никаких приготовлений к отъезду. Вместо этого великий евнух как-то принес Анжелике отрез венецианского бархата, чтобы узнать, как она его оценивает, а в другой раз пришел посоветоваться по поводу выбора кордовской кожи для изготовления седел. Затем он уведомил пленницу, что ждет прибытия мускуса из Аравии, фисташек и абрикосов из Персии, а также восхитительной персидской нуги, в сравнении с которой нуга из Алжира или Каира кажется всего лишь дрянной подделкой.

Сама того не желая, Анжелика увлеклась его хозяйственными заботами и, не удержавшись, сообщила ему, что перс Бахтиари-бей дал ей точный рецепт подлинной персидской нуги, которая изготавливается из меда, смешанного с толченым миндалем и некоторыми другими перетертыми в порошок ингредиентами, в число коих входит знаменитая библейская манна небесная. Эта манна представляет собой кристаллики сахаристого сока, довольно обильно выделяемого некоторыми кустарниками, и ветер иногда собирает ее в настоящие белоснежные дюны. Полученную смесь месят ногами в мраморных чанах и добавляют к ней фисташки и фундук.

Суровый Осман Ферраджи захлопал в ладоши, точно обрадованный ребенок, и немедленно отправился на поиски манны небесной, этого прославленного продукта библейских пустынь, что обещало затянуть их пребывание в Алжире на неопределенное время. Анжелика не знала, радоваться ей этому или нет. Пока рядом с ней было море, она могла надеяться на побег. Правда, наличие в городе многих тысяч рабов, иные из

которых находились здесь уже по двадцать лет, убеждало в тщетности таких надежд. Все в Алжире было устроено так, чтобы не допустить побегов пленных христиан. Однажды Анжелика вообразила себе, что они поплывут в Марокко по морю. За ночь она вполне себя убедила, что марокканские суда непременно будут остановлены мальтийскими рыцарями или христианскими пиратами, и эта радостная уверенность освещала ее лицо, когда во время очередного урока арабского великий евнух сказал, словно завершая уже начатый разговор на эту тему:

— Если бы на море не маячил этот проклятый мальтийский флот, мне хватило бы и двадцати дней, чтобы доставить вас вашему господину, могучему повелителю правоверных Мулею Исмаилу.

Он так сощурил глаза, что они почти закрылись и между веками виднелись только узенькие щелки. Анжелика уже знала, что он принимает такой вид, когда хочет узнать ее мнение и даже, не прося об этом прямо, получить от нее совет, а иной раз и тогда, когда желает дать ей понять, что разгадал ее тайные мысли. Теперь начальник гарема, похоже, завершил все приготовления к отбытию своего внушительного каравана. Каждый день делалось объявление об отъезде, и каждый день в силу загадочных причин — а может быть, и без оных — приказ об отъезде отменялся, и Осман Ферраджи в который раз принимался ждать некоего нового знамения, невидимого, и даже более того — непредвидимого. Одной из причин задержки были опасения за здоровье карликового слона. Нельзя же, в самом деле, тащить через горы и пустыню это не вполне еще выздоровевшее животное, очень ценное и редкое, которому его величество, несомненно, окажет самый восторженный прием. Мулей Исмаил страстно любил животных. В его конюшнях содержалась тысяча

лошадей, а в его садах — сорок кошек, причем все они отзывались на свои клички. Необходимо подождать, пока драгоценный слон поправится. И великий евнух каждый день подолгу совещался с пользовавшим слона мэтром Савари.

Затем возникла надобность дожидаться, когда триполитанцы захватят корабль, груженный, как стало известно, самой превосходной мальвазией. По этому случаю Анжелике пришлось выдержать дотошные расспросы. Как следует относиться к сладким греческим, французским, испанским, португальским и итальянским винам? Представляют ли они собой некрепкие ликеры, которые можно подавать женщинам в гареме, или же их следует считать винами опьяняющими и, следовательно, запрещенными исламом? Анжелика не без иронии предложила обратиться за ответом на этот щекотливый вопрос к ученым толкователям Корана. Великий евнух был восхищен этим советом, поскольку он доказывал, что его ученица рассудительна и что она хорошо усвоила его поучения о том, что «ислам» означает «покорность».

По заключению знатоков исламских законов, Мухаммед дозволил правоверным пить вина из Мальвазии, так что оставалось только дожидаться их захвата. Великий евнух был бы глубоко огорчен, если бы ему пришлось возвращаться домой без какого-нибудь редкого и изысканного напитка для услаждения его подопечных, которым за решетками гарема всегда хотелось чего-нибудь нового и необычного. В начале своего пребывания в Алжире он приобрел несколько бочек вина, известного, по словам торговца, своим прекрасным вкусом. Однако, узнав от Анжелики, что ему подсунули отвратительную дешевую кислятину, он понял, что прохвосты-алжирцы опять чуть было его не опозорили. И теперь ничто не смогло остановить его карающей сабли — она обрушилась на шею

проходимца, который продал ему эти бочки и вдобавок имел наглость требовать снисхождения на том основании, что он-де совершил паломничество в Мекку и носит звание «хаджи».

Анжелика терпеливо выслушивала эти излияния, весьма похожие на бабские сплетни. Она иной раз изумлялась тому, что поначалу приняла этого негра за потомка евангельских царей-волхвов. Она говорила себе, что он мелочен и пошл, как какая-нибудь кумушка, что по болтливости он не уступит любой женщине, а по нерешительности даже превзойдет ее. Казалось, что он все время неуверенно топчется на месте, пытаясь ощупью определить дальнейший путь.

— Не обольщайтесь, сударыня, — сказал, качая головой, старый Савари, когда Анжелика поделилась с ним своими сомнениями. — Именно ОН, этот самый Осман Ферраджи, сделал Мулея Исмаила королем Марокко и сейчас стремится сделать его повелителем всего исламского мира, а возможно, даже и Европы. Будьте с ним осторожны и обходительны и молитесь, чтобы Бог помог нам вырваться из его лап, потому что Бог — единственный, кому это под силу.

Вспоминая эти слова, Анжелика пожимала плечами. Вот и Савари заговорил так же, как этот помешанный д'Эскренвиль. Может быть, разум старого аптекаря начал понемногу дряхлеть? Что было бы совсем немудрено — от всех этих злоключений недолго и ослабеть умом. Если уж Савари, всегда такой изобретательный и полный хитроумных замыслов, опустил руки и препоручил их спасение Богу, то это, конечно, потому, что Савари теперь не тот! Или же потому, что он считает их положение особенно трудным...

Как лекарь и знахарь Савари мог ходить по городу совершенно свободно. Он обшаривал лавки и базары в поисках целебных трав и химических продуктов для

изготовления лекарств и, главное, — каждый раз возвращался с ворохом новостей, услышанных от христиан, попавших в алжирский плен недавно. В Алжир, куда стекались пленники из всех уголков Европы, новости доходили, пожалуй, быстрее, чем до королей Франции, Англии или Испании. Так, здесь было уже известно, что Ракоци стал королем Венгрии, а Людовик XIV выступил в поход против Голландии. Сейчас эти известия казались Анжелике пустячными и ирреальными. Могучий король Франции, начинающий войну против едва ли не всей Европы, — неужели это тот же самый человек, что держал ее в своих объятиях и тихим голосом умолял не быть к нему жестокой? А если она призовет его на помощь, велит ли он заговорить своим грозным пушкам, чтобы выволить ее из рабства? Но об этом она пока не думала и сразу же отбросила мелькнувшую мысль, потому что обратиться к королю значило бы признать свое поражение. Ни один из этих бесчисленных рабов, прибывших со всех концов света, ни разу не упомянул о хромом, изуродованном шрамами человеке по имени Жоффрей де Пейрак. Анжелика доподлинно знала, что он прибыл в Средиземноморье, однако несколько лет назад его след потерялся. Неужели придется доверить версии Меццо-Морте, что граф давно умер от чумы? Когда ею овладевала эта мысль, она испытывала что-то похожее на облегчение. Порой самая худшая из пыток — это пытка неизвестностью. Лучше уж выпустить скопившийся в ране гной и оставить ее открытой. «Я слишком далеко зашла в погоне за моей мечтой», — думала Анжелика. Временами ей начинало казаться, что теперь она стала лучше понимать Савари. Многие годы он жил, одержимый своими идеями по поводу «минерального мумие». Дерзкий поджог кандийского порта и тот был для него только научным экспериментом. И теперь он не знал, что ему делать

дальше. Кости ископаемого карликового слона и неусыпные заботы о его ныне живущем потомке были явно недостаточной пищей для его ума исследователя. Его, как и ее, занес сюда слепой, бессмысленный рок... Да и что такое есть в сущности жизнь? Разве вся она не пустое, бесцельное топтание на месте? Нет, нет, она ни за что не позволит себе размякнуть в этой расслабляющей жаре, в этой роскошной клетке. Она хочет вырваться на волю — и это уже само по себе составляет цель!

Она с удвоенным рвением склонилась над пергаментом, выводя на нем арабские буквы, — и тут же вздрогнула, перехватив направленный на нее пристальный взгляд Османа Ферраджи. Она совсем забыла о его присутствии. Ей начало казаться, что он сидел здесь всегда, величавый и загадочный, скрестив длинные ноги под складками белой шерстяной джеллабы. Сегодня поверх джеллабы на нем был надет сизый кафтан, а голову увенчивала высокая черная шапка с вышивкой такого же ярко-оранжевого цвета, как и его ногти.

— Человеческая воля есть оружие магическое и опасное, — сказал он.

Анжелики посмотрела ему в лицо, охваченная приступом ярости, которая вскипала в ней всякий раз, когда Осман Ферраджи читал ее тайные мысли.

— Уж не хотите ли вы сказать, что предпочтительнее безвольно плыть по жизни, как плывет по реке дохлая собака?

— Наша судьба находится не в наших руках, и что предначертано свыше, то и свершится.

— Значит, по-вашему, человек не способен изменить свою судьбу?

— Способен, — строго промолвил великий евнух. — Каждый человек обладает возможностью противостоять судьбе, хотя эта возможность и

ничтожно мала. Осуществить ее можно лишь с помощью сильной воли. Вот почему я говорю, что воля есть род магии, потому, что она совершает насилие над естественным ходом событий. А опасна она оттого, что за такой результат приходится очень дорого платить и он влечет за собой тяжкие испытания. Именно поэтому христиане, использующие личную волю по любому поводу и для достижения целей пустых и мелких, постоянно оказываются в разладе со своей судьбой и навлекают на себя многочисленные беды, на которые потом столь часто сетуют.

Анжелика покачала головой.

— Я не могу вас понять, Осман-бей. Мы принадлежим к разным мирам.

— Мудрость нельзя обрести в один день, особенно тем, кто взращен среди глупости и непоследовательности. И поскольку вы умны и красивы, я хочу предостеречь вас от тех несчастий, которые вас постигнут, если вы будете упорствовать в стремлении насильно изменить судьбу так, как желаете Вы, между тем как от вас сокрыты пути и цели, предназначенные вам Аллахом.

Анжелике хотелось отвести глаза и надменно ответить, что мудрость Корана не может сравниться с духовными богатствами греко-римской цивилизации. И тем не менее она вовсе не чувствовала себя задетой. Ею владело умиротворяющее чувство, будто ее направляет и хранит находящийся вне ее ясный и светлый разум, которому под силу разорвать мрак, скрывающий от нее ее будущее.

— Осман-бей, вы чародей?

Улыбка, тронувшая губы великого евнуха, была не лишена доброты.

— Нет, я всего лишь человек, свободный от тех страстей, которые у столь многих отнимают прозорливость. И вот еще что, Фирузэ, — я хотел бы

напомнить тебе главное: Аллах всегда дарует человеку желаемое, если то, о чем человек просит, справедливо и молитва возносится каждый день.

Глава 8

Караван, словно исполинская гусеница, медленно полз под темно-голубым небом, извиваясь между бурыми скалами и поднимаясь все выше и выше в горы Среднего Атласского хребта. В нем было две сотни верблюдов, столько же лошадей, триста ослов и два диких животных — карликовый слон и жираф. Впереди ехал большой отряд вооруженных всадников, в большинстве своем негров, такой же отряд двигался в арьергарде, и, наконец, с боков процессию охраняло множество рассредоточенных конных воинов. Около ста человек шли пешком, разбившись на группы вдоль всей длины каравана, «самого огромного за последние пятьдесят лет», как не без гордости объявил глава экспедиции, великий евнух Осман Ферраджи.

От авангарда то и дело отделялись всадники на конях и верховых верблюдах, уносясь вперед всякий раз, когда караван приближался к узкому перевалу или ущелью, где его могла ждать засада. Дозорные взбирались на вершины, откуда можно было увидеть преграждающих путь разбойников, и оповещали об их появлении выстрелами из мушкетов. Для передачи других сведений использовались сигналы, передаваемые с помощью зеркал, отражающих солнечный свет.

Анжелика сидела в паланкине, укрепленном между двумя мохнатыми верблюжьими горбами. Ехать в паланкине считалось великой честью — многие женщины, даже те, что были предназначены для гарема, шли пешком либо тряслись верхом на ослах.

Путь лежал через горы, то голые, то поросшие кедрами и акациями. Пешие носильщики, почти сплошь были арабы, тогда как все до единого негры, включая

десятилетних мальчиков, ехали верхом и с оружием в руках. Тех самых мальчишек, которые в Алжире поражали своей замкнутостью, обжорством и ленью, с началом путешествия как будто подменили. Выяснилось, что они очень веселы, умеренны в еде и умеют без усталости скакать верхом. Казалось, их удручает в жизни только одно — что нельзя беспрестанно бросаться в погоню за разбойниками и, состязаясь друг с дружкой в искусстве верховой езды, пускать лошадей в галоп и срубить на скаку ветки деревьев.

В противоположность неугомонной детворе взрослые воины-негры отличались строгой величавостью и каменной неподвижностью лиц. Они были вооружены еще лучше — каждый имел саблю, мушкет и копье — и одеты в форму, состоящую, из красного тюрбана и красных шелковых шаровар. Это были «буакеры», отборная гвардия султана Марокко. Рядом с ними несколько полувзводов янычар, которых паша Алжира и Меццо-Морте попросили охранять караван их сановного гостя во время перехода через хребет Средний Атлас, выглядели как бедные родственники.

Пастырем этого стада, медленно движущегося вперед к облаке желтой пыли, бесспорно, был Осман Ферраджи. Разъезжая верхом на своем белом коне, он неустанно надзирал за порядком в колонне, поддерживал связь с офицерами конвоя, одергивал чересчур расшалившихся мальчиков-воинов и заботился о том, чтобы наиболее интересным из купленных им пленниц часто подавали легкие закуски и прохладительное питье.

Сейчас он снова был в своем ярком суданском плаще и шитом золотом тюрбана, который ослепительно сверкал в лучах солнца всякий раз, когда великий евнух выпрямлялся в седле, вглядываясь в

даль, или поворачивал голову, чтобы отдать приказ своим благозвучным женским голосом, так удивительно не вяжущимся с его суровой внешностью и гигантским ростом.

Именно он вступал в переговоры с главарями разбойничьих шаек, если начавшаяся стычка грозила перерасти в серьезную битву. Бандитов было так много, что на их истребление потребовалось бы израсходовать слишком большое количество боеприпасов, и очень часто разумнее было купить право беспрепятственного проезда за несколько кошель золотом или мешков зерна. По большей части разбойники были кабилы, одетые в синее и почти со всем белокожие. Они принадлежали к горским и земледельческим племенам, которых нищета толкала на вымогательство выкупа с проходящих по их земле караванов. Их луки и стрелы не могли тягаться с мушкетами воинов султана Марокко.

— Вот оно, воплощение беспорядка, царящего на землях Алжира и Туниса, — с презрением говорил Осман Ферраджи. — Вот какую цену платят мусульмане за то, что позволили руководить собой ренегатам-европейцам, которые помышляют только о своих сиюминутных выгодах. Вы увидите, как все изменится, когда мы въедем в Марокко. Там старосты селений отвечают головой, если у находящегося под их защитой путника хоть что-нибудь украдут. Поэтому в Марокко дороги безопаснее, чем в любой другой стране мира!

Осман Ферраджи стремился как можно скорее достичь границ своего излюбленного королевства. Величина каравана и перевозимые им сокровища привлекали разбойников, как мед привлекает к себе мух. Фатима подробно описала Анжелике богатые дары, которые адмирал Алжира посылал великому повелителю Марокко Мулею Исмаилу.

Во-первых, золотой трон, сверкающий драгоценными камнями и имеющий свою бурную

историю. Меццо-Морте получил его как трофей при захвате венецианской галеры. Венецианцы, в свою очередь, отняли его у корсара, плывшего из Бейрута, где этот трон был украден у персидского шаха, когда тот ехал с визитом к шиитским и исмаилитским племенам. Одно только золото, пошедшее на его изготовление, стоило восемьдесят тысяч пиастров.

Далее, два экземпляра Корана в обложках, инкрустированных драгоценными камнями.

Богато вышитый покров Каабы.

Три сабли, украшенные драгоценными камнями, золотой умывальный стол с принадлежностями — всего семьдесят девять предметов, тысяча отрезов муслина для тюрбанов, два вьюка персидского шелка и пятьсот вьюков более дешевого венецианского.

Кроме этого — сто мальчиков, двадцать черных евнухов из Сомали, Ливии и Судана, десять черных эфиопов и семь белых из народности, произошедшей, как полагают, от халдеев, и шестьдесят арабских лошадей, из коих семь лучших — с седлами. А сверх того еще много отделанной золотом конской сбруи, расшитые жемчугом чепраки, карликовый слон из Судана, покрытый алой попоной, жираф из верховьев Нила и двадцать пять вьюков друзских мушкетов. И двадцать женщин разных народов, из числа самых красивых...

Как человек, привыкший к богатству и роскоши, Анжелика не могла удержаться от того, чтобы подсчитать примерную стоимость этих сокровищ. По ее прикидкам выходило что-то близкое к двум миллионам ливров! Анжелика была поражена. Это показало ей истинное могущество калабрийского ренегата, с которым она вела себя так нахально. Да, Меццо-Морте был силен! Но она-таки ему не поддалась и точно так же не поддастся этому Мулею Исмаилу, как бы страшен он ни был! При этой мысли Анжелика задрожала Я

вышла из того состояния отрешенности, в которое ее погружали длинные дневные переходы с их доводящим до тошноты укачиванием.

Вечером разбили шатры, и вверх заструился дым бивачных костров, замутняя наконец дохнувшее прохладой желто-оранжевое небо. Чтобы немного развлечь женщин, купленных для султанского гарема, Осман Ферраджи прислал к ним нескольких, жонглеров, заклинателя змей с тоскливо и назойливо поющей дудочкой, дервиша, глотающего скорпионов, толченное стекло и отростки кактуса, и плясуна, совершающего изумительные прыжки под аккомпанемент увешанного бляхами бубна. Кроме них был еще прислан слепой певец, бречащий на каком-то музыкальном инструменте, похожем на миниатюрную гитару. Сидя по-турецки перед входом в шатер и обратив к небу лицо цвета спелой, темной сливы, он монотонным речитативом восхвалял все новые и новые достоинства Муле я Исмаила. Анжелика уже достаточно знала арабский, чтобы понять смысл его заунывного песнопения:

«Он молод и прекрасен, и необычайна сила его. Лицо его изменяет цвет, отражая страсти, полыхающие в его сердце. В радости оно почти бело. Но в гневе черен лик его, а очи красны от крови. Сколь остер и быстр его ум! Он предвосхищает мысли тех, кто говорит с ним. Он ловок и хитроумен и всегда достигает своей цели. Он провидит грозящие бедствия и всегда бдит. Перед лицом опасности он смел и бесстрашен и безмерно стоек и тверд в несчастьи... В гордости он превзошел халифа Гаруна-аль-Рашида, а в смирении — наипоследнейшего из покрытых паршою нищих. Он воистину велик, ибо его глазами на нас зрит сам пророк». Анжелика машинально слушала, убаюкиваемая монотонным, гортанным голосом певца. Она сидела у входа в просторный, устланный мягкими

подушками шатер, куда ее помещали во время привалов вместе с невольницей-черкешенкой, очаровательной и печальной девочкой-подростком, которая без конца плакала, вспоминая родину и своих родителей.

Езда на верблюде убедила молодую француженку в необходимости надеть костюм турчанок, наподобие того, который она недолго носила в Кандии: длинные шальвары из легкой ткани, кисейную сорочку с длинными рукавами и короткую, свободную, украшенную вышивкой безрукавку. Жизнь в караване, идущем через пустыню, совсем не располагала к ношению жестких фижм, вставного нагрудника и корсета.

Анжелика грызла обвалянные в сахаре и поджаренные на бараньем жиру фисташки, говоря себе, что в довершение всех своих бед она еще и неминуемо растолстеет...

Слепой певец продолжал монотонно тянуть:

«Он победил своих врагов и правит один.

У скольких неверных слетели головы с плеч в вечерней битве! Сколько их хрипит, когда их волокут за лошадьми по земле!

Для скольких горл ожерельями стали наши копья! Сколько дротиков торчат из грудей наших врагов!

Сколько пленников, сколько устилающих землю трупов! Сколько раненых лежат в растекающейся из их жил крови!

Хищные птицы садятся и утоляют ею свою жажду.

Всю ночь лижут ее шакалы.

Шакалы и стервятники говорят: «Здесь прошел Мулей Исмаил», Наутро все воины его были пьяны — но не от хмельных напитков! Наместник его, Ахмет, послал ему из Тафилалета в двух повозках шесть тысяч отрубленных голов. Когда повозки прибыли в Мекнес,

десяти голов не хватало. Мулей Исмаил взял саблю и снес головы десяти нерадивым стражам».

К Анжелике склонилась высокая фигура Османа Ферраджи, и великий евнух учтиво спросил:

— Достаточно ли вы понимаете по-арабски, чтобы уловить смысл слов почта?

Вполне достаточно, чтобы ночью мне стали сниться кошмары. По-моему, ваш Мулей Исмаил — это прежде всего кровожадный дикарь.

Осман Ферраджи ответил не сразу. Он взял тремя пальцами маленькую чашечку, в которую раб налил только что сваренный кофе, и, наконец, сказал:

— Какая империя создавалась иначе, нежели убийствами, войнами и кровью? Мулей Исмаил лишь недавно победил в борьбе со своим братом, Мулеем Арши. По линии отца он потомок Мухаммеда, мать же его была негритянкой из Судана.

— Осман-бей, неужто вы серьезно думаете сделать меня одной из бесчисленных наложниц вашего государя?

— Нет, вы станете его третьей и самой любимой женой.

Анжелика решила прибегнуть к уловке, на которую ни одна женщина в мире не пойдет по доброй воле. Она приняла решение прибавить к своему настоящему возрасту пять... нет, семь... нет, лучше всего — десять лет и призналась Осману Ферраджи, что ей уже перевалило за сорок. Как же может он, великий евнух, поставщик удовольствий для ложа своего весьма привередливого государя, подсунуть ему в качестве любимой жены женщину, находящуюся уже на склоне лет? Ведь он сам недавно рассказывал ей, каких хлопот ему стоит содержать отставленных наложниц, которых приходится отсылать в какую-нибудь дальнюю крепость, в то время как гарем непрерывно

пополняется юными девушками пятнадцати — двадцати лет?

Осман Ферраджи слушал ее с лукавой усмешкой.

— Так вы, стало быть, очень старая, — резюмировал он.

— Да, очень, — подтвердила Анжелика.

Что ж, это не отвратит от вас моего господина. Он умеет ценить ум, остроумие и опыт, присущие женщине в годах, особенно когда этот ум таится в теле, не утратившем прелестей молодости.

И великий евнух с легкой усмешкой посмотрел ей в лицо.

— Тело молодой девушки, взгляд зрелой женщины... томность, искусность в любви и, может быть, даже, некоторая развращенность женщины, находящейся в расцвете своего естества. В тебе все это есть, и эти пикантные контрасты не только не отвратят, но привлекут моего господина. Он заметит их с первого взгляда, потому что он способен видеть людей насквозь, несмотря на свою молодость и бешеное сладострастие, которое не ослабевает в нем благодаря негритянской крови его матери. Он мог бы от этого погибнуть, ибо пламя его страсти неугасимо и постоянно вспыхивает под воздействием доставляемых ему новых соблазнов. Он мог бы попусту растратить время и силы в изнурительной погоне за утолением своего ненасытного вожделения. Однако он уже сейчас обнаруживает качества человека гениального. Он умеет физически и морально противостоять и искушениям, и усталости. Не пренебрегая прелестями своих наложниц или, скорее, умея ими пренебречь вовремя, он способен прилепиться сердцем к одной-единственной женщине, если в ней он увидит отсвет своей собственной душевной силы. Знаешь, сколько лет его первой жене, самой любимой, у которой он часто ищет совета? По меньшей мере сорок... но не как тебе, а по-настоящему.

Она очень толста и так высока, что возвышается над ним на целую голову, хотя он весьма рослый... А кожа у нее черная, как дно закопченного котла. Посмотрев на нее, в недоумении спрашиваешь себя, с помощью каких чар она ухитрилась так завладеть сердцем султана, что он подпал под ее влияние.

Зато второй его жене немногим больше двадцати лет. Она англичанка, которую корсары из Сале захватили, когда она вместе с матерью плыла в Танжер, где ее отец был офицером гарнизона. У нее золотые волосы, бело-розовая кожа и бездна очарования. Она могла бы всецело покорить Мулея Исмаила, однако...

— Однако что?

— Однако первая жена, Лейла Айша, подчинила ее себе, и она ничего не делает, не доложив об этом старшей султанше и не последовав ее указаниям. Все мои попытки наставить ее и помочь ей освободиться от этого влияния были тщетны. Нет, прелестная Дэйзи, которая, перейдя в ислам, стала зваться Валиной, отнюдь не глупа, но султанша Лейла Айша никогда не даст ей выйти из своей воли.

— А вы, Осман-бей, разве не считаете себя преданным слугой своей государыни Лейлы Айши? — осведомилась Анжелика.

Великий евнух несколько раз поклонился, касаясь рукой своего плеча и лба, и во всеуслышанье возгласил, что он душой и телом предан султанше всех султанш.

— Ну, а какой, по-вашему, должна стать третья жена султана?

Осман Ферраджи по своему обыкновению полузакрыв глаза.

— Его третья жена будет обладать недюжинным умом и честолюбием Лейлы Айши и жемчужно-золотой красотой англичанки. С нею мой господин вкусит такое блаженство, что для него перестанут существовать другие женщины.

— И она, конечно же, будет во всем беспрекословно следовать советам великого евнуха, распорядителя сераля?

— И это принесет великую пользу и ей, и моему повелителю, и всему королевству Марокко.

— Поэтому-то вы и не отрубили мне голову тогда, в Алжире?

— Разумеется.

— А отчего вы не приказали высечь меня до крови, как мне все тогда пророчили?

— Ты бы никогда мне этого не простила! Никакие извинения, никакие посулы, никакие знаки внимания уже не смогли бы изгладить в тебе память об оскорблении и желание отомстить, не так ли, милая Фирузэ?

Пока они беседовали, стемнело. Повсюду зажглись костры; слышались нестройный гул голосов, тонкое пение флейты и звяканье бубнов. Время от времени раздавались режущий слух рев верблюдов, ржание лошадей и блеяние баранов, стадо которых гнали за караваном, чтобы можно было резать нескольких каждый день.

Над кострами висели котлы, в которых кипела жирная похлебка с кускусом. Носильщики-арабы, воины, а вместе с ними и рабы, теснясь вокруг котлов, мелкими глотками прихлебывали обжигающее варево, приправленное душистым кориандром и сдобренное каким-то растительным маслом с таким же приятным вкусом, как у коровьих сливок. Из рук в руки передавали блюда с кебабом, кушаньем из бараньего окорока, порезанного на небольшие кусочки и поджаренного на бараньем жире. Мясо могли есть только хозяева, а рабам полагались вареные овощи с перцем.

Теперь тепло шло уже не с неба, а от нагревшейся, словно печь, земли. Ее жаркое дыхание обволакивало

людей и животных, усиливая запахи овечьего пота и растопленного жира, над которыми все равно царило доносимое порой ветерком свежее благоухание мяты.

Сильный мужской голос запел песню, заглушив монотонные и визгливые звуки мусульманской музыки. Это пел раб-неаполитанец, очарованный звездным небом и прелестью привала в уснувшей ночной пустыне. Он забыл о своей неволе и вдруг ощутил себя частью этой вольной, бродячей жизни, олицетворяющей свободу даже для того, кто идет в цепях.

И, почувствовав, что она тоже недалеко от того, чтобы поддаться схожему искушению, искушению смириться с рабством, Анжелика с жаром сказала:

— Не рассчитывайте на меня, Осман Ферраджи! Я создана не для того, чтобы сделаться одалиской султана-мулата.

Великий евнух ничуть не оскорбился.

— Откуда тебе это знать? И стоит ли твоя прежняя жизнь того, чтобы о ней сожалеть?..

«Так где бы ты хотела жить? Для какого мира тебя создал Господь, сестрица Анжелика?» — сказал когда-то ее брат Раймон, глядя ей в лицо своими пронизательными глазами иезуита.

— В гареме великого султана Исмаила у тебя будет все, что может пожелать женщина: власть, любовные наслаждения, богатство...

— Сам король Франции бросил к моим ногам власть и все свои богатства, но я их отвергла!

Ну вот, ей удалось-таки повергнуть его в изумление!

— Возможно ли? Ты отказала в любви своему государю, когда он тебя о ней просил? Неужели ты из тех женщин, которым радости плотской любви чужды? Нет, этого не может быть. В твоих манерах, походке чувствуется вольная непринужденность женщины, которая хорошо себя чувствует в мужском обществе. Твое страстное жизнелюбие, смелая улыбка, смелый

взгляд — все это говорит о том, что ты прирожденная куртизанка. Я не мог обмануться.

— И все же вы обманулись, — твердо сказала Анжелика, наслаждаясь его смятением. — Я разочаровала всех моих любовников и, овдовев, решила, наконец, зажить спокойно, без треволнений, порождаемых любовью и неразрывно связанными с нею интригами. Не стану отрицать — моя холодность повергла короля Людовика XIV в глубокое отчаяние, но что я могла поделаться? Очень скоро я разочаровала бы и его, и он заставил бы меня дорого за это заплатить, потому что нерадение в делах такого рода монархи расценивают как оскорбление. Разве ваш Мулей Исмаил поблагодарит вас, если вы подложите ему в постель женщину холодную и безучастную?

Осман Ферраджи встал, в растерянности потирая свои холеные, изящные руки. Ему стоило огромного труда не выказать перед пленницей той жестокой досады, которую у него вызвали ее признания. В великолепно отлаженный механизм его замыслов вклинилась помеха и какая! Что ему делать с рабыней, которая так поразительно красива и по всем признакам должна обладать столь пылким темпераментом, что пресыщенный Исмаил наверняка был бы ею вполне удовлетворен, но которая, тем не менее, па поверку окажется неумелой и пассивной? Плачевное зрелище! При мысли о нем Османа Ферраджи заранее прошибал холодный пот, а в его ушах звучал гневный рев Мулея Исмаила.

Ведь султан не раз жаловался, до чего ему наскучила бесконечная вереница бесцветных дев, спору нет, красивых, но только разочаровывающих его своей неопытностью. А более искусные на ложе женщины уже отмечены печатью увядания.

Великий евнух предпринял дальнейшее и утомительное путешествие на окраину огромных джунглей

Центральной Африки, где, как ему было известно, существовала секта «чикомби» — дев, которых колдуны обучили всем тонкостям любовного искусства. Но Мулей Исмаил только недовольно поморщился. Темнокожие женщины ему уже надоели, сказал он. Теперь он желает белых. И Осман Ферраджи отправился в Алжир. Однако из всего того, что он вез оттуда, только об Анжелике он мог наперед с уверенностью сказать, что она удовлетворит султана. Великий евнух пересмотрел бесчисленное число невольниц, приобрел наиболее красивых, но все они, без сомнения, были слишком юны и неопытны. Исландку с ее похожими на лунные лучи волосами и глазами жареной рыбы можно было подать разве что в качестве любопытной диковины. Ее никак не удавалось вывести из оцепенения, и к тому же по всему видно, что она скоро умрет.

Поэтому он, Осман Ферраджи, все поставил на эту бирюзовооую женщину с ее вспышками страстного тигриного непокорства и неожиданными проблесками детской веселости. Слух о ней прошел по всему Средиземному морю. Меццо-Морте задумал ее захватить именно по настоятельным просьбам великого евнуха, и вопреки представлениям Анжелики тот получил ее не как дар, а фактически купил у калабрийского ренегата — и по немыслимой цене, — поскольку всю затею с засадой на острове Кам финансировал он один. И вдруг красавица признается ему в недостатке, совершенно непростительном для наложницы, которую он желал бы возвысить до звания любимой жены султана и которая, по его замыслу, должна была крепко привязать к себе Мулея Исмаила благодаря своему уму и плотской притягательности.

Внезапно великий евнух встревожился еще сильнее, вспомнив, что француженка, когда он дал ей возможность свободно ходить по караван-сарая, совсем не пыталась привлечь к себе внимание мужчин. Она

была равнодушна к дерзким взглядам воинов и погонщиков верблюдов и никогда, как другие женщины, не посматривала исподтишка на мускулистые ноги или тонкую талию хорошо сложенного мужчины.

Осман Ферраджи знал, что христианки из западных стран нередко бывают холодны и на удивление неумелы в любовных трудах, которые, по всей видимости, внушают им страх и стыд. Он выдал свое замешательство, громко воскликнув по-арабски:

— Что же мне с тобой делать?

Анжелика поняла эти слова и увидела, что, ей подвернулась возможность выиграть время.

— Вам незачем показывать меня Мулею Исмаилу, — сказала она. — В гареме, где, по вашим словам, содержатся почти восемьсот женщин, мне не составит труда остаться незамеченной. Я буду держаться рядом со служанками. Я буду избегать случаев оказаться около султана. Я всегда буду в чадре, а вы можете сказать, что я обезображена кожной болезнью.

Осман Ферраджи досадливым жестом остановил ноток ее выдумок. Он сказал, что подумает, и удалился. Анжелика с иронией посмотрела ему вслед, однако в глубине души ее немножко мучила совесть, оттого что она так жестоко его огорчила.

Глава 9

Стоило каравану пересечь границу султаната Марокко, как окружающая обстановка резко переменилась. С горизонта исчезли силуэты разбойников. Вместо них на пути, то и дело попадались приземистые крепости из нетесаного камня, которые армия Мулея Исмаила воздвигала по его приказу во всех уголках страны. Из крепостей выезжали их гарнизоны, состоящие из негров в красных тюрбанах, и скакали галопом впереди каравана. Привалы теперь делались в окрестностях селений, старосты которых услужливо спешили доставить путникам домашнюю птицу, молоко и баранов. После того как караван уходил, они приказывали жечь на месте бивака связки тростника с необрезанными листьями, чтобы очистить землю, оскверненную пребыванием на ней рабов-христиан, Никто не смог бы упрекнуть здешних жителей в легкомыслии и недостатке набожности. Между тем до вновь прибывших дошли первые вести о султানে. Мулей Исмаил вел войну против своего племянника Абд-эль-Малека, который поднял восстание среди берберских племен и заперся в стенах Феса. Однако вскоре стало известно, что великий султан уже празднует победу. Гонец передал Осману Ферраджи его поздравления с благополучным прибытием домой и сказал, что повелитель обрадован возвращением своего лучшего советника и друга. Государь только что взял обратно Фес, и по городу прошли его черные буакеры, рубя саблями всех, кто был застигнут с оружием в руках.

В это время караван находился в двух днях пути от Феса, расположившись лагерем у подножия высоких стен крепости с квадратными, увенчанными зубцами

башнями. Управляющий ею губернатор Ализин решил устроить грандиозные празднества в честь победы султана и визита его великого евнуха и великого визиря Османа Ферраджи. Под гам голосов и пальбу из длинных мушкетов, изрыгающих огонь в исчерченное сотнями стрел небо, всадники в желтых, зеленых и красных бурнусах на великолепных вороных и белых конях показывали чудеса джигитовки.

Анжелика была приглашена принять участие в устроенном губернатором пире. Она не посмела отказаться, ибо в устах великого евнуха, который все последние дни был мрачен, приглашение прозвучало как приказ. У самых стен цитадели для пирующих был раскинут огромный шатер, покрытый тканью из верблюжьей шерсти и коврами. Входной полог был поднят, так что можно было видеть толпящихся снаружи любопытных с лоснящимися на солнце темными лицами. До самого вечера одно блюдо сменялось другим: жаренные на вертеле барашки, рагу из голубей, бобы, миндаль, слоеные пирожки — и все было обильно приправлено обжигающим рот черным перцем.

Наконец пришел вечер — пора танцев и пения. Последние лучи солнца погасли, однако им на смену запылали костры и угли двух громадных жаровен, отбрасывая яркие блики на красные камни крепостной стены.

Под тонкое завывание флейт и стук бубнов танцовщицы в надетых поверх шальвар цветных юбках, позванивая золотыми браслетами, заняли свои места, готовясь начать пляску. На их открытых лицах синели вытатуированные знаки. Женщины стояли полукругом, тесно прижавшись друг к другу. За их спинами толпились пешие воины, а за теми возвышались фигуры всадников.

Танец начался. Это был «аиду» — танец любви. Постепенно под плотными одеждами танцовщиц все заметнее становилось судорожное подрагивание их животов, а музыканты между тем стремительно перебежали с места на место, извлекая из своих инструментов зажигательные, колдовские звуки. Пляска длилась долго, ее ритм непрестанно ускорялся. Кожа танцорок заблестела от пота. Их лица с закрытыми глазами и приоткрытыми губами выражали сладострастие. Без единого прикосновения любовника они достигали наслаждения, являя жадным взглядам возбужденных зрителей-мужчин загадочный лик удовлетворенной женщины, на котором безотчетно отражаются радость и томление, блаженство и страх. Словно пораженные незримой молнией, родившейся из их танца, они изнемогали, держась на ногах лишь благодаря тому, что тесно прижимались друг к другу плечами. Скоро настанет миг, когда, предлагая себя, они навзничь упадут на землю.

От толпы исходила такая тяжелая, такая давящая чувственность, что Анжелика невольно опустила глаза. Всеобщая любовная лихорадка передалась и ей.

С расстояния в несколько шагов на открытое лицо Анжелики пристально смотрел молодой араб. Это был один из офицеров крепостного гарнизона, племянник губернатора Абд-эль-Карим. Анжелика сразу обратила внимание на его красоту классической античной статуи, на темно-бронзовое лицо, на котором сверкали черные глаза и белые зубы, то и дело обнажающиеся в улыбке, когда он отвечал на комплименты Османа Ферраджи. Но сейчас он не улыбался. Он не сводил глаз с пленной француженки, чье лицо, такое белое и удивительно красивое, будто светилось в полумраке.

Наконец Анжелика почувствовала на себе его взгляд и повернула голову. Она содрогнулась всем телом, прочитав в его глазах пылкий и властный зов.

Она видела, как дрожат его полные губы и гладкий подбородок с ямочкой, круглый, как у бронзовых римских богов. Анжелика поискала глазами только что сидевшего рядом с ней Османа Ферраджи. Разве великий евнух не замечает, что на его пленницу призывно смотрит мужчина?..

Однако Осман Ферраджи куда-то ушел, и, вероятно, именно его отлучка придала этому юному принцу смелости, чтобы так на нее смотреть.

В угасающем свете пламени на стену ложились гигантские тени, багровое пятно съежилось под натиском вступающей в свои права темноты. Казалось, язычки пламени взвиваются и опадают в такт резким движениям тел и перепадам поющих голосов, которые то делались громче, то замирали, переходя от пронзительных вскриков к приглушенному шепоту, к хрипению без слов, а потом снова летели ввысь и вновь затихали... В минуты безмолвия было слышно, как шуршит песок под неумолимыми ногами танцовщиц. Когда это шуршание стихнет и в жаровнях потухнет последняя головня, порыв неудержимой страсти бросит друг к другу мужчин и женщин.

Вопреки ее воле глаза Анжелики снова и снова возвращались к неподвижному, словно зачарованному, лицу молодого шейха. Другие мужчины тоже бросали на нее взгляды, но этот желал ее с тем же почти пугающим исступлением, с которым воцарился к ней в Кандии Накер-Али, и она почувствовала, что хочет ответить на эту страсть. Она узнала в себе знакомое, неистовое, пронизывающее все ее существо желание и внезапно ощутила слабость и головокружение. Она опустила глаза, затем, не удержавшись, посмотрела на него опять. Наверное, выражение ее лица было очень красноречиво, ибо на губах юноши мелькнула торжествующая улыбка. Он сделал ей знак.

Анжелика отвернулась и закрыла лицо покрывалом.

Продолжало темнеть. В наконец-то наступившей тьме движения танцовщиц становились все медленнее. Одна за другой они падали на песок, и от толпы мужчин отделялся то один, то другой, бесшумно скользя к той, которую он давно для себя высмотрел. После нескончаемых танцев и обрядов наконец пришел миг достижения цели, долгожданного последнего обряда.

Флейты и бубны замолкли. Огонь угасал.

Евнухи отвели Анжелику в окутанный тьмой шатер. Ее толкнули на мягкий шелковый диван; входной полог снова опустился. Она окликнула всегда ночевавшую вместе с нею черкешенку, но сегодня той в шатре не было. Анжелика осталась наедине со с недавним ее желанием.

Снаружи евнухи, равнодушные к охватившей лагерь эротической лихорадке, ревностно караулили женщин, предназначенных для их хозяина султана.

Анжелике было тяжело дышать. Воздух был душен. Все звуки затихли, кроме тех, что выдавали продолжающуюся за пологом шатра, прямо на голой земле, безудержную вакханалию всеобщего, неумолимого совокупления.

Анжелика чувствовала себя больной, ей было стыдно за свою слабость. Она вся дрожала от нервного возбуждения. Она не услышала, как в задней части шатра скрипнула разрезаемая кинжалом материя и внутрь легко скользнуло чье-то гибкое тело. Только когда ее горячей кожи коснулась твердая, прохладная ладонь, она вздрогнула, пронизанная смертельным испугом.

В слабом, рассеянном свете она узнала склоненное над ней торжествующее, преображенное страстью лицо.

— Вы сошли с ума!

Она чувствовала, как его руки ласкают ее через тонкую кисею сорочки, ищут ее тело. Улыбка на лице

шейха Абд-эль-Карима была подобна блеску африканской луны.

Резким движением Анжелика приподнялась с подушек и встала на колени. Все арабские слова, казалось, вылетели из ее памяти, но ей все же удалось с трудом составить фразу:

— Уходи! Уходи! Тебя могут убить.

— Я знаю. Но что мне до этого! Так нужно... Сегодня ночь любви.

Он тоже стоял на коленях. Его мускулистые руки железным кольцом охватили ее стан.

Теперь она видела, что он пришел к ней полуобнаженный, в одной набедренной повязке, готовый к любви. Его гладкая,пряно пахнущая плоть прижималась к ее плоти. Она попыталась бесшумно оттолкнуть его, но он уже гнул ее тело с могучей силой, придаваемой желанием. Он медленно опустил ее на подушки, и она перестала противиться, покорившись неодолимой и неистовой страсти этого незнакомца.

Нависшая над ними опасность смерти еще более усиливала владеющее Анжеликой возбуждение. Их движения, одновременно сдержанные и страстные, сопровождало грозное, глухое безмолвие, сообщавшее их блаженному исступлению сладость запретного плода.

Внезапно вокруг них, словно из-под земли, выросли евнухи. Они вошли в шатер неслышно, черные и страшные, как демоны. Анжелика увидела их раньше своего любовника, самозабвенно предававшегося блаженству обладания. Она пронзительно вскрикнула... Евнухи оторвали их друг от друга, схватили его и выволокли из шатра...

Утром караван прошел под красными стенами крепости. Анжелика ехала верхом на коне. С толстой ветви старой, одетой серебристой листвой оливы

свисало тело казненного. Человек был подвешен за ноги. Под ним на земле дымились остатки костра, превратившего в угли его голову и плечи. Анжелика дернула поводья. Она была не в силах отвести глаза от чудовищного зрелища. Она чувствовала полную уверенность в том, что этот страшный труп — тело того прекрасного юного бога, который приходил к ней сегодня ночью. К ней подъехал на своем белом скакуне великий евнух. Анжелика медленно повернула к нему голову.

— Вы сделали это нарочно, Осман-бей, — проговорила она прерывающимся голосом. — Вы сделали это нарочно, не так ли?.. Вот почему из моего шатра вчера удалили черкешенку. Вы знали, что он ко мне придет... Вы позволили, ему подползти к шатру, проникнуть ко мне. Я вас ненавижу, Осман-бей... **НЕНАВИЖУ!**

Ее яростный взгляд уперся в его зеркально-невозмутимые глаза древнеегипетского идола. Великий евнух улыбнулся.

— Знаешь, что он сказал, прежде чем умереть? Он сказал, что ты горячая и страстная, и что смерть — ничто для мужчины, который познал блаженство в твоих объятиях... Ты солгала мне, Фирузэ! Ты вовсе не равнодушна к любовным утехам, ты опытна и искусна.

— Я вас ненавижу, — повторила Анжелика.

Но кроме ненависти она испытывала еще и страх. Она начинала все отчетливее понимать, что победить его будет ей не по силам.

На подходе к Фесу все свидетельствовало о недавно кипевших здесь боях. Серо-розовая земля была усеяна конскими и человеческими трупами. Над городом кружилась огромная туча грифов-стервятников. На золотистых стенах Феса на крюках, заблаговременно вделанных в кладку для таких целей, торчали три

тысячи окровавленных человеческих голов, а на высящихся на окрестных холмах, установленных по три крестах корчилось около двух десятков изуродованных человеческих тел, что придавало пригородному ландшафту сходство с Голгофой. Смерд от гниющего человеческого мяса был так силен, что Осман Ферраджи принял решение не заезжать в город, а стать лагерем в стороне.

На следующий день к великому евнуху прискакали гонцы с повелениями от султана и с радостной вестью о том, что вероломный племянник Абд-эль-Малек схвачен живым и находится под охраной верных государю полков. Перед побежденным едет сам Мулей Исмаил в сопровождении двух тысяч всадников, тысячи пехотинцев и сорока рабов-христиан, несущих громадный котел и по сто фунтов смолы, жира и оливкового масла. За рабами следует груженная дровами повозка и шесть мясников с мясницкими ножами.

Мекнес был уже рядом. Караван разделился: несколько групп двинулось по дорогам, ведущим в столицу, часть сделала привал, а Осман Ферраджи направился в другую сторону, взяв с собой конных воинов, присланных Меццо-Морте мальчиков на лошадях и трех самых красивых рабынь, одну из которых он посадил на белого верблюда, другую — на серого, а третью — на рыжего. Сзади шли арабы-носильщики и рабы, неся некоторые из наиболее ценных подарков алжирского адмирала. Великий евнух приблизился к едущей с краю Анжелике и заговорил с ней.

— Плотно завернись в чадру, если не хочешь, чтобы Мулей Исмаил тебя нынче же разглядел, — сухо посоветовал он.

Молодая женщина тотчас исполнила его указание. Ее служанка Фатима помогла ей уподобиться кокону,

что ощутимо мешало Анжелике править своим конем. Она бы предпочла, чтобы Осман Ферраджи оставил ее в лагере или отправил в город, но он приказал ей ехать с ним. Французскую пленницу сопровождали трое евнухов, которым их начальник приказал не болтать и при необходимости отводить от нее чересчур любопытных. Нужно, чтобы она видела все, а ее не видел никто. Впрочем, очень скоро стало ясно, что для собирающейся на солнцепеке толпы готовится такое зрелище, что она и думать забудет обо всем остальном.

Глава 10

Выехав на край небольшого каменистого плато, Анжелика увидела конников Мулея Исмаила, во всем блеске показывающих свое кавалерийское искусство. Прекрасные скакуны словно парили в нестерпимо ярких лучах солнца, и, казалось, составляли неразделимое целое со своими всадниками в развеваемых встречным ветром бурнусах. Ветер трепал конские хвосты и гривы, кони мчались то в одну сторону, то в другую, то вдруг, дрожа всем телом, резко останавливались на полном скаку.

Контрастируя с этой многоцветной, полной веселого движения картиной, слева на плато выходила группа рабов-христиан, покрытых потом и пылью, с грязными, всклокоченными бородами и Волосами. Их изодранные в лоскуты штаны были подвернуты Выше колен, открывая голые, исполосованные бичами ноги. Надсадно кряхтя, рабы тащили на себе чугунный котел столь чудовищных размеров, что можно было подумать, будто он похищен из самой преисподней. В действительности его происхождение было более прозаическим: этот гигантский чан, в котором можно было бы, как цыплят, сварить двух человек, предназначался для производства рома в Америке, однако по пути туда был захвачен в качестве трофея марокканскими корсарами из Сале и подарен ими своему султану.

Рабы тащили его четыре лье из самого Мекнеса и с тоской гадали, долго ли еще продлится эта прогулка. Сейчас они приближались к перекрестку дорог, где вокруг колодца лениво качались несколько пальм. Сюда только что прибыла повозка с дровами и шестью палачами. Возле них на пурпурном ковре сидел, поджав под себя ноги, какой-то одетый во все желтое

мусульманский вельможа, которого с обеих сторон обмахивали опахалами два маленьких негритенка. Сойдя с коня, Осман Ферраджи приблизился к незнакомцу, то и дело сгибая в поклонах свое длинное тело, и наконец простерся перед ним ниц, уткнувшись лбом в пыль.

Человек в желтом, несомненно, некий очень высокопоставленный сановник, коснулся рукой своего лба, потом плеча и возложил ее на голову великого евнуха. Затем он поднялся на ноги, а вслед за ним встал и Осман Ферраджи. Рядом с исполином-суданцем все казались коротышками. Вельможа, которому он так почтительно кланялся, имел рост выше среднего, однако и он доходил великому евнуху только до плеча. Одет он был довольно просто — в широкое желтое одеяние с засученными выше локтей рукавами и бурнус, тоже желтый, но более темного оттенка, с капюшоном, украшенным черным султаном. На голове у него был объемистый кремовый тюрбан. Когда он подошел немного ближе, Анжелика увидела, что это молодой человек с негроидными чертами и темной кожей. На некоторых участках его лица: скулах, лбу и переносице — кожа казалась несколько светлее и напоминала полированное светлое дерево. Правильно очерченный подбородок незнакомца украшала короткая черная борода. Увидев выступивших из свиты Османа Ферраджи погонщиков, ведущих под уздцы семь великолепных оседланных скакунов, которых Меццо-Морте слал султану Марокко, молодой вельможа радостно засмеялся. Черные погонщики упали перед ним ниц.

Анжелика нагнулась к одному из евнухов, неуклюжему толстяку Рафаю, и шепотом спросила по-арабски:

— Кто этот человек?

Глаза черного евнуха блеснули.

— Это ОН... Мулей Исмаил, наш повелитель. И, вращая глазами, Рафай добавил:

— Он смеется, но мы все должны трепетать. Он оделся в желтое — это цвет его гнева.

Между тем пленники-христиане, чуть не падая под громадным весом своей ноши, начали жалобно причитать:

Что нам делать с котлом, государь? Что нам делать с котлом?

Мулей Исмаил приказал им установить котел над огромным, только что зажженным костром. Чтобы он быстрее разгорелся, дрова полили жиром, маслом и смолой. В течение следующих нескольких часов султану представляли дары, присланные из Алжира. Смола в котле уже начала дымиться, когда оглушительный шум, в котором сплелись стук бубнов, мушкетные залпы и пронзительные выкрики, возвестил о прибытии побежденного бунтовщика.

Племянник султана Абд-эль-Малек был того же возраста, что и его дядя, то есть очень молод. Он ехал на муле со связанными за спиной руками. За ним, тоже верхом на муле и тоже со связанными запястьями, ехал его заместитель Мухаммед-эль-Хамет и шло его многочисленное семейство, которое гнали перед собой пешие воины, изловившие мятежников, когда те пытались скрыться. Женщины раздирали себе ногтями лица и истошно выли.

Мулей Исмаил знаком приказал подвести к себе своего вороного коня и вскочил в седло. Теперь он резко преобразился, стал как будто выше ростом, его фигура странным образом увеличилась в объеме из-за раздувающегося на ветру ослепительно желтого бурнуса. Он несколько раз поднял своего коня на дыбы. На фоне синен эмали неба лицо султана заблестело блеском полированной темной бронзы, и по нему, как по поверхности плавящейся стали, побежали световые

переливы. Взгляд темных глаз под аспидно-черными дугами бровей сделался вдруг пронзителен и страшен. Мулей Исмаил взмахнул копьем и пустил своего коня в галоп, остановив его на полном скаку, когда до его поверженных врагов оставалось всего несколько шагов.

Абд-эль-Малек соскочил с мула, бросился на колени и несколько раз коснулся лбом земли. Султан приставил к его животу острие своего копья. Несчастный принц то и дело бросал взгляды на котел, где кипела смола, и на мясников с их длинными ножами, и его все больше охватывал страх. Он не боялся смерти, но Мулей Исмаил был известен тем, что подвергал своих врагов ужасающим истязаниям, Абд-эль-Малек и Мулей Исмаил родились в одном гареме и выросли вместе — два волчонка из грозной шайки мальчиков, потомков султана Мулея Арши, которых никто не осмеливался наказывать за их жестокие проделки и наиболее безобидным занятием которых было обстреливать работающих невольников-христиан легкими стрелами, выдуваемыми из стрелометательных трубок. Исмаил и Абд-эль-Малек в один и тот же день впервые вдели ноги в стремя, вместе убили копьями своих первых львов и вместе участвовали в походах на непокорный Тафилалет. Они любили друг друга как братья, пока племена с юга Атласских гор не обратились к Абд-эль-Малеку, напомнив ему, что он имеет больше прав на престол Марокко, нежели сын суданской наложницы. Абд-эль-Малек, в чьих жилах текла кровь берберов, откликнулся на зов своего народа. Поначалу его шансы на победу далеко превосходили шансы его дяди, однако упорство Мулея Исмаила, его полководческое чутье и умение подчинять себе людей в конце концов склонили чашу весов в его пользу.

— Во имя любви к Аллаху, не забывай, что я твой родич! — вскричал Абд-эль-Малек.

— Ты сам об этом забыл, пес!

— Мулей Исмаил, вспомни, что мы с тобой были как братья!..

— Я своей рукой убил шестерых моих братьев и приказал умертвить еще десять. Так что мне смерть какого-то племянника!

Во имя любви к пророку, прости меня!

Султан не ответил. Он сделал знак схватить принца и втащить его на повозку. Вместе с Абд-эль-Малеком на нее взобрались два Стражника. Один взял его правую руку за локоть, другой — за кисть, и вдвоем они плотно прижали его запястье к деревянной колоде.

Султан подозвал одного из мясников и приказал ему совершить казнь. Мавр колебался. Он был одним из тех, кто втайне желал победы Абд-эль-Малека. Молодой принц воплощал в себе все надежды племен, страстно хотевших иметь свою собственную султанскую династию, столь же благородной крови, как Альморавиды или Альмохады. С его смертью эта мечта будет похоронена навеки. Мясник, человек простой и безвестный, тщательно скрывал свои чувства, но Мулей Исмаил их разгадал. Выбранный им палач начал было послушно взбираться на повозку, но затем остановился и, сделав шаг назад, сказал, что никогда не станет рубить руку человеку столь высокородному, родному племяннику своего государя, и что пускай лучше ему самому отрубят голову.

— Будь по-твоему! — вскричал Мулей Исмаил, выхватывая саблю, и тут же обезглавил ослушника одним точным ударом, свидетельствующим о частых упражнениях в этом жестоком искусстве.

Обезглавленное тело рухнуло на землю, голова откатилась в сторону, и по раскаленному песку расплзлось кровавое пятно

Султан сделал знак другому мяснику, и тот, устрешенный участью первого, шатаясь, полез на повозку. Пока он влезал, Мулей Исмаил распорядился

подвести ближе детей, жен и родственников Абд-эль-Малека и сказал им:

— Посмотрите, как будет отсечена рука рогоносца, посмевши поднять оружие на своего государя, и нога, посмевшая выступим, в поход против него.

Перегретый воздух сотрясли отчаянные вопли, заглушившие крик принца, которому мясник отсек кисть руки. Затем он отсек ему ступню. Султан подъехал к повозке и сказал:

— Ну что, племянник, теперь ты признаешь меня своим государем? Ведь раньше ты этого, помнится, не признавал?

Абд-эль-Малек не ответил. Он молча смотрел, как из его перерубленных артерий хлещет кровь. Мулей Исмаил принялся гарцевать на месте, обратив к небу свой страшный лик и пребывая во власти неистового возбуждения, от которого у всех, кто на неги глядел, стыла в жилах кровь. Неожиданно он поднял свое копье и одним ударом в сердце убил мясника, исполнившего приговор

Видя это, его поверженный, истекающий кровью соперник воскликнул:

— Посмотрите на этого храбреца, полюбуйте его отвагой! Он убивает тех, кто ему повинуется, и тех, кто ему не повинуется. Все его дела лишены смысла. Аллах справедлив! Аллах велик!

Мулей Исмаил взревел, чтобы перекрыть голос своей жертвы. Он кричал, что велел притащить сюда котел, дабы подвергнуть предателя самой мучительной из существующих казней, но поскольку он, Мулей Исмаил, велик и великодушен, смола, расплав ленная для казни, послужит вместо этого для спасения бунтовщика. Он поступил так, как должен был поступить оскорбленный государь, но пусть Аллах решает, жить или умереть Абд-эль-Малеку. Никто не скажет, что он убил своего брата, ибо их связывало

слишком многое и сегодня он изведал самое тяжкое горе в своей жизни. Ему кажется, что это ему самому нож мясника отсек руку и ногу. А между тем Абд-эль-Малек есть низкий изменник, и, достанься победа ему, он бы собственноручно перерезал горло своему государю. Он, Мулей Исмаил, это знает, и, тем не менее, он помиловал виновного!..

Султан приказал окунуть обрубки руки и ноги принца в кипящую смолу, чтобы остановить кровь. Затем он скомандовал своим воинам разогнать толпу и велел четверем военачальникам живым поставить своего племянника в Мекнес.

Офицеры спросили, что им делать с Мухаммедом-эль-Хаметом, правой рукой Абд-эль-Малека. Мулей Исмаил отдал его в руки своим загонщикам, подросткам-негритятам двенадцати-пятнадцати лет. Они схватили шейха и потащили его к стенам стоящей невдалеке крепости. Никто не знал, что они там с ним делали, но, когда на склоне дня его приволокли обратно, он был мертв, да так, что мертвее некуда, и никто из родных уже не смог бы его опознать...

Мулей Исмаил, его свита и буро-пестрый караван Османа Ферраджи подъехали к Мекнесу перед самым заходом солнца, в тот час, когда на венчающих минареты золоченых металлических шарах заплескались флаги и над белым, как слоновою костью, городом, вытянувшимся на скалистом отроге под алым закатным небом, поплыли властные и заунывные призывы муэдзинов.

Черная пасть массивных, способных выдержать любой штурм ворот без устали глотала втискивающихся в нее людей и животных. Вот она проглотила свою порцию пеших и конных воинов, рабов и правителей, верблюдов и ослов, и спускающаяся ночь застала у городской стены совершенное безлюдье. Город вобрал в себя все человеческие шумы, все крики и слезы,

волнения и страсти. Въезжая в эти ворота, называемые Новыми, Анжелика отвела глаза. На одной из створок на вбитых в ладони гвоздях висел голый раб исполинского роста. Его голова со светлыми, спутанными волосами бессильно упала на грудь, как у распятого Христа.

Глава 11

Анжелика заткнула руками уши. Из глубин султанского дворца неслись истерические вопли жен Абд-эль-Малека. Пронзительные и протяжные, прерываемые иногда икотой, они слышались уже много часов.

Виски Анжелики сверлила невыносимая, стреляющая боль, она дрожала, как в лихорадке. Напрасно старая Фатима предлагала ей горячие и холодные напитки, фрукты и пирожные. Уже самый вид этих яств, призванных усладить жизнь одалисок, вызывал у Анжелики омерзение. Все эти розовые и зеленые сласти, изысканные благовония, приторно пахнущие притирания, которыми мавританские служанки умастили ее тело, чтобы снять дорожную усталость, настойчиво напоминали ей об ужасе ее нынешнего положения, положения узницы в гареме самого жестокого государя, которого когда-либо видел свет.

— Мне страшно. Я не хочу тут оставаться, повторяла она, и ее голос дрожал, точно у испуганного ребенка.

Старая рабыня-провансалка не понимала причин этой странной подавленности, вдруг проявившейся ни с того ни с сего, когда наконец завершилось долгое путешествие, во время которого ее госпожа вела себя с достойной подражания бодростью духа и покорностью судьбе. Сама Фатима-Мирей уже успела увериться, что не может быть ничего лучше, чем этот огромный сераль, в котором железная рука великого евнуха поддерживала благодетельную дисциплину. Ни недавний мятеж, ни царящее в городе брожение, ни всеобщий страх перед яростью Мулея Исмаила, которого только что публично высмеял его племянник,

ни даже то, что по приезде великий евнух был тут же призван султаном, желавшим побеседовать и посоветоваться с ним после его долгого отсутствия, — ничто не помешало дворцовой челяди оказать прибывшим женщинам и другим участникам каравана пышный, отлично продуманный прием. В банях гарема было уже все готово. Над сине-зелеными мозаичными полами клубился горячий пар, в котором суетилась армия усердных служанок и молоденьких евнухов. Старухе Мирей немедля дали в помощь трех взрослых негритянок и по столько же черных мальчиков и девочек. По ее указаниям они должны были доставить все те многочисленные мелочи, которых всегда не хватает для устройства на новом месте, будь то даже королевский дворец. Из кухонь тек непрерывный поток подносов с аппетитно пахнувшей снедью. Для каждой новой наложницы были приготовлены отдельные покои, богатство которых зависело от ее ценности, а присланных алжирским адмиралом мальчиков поселили в просторных общих спальнях, где непоседливых сорванцов уже ждали учителя с линейками в руках, незамедлительно начавшие их муштровать. Чтобы мальчикам было легче обжиться в незнакомом месте, им обещали прислать для развлечения жонглеров. Лошадей отвела в великолепные конюшни, почистили и окружили заботой (было хорошо известно, что Мулей Исмаил любит своих лошадей еще более пылко, чем женщин своего гарема). Карликовый слон получил на обед гору душистого первосортного сена, жираф — несколько банановых деревьев, а отведенные и образцовый страусятник страусы, к своей вящей радости, возобновили общение с сородичами, привезенными с далекого Юга.

Да, в этом серале, руководимом великим евнухом Османом Ферраджи, царил отменный порядок. Фатима была счастлива, что наконец-то обрела надежное

убежище после многих лет тяжелой жизни в Алжире, этой зловонной трущобе, где ей, бедной, одинокой старухе, нередко приходилось весь день довольствоваться одной горстью винных ягод, запивая их водой. Здесь было множество женщин ее возраста, умудренных опытом и готовых увлеченно сплетничать на всех языках. То были бывшие рабыни, повышенные до звания гаремных прислужниц или экономок, а также бывшие наложницы нынешнего султана или его предшественника. Не имея права дожить остаток дней в особых роскошных покоях в далеких крепостях — такой привилегией пользовались только самые любимые наложницы и законные жены, эти увядшие одалиски заражали прислугу своей озлобленностью и страстью к интригам.

Приставленные к каждой из наложниц или жен прислужницы отвечали за их гардероб, за их украшения, заботились о сохранении и умножении их красоты. Работы было много: гаремным красавицам нужно было подкрашивать лица, делать прически, удалять волосы на теле, давать советы, выполнять их капризы, а также тайком сообщать им драгоценные рецепты любовных зелий и учить их разным ухищрениям, дабы они не утратили благосклонности своего господина. Фатима чувствовала себя здесь в своей стихии. В довершение всех удач ей сказали, что у султанши Лейлы Айши есть любимая служанка, которая, как и она, Мирей-Фатима, раньше жила в Марселе. К тому же здешние евнухи, как правило, вели себя очень учтиво, чего нельзя было сказать о многих других сералях. Осман Ферраджи понимал, какое сильное влияние старухи-служанки могут оказывать на его подопечных, и умел привлекать их на свою сторону.

Чем больше Фатима над этим размышляла, тем больше достоинств находила она в серале Мулея Исмаила. Она почти уверила себя, что даже в гареме

турецкого султана не сыскать большей роскоши и изысканности. Радужную картину немного омрачало только одно — поведение пленной француженки. Казалось, что она вот-вот начнет плакать, кричать и раздирать себе лицо ногтями, подобно туземным женам Абд-эль-Малека, воющим в соседних покоях, или малышке-черкешенке, которой сегодня вечером предстояло взойти на ложе султана и которая громко вопила от ужаса, когда евнухи тащили ее по лабиринту дворцовых коридоров и внутренних двориков. Да, когда женщины вдруг приходят в волнение и их к тому же собрано в одном месте больше тысячи, то жди большого шума и неприятных крайностей, В мусульманском плену чужеземок-христианок порой охватывала странная тоска. В Алжире Фатима видела, как пленницы бросаются вниз с балконов домов, разбивая черепа о каменные плиты дворов, и сейчас ей казалось, что и Анжелика готова поддаться такому же мрачному и опасному настроению. Не зная, что делать, Фатима решила на всякий случай переложить ответственность на чужие плечи и обратилась за советом к заместителю и правой руке Османа Ферраджи, толстому евнуху по имени Рафай. Тот велел дать новой наложнице успокаивающее питье. Его уже приготовили для черкешенки.

Одурманенная этим снадобьем, чувствуя, что у нее раскалывается от боли голова, Анжелика смотрела на старуху и евнуха как на персонажей из кошмарного сна. Ей была ненавистна и старая ренегатка, и простодушные негритята, таращившие на нее глаза, и более всех — лицемер Рафай с его напускным видом глубоко опечаленной чем-то доброй нянюшки. Именно он отдавал приказания о порке непослушных рабынь, и его никогда не видели без многохвостой плетки. Она ненавидела их всех... Резкий запах кедра, которым были обшиты стены, еще более усиливал ее мигрень. И ей

внезапно начало казаться, что женские вопли, отчаянные, но далекие, менее мучительны для слуха, чем женский смех, проникающий через оконную решетку вместе с ароматом мяты и зеленого чая.

Анжелика погрузилась в тяжелый, нездоровый сон. Проснувшись среди ночи, она увидела склоненное над собой черное лицо. Вначале она подумала, что это лицо евнуха, но затем, разглядев обрамляющее его покрывало и синий знак Фатимы, дочери пророка Мухаммеда, на черном лбу, она поняла, что перед нею женщина, очень высокая и толстая, одетая в темно-синюю кисею, под которой вздымалась ее массивная грудь негритянки, вскормленной жирным молоком верблюдиц.

Она склонила к Анжелике свое толстогубое лицо с пронзительными умными глазами. В руке ночная гостья держала зажженную масляную лампу, озаряющую желтым светом ее темную фигуру и рядом с нею другую фигуру, светлую, с нежно-розовым личиком и волосами цвета меда, на которых легким облачком лежало белое кисейное покрывало. Женщины — черная и белая — вполголоса переговаривались между собой по-арабски.

— Она красива, говорил бело-розовый ангел.

— Слишком красива, — отвечал черный демон.

— Как ты думаешь, она сумеет пленить его?

— У нее есть все, что для этого требуется. Будь проклят Осман Ферраджи, этот лицемерный, скрытный тигр!

— Что ты будешь делать, Лейла?

— Ждать. Может быть, она не понравится султану. Может быть, она недостаточно искусна, чтобы его удержать.

— А если у нее это получится?

— Тогда я подчиню ее своей воле.

— А что, если она станет исполнять волю Османа Ферраджи?

— Что ж, для слишком красивых у меня есть соляная и серная кислота, а для чересчур умных — шелковые удавки.

Анжелика испустила пронзительный вопль, вопль обезумевшей мусульманки, точно такой же, как те, что продолжали доноситься из глубин дворца.

Ангел и демон немедленно растаяли в ночной тьме.

Анжелика вскочила с постели, горя как в огне. Жар еще более усилил ее возбуждение и придал ей силу помешанной. Она не переставая вопила во все горло.

Прислужницы и негрятя бестолково бегали вокруг, спотыкаясь о подушки, а растерянная Фатима старалась побыстрее зажечь все лампы, чтобы осветить комнату.

Явился Осман Ферраджи. Едва увидев его длинную тень на плитках пола, Анжелика почувствовала, что успокаивается. Он велик, ясен духом и беспощаден, его ум огромен, как мир... Нет, она попала не в царство демонов — ведь в султанском гареме есть этот человек, настоящий человек, Она рухнула на колени, уткнулась лицом в складки его джеллабы и зарыдала, повторяя: — Мне страшно, страшно!

Великий евнух наклонился и положил руку на ее голову.

— Чего же ты боишься, Фирузэ, ты, которая не испугалась гнева Меццо-Морте и бесстрашно сбежала от меня в Алжире?

— Я боюсь этого кровожадного зверя, вашего Мулея Исмаила, боюсь этих женщин, которые приходили сюда и которые хотят меня задушить...

— У тебя лихорадка, Фирузэ. Когда она пройдет, ты перестанешь бояться.

Он велел слугам вновь уложить ее в постель, тепло укрыть и принести ей жаропонижающие отвары.

Анжелика тяжело дышала, откинувшись на подушки. Утомительное путешествие, жара, ужас тех зрелищ, которые ей пришлось наблюдать, болезнетворный смрад бесчисленных груд разлагающихся трупов, мимо которых она проехала, снова вызвали у нее приступ средиземноморской лихорадки, которая впервые свалила ее с ног, когда она была пленницей на корабле д'Эскренвиля.

Великий евнух присел по-турецки возле ее ложа.

— Осман-бей, зачем вы подвергли меня этому испытанию? — простонала она.

Он не спросил, что она имеет в виду. Он видел, что зрелище Мулея Исмаила, вершащего правосудие, произвело на нее необычайно тягостное впечатление. Великий евнух уже давно заметил, что христианки из стран Запада более склонны приходить в волнение при виде крови, нежели мавританки или христианки с Востока. Он еще не решил для себя, что это — притворство или искреннее отвращение. Разве в каждой женщине не сокрыта пантера, которая облизывается от удовольствия, наблюдая чужие мучения? И разве его подопечные, будь то молчаливые московитки или смешливые негрятки, не предпочитают всем жонглерам, плясунам и празднествам увеселения другого рода — присутствие при публичном истязании рабов-христиан? Однако англичанка Дэйзи-Валина, уже десять лет как принявшая ислам и горячо любящая султана, по-прежнему закрывает глаза покрывалом или смотрит сквозь прижатые к лицу пальцы, когда сцена становится чересчур кровавой.

Надо запастись терпением. Эта женщина, более умная, чем Дэйзи, быстро сумеет избавиться от глупой чувствительности. Он — Осман Ферраджи, видел, с какой твердостью она вела себя, глядя на труп того, кто — пусть и недолгое время — но все же был ее

любовником. И он был изумлен, что ее так сильно потрясло наказание принца Абд-эль-Малека, который был ей совершенно чужим и которого она никогда прежде не видела. В замешательстве он пробормотал:

— Я считал необходимым показать тебе всю силу и величие господина, которого я для тебя выбрал... господина, которого ты должна будешь покорить.

Анжелика разразилась нервным смехом, но тут же оборвала его, прижав руки к вискам. Вызываемые смехом сотрясения отдавались в ее голове острой болью.

— Покорить Мулея Исмаила!

Она вновь увидела мысленным взором, как он вихрем кружится на коне, исполненный ярости и скорби, огромный в своем раздуваемом ветром желтом плаще, плаще цвета султанского гнева, и одним ударом сносит голову непокорному мяснику.

— Не знаю, хорошо ли вы понимаете смысл французского слова «покорить», которое вы только что употребили, Осман-бей. По-моему, ваш Мулей Исмаил сделан не из такого теста, чтобы его можно было держать под каблуком.

— Мулей Исмаил необычайно сильный государь. Он умен и прозорлив. Он действует быстро и умеет верно выбирать время. Но он ненасытный жеребец. Ему нужны женщины, и он постоянно рискует подпасть под влияние женщины недалекой и ничтожной. Нужно, чтобы рядом с ним встала женщина, которая сумеет обуздать его причуды, избавить от одиночества его сердце и еще сильнее разжечь в нем стремление к завоеваниям. Тогда он станет поистине великим государем. Он сможет объединить под своей рукой всех правоверных...

Великий евнух говорил медленно и не без внутренних колебаний. Он так долго искал и вот, наконец, нашел эту женщину, которая должна помочь

ему внушить Мулею Исмаилу его собственные величественные замыслы. Но он еще не был в ней вполне уверен. На первый взгляд казалось, что она уже смирилась, но он чувствовал, что даже сейчас она ускользает из его рук, хотя и продолжает по-детски цепляться за его джеллабу.

Женщины — странные, непредсказуемые создания. Все проявления их слабости, вплоть до самого худшего малодушия, чреватые жесточайшими разочарованиями для тех мужчин, которые торжествуют над ними победу. И Осман Ферраджи, великий евнух его величества султана Марокко, в который раз возблагодарил Всевышнего за то, что ниспосланная ему судьба и искусные руки суданского знахаря избавили его от тех природных оков, которые порой превращают человека высокого ума в смешную игрушку этих капризных кокеток.

— Разве он не показался тебе красивым и молодым?
— мягко спросил он.

— О да, он более отягощен преступлениями, нежели годами. Сколько убийств он совершил своими руками?

— А сколько раз покушались на его жизнь? Я тебе уже говорил, Фирузэ, — все великие империи построены на убийствах. Таков закон вселенной. Иншалла! Выслушай меня, Фирузэ: я хочу, чтобы ты влила в Мулея Исмаила тот тонкий яд, что есть в тебе одной, яд, поселяющий в сердцах мужчин такое любовное томление, такую страсть к тебе, от которых им уже никогда не исцелиться. Так было не только с ничтожным Эскренвилем, но и с твоим великим государем, королем франков, которому ты нанесла незаживающую рану. Да ты и сама отлично знаешь, что твой король не в силах забыть тебя. Он позволил тебе ускользнуть и теперь чахнет от тоски. Я хочу, чтобы ты так же покорила Мулея Исмаила, чтобы ты вонзила в

его сердце жало твоей красоты... Но я не позволю тебе убежать, — добавил он, слегка понизив голос.

Лежа с закрытыми глазами, Анжелика слушала этот голос, такой тонкий и молодой, что могло показаться, будто с нею беседует женщина, ее подруга, голос, произносящий французские слова немного по-детски, и, когда она приподнимала воспаленные веки, ей было странно видеть подле себя угольно-черное лицо, выражающее суровость и вековую мудрость великих народов Африки.

— Послушай меня, Фирузэ. Не тревожься — я дам тебе время, чтобы твоя лихорадка и страх прошли, чтобы твой разум постиг нашу жизнь, а тело вновь пожелало любви. До тех пор я не стану говорить о тебе с моим государем. Он ничего о тебе не узнает, пока ты сама не согласишься, чтобы я тебя ему показал.

Анжелика почувствовала огромное облегчение. Итак, первую часть партии она выиграла!

Среди сотен наложниц обнаружить ее будет труднее, чем иголку в стоге сена, и она сумеет воспользоваться предоставленной ей отсрочкой, чтобы вырваться на свободу и убежать.

— А судачить обо мне не будут? — спросила она. — Что, если кто-нибудь проболтается обо мне при Мулее Исмаиле?

— Я велю всем, кто о тебе знает, молчать. В этом серале мои приказания значат больше, чем даже приказания султана. Им подчиняются все... в том числе и султанша Лейла Айша. Она будет молчать, понимая, что ей это выгодно, — ведь она наверняка станет тебя бояться.

— Она уже сейчас хочет облить меня кислотой и задушить удавкой, — прошептала Анжелика. — И это только начало.

Осман Ферраджи со снисходительным видом махнул рукой, как бы отметаая столь банальные угрозы.

— Все женщины, ищущие милостей одного и того же господина, ненавидят друг друга и стараются друг друга оттеснить. Разве христианки не делают того же? Разве женщины, окружающие короля франков, не соперничают между собой?

Анжелика с трудом сглотнула слюну.

— Разумеется, — ответила она, и перед ее глазами, словно ослепительная голубая молния, вспыхнул образ непобедимой Атенаис де Монтеспан. Здесь ли, там ли — везде жизнь есть не что иное, как постоянная борьба, несбывшиеся мечты и разбитые иллюзии. Анжелика чувствовала, что смертельно от этого устала.

Осман Ферраджи глядел на ее лицо, побледневшее, осунувшееся от болезни. Он был далек от того, чтобы усмотреть в этой изможденной маске первые признаки близящейся капитуляции; напротив, ему открылось сейчас то, что в другое время было трудно разглядеть из-за круглых, гладких щек Анжелики и ее живой мимики, — строгие, гармоничные контуры костной основы ее лица. Под нежной женской плотью вдруг четко проступили линии, свидетельствующие о неукротимой воле и силе духа. Сегодня Осман Ферраджи как бы видел свою пленницу такой, какой она станет позже, когда состарится. Ее лицо не обрюзгнет, его не обезобразят ни отвислые щеки, ни складки жира; вместо этого оно станет тоньше и благороднее. Его телесная оболочка истончится, плотнее обтянув точеный, изящный костяк. Эта француженка будет стариться, как старится слоновая кость, приобретая с возрастом все большую изысканность и благородство черт, — так действуют прожитые годы на женщин гордых и свободолюбивых, наделенных острым умом. Достигая зрелого возраста, они сбрасывают мишурный маскарадный наряд молодости, но не теряют природной красоты. Эта женщина очень долго будет красавицей — даже тогда,

когда ее кожу прорежут морщины, а волосы побелеют. Блеск ее глаз угаснет лишь вместе с самой жизнью. Годы только еще больше осветлят их бирюзовый цвет, придадут им бездонную ясность и волшебную притягательность.

Именно эта женщина нужна Мулею Исмаилу, ибо стоит ей этого пожелать — и он уже не сможет с нею расстаться. Осман Ферраджи знал, какие мучительные сомнения обуревают порой этого могущественного тирана. Взрывы ярости, во время которых он направо и налево рубил головы, нередко бывали выражением умоисступления, вызванного людской глупостью, а также сознанием огромности того, что ему надлежит свершить, своей собственной слабости и расставленных кругом ловушек. В такие минуты его охватывала сатанинская жажда доказать свою силу и себе, и другим. Если бы душа Мулея Исмаила обрела убежище подле страстной и чуткой женщины, он остался бы с нею навсегда! Она стала бы его точкой опоры, твердыней, откуда он бы смело ринулся в поход, чтобы завоевать вселенную под зеленым знаменем пророка. И Осман Ферраджи тихо сказал по-арабски:

— Ты можешь все...

Анжелика услышала эти слова сквозь охватившее ее полузабытье, Другим часто казалось, будто она непобедима. А между тем она чувствовала себя такой слабой... «Вы можете все», — сказал ей старый Савари, умоляя ее выпросить для него у Людовика XIV драгоценное мумие, которое привез французскому королю персидский посол Бахтиари-бей. И ей это удалось... Как далеко теперь то время! Сожалеет ли она о нем? Госпожа де Монтеспан тогда хотела ее отравить совсем так же, как Лейла Айша и англичанка...

— Хотите, я велю привести к вам того старого раба, который знает множество целебных снадобий и с

которым вы любите беседовать? — спросил Осман Ферраджи.

— О да, да! Мне бы очень хотелось увидеть моего милого старого Савари. Значит, вы разрешите ему появиться в гареме?

— Да, с моего соизволения он сможет сюда войти. Его возраст, обширные познания и добродетели дают ему такое право. Его появление в гареме ни у кого не вызовет осуждения, ибо своим видом и высокими достоинствами он напоминает благочестивого дервиша. Не будь он христианином, я мог бы подумать, что он и впрямь святой человек, один из тех, кого мы считаем носителями священного духа, ниспосланного Аллахом. Во время нашего путешествия он, по-видимому, занимался магией, ибо из котла, в котором он что-то варил, исходил странный пар, и я сам видел двух негров, которых вдыхание этого пара так одурманило, что у них начались галлюцинации. А тебе, Фирузэ, он не раскрыл секретов своей магии?

Анжелика покачала головой.

— Я всего лишь женщина, — сказала она, зная, что этот скромный ответ еще более увеличит то уважение, которое Осман Ферраджи питает к ее уму и к таинственным познаниям Савари.

Глава 12

Анжелика не без труда узнала старого аптекаря. Он выкрасил свою бородку в темно-рыжий цвет, что придало ему сходство с мусульманским отшельником, еще более усиленное его вытканной из верблюжьей шерсти джеллабой цвета ржавчины, в которой совершенно терялось его щуплое тело. Он выглядел здоровым, хотя сильно отощал, а его лицо потемнело от солнца, как скорлупа лесного ореха. Пожалуй, теперь его можно было признать только по огромным очкам, за стеклами которых довольно и весело блестели его глаза.

— Все идет прекрасно, — прошептал он, усаживаясь по-турецки около ложа Анжелики. — Я и вообразить себе не мог, что все устроится так замечательно. Аллах... гм... то есть я хотел сказать — Бог — не оставил нас своим попечением.

— Вы нашли сообщников и придумали способ убежать?

— Убежать?.. Ах да, в свое время мы, конечно, убежим, только потерпите немного. А сейчас взгляните сюда.

Из складок своего широкого одеяния он извлек полотняный мешочек и, улыбаясь до ушей, принялся вынимать из него кусочки похожего на смолу вещества.

От лихорадки у Анжелики болели глаза, и она устало сказала, что не может рассмотреть то, что он ей показывает.

— Ничего, если не можете рассмотреть, то хотя бы понюхайте, — сказал Савари, поднеся к ее носу свои кусочки липкой грязи.

Вдохнув их запах, Анжелика вздрогнула от удивления и невольно улыбнулась.

— О, Савари, это же мумие!

— Да, мумие, — ликуя подтвердил Савари. — Минеральное мумие, аналогичное тому, что сочится из трещин священных скал в Персии, только на этот раз — в твердом состоянии.

— Но... как оно у вас оказалось?

Украдкой бросая вокруг настороженные взгляды и говоря с видом пророка, возвещающего некую великую истину, мэтр Савари поведал Анжелике о своем открытии. Это случилось во время путешествия, когда караван проходил через Шотт Наама, область соленых озер, расположенную на границе Алжира и Марокко.

— Помните эти обширные безводные пространства, усыпанные сверкающей на солнце солью? Кажется, что в этих унылых местах невозможно отыскать что-нибудь мало-мальски ценное. И вдруг... угадайте, что произошло?

— Наверное, чудо, — предположила Анжелика, тронутая его искренней верой.

— Да, вы совершенно правы, дорогая госпожа маркиза, произошло чудо! — восторженно вскричал Савари. — Если бы я по натуре был фанатиком, я назвал бы его «чудом верблюда»... Послушайте, как все это случилось...

Все началось с того, что Савари заметил покрытого чешуйками парши верблюда, проходящего на скалу, обросшую старым желтым мхом, и местами совершенно облысевшего. Однажды вечером, на привале, этот верблюд начал обнюхивать землю. Затем он двинулся туда, откуда дул ветер, время от времени опуская голову и нюхая песок. Савари, который еще не заснул, решил пойти за верблюдом, чтобы привести животное обратно к погонщику и тем самым заслужить дополнительную порцию кускуса. А может быть, его вело некое предчувствие, рука Аллаха... гм... то есть, конечно, Бога. Часовые, нередко принимавшие его за

араба или еврея, не обратили на него ни малейшего внимания. Большинство из них спало. Им нечего было бояться разбойников и еще менее того — побегов рабов-христиан, потому что в здешних краях можно было пройти несколько дней, ни разу не увидев ничего съедобного и не найдя ни капли пресной воды.

Верблюд шел долго, обходя дюны, Савари упорно следовал за ним и один раз едва не утонул в зыбучих песках. Наконец верблюд привел старого аптекаря на участок более твердой почвы, смешанной со слипшейся солью. Работая ногами, он принялся разбрасывать в стороны куски этой твердой песчано-солевой корки, а затем начал вырывать их зубами, копая вокруг себя яму.

— Представьте себе — верблюд роет яму ногами — ногами, которые у него столь чувствительны, что ему больно ступить на щебенку! И при этом помогает себе коленями и зубами. Я сам это видел! Вы мне, наверное, не верите? — внезапно обеспокоившись, спросил он Анжелику.

— Ну что вы, разумеется, верю...

— Может быть, вы думаете, что мне это приснилось?

— Конечно, нет.

— Наконец животное докопалось до этого вот коричневого вещества, в котором вы сами тотчас узнали мумие. Набирая его в рот, верблюд разложил его вдоль края ямы, аккуратно сделав себе из него подстилку, и начал по этой подстилке кататься и тереться об нее всеми частями тела.

— И чудесным образом излечился от парши?

— Излечился, но вы должны были бы знать, что в этом нет ничего удивительного, — поправил Анжелику Савари. — Вы не хуже меня знаете, как великолепно мумие излечивает кожные болезни. Тем не менее, собирая эти кусочки, я еще не обратил внимания на сходство, существующее между ними и божественным персидским эликсиром. Я лишь рассчитывал сделать из

них мазь для своих недугов. Но затем я его УЗНАЛ! Узнал мое мумие! И одновременно сделал замечательное научное открытие.

— О, еще одно? Какое же?

— А вот какое, сударыня: минеральное мумие встречается в природе вместе с солью. Точно так же было в Персии. Впрочем, мне теперь нет надобности ехать в Персию. Я знаю, что, возвратившись на юг Алжира, найду там месторождения — и, возможно, огромные — этого драгоценного вещества. Причем эти месторождения выгодно отличаются от персидских тем, что их никто не охраняет, как в Персии, где все мумие считается собственностью шаха. К алжирским запасам мумие я смогу вернуться свободно.

Анжелика вздохнула.

— Пусть месторождения мумие здесь не караулят, зато здесь караулят вас, милый Савари. Не кажется ли вам, что это примерно одно и то же?

Однако она тут же упрекнула себя за это проявление скептицизма, могущее огорчить ее единственного друга, и начала горячо поздравлять его с совершенным открытием. В порыве пылкой благодарности Савари предложил тут же послать за охапкой хвороста и медным либо глиняным блюдом.

— О Господи, для чего они нам? — удивилась Анжелика.

— Для того, чтобы я мог при вас подвергнуть это вещество перегонке. В качестве эксперимента я попробовал нагреть его в закрытом глиняном горшке, и тот взорвался, как пушечное ядро. Анжелика отговорила старого ученого от проведения подобного эксперимента в стенах султанского гарема. Между тем под действием целебных настоев Османа Ферраджи ее головная боль постепенно утихала, а на теле все обильнее выступал пот.

— Ваша лихорадка проходит, — заметил Савари, окинув ее цепким взглядом профессионального медика.

Анжелика и впрямь чувствовала, что начинает мыслить яснее.

— Как вы полагаете, ваше мумие может еще раз помочь нам в устройстве побега? — спросила она.

— Значит, вы все еще думаете о побеге? — будничным тоном осведомился Савари, заботливо укладывая куски смолистого вещества обратно в мешочек.

— Конечно, больше, чем когда-либо! — в негодовании вскричала Анжелика, рывком садясь на постели.

— Я тоже, — сказал Савари. — Не стану от вас скрывать, что теперь я очень спешу вернуться в Париж, чтобы приступить к опытам, необходимым для изучения моей последней находки. Только там, и моей лаборатории, есть перегонные кубы и реторты, подходящие для исследования данного горючего минерала, исследования, которое — я это чувствую — продвинет все человечество по пути прогресса...

Не удержавшись, он опять вытащил на свет божий кусочек своего мумие и начал рассматривать его через маленькую лупу в оправе из черепахового панциря и черного дерева. В числе прочих своих умений старый Савари обладал умением всегда, даже в полнейшей нищете, иметь при себе самые разнообразные и неожиданные предметы, которые он, казалось, творил из ничего, едва только в них появлялась потребность. Анжелика спросила у него, откуда он взял эту лупу.

— Мне подарил ее мой зять, — ответил аптекарь.

— Но я никогда ее у вас раньше не видела.

— Она у меня всего несколько часов. Когда мой зять, этот очаровательный молодой человек, заметил, что она мне очень нравится, он подарил ее мне в знак

приветствия по случаю моего благополучного прибытия в Мекнес.

— А... кто ваш зять? — спросила Анжелика, подумав, что старик, наверное, заговаривается.

Савари сложил миниатюрную луну и снова спрятал ее в складках своего одеяния.

— Еврей из здешнего меллаха, то есть гетто, — ответил он шепотом. — Он меняла, как и его отец. Я еще не имел случая рассказать вам мои последние новости, однако мне удалось весьма плодотворно провести те несколько часов, что прошли после нашего приезда в славный город Мекнес. Со времен царствования Мулея Арши он очень изменился. Мулей Исмаил везде что-то строит, так что крутом только и видишь, что строительные леса — точь-в-точь как в Версале.

— Но... вы начали говорить о вашем зяте...

— Да, я как раз подошел к этому вопросу. Я уже вам как-то рассказывал, что во время моего первого пребывания в марокканском плену у меня было здесь два романа.

— И два сына.

— Вот именно, только в мои воспоминания вкралась небольшая неточность: оказалось, что Ревекка Кайан подарила мне не сына, а дочь. И эту мою дочку, находящуюся ныне во цвете лет, я вчера навестил и узнал, что она замужем за менялой Самуилом Маймораном, который любезно дал мне эту лупу...

— ... В знак приветствия по случаю вашего благополучного прибытия в Мекнес, — закончила Анжелика. — Ах, Савари, вы до такой степени француз, что послушаешь вас и на душе сразу становится легче. Когда вы произносите слова «Париж» или «Версаль», я как будто перестаю чувствовать эту странную смесь запахов кедра, мяты и сандала и вновь ощущаю себя маркизой дю Плесси-Белльер.

— Вы действительно хотите снова ею стать? Вы действительно хотите бежать?

— Но я же вам уже не раз говорила, что хочу! — вскипела Анжелика. — Почему я должна повторять одно и то же сто раз?

— Потому что вы должны хорошо попать, на что идете. Вас могут убить пятьдесят раз еще до того, как вы выйдете за пределы гарема, двадцать раз — до того, как вы выйдете из султанского дворца, десять раз — до того, как вы выберетесь из Мекнеса, пятнадцать раз — до того, как вы доберетесь до Сеуты или Агадира, и три раза — до того, как вы сможете пробраться внутрь одной из этих христианских твердынь.

— Иными словами, вы оставляете мне всего лишь два шанса из ста, что я достигну цели?

— Совершенно верно.

— Ну, так я все равно ее достигну!

Старый аптекарь озабоченно покачал головой.

— Иной раз я спрашиваю себя, не слишком ли далеко вы заходите в своем упрямстве. Так дерзко спорить с судьбой — это знаете ли, не признак благоразумия.

— Сейчас вы говорите совсем как Осман Ферраджи, — глухо проговорила Анжелика.

— В самом деле, вспомните — в Алжире вы хотели непременно попытаться бежать, на что не решались даже те рабы, которые попали в плен давно и томились в неволе по пятнадцать и двадцать лет. Я едва уговорил вас потерпеть. И что же — разве мы не вознаграждены за терпение? В глухой пустыне, в рабстве, я нашел мумие! И я порой думал, не придется ли вам по вкусу этот роскошный сераль и... личность великого Мулея Исмаила... Так было бы проще... Ах, прошу вас, успокойтесь — я вовсе не хотел вас обидеть...

Он взял ее руку и начал ласково по ней похлопывать. Ни за что на свете он не хотел бы вызвать слезы на глазах этой знатной дамы, которая всегда была для него бесценным другом, которая с неизменным терпением выслушивала все его стариковские разглагольствования и которая получила для него из рук Людовика XIV драгоценную бутылку с жидким персидским мумие.

Ну почему, почему эта молодая дама не стала любовницей короля, хотя могла легко это сделать? Ах да, конечно, все дело в этой истории с ее мужем, которую Меццо-Морте использовал в качестве приманки, чтобы завлечь ее в ловушку. Право, с ее стороны было бы лучше больше о нем не думать.

— Мы сбежим, — добродушно заверил Анжелику мэтр Савари. — Мы с вами непременно сбежим — это решено!

По словам Савари выходило, что вопреки всем очевидным препятствиям в Мекнесе шансы на успешный побег были выше, чем в Алжире. Пленники-христиане, все до единого принадлежащие султану, составляли своего рода сословие, причем в последнее время довольно сплоченное. У них был избранный ими самими предводитель, нормандец из Сен-Валери-ан-Ко по имени Колеи Патюрель, который находился в рабстве уже двенадцать лет и пользовался среди товарищей по несчастью огромным авторитетом. При нем между христианами различных вероисповеданий впервые в истории рабства начали утихать взаимная ненависть и распри, ибо он учредил единый совет рабов, в котором москвит и грек с Крита представляли православных, англичанин и голландец — протестантов, а испанец и итальянец — католиков. Сам Колен Патюрель, француз, разрешал споры и вершил правосудие.

Он мог бесстрашно заговорить с Мулеем Исмаилом, к которому отваживались обращаться лишь очень

немногие, поскольку за такое обращение можно было поплатиться жизнью. Никто не знал, какие уловки он пускал в ход, чтобы заставить тирана выслушать себя. Благодаря усилиям Патюреля положение рабов в Мекнесе оставаясь ужасным и, на первый взгляд, безнадежным, все же кое в чем улучшилось. Учреждение общей казны, в которую каждый отдал имевшиеся у него ценности, позволило им оплачивать услуги сообщников из числа местных мусульман. Всеми доходами и расходами этой тайной кассы ведал бывший банковский служащий, венецианец Пиччинио. Привлечённые возможностью хорошо заработать, мавры соглашались служить проводниками для тех из рабов, кто решался на побег. Таких проводников называли «метадорами». За прошлый месяц было совершено шесть попыток побега. Одна из них удалась. Вина за это была возложена на короля рабов Колена Патюреля, и вчера султан приказал прибить его за кисти рук к городским воротам, чтобы он висел на гвоздях, пока не испустит дух. Среди рабов, которых этот приговор лишал их предводителя, назревал бунт. Ударами палок, а потом и копий черная стража теснила их к их загонам, когда перед их глазами вдруг предстал сам Колен Патюрель и призвал своих товарищей к спокойствию.

После двенадцати часов пытки гвозди разорвали его руки, и он, еще живой, упал на землю. Однако вместо того чтобы попытаться бежать, он спокойно вошел обратно в город и попросил аудиенции у султана. Теперь Мулей Исмаил почти уверился, что Колену Патюрелю покровительствует сам Аллах. Впрочем, он и раньше побаивался и уважал великана-нормандца и считал беседы с ним недурным развлечением.

— Я рассказал вам все это, сударыня, чтобы вы убедились, что несравненно лучше быть рабом в королевстве Марокко, нежели в прогнившем Алжире, —

заклучил Савари. — Здесь рабы не прозябают, а живут настоящей жизнью — каждую минуту.

— И столь же часто умирают!

— Это одно и то же, отпарировал старый ученый. — Видите ли, сударыня, самое главное для раба — это возможность бороться. А когда человек претерпел столько мук, что каждый вечер радуется уже одному тому, что он все еще жив, то такое настроение помогает ему оставаться в добром здравии. Султан Марокко собрал здесь несметные полчища рабов-христиан, чтобы они строили для него дворцы, но он очень скоро поймет, что иметь их в таком количестве небезопасно. Кстати, поговаривают, что нормандец собирается просить у султана, чтобы тот разрешил приехать в Марокко монахам ордена Пресвятой Троицы для выкупа пленных христиан, как это делается в других государствах Берберии. Ну так вот — мне пришла в голову одна неплохая идея. Если эти монахи когда-нибудь приедут в Мекнес, отчего бы вам не передать через них послание королю Франции и не рассказать в нем о вашей печальной участи?

Анжелика покраснела и почувствовала, что у нее снова начинает стучать в висках.

— Вы полагаете, что король пришлет мне на выручку свои легионы?

— Вполне может статься, что Мулей Исмаил не останется глух к заступничеству и настоятельным просьбам Людовика XIV. Султан не скрывает своего глубокого восхищения этим монархом и желал бы походить на него во всем, и особенно — в размахе и великолепии осуществляемого им строительства.

— Я не вполне уверена, что его величество действительно взял бы на себя труд вытаскивать меня из моего нынешнего положения.

— Кто знает?

Совет старого аптекаря был, конечно, разумен, но Анжелика согласилась бы скорее тысячу раз умереть, чем пойти на такое унижение. Ее мысли начали путаться. Голос Савари уплыл куда-то вдаль, и она крепко заснула, в то время как над Мекнесом занимались утренняя заря.

Глава 13

— Мы идем на представление! Мы идем на представление! — весело щебетали юные наложницы, позвякивая браслетами.

— Полно, сударыни, ведите себя спокойнее, — строго и важно приказал им Осман Ферраджи. Он прошествовал между двумя рядами женщин с закрытыми лицами, придирчиво проверяя, достаточно ли роскошно одета каждая и тщательно ли застегнуты их шелковые или муслиновые чадры, позволяющие видеть только глаза, у одних темные, у других светлые, но у всех до единой — блестящие от радостного возбуждения.

Все эти наряженные для прогулки женщины походили на большие грушевидные свертки материи, поставленные на маленькие красные или желтые туфельки без задников. Здесь была только первая сотня султанских наложниц, те, из кого Мулей Исмаил имел обыкновение выбирать женщину, которая нынче разделит с ним ложе. При этом он прохаживался среди них, держа в руке платок, и ронял его перед той, кого он решил сделать своей избранницей на сегодняшнюю ночь. Он слышал, что именно так ведет себя в своем серале великий султан Блистательной Порты.

Если какая-нибудь наложница слишком долго не достаивалась милостей Мулея Исмаила, Осман Ферраджи удалял ее из крута избранных и отправлял на другие этажи султанского дворца, где ей предстояло отныне заниматься иными трудами. Это было худшее из изгнаний быть исключенной из числа тех счастливиц, которые предлагались вниманию повелителя, ибо исключенная теряла всякую надежду вкусить наслаждений на его ложе. Это было началом забвения и

старости, жестокой ссылкой, которая будет протекать всего лишь в нескольких шагах от обители блаженства. Великий евнух, ведавший всеми понижениями и повышениями в гаремной иерархии, умел ловко использовать эту угрозу для смирения непокорных женщин. Покинув круг избранных, попадающих в поле зрения султана, наложницы лишались множества удовольствий, таких, как прогулки, зрелища, частые увеселительные поездки и пребывание за городом, на которые Осман Ферраджи не скупился, когда речь шла о наиболее важной части гарема. Сегодня, едва услышав возвещающие начало представления мушкетные выстрелы и гомон собравшейся толпы, отставные наложницы Мулея Исмаила разразились плачем и завываниями.

Осман Ферраджи явился к ним собственной персоной и велел им замолчать. Султану надоело слышать в своем серале жалобные вопли, сказал он. Может быть, им хочется, чтобы их постигла участь жен и дочерей Абд-эль-Малека? Пример был достаточно свежий. После смерти Абд-эль-Малека, наступившей от гангрены через восемь дней после произведенной над ним экзекуции, женщины его гарема снова принялись плакать и кричать, так что султану пришлось пригрозить им, что он предаст смерти всякую, чей плач долетит до его ушей. На протяжении нескольких дней они сдерживали свои стенания, пока султан находился в своем дворце, однако стоило ему выйти, как вопли и рыдания начинались снова. Тогда Мулей Исмаил повелел задушить четырех женщин Абд-эль-Малека на глазах у остальных.

Это напоминание оказало самое благотворное влияние на покинутых султанских наложниц: среди них тут же воцарилась образцовая тишина, и они приступили к поискам какой-нибудь щелки в ограждении дворцовых террас, откуда можно было бы

хоть одним глазком, издали, посмотреть на представление.

На обратном пути великий евнух зашел в покои Анжелики. Ее служанки заканчивали закутывать свою госпожу в покрывала. Уж кто-кто, а она, конечно, не стала бы плакать, если бы ее сегодня оставили в серале, однако начальник евнухов желал, чтобы будущая любимая жена султана как можно чаще видела своего господина, не будучи при этом им замеченной.

Поэтому Анжелике приходилось все время находиться среди женщин, которые сопровождали Мулея Исмаила во время его прогулок и публичных развлечений. На случай, если, обратив взор в сторону своих наложниц, султан начнет чересчур внимательно вглядываться в толпу следующих за ним белых, розовых и зеленых коконов, трем непрерывно бдящим евнухам было приказано немедля скрыть француженку, а при удобном случае — незаметно увести ее прочь. Осман Ферраджи полагал — и не без основания, что для скорейшего преодоления колебаний Анжелики и ее ознакомления со своими будущими обязанностями самое лучшее — это приучить ее к присутствию и характеру Мулея Исмаила. Разумеется, его буйные выходки все еще могли ее шокировать, но мало-помалу она к ним привыкнет. Ибо она должна вполне искренне и чистосердечно принять того господина и ту роль, которые он, Осман Ферраджи, для нее выбрал.

И сегодня Анжелике снова пришлось присоединиться к группе женщин, направляющихся в сторону дворцовых садов. Англичанка Дэйзи-Валина шла, не закрыв чадрой своего нежно-розового, как карамелька, лица и держа за руки двух прелестных девочек-мулаток со светлыми волосами и смуглой кожей, дочек-близнецов, которых она родила султану и чье рождение стоило ей звания первой жены — это звание осталось у Лейлы Айши, которая родила своему

повелителю сына. Дабы подчеркнуть свой высокий сан, Лейла Айша — также с открытым лицом — вышла из своих апартаментов последней и притом сошла вниз не по общей, а по отдельной лестнице. Ее окружала личная охрана из евнухов, а идущая впереди нее прислужница несла в руках саблю - символ власти. Внушительная фигура султанши была закутана в красные и пестрые покрывала. Шествуя с открытыми лицами, законные жены султана давали понять Осману Ферраджи, что не обязаны беспрекословно ему подчиняться. Лейла Айша уже давно думала над тем, как продвинуть на должность великого евнуха сераля своего верного ставленника Раминана, начальника ее личной охраны. Раминан был черен как уголь, на его висках синели крапинки татуировки, свидетельствующей о том, что он принадлежит к народности луба. Осман Ферраджи происходил из другого племени — он был харари. Та тихая, подспудная война, что шла между ними за толстыми стенами султанского гарема, была не чем иным, как продолжением векового соперничества различных африканских народов.

Маленький принц Зидан шел за своей матерью. Унаследовав негритянскую кровь от обоих родителей, он имел круглое шоколадное личико, всегда обрамленное кремовым кисейным тюрбаном и одеждами из орехового атласа и фисташково-зеленого либо малинового шелка. Анжелика находила его забавным и называла его про себя принц Карамель, хотя нрав у него был отнюдь не сахар, а в будущем обещал стать еще хуже. Сегодня шестилетний принц с увлечением рассматривал сабельку из настоящей стали, которую ему только что подарил его отец. Наконец-то у него есть стальная, а не деревянная сабля, и теперь он сможет отрубить головы Матье и Жану Бадигэ, двум маленьким рабам-французам, с которыми он вместе

играл. Надо будет попробовать сегодня же, когда кончится представление.

Законные жены султана закрыли лица, лишь проходя через последние ворота, выходящие в дворцовые сады, где можно было встретить рабов-мужчин, с тех пор как Мулей Исмаил повелел выстроить здесь мечеть, бани и амфитеатр, а также выкопать пруд. Однако сегодня строительные площадки были безлюдны, а рабочий инструмент, приставные лестницы и глыбы песчаника валялись без движения среди едва поднявшихся над землей стен и серебристых оливковых деревьев.

Из-за наружных стен дворцового ансамбля доносился отдаленный гул сотен голосов. Садам и постройкам, казалось, не будет конца — Мулей Исмаил строил свою столичную резиденцию с присущим ему величественным размахом, дабы разместить в ней своих жен, наложниц и рабов. Пока была закончена только центральная часть, состоящая из сорока пяти небольших зданий — каждое со своим внутренним двориком и фонтаном, — а также грандиозные и роскошные конюшни на двенадцать тысяч лошадей. Дальше простирался громадный лабиринт дворов, складов, амбаров, мечетей и садов; одни из них были отгорожены от города глухими стенами, другие сливались с предместьями. Именно оттуда доносился сейчас шум толпы, оттуда и из лагеря рабов, где каждый раб имел глинобитную хижину с крышей из тростника, а каждая нация — отдельный квартал со своим предводителем и советом.

Женщины и обступившие их плотным кольцом евнухи были взяты под охрану всадниками из личной охраны султана. Вскоре они присоединились к султанской свите. Мулей Исмаил шел пешком под большим зонтом от солнца, который держали над ним два негритенка. Его окружали высшие сановники

государства и три самых приближенных советника: еврей Захария Майморан и два ренегата: испанец Хуан де Альферио, принявший после перехода в ислам имя Сиди Ахмет Мушади, и француз Жозеф Гайяр, именующийся теперь Родани и управляющий военными складами марокканской армии.

Султан очень милостиво поздоровался с Османом Ферраджи, и великий евнух занял место среди его приближенных.

Стояла удушливая жара. Толпа арабов бурлила в радостном возбуждении; сквозь пронзительные крики едва слышно пробивались подвывания флейт и дробь бубнов.

Когда султанский кортеж вышел на центральную площадь Мекнеса, стало наконец видно, кто так оглушительно кричит. Толпа горожан в белых бурнусах раздвинулась, открыв взору исступленно орущую, шевелящуюся массу серых лохмотьев и землистых, заросших бородой лиц. Похожие на терпящих муки грешников из дантовского ада, пленные христиане, сдерживаемые черными стражниками с бичами и палками в поднятых руках, все как один простирали руки в сторону Мулея Исмаила. Среди гремящих на всех европейских языках криков отчетливо слышалось все повторяемое и повторяемое имя:

— Колен! Колен! Колен! Помилуй Колена-нормандца!

Мулей Исмаил остановился. На его губах играла улыбка, словно он упивался этими воплями и мольбами, как другие упиваются рукоплесканиями. Он больше не сделал вперед ни шагу, стоя на некотором расстоянии от бушующей толпы рабов. Затем он вместе со свитой взошел на небольшой помост. Жен и наложниц султана разместили так, чтобы им было хорошо видно предстоящее зрелище, и Анжелика увидела, что

отделяло Мулея Исмаила и его приближенных от толпящихся поодаль невольников.

В центре площади зияла большая прямоугольная яма около двадцати футов глубиной. Ее дно было покрыто белым песком; несколько скал и растений из числа растущих в пустыне придавали ему вид маленького декоративного сада. Перегретый солнцем воздух был полон исходящим из ямы резким запахом хищных зверей. Так вот что это такое — ров со львами! В его углах валялись обглоданные кости, а в задней стене виднелись две опускные деревянные двери, закрывающие выходы из коридоров, которые вели к клеткам, где содержались хищники.

Мулей Исмаил поднял руку. Невидимый механизм был тотчас приведен в движение, и одна из дверей поползла вверх, открывая темное отверстие.

Толпа рабов рванулась вперед в неудержимом порыве, так что передние чуть было не опрокинулись в львиную яму. Они упали на колени, вцепились обеими руками в ее края и вытянули тем, глядя вниз, на открывавшийся в освещенной солнцем стене черный прямоугольник.

Из него медленно вышел человек — раб с тяжелыми оковами на руках и ногах. Дверь снова опустилась. Раб сощурил глаза, чтобы дать им привыкнуть к яркому солнечному свету. С помоста было видно, что это человек на редкость высокий и сильный. Его рубашка и короткие штаны — обычная одежда невольников — оставляли открытыми мускулистые руки и ноги и широкую, как шит, волосатую, словно у медведя, грудь, на которой блестела маленькая медная иконка. Нечесанные соломенные волосы и борода пленника полностью закрывали его щеки и подбородок, так что можно было разглядеть только небольшие голубые глаза, блестящие и хитрые. Подошедший к нему близко увидел бы, что на висках его шевелюра древнего

викинга тронута сединой и борода тоже перевита белыми нитями. Человеку в яме было сорок лет, из которых двенадцать он провел в рабстве. В толпе пленников начался ропот, тут же вновь переросший в громкие крики: — Колен! Колен Патюрель! Колен-нормандец!

Худой рыжий юноша крикнул, наклонившись над ямой:

— Колен, товарищ, не сдавайся! Бей их, убивай, только не умирай, НЕ УМИРАЙ!

Как бы успокаивая своих товарищей, раб в львиной яме поднял обе руки. В это мгновение Анжелика увидела, что в его ладонях зияют кровоточащие дыры, и вспомнила, что именно этого человека она видела распятым на Новых воротах, когда въезжала в Мекнес. Не торопясь и шагая немного вразвалку, он вышел на середину ямы, поднял взгляд на Мулея Исмаила и заговорил по-арабски. Его голос был звонок и не дрожал.

— Приветствую тебя, государь. Как поживаешь?

— Лучше, чем ты, пес, — ответил султан. — Ну что, теперь ты наконец понял, что пришел день расплаты за все те дерзости, которыми ты докучал мне столько лет? Еще вчера ты смел гневить меня просьбами допустить в мое государство ваших нечестивых попов, чтобы продать им моих собственных рабов!.. Но я не желаю продавать своих рабов! — вскричал вдруг Мулей Исмаил, вскочив со своего места. Мои рабы принадлежат мне. Я не алжирец и не тунисец, и мне нет нужды подражать этим развращенным торгашам, которые забыли о своем долге перед Аллахом и помнят только о барышах... Ты истощил мое терпение — но я сделал совсем не то, чего ты от меня ждал. Думал ли ты, когда на прощание я осыпал тебя ласками и обещаниями, что сегодня ты окажешься в яме со львами? Ха-ха-ха. Ну, говори — думал?

— Нет, государь, смиренно ответил нормандец.

— Ха-ха! И ты ликовал и хвастался перед прочими, что смог добиться от меня того, чего хотел. Колен Патюрель, сейчас ты умрешь.

— Да, государь.

Мулей Исмаил с угрюмым видом сел на трон. Из толпы рабов снова слышались крики, и стражники навели на пленных христиан свои мушкеты. Султан посмотрел на пленников и сделался еще мрачнее.

— Мне не доставляет удовольствия предать тебя смерти. Колен Патюрель, — сказал он. — Я уже несколько раз смирялся с мыслью, что ты умер, и потом радовался, когда узнавал, что ты остался жив и здоров после мучений, к которым я тебя присудил, с тем чтобы ты от них погиб. Но на этот раз не надейся на спасение, ибо я не оставлю демонам возможности прийти тебе на помощь. Я не уйду с этой площади до тех пор, пока не будет обглодана твоя последняя кость. И все же мне было бы очень огорчительно видеть, как ты умираешь! Больше всего меня печалит то, что ты умираешь во мраке твоих ложных верований и твоя душа будет осуждена на вечные муки. Я еще могу тебя помиловать. Перейди в ислам!

— Это невозможно, государь.

— Что тут невозможного? — взревел Мулей Исмаил. — Что может помешать человеку, знающему арабский, произнести слова: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его»?

— Если я это произнесу, я стану мусульманином. И тогда ты, государь, сильно огорчишься. Ведь почему тебе не угодна моя смерть и хочется сохранить мне жизнь? Да просто-напросто потому, что я — предводитель твоих пленников в Мекнесе и благодаря мне они работают с большим усердием и послушанием на строительстве твоих дворцов и мечетей. Вот почему тебе нужно, чтобы я был жив и оставался в их рядах. Но

если я перейду в ислам, я стану ренегатом — и что мне тогда делать среди рабов-христиан?.. Я надена тюрбан, начну ходить в мечеть, и мне уже не надо будет махать мастерком, возводя для тебя постройки. Сделавшись ренегатом, я буду для тебя потерян, поскольку ты милостиво освободишь меня из рабства. Оставшись христианином, я буду для тебя потерян, поскольку меня сожрут твои львы.

— Пес, твой раздвоенный язык уже довольно бесил меня своими наглыми речами. Умри же!

Между тем в толпе уже воцарилось гробовое молчание — зрители увидели, как за спиной еще не кончившего свою речь Колена Патюреля поползла вверх вторая дверь. Из темного проема медленно вышел великолепный нубийский лев и, покачивая черногривой головой, двинулся вперед той одновременно изящной и тяжелой поступью, которая свойственна крупным хищникам. За ним, потягиваясь, показалась более стройная львица, а за ней — лев с Атласских гор со шкурой цвета песка и почти рыжей гривой.

Сделав несколько бесшумных шагов, звери оказались рядом с нормандцем. Тот не шелохнулся. Нубийский лев начал нервно хлестать себя хвостом по бокам, однако было похоже, что его куда больше раздражают жадно склонившиеся над ямой зрители, чем присутствие в его логове неподвижно стоящего человека. Он глухо заворчал, обводя толпу своим не знающим страха взглядом, затем вдруг напрягся и несколько раз рыкнул.

Анжелика закрыла глаза полрой чадры, но, услышав поднявшийся в толпе шум, решила посмотреть снова. Нубийский лев, которому нездоровое любопытство публики явно надоело, направился к ближайшей скале и лег на песок в ее тени. При этом он с полнейшим равнодушием прошел близко от пленника; казалось,

еще немного — и он потрется на ходу о его ноги, словно большой домашний кот.

Разочарованные зрители-арабы разразились истерическими криками и, желая раздражить зверей, принялись швырять в них камни и комья земли. Все трое львов хором зарычали, обошли яму и улеглись перед опущенными дверьми в стене, выражая тем самым желание продолжить свой послеобеденный сон в более тихом месте.

Глаза Мулея Исмаила едва не вылезли из орбит.

— Он знает какое-то магическое средство! — просипел султан и, в волнении встав, подошел к краю ямы.

— Колен Патюрель, львы не желают причинять тебе вред. В чем состоит твой секрет? Открой мне его, и я тебя помилую.

— Сначала помилуй меня, и тогда я открою тебе мой секрет.

— Хорошо, хорошо! — нетерпеливо бросил Мулей Исмаил.

По его знаку служители зверинца подняли двери. Львы, зевая, скрылись во мраке коридоров, ведущих в их клетки, и двери снова опустились.

Из грудей пленников-христиан вырвался неистовый вопль радости, и они, плача, бросились обнимать друг друга. Их предводитель был спасен!

— Говори же, говори! — сгорая от нетерпения, бросил Мулей Исмаил.

— Сделай одну милость, государь. Позволь монахам из ордена Пресвятой Троицы приехать в Мекнес для выкупа пленников.

— Этот пес, видно, поклялся непременно всучить мне свою шкуру! Дайте мне мой мушкет, и я застрелю его своей собственной рукой!

— Я унесу с собой свой секрет.

— Ну, хорошо! Пусть опять будет по-твоему. Можешь послать за своими попами. Посмотрим, какие дары они мне привезут. Может, это будет такая дрянь, что мне и говорить с ними будет не о чем. Вылезай, Колен Патюрель.

Несмотря на свои тяжелые оковы, силач-нормандец проворно вскарабкался по ступенькам, высеченным в передней стенке ямы, и оказался в толпе арабов. Сколь ни были они обозлены и разочарованы, ни один из арабов не посмел тронуть его или оскорбить. Перед тронем Мулея Исмаила невольник-христианин встал на колени и ткнулся лбом в землю. Толстые губы султана дернулись в некоем подобии загадочной улыбки, и он коснулся ногой в турецкой туфле мускулистой спины раба.

— Встань, проклятый пес!

Нормандец встал во весь свой огромный рост. Анжелика не могла оторвать глаз от этих двух мужчин. Она находилась от них так близко, что боялась шевельнуться и едва осмеливалась дышать.

Один из них обладал неограниченной властью, другой был закован в цепи, но случилось так, что оба они: и султан и раб, и мусульманин и христианин — признавали достойным себя только одного противника — Азраила, ангела смерти. Перед такими людьми Азраил в страхе отступает. Он летит дальше, в другие места, чтобы потушить жизни тусклые, чтобы скосить своей косой чахлые, бесполезные травы... Конечно, придет день, когда он, наконец, отнимет жизнь и у Мулея Исмаила, несмотря на его всегда носимую под бурнусом кольчугу, и у Колена Патюреля, несмотря на его хитрость, но оба они будут отчаянно бороться против ангела смерти, и Азраил не скоро одержит над ними победу. Чтобы понять это, достаточно на них посмотреть!..

— Ну, говори, — сказал Мулей Исмаил. — Какими чарами ты успокоил львов?

— Чары здесь ни при чем, государь. Приказывая предать меня этой казни, ты, верно, забыл, что я долгое время работал в зверинце и сейчас тоже часто помогаю тамошним служителям. Так что львы меня знают. Я уже входил к ним в клетки и оставался цел, А вчера я вызвался покормить их вместо тех слуг, которые обычно носят им пищу, и дал им вдвое больше обычного. Да что я говорю вдвое — не вдвое, а втрое! Те три льва, которых ты отобрал из числа самых свирепых, чтобы они меня сожрали, вошли в яму сытые под завязку. Тот, кто сказал бы, что они не голодны, выразился бы слишком слабо. Вид куска мяса, ходит ли оно на своих ногах или валяется, истекая кровью, вызывал у них тошноту, тем более что я еще дал им одну травку, от которой клонит в сон.

Лицо Мулея Исмаила потемнело от ярости.

— Наглый пес! Ты смеешь говорить мне в присутствии моих подданных, что ты надо мной посмеялся. Сейчас я снесу тебе голову!

Султан вскочил и выхватил из ножен саблю. Король рабов заметил:

— Я открыл тебе мой секрет, господин. Свое обещание я выполнил. Ты пользуешься славой государя, который держит данное слово. Ты обещал, что сегодня сохранишь мне жизнь и велишь послать за отцами из ордена Пресвятой Троицы, чтобы они кого-то из нас выкупили.

— Не выводите меня из терпения! — рявкнул султан, вертя над головой свою кривую саблю. Однако после этих слов он вложил ее в ножны и процедил сквозь зубы:

— Я обещал сохранить тебе жизнь сегодня. Слышишь, ТОЛЬКО сегодня!

В эту минуту на помост поднялись слуги, несущие громадную медную миску с едой для султана, и это отвлекло его внимание. Мулей Исмаил повелел подать себе обед прямо на площади, полагая, что созерцание жадно насыщающихся львов поможет ему поесть с большим аппетитом.

Слуги едва не попадали от изумления, увидев, что «обед львов», живой и невредимый, как ни в чем не бывало стоит перед их господином.

Султан уселся на подушки и позвал к себе своих приближенных, чтобы те разделили с ним трапезу. Затем он спросил:

— Как ты догадался, что я собираюсь отдать тебя на съедение львам? Ведь я никому не говорил об этом, пока не пропели первые петухи. Напротив, по дворцу ходил слух, что я выслушал тебя благосклонно.

Голубые глаза пленника лукаво сощурились.

— Я хорошо тебя знаю, государь!

— Не хочешь ли ты сказать, что мои уловки грубы и я не умею обманывать?

— Ты хитер как лиса, но я нормандец!

Белые зубы султана весело засверкали — он смеялся. В ответ тотчас грянул громкий хохот рабов, которые до этого не осмеливались смеяться над «секретом» Колена Патюреля.

— Мне по душе нормандцы, — милостиво сказал Мулей Исмаил. — Я велю корсарам из Сале поплавать вдоль побережья около Гавра и Гонфлёра, чтобы наловить их мне побольше. Мне не нравится в тебе только одно, Колен Патюрель, — то, что ты чересчур высок. Ты выше меня ростом, а я не могу стерпеть такой дерзости.

— У тебя есть несколько способов поправить это, государь. Ты можешь отрубить мне голову — или усадить меня рядом с собой. Тогда ты в своем тюрбане будешь выше меня.

— Будь по-твоему, — сказал султан, решив после минутного раздумья, что не стоит гневаться. — Садись.

Раб согнул в коленях свои длинные ноги и сел на роскошные шелковые подушки рядом с султаном. Тот протянул ему жареного голубя. Вельможи в свите Мулея Исмаила и даже его две жены: Лейла Айша и Дэйзи-Валина — негодуя зароптали. Султан обвел их взглядом.

— Чем вы недовольны? Вам ведь тоже подали мясо?

Визирь Сиди Ахмет Мушади, ренегат-испанец, с досадой ответил:

— Мы сетуем не на кушанья, государь, нас огорчает, что рядом с тобой сидит вонючий раб.

Глаза Мулея Исмаила метнули молнии.

— А почему я вынужден беседовать с вонючим рабом так, словно он мне ровня? Сейчас я вам скажу почему. Потому что никто из моих визирей не желает пачкаться, доводя до моего сведения просьбы моих рабов. Когда рабы хотят у меня что-либо попросить, им приходится обращаться прямо ко мне. Я не могу не карать их за эту дерзость и таким образом каждый раз теряю одного раба — по вашей вине. Служить посредниками между моими рабами и мной есть прямая обязанность моих визирей, и в первую голову твоя, Родани, и твоя, Сиди Ахмет Мушади, поскольку вы оба были некогда христианами. Почему ты, Ахмет, не взял на себя труд попросить меня послать за христианскими попами? Неужели тебе не жаль твоих бывших собратьев?

Чем дольше Мулей Исмаил говорил, тем больше горячился. Однако испанец ничуть не обеспокоился. Он не сомневался в прочности своего положения — ведь он был главным военачальником султана в его кампаниях против мятежных племен. Берберийцы захватили его в плен, когда он, офицер армии его величества Филиппа IV, плыл со своими солдатами в Южную Америку. Султан

имел возможность оценить его способности стратега во время отступления марокканских войск в горах Среднего Атласского хребта, и из этого похода Хуан де Альферио, пустившись в путь рабом, вернулся во главе роты отборной султанской пехоты. Мулей Исмаил решил приблизить его к себе и с помощью пыток склонил его принять магометанство.

В ответ на гневные упреки султана он сказал, бросив презрительный взгляд на пленников-христиан:

— Я отринул того, кого они называют Господом. У меня нет причин взваливать на себя заботу о слугах.

Глава 14

— Ты позволишь мне начать есть, государь? — смиренно спросил Колен Патюрель, держа в руке жареного голубя, которого он даже не поднес ко рту. Ожидая позволения султана, он испытывал муки, сравнимые с теми, которые любил измышлять для своих жертв Мулей Исмаил, — ведь нормандец уже много лет не ел досыта, и ему давным-давно не выпадало подобное лакомство. Вопрос раба вызвал у султана новый приступ ярости. Он только теперь заметил, что его приближенные приступили к еде, не дожидаясь его, и тут же осыпал их бранью.

— Ешь! — крикнул он нормандцу. — А вы, ненасытные обжоры, сейчас же перестаньте объедаться! Глядя на вас, можно подумать, будто вы рабы, питающиеся одним хлебом и водой, а не богачи, набившие мощну тем, что вы у меня крадете!

Он приказал своим черным воинам отобрать кушанья у провинившихся вельмож и отдать все, что осталось, рабам. Вельможи попытались оставить у себя хотя бы само блюдо, говоря, что христиане недостойны есть из той же посуды, что и султан. Однако Мулей Исмаил велел отдать рабам все как есть, и воины отнесли им блюдо, полное жареных кур и голубей и приправленного шафраном риса. Пленники набросились на султанский обед, словно стая голодных псов, с боем прорывающихся к кормушке.

Анжелика с состраданием смотрела на этих несчастных, опустившихся и одичавших в тяжком, беспросветном плену. Среди них наверняка были родовитые дворяне, носящие громкие имена, священники, люди благородного звания, но нищета всех их одела в одинаковые серые тона, в схожие между

собой лохмотья. Анжелика обратила внимание на их худобу и подумала о мэтре Савари, чьи пальцы во время их последнего свидания показались ей сухими и твердыми, будто тонкие деревянные палочки. Бедный старик буквально умирал от голода, а ей даже не пришло в голову угостить его куском марципана!..

Со своего места она хорошо слышала разговор султана и нормандца и поняла почти все. Она чувствовала, что буйная, беспрестанно меняющая свои проявления личность Мулея Исмаила одновременно притягивает ее и отталкивает. Покорить такого мужчину — то же самое, что приручить хищного зверя, причем этот зверь, даже прирученный, все равно сохранит повадки хищника и жажду крови и будет готов в любой момент прыгнуть и растерзать свою жертву. К плечу Анжелики прижалась малышка-черкешенка, закутанная в зеленую чадру. Ее глаза ни на миг не отрывались от профиля султана. Накануне она робко и доверчиво рассказывала о нем Анжелике, говоря по-арабски так же неумело, как и ее наперсница, и восполняя томными жестами и мимикой то, чего не могла выразить словами.

— Ты знаешь, он совсем не страшный... Он старался рассмешить меня, чтобы я больше не плакала... Он дал мне браслет. Он клал мне на плечо руку... она была такая ласковая... Его грудь — как серебряный щит... Раньше я еще не была женщиной, а теперь я ею стала... И каждую ночь я познаю новые наслаждения.

«Черкешенка нравится Мулею Исмаилу, — сказал Анжелике Осман Ферраджи. — Она забавляет и привлекает его, словно маленький котенок. Это хорошо. Это дает мне время приготовить для его ложа тигрицу».

В ответ на эти слова Анжелика только пожала плечами, однако с каждым днем сопротивление давалось ей все труднее. Ее пичкали миндальными пирожными и вареньем, всячески холили ее тело,

волосы, кожу, она все время слышала эротические признания, которые нашептывали друг другу султанские наложницы, стремясь доказать своим товаркам, что господин их любит. В гареме все чувства женщин были обострены до предела и, искусно разжигаемые, целиком сосредоточивались на одном-единственном предмете — всемогущем и невидимом Мулее Исмаиле. Его присутствие ощущалось повсюду, это было как наваждение. Нередко Анжелика внезапно просыпалась среди ночи, уверенная, что он сию минуту появится из темноты.

Когда ей представлялся случай увидеть его воочию, она успокаивалась. Перед нею снова было не мифическое, почти божественное существо, а человек из плоти и крови со всеми своими слабостями. Анжелика говорила себе, что она еще ни разу не растерялась ни перед одним мужчиной. Она раскусит и этого, а потом... потом будет видно.

— Когда ты пошлешь за нашими монахами? — спросил Колен Патюрель, не переставая уписывать за обе щеки.

Король рабов поставил перед собой цель и шел к ней с упорством тура.

— Они могут безбоязненно приехать в Мекнес, когда пожелают, — ответил султан. — Передай им, что я очень хочу с ними побеседовать.

Нормандец предложил незамедлительно написать два письма. Одно из них султан пошлет военачальнику Али, сыну Абдаллы, осаждающему испанскую крепость Сеуту, с тем чтобы он начал с испанцами соответствующие переговоры. Второе письмо предназначалось монахам ордена Пресвятой Троицы и должно было быть передано им через посредство французских купцов, проживающих в Кадисе.

Поскольку оба — и султан, и невольник — предпочитали все делать быстро, не откладывая на

потом, Мулей Исмаил тотчас же приказал своему писцу взяться за перо, а Колен Патюрель подозвал к себе писаря мекнесских рабов, того самого тощего рыженького паренька, который совсем недавно кричал ему: «Бей их, убивай! Только не умирай!» Рыжего писаря звали Жан-Жан-парижанин. Он был одним из немногих пленников, которые прежде были жителями столицы Франции. Будучи письмоводителем у парижского магистрата, он сопровождал своего патрона, когда тот должен был по делам поехать в Англию. Их судно попало в шторм, из-за ураганного ветра отклонилось от курса, едва не разбилось о скалы у берегов Бретани и в конце концов очутилось в Бискайском заливе, где его заметили, догнали и взяли на abordаж берберийские пираты.

Колен Патюрель продиктовал Жан-Жану письмо к главе отделения ордена Пресвятой Троицы во Франции, прося того прислать монахов для выкупа мекнесских рабов, которые до сих пор были обделены заботами святых отцов по сравнению с пленниками, томящимися в Алжире и Тунисе. Предводитель рабов рекомендовал посланцам привезти с собой богатые дары, дабы угодить султану, и особенно настоятельно просил включить в их число несколько больших часов, таких, у которых на концах маятников имелись бы золотые диски, изображающие солнце. При упоминании о часах глаза Мулея Исмаила блеснули. Внезапно он преисполнился желанием отправить гонцов немедленно.

Казначей мекнесских рабов, Пиччинио-венецианец, вручил четыре дуката писцу, написавшему письмо военачальнику Али. Письмо было посыпано песком, запечатано и вложено в футляр, который гонец должен был везти под мышкой, прямо на теле. Однако лицо Исмаила вдруг омрачило некое беспокойство.

— Ты сказал, что твои попы называют себя монахами ордена Троицы? — спросил он.

— Да, государь. Эти самоотверженные монахи ходят по нашим землям и собирают пожертвования от благочестивых людей, чтобы выкупить на них неимущих пленников.

Но предметом озабоченности султана было другое.

— Троица?.. Не идет ли речь об исповедуемой вами догме, будто Бог разделяется на три лица? Это неправда. Нет Бога, кроме Бога единого. Я не желаю приглашать в мои владения нечестивцев, придерживающихся столь оскорбительного верования.

— Что ж, тогда мы адресуем письмо отцам-выкупателям, — добродушно сказал нормандец и велел Жан-Жану исправить адрес.

Наконец гонец ускакал, подняв облако рыжей пыли, и Мулей Исмаил продолжил свою обвинительную речь.

— Вы, христиане, утверждаете, что есть Отец, Сын и Дух Святой. Тем самым вы оскорбляете Бога. Я верю, что Иисус был Словом Божьим. Я верю, что он был одним из самых великих пророков, ибо сказано в Коране о Марии и сыне ее Иисусе: «Мы вдунули в нее от Нашего духа и сделали ее и ее сына знамением для миров». Но я не верю, что Иисус сам был Богом, ибо если бы я в это поверил... Если бы я в это поверил, я приказал бы сжечь всех евреев в моем государстве! — взревел он, выбросив сжатую в кулак руку в сторону Захарии Майморана.

Министр-иудей сгорбился. Сердце Мулея Исмаила представляло собой клубок лютой ненависти к иным религиям. Эта ненависть переполняла все его существо, она буквально душила его. Большая часть его поступков проистекала из сознания того, что Аллах обманут, оскорблен и унижен глупостью неверных и что он, повелитель правоверных, должен заставить нечестивцев уважать Всевышнего.

Султан испустил глубокий вздох.

— Я хотел бы поспорить с тобой о вере. Колен Патюрель. Как может здравомыслящий человек находить удовольствие во зле, которое несет ему вечную погибель?

— Из меня плохой богослов, — отвечал Колен Патюрель, жуя крыло голубя, — но что ты, государь, подразумеваешь под добром и злом? Для нас, христиан, убийство ближнего есть злодеяние.

— Глупцы! Глупцы, путающие мелочи земной жизни с великими истинами. Что есть зло?.. Единственное зло, не подлежащее прощению, — это отвергнуть спасение своей души, отвергнуть Истину! Это злодеяние вы, христиане, совершаете ежедневно, вина за него лежит на вас и еще больше — на евреях, которым первым была открыта Истина... Евреи и христиане подло исказили наши священные книги: Книгу Моисея, псалмы Давида, Евангелия... и вписали в них то, чего в них никогда раньше не было. Как можешь ты жить в таком заблуждении? Жить во грехе? Отвечай, песий ублюдок!

— Я не могу тебе ответить. Я всего лишь нормандский моряк из Сен-Валери-ан-Ко. Но я пришлю к тебе мальтийского рыцаря Рено де Мармондена, который очень силен в богословии.

— Где этот рыцарь? Приведи его сюда.

— Его сейчас пет в Мекнесе. Рано утром он ушел с колонной рабов, которые носят песок из вади^[50] для приготовления строительного раствора.

Эти слова оторвали Мулея Исмаила от захвативших его метафизических умозрений. Как только этот заядлый строитель осознал, что часть его рабов уже три часа как отдыхает, он пришел в ярость.

— Почему эти собаки лакомятся объедками с моего стола? — заорал он. — Я велел позвать их сюда для того, чтобы они посмотрели на твою казнь, а не для того, чтобы они потешались над тем, как ты меня

унизил. Прочь с глаз моих, поганая свинья! Сегодня я тебя помиловал... Но завтра... ЗАВТРА я тебе не спущу!

И он приказал дать по сотне палок всем рабам-французам, которые нынче утром бросили работу, чтобы посмотреть, как будет умирать Колен Патюрель.

Глава 15

Сады султанского сераля были прекрасны. Анжелика любила бывать там либо в толпе гуляющих наложниц, либо сидя в закрытой двуколке, которую везла пара мулов. Задернутые занавески закрывали ее от любопытных взглядов, но она могла беспрепятственно любоваться сказочной красотой цветов и деревьев. Порой она страшилась этих прогулок, опасаясь, что великий евнух может подстроить ей как бы случайную встречу с султаном за поворотом садовой аллеи.

Мулей Исмаил действительно приходил сюда часто — любовь к прогулкам по садам роднила его с Людовиком XIV, которого он почитал идеальным государем и на которого желал походить. Кроме того, султан предпочитал лично наблюдать за ходом всех садовых и строительных работ. Это было самое благоприятное время для тех, кто хотел к нему обратиться, ибо на прогулке он всегда пребывал в самом лучшем расположении духа. Вернее всего было заговорить с ним, когда он в сопровождении нескольких придворных вельмож неспешно шествовал по тенистым аллеям, держа па руках одного из своих недавно родившихся сыновей или мурлыкающую кошку. Все знали, что именно в такие минуты наиболее безопасно просить его о милости, потому что в это время Мулей Исмаил никогда не давал волю своему гневу, боясь потревожить прижатого к его груди смуглого нарядного младенца или ласкаемого им пушистого кота. К маленьким детям и животным он выказывал горячую привязанность и нежность, которые всех, кто его знал, поражали не меньше, чем его невероятная жестокость к себе подобным. Во дворце и садах султана

содержалось множество редких животных. Заботливо опекаемые целой армией слуг, повсюду: на деревьях, во двориках, на лужайках, под сенью цветов — сидели, лежали и ходили серые, белые, черные и пестрые кошки всех размеров и пород. Их зеленые или золотистые глаза неотрывно следили за гуляющими, и казалось, что в этих бархатистых существах, незримо наблюдающих за людьми, подобно благожелательным джинам-покровителям, воплотилась сама душа садов Мекнеса, мечтательная и исполненная тайны.

Здесь кошек не натаскивали стеречь рабов или сокровища. Их холили ради них самих, и они были ласковы и благодушны. Зверям и птицам хорошо жилось у Мулея Исмаила. Лошади, которые наряду с кошками были его любимыми животными, обитали в роскошных конюшнях с мраморными сводами, где между галереями журчали фонтаны, наполняя водой водопойные желоба, выложенные зеленой и синей мозаикой. На берегах пруда безбоязненно резвились розовые фламинго, ибисы и пеликаны.

Местами зелень была так густа, а оливы и миртовые деревья так умело расположены, что создавалось впечатление, будто вокруг простирается большой лес, и забывалось, что за деревьями высятся глухие зубчатые стены.

Обыкновенно во время прогулок женщин сопровождали евнухи, ибо, несмотря на окружающие дворцовый ансамбль крепостные стены, в обширных садах часто можно было встретить работающих здесь рабов-мужчин. Только в маленьких внутренних двориках с их фонтанами и кустами олеандра можно было появляться и гулять без провожатых.

В это утро Анжелика задумала провести карликового слона. Она надеялась также встретиться с Савари, который был главным лекарем при драгоценном животном. К ней присоединились юная

черкешенка и еще две наложницы: рослая и веселая эфиопка Муйра и женщина из народности фульбе с бесстрастным лицом, светлым, как древесина лимона.

Они направились к зверинцу под охраной трех евнухов, в том числе Раминана, начальника личной охраны султанши Лейлы Айши, который нес на руках маленького принца Зидана. Последний услышал разговор о слоне и громогласно потребовал, чтобы его отнесли посмотреть на этого зверя.

Ожидания Анжелики полностью оправдались. Савари был в зверинце, вооруженный огромной свинцовой трубкой, с помощью которой он готовился при содействии двух других рабов поставить своему пациенту клистир. Слон мучился болями в животе, объевшись плодами выращиваемой в султанских садах гуайявы. Малютка принц тотчас пожелал дать ему еще. Слоновий лекарь и не подумал противиться этому капризу. Несколько лишних гуайяв уже ничего не изменят в состоянии его толстокожего больного, и в любом случае лучше не навлекать на себя гнев царственного негритенка.

Анжелика тайком передала Савари два мягких хлебца, которые она пронесла под чадрой. Это не ускользнуло от внимания толстяка Рафая, но он ничего не сказал. Насчет пленной француженки были даны четкие указания, гласившие, что ее не следует раздражать мелочными придирками.

— У вас есть план побега? шепотом спросила Анжелика. Старый аптекарь с беспокойством взглянул на евнухов и, не разжимая зубов, ответил:

— Мой зять Самуил Майморан, этот очаровательный молодой человек, готов одолжить мне солидную сумму денег, чтобы заплатить метадорам, которые будут служить нам проводниками. Колен Патюрель знает их и говорит, что с их помощью уже удались два побега.

— А они нас не выдадут?

— Патюрель за них ручается.

— Тогда почему он до сих пор не сбежал сам?

— Он всегда в оковах... Ему так же трудно сбежать, как и вам. Он говорит, что ни одна женщина еще не пыталась убежать из берберийского плена... А если и пыталась, то об этом ничего не известно. По-моему, вам лучше подождать приезда отцов-выкупателей и попросить помощи у короля Франции.

Анжелика хотела было резко возразить, но ворчание стоящего рядом Рафая дало ей понять, что ее беседа с Савари, из которой евнух не мог понять ни слова, уже и без того чересчур затянулась.

Затем евнухи начали торопить женщин уйти из зверинца. Однако принц Карамель заупрямился, так что Раминану пришлось схватить его в охапку и опять понести на руках. Впрочем, ярость принца тут же утихла, когда за поворотом аллеи он увидел старого плешивого раба, сгребавшего в кучу опавшие листья. Раб был фламандцем, и его звали Жан-Батист Калоэнс. Зидан радостно закричал, что хочет отрубить этому старику голову, потому что он лысый и уже ни на что не годен. Настаивая на своем, он так раскричался, что евнухи посоветовали рабу сразу же упасть на землю, едва только принц его ударит. Малыш поднял свою миниатюрную кривую сабельку и рубанул изо всех сил. Старик тотчас рухнул наземь и притворился мертвым. Маленькая сабля глубоко рассекла ему руку. Увидев кровь, прелестное дитя успокоилось и с веселым видом продолжило прогулку.

Гуляющие прошли мимо расположенного в глубокой низине садика, где густо рос клевер, предназначенный для лошадей султана. Низина была ограждена мраморной балюстрадой. Чуть дальше виднелась небольшая апельсиновая роща с подлеском из розовых кустов. Это было самое красивое место дворцовых садов. Рощица и розарий были спланированы

садовником-испанцем, который сумел не только найти чудесное сочетание красок — разноцветных роз и синевато-зеленой листвы деревьев, усыпанных яркими фонариками-апельсинами, — но и создать пленительную гармонию ароматов цветов и плодов. Под деревьями работали два раба. Проходя мимо них, Анжелика услышала французскую речь. Она обернулась, чтобы рассмотреть садовников получше. Один из них, красивый молодой человек с тонким, породистым лицом, которого можно было легко представить себе в парике и кружевном жабо, весело подмигнул ей. Все-таки, что ни говори, а пока француз не совсем еще изнемог под ярмом рабства, он не перестанет улыбаться проходящим мимо таинственным красавицам в чадрах, даже если за это ему придется поплатиться жизнью. Черкешенка вдруг воскликнула:

— Я хочу тот красивый апельсин, вон там, высоко на дереве. Велите рабам сорвать его для меня.

На самом деле она заметила красивого юношу и захотела остановиться, чтобы разглядеть его лучше. Любовный опыт, приобретенный ею в объятиях сладострастного Исмаила, превратил несведущую девочку в любопытную женщину, желающую испытать свои чары и на других мужчинах. Эти двое, пусть исхудавшие от недоедания и одетые в жалкие рубища, были первыми мужчинами, увиденными ею после того, как султан преподал ей начальные правила той утонченной и неистовой игры, которая с самого сотворения мира разделяет и сводит вместе Еву и Адама.

Прекрасные глаза черкешенки, не скрытые чадрой, жадно рассматривали белокожих невольников. Какие же они мускулистые и волосатые!.. У высокого юноши с ангельской улыбкой волосы на голове и теле светлые и мягкие. Наверное, женщина испытывает странное, удивительное чувство, лежа нагой в его объятиях.

Интересно, каковы христиане на ложе любви? Ведь они не совершают обрезания...

— Я хочу тот красивый апельсин, вон там, высоко на дереве, настойчиво повторила она.

Толстый Рафай строго заметил ей, что она не имеет права требовать плоды из дворцового сада, потому что они принадлежат султану и больше никому. Девочка-наложница очень рассердилась и с жаром возразила, что принадлежащее султану принадлежит также и ей. Ибо отныне он сделает все, что она пожелает, — он сам ей это сказал! Она пожалуется ему на дерзость евнухов, и он велит их наказать.

Рабы украдкой наблюдали за этим спором, Белокурый юноша, носивший титул маркиза де Воклюза и проведенный в неволе всего несколько месяцев, благожелательно улыбался, радуясь, что слышит капризный женский голосок, однако его товарищ, бретонец, невольник с двадцатилетним опытом марокканского плена, тихо, но настоятельно посоветовал ему отвернуться и не глядеть ни на что, кроме своей работы, так как рабам запрещено под страхом смерти смотреть на женщин султана. Маркиз пожал плечами.

— А эта малютка очень миленькая, — сказал он, — во всяком случае то в ней, что угадывается под покрывалами. Кстати, чего она, собственно, хочет?

— Она хочет, чтобы ей сорвали апельсин, — перевел бретонец.

— Разве можно отказать в этом такой красивой девушке? — сказал маркиз де Воклюз. Он положил на землю свой садовый нож и, распрямив изящный стан, облаченный в потрепанный камзол, потянулся к ветке.

Он сорвал апельсин и, поклонившись черкешенке так же низко, как он кланялся госпоже де Монтеспан, протянул ей оранжевый плод.

Возмездие, обрушившееся на них в этот миг, явилось с быстротой урагана. В воздухе что-то свистнуло, и грудь маркиза де

Воклюза пронзило копье, пущенное почти в упор. Он рухнул как подкошенный.

На опушке апельсиновой рощи, на заросшей травой тропинке, появился Мулей Исмаил на своем белом жеребце. Его лицо было перекошено яростью. Пришпорив коня, он пустил его в галоп, подскакал к трупу и, вырвав из его груди копье, повернулся ко второму рабу, чтобы поразить и его. Однако бретонец бросился вперед, под ноги коню, и жалобным голосом закричал по-арабски:

— Смилуйся, государь, смилуйся ради твоего священного коня, совершившего паломничество в Мекку!

Мулей Исмаил старался достать его копьем под брюхом коня, но пленник, рискуя быть раздавленным копытами возбужденного животного, не покидал своего убежища. Некоторые из лошадей Мулея Исмаила считались священными, особенно те, что побывали в Мекке, совершив хадж. Бретонец Ян Ле Гоэн вовремя узнал одного из таких коней-хаджи, самого ценного и больше всех любимого султаном. В конце концов Мулей Исмаил сдался и помиловал раба из любви к своему коню Ланилору.

— Хорошо, — сказал он. — Ты по крайней мере знаешь наши священные обычаи. Но убирайся с глаз моих, гнусный червь, и чтоб я никогда о тебе больше не слышал!

Бретонец выскочил из-под лошади, перешагнул через мертвое тело своего товарища и бросился бежать со всех ног по цветущей, благоухающей роще.

Мулей Исмаил повернулся к евнухам и снова поднял копье. Он выбирал, кого из них убить первым, дабы покарать их за нерадение, но Раминан тоже нашел

средство смягчить его гнев — он протянул султану маленького принца Зидана, которого разыгравшаяся перед глазами сцена привела в чрезвычайный, восторг.

— Ради любви к своему сыну, ради любви к своему сыну, пощади! — возопил Раминан. И, говоря скороговоркой, евнух объяснил, что черкешенка похвалялась, будто по ее просьбе господин их накажет, а между тем великий султан всегда полностью доверял своим евнухам, когда речь шла об укрощении непокорных наложниц. Она хотела апельсин! Она утверждала, что принадлежащее султану принадлежит и ей!

Мулей Исмаил сделался темнее ночи, затем его зубы оскалились в сардонической усмешке.

— Здесь все принадлежит мне одному, — с угрозой произнес он. — И ты, Марриамти, скоро почувствуешь это на собственной шкуре!

Султан повернул коня и стремительно ускакал прочь.

Женщин увели в гарем. Весь день в женских покоях и во внутренних двориках, где наложницы лениво пили чай, царил гнетущая тревога.

Маленькая черкешенка была бледна, как смерть. Ее огромные глаза метались, вглядываясь в лица других женщин, — она пыталась прочесть на них, какая кара ее ждет. Мулей Исмаил казни! ее — этот страшный исход ни у кого не вызывал сомнений.

Когда Лейла Айша узнала от Раминана о случившемся, она своими руками приготовила на жаровне питье из известных ей одной трав и велела двум служанкам отнести его черкешенке. Пусть девочка выпьет его сейчас же — тогда она умрет как заснет, без боли и страданий. Так она сможет избежать жестоких пыток, которые господин уготовил ей, чтобы наказать ее за дерзость

Когда черкешенка поняла, что ей советуют сделать, она с криком ужаса оттолкнула от себя чашку с ядом, и та опрокинулась на пол. Обезьянье лицо Лейлы Айши обиженно сморщилось. Она хотела помочь единственно по доброте душевной, сказала она. Но теперь уже все равно! Да свершится предначертанное судьбой..

Тем временем одна из дворцовых кошек принялась лакать разлившуюся жидкость и тотчас околела. Испуганные женщины тайно закопали ее. Не хватало еще, чтобы господин узнал о смерти одной из своих любимиц!

Бедная черкешенка бросилась на грудь Анжелики. Она не плакала. Она дрожала, словно зверек, затравленный сворой псов. А между тем вокруг стояла безмятежная тишина. Цветы струили свой аромат к зеленоватому вечернему небу. Но посреди всей этой красоты и покоя злобный дух изощренного истязателя-охотника незримо кружил над облюбованной им жертвой, и, чувствуя его присутствие, забитые и бессловесные обитательницы гарема покорно разбредались по своим темным покоям.

Анжелика ласково гладила иссиня-черные волосы Марриамти. С трудом подбирая арабские слова, она сказала:

— Всего лишь за апельсин... Не может быть, чтобы тебя наказали так сурово... Может статься, тебя высекут. Но порку не стали бы откладывать до вечера... Ничего тебе не сделают. Успокойся!..

Но сама Анжелика не могла успокоиться. Она чувствовала, как быстро и неровно колотится сердечко несчастной девочки.

Внезапно черкешенка издала пронзительный крик.

Из глубины коридора к ним приближались евнухи. Впереди шествовал Осман Ферраджи. Идущие за ним евнухи шагали, скрестив руки на груди. Они были облачены в красные атласные безрукавки и такие же

шальвары, стянутые в талии черными пояса ми. На поясах висели кривые сабли. Сегодня вечером евнухи сняли свои тюрбаны, и было видно, что их головы обриты наголо и только на затылке оставлена одна прядь, заплетенная в косичку. Они шли молча, и их темные, жирные лица не выражали ничего.

Наложницы бросились врассыпную. Они узнали сегодняшние костюмы гаремных скопцов — то было одеяние, надеваемое для совершения казни. Обреченная девушка огляделась вокруг, точно лань, тщетно ищущая выход из круга обступивших ее собак. Затем она рухнула на колени и изо всех сил обняла ноги Анжелики. Она не кричала, но ее отчаянный взгляд молил о помощи.

Осман Ферраджи сам разжал ее слабые пальцы.

— Что с ней сделают? — прерывающимся голосом спросила Анжелика по-французски. — Не может быть, чтобы ее стали мучить... из-за апельсина!

Великий евнух не снизошел до ответа. С тем же каменным выражением лица он передал осужденную двум стражам-евнухам, и те потащили ее прочь. Теперь она кричала, кричала на своем родном языке, зовя своих убитых турками отца и мать и моля Богородицу спасти ее.

Ужас удесятил ее силы, и евнухам пришлось тащить ее по полу волоком. Совсем недавно они точно так же увлекали ее навстречу Любви. Нынче вечером они влекли ее навстречу Смерти.

Анжелика осталась одна. Нервы ее были мучительно напряжены. Она чувствовала себя словно в ночном кошмаре, и тихое журчание прекрасного фонтана во внутреннем дворике отчего-то вызывало у нее безотчетный животный ужас, как будто этот фонтан был чем-то жутким и чудовищным. Вскоре она увидела, что ее знакомая эфиопка подает ей знаки с галереи второго этажа, улыбаясь при этом во весь рот.

Анжелика поднялась к ней и подошла к группе женщин, перегнувшихся через балюстраду.

— Отсюда слышно все! — сказала веселая Муйра.

Послышался долгий, раздирающий вопль, за ним еще, еще...

Анжелика заткнула уши и поспешила прочь, словно от дьявольского искушения. Ибо эти крики дикой, нечеловеческой боли, которые палачи по повелению самовластного изувера исторгали из тела девочки-рабыни, виновной лишь в том, что ей захотелось сорвать в саду апельсин, каким-то странным, жутким образом притягивали Анжелику; она испытывала нечто подобное только в раннем детстве. Ей вдруг живо представилось, как кормилица Фантина, сверкая своими черными мавританскими глазами, рассказывает ей и ее маленьким сестрам про те мучения, которым Жиль де Ре подвергал невинных детей, отнятых им у родителей ради утешения Сатаны...

Она принялась бесцельно бродить по галереям. «Надо что-то сделать! Надо их остановить!» — твердила она про себя.

Но она была всего лишь запертой в гареме бесправной рабыней, чью жизнь также могли оборвать в любой момент.

Внезапно Анжелика увидела склонившуюся над балюстрадой женщину, напряженно прислушивающуюся к страшным звукам, исходящим из апартаментов султана. Из-под ее покрывала свисали две длинные белокурые косы. Это была султанша-англичанка Дэйзи. Анжелика подошла к ней. Она чувствовала в ней близкое себе по крови существо среди чересчур смуглых и темноволосых женщин из восточных стран, Испании и Италии. Вторая жена Мулея Исмаила была здесь единственной блондинкой, если не считать несчастной исландки, которая была ни к чему не пригодна, но все никак не умирала.

Анжелика и Дэйзи еще ни разу не разговаривали друг с другом. Тем не менее, когда Анжелика подошла близко, англичанка обняла ее рукой за плечи. Ее ладонь была холодна как лед.

Отсюда тоже было «слышно»...

Услыхав очередное стенание, совсем уже не походящее на звук человеческого голоса, Анжелика глуха застонала. Англичанка крепко стиснула ее плечи и прошептала по-французски:

— О, почему, почему она не выпила яд, который ей послали Лейла Айша? Я не могу привыкнуть к этим ужасам!

Дэйзи-Валина говорила по-французски с сильным акцентом, но довольно бегло, так как ради развлечения она изучала иностранные языки, не желая, подобно прочим одалискам, поддаваться духовной лени. Несколько лет назад Осман Ферраджи попытался сделать ставку на эту христианку с Севера с разумом, не замутненным страстями, но ее перехватила у него Лейла Айша.

Светлые глаза Дэйзи взглянули в лицо Анжелики.

— Он внушает вам страх, не так ли? А между тем вы женщина твердая, как клинок сабли. Когда Лейла Айша смотрит па вас, она говорит, что у вас не глаза, а ножи... Черкешенка занимала место, которое Осман Ферраджи готовил для вас... И вы все равно трепещете, думая о ее мучениях?..

— Однако что они с ней делают?

— О! Когда речь идет об изобретении изощренных пыток, воображение государя неисто щимо. Знаете, как он умертвил одну красивую русскую, которая дерзко ему ответила? Он отрезал ей груди, прихлопнув их тяжелой крышкой сундука и приказав сесть на эту крышку двум палачам. И так он истязал не ее одну... Посмотрите на мои ноги.

Она приподняла нижние края своих шальвар. Ее ступни и лодыжки были сплошь покрыты розовыми, вспухшими рубцами — следами чудовищных ожогов.

— Чтобы заставить меня отречься от христианской веры, мои ноги по щиколотку погрузили в кипящее масло. Мне было всею лишь пятнадцать лет. Я не выдержала... И можно подумать, что из-за сопротивления, которое я ему оказала, он полюбил меня вдвое сильнее. В его объятиях я познала неопишное блаженство...

— Вы говорите об этом чудовище?

— У него такая потребность — причинять боль. Для него это род сладострастной забавы... Но тише! На нас смотрит Лейла Айша.

На пороге одного из покоев стояла великанша-негритянка, первая жена Мулея Исмаила.

— Она единственная... единственная женщина, которую он любит, — прошептала Дэйзи со смесью горечи и восхищения. — Нужно во всем быть заодно с ней. Тогда с вами не случится ничего дурного... И не доверяйте великому евнуху, этому сладкоречивому безжалостному тигру...

Провожаемая взглядами двух султанш, Анжелика поспешно удалилась и укрылась в своей комнате. Фатима и другие прислужницы напрасно предлагали ей кофе и сладкие пирожки. Она отказывалась и без конца посылала служанок за одним и тем же — узнать, умерла ли наконец бедная черкешенка.

— Нет, — отвечали ей всякий раз. — Мулей Исмаил еще не вдалась насладился зрелищем ее мучений. Принимаются все предосторожности, чтобы смерть не пришла к ней слишком быстро.

— О! Хоть бы молния поразила этих демонов! — говорила Анжелика.

— Но ведь она тебе не дочь и не сестра, — удивлялись служанки.

В конце концов, Анжелика съежилась на своем диване, прижав руки к ушам и положив на голову подушки. Когда она снова встала, на небе уже всходила луна. Вокруг было очень тихо. Ей вдруг показалось, что по галерее, обходя дозором гарем, идет великий евнух. Она тотчас вскочила и с криком бросилась ему навстречу:

— Она умерла, ведь правда? Ах, ради всего святого, скажите мне, что она умерла!

Осман Ферраджи в недоумении глядел на ее умоляюще простертые руки и измученное, побледневшее лицо.

— Да, она умерла, — подтвердил он. — Она только что скончалась.

Анжелика испустила вздох облегчения, более похожий на всхлип.

— За апельсин! За АПЕЛЬСИН! Вот что за участь вы готовите мне, Осман-бей! Вы хотите сделать меня его наложницей, чтобы я тоже погибла под пытками из-за малейшего пустяка!

— Нет, с тобой это не случится. Я тебя защищу.

— Вы ничего не можете сделать против воли этого тирана!

— Я могу многое... Почти все.

— Тогда почему же вы ее не спасли? Почему не защитили? На лице великого евнуха изобразились изумление и непонимание.

— Но... в ней же не было ничего интересного, Фирузэ. Недалекое, ограниченное существо... Конечно, она обладала красивым телом, врожденным пониманием искусства любви, и в ней уже теперь чувствовалась некоторая развращенность. Именно это и привлекало в ней Мулея Исмаила. Его даже начало тянуть к ней чересчур сильно. Он это осознавал и потому был на нее зол. Его гнев оказался хорошим советчиком. Сегодняшняя казнь избавила его от

навязчивого влечения, которое было его недостойно... и освободила место для тебя!..

Анжелика попятилась к своей постели, закрывая губы тыльной стороной руки.

— Вы чудовище, — тихо проговорила она. — Вы все здесь чудовища. Вы вызываете во мне ужас! — Она бросилась на подушки, сотрясаемая конвульсивной дрожью.

Вскоре в покои вошла Мирей-Фатима, неся чашку с успокоительным отваром, который великий евнух приказал ей отнести ее госпоже. Вместе с отваром старуха принесла с кухни самые свежие и красочные подробности разнообразных пыток, которым были подвергнута черкешенка, и теперь горела нетерпением поведать эти ужасы своей хозяйке. Однако та, услышав первые слова рассказа, ударила служанку по щеке и закатила такую неистовую истерику, что старой ренегатке еле-еле удалось ее успокоить.

Глава 16

Анжелика слушала ночь, шумы внутри гарема затихали. Все женщины обязаны были разойтись по своим маленьким особнякам или покоям. Днем они могли довольно свободно переходить из одного внутреннего двора в другой и ходить друг к другу в гости, однако ночью они должны были оставаться взаперти, под охраной одного евнуха и своих черных служанок. Да и кто бы отважился пренебречь этими предписаниями? Ночью с цепи спускали пантеру Альшади. Всякая чересчур смелая обитательница гарема, случайно сумевшая ускользнуть от бдительных стражей, рисковала встретиться с огромной кошкой, которую выдрессировали бросаться на всех попадающихся ей на глаза женщин.

Сколько безропотных мавританских служанок, посланных своими нетерпеливыми хозяйками на кухню за каким-нибудь лакомством, которое требовалось им немедленно, погибли от зубов и когтей этого свирепого зверя! По утрам двое евнухов — те, что вырастили пантеру, — бегали по всему сералю, разыскивая свою питомицу. Когда им удавалось наконец ее изловить, они дули в некое подобие охотничьего рога, что означало: «Альшади посажена на цепь». Лишь тогда женщины могли вздохнуть свободно, и султанский гарем начинал оживать.

Только одна женщина пользовалась расположением пантеры — первая жена Мулея Исмаила, чародейка Лейла Айша. Эта великанша не боялась ни хищных зверей, ни султана, ни своих соперниц. Она боялась только великого евнуха Османа Ферраджи. Тщетно она призывала к себе колдунов и приказывала им погубить его с помощью волшебства. Великий евнух был

неуязвим для их чар, ибо ему тоже была ведома Наука о Незримом. Стоя на балконе своих покоев, Анжелика глядела на стройные кроны кипарисов, темнеющие, словно застывшие языки черного пламени, на фоне высоких белых стен. Эти деревья тянулись к небу с крошечного дворика, откуда доносились горьковатый аромат их хвои, благоухание роз и плеск фонтана.

Этим закрытым со всех сторон двориком будет отныне ограничен весь ее мир! В наружных стенах дворца, отделяющих ее от жизни и свободы, не было ни единого окна. То были глухие стены тюрьмы. И Анжелика даже начинала завидовать рабам-мужчинам, пусть голодным и замученным тяжелой работой, но зато свободно передвигающимся по ту сторону стен. Между тем сами невольники сетовали на то, что заперты в городе и не имеют возможности вырваться из Мекнеса на волю. Однако Анжелике казалось, что стоит ей только очутиться за стенами гарема, как дальше уже все пойдет как по маслу. Правда, женщине из сераля невозможно самой найти сообщников в городе. Это просто чудо, что благодаря поблажкам, которые, преследуя свои собственные, далеко идущие цели, делает ей великий евнух, она сумела дважды переговорить с Савари. Старый аптекарь мог подготовить побег из города, однако из гарема она должна выбраться своими силами. И ее изобретательный ум оказался бессилён, сталкиваясь с нагромождением неодолимых препятствий. На первый взгляд, задача представлялась не такой уж трудной, на самом же деле на пути к свободе стояли устрашающие преграды.

Ночью по гарему бродила пантера. И днем, и ночью наложниц стерегли евнухи; неподвластные страстям, равнодушные к женским чарам, они стояли со своими копьями под лучами луны, охраняя ворота сераля, или с

ятаганами в руках обходили террасы на крыше — вездесущие, неумолимые!

«Может быть, попытаться действовать через служанок?» — спрашивала себя Анжелика. Старая Фатима любила ее и была глубоко ей предана, однако не настолько, чтобы сделаться сообщницей своей хозяйки в опасном предприятии, которое грозило ей, Фатиме, смертью и которое она полагала сплошной глупостью. Как-то раз Анжелика попросила ее передать записку Савари. Старуха сопротивлялась, как могла. Если у нее найдут записку от наложницы султана к рабу-христианину, говорила она, то ее швырнут в костер, как вязанку хвороста. И это будет еще самое легкое наказание! Что же до раба-христианина, то она даже не решаетя себе представить, какую ему уготовят участь. Из страха за Савари Анжелика решила не настаивать. Но она не могла придумать ничего другого. Иногда, стараясь возродить в себе угасающее мужество, она вспоминала Флоримона и Шарля-Анри — двух своих маленьких сыновей, оставшихся в далеком христианском мире. Но даже мысли о детях не могли в достаточной степени подстегнуть ее волю: она чувствовала, что не в силах преодолеть так много препятствий, чтобы возвратиться к ним!

Анжелика стояла и думала о том, что розы пахнут чудесно и что робкая мелодия, которую мавританская прислужница наигрывает на маленьком щипковом инструменте, чтобы убаюкать свою хозяйку, звучит как голос самой этой ясной, безоблачной ночи. Зачем упорствовать и бороться? Завтра ей принесут «бестилля», пирог, испеченный из слоеного теста, воздушного, точно кружева, и начиненный вкуснейшей рубленой голубятиной, приправленной перцем, сахаром и корицей... И еще ей очень хочется выпить чашечку кофе. Достаточно один раз хлопнуть в ладоши, и старая провансалка или ее помощница-негритянка раздуют

тлеющие угли в медной жаровне и вскипятят воду, всегда налитую в вычищенный до зеркального блеска кофейник.

Аромат кофе прогонит ее тоску и, как утешительный, сладкий сон, навеет ей воспоминание о том странном, необыкновенном часе, который она пережила в Кандии. И, закинув руки за голову, Анжелика погрузилась в мечты...

Где-то там, далеко, по синему морю, словно чайка, несется осененный белыми парусами корабль... На нем плывет человек, отдавший за нее столько, сколько стоит галера! Где он теперь, тот, что пожелал ее столь безумно? Вспоминает ли он еще красивую пленницу, которая от него убежала? Ах, зачем, зачем она это сделала? Конечно, он был пират, но он был человек, родной ей по духу, — она это чувствовала. Да, в нем было что-то тревожащее душу, и, может статься, под его маской скрывалось обезображенное лицо, и все же она не испытывала перед ним никакого страха... Едва только взгляд его темных, притягивающих, точно магниты, глаз встретился с ее взглядом, она поняла, что он явился к ней не для того, чтобы силой завладеть ею, а для того, чтобы ее спасти. И теперь она знала от чего — от ее собственного глупого безрассудства. Наивного безрассудства, из-за которого она вообразила себе, что в Средиземноморье одинокая женщина может свободно распоряжаться своей судьбой. На самом же деле она не свободна ни в чем — разве что в выборе хозяина, да и то едва ли. Отвергнув одного, она быстро очутилась в руках другого — и притом неизмеримо более безжалостного. И Анжелика горько заплакала, чувствуя, как давит на нее тяжесть ее двойного рабства: женщины и подневольной пленницы.

— Попей кофе, — шепнула ей провансалка. — Вот увидишь — тебе враз полегчает. А завтра я принесу

тебе горячий пирог с голубятиной. Поварята на кухнях уже готовят тесто...

Небо над черными верхушками кипарисов начинало светлеть, чуть отсвечивая нежной зеленью. Летя на крыльях рассветного ветерка, с минаретов далеко разносились заунывные голоса муэдзинов, призывающих правоверных к молитве, а по переходам гарема рыскали евнухи, подзывая к себе пантеру Альшади.

Глава 17

В один из дней совсем недалеко от своих покоев Анжелика обнаружила в закоулке наружной стены малозаметную бойницу, через которую можно было увидеть, что творится в городе за фасадом дворца.

Эта амбразура была слишком узка, чтобы из нее можно было высунуть голову, слишком высоко расположена, чтобы через нее можно было кого-нибудь позвать, однако через нее открывался вид на широкую площадь, где всегда бывало много народу.

С этого дня Анжелика проводила здесь по многу часов. Она смотрела на рабов-христиан, надрывающихся на строительстве, которое велось по велению султана. Мулей Исмаил постоянно что-то строил. Порой казалось, что это нужно ему лишь для того, чтобы разрушить уже построенное и поставить на этом месте новые постройки — и так без конца. Применяемый им способ строительства позволил возводить здания очень быстро. Следуя его приказу, рабы готовили строительный раствор из крупнозернистого песка, извести и небольшого количества воды, а затем изо всех сил трамбовали его внутри дощатой опалубки, расстояние между краями которой соответствовало толщине воздвигаемой стены. Кирпич и камни использовались лишь для фундаментов, столбов под арки и дверных притолок.

Вид этой громадной стройки, из которой Анжелике была видна лишь небольшая часть на краю площади, очень скоро стал для нее привычной, хороню знакомой картиной. Черные надзиратели то и дело ударяли палками по спинам рабов, а те без передышки работали и работали под беспощадным солнцем. Часто на строительной площадке появлялся Мулей Исмаил, то

верхом на коне, то пешком, под широким зонтом от солнца, и всегда в сопровождении своих сановников.

Тогда унылая картина оживлялась. Анжелика, невольно поддаваясь любопытству — порождению вынужденной праздности, продолжала жадно смотреть. Всякий раз, когда на площади показывался Мулей Исмаил, что-то непременно происходило.

Один раз к нему подошел Колен Патюрель и, как позднее узнала Анжелика, попросил его разрешить пленникам-христианам отпраздновать завтра Пасху и не выходить на работу. Султан повелел тут же дать ему сотню палочных ударов. В другой раз Мулей Исмаил лично застрелил из мушкета раба, который, не заметив его появления, позволил себе немного передохнуть, и раб кубарем полетел вниз с высоты в тридцать футов. Кроме того, за несколько дней султан собственноручно обезглавил двух или трех черных надсмотрщиков, на которых, по его мнению, лежала вина за то, что рабы работали недостаточно усердно.

Анжелика не слышала ни голосов, ни произносимых ими слов. Театр в маленькой бойнице оборачивался бурлеском из-за того, что жестам и мимике актеров не сопутствовал ни единый звук. Далекие марионетки безмолвно падали на землю, пытались убежать, молили о пощаде, наносили палочные и сабельные удары, карабкались по приставным лестницам, сновали по строительным лесам и прекращали свое непрерывное движение лишь с наступлением вечерних сумерек.

Тогда на окруженную глухими белыми стенами площадь выходили мусульмане и падали ниц, утыкаясь лбами в пыль и обращая лица в сторону Мекки, города, где находится гробница пророка.

Рабы возвращались в свои лачуги или казематы подземных темниц. Анжелика уже научилась узнавать некоторых из них. Она не слышала их имен, но могла определить их национальности Французы умели

сносить палочные удары с улыбкой, нередко ввязывались в споры с надсмотрщиками и спорили до тех пор, пока те, вероятно, вконец одурев от их неожиданных доводов, не давали им сделать то, чего они добивались: немного отдохнуть и выкурить трубку в тени какой-нибудь стены.

Итальянцы, работая, пели. Они пели, глотая едкую пыль, летящую от куч негашеной извести и разбиваемых глыб песчаника. Хотя их песни были не слышны, было совершенно ясно, что они их поют, ибо товарищи певцов иногда прекращали работу, чтобы их послушать. У итальянцев была и другая отличительная особенность: порой они впадали в безудержную ярость, ничуть не беспокоясь при этом, что такие вспышки могут стоить им жизни.

Испанцев отличал надменно-снисходительный вид, с которым они орудовали мастерками. Они никогда не жаловались ни на зной, ни на голод, ни на жажду. Голландцы исполняли свою работу очень тщательно, не вмешивались ни в какие ссоры и всегда дер жались вместе. Такая же суровая невозмутимость была присуща и остальным протестантам. Католики и православные ненавидели друг друга всей душой и сцеплялись между собой, точно бешеные псы, так что даже надсмотрщикам с их палками далеко не всегда удавалось их разнять. Частенько черным стражам приходилось бросаться на поиски Колена Патюреля, и тот, используя свое влияние на других пленников, быстро восстанавливал спокойствие.

Нормандец всегда был закован в цепи. Его руки и спина часто были исполосованы кровоточащими рубцами от наказания плетью или палками, которому он в очередной раз подвергся за то, что имел дерзость потребовать у Мулея Исмаила справедливости для рабов. Однако даже после таких экзекуций он все равно взваливал на свою мощную, как у Геракла, спину

тяжелые мешки с известкой и, таща за собой болтающиеся цепи, взбирался по лесенкам на самую верхушку строящейся стены. Он брал ношу у самых слабых, и никто из надсмотрщиков не смел ему этого запретить. Один раз, перехватив рукой свои тяжелые ручные кандалы, он оглушил ими черного надсмотрщика, который нещадно колотил палкой тщедушного Жан-Жана-парижанина. Стражники выхватили сабли, чтобы покарать мятежного раба, но тотчас отступили, увидев, что виновный — сам Колен-нормандец. Право наказывать его имел только сам султан.

Когда вечером этого дня Мулей Исмаил по обыкновению явился на площадь, чтобы посмотреть на работу своих невольников, он приставил к груди нормандца острие своего копья.

Анжелике почудилось, что она слышит роковые слова:

— Перейди в ислам! В ислам!

Колен Патюрель отрицательно покачал головой. Неужели сейчас он наконец рухнет, этот доселе непобедимый белокурый гигант, который за долгие годы плена вынес столько страданий, что, казалось, должен был сто раз умереть? Неужели Азраил наконец-то завладеет своей добычей?

Анжелика кусала свои стиснутые кулаки. Ей хотелось крикнуть пленнику по-французски, чтобы он согласился; она не понимала, что за упрямство заставляет человека бросать вызов своему палачу, когда в его сердце уже готова впитаться смерть. В копне концов Мулей Исмаил в ярости швырнул копье на землю. Позднее Анжелика узнала, каковы были при этом его слова: «Этот пес не желает спасти свою душу от вечных мук!»

Упорство, с которым Колен Патюрель желал гореть в аду, среди чертей, и отвергал сладостный рай

правоверных, вызывало у султана Марокко чувство горькой обиды, близкое к скорби.

Анжелика за стеной дворца испустила вздох облегчения и пошла выпить чашечку кофе, чтобы прийти в себя. Она в изумлении спрашивала себя, как и почему эти тысячи и тысячи пленников-христиан, в большинстве своем люди простые, обыкновенные моряки, попавшие сюда из самых разных стран, находят в себе мужество идти на смерть и многолетние муки плена ради того Бога, которым они, скорее всего, не очень-то интересовались, когда были свободны. Стоило одному из этих голодных, измученных, отчаявшихся горемык отречься от своей веры, как он тут же мог наесться досыта. Ему были обеспечены безбедное существование, почетная должность и столько жен, сколько Магомет позволил иметь приверженцам своего учения. И действительно, в Мекнесе и в остальной Берберии жило немало ренегатов, однако в сравнении с сотнями тысяч пленников, которые прошли через руки султанов за срок жизни многих поколений, их число было поистине ничтожно. Из своей бойницы Анжелика видела то лучшее, на что человек способен подвигнуть свое страдающее, подверженное соблазнам, смертное тело. Но люди там, внизу, не думали об этом. Они просто работали, терпели и надеялись...

Как-то раз Анжелика увидела, как по площади гонят колонну недавно захваченных пленников, посланных султану корсарями из Сале. Они не ели восемь дней, но их одежда, пусть испачканная и измятая, еще не успела превратиться в те сходные друг с другом рубища, которые отличали остальных рабов. Можно было разглядеть блестящее золотое шитье на камзоле знатного сеньора и полосатую фуфайку матроса... Скоро все они, и дворяне, и матросы, станут братьями — христианскими пленниками в Берберии. Некоторым из них пришлось нести в руках головы своих умерших в

дороге спутников, ибо стражники боялись, как бы султан не обвинил их в том, что они продали этих рабов, а деньги присвоили.

И в этом же самом месте, в середине площади, на которую высокие стены дворца отбрасывали тень, кажущуюся темно-синей из-за жгучих, ослепительных солнечных лучей, на этом самом месте, где, казалось, легко могли возникнуть миражи, Анжелика в одно прекрасное утро узрела самую ошеломляющую и неожиданную фигуру, какую только можно было себе здесь представить. То был господин в камзоле и в завитом парике. Высокие каблуки его украшенных пряжками туфель явно не свидетельствовали о том, что он долго шел сюда пешком, а выглядывающие из его рукавов кружевные манжеты сверкали безукоризненной белизной.

Только после того, как к господину в парике подошел какой-то знатный марокканец и трижды ему поклонился, Анжелика вполне уверилась, что все это ей не пригрезилось. Она бросилась было в свои покои, чтобы послать одну из служанок узнать, кто такой этот приезжий, но потом подумала, что подобным вопросом она выдаст свой наблюдательный пункт. Значит, нужно подождать, пока новость распространится сама собой... а это произойдет очень быстро.

Как выяснилось, сей чрезвычайный посланник в элегантных туфлях, камзоле и парике был проживающий в Сале честный французский торговец съёр Бертран, который, будучи старожилом марокканского побережья, взялся отправиться в Мекнес, чтобы объявить о долгожданном приезде отцов-выкупателей. Добрый христианин, он искренне желал помочь своим попавшим в беду братьям и поставил свое знание Марокко и его обитателей на службу монахам-выкупателям, которые впервые высадились на берег дотоле наглухо закрытого, для них

царства Мулея Исмаила. Как сообщил господин Бертран, святые отцы, везя подарки и рекомендательные письма, приближались к Мекнесу, путешествуя короткими переходами верхом на ослах.

Как только известие облетело город, рабов-христиан охватило радостное волнение. Моряки, из которых иные уже по нескольку раз побывали в рабстве в Алжире или в Тунисе и были спасены из него лишь благодаря вмешательству отцов-выкупателей, любили этих монахов, называемых также «матюринцами» или «братьями на ослах»^[51]. Их было за что любить, ибо они бесстрашно отправлялись вглубь враждебных берберийских земель и готовы были добираться до самых отдаленных сельских поселений, чтобы выкупить пленных христиан. Однако въезд в пределы Марокко был им запрещен в течение целых пятнадцати лет, и то, что Колену Патюрелю удалось склонить сумасбродного и жестокого султана впустить их в свои владения, являло собой немалую победу.

Они приезжают! Самый старый из рабов, фламандец Калознс, доживший до семидесяти лет, из которых двадцать он провел в рабстве, упал на колени и горячо возблагодарил небо. Наконец-то перед ним забрезжила свобода! Его товарищи очень удивились — старик Калознс, садовник, любовно ухаживающий за газонами в дворцовых садах, всегда казался вполне довольным своей участью. Фламандец объяснил, что это и в самом деле так и что, покидая Марокко, он прольет немало слез, но со всем тем ему нужно непременно уехать, потому что он начал лысеть. Султан терпеть не мог лысых. Стоило ему увидеть плешивого человека, как он бросался за ним в погоню и раскраивал ему череп медным набалдашником своей толстой трости. Как ни

стар был старый Калознс, ему еще не хотелось умирать, и тем более — такой смертью.

«Братья на ослах» приближались к Мекнесу. Султан разрешил всем рабам выйти им навстречу, держа в знак приветствия зеленые пальмовые ветви.

Анжелика не выдержала, В первый раз она попросила великого евнуха оказать ей услугу — дать возможность присутствовать при аудиенции, которую Мулей Исмаил даст французским монахам. Осман Ферраджи наполовину прикрыл свои удлинённые кошачьи глаза, мысленно прикинул, в чем заключается скрытый смысл этой просьбы, и ответил согласием.

Аудиенция была дана не сразу. Отцы-выкупатели поселились в меллахе — еврейском квартале и не выходили оттуда целую неделю под тем предлогом, что им не разрешено наносить никакие визиты, пока их не примет султан.

Вельможи, визири и высокопоставленные ренегаты часто навещали бедных монахов, дабы осмотреть привезенные ими подарки и узнать, нельзя ли содрать с них денег и для себя.

Наконец в одно прекрасное утро француженке сообщили, что ей следует приготовиться к прогулке. Осман Ферраджи сам подвел пленницу к ее закрытой двуколке с красными занавесками, в которую сегодня был впряжен один мул и которую окружало плотное кольцо охраны. Маленькая процессия прошла через несколько ворот. У выхода на дворцовую площадь великий евнух приказал остановиться. Сидя в двуколке, Анжелика могла наблюдать за происходящим через узкую щель между задернутыми занавесками.

Мулей Исмаил уже прибыл к месту аудиенции и сидел на земле, скрестив голые ноги, обутое в желтые туфли без задников. Сегодня он нарядился в одежды и тюрбан зеленого цвета, что было у него признаком отличного настроения. Рот султана был прикрыт полой

бурнуса и, оттененные зеленью, его глаза блестели еще ярче обычного. Ему тоже было любопытно увидеть вблизи христианских священнослужителей и посмотреть на подарки, которые они ему привезли. Ренегат Родани подтвердил, что среди этих подарков и впрямь есть двое больших часов. Но более всего Мулея Исмаила занимал другой, более близкий его сердцу предмет — как он сейчас бросится в бой за истинную веру. Если ему удастся вырвать пагубное нечестие из сердец этих служителей ложного культа, которых христиане считают своими имамами, какой весомой победой станет это для дела Аллаха! Он хорошо подготовил свою речь и чувствовал, что будет говорить вдохновенно и убедительно.

На время сегодняшней аудиенции Мулей Исмаил пожелал окружить себя всего лишь тридцатью из своих черных телохранителей, вооруженных длинными мушкетами с прикладами, отделанными серебром. За спиной султана стояли два негритенка, один из которых обмахивал его опахалом, а другой держал над его головой зонт от солнца. Вокруг него располагались, сидя на собственных пятках, марокканские вельможи и советники-ренегаты в тюрбанах с султанами и богатых одеждах, затканых золотом и серебром.

На противоположном конце площади показались отцы-выкупатели в сопровождении двенадцати рабов, несущих их дары. Монахов представили султану ренегат-француз Родани, еврей Захария Майморан и знатный сановник Бен Месауд.

Для этой необычной миссии, разрешения на посылку которой их орден тщетно добивался столько лет, отцы-выкупатели выбирали своих представителей с особым тщанием. Их было шестеро; трое из них владели разговорным арабским и все — испанским. Каждый по меньшей мере трижды ездил в Алжир и Тунис для выкупа пленников и был известен своим глубоким

знанием мусульманского мира. Глава миссии, преподобный отец де Валломбрёз, был младшим сыном знатного беррийского ^[52] семейства и доктором богословия в Сорбонне. Его манера вести переговоры сочетала в себе крестьянскую изворотливость и величавое достоинство родовитого вельможи. Пожалуй, невозможно было найти человека, более подходящего для встречи с Мулеем Исмаилом.

Белые, с красным крестом на груди, одеяния монахов и их бороды произвели на султана благоприятное впечатление. Отцы-выкупатели ходили, по его мнению, на благочестивых мусульманских отшельников, столь почитаемых в землях ислама.

Мулей Исмаил заговорил первым, поздравив монахов с благополучным прибытием в Мекнес и похвалив ревностность и милосердие, которые подвигли их на то, чтобы отправиться в столь далекое путешествие ради помощи своим братьям. Затем он с похвалой отозвался о короле Франции. Отец де Валломбрёз, находившийся в милости при дворе в Версале, заверил его в ответ, что по доблести и великолепию своих деяний Людовик XIV является величайшим из христианских монархов. Мулей Исмаил согласился с этой оценкой, а затем пустился превозносить великого пророка и данный им Закон.

Анжелика находилась слишком далеко, чтобы слышать эту речь, но она видела, что Мулей Исмаил приходит все в большее и большее возбуждение. Его лицо сияло, как вдруг начинает сиять грозовая туча, когда ее на миг пронизывают лучи солнца. Благодаря странной игре световых бликов лик султана казался сейчас то черным, то золотым. Воздевая к небу похожие на две булавы кулаки, он заклинал своих собеседников признать их заблуждения и уразуметь наконец, что

религия Мухаммеда есть единственное истинное, чистое вероучение, которое совершенно ясно излагали все пророки, начиная с Адама. Разумеется, поскольку они прибыли в Марокко не как невольники, а как послы, он не приказывает им немедленно перейти в мусульманство, но горячо призывает их к этому, дабы после смерти ему не пришлось держать ответ перед Всевышним за то, что он не сделал попытки спасти их души.

Ему очень прискорбно, продолжал султан, что в его владениях пребывают люди настолько ограниченные и закостеневшие в заблуждениях. Хорошо еще, что они не исповедуют кощунственной догмы о Троице, приверженцы которой дерзают утверждать, будто в Боге заключено три бога!

— ...Конечно же, Бог един и не мог опуститься до того, чтобы родить сына. Иисус схож с Адамом, которого Аллах сотворил из глины. Он был всего лишь посланцем Божьим и Словом Божьим, духом, который Бог вдунул в Марию, дочь Имрана. Ни Иисуса, ни матери его не коснулся Сатана. Уверуйте же в Бога единого и в его пророка, не говорите, будто Бог состоит из трех лиц, и тогда вы почувствуете великое облегчение.

Отважные отцы-выкупатели терпеливо выслушали сию пространную проповедь, которая послужила им наказанием за те не всегда приятные проповеди, которыми они потчевали других.

Они благоразумно умолчали о том, что на самом деле их орден зовется орденом Пресвятой Троицы, хотя порой их также именуют отцами-выкупателями. В своем письме Колен Патюрель настоятельно советовал им назваться именно этим именем, и теперь они поняли почему.

Они поблагодарили султана за его заботу о достижении ими святости и сказали, что, собственно, ради этого они, в согласии с догматами христианства, и

проделали столь длинный путь, дабы прийти на помощь своим братьям. Несмотря на все их желание угодить государю Марокко, они не могут перейти в ислам, ибо единственную цель их долгого и трудного путешествия составляет выкуп пленников-христиан.

Султан вынужден был принять доводы монахов и постарался не обнаружить перед ними своего разочарования.

Рабы развязали веревки, которыми были обвязаны сундуки с подарками, и подняли крышки. Святые отцы преподнесли султану несколько штук дорогих тканей из Камбре и Бретани в металлических футлярах с золотой насечкой. Затем настал черед трех перстней и трех ожерелий. Мулей Исмаил надел перстни на пальцы, а ожерелья положил рядом с собой на землю. Время от времени он брал их в руки и внимательно разглядывал. Наконец были распакованы часы. Их циферблаты почти не пострадали во время путешествия.

У самых больших часов маятник оканчивался золотым изображением солнца, а цифры на циферблате были выполнены из синей перегородчатой эмали.

При виде часов Исмаил обрадовался, как ребенок. Он уверил отцов-выкупателей, что благосклонно отнесется к их просьбе и отдаст им двести рабов. Никто — ни монахи, ни пленники — и думать не смели о такой огромной цифре!..

В тот же вечер, чтобы выразить свое ликование и отблагодарить султана, рабы пришли к каналу, прорытому возле стен дворца, и устроили там великолепный фейерверк. Жан Давиа из Пулигана и Жозеф Тома из Сентонжа, оба опытные пиротехники, приготовили по этому случаю такое зрелище, которого маврам не доводилось прежде видеть никогда. По каналу плыли огненные кораблик, галера, дерево — и все эти сооружения зажгла пламенем, исходящим из ее клюва, порхающая в небе огненная птица.

Мулей Исмаил любовался этими чудесами с высоты своей террасы. Он был глубоко тронут и сказал, что одни только рабы подлинно его любят, ибо, когда он благодетельствует своим родичам или своему народу, они, вместо того чтобы благодарить его, требуют новых благодеяний, между тем как пленники-христиане приводят его в восторг своей радостью.

Днем он уже велел сшить себе кафтан из зеленого бретонского сукна и находил его очень красивым.

Глава 18

Анжелика и другие обитательницы гарема любовались фейерверком издали. После долгих колебаний, видя благосклонное отношение султана к монахам-выкупателям, Анжелика попросила великого евнуха разрешить ей встретиться с одним из членов миссии. Ей, сказала она, требуется помощь пастыря ее веры. Не усмотрев в этой просьбе ничего предосудительного, Осман Ферраджи дал свое согласие.

В еврейский дом, где святые отцы жили в ожидании завершения переговоров и куда нескончаемой чередой приходили пленники, умоляя включить их в список двухсот подлежащих выкупу французов, были посланы из гарема два евнуха.

Они попросили преподобного отца де Валломбрёза последовать за ними, объяснив, что с ним хочет поговорить одна из наложниц Мулея Исмаила. Перед входом в гарем священнику завязали глаза. Когда повязку сняли, он увидел перед собой узорную решетку из кованого железа, за которой стояла закутанная в чадру женщина; когда она вдруг заговорила с ним по-французски, он был немало удивлен.

— Я надеюсь, вы довольны результатом вашей миссии, святой отец? — спросила Анжелика.

Монах осторожно ответил, что о результате говорить еще рано. Настроение султана может в любой момент перемениться. Рассказы пленников, приносивших ему каждый час последние новости, внушали серьезные опасения. Как бы ему хотелось поскорее вновь оказаться в Кадисе вместе с этими двумястами несчастными пленниками, чьим душам

грозит столь великая опасность, пока они находятся во власти кровожадного марокканского деспота.

— И поскольку прежде вы, сударыня, тоже были христианкой — об этом говорит ваша речь, — я прошу вас походатайствовать за нас перед султаном, дабы он не лишил нас своего благоволения.

— Но, отец мой, я не стала вероотступницей, — с горячностью сказала Анжелика. — Я осталась христианкой.

Отец де Валломбрёз в смущении погладил свою длинную бороду. Он слышал, что все жены и наложницы султана считаются мусульманками и должны неукоснительно выполнять все обряды религии Магомета. Внутри дворцового ансамбля для них была построена особая мечеть.

— Меня захватили в плен, — продолжала Анжелика. — Я нахожусь здесь отнюдь не по своей воле!

— Я нисколько не сомневался в этом, дитя мое, — примирительно ответил священник.

— Моей душе тоже угрожает великая опасность, — проговорила Анжелика, в отчаянии вцепляясь в разделяющую их решетку, — но вам это все равно. Никто не придет мне на помощь, никто не попытается выкупить меня из неволи. Потому что я всего лишь женщина...

Она не могла облечь в слова того, что чувствовала, не могла объяснить, что еще больше, чем пыток, она страшится обволакивающей гарем золотой паутины сладострастия, медленного разложения своей души, в которой мало-помалу начинают пробиваться ростки трех ядовитых растений: лени, похоти и жестокости. Именно этого добивался Осман Ферраджи. Он глубоко изучил сокровенное женское естество и знал способы пробудить его к жизни. Монах услышал, как закутанная в чадру женщина заплакала, и сочувственно покачал головой.

— Научитесь переносить свой жребий с терпением, дочь моя. Вам хотя бы не приходится страдать от голода и изнурительного труда, как вашим несчастным братьям.

Даже в глазах этого доброго пастыря гибель женской души значила куда меньше, чем гибель мужской. Дело, впрочем, было не столько в его пренебрежительном отношении к женщинам, сколько в убеждении, что особенности их природы и их неспособность отвечать за свои поступки дают им право на некоторое снисхождение со стороны Господа.

Анжелика овладела собой. Она решительно сняла с руки одно из своих колец, перстень с крупным бриллиантом, на внутренней стороне которого были выгравированы имя и девиз Плесси-Белльеров. На мгновение она заколебалась, стесненная присутствием великого евнуха, который не переставал за ней наблюдать. Она хорошо все обдумала. То время, когда Осман Ферраджи поведет ее в покои Мулея Исмаила, было уже близко, она это знала. Он ясно дал ей понять, что она должна следовать его советам. Разочаровав великого евнуха, она утратит его поддержку, отказавшись покориться султану, она вызовет его гнев и неизбежно погибнет в страшных мучениях.

И порой она с ужасом спрашивала себя, уж не ждет ли она с нетерпением, когда пробьет час ее поражения, чтобы, наконец, покориться и перестать предаваться несбыточным надеждам. Ни внутри стен гарема, ни в Мекнесе нет никого, кто мог бы помочь ей совершить побег. Савари, при всей его изобретательности, — всего лишь бедный старый раб, который слишком переоценил свои силы. Султан Марокко Мулей Исмаил не позволит сыграть с собой подобную шутку... И к тому же, если пленники-христиане все-таки пустятся в один из тех немыслимых побегов, что замышляют немногие дерзкие смельчаки, они ни за что не станут обременять себя

женщиной. «Из гарема сбежать нельзя» — так здесь считают все. Что ж, она может, по крайней мере, попытаться вернуть себе свободу. Она знает только одного человека, который мог бы встать на ее защиту и побудить несговорчивого Исмаила выпустить из когтей свою добычу.

Она протянула кольцо через завиток решетки.

— Отец мой, я прошу вас... Я умоляю вас, как только вы вернетесь во Францию, немедленно поехать в Версаль. Попросите у короля аудиенции и отдайте ему это кольцо. Он прочтет мое выгравированное на нем имя, и тогда расскажите ему все, что знаете, — что меня захватили в плен, что я узница. Скажите ему...

Ее голос зазвучал тише, и она глухо закончила:

— Скажите ему, что я прошу у него прощения и зову его на помощь.

Переговоры еще не были завершены, когда Мулей Исмаил узнал от одного из ренегатов-французов, что под именем отцов-выкупателей скрываются монахи ордена Пресвятой Троицы.

Гнев его был ужасен.

— Твой лживый язык опять обманул меня, нормандская шельма, — сказал он Колену Патюрелю, — Но на этот раз ты не успел довести свою шутку до конца.

Султан приказал насыпать порошу в нос, уши и бороду предводителя рабов, после чего этот порох поджечь. Однако затем он передумал. Он решил пока не предавать смерти Колена Патюреля. Он удовольствовался тем, что велел привязать его нагим к кресту, установленному на площади, на самом солнцепеке, и приставил к нему двух черных стражников с мушкетами; последние должны были стрелять в стервятников, которые попытаются выклевать ему глаза. Один из стражей выстрелил

неудачно и ранил пленника-христианина в плечо. Когда султану донесли об этом, он явился на площадь и обезглавил неумелого стрелка.

Анжелика, трепеща, стояла у своей узкой бойницы и не могла оторвать взгляда от страшного креста. Она видела, как висящий на нем пленник порой напрягает мышцы, пытаясь высвободить руки и ноги, распухшие от впившихся в них веревок. Его крупная голова с длинными волосами то и дело падала на грудь, но он всякий раз быстро скидывал ее снова. Он поворачивал лицо то влево, то вправо, то обращал его вверх. Человек на кресте ни на минуту не переставал двигаться, не давая крови застаиваться в своих туго стянутых веревками членах.

Его необычайно крепкое телосложение помогло ему выдержать пытку, и, когда вечером его наконец отвязали, он не только не был мертв, но — более того, — выпив бульону с пряностями, который распорядился дать ему султан, встал с земли, и его товарищи, начавшие уже было его оплакивать, увидели, что он идет к ним с высоко поднятой головой, несмотря на кровоточащие раны от веревок и мушкетной пули.

Вести о проявлениях султанского гнева мгновенно разносились по городу. Мулей Исмаил в ярости плюнул на подарки святых отцов. Он отдал ожерелья и перстни своим прислужникам-негритятам. Он разодрал в клочья одеяние из зеленого бретонского сукна. Однако у него все же не поднялась рука разбить подаренные ему часы.

Монахи, получившие приказ незамедлительно покинуть Мекнес под страхом сожжения заживо в приютившем их еврейском доме, пребывали в растерянности и унынии.

Они начали совещаться о том, что им теперь делать, и двое французских торговцев из Сале — господин Бертран и его брат по прозвищу Шерстяной Плащ, —

хотя им и не вменялось в обязанность обеспечить отъезд миссии, — мужественно вызвались добиться у султана аудиенции и испросить у него объяснений. Тем временем, чтобы еще больше не разъярить неуступчивого и взбалмошного Исмаила, святые отцы собрали свой скарб и, сев на ослов, поехали прочь из города.

Однако Колен Патюрель, предвидевший возможность возникновения такого рода осложнений, заблаговременно подготовил контрмину, и, когда дело приняло столь плачевный оборот, она не замедлила взорваться. В дни, предшествовавшие приезду монахов, он обошел все мавританские семьи, члены которых томились в плену на французских галерах, и поманил их надеждой на то, что переговоры закончатся обменом пленными и что они в скором времени вновь увидят своих близких.

Теперь же, видя, что из-за прихоти султана переговоры окончились ничем, а участвовавшие в них монахи едут восвояси, мавры собрались в толпу и двинулись ко дворцу, то понося своего государя, то умоляя его не упускать случай, который впервые за много лет позволял вернуть домой мусульманских пленников, захваченных христианами.

Мулей Исмаил был вынужден уступить. Его стражники во весь опор поскакали вслед за монахами и приказали им под страхом обезглавливания возвратиться в Мекнес.

Переговоры возобновились и протекали очень бурно; на них ушло целых три недели. В конце концов отцам-выкупателям удалось выторговать двенадцать пленников вместо первоначально обещанных им двухсот. Каждый из этих двенадцати должен был быть обменен на троих мавров и триста пиастров. Монахи проводят их до осажденной марроканцами Сеуты, под

стенами которой пленникам предстояло ждать, пока не будет произведен обмен.

Султан лично отобрал дюжину рабов из числа самых старых и самых ослабевших. Он повелел им пройти перед собой, делая им смотр, и они, само собой, прошагали мимо него с самым жалким видом, какой только были способны принять. Мулей Исмаил потер руки и удовлетворенно заметил:

— Ничего не скажешь — все они, в самом деле, жалкие и убогие.

Сопровождавший пленников надзиратель поддакнул:

— Истинная правда, государь!

Для вящей уверенности султан обратил взор к своему писцу и спросил, каково его мнение. Тот одобрил выбор повелителя:

— Ты сказал истинную правду, государь, назвав их жалкими и убогими.

Имена счастливцев собирались занести в список, когда не вошедший в их число хромой раб вдруг сказал, что старого Калоэнса нельзя считать французом, поскольку он был взят в плен на корабле, шедшем под английским флагом. Этой истории минуло уже двадцать лет, и ни у кого не было времени разобраться. Старый Калоэнс снова очутился за воротами внутреннего двора, чувствуя себя так, будто его вывели за ворота земного рая. Его место занял хромой раб.

Монахи торопились с отъездом, видя, что каждый проведенный в городе день приносит им новые оскорбления. Озлобленные, исполненные горечи и зависти пленники изводили их своими жалобами. Марокканские вельможи и ренегаты, утверждающие, что оказали миссии важные услуги, требовали денег и богатых подарков. Отцы-выкупатели выехали из Мекнеса, провожаемые злыми криками и градом камней, причем и бранью и камнями их осыпали как

мусульмане, так и христиане, которым теперь неоткуда было ждать помощи.

Старый Калозэнс плакал.

— О! Когда же вернутся добрые «братья на ослах»? Теперь я погиб!

Ему чудилось, что на его плешивую голову уже опускается набалдашник султанской трости. Он пошел в пальмовую рощу и повесился. Колен Патюрель подоспел как раз вовремя, чтобы вынуть его из петли.

— Не отчаивайся, дедушка, — сказал он. — Мы испробовали все средства, чтобы облегчить нашу участь. Теперь у нас остается только один выход — побег. Мне нужно отсюда уходить — здесь мои дни уже сочтены. На мое место встанет мальтийский рыцарь Рено де Мармонден. Если ты не чувствуешь себя слишком старым для такого дела, ты убежишь вместе с нами.

У Колена-нормандца были свои причины настаивать, чтобы монахи непременно привезли султану большие часы. По истечении пятнадцати дней ни одни из них больше не шли. Часовщик из Женевы Мартен Камизар вызвался починить их. Для этого ему требовалось только одно — множество всяких мелких инструментов, таких, как щипцы, кусачки, напильники... Некоторые из них каким-то непонятным образом затерялись, и, когда часы, наконец, снова затикали, женевец успел припрятать достаточное количество инструментов, чтобы, когда придет день побега, освободить Колена Патюреля от цепей.

Тогда же он перепилит и цепи Жан-Жана-парижанина, писаря мекнесских рабов. Вместе с этими двумя друзьями, неразлучными уже десять лет, в побег отправятся Пиччинио-венецианец, бретонский дворянин маркиз де Кермёр, уроженец Мартига Франси Баргю по прозвищу Арлезианец и баск из Андай Жан д'Арростеги.

Это были самые непокорные и упрямые из здешних рабов, отчаянные головы, готовые сто раз рискнуть жизнью в попытке возвратиться в христианские земли. К ним присоединились бедняга Калознс, обреченный на смерть из-за своей плечи, и старый аптекарь по имени Савари, который подбрасывал им одну идею за другой, изобретал бесчисленные, порой самые несуразные способы выскользнуть из лап Мулея Исмаила и, в конце концов, убедил их, что невозможное стало возможным.

Глава 19

Интересно, как выглядит лицо Мулея Исмаила, когда он склоняется над женщиной, которую желает? Это темно-бронзовое лицо, грозное, как у грубо высеченного африканского идола, и в то же время гладкое и вылепленное так великолепно, словно его изваяла смелая рука античного скульптора?..

Губы и ноздри негра, глаза большой африканской кошки — не тигра, но льва, который, говорят, может смотреть прямо на солнце и проникать взглядом в самую суть вещей. Какое выражение бывает на лице этого завоевателя, когда он добивается победы?..

Анжелика чувствовала, что челюсти капкана мало-помалу сжимаются. Она не могла не задавать себе вопросов о Мулее Исмаиле. Бродя по аллеям чудесных садов, она вопреки разуму и чести невольно все чаще и все с большим почтением думала о натуре создавшего их человека, о темных безднах этой души, мечущейся между последними пределами самых противоположных страстей.

Он бросал пленников на съедение львам и изобретал истязания столь чудовищные, что в сравнении с ними самоубийство становилось сладостным избавлением, однако в то же время любил редкие цветы, ласково журчащие фонтаны, птиц и зверей и всей душой верил в Аллаха, милостивого и милосердного: Потомок великого пророка, походивший на него своей беспредельной отвагой и хладнокровием в бою, он мог бы по примеру Мухаммеда сказать о себе: «Я всегда любил женщин, благовоения и молитву. Но лишь молитва давала удовлетворение моей душе...»

Вокруг Анжелики шушукались, грезили и плели интриги многочисленные наложницы султана. Все эти

женщины, чувствующие себя легко и покойно в сладкой неге гарема, не помышляли ни о чем, кроме удовлетворения животной чувственности своих красивых тел, посвященных любви. Холеные и послушные, умащенные благовониями, нарядные, они, с их пышными, соблазнительными формами, были созданы для того, чтобы млеть в объятиях деспотичного господина. Это был единственный смысл их существования, и они жили ожиданием наслаждений, которые им подарит их повелитель, бесясь от праздности и вынужденного воздержания. Ибо очень немногие из этих собранных вместе сотен женщин удаивались внимания государя.

И горячие гурии, предназначенные для утоления сладострастия одного-единственного мужчины, коротали время, строя тайные козни. Все они люто завидовали англичанке Дэйзи и чернокожей Лейле Айше, единственным женщинам, которым удалось завладеть его странным сердцем и разгадать таящиеся в нем секреты. Эти двое прислуживали ему во время его трапез. Иногда он спрашивал их совета. Но обитательницы гарема никогда не забывали, что Коран дозволяет правоверному иметь всего лишь четыре законные жены.

Кто же станет третьей султаншей?

Старой Фатиме было очень досадно, что ее госпожа, которую она с каждым днем делала все красивее, до сих пор не представлена султану и не стала его любимой женой. Она непременно ею станет — султану достаточно будет только взглянуть на нее! Во всем серале не сыскать женщины красивее француженки. В полумраке гаремных покоев цвет ее лица сделался светлее, а зеленые глаза, оттененные жарким румянцем щек, сверкали необычным, едва ли не сверхъестественным блеском. Сурьмой, смешанной с известковым молочком, Фатима подкрасила ей брови и

ресницы, и они походили теперь на полоски темного бархата. Густым волосам своей госпожи старая прислужница, наоборот, придала еще более светлый оттенок при помощи настоев особых отбеливающих трав, и каждая их прядь обрела мягкость и блеск шелка. Кожа француженки благодаря ваннам с миндальным маслом или с вытяжкой из водяных лилий сделалась белой-белой, похожей на нежный перламутр.

По разумению Фатимы, ее госпожа была уже вполне готова.

Так чего же еще ждать?

И провансалка делилась с Анжеликой своим недоумением и беспокойством и поверяла ей свою горькую обиду художника, чьим произведением пренебрегли. Зачем тогда нужна вся эта красота? — вопрошала она. Ведь сейчас самая пора разжечь в Мулее Исмаиле страсть и стать его третьей женой. Тогда ее хозяйке уже не надо будет бояться ни старости, ни ссылки в отдаленную провинцию, ни — того хуже — отправки на кухню, где ей до конца дней своих пришлось бы влачить существование служанки.

Великий евнух не мешал им изнывать в ожидании, которое, по-видимому, благоприятствовало осуществлению его тайных замыслов, хотя, возможно, и не было с его стороны некоей обдуманной уловкой. Что стоит за его бездействием? Может быть, он просто безучастно смотрит, как уходят дни? Но нет, он, казалось, ждал какого-то знака, задумчиво наблюдая за новой одалиской, которую он создал, столь же прекрасной, как женщины на нечестивых картинах итальянских живописцев. Он качал головой и бормотал: «Я прочел среди звезд...» То, что он там прочел и о чем умалчивал, вселяло в него нерешительность.

Он проводил долгие ночи на вершине квадратной башни султанского замка, вопрошая небеса при посредстве своих оптических приборов самых лучших и

совершенных, какие только можно было найти в цивилизованном мире. Великий евнух был завзятый коллекционер. Кроме оптических приборов, ради приобретения которых он ездил не только в Венецию и Верону, но даже в далекую Саксонию, чьи стекольщики с недавних пор славились изготовлением очень точных линз, Осман Ферраджи собирал еще и пеналы работы персидских мастеров, украшенные перламутром и перегородчатой эмалью, причем в его коллекции имелись самые редкие и изысканные их образцы.

Еще он любил черепах. По его распоряжению в садах при горных виллах, где Мулей Исмаил содержал прискучивших ему наложниц, служители разводили самые разнообразные виды этих медлительных животных. Мало того, что бедные женщины были навсегда изгнаны из Мекнеса, — вдобавок им приходилось доживать свой век среди сонмищ этих добродушных, безобразных тварей, то гигантских, то крошечных, присутствие которых к тому же навлекало на бедняжек еще одну напасть — частые визиты великого евнуха, перед которым все они трепетали.

Сей длинный господин, казалось, был наделен даром находиться в нескольких местах сразу. Что до султанских наложниц, то он непременно появлялся перед ними как раз тогда, когда им менее всего этого хотелось. И напротив, стоило Мулею Исмаилу неожиданно возжаждать немедленного совета своего великого евнуха, как тот был уже тут как тут.

Он был частым гостем у каждого из визирей султана, ежедневно получал донесения от своих многочисленных шпионов, без конца куда-то ездил, и, тем не менее, создавалось впечатление, будто дни он проводит, размышляя о совершенстве своих персидских эмалей, а ночи — припав к зрительной трубе для рассмотрения небесных светил. Все это, однако, не мешало ему свято исполнять мусульманские обряды и

пять раз на дню совершать молитву, касаясь лбом земли. «Пророк сказал: «Трудись ради земной жизни так, словно ты должен жить здесь вечно, а ради жизни грядущей — так, словно завтра тебе предстоит умереть», — любил повторять Осман Ферраджи.

Казалось, что он читает мысли всех своих подчиненных: и женщин и мужчин. Точно дальновидный паук, он ткал между ними и собой паутину, из которой им не освободиться никогда.

— Неужто ты не томишься, Фирузэ? — спросил он как-то, раз Анжелику. — Неужели не жаждешь вновь изведать блаженное исступление сладострастных утех? Ведь ты уже очень давно не знала объятий мужчины...

Анжелика отвела глаза. Она скорее дала бы изрубить себя на куски, чем призналась бы в том, какая лихорадка терзает ее по ночам, заставляя просыпаться от жгущего неутоленного желания и еле слышно шептать: «Хочу мужчину, мужчину, все равно какого!..»

Осман Ферраджи настаивал:

— Твое тело, тело женщины, которая не боится мужчины, которая видит в нем желанного друга и нисколько не опасается его неистовства на ложе — не то, что все эти неопытные девицы, — разве твое тело не горит нетерпением совокупиться с ним опять?

Мулей Исмаил подарит тебе неизъяснимое блаженство... Забудь о своих мыслях, думай только о наслаждении... Хочешь, я, наконец, представлю тебя твоему господину?

Он сидел сейчас на низкой скамеечке совсем близко от Анжелики, и все ее внимание невольно обратилось к нему. Она задумчиво глядела на этого великого изгнанника из страны любви... Он внушал ей смешанные чувства отвращения и уважения, и она не могла отделаться от странной грусти, когда видела в нем признаки, говорящие о том, что этот мужчина — скопец: отяжелевший подбородок, чрезмерно гладкие,

полные руки и угадывающиеся под атласной безрукавкой округлые женственные груди, которые иногда вырастают у евнухов, достигших зрелых лет.

— Осман-бей, вдруг обратилась она к нему, — Как можете вы говорить о таких вещах? Неужто вы никогда не сожалеете, что всего этого вы лишены?

Осман Ферраджи поднял брови и улыбнулся — снисходительно, почти весело.

— Нельзя сожалеть о том, чего ты вовек не знал, Фирузэ! Разве ты завидуешь сумасшедшему, который переходит улицу, смеясь фантастическим порождениям своего немощного ума? А между тем этот человек по своему счастлив, его видения приводят его в восторг. И все же тебе совсем не хочется приобщиться к тому, что так его тешит, и ты благодаришь Аллаха за то, что не оказалась на его месте. Именно о таком сумасшествии напоминают мне поступки, которые порой уподобляют вполне здравомыслящего мужчину похотливому козлу, трусящему с жалобным бляением за самой безмозглой козой стада. И я возношу благодарность Аллаху за то, что он избавил меня от такой кабалы. Однако я сознаю, сколь могуча сила мужского желания, и стараюсь поставить ее на службу той цели, ради которой я тружусь, — величию султана Марокко и очищению ислама.

Анжелика приподнялась и села на своем диване, охваченная вдохновением стратега, перекраивающего мир по своему вкусу.

— Осман-бей, говорят, что это вы привели Мулея Исмаила к власти и что для этой цеди вы указали ему, кого именно следует убить. Но есть еще одно убийство, которого вы отчего-то не совершили. Убейте ЕГО САМОГО! Для чего вам оставлять на троне Марокко этого безумного истязателя? Разве вы не были бы куда лучшим султаном, чем он? Без вашей поддержки он был бы всего лишь жалким авантюристом, у которого

кругом враги. Вы — его хитрость, его мудрость, его тайная опора. Почему бы вам не занять его место?.. Вы могли бы это сделать. Разве в прежние времена евнухам не случалось возлагать на себя корону Византии?

Великий евнух продолжал улыбаться.

— Я весьма признателен тебе, Фирузэ, за столь высокое мнение о моей особе. Но я не стану убивать Мулея Исмаила. Его восшествие на престол благо для Марокко. В нем есть тот неистовый пыл, который делает государя великим завоевателем. Что может сотворить человек, чей удел — бесплодие? Кровь Мулея Исмаила подобна расплавленной лаве, моя же холодна, как воды источника, пробивающегося из-под земли в густой тени деревьев. И хорошо, что это так! Исмаил — меч Аллаха! Я вложил в него мою хитрость и мою мудрость. Я воспитывал и учил его с тех пор, как он был безвестным маленьким шерифом, затерянным среди ста пятидесяти сыновей Мулея Арши, который почти не заботился об их воспитании. Он занимался только Мулеем Хаметом и Абд-эль-Ахметом. Я же занялся Мулеем Исмаилом — и он победил тех двоих. Мулей Исмаил — куда больше МОЙ СЫН, нежели сын Мулея Арши, который его породил... Я не могу его губить.

И он вовсе не безумный истязатель, каким он представляется твоему ограниченному христианскому уму. Говорю тебе: он меч Аллаха. Разве ты не слыхала, что Всевышний обрушил огонь небесный на погрязшие в грехах города Содом и Гоморру?.. Мулей Исмаил искореняет те постыдные пороки, коим предаются столь многие жители Алжира и Туниса, он ни разу не взял жены от живого мужа, ибо наш Закон запрещает прелюбодеяние, и по истечении месяца рамазана он добровольно постится еще один месяц... Когда ты станешь его третьей женой, ты умеришь крайности его буйной природы... Хочешь, я скажу ему о тебе?

— Нет, — в волнении ответила Анжелика, — нет... пока нет.

— Что ж, положимся тогда на Судьбу!..

Топор судьбы опустился в одно ясное, прохладное утро, когда Анжелика на своей двуколке с задернутыми занавесками отправилась в пальмовую рощу. Она получила от Савари записку (ее не без колебаний передала своей хозяйке Фатима), в которой аптекарь просил ее прибыть в пальмовую рощу к хижине садовников. Жена одного из них, рабыня-француженка тетушка Бадигэ, скажет ей, где найти ее старого друга.

На земле, в тени пальм, словно кусочки янтаря, поблескивали упавшие спелые финики. Рабы собирали их и ели. У хижины садовников к двуколке Анжелики подошла тетушка Бадигэ. Эта женщина была захвачена берберийцами, когда она и ее муж плыли из Сен-Мари в Кадис, куда они хотели переселиться. Две ее сестры, которых захватили вместе с нею, были помещены в гарем Абд-эль-Ахмета, но ей было разрешено остаться со своим супругом, ибо Мулей Исмаил чтит шариат, запрещающий прелюбодеяние, и ни разу в жизни не разлучил жену с живым мужем. Теперь у нее было четыре сына, рожденных уже в рабстве, с которыми играл маленький принц Зидан.

Украдкой посмотрев по сторонам, она шепнула в щель между занавесками, что старый Савари работает сейчас здесь же, в пальмовой роще. Он собирает упавшие финики, служащие добавкой к затхлому хлебу, которым кормят рабов. Третья аллея слева... Кстати, не помешают ли этой встрече те два евнуха, что ведут под уздцы мулов? Нет, к счастью, это были молоденькие стражи, знавшие только одно что Осман Ферраджи посоветовал им не перечить пленной француженке.

Анжелика велела им повернуть в аллею, названную тетушкой Бадигэ, и вскоре увидела Савари, маленького смуглого гнома, весело собирающего себе пропитание

под изумрудными сводами пальмовых крон. Вокруг него не было ни души. Слышалось только непрерывное жужжание мух, роящихся вокруг истекающих сладким соком финиковых гроздьев. Савари приблизился к двуколке. Евнухи попытались преградить ему путь.

— Пошли вон, толстячки, — добродушно сказал им старик. — Не мешайте мне засвидетельствовать мое почтение этой даме.

— Это мой отец, — вмешалась Анжелика. — Вы же знаете, что Осман-бей разрешил мне иногда с ним видеться.

Евнухи не стали упрямыться.

— Все идет хорошо, прошептал Савари, сияя глазами за стеклами очков.

— Вы нашли еще одно месторождение минерального мумие? — слабо улыбнувшись, спросила Анжелика.

Она растроганно смотрела на старого ученого и думала, что он становится все больше и больше похож на тех бородатых, проказливых гномиков, что приходят поплясать вокруг больших плоских камней, расставленных кое-где в полях Пуату. Подчас Анжелике начинало казаться, что еще немного и она поверит, будто Савари и впрямь один из тех древних лесных духов, которых она подолгу подстерегала в детстве, притаившись в мокрой от вечерней росы траве. Только не в пример остальным этот дух следует за ней повсюду, чтобы оберегать ее и защищать.

— Шестеро рабов решились бежать. Их план — само совершенство. Они не станут связываться с метадорами, которые слишком часто предают тех, кого подрядились провести в христианские земли. Эти шестеро узнали все нужные сведения от рабов, которые уже бежали, но были пойманы. Теперь они знают, как добраться до Сеуты, знают, какие пути хороши, а каких следует избегать. Самое лучшее время для побега

наступит через один-два месяца, в нору равноденствия, поскольку тогда урожай уже будет собран и мавры перестанут ложиться спать в своих полях и садах, охраняя его. Двигаться нужно будет только ночью. Я уговорил их взять с собой женщину. Поначалу они не хотели. Они говорили, что побег женщины — дело неслыханное, что ни одна из них еще никогда не бежала. На это я им заметил, что ваше присутствие среди них послужит им прикрытием, потому что, увидев в числе путников женщину, мавры подумают, что перед ними путешествующие купцы, а уж никак не сбежавшие пленники-христиане. Анжелика порывисто сжала руку старика.

— Ах, мой милый Савари, а я-то, глупая, обвиняла вас в том, что вы бросили меня на произвол судьбы.

— Между тем я потихоньку плел мою паутину, — отвечал Савари. — Но я сказал вам еще не все. Прежде всего, вам необходимо выбраться из замка султана. Я обследовал все выходы, ведущие из гарема прямо в город; ну так вот, на северной стороне, в стене, выходящей на кучу нечистот, что находится неподалеку от еврейского кладбища, есть маленькая дверца, которая не всегда охраняется. Я справлялся о ней у служанок. Они сообщили мне, что она выходит во дворик, называемый «потайным двором» и расположенный в двух шагах от лестницы, ведущей в гарем. Именно этим путем вы могли бы выйти в город. В назначенную ночь один из участников побега будет ждать вас снаружи. Надо сказать, что эта дверца открывается только извне и ключ от нее есть только у двух человек: у великого евнуха и у Лейлы Айши. Это позволяет им неожиданно возвращаться в гарем после того, как на глазах у всех они с большой помпой выехали за ворота... Вы непременно сумеете незаметно утащить у кого-то из них этот ключ и передать его

одному из наших, который таким образом выпустит вас из гарема...

— Савари, друг мой, — со вздохом сказала Анжелика, — вы так привыкли передвигать горы, что вам все кажется простым. Подумайте только украсть ключ у великого евнуха, выйти навстречу пантере!..

— У вас, кажется, есть служанка, на которую можно положиться?

— Как вам сказать... я точно не знаю.

Внезапно мэтр Савари приложил палец к губам и, подхватив свою полупустую корзину, с проворством хорька кинулся прочь. Анжелика услышала приближающийся стук подков. Из поперечной аллеи в сопровождении двух приближенных галопом выехал Мулей Исмаил в раздуваемом ветром желтом бурнусе. Увидев среди деревьев двуколку с красными занавесками, он остановился.

Савари в середине аллеи вдруг выронил свою корзину, рассыпав финики, и принялся громко причитать. Внимание султана тотчас отвлеклось, и он шагом направил своего коня к старому рабу. Неловкость и притворный страх пленника разбудили в Мулее Исмаиле его ненасытную страсть к мучительству.

— А, ты, кажется, и есть тот самый христианский «дервиш», о котором мне говорил Осман Ферраджи. О тебе рассказывают невероятные вещи, старый колдун. Ты превосходно ухаживаешь за моим слоном и моим жирафом.

— Спасибо тебе за твою доброту, государь, дребезжащим голосом проблеял Савари, падая ниц.

— Встань. Негоже благочестивому дервишу, устами которого глаголет сам Аллах, принимать столь унижительные позы.

Савари встал и поднял с земли свою корзину.

— погоди!.. Я хочу сказать тебе еще кое-что. Мне не нравится, что высоким званием дервиша именуют тебя,

человека, погрязшего в мерзости ложных верований. Ежели тебе ведомы тайны магии, то тебе мог открыть их только сатана. Перейди в ислам, и я приближу тебя к себе, дабы ты разгадывал мои сны.

— Я подумаю, государь, — стараясь придать своему тону убедительность, сказал Савари.

Однако Мулей Исмаил был сегодня в дурном расположении духа. Он поднял копье и согнул в локте руку, готовясь нанести удар.

— Перейди в ислам! — повторил он с угрозой. — В ислам! В ислам!

Раб сделал вид, что не понимает. Султан кольнул его копьем. Старый Савари упал на колени и коснулся пальцами своего бока, из которого сочилась кровь. Другой дрожащей рукой он надел свои упавшие очки и поднял на Мулея Исмаила сверкающие негодованием глаза.

— В ислам? Чтобы такой человек, как я, перешел в ислам?! За кого ты меня принимаешь, государь?..

— Ты оскорбляешь религию Аллаха! — взревел Мулей Исмаил, снова вонзая в живот старика острие копья.

Савари вырвал копье из своего тела, с трудом встал и попытался убежать. Он несколько раз шагнул, шатаясь, но за ним неумолимо следовал на своем коне Мулей Исмаил и повторял: «В ислам! В ислам!», сопровождая каждый возглас ударом копья.

Старик снова рухнул на землю.

Оцепеневшая от ужаса Анжелика глядела на эту страшную сцену сквозь щель между занавесками двуколки. Чтобы не закричать, она впиалась зубами в костяшки своих пальцев. Нет! Они не может молча смотреть, как убивают ее старого друга. Она выскочила из двуколки, опрометью бросилась к Мулею Исмаилу и схватилась за луку его седла.

— Остановись, государь, остановись, — взмолилась она по-арабски. — Это мой отец!..

Султан замер с копьем в поднятой руке, ошеломленный появлением этой прекрасной, незнакомой ему женщины с распущенными длинными волосами, блестящими в солнечных лучах, точно покрывало из золотой парчи. Глядя на нее, он опустил копье. Анжелика, как безумная, рванулась к Савари, подхватила его тело, столь тщедушное, что она даже не ощутила его веса, и, подтащив его к ближайшему дереву, усадила, прислонив к подножию ствола.

Его старая джеллаба была вся в крови, очки разбились. Анжелика осторожно сняла их. Красные пятна расплывались все шире, окрашивая ветхую материю джеллабы, и Анжелика в страхе увидела, что лицо старика сделалось бело как мел, отчего еще ярче стала казаться его выкрашенная хной рыжая борода.

— О, Савари, — выговорила она голосом, прерывающимся от бешеных ударов ее сердца. — Савари, добрый, милый мой Савари, пожалуйста, не умирайте!

Тетушка Бадигэ, видевшая все издали, побежала к своему дому за каким-нибудь лекарством.

Рука Савари нашарила в складках джеллабы кусочек черного, вязкого вещества. Его помутневшие глаза взглянули на Анжелику.

— Мумие!.. — прошептал он. — Ах, сударыня, теперь НИКТО уже не узнает этой тайны земли... Ее знал только я... а я ухожу... ухожу.

Его веки посерели.

Жена садовника подбежала к нему, неся напиток из семян тамариска, приправленный корицей и перцем. Анжелика поднесла питье к губам старика. Ей показалось, что он вдохнул в себя острый, пряный запах. Его губы дрогнули в едва различимой улыбке.

— О, пряности... — прошептал он, — аромат удачных путешествий... Иисус, Мария, примите мою душу...

И с этими словами старый аптекарь с парижской улицы Бур-Тибур окончил свою жизнь. Его седая голова упала на грудь, и он испустил дух. Анжелика сжимала в своих руках его холодные, безжизненные пальцы.

— Нет, этого не может быть, — в смятении повторяла она. — Этого не может быть!

Неправда, это не он, не Савари, проворный и непобедимый, лежит здесь, в изумрудном сиянии, разлитом по пальмовой роще, словно безнадежно поломанная кукла!

Это всего лишь дурной сон! Одна из бесчисленных проделок этого гениального фокусника. Вот сейчас он снова встанет и шепнет ей: «Все идет хорошо, сударыня...»

Но он был мертв, убит ударами копья.

И тут Анжелика почувствовала, что на нее навалилась какая-то страшная тяжесть, тяжесть чужого пристального взгляда. Она увидела рядом с собой на песке лошадиные копыта и подняла голову.

Заслоня солнечные лучи, на нее падала тень Мулея Исмаила.

Глава 20

Осман Ферраджи вошел в бани гарема, когда Анжелика, заботливо поддерживаемая под руки прислужницами, выходила из большого мраморного бассейна. Ведущие из воды ступеньки были выложены разноцветной мозаикой.

Своды бань также были украшены сине-зелено-золотыми мозаичными арабесками. Говорили, что все это скопировано с бань в Константинополе; во всяком случае, православный архитектор, выстроивший это чудо изысканности для ублажения жен и наложниц Мулея Исмаила, работал прежде именно там.

Подымающийся над бассейном пар, благоухающий розами и росным ладаном, густо клубился вокруг инкрустированных золотом колонн, и чудилось, будто находишься в некоем волшебном дворце, явившемся на краткое время из фантазмагорической восточной сказки.

Увидев великого евнуха, Анжелика начала поспешно искать покрывало, чтобы прикрыть свою наготу. Она так и не смогла привыкнуть к тому, что при самых интимных моментах в жизни женщины запросто присутствуют евнухи, и тем более неприятным был для нее приход в женскую баню самого сиятельного главы сераля.

Лицо Османа Ферраджи было непроницаемо. За ним шли два молодых толстощеких евнуха, неся в руках сложенные покрывала из розовой кисеи, отливающей цветами радуги и посверкивающей тончайшей серебряной вышивкой. Осман Ферраджи сухо приказал служанкам развернуть их по одному.

— Здесь ли все семь покрывал? — спросил он.

— Да, господин.

Великий евнух окинул тело Анжелики критическим взглядом знатока, и ей впервые в жизни стало тягостно, оттого что она женщина и оттого что она красива. В эту минуту она ощущала себя вещью, произведением искусства, которое внимательно рассматривает коллекционер, оценивая его достоинства и оригинальность, сравнивая его с другими и прикидывая, сколько оно может стоить. Это было мерзкое, оскорбляющее все ее существо чувство; ей казалось, будто у нее украли душу...

Старая Фатима почтительно обвила вокруг бедер своей госпожи первое покрывало — оно ниспадало до самых щиколоток, и под просвечивающей тканью легко можно было различить точеные, гладкие как фарфор ноги, широкие бедра и темную тень под чуть заметной выпуклостью живота. Два других покрывала с тем же откровенным бесстыдством окутали плечи и грудь Анжелики. Еще одно, более широкое, прикрыло ее руки. Пятое покрывало было длинно, как мантия священника. Шестое, еще большее, чем все предыдущие, легло на волосы молодой женщины. Седьмым покрывалом была чадра, которой служанка закрыла лицо Анжелики, так что видны остались только ее зеленые глаза, которым клопочущие в ней, но сдерживаемые чувства придавали сейчас особый блеск. Затем ее снова отвели в ее покои, куда вскоре явился и Осман Ферраджи. Анжелика подумала, что сегодня его черная кожа несколько изменила цвет, сделавшись похожей на синеватый кровельный сланец. Наверное, ее лицо сейчас тоже немного побледнело под слоем румян... Она пристально поглядела на великого евнуха.

— Для какого искупительного жертвоприношения вы так тщательно готовите меня. Осман-бей? — негромко, но с силой спросила она.

— Ты сама хорошо знаешь, Фирузэ. Я должен сейчас же представить тебя Мулею Исмаилу.

— НЕТ, — твердо сказала Анжелика. — Этому не бывать.

Ее изящные ноздри трепетали; она вскинула голову, чтобы взглянуть прямо в лицо Осману Ферраджи.

Тот сощурился, так что зрачки его сделались узкими и блестящими, точно кусочки стального клинка.

— Ты сама показалась ему, Фирузэ... Он тебя видел! Мне было нелегко объяснить ему, отчего я так долго тебя от него скрывал. В конце концов, он согласился с моими доводами. Но теперь он желает до конца познать твою красоту, которая его ослепила.

Голос великого евнуха зазвучал тише и как бы издалека.

— Ты еще никогда не была так прекрасна, Фирузэ! Не бойся, ты его непременно очаруешь. С его стороны тебя ждут лишь милости и страстное желание. В тебе есть все, чтобы ему нравиться: твоя белая кожа, золотые волосы, глаза! Его приятно поразит даже твоя гордость, ибо ему уже приелось малодушие. Ему придется по душе и твоя стыдливость, столь странная в женщине, уже познавшей любовь, стыдливость, которую ты не в силах скрыть даже передо мною, в чьем сердце она не возбудит ни удивления, ни умиления. Я знаю Исмаила. Я знаю, какая жажда томит его. Ты можешь стать для него живительным источником. Ты способна научить его страдать. Ты способна научить его бояться... Ты можешь взять в свои хрупкие руки его судьбу... Ты можешь все, Фирузэ!

Анжелика опустилась на диван.

— НЕТ, — повторила она, — этому не бывать!

Она приняла позу настолько непринужденную, насколько это позволяли окутывающие ее многочисленные покрывала.

— В вашей коллекции, вероятно, еще не было французенок, Осман-бей? Ну, так теперь вы на

собственном горьком опыте узнаете, из какого теста они сделаны!

И тут величественный Осман Ферраджи вдруг схватился за голову и застонал, раскачиваясь из стороны в сторону, будто расстроенная женщина.

— Вай! Бай! Чем же я так прогневал Аллаха, что он ниспослал мне спор с такой упрямой ослицей?

— Что с вами? — удивилась Анжелика.

— Несчастливая, неужели ты не понимаешь, что не может быть и речи о том, чтобы ты ОТКАЗАЛА Мулею Исмаилу? Можешь немного поломаться, если уж тебе так хочется... Легкое сопротивление даже придется ему по вкусу. Но потом ты должна будешь ему покориться... Иначе он велит умертвить тебя, и ты умрешь под пытками.

— Что ж, — сказала. Анжелика, — ничего не поделаешь. Значит, я умру под пытками.

Великий евнух воздел руки к небу. Затем он переменял тактику и склонился к молодой женщине.

— Фирузэ, неужели ты не жаждешь вновь почувствовать, как твое прекрасное тело обнимают мужские руки? Я вижу — тебя жжет желание... И ты знаешь, что Мулей Исмаил — мужчина, которому нет равных. Он создан для любви точно так же, как для охоты и войны, ибо в его жилах течет негритянская кровь... За одну ночь он способен удовлетворить женщину семь раз... Я дам тебе напитки, которые разожгут в тебе любовный жар... Ты познаешь такие наслаждения, что потом будешь жить лишь одним — желанием поскорее вкусить их вновь.

Анжелика, зардевшаяся как пион, оттолкнула его. Она встала с дивана, торопливо вышла из своих покоев и направилась к дальнему концу галереи. Последовав за нею, точно терпеливый кот, Осман Ферраджи с любопытством обнаружил, что она сосредоточенно глядит в узкую бойницу, откуда видна площадь, где

трудятся рабы. И он, недоумевая, спросил себя, что за зрелище вернуло этому женскому лицу, только что ясно отражавшему бешеное желание, его теперешнее выражение душевного спокойствия.

— Христианские пленники в Мекнесе каждый день принимают мученическую смерть за свою веру, — тихо проговорила Анжелика, — Чтобы остаться ей верными, они готовы терпеть непосильный труд, голод, палочные удары, пытки... А между тем в большинстве своем это простые моряки, люди неотесанные и необразованные. Так неужели же я, Анжелика де Сансе де Монтелу, среди предков которой были короли и крестоносцы, окажусь неспособной на такую же стойкость? Конечно, никто не приставлял к моей груди острие копья, говоря мне: «Перейди в ислам!» Зато я слышала другое: «Отдайся Мулею Исмаилу, мучителю христиан, палачу, который зверски убил моего доброго, старого Савари!

А это то же самое, что приказать мне отречься от моей веры. Я не отрекусь от моей веры. Осман-бей!

— Ты умрешь в жесточайших мучениях!

— Что поделаешь? Пусть! Мне помогут Бог и мои предки.

Осман Ферраджи вздохнул. Он уже исчерпал все свои аргументы. Он ни минуты не сомневался, что, в конце концов, заставит ее сдаться. Стоит ему только показать ей палаческие орудия и описать некоторые из истязаний, которым подвергают провинившихся наложниц Мулея Исмаила, как от ее возвышенного пыла не останется и следа! Но на все это уже не было времени. Султан ждал, сгорая от нетерпения.

— Выслушайте меня, — сказал он по-французски, — разве я не доказал вам, что я ваш истинный друг? Я полностью сдержал свое слово, и, если бы не ваша собственная неосмотрительность, Мулей Исмаил не требовал бы вас сегодня к себе. А раз так, не могли бы вы из уважения ко мне согласиться хотя бы на то, чтобы

я вас ему представил? Мулей Исмаил ждет нас. Я больше не могу найти предлога, чтобы и далее скрывать вас от него. Он бы отрубил за это голову любому, даже мне. Кроме того, церемония представления никого ни к чему не обязывает... Кто знает, может статься, вы ему не приглянетесь? Не кажется ли вам, что это наилучшее из возможных решений? Я предупредил султана, что вы суцая дикарка. Я сумею уговорить его подождать какое-то время.

Время для чего? Для того, чтобы она истерзалась страхом? Поддалась слабости? Но может быть, время и для того, чтобы убежать...

— Я согласна... но только ради ВАС, — вымолвила она.

Однако она гневно отказалась идти под конвоем из десяти евнухов.

— Я не желаю, чтобы меня вели, как арестантку или как овцу, которую собираются забить!

Осман Ферраджи уступил, готовый потакать ей во всем. Он будет сопровождать ее один, сказал он, и только возьмет себе в помощь мальчика-евнуха, чтобы тот принимал из его рук покрывала, которые он, глава сераля, будет снимать с нее одно за другим.

Мулей Исмаил ожидал их в тесной комнате, где он любил уединяться и размышлять. В медных курильницах горели благовония, наполняя покой своим ароматом. У Анжелики было такое чувство, словно сейчас она приблизилась к султану в первый раз. Теперь ее уже не отделяла от него стена безвестности. Сегодня зверь ее видел. Когда они вошли, он приподнялся на диване.

Великий евнух и его маленький спутник пали ниц, прижавшись лбами к полу. Затем Осман Ферраджи встал, зашел Анжелике за спину и, взяв ее за плечи, медленно повел ее к султану.

Тот порывистым движением подался вперед, туда, где стояла окутанная покрывалами женская фигура. Золотистые глаза султана встретились с глазами Анжелики. Она опустила веки. Впервые за долгие месяцы на нее смотрел страстно желавший ее мужчина. Она знала, что при виде ее лица, с которого великий евнух только что снял покрывало, в его взгляде отразятся такие же восторг и удивление, какие она уже видела во взглядах множества мужчин, впервые смотревших на ее совершенные черты и выпуклые, не улыбочивые, таящие в себе легкую насмешку губы. Она знала также, что широкие ноздри Мулея Исмаила хищно затрепещут, когда с нее будет снято второе покрывало и он увидит ее необыкновенные волосы, падающие ей на плечи, точно золотистый шелк.

Пальцы Османа Ферраджи легко касались ее, и из-под своих упрямо опущенных век она видела — и желала видеть — только одно: проворные движения его узких черных рук с красными ногтями и золотыми перстнями, в которых сверкали рубины и алмазы. Как странно — она никогда прежде не замечала, какие светлые, будто обесцвеченные, у него ладони. У них такой же цвет, как у лепестков засушенной розы...

Она старалась думать о чем-то другом, не имеющем отношения к происходящему, чтобы выдержать эту пытку раздеванием на глазах у неумолимого хозяина, которому она должна будет принадлежать. Но, несмотря на все ее усилия, она болезненно сжалась, когда великий евнух оголил ее руки. Пальцы Османа Ферраджи на мгновение сжали ее плечи. Он напоминал ей об опасности... Вот его рука потянулась к шестому, предпоследнему покрывалу — сейчас он обнажит ее груди, покажет Мулею Исмаилу ее тонкую талию и гибкую, стройную, как у молоденькой девушки, спину...

Голос султана произнес по-арабски:

— Не надо. Не докучай ей. Я и так вижу, что она очень красива! — Он встал с дивана и подошел к ней совсем близко.

— Женщина, — сказал он по-французски, и его голос, порой такой свирепый, звучал теперь хрипло, — женщина... покажи мне ТВОИ ГЛАЗА!..

Он сказал это таким тоном, что она не смогла послушаться и подняла глаза на его грозный лик. Она увидела татуировку у его рта, разглядела его странную, желтовато-черную кожу.

Толстые губы султана медленно растянулись в улыбке.

— Никогда в жизни я не видел подобных глаз! — сказал он по-арабски Осману Ферраджи. — Должно быть, на всем свете не сыскать других таких же.

— Истинно так, государь, — подтвердил великий евнух.

Он принялся надевать на Анжелику снятые покрывала. Прodelывая это он вполголоса советовал ей по-французски:

— Поклонись султану. Он будет доволен.

Анжелика не шелохнулась. Мулей Исмаил, хотя он едва понимал французский, выучив лишь начатки этого языка, был тем не менее достаточно проницателен, чтобы верно истолковать мимику, которая сопровождала эти слова. Он еще раз улыбнулся, и глаза его засверкали весело и неистово. Все в этой женщине, в этой бесподобной, удивительной незнакомке, которую приготовил для него великий евнух, заранее вызывало в нем острый интерес и готовность быть терпеливым. В ней таилось столько восхитительных открытий, что он не торопился сделать их все сразу. Она была подобна незнакомой земле, в которой не скоро узнаешь, что скрыто за горизонтом враждебной местности, которую предстоит завоевать, неприятелю, к которому надобно послать лазутчиков. Она была как укрепленный город, в

чьей обороне ты ищешь и находишь уязвимое место...
Надо будет расспросить великого евнуха, который хорошо ее знает. Любит ли эта женщина подарки, что ей больше по нраву: нежность или грубость? Охоча ли она до любовных утех? Да, это видно сразу: в ее ясных глазах явственно читалось волнение, порывы страсти, которые она силилась скрыть за холодной неподвижностью своего белоснежного тела. Она дрожала вовсе не от страха. Она из той породы людей, которой неведом страх, но под тяжелым взглядом султана ее лицо, вопреки ее воле, уже сейчас принимало то истомленно-покорное выражение, которое, должно быть, появляется на нем после ночи любви. Она больше не могла противиться себе самой!.. Она хотела вырваться из-под власти желания и, точно птичка под взглядом удава, искала глазами выход, беспомощно стоя между двумя мужчинами, с таким беспощадным вниманием взирающими на ее смятение.

Мулей Исмаил улыбнулся в третий раз...

Глава 21

Анжелику отвели в другой покой, более просторный и богатый, чем тот, что она занимала прежде.

— Почему вы не отвели меня в мою комнату? — спросила она.

Евнухи и служанки не отвечали. Фатима, придав своему лицу неподвижность, дабы не показать своей радости, подала Анжелике ужин, но та к нему не притронулась. Она в тревоге ждала возвращения Османа Ферраджи, желая еще раз с ним поговорить, но он не приходил. Она попросила позвать его. Охраняющий дверь евнух ответил, что глава сераля скоро придет, но проходил час за часом, а его все не было. Анжелика пожаловалась, что резкий аромат дорогого дерева, которым были обшиты стены покоя, вызывает у нее головную боль. Фатима бросила НУ жаровню немного ладану, и запах тотчас стал еще более дурманящим. Впавшая в оцепенение Анжелика чувствовала, как на нее надвигается ночь. При тусклом свете ламп лицо старой рабыни сделалось похожим на лицо колдуньи Мелюзины, которая когда-то жгла в Ниёльском лесу пучки сухих волшебных трав, чтобы вызвать дьявола. Колдунья Мелюзина была из тех пуатевенок, которым попавшая в их жилы капля арабской крови дает черные глаза, горящие, как уголья. Как же далеко докатилась когда-то волна завоевателей с кривыми саблями и зелеными знаменами!..

Анжелика зарылась лицом в подушки, сгорая от стыда, который неотступно терзал ее с той самой минуты, когда взгляд Мулея Исмаила с силой пробудил в ней древнее, как мир, влечение. Он держал ее под своим взглядом так же, как скоро будет держать в своих объятиях, И при этом он, быть может, еще

предпочтет не торопиться, ожидая, чтобы она предложила ему себя сама. А она не сможет устоять перед властным прикосновением этого мужского тела... «У меня нет на это сил, — думала она. — Ведь я всего лишь женщина... Что я могу поделать?»

Она заснула в слезах, словно измученный ребенок. Сон ее был беспокоен. Ее томило желание. Она слышала хриплый, страстный голос Мулея Исмаила: «Женщина! Женщина!..» Это звучало как заклинание! Как молитва!..

Он был здесь. Его лицо склонилось над ней, и сквозь пары курящегося ладана она видела его рот африканского идола, его громадные, загадочные, как сама пустыня, глаза. Она ощутила нежное прикосновение его губ к своему плечу и тяжесть его тела на своем теле. Он стиснул ее в сладостных объятиях, приподнял, прижимая к своей гладкой, мускулистой груди. И она, изнемогая, обвила его руками, мало-помалу осознавая, что это уже не сон. Ее рука скользнула по янтарной, благоухающей мускусом коже, погладила твердый бок, стянутый в талии стальным поясом. Потом она нащупала какой-то небольшой, холодный, угловатый предмет — то была рукоять кинжала. Пальцы Анжелики судорожно сомкнулись вокруг нее, и это было как дар, как напоминание, прозвучавшее из глубин ее далекого прошлого: «Маркиза ангелов! Маркиза ангелов! Помнишь кинжал цыгана Родогона, которым ты перерезала горло Великому Кёзру Парижа^[53]?.. Как славно умела ты тогда владеть этим кинжалом!..»

И вот она снова держала в руке этот кинжал. Ее пальцы сжали его еще крепче, и холод металла прогнал владевший ею дурман. Собрав все силы, она выдернула его из ножен и ударила... Мулея Исмаила спасли его стальные мышцы. Едва клинок рассек кожу на его

горле, как он отпрянул назад со стремительностью тигра. Он так и застыл, по-прежнему пригнувшись и широко раскрыв глаза от безмерного изумления. Он почувствовал, что по его груди течет кровь, и понял, что еще мгновение — и кинжал перерезал бы ему сонную артерию...

Не отрывая взгляда от Анжелики — но теперь она уже ничего не могла ему сделать, — он подошел к гонгу и ударил в него.

В комнату мигом вошел Осман Ферраджи: должно быть, он находился совсем рядом. Чтобы понять, что произошло, ему хватило одного беглого взгляда на приподнявшуюся на ложе Анжелику с кинжалом в руке, на окровавленного, взбешенного Мулея Исмаила с глазами, выпученными от ярости, неспособного произнести ни слова.

Великий евнух хлопнул в ладоши. В спальню тотчас вбежали четверо негров, схватили молодую женщину за запястья, стащили ее с ложа и лицом вниз повалили к ногам султана...

Тот, наконец, вновь обрел дар речи и взревел, точно разъяренный бык. Если бы не милость Аллаха, он лежал бы сейчас с перерезанным горлом, убитый этой проклятой христианкой, которая попыталась его зарезать его собственным кинжалом! Она должна умереть в ужасающих мучениях — и притом немедля, немедля!.. Пусть сей же час приведут сюда самых отъявленных смутьянов из пленников-христиан!.. И прежде всего франков... Пусть поглядят, как будут пытаться женщину их крови. Пусть увидят, как будет умирать наглая тварь, посмевавшая поднять руку на повелителя правоверных...

Глава 22

Теперь все происходило очень быстро, все несло неужели, и впереди уже не было преград. Больше не надо было задавать себе мучительных вопросов... Запястья Анжелики скрутили веревками и, подтянув кверху, привязали к одной из колонн, подпирающих своды зала.

Евнухи оголили ее спину; она чувствовала удары плети, похожие поначалу на короткие прикосновения языков пламени. Они сыпались все чаще и чаще, превращаясь в непрерывно полыхающий на ее коже огонь. Ей вдруг подумалось: «Я уже видела это на миниатюрах в книжке о житии святых мучеников...» Но теперь к столбу была привязана она сама. Ее спину жгло все сильнее, по ногам струилась теплая кровь. У нее мелькнула мысль: «Это вовсе не так страшно, как я думала!..»

Но ведь это еще не конец — потом будет хуже... А, не все ли равно! Теперь все несло само собой! Она уже ничего не могла остановить. Она была камешком, маленьким круглым камешком, который мчит по дну течения быстрой речки. Она вновь, словно наяву, видела перед собой стремительные горные потоки Пиренеев, впервые увиденные ею во времена ее первого замужества. Ей очень захотелось нить, перед глазами поплыл туман...

Внезапно удары прекратились, и во время этой паузы боль в ее спине распространилась по всему телу и сделалась нестерпимой. Ее запястья развязали, но лишь для того, чтобы повернуть ее лицом к залу и вновь привязать к колонне.

Сквозь застилающую ее взгляд мутную пелену она увидела палача и рядом с ним — жаровню с рдеющими

в ней углями и ужасными раскаленными инструментами, которые палач раскладывал на небольшой дощечке. Это был заплывший жиром евнух с безобразным лицом гориллы. Вокруг него стояли другие евнухи. Они не успели облачиться в костюмы для совершения казни — им хватило времени только на то, чтобы снять тюрбаны...

Мулей Исмаил восседал слева. Он отказался от перевязки. Его рана была всего лишь неглубокой царапиной, однако он желал, чтобы все видели его кровь, которая уже начала запекаться. Пусть каждый постигнет, сколь велико совершенное святотатство!

В дальнем конце зала сбились в кучу два десятка рабов-французов. Колен Патюрель в своих неизменных оковах, рыжий, худенький Жан-Жан-парижанин с потрясенным лицом, маркиз де Кермёр и другие, раскрыв рты, смотрели на полуголую белокожую женщину, которую пытал палач. Стражники с плетями и саблями в руках удерживали пленников на почтительном расстоянии.

Осман Ферраджи склонился к Анжелике. Говоря очень медленно, он произнес по-арабски:

— Слушай. Великий султан Марокко готов простить твой безумный поступок. Согласись покориться ему, и он тебя помилует. Ты согласна?

Черное лицо Османа Ферраджи расплывалось у нее перед глазами. Она подумала: «Это последнее человеческое лицо, которое я вижу в этом мире...» И она была рада, что это так... Осман Ферраджи был истинно велик! А большинство людей такие мелкие, такие ничтожные... Затем рядом с лицом великого евнуха возникло суровое, заросшее светлой бородой лицо Колена Патюреля. — Бедная моя девочка... Он просит меня, чтоб я на нашем языке уговорил вас согласиться... Бедная моя девочка, соглашайтесь!..

— Почему же вы. Колен Патюрель, дали им распять себя на кресте, но не согласились? — хотела спросить его Анжелика.

Но губы уже не слушались ее, и она смогла выговорить только одно слово:

— Нет!

— Тебе сейчас оторвут груди! Изуродуют тебя раскаленными щипцами! — сказал Осман Ферраджи.

Веки Анжелики опустились. Ей хотелось остаться одной, наедине со своей болью. Человеческие фигуры исчезали. Они были уже где-то далеко-далеко...

Как долго продлятся ее мучения?

Она услышала громкий ропот рабов в дальнем конце зала и содрогнулась. Что сейчас готовит для нее палач?..

Ожидание показалось ей бесконечным. Затем ее руки освободили от веревок, и она скользнула вниз, вдоль колонны и полетела в бездонную яму и падала очень-очень долго...

Когда к ней вернулось сознание, ее щека покоилась на шелковой подушке. Она лежала на боку, и ей были видны неподвижные руки Османа Ферраджи. Анжелика вспомнила: за эти тонкие, патрицианские руки с ногтями еще более красными, чем рубины на его перстнях, она цеплялась, когда металась в бреду.

Она чуть-чуть шевельнулась. Внезапно ей вспомнилось все, и ее охватила та особая, ни на что не похожая радость, которую она испытывала и раньше, в мгновения, когда наконец рождались ее дети и она осознавала, что страдания уже позади и что она совершила нечто прекрасное.

— Значит, все уже кончено? — спросила она. — Меня уже кончили пытаться? А я стойко держалась?

— А я уже умерла? — с усмешкой передразнил ее Осман Ферраджи. — Глупая маленькая мятежница!

Поистине, Аллах был ко мне не очень-то милостив, когда поставил тебя на моем пути. Должен сказать тебе вот что: ты все еще жива и отделалась такой малостью, как слегка выпоротая спина, лишь потому, что я сообщил Мулею Исмаилу о твоем согласии. Но поскольку ты тогда была не в состоянии немедленно доказать свою покорность, он охотно позволил унести тебя и полечить. Ты три дня билась в горячке, и теперь тебя снова можно будет представить султану не ранее чем после новолуния.

Глаза Анжелики наполнились слезами.

— Значит, все должно начаться снова? О, зачем вы это сделали, Осман Ферраджи? Почему вы не дали мне умереть в этот раз? Мне не хватит мужества начать все сначала.

— Так ты уступишь?

— НЕТ! Вы же знаете, что нет!

— Тогда не плачь, Фирузэ. У тебя есть еще время до следующего месяца, чтобы подготовиться к новому мученичеству, — с иронией сказал великий евнух.

Вечером он навестил ее снова. Она чувствовала себя уже менее слабой и смогла приподняться на локтях, лежа на животе вверх облепленной пластырями спиной.

— Вы украли у меня смерть, Осман Ферраджи, — сказала она. — Но вы ничего не выиграете от этой оттяжки. Я НИКОГДА не стану ни третьей, ни даже любимой женой Мулея Исмаила, и я скажу ему это прямо в лицо, как только мне представится такая возможность. И... все начнется сначала. Я не боюсь. Это правда, что Господь милостив к мученикам. В конце концов, эта порка была не такой уж страшной.

Великий евнух откинул голову назад и позволил себе рассмеяться, что случалось с ним нечасто.

— Я так и думал! — сказал он. — Вот только знаешь ли ты, дурочка, что бичевать можно по-разному? Можно наносить удары так, чтобы каждый из них вырывал

кусочек мяса, а можно так, чтобы только слегка рассекать верхний слой кожи, дабы полилась кровь и взору предстало то впечатляющее зрелище, которое мы тут наблюдали три дня назад. Скажу тебе больше — бывают плети, ремни которых вымочены в наркотических снадобьях, отчего наносимые ими раны немеют, а чувства наказуемого притупляются. Ты говоришь, порка была не такой уж страшной?.. Еще бы! Ведь я приказал палачу щадить тебя.

Слушая эту речь, Анжелика испытала самые различные чувства, но, в конце концов, над досадой, что ее так одурачили, возобладало удивление.

— Ах, зачем вы для меня это сделали, Осман-бей? — с грустью спросила она. — Ведь я вас так разочаровала. Может быть, вы надеялись, что потом я передумаю? Нет, я не передумаю никогда. НЕТ... Я никогда не сдамся. Вы хорошо знаете, что это НЕВОЗМОЖНО.

— Конечно, знаю, — угрюмо сказал великий евнух.

Его величаво-строгое лицо вдруг обмякло, и на нем промелькнуло то выражение опечаленной обезьяны, которое порой появляется на лицах людей черной расы, получивших сокрушительный удар судьбы.

— Я испытал силу твоего духа... Ты подобна алмазу. Тебя ничто не может сломать.

— Тогда почему?.. Почему вы не предоставите меня моей горькой участи?

Осман Ферраджи замотал головой — сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

— Я не могу. Я никогда не смогу безучастно смотреть, как Исмаил будет тебя убивать. Тебя, самую прекрасную и совершенную из женщин. Думаю, Аллаху нечасто случалось создавать существо, подобное тебе. Ты воистину ЖЕНЩИНА. Наконец я нашел тебя после стольких поисков на всех рынках мира!.. Я не позволю Мулею Исмаилу тебя погубить!

Анжелика в замешательстве кусала губы. Увидев ее недоуменный взгляд, великий евнух улыбнулся.

— Эти слова кажутся тебе странными в моих устах. Что верно, то верно — я не могу тебя желать, однако я могу тобой восхищаться. И быть может, ты вошла в мое сердце...

«Сердце? — подумала Анжелика. — Это у него-то, у него, который подвесил шейха Абд-эль-Карима над костром и, не моргнув глазом, повел бедняжку черкешенку на мучительную казнь?..»

Он вновь заговорил, медленно и как бы размышляя вслух:

— Я объясню тебе. Мне нравится гармония твоей красоты и твоего ума... Совершенство, с которым твое тело отражает твою душу... Ты благородна и соткана из самых непредсказуемых противоречий... Ты знаешь все коварные женские уловки, ты обладаешь присущей женщине жестокостью, ее острыми когтями, и в то же время ты сумела сохранить в себе материнскую нежность!.. Ты переменчива, как горизонт, и неизменна, как солнце... Кажется, что ты можешь приспособиться к чему угодно, и вместе с тем ты всегда остаешься наивной латинянкой, всем своим существом стремящейся к одной-единственной цели... Ты похожа на всех женщин земли и не похожа ни на одну из них. Мне нравится думать о том, что пока еще сокрыто за твоим умным челом, — о том, как мудра и чудесна ты будешь в старости... И еще — мне нравится, что ты безумно пожелала Мулея Исмаила, бесстыдная, как Иезавель, и все же попыталась убить его, как Юдифь убила Олоферна. Ты — драгоценный сосуд, в который создатель вложил все сокровища, даруемые им женщинам...

И, мгновение помолчав, он закончил:

— Я не могу позволить уничтожить тебя. Аллах бы меня за это покарал!

Анжелика слушала его с еле заметной улыбкой на побледневших губах. «Если когда-нибудь меня спросят, каково было самое прекрасное объяснение в любви, которое мне довелось выслушать, — подумала она, — то я отвечу: объяснение великого евнуха Османа Ферраджи, хранителя гарема его величества султана Марокко». В ее душе подымалась великая надежда. Еще немного — и она попросила бы его помочь ей бежать, но инстинктивная осторожность удержала ее. Она слишком хорошо постигла сущность беспощадных законов сераля, чтобы не осознавать, что содействие великого евнуха побегу наложницы есть не что иное, как утопия. Чтобы вообразить себе такое, нужно и в самом деле быть «наивной латинянкой», как он только что ее назвал.

— Что же теперь будет?.. — спросила она.

Взгляд Османа Ферраджи был устремлен вдаль, поверх высящейся за окном стены сераля.

— До новолуния есть еще три недели, — проговорил он.

— Что же может случиться до новолуния?

— Как ты нетерпелива! Коли Аллах может уничтожить мир за одну только секунду, которая пронесется после наших слов, то за три недели могут произойти тысячи и тысячи разных событий!.. Фирузэ, не хочешь ли ты подышать свежим ночным воздухом на вершине башни Мазагреб?.. Я вижу, что хочешь. Тогда последуй за мной — и я покажу тебе звезды.

Обсерватория великого евнуха находилась на крыше башни Мазагреб, менее высокой, чем минареты, но возвышающейся над стенами султанского замка. В просветах между каменными зубцами блестела освещенная луной равнина, ближе к городу усеянная кое-где темными кронами олив, а дальше уже голая и каменистая.

На полированной меди и лаковом дереве мощного телескопа, секстанта, циркулей, небесных глобусов и других искусно украшенных точных астрономических приборов сияли лунные отблески и отражался свет звезд, сверкающих сегодня необычайно ярко, ибо небо не туманила даже легчайшая дымка.

В астрологических трудах великому евнуху помогал привезенный им из Константинополя ученый-турок, щуплый, маленький старичок, казалось, готовый вот-вот упасть под тяжестью своего объемистого тюрбана и огромных очков. Сам Осман Ферраджи, приступая к занятиям астрологией, любил надевать свой суданский плащ и стягивать тюрбан лентой золотого шитья. Кажущийся от этого еще выше, он стоял во весь свой огромный рост пол куполом звездного неба, и лишь тончайшая серебряная линия отделяла его черный профиль от окружающей ночи. При взгляде на него невольно думалось, что по ночам он становится похож на бесплотного духа.

Оробевшая Анжелика села поодаль на подушки. Вершина башни Мазагреб имела вид истинного святилища разума. «Удивительно, что сюда допустили женщину», — подумала Анжелика. Однако великий евнух относился к женскому уму без пренебрежения, свойственного настоящим мужчинам. Не ослепляемый чувствами, он умел внимательно изучать женщин и воздавать им должное. Он отдалял от себя глупых, однако приближал тех, чей склад ума представлялся ему достойным интереса и от кого он даже мог научиться чему-нибудь полезному. Так, он многое узнал от Анжелики, причем не только о французском сукне и персидской нуге, но и о характере жителей Запада и особенностях натуры великого короля Людовика XIV. Все эти сведения могут оказаться весьма ценными, если Мулей Исмаил когда-нибудь отправит посольство к владыке Версаля.

Было бы упрощением утверждать, что Осман Ферраджи раз и навсегда отказался от мысли сделать Анжелику третьей женой Мулея Исмаила. Сей блистательный проект всего лишь отодвигался, удаляясь в некое неведомое пространство, как те капризные кометы, которые наблюдаешь только раз в жизни, но которые тем не менее продолжают оказывать влияние на жизни людей. Таинственные совпадения и квадратуры планет еще не сказали своего-последнего слова. Соединяются или разделяются звездные туманности?.. На взгляд уроженца Запада, исход этой запутанной ситуации мог быть только трагическим. Но Осман Ферраджи ждал...

Перед ним были небесные светила, которые первыми открыли ему, что его ждет жестокое поражение. Судьба француженки лишь мимолетно пересекалась с судьбой Мулея Исмаила, затем она уносилась прочь, подобно падающей звезде. Но вел ли этот путь к скорой смерти?.. Смутное предощущение несчастья уже тогда, в первый раз, заставило великого евнуха содрогнуться, и впоследствии он долго чувствовал себя подавленным, словно совсем близко от него пролетел Азраил.

Поэтому сегодня он не без опасений прикасался к холодному металлу зрительной трубы. Нынче вечером, когда он собирался выведать у неба самые сокровенные тайны, он привел с собой в обсерваторию ту женщину, о чьей судьбе вопрошал звезды, дабы тем самым усилить магнетизм, который исходит от человеческих существ и соединяется с токами, изливающимися от объектов мироздания.

Невидимая сила, которой обладала Анжелика, была совершенно необычна. Сейчас Осману Ферраджи было ясно, что вначале он недооценил ее, — один из тех редких случаев, когда ему не удалось сразу же правильно определить мощь человеческих флюидов.

Столь серьезную свою ошибку в отношении пленной француженки он мог объяснить лишь одним — загадкой ее женственности, этой обманчивой оболочки, под которой таилась Неодолимая Сила. Ему пришлось волей-неволей признать, что под хрупкой красотой пленницы скрывается неожиданный характер и что ей предначертана необыкновенная судьба, о которой не догадывается даже она сама.

И, настраивая механизм своего телескопа, великий евнух с тревогой спрашивал себя, не сбился ли он с верной дороги и не движется ли напрямик к скрытой западне.

Анжелика смотрела на звезды. Она предпочитала видеть их как маленькие светящиеся точки, похожие на драгоценные камни, сверкающие на черном бархате, а не как более крупные кружки, которыми звезды становятся в окуляре зрительной трубы.

Что ищет Осман Ферраджи в этом скоплении бесчисленных миров? Анжелика чувствовала, что ее собственный ум уже не способен постичь столь сложную премудрость. Звездное небо, под которым она сидела сейчас на подушках на вершине башни, напоминало ей далекие ночи в Тулузе, и она вспомнила, что ее муж, ученый граф де Пейрак, тоже иногда приводил ее в свою лабораторию и старался объяснить ей суть своих исследований. Теперь он, наверное, счёл бы ее очень тупой. Право, хорошо, что он не увидел, какой она стала! В душе ее царила такая усталость, такое горькое разочарование... Жизнь низвела ее до незавидного общего уровня: уровня обыкновенной женщины.

Обыкновенной женщины, у которой нет иного выбора, кроме как покориться Мулею Исмаилу или нелепо умереть из-за своего упрямства, покориться королю Франции или отправиться в изгнание... Продавать себя, чтобы не быть проданной другими,

наносить удары, чтобы не быть раздавленной... Неужели же для женщины закрыт другой путь — просто жить? Жить!.. Анжелика запрокинула голову, обратив лицо к необозримому, безбрежно свободному небесному простору. Жить, Господи!.. Жить, а не задыхаться вечно между бесчестьем и смертью!

Ах, если бы пленники-христиане помогли ей убежать! Но теперь, когда Савари больше нет, они забудут о ней, они не станут обременять себя женщиной. И все же, если она сумеет заполучить ключ от той маленькой дверцы и выбраться из гарема, неужто Колен Патюрель откажется взять ее с собой?.. Она молила бы его об этом на коленях.

Но как завладеть этим ключом, который есть только у великого евнуха и Лейлы Айши?

— Почему ты убежала?..

Анжелика вздрогнула. Она совсем забыла о присутствии великого евнуха и о его опасной способности читать чужие мысли. Она открыла было рот, но ничего не сказала, потому что увидела, что он смотрит не на нее. Он задал свой вопрос, как бы говоря сам с собой и неотрывно глядя на далекие звезды.

— Почему ты убежала из Кандии?

Осман Ферраджи задумчиво обхватил пальцами подбородок и закрыл глаза.

— Почему ты покинула того христианского пирата, Рескатора, который тогда купил тебя?

Его голос звучал так странно, так взволнованно, что ошеломленная Анжелика не смогла найти ответа.

— Говори же! Почему ты от него убежала? Разве ты не чувствовала, что судьба этого человека и твоя судьба связаны между собой? Ответь мне!.. Разве ты этого не чувствовала?

Теперь он смотрел на нее, и голос его сделался повелительным. Она покорно пролепетала:

— Да, я это чувствовала.

— О, Фирузэ! — почти горестно воскликнул он. — Помнишь, что я говорил тебе в Алжире? Нельзя идти наперекор судьбе, и, когда знамения предостерегают нас, негоже ими пренебрегать. Знак этого человека пересекает твой путь, но... я не могу увидеть всего, Фирузэ. Мне пришлось бы погрузиться в бесконечные расчеты, чтобы ясно прочесть среди небесных светил ту поистине необыкновенную историю, которую, как мне кажется, они могут поведать. Однако одно я знаю наверное — этот человек из той же породы, что и ты...

— Вы хотите сказать, что он француз? — робко спросила Анжелика. — О нем говорили, будто он испанец или даже марокканец...

— Я не знаю, француз он или нет... Я хочу сказать другое... Он из породы, еще на земле не сотворенной, — так же, как и ты...

Руки великого евнуха чертили в воздухе таинственные символы.

— Независимая спираль... соединяющаяся с другой такой же спиралью, и она...

Он быстро заговорил по-арабски. Старый турок записывал за ним, покачивая своим тяжелым муслиновым тюрбаном. Совершенно растерявшаяся Анжелика силилась понять смысл их разговора и прочесть по выражению их лиц и движению их циркулей и небесных глобусов, к которым они часто обращались, суть того приговора, от которого зависела ее жизнь.

Еще несколько минут назад она была далека от мыслей о Рескаторе, чей образ, и без того уже затуманившийся в ее памяти, был оттеснен на задний план неистовством ее единоборства с Мулеем Исмаилом. Но сейчас при воспоминании о человеке в черной маске у нее вдруг перехватило горло.

Увидев, что Осман Ферраджи вновь направляет на небо свою подзорную трубу, она осмелилась спросить:

— Вы знаете его, Осман-бей? Скажите, он тоже чародей, как и вы?

Великий евнух медленно покачал головой.

— Может быть, но его магия имеет иное происхождение, нежели моя... Я действительно встречался с этим христианином. Он говорит по-арабски и на многих других языках, но моему сознанию нелегко постичь смысл его слов. Я чувствую себя перед ним, как человек из прошлого, который встретил пришельца, явившегося из будущих веков и принесшего с собой мудрость грядущего. Кто может сейчас принять его? Кому дано его понять? Поистине, пока еще никому...

— Но ведь он всего-навсего заурядный пират! — в негодовании вскричала Анжелика. — Низкий торговец контрабандным серебром...

— Он ищет свой путь в мире, который его отвергает. Он будет скитаться так, покуда не найдет наконец на земле то место, на котором сможет остановить свой выбор. Неужто ты не можешь понять этого, Фирузэ, ты, прожившая столько противоположных друг другу жизней и тщетно пытающаяся обрести свое истинное лицо?

Анжелика задрожала с ног до головы. Нет! Неправда! Великий евнух не мог знать ее жизни. Он не мог прочесть среди звезд, что она... Она со страхом взглянула на ночное небо. Ночь была ясна и благоуханна. Дующий из пустыни ветерок впитывал в себя ароматы обнесенных стенами мекнесских садов. Сегодняшняя ночь была похожа на все другие ночи, и только на вершине башни Мазагреб ее покой смущали какие-то тягостные, тревожные веяния. Анжелике хотелось убежать отсюда, немедля оставить и обсерваторию с ее странными инструментами, и черного мага, и очкастого писца, торопливо

царапающего свои каббалистические знаки, словно громадное, неутомимое насекомое.

Она не хотела больше ничего знать! Она устала, устала... Однако она продолжала сидеть неподвижно, не в силах оторвать взгляда от медленно движущегося объектива, нацеленного на небесный свод.

Знания Османа Ферраджи позволяли ему приподнять краешек завесы, скрывающей от людей Незримое...

Что он сейчас ей откроет?.. Ей показалось, что его лицо стало сизым, — для него это было равнозначно смертельной бледности, и он вдруг воззрился на нее почти с ужасом, точно увидев у своих ног бездонную, черную бездну, которая разверзлась по его же собственной вине.

— Осман-бей, — вскричала Анжелика, — что... что вы прочли среди звезд?..

Воцарилось долгое молчание. Великий евнух стоял, опустив глаза.

— Почему ты убежала от Рескатора? — прошептал он, наконец. — Он единственный, **ЕДИНСТВЕННЫЙ** мужчина, достаточно сильный, чтобы соединить свою жизнь с твоей... он и еще, быть может, Мулей Исмаил, но теперь я уже не знаю, не слишком ли опасно это было бы для Исмаила! Тем мужчинам, которые тебя любят, ты несешь смерть...

Анжелика издала вскрик, полный смертной муки, и, сложив руки, отчаянно взмолилась:

— Нет, Осман-бей, нет, не говорите так!

Это было то же самое, как если бы он прямо обвинил ее в том, что она собственными руками нанесла смертельный удар своему мужу, которого горячо любила. Она поникла головой, словно преступница, сокрушенная сознанием своей вины, и с силой зажмурила глаза, чтобы прогнать прочь другие лица, вдруг взглянувшие на нее из минувшего.

— Ты приносишь им смерть, либо поражение, либо такое страдание, что оно отнимает у них радость жизни. Нужно обладать редкостной силой, чтобы избежать этой участи. Все это происходит оттого, что ты упрямо стремишься в такую даль, куда за тобой никто не может последовать... Тех, кто слишком слаб, ты оставляешь на обочине и идешь дальше. Сила, которую вложил в тебя Создатель, не даст тебе остановиться, покуда ты не придешь туда, куда тебе предназначено явиться.

— Где же это место, Осман-бей?

— Этого я не знаю. Но пока ты его не достигнешь, ты будешь разрушать дотла все на своем пути, все, вплоть до твоей собственной жизни. Я хотел направить твою силу в нужное мне русло, но я самообольщался, ибо она не такова, чтобы ее можно было укротить. Ты сама не знаешь, насколько она велика... но оттого ты не становишься менее опасной...

Не в силах более сдерживаться, Анжелика заплакала.

— О, Осман-бей, я вижу: вы уже жалеете, что не дали мне умереть под пытками Мулея Исмаила. Ах, зачем вы смотрели сегодня на звезды? Зачем?.. Вы были моим другом, а теперь говорите мне ужасные вещи!

Голос великого евнуха смягчился, но по-прежнему звучал необычно и взволнованно:

— Не плачь, Фирузэ! В этом нет твоей вины. Причина не в тебе, а вне тебя. Ты не несешь в мир несчастья — напротив, ты несешь счастье. Но иные люди слишком слабы, чтобы вынести груз великих сокровищ. Что ж, тем хуже для них! Увы! Я по-прежнему остаюсь твоим другом, Фирузэ, — и тем хуже для меня... Взять на себя ответственность за твою гибель чревато немалой опасностью, и, спасая тебя от казни, я также хотел избавить Мулея Исмаила от кары небес. Однако теперь я должен попытаться совершить нечто чрезвычайное,

превосходящее возможности человека, — вступить в борьбу с тем, что предопределено. Вступить в борьбу с судьбой, Фирузэ, дабы ТЫ НЕ ОДОЛЕЛА МЕНЯ...

Глава 23

По внутреннему дворику мимо резвящихся голубей проходила стайка женщин. Неожиданно чинивший механизм фонтана раб произнес вполголоса по-французски:

— Француженка?..

Анжелика услышала его и, замедлив шаг, отстала от своих спутниц. Сейчас вокруг нее не было евнухов, поскольку она находилась во внутреннем дворе гарема. Каким же образом здесь мог работать раб-француз? Если его увидит евнух, ему не миновать смерти.

— Вы пленная француженка? — прошептал он.

— Да, это я, но будьте осторожнее. Мужчинам запрещено приходить сюда.

— Вы за меня не беспокойтесь, — пробурчал раб. — Я имею право свободно передвигаться по гарему. Пока я буду говорить, сделайте вид, что любуетесь голубями... Меня послал к вам Колен Патюрель.

— Да?

— Вы по-прежнему твердо намерены бежать?

— Да.

— Мулей Исмаил помиловал вас, потому что вы ему покорились?

У Анжелики не было времени объяснять ему уловку великого евнуха.

— Я ему не покорилась, — сказала она. — Я никогда ему не уступлю. Я хочу бежать. Прошу вас — помогите мне!

— Мы вам поможем, ради старого Савари, потому что он вбил себе в голову непременно вытащить вас отсюда. Ведь он, кажется, был ваш отец? Мы не можем оставить вас в неволе, хотя, беря с собой женщину, мы идем на дополнительный риск. В общем, дело обстоит

так. Как-нибудь после того, как стемнеет, — день мы назначим позже — Колен Патюрель или кто-нибудь из остальных будет ждать вас на северной стороне у маленькой двери, что выходит на кучу нечистот. Если там будет часовой, он его убьет. Потом он откроет дверь ключом, так как она отпирается только снаружи, вы к нему выйдете, и он о вас позаботится. Ваша задача — добыть ключ.

— Насколько я знаю, один ключ от этой двери находится у великого евнуха, а второй — у Лейлы Лиши.

— Гм! Тогда это дело нелегкое. Но все равно, другого способа мы не видим, Придумайте что-нибудь. Вы все время находитесь здесь, вы можете заплатить служанкам. Когда ключ будет у вас, отдайте его мне. Я все время болтаюсь поблизости — я взялся произвести осмотр и ремонт фонтанов во всех внутренних дворах. Завтра я буду работать во дворике султанши Абеши. Она славная, приветливая женщина и хорошо меня знает, так что у нее мы сможем поговорить без помех.

— Но как мне достать этот ключ?

— Ничего не поделаешь, моя милая, придется вам как-нибудь изловчиться. Так или иначе, у вас в запасе есть еще несколько дней. Те из наших, которые задумали побег, будут дожидаться безлунных ночей. Желая вам удачи! Когда захотите со мной встретиться, спросите Эспри Кавайяка из Фронтиньяна, инженера его величества.

Он собрал свои инструменты и улыбнулся Анжелике короткой ободряющей улыбкой. Позднее она узнала его историю от султанши Абеши, которая очень любила поболтать. Чтобы заставить его отступить от христианской веры, Мулей Исмаил подверг его особенно чудовищной пытке. Он велел обвязать веревкой ту часть его тела, которую нельзя прямо назвать в беседе, и протащил его на этой веревке за своим скачущим конем. Потом товарищи выходили Эспри Кавайяка, и он

остался жив, несмотря на страшные раны. Благодаря своему увечью он имел свободный доступ в султанский гарем и мог служить посредником между Анжеликой и пленниками, готовившими побег. После встречи с ним молодая женщина вновь воспряла духом, Выходит, о ней не забыли! Рабы-христиане продолжают думать о ней, они по-прежнему считают возможным устроить ее побег!.. Ну, значит, так оно и будет! Разве Осман Ферраджи не говорил ей, что ее сила подобна силе вулкана? В то время она чувствовала себя такой слабой, больной, у нее так болела спина, что его слова показались ей насмешкой. Теперь же ей вспомнилось, на что она отваживалась и чего добилась за несколько коротких лет в своей прошлой жизни, и она больше не видела — нет, не видела — ничего невероятного в том, что ей удастся и это безумное предприятие — побег из гарема!

Она проворно обошла двор, легким шагом прошла по длинной галерее, пересекла сад, где под библейской сенью двух смоковниц дышал прохладой небольшой бассейн, и, очутившись в следующем внутреннем дворе, вошла под своды еще одной галереи, в конце которой темнел вход в покои. Здесь ее путь преградил Раминан, начальник черных евнухов султанши Лейлы Айши.

— Я хотела бы повидать твою госпожу, — сказала ему Анжелика.

Холодные глаза евнуха смотрели на француженку с пристальным вниманием. Чего хочет эта грозная соперница его хозяйки, ставленница великого евнуха, которую Лейла Айша и Дэйзи-Валина вот уже восемь дней пытаются извести с помощью колдовства? От властной суданки из племени луба не укрылось истинное значение бичевания, которому была подвергнута новая наложница. Сопrotивление, оказанное ею Мулею Исмаилу, было самым верным способом приворожить его. Коснувшись горла султана

острием кинжала, мятежная рабыня невероятно подстегнула его желание обладать ею. Ему не терпелось приручить эту тигрицу и заставить ее ворковать подобно голубке. Он признался в этом самой Лейле Айше. Эта женщина не в силах устоять перед любовными наслаждениями, говорил он. Если бы он по неосмотрительности не оставил на своем поясе кинжала, француженка давно бы млела от блаженства в его объятиях. Он ручался, что сумеет накрепко привязать ее к себе узами сладострастия. Он усыпит ее дух и станет властелином ее тела. Впервые в жизни Мулея Исмаила охватило неведомое ему ранее стремление внушить женщине любовь к себе; он был готов на все, лишь бы вызвать на ее устах улыбку и увидеть ее в самозабвенном исступлении. Проницательная негритянка была глубоко задета такой переменой в своем супруге. В ее душе подымались черные волны ярости и страха. Едва только француженка вполне выздоровеет, как она сможет привязать к себе султана навсегда и будет держать его на поводке, словно прирученного гепарда, — так же, как сама Лейла Айша умеет держать у своей ноги пантеру Альшади.

Осман Ферраджи своими дьявольскими уловками еще больше разжигал страсть Мулея Исмаила к чужеземке. Он распустил по сералю слух, что француженка умирает. Султан то и дело справлялся о ней и хотел ее проведать. Однако великий евнух воспротивился. Больная все еще слишком напугана, и появление перед ней ее повелителя может снова вызвать у нее горячку. Тем не менее она улыбнулась, принимая подарок, посланный ей Мулеем Исмаилом, — изумрудное ожерелье, добытое на захваченной итальянской галере. Ах, вот как — стало быть, француженка любит драгоценности!.. И султан уже принимал у себя городских ювелиров и внимательно

рассматривал через увеличительное стекло самые прекрасные из имеющихся у них украшений.

Все эти неслыханные безумства очень тревожили Лейлу Айшу и Дэйзи. Они перепробовали все средства, и прежде всего самое простое — поскольку их опасная соперница умирала, они решили при помощи соответствующих снадобий ускорить столь удачно начатое дело. Однако все попытки самых ловких служанок и самых хитроумных знахарей доставить умирающей чудодейственное лекарство разбивались о неусыпную бдительность стражей, расставленных Османом Ферраджи. И вот теперь француженка снова была на ногах, судя по всему, в добром здравии, и более того — изъявила желание побеседовать с той, которая в лютой ненависти призывала на ее голову проклятья и всячески старалась ее погубить. После недолгого раздумья Раминан попросил гостью подождать. Принц Карамель — сегодня он был одет в белое и увенчан малиновым тюрбаном — играл неподалеку, рубя деревянной саблей воображаемые головы. Стальную сабельку у него отобрали, так как он наносил ею слишком много ран.

Возвратившись от своей хозяйки, Раминан жестом пригласил Анжелику пройти в покои, где на подушках восседала великанша-негритянка, окруженная многочисленными жаровнями и курильницами, в которых горели ароматные травы. Рядом с Лейлой Айшой сидела Дэйзи-Валина. Перед ними на двух низких столиках стояли две чаши гравированного богемского стекла — султанши пили из них чай с мятой, — а также множество медных коробочек с чаем, сладостями и табаком.

Первая жена Мулея Исмаила вынула изо рта длинную трубку и выпустила к обшитому кедром потолку облако табачного дыма. Она предавалась этому пороку втайне, ибо Мулей Исмаил резко осуждал

курение, точно так же, как и употребление опьяняющих напитков, которые пророк запретил. Сам он пил только воду и ни разу в жизни не поднес к губам мундштук кальяна — не в пример этим развращенным туркам, которые наслаждаются благами жизни, нисколько не думая о величии Аллаха.

Лейла Айша доставала табак, а в придачу к нему еще и водку у рабов-христиан — единственных жителей Марокко, которым не возбранялось их употреблять и покупать.

Анжелика сделала несколько шагов, смиренно опустилась на колени на устилающий пол роскошный ковер и немного постояла так, склонив голову, перед двумя безмолвно глядящими на нее женщинами. Затем она сняла с пальца кольцо с бирюзой, подаренное ей некогда персидским послом Бахтиари-беем, и положила его на столик перед Лейлой Айшой.

— Вот мой подарок, — сказала она по-арабски. — Я не могу предложить тебе ничего лучшего, потому что у меня ничего больше нет.

Глаза негритянки сверкнули.

— Я отвергаю твой подарок! И ты лгунья! У тебя еще есть изумрудное ожерелье, которое подарил тебе султан.

Анжелика покачала головой и, обращаясь к англичанке, заговорила по-французски:

— Я отказалась взять изумрудное ожерелье. Я не хочу быть любимой женой Мулея Исмаила и никогда ею не стану... если только вы мне поможете.

Англичанка перевела, и негритянка тотчас подалась вперед, исполненная жадного внимания.

— Что ты имеешь в виду?

— Что у вас есть еще один способ устранить меня — и он более выгоден, чем отравление или обливание кислотой. Вместо этого лучше помогите мне бежать.

Они говорили тихо и долго, уже не как враги, а как сообщницы. Анжелике удалось обратить себе на пользу ту ненависть, которую питали к ней ее соперницы. В конце концов ее побег не грозил им ничем. Если он окажется удачным, они никогда больше ее не увидят; если же ее схватят, то на этот раз она будет обречена на мучительную смерть. Как бы то ни было, никто не сможет обвинить двух законных султанш в ее исчезновении, как это было бы в том случае, если бы она умерла от яда. Они не несли ответственности за порядок в гареме, так что побег одной из наложниц не мог быть вменен им в вину.

— Из гарема еще ни разу не убежала ни одна женщина, — сказала Лейла Айша. — Теперь великий евнух лишится головы!

Ее желтые, налитые кровью глаза вспыхнули красноватым огнем:

— Я поняла. Все сходится: мой астролог прочел по звездам, что ты будешь причиной смерти Османа Ферраджи.

У Анжелики побежали по спине мурашки.

«Он тоже это прочел, — подумала она. — Вот почему Осман Ферраджи тогда смотрел на меня так странно». Ей припомнились его слова: «Теперь я должен вступить в борьбу с судьбой, Фирузэ, дабы ты не одолела меня!..»

Ею вновь овладело то тягостное чувство, которое она испытала на вершине башни Мазагреб. Запах курящихся трав, чая и табака душил ее; на висках ее обильно выступил пот. Она очень устала, настойчиво уговаривая Лейлу Айшу отдать ей ключ от двери в северной стене сераля. Наконец та уступила. Собственно, она спорила и упиралась лишь по привычке и из любви к многословным речам. На самом деле она с самого начала решила принять план, предложенный Анжеликой. С его помощью она могла одним ударом избавиться от опасной соперницы и погубить своего

врага, великого евнуха, — причем не навлекая на себя гнева Мулея Исмаила, который не простил бы ей, если бы она извела или изуродовала нынешний предмет его страсти. Сверх того, она была уверена, что сумеет выведать у Анжелики планы беглецов и затем поможет изловить их, что укрепит ее влияние на повелителя и его веру в то, что она обладает даром ясновидения. Было условлено, что в ночь побега первая жена султана сама будет сопровождать Анжелику и проведет ее по гарему вплоть до лесенки, спускающейся в «потайной двор», где в стене есть маленькая дверца. Таким образом, француженка избежит зубов и когтей пантеры, притаившейся в каком-нибудь темном углу. Лейла Айша умеет разговаривать с дрессированным зверем и принесет ему кусок лакомого мяса, чтобы его задобрить. Стражи также не посмеют остановить султаншу из страха перед ее мстительностью и дурным глазом.

— Нам надо остерегаться только великого евнуха, — заметила Дэйзи. — Он один представляет опасность. Что ты ему скажешь, если он спросит, для чего ты к нам приходила?

— Я скажу, что узнала, как вы на меня гневааетесь, и хотела задобрить вас проявлением покорности.

Обе женщины кивнули и одобрили такой ответ.

— Очень может быть, что он тебе поверит. Да, ТЕБЕ он поверит наверняка!

После полудня Анжелика нанесла визит султанше Абеши, толстой мусульманке испанского происхождения, которой султан еще оказывал кое-какие знаки внимания. В прошлом он чуть было не сделал ее своей третьей женой. Увидев Эспри Кавайяка, молодая женщина тайком передала ему ключ.

— Уже! — проговорил он в изумлении. — Ничего не скажешь, быстро сработано! Старый Савари был прав, когда сказал, что вы ловкая и смелая и что на вас

можно положиться, как на мужчину. Лучше убедиться в этом заранее, чем взять с собой в побег какую-нибудь растяпу. Ладно, теперь вам нужно только одно — подождать. В назначенный день я вас предупрежу.

Потянувшиеся затем дни ожидания показались Анжелике самыми тягостными и мучительными днями в ее жизни. Целиком завися от двух коварных, ненавидящих ее женщин, находясь под неусыпным надзором такого провидца, как великий евнух, она должна была постоянно притворяться и ни в чем не обнаруживать снедающего ее нетерпения, изгоняя его даже из собственных мыслей.

Ее спина заживала. Она безропотно сносила неустанные лекарские старания старой Фатимы. Старуха очень надеялась, что уж теперь-то ее хозяйка образумится и оставит глупое упрямство. Необходимость терпеть все эти неприятные втирания и изодранная, покрытая кровоподтеками кожа заставят ее понять, что своего ей все равно не добиться. Так чего же тогда ерепениться?

Между тем по гарему разнесся слух, что великий евнух отправляется в дальнюю поездку, чтобы навестить своих черепах и постаревших наложниц султана. Он уезжал не более чем на месяц, однако, услышав о его предстоящем отъезде, Анжелика вздохнула с облегчением.

Нужно во что бы то ни стало убежать именно во время его отсутствия. Тогда все сразу облегчится, и Османа Ферраджи не обезглавят за ее побег — ведь это случится, когда он будет в отъезде. Она вообще не желала верить в возможность такого исхода, полагая, что Мулей Исмаил слишком благоволит своему великому евнуху, чтобы казнить его, даже если из гарема сбежит рабыня. Но в то же время Анжелика не могла забыть слов Лейлы Айши: «Мой астролог прочел

по звездам, что ты будешь причиной смерти. Османа Ферраджи...» Надо избежать этого любой ценой! И вот представился удобный случай — его отъезд.

Великий евнух пришел к ней, чтобы попрощаться и посоветовать ей вести себя как можно осмотрительнее. Он сообщил султану, что она еще очень больна и по-прежнему чрезвычайно испугана, и Мулей Исмаил согласился терпеливо ждать ее выздоровления. Это было просто чудо! И пусть она ни в коем случае не портит дела, пытаюсь сговориться с Лейлой Айшой, которая только и ждет, чтобы ей навредить!.. Через месяц он, Осман Ферраджи, вернется, и тогда все уладится. Она может вполне довериться его слову.

— Я верю вам, Осман-бей, — сказала Анжелика.

Едва он уехал, как она через посредничество Эспри Кавайяка начала убеждать пленников перенести свой побег на более ранний срок. Колен Патюрель велел передать ей, что нужно дождаться наступления безлунных ночей. Но к тому времени великий евнух может уже вернуться... Анжелика в бессильной злости грызла костяшки пальцев. Разве можно растолковать этим варварам-христианам, что она пытается выиграть схватку со временем, противостоять неумолимому ходу судьбы? Не дать сбыться пророчеству, гласящему, что она принесет смерть Осману Ферраджи! Это была титаническая борьба с самим небесным предначертанием, и по ночам ей часто снилось в кошмарах, как на нее, вращаясь, обрушивается звездное небо и своей чудовищной тяжестью расплющивает ее.

В конце концов, Эспри Кавайяк сообщил ей, что Колен Патюрель уступил ее доводам. Для нее, в самом деле, будет лучше, если она попробует убежать в отсутствие начальника сераля. Для остальных лунный свет сделает побег еще более рискованным, ну да ничего не поделаешь! Освободившись от своих цепей,

Колен Патюрель придет к султанскому дворцу и убьет часовых, чтобы проникнуть за вторую, а потом и за третью ограду. Ему нужно будет пройти через апельсиновую рощу и через двор, ведущий к маленькой двери в северной стене. Ну а до того остается только молить Бога, чтобы в эту ночь последнюю четверть луны — противницы беглецов — заволокло облаками. День побега был, наконец, назначен.

В этот вечер Лейла Айша передала Анжелике сонные порошки, чтобы подсыпать их в питье охраняющим ее служанкам.

Анжелика предложила кофе также и Рафаю, который пришел справиться о ее здоровье. В отсутствие Османа Ферраджи ответственность за гарем возлагалась на него. Этот жирный увалень старался держаться с наложницами в той же фамильярно-покровительственной манере, которая отличала великого евнуха. Однако то, что казалось естественным в царственном Османе Ферраджи, совершенно не вязалось с повадками толстяка Рафая, и гаремные насмешницы нередко отпускали колкости в его адрес. По этой причине он весьма обрадовался неожиданной приветливости Анжелики и выпил до дна поднесенную ему чашку кофе. После чего его немедля сморил сон, и его храп слился с храпом спящих служанок.

Теперь Анжелика снова должна была ждать, и это ожидание показалось ей бесконечным. Когда до ее слуха донесся, наконец, условный сигнал — крик ночной птицы, она крадучись спустилась во внутренний двор. Здесь уже стояла Лейла Айша; рядом с нею виднелась стройная фигурка Дэйзи. В руке у англичанки горела масляная лампа, но свет ее был, увы, излишним, ибо луна сияла, словно серебристый косой парус в темно-синем океане ночи, и на всем небосводе не было видно ни единого облачка.

Три женщины прошли через маленький сад и вошли в длинную закрытую сводчатую галерею. Время от времени из широкой груди Лейлы Айши слышались странные звуки, похожие на хриплое воркование, и Анжелика поняла, что она подзывает к себе пантеру. Сводчатый переход они прошли благополучно и свернули в открытую галерею с колоннами, обрамляющую еще один сад, наполненный нежным благоуханием роз. Внезапно негритянка остановилась.

— Она там! — шепнула Дэйзи, стискивая запястье Анжелики.

Животное вышло из-за кустов, опустив морду к земле и прогнув спину, точно громадная кошка, приготовившаяся прыгнуть на мышь. Ни на миг не прекращая своего хриплого воркования, чернокожая султанша протянула пантере тушку голубя. Зверь, казалось, успокоился. Он подошел ближе, и Лейла Айша пристегнула к его ошейнику цепь.

— Идите сзади, в двух шагах от меня, — бросила она своим белым спутникам.

Они двинулись дальше. Анжелика удивлялась, что на их пути очень редко попадаются евнухи, но все объяснялось просто: Лейла Айша вела их через ту часть сераля, где доживали свой век отставленные наложницы, которых никогда не охраняли очень строго. В отсутствие великого евнуха дисциплина ослабевала еще больше, и евнухи предпочитали проводить время, собираясь вместе, чтобы поболтать и вволю поиграть в шахматы.

При приближении Лейлы Айши полусонные служанки низко кланялись, приветствуя султаншу султанш.

Теперь три женщины и пантера поднимались по лестнице, ведущей на гребень окружающей гарем стены. Это был самый трудный участок пути. Заговорщицы шли по дорожке дозорных; с одной

стороны, далеко внизу, чернели кроны садовых деревьев, среди которых блестел выложенный зелеными изразцами купол мечети, с другой — простиралась пустынная песчаная площадь, где иногда устраивали внутриворцовый рынок. Дворец, который выстроил для себя Мулей Исмаил, представлял собой огромную, мощную крепость, в которой можно было обороняться много месяцев в том случае, если в Мекнесе вдруг начнется мятеж.

В конце дозорного пути на зубце стены спиной к женщинам стоял часовой, глядя на площадь и опираясь на направленное острием к звездам длинное копье. Три женщины бесшумно приблизились к нему, держась в тени зубцов. Не дойдя до неподвижно стоящего евнуха несколько шагов, Лейла Айша вдруг сделала резкое движение, бросив в его сторону тушку голубя, которую она до сих пор несла в руке, не отдавая пантере.

Зверь ринулся вперед, чтобы схватить свой корм. Дозорный обернулся и увидел прыгающую прямо на него пантеру. Он в ужасе закричал, потерял равновесие и опрокинулся в пустоту.

Анжелика услышала глухой стук, с которым его тело разбилось, упав у подножия стены.

Женщины ждали, затаив дыхание. Не сбегутся ли на предсмертный вопль часового другие часовые? Однако вокруг по-прежнему было тихо. Лейла Айша снова заворковала, чтобы успокоить пантеру, и опять взяла в руки конец ее цепи.

Затем все четверо проникли со стены на верхний этаж необитаемого, заброшенного флигеля. Его должны были вот-вот снести, чтобы возвести на его месте другую постройку. Султанши довели Анжелику до узкой лесенки, круто спускающейся в тесный дворик, напоминающий глубокий, темный колодец.

— Это там, — сказала негритянка. — Спускайся! Внизу ты увидишь двор и открытую дверь в стене. Если

она еще закрыта, подожди. Твой сообщник не замешкается. Скажи ему, чтобы положил ключ в маленькое углубление в стене, справа от двери. Завтра я пошлю за ним Раминана. А теперь иди!

Анжелика начала спускаться, затем подняла голову, заставила себя сказать: «Спасибо» — и подумала, что за всю свою жизнь, пожалуй, не видела картины более удивительной, чем эти две женщины, стоящие бок о бок и глядящие, согнувшись, ей вслед: с одной стороны — белокурая англичанка, поднявшая над головой горящую масляную лампу, с другой — темнокожая негритянка, держащая за ошейник пантеру Альшади.

Анжелика спустилась во двор. Сюда свет лампы уже не доходил. Молодая женщина слегка споткнулась на последних ступеньках темной лестницы, но тут же увидела впереди подковообразный дверной проем, залитый ярким лунным светом. Значит, дверь уже открыта! Нормандец пришел раньше нее...

Анжелика нерешительно пошла к двери, и, когда ей оставалось сделать несколько последних шагов, ее вдруг охватила необъяснимая тревога. Она вполголоса позвала по-французски:

— Это вы?

В узком проеме появилась согнувшаяся человеческая фигура, Она заслонила собой свет луны, так что Анжелика не сразу смогла различить, кто входит во двор. Она узнала вошедшего лишь тогда, когда он выпрямился и в лунном луче заблестело золотое шитье на его высоком тюрбане.

Перед Анжеликой стоял великий евнух Осман Ферраджи.

— Куда ты идешь, Фирузэ? — спросил он своим обычным мелодичным голосом.

Потрясенная Анжелика прислонилась к стене. Если бы она могла вжаться в нее и исчезнуть! Ей казалось, что она вдруг очутилась в кошмарном сне.

— Куда ты идешь, Фирузэ?

Нет, это был не сон. Он действительно был здесь, перед нею. Силы покинули ее, и все ее тело, с головы до ног, задрожало.

— Зачем вы здесь? — проговорила она. — О, зачем вы здесь? Ведь вы же уехали...

— Я вернулся два дня назад, но не считал нужным распространять слух о своем возвращении.

Он дьявол, сущий дьявол, этот Осман Ферраджи! Сладкоречивый, безжалостный тигр... Теперь он стоял между нею и открытой дверью, за которой ее ждало спасение. Она в отчаянии заломила руки.

— Дайте мне убежать, — взмолилась она, задыхаясь. — О, дайте мне убежать, Осман-бей! Вы один можете это сделать, вы всемогущий! Дайте мне убежать!

На лице великого евнуха изобразилось такое возмущение, как если бы ее слова были святотатством.

— Из гарема, где распоряжаюсь я, НИКОГДА не сбегала ни одна женщина! — гневно сказал он.

— Тогда не смейте говорить, будто хотите меня спасти! — в ярости воскликнула Анжелика. — Не смейте говорить, что вы мой друг! Вы отлично знаете, что здесь меня ждет только смерть!

— Разве я не просил тебя довериться мне? Ах, Фирузэ, почему тебе всегда хочется идти наперекор судьбе?.. Слушай же, милая моя мятежница, я уезжал из Мекнеса вовсе не для того, чтобы проведать своих черепах, а для того, чтобы попытаться встретиться с твоим прежним хозяином.

— Моим прежним хозяином? — в недоумении переспросила Анжелика.

— Да, с Рескатором, с христианским пиратом, который купил тебя за тридцать пять тысяч пиастров.

У Анжелики вдруг все завертелось перед глазами. Ее снова, как это бывало и прежде, всякий раз, когда

она неожиданно слышала это имя, охватило непонятное, томительное чувство, в котором перемешались надежда и тоска, и она совсем растерялась.

— Мне удалось найти одно из его судов, которое в это время стояло на якоре в Агадире, и, когда капитан сказал мне, где он находится, мы с Рескатором обменялись посланиями с помощью голубиной почты. Сейчас он уже едет сюда... едет за тобой!

— Он едет за мной! — не веря своим ушам, повторила Анжелика. И тяжесть, камнем лежавшая на ее сердце, мало-помалу отошла. Он скоро приедет за ней...

Конечно, он был пират, но он был человек, близкий ей по духу. Тогда, в Кандии, она совсем не испытывала перед ним страха. И сейчас, пусть только он появится здесь, черный и худой, положит руку на ее поникшую от унижений и отчаяния голову — и тепло жизни тотчас возвратится к ней и вновь разольется по ее жилам. Она пойдет с ним и спросит: «Почему вы отдали за меня в Кандии тридцать пять тысяч пиастров? Неужели я показалась вам такой красивой, или же вы, как и Осман Ферраджи, тоже прочли среди звезд, что мы созданы, чтобы соединиться?..»

Что он ей ответит? В ее ушах снова зазвучал его хриплый, как бы сдавленный голос, от которого тогда, в Кандии, ее пробирала дрожь. Он был ей незнаком, но ей все равно виделось, как она будет плакать, прижавшись к его груди, когда он увезет ее далеко отсюда, далеко-далеко... КТО он? «Пришелец, явившийся из-за горизонта будущих веков и принесший с собой мудрость грядущего...» Он увезет ее с собой...

— Это невозможно. Осман-бей! Вы сошли с ума! Мулей Исмаил никогда на это не согласится! Он не из тех, кто легко выпускает из когтей свою добычу. Что

же, Рескатору опять придется выкупать меня за столько золота, сколько стоит корабль?

Великий евнух покачал головой. Его лицо вдруг озарилось улыбкой, и Анжелика вновь увидела в его глазах ту спокойную ясность духа и доброту, которые почудились ей в его взгляде, когда она встретила с ним в первый раз и приняла его за потомка евангельского волхва.

— Не терзайся больше никакими вопросами, госпожа Бирюза, — сказал он с глубокой радостью в голосе. — Знай только, что звезды не солгали. У Мулея Исмаила будет причина согласиться на требование Рескатора, будет, и притом не одна. Они знают друг друга и связаны множеством взаимных обязательств. Казна нашего государства не может обойтись без этого христианского пирата, который непрерывно пополняет ее деньгами в обмен на право плавать под флагом Марокко. Но это еще не все. Наш султан свято блюдет законы ислама, и ему не останется ничего иного, как смириться. Ибо такова воля Аллаха, Фирузэ. Слушай: этот человек, Рескатор, был прежде...

Осман Ферраджи вдруг умолк и словно бы икнул.

Жадно глядевшая ему в лицо Анжелика увидела, как глаза его расширились и наполнились тем же безмерным удивлением и ужасом, с какими он смотрел на нее однажды вечером на вершине башни Мазагреб.

Он еще раз икнул. И тотчас изо рта его на одежду Анжелики брызнула струя крови, и он рухнул ничком, широко раскинув руки и уткнувшись лицом в песок.

Сзади него стоял светловолосый, бородатый, одетый в лохмотья великан с зажатым в руке окровавленным кинжалом.

— Ну что, девочка, вы готовы? — спросил Колен Патюрель.

Глава 24

Смятенная Анжелика переступила через труп великого евнуха и вышла через дверь в стене, после чего нормандец тут же запер ее.

Мгновение они неподвижно постояли в тени стены. Перед ними расстилалось белое пространство площади. Колен Патюрель властно схватил свою спутницу за запястье и рывком увлек ее за собой, будто они оба бросались в воду. Несколько торопливых шагов и их снова укрыла черная тень. Они замерли в ожидании, но все было недвижно. Единственный караульный, который мог бы их заметить, разбился, упав на площадь со стены гарема.

Они вошли под свод ворот, и Анжелика споткнулась обо что-то мягкое — лежащего поперек дороги мертвеца. Это был еще один караульный, которого бежавший пленник заколол своим кинжалом, чтобы попасть за последнюю из охраняемых оград. Едва беглецы вышли за ворота, как в лицо им ударил тошнотворный смрад. У подножия дворцовой стены высилась огромная куча нечистот. Анжелика была вынуждена пройти по ней вслед за своим провожатым. Тот пробурчал:

— Это самое лучшее средство, чтобы замести следы... чтобы сбить со следа собак, если завтра их пустят за нами вдогонку.

Анжелика не требовала никаких объяснений. Решившись бежать, она заранее была согласна на все.

Колен Патюрель съехал вниз по скользкому от грязи желобу, но дну которого струился поток воды. По похвальному замыслу строителей этому потоку надлежало уносить с собой отбросы, однако такая задача была ему явно не под силу. Кромешный мрак не

давал разглядеть, из чего состоит зловонная куча, — и это было к лучшему. Беглецы с трудом, ощупью пробирались сквозь нестерпимо смердящую жижу. Анжелика то и дело скользила, оступалась и хваталась за лохмотья своего спутника, который тут же снова ставил ее на ноги. Когда его рука подхватывала ее, она казалась себе легкой, как соломинка. Она вспомнила, что о силе короля рабов рассказывали легенды. Некоторые женщины из гарема видели, как он голыми руками сломал шею быку, против которого Мулей Исмаил поставил его драться один на один.

— Кажется, это здесь, — прошептал нормандец.

Он вдруг исчез, и Анжелика осталась в темноте одна.

— Где вы? — вскрикнула она.

— Здесь, наверху. Протяните руку.

Анжелика подняла руку и почувствовала, как ее схватили, подняли в воздух и усадили на толстый сук дерева.

— Еще один недурной способ замести следы, правда, малышка? А теперь будьте осторожны!

Он выполнил какой-то сложный акробатический маневр, в котором Анжелике отводилась роль мешка, который поднимают вверх и перебрасывают через стену. Придя в себя, она обнаружила, что лежит в высокой прохладной траве, отделавшись легкими ушибами. Колен Патюрель спрыгнул вниз рядом с ней.

— Все в порядке, девочка?

— Да. Где мы?

— В садах Сиди Родани.

— Он ваш сообщник?

— Нет, скорее наоборот. Но я хорошо знаю это место. Я строил дом Родани. Вот те огни, что видны сквозь листву, — это фонари на его террасе. Если пройти через его сады, укорачиваешь путь, минуя добрую половину города.

К горлу Анжелики подступала тошнота от вони нечистот, которой пропиталась ее одежда. Она и Колен Патюрель крадучись пошли под оливами, посаженными вдоль стены сада. Внезапно со стороны дома раздался громкий лай собак. Нормандец остановился. Лай сделался еще яростней — собаки все больше возбуждались, чуя запах чужих. Густое сплетение ветвей мешало разглядеть людей, поднятых на ноги собаками и бегущих от домов к садовой стене, но между деревьями замелькали факелы и слышались голоса, перекликающиеся по-арабски.

— Кажется... кажется, они начали в саду облаву, — прошептала Анжелика.

— Этого следовало ожидать.

— Что же нам делать?

— Не бойтесь ничего, моя девочка.

Именно в это мгновение Анжелика поняла природу того необычайного влияния, которое нормандец Колен Патюрель в течение двенадцати лет имел среди тысяч пленников, попавших в мекнесское рабство из самых разных стран и сословий. Его голос! Этот голос с чуть грубоватым выговором, звучащий так убедительно и неторопливо, никогда не выражал ни малейшего страха и с абсолютной точностью отражал суть его натуры. Колену Патюрелю была неведома паника, неведомо то крайнее внутреннее волнение, от которого вдруг начинает сосать под ложечкой и мучительно напрягаются нервы.

Ему не было надобности брать себя в руки. Он не умел дрожать от страха, сердце в его широкой груди всегда билось одинаково ровно, и кровь в жилах лишь очень редко убыстряла свой бег. И это исключительное физическое бесстрашие в сочетании с душой скромной и мужественной приводило в замешательство даже самое смерть. Рядом с Коленом Патюрелем в голову

само собой приходило сравнение с несокрушимой гранитной скалой.

Однако сейчас положение казалось безнадежным. Во главе погони по аллеям бежали двое слуг, держа на поводках крупных черных псов, которые первыми подняли тревогу. За ними следовал сам хозяин дома и многочисленная челядь с факелами, Собаки направлялись напрямик к тому месту, где стояли беглецы.

Голоса все приближались, слышалось даже потрескивание горящих смоляных факелов. Их яркий, окруженный роями искр свет уже пронизывал листву окружающих деревьев.

— Мы погибли! — выдохнула Анжелика.

— Не бойтесь ничего, моя девочка. Закройте лицо чадрой и, кто бы ни подошел, не говорите ни слова. Повинуйтесь мне и ни о чем не спрашивайте.

Он очень нежно и властно поднял ее на руки и уложил на мох. Его огромное тело полностью заслонило от нее слепящий свет факелов, и ошеломляющее чувство, которое она испытала, когда ее придавила эта мускулистая грудь, когда ее лица коснулось его бородатое лицо, не оставило в ее душе места для каких-либо других чувств и мыслей. Колен Патюрель стиснул ее в своих объятиях. Она была как маленькая птичка в его могучих, жилистых руках, птичка, которую он мог бы легко задушить, лишь чуть-чуть сильнее сдавив ее. Она, задыхаясь, откинула голову назад, чтобы глотнуть воздуха, и не смогла сдержать слабого стона.

Над ними слышалась громкая арабская речь. Хозяин ругался, слуги отпускали шутки. Хозяин принялся пинать Колена Патюреля ногами. Тот, наконец, соизволил слегка приподняться с притворно лукавым выражением на лице.

— Ох, Жозеф Гайяр, — воскликнул он по-французски, — будь снисходителен к бедным любовникам! Господь свидетель — у меня в отличие от тебя нет десяти жен.

Сиди Родани, француз, откликнувшийся прежде на имя Жозеф Гайяр, а теперь ставший ренегатом и заведующий у султана военными складами, багровея от ярости, простер к пленнику гневно сотрясающий кулак.

— Ах ты, грязный, блудливый христианин! Я тебя отучу заниматься развратом в моих садах! Когда же наконец тебя покарают за твою невероятную наглость, Колен Патюрель?! Ты забываешь, что ты раб, что ты...

— Да брось ты, я такой же мужчина, как и все прочие, и так же, как и ты, француз, — добродушно сказал нормандец, — брось, друг, не станешь же ты устраивать неприятности бедному рабу за то, что ему удалось-таки подцепить и положить себе на зубок девчонку уж не знаю какого цвета?

— Я завтра же пожалуюсь на тебя султану.

— Тебе, стало быть, очень хочется, чтобы охраняющим меня стражам поотрубали головы? Мне султан велит дать самое большее двадцать палок. Он меня знает. Он мне дает некоторые поблажки в этих делах, и иной раз, когда рабы благодаря моим стараниям поработают для него особенно хорошо, он в виде награды посылает мне какую-нибудь мавританочку из тех, которыми сам погнушался. По моему, в таких случаях мне ни к чему привередничать — или ты со мной не согласен?

— Но почему в моем саду? — не унимался оскорбленный Сиди Родани.

— Трава у тебя мягкая, и к тому же тут товарищи меня не видят и не завидуют.

Ренегат пожал плечами.

— Ну, ты скажешь — товарищи! Ни за что не поверю, что этих изголодавшихся и изработавшихся

рабов все еще тянет к женщинам! Это только тебя, неугомонного, ничего не берет, и ты все никак не уймешься.

— Тут ты прав, приятель. Когда мне еще шел шестнадцатый год, кюре моей деревни уже говаривал: «Колен, сын мой, женолюбие доведет тебя до беды!» Кстати, Гайяр, а ты помнишь, как славно мы погуляли с девками, когда стояли в порту в Кадисе и ты еще...

— Не помню, ничего не помню! — завопил ренегат.
— А ну, убирайся отсюда, и побыстрее! Подумать только — в МОИХ садах! А как ты сюда вошел?

— Через калитку в дальней стене. Я знаю ее замок — сам его вставлял.

— У, разбойник! Я завтра же велю его заменить.

Под градом палочных ударов Колен Патюрель и Анжелика были препровождены к калитке в дальней стене сада. Она оказалась заперта, однако слуги, раздосадованные происшествием, которое бросало тень на их бдительность и усердие, не стали доискиваться до разгадки сей тайны, Они просто открыли калитку и вытолкали раба и его подружку наружу.

На улице было темно. Колен Патюрель шел впереди, Анжелика — сзади, отстав на несколько шагов. Хаотичное переплетение узких улочек напоминало ей тот лабиринт, в котором она плутала в Алжире. Ее провожатый шагал уверенно, но темным переулкам, казалось, не было конца.

— Когда же мы, наконец, выйдем из города? — пробормотала Анжелика.

— Мы не станем из него выходить, — последовал ответ. Нормандец остановился и постучал в дверь, расположенную подле окна с ярко-красной решеткой, освещенного фонарем. Человек за дверью перекинулся с беглецом несколькими словами через потайное оконце в двери, затем открыл ее. На нем был длинный

кафтан, какой носят евреи, а из-под черной ермолки на Анжелику смотрели продолговатые бархатные глаза.

— Это Самуил Майморан, зять старого Савари, — представил его Колен Патюрель. — Мы находимся сейчас в «меллахе» — еврейском квартале. Здесь мы в безопасности.

Остальные беглецы уже ждали в соседней комнате. При свете венецианских ламп, цвет абажуров которых еще более усугублял неприглядность их испитых, землистых, обросших бородами лиц, венецианец Пиччинио, маркиз де Кермёр, Франси-арлезианец, Жан д'Арростеги, старик Калознс и Жан-Жан-парижанин показались Анжелике похожими на самое последнее отребье рода человеческого. Она даже не сразу взяла в толк, что они говорят по-французски. Она стояла, бессильно прислонясь к двери, пока нормандец рассказывал своим товарищам об их приключениях. Когда он поведал им о случае в садах Сиди Родани, они покатались со смеху.

— Можно представить себе их рожи, когда до них, наконец, дойдет, что так ты уводил признанную фаворитку Мулея Исмаила... Ну, Колен-развратник, теперь ты можешь сколько угодно жаловаться, что тебе, бедному, всегда достаются одни отбросы!..

Их веселые лица обратились к Анжелике и тотчас помрачнели. Жан-Жан присвистнул:

— Фью! Похоже, дело не обошлось без драки? Кажется, девушка ранена?

— Нет, — сказал Колен Патюрель. — Это кровь того здоровенного черного дьявола, которого я пырнул сзади.

Анжелика, опустив глаза, посмотрела на свою одежду и увидела, что она испачкана кровью и грязью.

Вошла молодая еврейка с прекрасным открытым лицом, обрамленным свисающими с ее головного убора украшениями. Она взяла Анжелику за руку и отвела ее в

соседнюю комнату, где стояла лохань с горячей водой. От воды поднимался пар. Анжелика начала раздеваться. Еврейка хотела ей помочь, но она отказалась. Ею владела смертельная усталость. Она вдруг с силой прижала к груди ком своей грязной одежды и снова, как наяву, увидела распостертое на земле безжизненное тело черного волхва.

«Не терзайся больше никакими вопросами, госпожа Бирюза. Знай только, что звезды не солгали...»

Теперь Анжелика уже не могла сдержаться, Она заплакала навзрыд, и ее слезы неудержимо текли и текли, пока она смывала со своей чадры кровь великого евнуха Османа Ферраджи.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
ПОБЕГ

Глава 1

Замысел Колена Патюреля отличался беспримерной дерзостью, За всю историю побегов никто не помнил столь хитроумного и рискованного предприятия. Пока стражники Мулея Исмаила будут гнаться за ними по дорогам, ведущим на север и на запад, беглецы будут прятаться в нескольких шагах от своих прежних мучителей, в сердце еврейского квартала. А через три дня они отправятся на юг.

Положение преследуемых меньшинств сближало мекнесских евреев и пленников-христиан. Связующим звеном между ними стал Савари. Старый аптекарь сумел совместить денежные интересы евреев и христиан, объединить их стремления и завоевать самую искреннюю и нерушимую преданность обеих сторон. Он свел вместе казначея рабов Пиччинио-венецианца и отца своего зятя Захарию Майморана, который был у Мулея Исмаила в такой милости, что султан совещался с ним каждый день. Майморан финансировал и обеспечивал припасами все походы Мулея Исмаила. Неосмотрительный по натуре араб, подверженный приступам безудержной щедрости, не мог прожить без денежной помощи ростовщиков и менял. Мусульманский город не выжил бы без этого выросшего в нем чужеродного тела — меллаха, еврейского квартала, откуда всякий раз, когда жителям грозили голод и разорение, поступали деньги и съестные припасы. Так, удивительным образом, в одних и тех же городских стенах уживались саранча и муравьи.

Араб знал, что ему принадлежит весь мир. Он знал, что, когда его сундуки опустеют, он наполнит их вновь с помощью завоеваний и грабежа. Еврей же мог уповать лишь на собственную бережливость и, живя в

постоянном предчувствии дурных времен, старался предусмотреть все, что только возможно. Сведениям, которые африканцы черпали из своей простой меновой торговли, непрестанно путешествующий купец-еврей противопоставлял знание цен на всех биржах и рынках мира. Эти два мира, силой необходимости спаянные воедино, но вечно противостоящие друг другу, находились в состоянии конфликта, борьбы за долю власти, борьбы подспудной, яростной и неизбежной. Драма шла к развязке. В конце концов, все взрывалось. Мусульмане с саблями в руках врывались в еврейский квартал. Сила меча торжествовала над силой денег... а затем все шло по новому кругу.

Для еврея было небезопасно находиться после наступления темноты в арабских кварталах. Мусульманину тоже было лучше не задерживаться вечером в мекнесском меллахе.

Укрывшиеся здесь семеро христиан чувствовали себя под защитой стен, которые многие столетия взаимной ненависти и противоборства пропитали таким ядом, что они сделались непроницаемыми. Мекнесские евреи сумели добиться сейчас того, что им удавалось не чаще одного или двух раз за жизнь поколения, — у них оказались сосредоточены самые крупные состояния в городе, и Мулей Исмаил был привязан к ним множеством разнообразных денежных обязательств. В своей гордыне они считали, что могут теперь позволить себе все — даже дать приют беглым рабам султана. И сознанием этого втайне наслаждался Захария Майморан, когда, являясь во дворец и падая ниц перед Мулеем Исмаилом, слушал, как тот с пеной у рта, в бешеной ярости кричит о бегстве Колена Патюреля и его товарищей. Но он, Мулей Исмаил, уже послал своих стражников в погоню во все стороны. Беглецов приведут обратно в цепях, и он велит подвергнуть их

жесточайшим казням. Захария Майморан гладил свою длинную бороду, покачивал головой и говорил:

— Ты хорошо сделаешь, государь! Я понимаю твой праведный гнев.

Мулей Исмаил обладал взглядом пронизательным, почти вещим, но он знал, что ему никогда не проникнуть в мысли этого еврея, который снабжал деньгами еще его отца, Мулея Арши. Это сознание было ему тягостно и поселяло в его буйной душе подавленный гнев, зародыш будущей трагедии. «Когда-нибудь!.. — мысленно обещал он себе, глядя на глухие стены меллаха. — Когда-нибудь!..»

В доме сына Захарии, Самуила, три дня текли медленно и тяжело. Вечером второго дня на улочке поднялась суматоха. Мимо ехали всадники; лошади цокали подковами и брыкались, ударяясь боками о слишком тесно стоящие стены домов. Жена Самуила Рахиль встала, чтобы взглянуть в свое забранное красной решеткой окно, и прошептала, мешая французские и арабские слова:

— Это два султанских стражника, негры. Они едут к Иакову и Аарону Лейонам, засольщикам голов.

Стражники явились к этим усердным ремесленникам, дабы предупредить их, чтобы они готовили большие бочки с рассолом. Султан, разгневанный побегом рабов, собственноручно обезглавил более двух десятков своих стражников и остановился лишь тогда, когда в его руке не осталось больше силы. Эти отрубленные головы будут выставлены на всеобщее обозрение на перекрестках после того, как Иаков, или Аарон, или какой-нибудь другой еврейский ремесленник хорошенько просолит их. Такое низкое занятие, как засолка, было возложено на евреев, поскольку слово «меллах» произошло от арабского «милх», что означает «соль».

Затем пришел сосед и шепотом рассказал последние новости. Солдаты, кинувшиеся в погоню за беглецами, все еще не вернулись. Легко себе представить, как они будут трястись от страха, возвращаясь с пустыми руками. Между прочим, судя по всему, слух о бегстве из гарема наложницы и об убийстве великого евнуха еще не распространился. Когда он, наконец, распространится, до каких же пределов дойдет гнев султана!.. Сколько работы будет у Иакова и Аарона Лейонов...

Анжелика ждала, сидя среди нарядных евреек, яркостью и богатством своих уборов напоминающих раки для святых мощей. На них сверкали украшения из червонного золота и драгоценных камней, переливался атлас светло-зеленых, красных, оранжевых и лимонно-желтых платьев, колыхались яркие полосатые покрывала, и среди всего этого великолепия даже их черные глаза и янтарная кожа, казалось, тоже сияли блеском довольства и богатства. Рядом с евреями-мужчинами, похожими в своих длинных черных лапсердаках на худых черных котов, именно женщины олицетворяли пышность и роскошь, женщины и их дети, необыкновенно красивые и смышленные и тоже разодетые в яркие цвета. Сара, мать, Руфь и Агарь, ее дочери, невестка Рахиль, маленькие Иоас, Иешуа и прелестная, как куколка, малютка Авигея.

Они делили с Анжеликой свой пресный хлеб — мацу, рис, приправленный шафраном, португальскую треску и соленые огурцы. Но сейчас Анжелика не прикасалась ни к огурцам, ни к треске. Ее внимание было приковано к доносящимся с улицы возгласам и скрипу повозки, на которой везли солить головы...

— Поберегись! Поберегись! Быстрее!

Стражникам и самим не хотелось задерживаться в меллахе. Наконец они удалились. Но завтра они приедут снова и привезут с собой новые отрубленные

головы... Рахиль успокаивающим жестом положила свою руку на руку Анжелики и улыбнулась ей. «Почему эти мужчины и женщины пошли из-за нас на такой риск?» — подумала Анжелика. Ибо меч, подвешенный над головами беглецов, висел теперь и над головой каждого еврея: и над черной ермолкой мирного ювелира Самуила, и над кудрявой головкой двухлетней малышки Авигеи, которая безмятежно спала сейчас на коленях своей матери, сверкая золотыми дисками сережек, ласково касающимися ее круглых детских щек.

— Все идет хорошо, — в который раз повторила Рахиль. Это были почти единственные французские слова, которые она знала. И когда она их произносила, зажигающиеся в ее глазах веселые огоньки и лукавая улыбка напоминали Анжелике, что эта чужеземка — дочь старого Савари.

Сказать по правде, у нее не было времени, чтобы должным образом оплакать своего друга Савари. Иногда она даже ловила себя на мысли, что по-прежнему его ждет. Она не могла себе представить, как вновь окажется в пути, а рядом не будет его, быстрого, неутомимого, всегда готового дать совет и почуять в запахе чужого ветра «аромат удачных путешествий».

— Будь проклят Мулей Исмаил! — воскликнула она.

— Будь проклят! Будь проклят! Да будет сто раз проклят Мулей Исмаил! — повторили за ней еврейки и начали шепотом читать молитвы.

Вечером следующего дня в дом Самуила Майморана явился Эспри Кавайяк. Вместе с ним пришел еще один пленник, мальтийский рыцарь Рено де Мармонден. Весь Мекнес объят тревогой, рассказали они. По городу уже разнесся слух о невероятном скандале — из гарема султана убежала пленница. В «потайном дворе» нашли тело убитого великого внуха. Что говорил, что делал

теперь Мулей Исмаил? Обессиленный и подавленный, он лежал ничком на полу и повторял:

— У меня было всего лишь два друга, близких моему сердцу: Осман Ферраджи и Колен-нормандец — и я в один и тот же день потерял их обоих!

О женщине он не упоминал — против этого восставала его арабская стыдливость. Но никто не сомневался, что, когда боль от удара забушует в нем в полную силу, последствия будут ужасны. Какие дикие выходки, какая кровавая бойня смогут утолить отчаяние в его странном сердце?..

— Нам надо переждать здесь еще один день, — сказал Колен Патюрель.

У остальных беглецов от этих слов выступил на лбу пот. Они не могли больше сидеть и ждать в тиши меллаха — ждать столько долгих часов! Если они останутся здесь еще на день, Мулей Исмаил почует их сквозь стены.

— Всего один день, — тем же спокойным голосом сказал нормандец.

И в душах беглецов вновь воцарились спокойствие и уверенность. Сила Колена Патюреля не даст султану почувствовать их присутствие в городе. Необыкновенное хладнокровие и выдержка Захарии Майморана тоже будут сбивать со следа кровавого пса. Сейчас он искал их на дорогах, ведущих в сторону Мазаграна, и слал к шейхам тамошних селений гонцов с угрозами, что, если беглецы вскоре не будут доставлены в Мекнес, нерадивые шейхи заплатят за это своими головами.

Затем Анжелика долго слушала, как король рабов беседует с мальтийским рыцарем господином де Мармонденом. Мальтийский рыцарь — на вид ему можно было дать лет пятьдесят — должен был после побега Колена Патюреля продолжить дело, начатое нормандцем. Отныне его обязанностью будет

поддерживать порядок среди пленников-христиан, вершить правосудие и разрешать спорные вопросы.

— На такого-то можешь смело положиться, а такому-то не доверяй, — говорил Колен Патюрель. — И никогда не оставляй рядом католиков и православных...

Затем Кавайяк и господин де Мармонден ушли, чтобы возвратиться в квартал рабов. Они сумели получить какое-то задание в еврейском квартале, однако их чересчур долгое отсутствие могло вызвать подозрения. Они обещали вновь прийти в день отъезда беглецов из города, чтобы сообщить им последние новости.

Прошел еще один день. На следующее утро, когда Анжелика была в женской комнате одна, к ней подошел один из ее будущих спутников, маркиз де Кермёр, и попросил налить ему в чашку кипятку, желая воспользоваться вынужденным бездействием, чтобы побриться. За шесть лет плена он лишь очень редко мог позволить себе такую роскошь, и при этом вместо бритвы ему приходилось пользоваться осколком бутылки.

— Как же вам повезло, милое дитя, что вы не знаете подобных забот! — сказал он, слегка коснувшись пальцами щеки Анжелики. — Господи, какая у вас нежная кожа!

Анжелика попросила его держать свою чашку обеими руками, чтобы, чего доброго, не обвариться, когда она будет наливать в нее кипяток. Бретонский дворянин созерцал молодую женщину с живейшим интересом.

— Какое наслаждение видеть, наконец, личико француженки, и притом прехорошенькой! — воскликнул он. — Ах, моя красавица, до чего же мне жаль, что я вынужден предстать перед вами в столь плачевном виде! Но погодите — как только мы прибудем в Париж,

я тут же закажу себе пару красных атласных рингравов, которые так часто снятся мне, бедному, нищему пленнику.

Анжелика расхохоталась.

— Наши модники уже давным-давно не носят рингравов, сударь.

— В самом деле? А что сейчас в моде?

— Короткие облегающие штаны, стянутые пряжками чуть повыше колен, и камзол такой же длины с очень пышными фалдами.

— Опишите мне все это поподробнее, — попросил маркиз, присаживаясь на подушки рядом с Анжеликой. Она охотно поделилась с ним кое-какими подробностями» думая, что в парике он, пожалуй, был бы немного похож на герцога де Лозена... Лозена, одетого в рубаху каторжника и со спиной, которая не раз имела случай спознаться с палками мавританских надсмотрщиков.

— Дайте мне вашу руку, моя милая, — сказал вдруг де Кермёр. Она протянула ему руку, и он ее поцеловал. Когда он вновь посмотрел на Анжелику, его взгляд был полон изумления.

— Да вы же бывали при дворе, в этом не может быть никаких сомнений! — вскричал он. — Нужно тысячу раз протянуть руку для поцелуя в Большой галерее Версаля, чтобы научиться проделывать этот жест с такой изящной непринужденностью. Более того, я готов держать пари, что вы были представлены королю. Скажите, я прав?

— Ах, сударь, какое это имеет значение?

— Таинственная красавица, скажите мне, как ваше имя? Какой странный случай принес вас в руки берберийских пиратов?

— А вас, сударь?

— Маркиз!

Голос Колена Патюреля оборвал их беседу. Гигант-нормандец стоял на пороге, и его пронзительные голубые глаза под густыми бровями зорко вглядывались в царящий в женском покое полумрак.

Кермёр отвечал:

— Я вас слушаю, ваше величество.

В этом обращении не было иронии. Пленники-христиане привыкли именно так именовать человека, которому в течение многих лет удавалось поддерживать строгий порядок в их жестоком и разношерстном мире. Те, кто им восхищался, произносили слова «ваше величество» с любовью, те, кто его боялся, — с оттенком страха, но для слуха всех этот титул звучал привычно. Пленники нуждались в человеке, который бы управлял ими и поддерживал их, и Бог свидетель — Колен Патюрель смело отстаивал интересы своих братьев-христиан. Он добился для них учреждения лазарета, где хирурги лечили заболевших, улучшения питания, выдачи им вина, водки и табака, разрешения не работать в дни четырех главных христианских праздников и, наконец, — приезда в Мекнес отцов-выкупателей. Правда, последнее начинание частично потерпело неудачу, однако оно все же открыло дверь для новых переговоров в будущем. Маркиз де Кермёр искренне восхищался Коленом Патюрелем и подчинялся его приказам с величайшим удовольствием, так как, по его мнению, Патюрель был по-настоящему умным начальником, каковые отнюдь не всегда командовали маркизом во время его карьеры офицера французского военно-морского флота. Когда Кермёр попал в плен, он был двадцатидвухлетним лейтенантом, а в Мекнесе стал «служить» у короля рабов личным телохранителем. Этот дворянин-бретёр владел шпагой и рапирой как никто другой из мекнесских невольников, и нормандец добился для него позволения поверх рубища раба носить шпагу. Узнав,

что его командир задумал в третий раз попытаться бежать, маркиз решил бежать вместе с ним. Иными словами, Колен-нормандец отбивал из Мекнеса со всем своим «штабом». Сейчас он обернулся назад и позвал из соседней комнаты своих «офицеров».

— Товарищи, идите все сюда!

Пленники вошли и выстроились перед своим предводителем. Кермёр тоже встал в их ряд.

— Друзья, завтра мы тронемся в путь. Последние указания я вам дам немного позже, но прежде мне хотелось бы сказать вам вот что. Нас будет восемь: семь мужчин... и одна женщина. Скорее всего, эта женщина будет нам помехой в пути, но надо признать, что она заслужила, чтобы мы помогли ей вернуть себе свободу. Однако помните, что мы должны быть очень осторожны и что для благополучного возвращения на родину нам нужно держаться плечом к плечу. Нас неминуемо ждут голод, жажда, усталость, раскаленное солнце пустыни и страх... Пусть же ко всему этому не добавится еще и взаимная ненависть... Ненависть, возникающая порой между теми, кого нужда заставляет жить вместе и кто вожделеет к одному и тому же предмету... Я думаю, вы поняли, что я хочу сказать... Ничего этого между нами быть не должно, друзья, иначе мы все пропадем! Эта женщина, — и он показал пальцем на Анжелику, — не будет принадлежать ни одному из нас, она ничья... Она рискует жизнью точно так же, как и все мы. В наших глазах она не женщина, она — наш товарищ. Первого же, кто начнет распускать хвост и попытается за ней приударить или окажет ей неуважение, я накажу — и вы хорошо знаете как. — Он поднял два тяжелых кулака. — А если он и после этого не уймется, мы будем судить его по нашим законам, и он пойдет на корм лысым стервятникам пустыни...

«Как хорошо он говорит, и как он суров», — подумала Анжелика. Она столько раз наблюдала за

Коленом Патюрелем из своей бойницы, что знала его гораздо лучше, чем он ее. Он был ей хорошо знаком, но, видя его вблизи, она чувствовала, что у нее по спине пробегают мурашки, и ей было страшно глядеть на следы истязаний на его теле: на глубокие, темные борозды от ожогов, на израненные кандалами лодыжки и на те шрамы, которые отчего-то особенно трогали ее сердце, — шрамы на ладонях и тыльной стороне его рук, разорванных гвоздями, когда он был прибит к Новым воротам. Ему не исполнилось еще сорока лет, но виски у него уже были седые — единственное свидетельство слабости этого человека, чей характер и сложение, казалось, не уступали по крепости гранитной скале.

— Вы согласны? — спросил он, дав своим товарищам несколько секунд на размышление.

— Согласны, — ответили они хором. Маркиз, однако, поставил одно условие:

— Только до тех пор, пока мы не вернемся в христианские земли.

— Само собой, проказник ты этакий! — весело воскликнул Колен, хлопнув своего телохранителя по плечу. — Там каждый уже будет за себя, и да здравствует свобода, все свободы! Эх, друзья мои, как же мы тогда погуляем!

— Я буду есть целых три дня! — выкатив глаза, сказал Жан-Жан.

Мужчины вышли, поверяя друг другу, чем каждый будет заниматься в первый час после того, как они окажутся за стенами португальской крепости Мазагран или испанской Сеуты.

Колен Патюрель остался в комнате вместе с Анжеликой.

— Вы поняли, что я сказал? Вы тоже согласны?

— Конечно. Я очень благодарна вам, сударь.

— Я говорил об этом не только ради вас, но и ради нас, мужчин. Если во время такого путешествия, как наше, между нами начнется раздор, это будет катастрофа. А кто держит в руке яблоко раздора, с тех пор как стоит мир?.. Женщина! Как говаривал мой кюре в Сен-Валери-ан-Ко: «Женщина — огонь, мужчина пакля, а дьяволу остается только подуть». Я поначалу не соглашался взять вас с собой. Мы взяли вас из-за старого Савари. Евреи ни за какие деньги не соглашались помочь нам, если с нами не будет вас. Они не сразу открываются, но если примут кого-нибудь в свой круг, то считают его за своего. Так было и со старым Савари — его они считали своим. Он хотел во что бы то ни стало выволить вас из гарема, и мы должны выполнить его последнюю волю, Я рад, что вы теперь с нами. Старик Савари мне очень нравился... человек он был замечательный. А сколько он всего знал!.. В сто, нет, в тысячу раз больше, чем все мы, вместе взятые! Итак, мы берем вас с собой. Но я должен попросить вас, чтобы вы, так сказать, держались на своем месте. Вы женщина, и женщина не без опыта — это видно по тому, как вы ведете себя с мужчинами. Ну так вот, не забывайте, что мужчины, которые будут сопровождать вас в пути, многие годы были почти полностью лишены женского общества. Не стоит им слишком скоро напоминать о том, чего им не доставало. А потому держитесь на привалах в своем углу и закрывайте лицо чадрой, как мавританские женщины. Эта мода не столь уже нелепа... Вы меня поняли?

Анжелика чувствовала, как в ней поднимается раздражение. Она осознавала, что нормандец прав, но манера, в которой он остерегал ее, была ей неприятна. Неужели он воображает, что она находит привлекательными этих косматых, бородатых христиан, землисто-бледных и смердящих? Да она не пожелала бы ни одного из них ни за какие сокровища! Раз ее

просят держаться от них подальше, она сделает это с удовольствием. И она не без иронии сказала:

— Да, ваше величество.

Нормандец сощурился.

— Теперь уже нет надобности так называть меня, девочка. Я сложил с себя корону и передал ее рыцарю де Мармондену. Отныне я просто Колен Патюрель из Сен-Валери-ан-Ко. А как зовут вас?

— Анжелика.

Бородатое лицо предводителя рабов осветила улыбка, и он внимательно посмотрел на свою собеседницу.

— Да ну? Это ведь означает «ангельски праведная»! Вот такой и оставайтесь!

Вечером к беглецам вновь явился рыцарь де Мармонден.

— Думаю, что сейчас самое благоприятное время для выезда из города, — сказал он. — Поступило сообщение, будто на дороге в Санта-Крус^[54] заметили беглецов-христиан — по-видимому, маврам это померещилось. Теперь все внимание обращено туда. Вам пора выезжать.

Колен Патюрель взъерошил рукой свою светлую, спутанную шевелюру, и его грубо высеченные черты исказило внезапное смятение.

— Я вдруг начал сомневаться... Могу ли я... Ох, господин рыцарь, когда я думаю обо всех этих несчастных, которые остаются здесь, в рабстве, и которых я покидаю...

— Не упрекай себя ни в чем, брат мой, — сказал рыцарь де Мармонден. — Тебе нужно бежать — иначе тебя ждет скорая смерть и твои товарищи все равно тебя лишатся.

— Когда я вернусь в христианскую землю. — сказал Колен Патюрель. — я сообщу о твоей участи

мальтийским рыцарям, чтобы они попробовали тебя выкупить.

— Этого не нужно.

— Что ты говоришь?

— Я не хочу покидать Мекнес. Я монах и священник, и я знаю, что мое место здесь, в плену у неверных.

— Ты кончишь жизнь на колу.

— Может быть. Но членов нашего ордена учат, что единственная достойная рыцаря смерть — это мученичество. А теперь прощай, мой милый брат...

— Прощай, господин рыцарь.

Двое мужчин крепко обнялись. Затем Рено де Мармонден так же обнял остальных пленников, отправляющихся в тяжелый и опасный путь. Обнимая каждого, он произносил его имя, точно желая запечатлеть его в своем сердце.

— Пиччинио-венецианец, Жан-Жан-парижанин, Франси-арлезианец, маркиз де Кермёр, Калознс-фламандец, Жан д'Арростеги, баск.

Подойдя к Анжелике, он без слов поклонился. Закончив прощаться, пленники молча вышли на темную улицу Мекнеса.

Глава 2

Беглецы-христиане закрыли нижнюю часть лица полами своих бурнусов. Они оделись в арабское платье, а лица выбрили и, чтобы сделать их смуглыми, как у местных жителей, вымазали снадобьем из зеленой кожуры грецкого ореха. Рыжий Жан-Жан-парижанин был исключением — он надел длиннополый еврейский лапсердак и ермолку. Анжелика, закутанная в приличествующее арабке число покрывал и чадру, наглухо закрывающую все, кроме глаз, мысленно благословляла нетерпимую ревность мавров, которая позволяла ей так хорошо замаскировать свою внешность. — И старайтесь как можно больше держать глаза опущенными, — посоветовал ей Колен Патюрель. — Как-никак, мавританки с такими глазами, как у вас, на городских улицах не встречаются!

Он не сказал ей, что Мулей Исмаил послал отдельный отряд на поиски «женщины с зелеными глазами». Для него самого его голубые глаза, гигантский рост и чересчур широкие плечи тоже были немалой помехой. В Марокко часто поминали, что из всех жителей страны только двое имеют рост в шесть футов одиннадцать дюймов: великий евнух Осман Ферраджи и король рабов Колен Патюрель.

Поэтому нормандец решил ехать под видом купца, обладающего кое-каким достатком и могущего путешествовать не пешком, а верхом на верблюде. За ним на муле ехала его жена — Анжелика. Другие беглецы, изображающие слуг, и Жан-Жан-парижанин, играющий роль приказчика-еврея, шли пешком, вооруженные дротиками, луками и стрелами, составлявшими обычный арсенал маленького торгового каравана, поскольку мушкеты в Марокко были

редкостью и предназначались только для армии султана.

В густой темноте, освещенной лишь светом фонаря, каждый из пленников занял свое место. Майморан шепотом давал им последние наставления. Неподалеку от Феса, у вади Себон, их будет ждать его брат, раввин. Он даст им отдохнуть в своем доме в Фесе и предоставит надежного проводника, который дойдет с ними до Ксауэна, где их передадут на попечение другого метадора. Тот занимается торговлей и по своим торговым делам может часто ездить в Сеуту. Он проведет беглецов через лагерь мавров, осаждающих этот испанский город, спрячет их среди прибрежных скал и, въехав в городские ворота, предупредит о них губернатора, который пришлет за ними шлюпки или отряд солдат. Майморан советовал беглецам следить за своим поведением, не забывать о необходимости совершать по двадцать земных поклонов, обратив лица к Мекке, и — прежде всего — когда им придется справлять малую нужду, не мочиться стоя, потому что одного этого будет достаточно, чтобы их заметили издалека и опознали в них христиан.

Все это были детали, но для успеха побега они имели огромное значение. К счастью, все беглецы в совершенстве владели арабским и хорошо знали местные обычаи. Анжелике, как мавританской жене, надлежало делать только одно — всегда молчать.

Верблюд широким шагом двинулся по тесным тоннелям улиц. Безмолвие было так же глубоко, как парящий вокруг ночной мрак.

«Если бы ночь могла длиться вечно!» — думала Анжелика.

Прохладный ветерок донес до них едкий запах дыма. Анжелика разглядела сквозь тьму, что глухие стены меллаха исчезли, уступив место хижинам, построенным из бамбука и тростника. Их двери были

открыты, и внутри, словно сверкающие красные цветы, виднелись огни маленьких очагов, дым от которых выходил через отверстия в сухих пальмовых листьях, покрывающих крыши хижин. Вокруг очагов сидели на корточках люди. Очень скоро вслед беглецам начали лаять собаки. Сбежавшие пленники знали, что сейчас они проезжают среди двух или трех тысяч хижин, в которых живут черные гвардейцы султана и которые составляют своего рода предместье возле ворот меллаха.

Послышались негромкие хриплые голоса, и к маленькому каравану приблизились неясные силуэты. Хотя здесь не было никаких фонарей, негры легко ориентировались в темноте. Жан-Жан-парижанин объяснил, что его хозяин Си Мухаммед Рашид, торговец из Феса, возвращается домой, путешествуя ночью, чтобы избежать дневной жары. Славный тощий писец рабов сумел так точно скопировать даже особый акцент, с которым евреи говорили по-арабски, что у стражников не возникло ни малейших подозрений. Верблюд шагал с приводящей в отчаяние неторопливостью, со всех сторон лаяли собаки. Хижины, хижины, когда же они кончатся? Резкий запах горящего кизяка и разогреваемой в масле сушеной рыбы...

Наконец эта первая опасность осталась позади, беглецы вступили на хорошо утопанную дорогу и двигались по ней до самого конца ночи. Занялась заря, и Анжелика со сжавшимся сердцем увидела, что небо светлеет, восхитительно отливая то бледно-зеленым, то розовым — точь-в-точь как перламутр. Караван шел сейчас среди растущих там и сям олив, но было похоже, что дальше дорога ведет в пустыню.

За поворотом показались хижина и загон для скота. Анжелика не смела задать своим спутникам ни единого вопроса. Ее тревога еще более усилилась оттого, что

она не знала, где сейчас находится, и не представляла себе ни откуда грозит опасность, ни каковы шансы на успех. По натуре деятельная, она нервничала из-за того, что превращена в бессловесный мешок, перевозимый на муле. Если их ждет неудача или смерть, она хотела по крайней мере знать, в каком они придут обличье! Далеко ли до Феса, где еврей даст им проводника?.. Караван продолжал идти вперед. Господи, разве Колен Патюрель не видит, что впереди хижина? Когда из нее вышел араб, Анжелика с огромным трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть.

Но араб спокойно подошел к каравану. Нормандец заставил верблюда встать на колени и сошел с него на землю.

— Слезайте, деточка, — сказал Анжелике старый Калознс. Она слезла со своего мула. Все беглецы погрузили на себя мешки со съестными припасами. Мешок Анжелики был такой же большой, как и у остальных. Маркиз де Кермёр не смог удержаться и запротестовал, все еще прикрывая рот полой бурнуса.

— Взвалить такую тяжесть на плечи слабой женщины!.. Вы удивляете меня, ваше величество.

— А ты мне назови, что может показаться мусульманину более подозрительным, чем женщина, спокойно идущая с пустыми руками следом за воинами, каждый из которых нагружен, как осел? — возразил Колен Патюрель. — Мы не можем позволить себе совершить такую глупость. Нас все еще могут заметить и опознать. — Он сам уложил на плечи молодой женщины причитающийся на ее долю груз.

— Придется уж вам простить нас, девочка, — сказал он. — К тому же идти нам недалеко. Мы будем прятаться днем и двигаться ночью.

Араб взял верблюда и мула за уздечки и завел их в загон. Пиччинио отсчитал ему денег, и беглецы пошли дальше по тропинке, проложенной по усыпанной

щебнем земле. Вскоре за невысоким пригорком открылись широкие, поросшие тростником плавни, через которые где-то дальше, куда не доставал взгляд, текла река.

— Мы будем прятаться весь день в этом болоте, — объяснил Колен Патюрель. — Пусть каждый тихо сидит в своем углу, чтобы после нас не осталось слишком большого пространства с поломанным тростником. Когда стемнеет, я подам сигнал, крикнув вяхирем, и мы встретимся на опушке вон того леса. У каждого из вас есть еда и немного воды. До вечера.

Беглецы разошлись, раздвигая в стороны шелковистые стебли с острыми листьями. В одних местах земля была влажной и пружинила, как губка, в других — потрескалась от сухости. Анжелика нашла местечко, поросшее мохом, и прилегла. День будет долгим. В плавнях было нестерпимо душно; над Анжеликой беспрестанно роились москиты, но ее многочисленные покрывала надежно защищали ее от их укусов. Она выпила немного воды и съела лепешку. Небо над ее головой словно раскалилось добела, и длинные заостренные листья тростника казались на его фоне черными.

Анжелика задремала; когда она проснулась, то услышала разговор и решила, что спутники ее ищут. Но ведь до вечера еще далеко. Небо по-прежнему слепило глаза, похожее на расплавленную сталь. Внезапно в двух шагах от нее в тростнике показалась видная по груди мужская фигура в белой джеллабе. Смуглое лицо пришельца было обращено в другую сторону, и Анжелика не могла различить его черты.

«Арлезианец или венецианец?» — подумала она.

Человек немного повернул голову. Его лицо походило цветом на подгоревший хлеб, и этот цвет явно не был придан коже при помощи кожуры грецкого ореха. Это был настоящий мавр!

У Анжелики екнуло сердце. Мавр ее еще не заметил. Он разговаривал со своим спутником, которого она не видела.

— Здесь тростник нехорош, — сказал он. — Его во многих местах помял какой-то зверь. Перейдем на другой берег, а если там не найдем ничего лучшего, то вернемся сюда.

Анжелика услышала, как они удаляются, и с трудом поверила, что ей так невероятно повезло. Но внезапно по ее телу побежали мурашки. Неподалеку от нее послышался еще один голос, и она узнала его. Это был Франси-арлезианец. Он пел песню.

«Болван!» — подумала она, вне себя от ярости. Он возбудит подозрение мавров, и они сейчас вернуться. Однако она не отважилась сразу броситься сквозь заросли тростника, чтобы приказать ему замолчать. Наконец, видя, что все вокруг неподвижно, она решила тихонько проскользнуть к месту, где должен был находиться неосторожный провансалец.

— Кто это? — спросил он. — Ах, это вы, прелестная Анжелика!

Она дрожала от гнева и раздражения.

— Вы что, с ума сошли — петь в этих местах?! Тут ходят два мавра, которые пришли на берег за тростником. Это просто чудо, что они вас не услышали.

Радостное лицо юноши побледнело как полотно.

— Ах, черт! Я об этом не подумал. Я вдруг почувствовал себя таким счастливым оттого, что впервые за восемь лет свободен, и мне вспомнились наши старые народные песни. Вы думаете, мавры меня услышали?

— Будем надеяться, что нет.

— Как бы то ни было, их было только двое... — сказал арлезианец сквозь зубы.

Он вынул из-за пояса нож, проверил ногтем, хорошо ли наточено лезвие, и, продолжая сжимать нож в

кулаке, начал вслух мечтать:

— У меня под Арлем осталась невеста. Как вы думаете, она меня еще ждет?

— Это бы меня весьма удивило, — сухо ответила Анжелика. — Восемь лет — долгий срок. У нее теперь, наверное, уже целый выводок детей — от другого.

— Ах, вы так думаете? — разочарованно сказал арлезианец.

Ну вот, теперь у него, по крайней мере, пропадет охота изливать радость в песнях. Они оба замолчали, прислушиваясь к шуршанию тростника. Анжелика посмотрела вверх и едва удержалась от вздоха облегчения. Небо, наконец, подернулось розовым. Приближался вечер, а за ним придет сообщница беглецов — ночь и принесет с собой звезды, которые укажут им путь.

— В какую сторону мы направимся? — спросила Анжелика.

— На юг. Это единственное направление, куда Мулей Исмаил не послал свои поисковые отряды. Какие рабы побегут на юг, в пустыню?.. Потом мы свернем на восток, затем снова двинемся на север, пройдем вблизи от Мекнеса и Феса и с помощью проводника-метадора дойдем до Сеуты или Мелильи. Такой маршрут, конечно, удлинит наш путь, зато уменьшит опасность. Мыши перехитрят кота. Пока он будет стеречь нас на севере или западе, мы будем на юге и востоке. Когда мы снова двинемся на север, он, надо полагать, уже оставит попытки нас поймать. Во всяком случае, те, кто идет напрямую, никогда не доходят до пели. Так что можно попробовать пойти в обход... Кстати, не надо забывать, что шейхи здешних селений отвечают головой, если по их землям пройдут беглые пленники. Поэтому они все время начеку. Они натаскали своих собак выслеживать христиан.

— Тише! — прервала его Анжелика. — Вы слышали крик вяхиря?

Глава 3

На землю опустился фиолетовый сумрак, пропитанный испарениями болот. Тихий зов вяхиря повторился еще и еще. С большими предосторожностями беглецы-оставили убежища, где прятались днем. Они в безмолвии сошлись на опушке леса, проверили, все ли на месте, и снова пустились в путь.

Они шли всю ночь, частью по лесу, частью по просторным, каменистым пустошам, где нелегко было держаться верного направления. Селения старались обходить стороной и, заслышав крики пастухов и лай собак, делали крюк. Ночи были прохладны, но в полях и в садах по-прежнему спало множество мавров, охраняющих свои еще не собранные фрукты и не скошенный хлеб. Необыкновенно тонкое обоняние Пиччинио-венецианца улавливало самый легкий запах дыма, а маркиз де Кермёр своим на редкость острым слухом различал малейшие подозрительные шумы. Нередко он вставал на колени и прикладывал ухо к земле. Так, заблаговременно услышав стук копыт, беглецы смогли переждать в зарослях, пока мимо не проехала пара всадников. К счастью, верховых не сопровождали собаки.

Утром путники спрятались в рощице и провели в ожидании еще один день. Их начала мучить жажда, ибо свой запас воды они уже выпили. Они обыскали рощу, по кваканью лягушки обнаружили большую лужу со стоячей водой, кишашей насекомыми, и, процедив воду через тряпицу, напились. Анжелика легла па землю, недалеко от сбившихся в тесную кучку мужчин. Она грезила сейчас о банях гарема с их благоухающей розами водой и услужливыми служанками. Ах, вот бы

сейчас искупаться, стащить с себя эту мокрую от пота, липнущую к телу одежду! А этот изверг Колен Патюрель еще и не дает ей снять с лица чадру!

И Анжелика погрузилась в размышления о тяжелой доле мусульманских женщин из бедных сословий. Теперь она, наконец, поняла, отчего приобщение к спокойной и сытой жизни гарема казалось им пределом мечтаний, как в свое время Мирей-Фатиме. Кроме того, Анжелике очень хотелось есть. Ее желудок, приученный к пирожкам и сладостям, не мог сразу довольствоваться куском черствой лепешки, которую скупой делил между беглецами их предводитель, Пленники-мужчины страдали куда меньше нее. Их нынешний рацион не особенно отличался от повседневной пищи султанских рабов в Мекнесе, и они были способны обходиться даже меньшим. Они вполне переняли воздержанность в еде от своих хозяев — арабов, а тем, истинным сынам пустыни, на весь день могло хватить трех фиников и горсти ячменной муки, разведенной на ладони в небольшом количестве воды.

Анжелика слушала беседу мужчин.

— А ты помнишь, — говорил баск Жан д'Арростеги, — как ты подложил кусок нашего гнилого хлеба паше Ибрагиму, который приехал в Мекнес с визитом из Сале? Турок тогда все поднимал хвост и донимал попреками Мулея Исмаила. Чего они только не наговорили друг другу по этому поводу!

— Еще чуть-чуть — и между Блистательной Портой и султанатом Марокко началась бы война, и все из-за рабов-христиан.

— Туркам ни за что не справиться со здешними ребятами, — сказал Колен Патюрель. — Дошло до того, что они со всей их огромной империей побаиваются одного нашего фанатика Исмаила. Кто знает, может быть, его армия когда-нибудь заставит дрожать весь Константинополь?

— А ты все-таки заставил его выдать нам кускус и, главное, — водку и вино.

— Я ему объяснил, что христиане не могут работать, если их поить одной водой. А поскольку ему хотелось как можно скорее достроить свою мечеть...

«Еще неизвестно, — подумала Анжелика, — вполне возможно, что воспоминания о берберийском плене останутся самыми лучшими, воспоминаниями в их жизни...»

Когда стемнело, беглецы снова двинулись в путь. На небе возшла ущербная луна — узкий серебряный серп среди сверкающих звезд. В середине ночи беглые пленники приблизились к небольшой деревне. Оттуда тотчас послышался лай собак. Колен Патюрель остановился.

— Придется нам пройти через эту деревню, не то заблудимся, — сказал он.

— Давайте лучше пройдем через рощу, что слева, — предложил маркиз де Кермёр.

Посоветовавшись, они решили идти через рощу, но она оказалась так густа, что, продравшись около полулье сквозь колючие заросли, путники были вынуждены повернуть обратно. Анжелика потеряла в чаще сандалию, но не решилась сказать об этом своим спутникам. Беглецы вновь оказались в окрестностях деревушки. Нужно было принять решение.

— Идем, — сказал Колен Патюрель. — И будь что будет!

Быстро, как только могли, бесшумно, словно привидения, они зашагали по узким улочкам, между рядами глинобитных хижин. Собаки всюду надрывались им вдогонку, однако все было неподвижно, и только на самой окраине из дома вышел араб и что-то крикнул. Не сбавляя шага. Колен Патюрель ответил ему, что они идут поглядеть на знаменитого дервиша Адура Смали,

который сейчас творит чудеса в одном лье от деревни, и что они очень спешат, так как им было сказано непременно прийти до восхода солнца, иначе дервиш не отвечает за действенность своих чар. Мавр больше ни о чем не расспрашивал.

Благополучно избегнув опасности, беглецы, не останавливаясь, свернули на проселочную дорогу на тот случай, если крестьяне передумают и решат пуститься за ними в погоню. Однако окрестным жителям еще не случалось видеть беглых христиан, бредущих в сторону пустынного юга, и деревенские собаки не были натасканы выслеживать пленников. Путники смогли сделать привал лишь на рассвете. Анжелика, вконец обессиленная, упала на землю. Она шла, подгоняемая страхом, буквально не чуя под собой ног, и только теперь почувствовала, что ее босая ступня изрезана острыми камнями и причиняет ей невыносимую боль.

— Что случилось, девочка? — спросил Колен Патюрель.

— Я потеряла сандалию, — ответила она, готовая расплакаться от сознания непоправимости этой катастрофы.

Однако нормандца ее слова, похоже, ничуть не беспокоили. Он поставил свой мешок на землю и вынул из него еще одну пару женских сандалий.

— Я попросил Руфь, сестру Самуила, на всякий случай дать мне для вас запасную пару обуви. Мы, на худой конец, могли бы идти и босиком, но для вас нужно было взять еще одни сандали.

Он встал перед ней на колени, держа в руке склянку с бальзамом, и, налив его на свернутую в комок полотняную тряпку, помазал раны на ее ноге.

— Почему вы ничего не сказали раньше, — спросил он, — вместо того чтобы ждать, пока камни так изрежут вам кожу?

— Нам надо было пройти через деревню. Мне было так страшно, что я ничего не чувствовала.

На огромной ладони нормандца ее израненная ступня казалась какой-то хрупкой, изящной вещицей. Он обложил ее корпией, перевязал, а затем взглянул Анжелике в лицо своими внимательными голубыми глазами.

— Вам было страшно, но вы все равно шли? Это очень хорошо, моя милая. Вы отличный товарищ.

«Теперь я понимаю, отчего его называли королем, — подумала Анжелика немного позже. — Он умеет одновременно устрашать и успокаивать». Ее охватила глубокая уверенность, что Колен Патюрель не может потерпеть поражение. Под его защитой она достигнет христианской земли! Она увидит желанную цель, какие бы страдания ни пришлось ей перенести в пути. Враждебная местность, ее дикие и свирепые обитатели, опасность, подстерегающая беглецов каждый миг, будто канатоходцев, идущих над пропастью, — все это исчезнет, как наваждение. Она непременно вдохнет воздух свободы — великая сила Колена Патюреля доведет ее до христианской земли! Она заснула под пригорком из раскаленного солнцем щебня, прижав лицо к земле в поисках недостижимой прохлады. Уже чувствовалось, что за обширной, поросшей кое-где пальмами равниной лежит настоящая пустыня. Вокруг, насколько хватало глаз, не было ни рек, ни озер, ни прудов. Только на дне песчаных котловин белели, точно снег, толстые пласты соли. Колен Патюрель подбирал ее куски и клал их в свой мешок в предвкушении того изобилия дичи, которое они наверняка найдут на севере, когда наконец туда возвратятся. Они будут охотиться на газелей и кабанов и жарить их над костром, натерев туши солью, чабрецом и диким перцем, а потом будут есть мясо, запивая его чистой

водой из реки. О, Господи! Где она, эта вода? У них от жажды уже языки присохли к небу!

Жажда разбудила и Анжелику. Одна щека у нее была обожжена солнцем, так как во сне покрывало соскользнуло с ее лица. Наверное, кожа на щеке сейчас красная, как скорлупа вареного рака, подумала она. Дотронуться невозможно — до того больно. Из-за возвышающейся рядом с Анжеликой скалы неслись глухие удары. Это Колен Патюрель, не замечая ни жажды, ни усталости, решил воспользоваться дневным привалом, чтобы поработать. Он выкорчевал из земли длинный пенек, обтесал его и превратил в громадную палицу, которая в его руке, несомненно, станет грозным оружием. Сейчас он проверял ее крепость, колотя ею по скале.

— Вот оружие, несколько не уступающее шпаге господина де Кермёра, — воскликнул он торжествующе. — Само собой, когда нужно быстро продырявить чье-то брюхо, равных маркизу не сыскать. Но для вколачивания разумных мыслей в голову мавра моя деревяшка будет в самый раз.

На западе огненной завесой полыхал закат. Беглецы уныло смотрели на холмы, чьи склоны уже не казались такими иссохшими под покрывалом вечернего сумрака. Вечер выстлал долины между холмами синим влажным бархатом, и чудилось, будто на их дне поблескивает вода рек.

— Колен, нам хочется пить!

— Потерпите еще немного, товарищи! В горах, через которые мы сейчас пойдём, есть глубокие овраги, где из-под земли бьют источники. Еще до завтрашнего вечера мы доберемся до воды.

Жаждающим путникам казалось, что исполнения этого обещания слишком долго ждать, но за неимением лучшего пришлось удовольствоваться им. Колен Патюрель дал каждому по кусочку ореха кола,

растущего в центре Африки, — было известно, что черные гвардейцы Мулея Исмаила всегда жуют его во время долгих маршей. На вкус орехи были горьки, но нужно было держать их во рту как можно дольше, потому что они придавали человеку силу и смягчали муки голода и жажды.

Когда стемнело, беглецы вновь зашагали вперед. Очень скоро им пришлось взбираться на скалы, причем восхождение еще больше затруднялось почти непроглядной темнотой наступившей ночи. Узкий месяц светил слишком тускло, чтобы по-настоящему осветить их путь и указать им наиболее удобные и безопасные проходы. Иногда им приходилось подтягивать друг друга за руки на плоскую вершину скалы, а потом очень медленно и осторожно снова карабкаться вверх. Из-под их ног сыпались камешки, и было слышно, как они катятся вниз, гулко отскакивая от уступов в глубоких пропастях внизу. Воздух становился все холоднее, осушая испарину на их лицах и заставляя их дрожать под влажной от пота одеждой. Колен, взбирающийся первым, несколько раз щелкал огнивом, чтобы разглядеть окружающие скалы, однако это было опасно, так как арабы на равнине могли заметить огонь на неприступных утесах и почуять неладное.

Анжелика карабкалась вверх, дивясь своей неожиданной выносливости, по всей видимости, порожденной благотворным действием ореха кола. Светлые бурнусы ее спутников были хороню видны на темном склоне горы, и ей удалось не слишком далеко от них отстать. Внезапно она услышала шум, похожий на грохот небольшого камнепада. Что-то пронеслось рядом с ней и пропало в темноте, затем послышался нечеловеческий вопль, и из незримых глубин пропасти долетело эхо глухого удара.

Вцепившись в выступ скалы, Анжелика стояла на своем месте, не смея двинуться ни вверх, ни вниз.

Раздался крик баска:

— Патюрель, кто-то из наших упал!

— Кто?

— Не знаю.

— Девочка?

Анжелика стучала зубами, не в силах издать ни единого звука.

— Анжелика? — крикнул король рабов, уже уверенный, что это именно молодая женщина, самая неопытная из всех, рухнула в пропасть. Какая же она скотина, что не велел присматривать за ней старику Калоэнсу, который бодро лезет вверх, как старый, опытный горный козел! Они предоставили ей выпутываться из всего самой, и теперь...

— Анжелика! — изо всех сил крикнул нормандец, как будто громopodobный звук его голоса мог воскресить ее и повернуть вспять свершившуюся катастрофу. И чудо свершилось.

— Я здесь, — сумела наконец выговорить Анжелика.

— Хорошо, не двигайтесь с места. Жан-баск?..

— Здесь!

— Жан-Жан-парижанин?

— Здесь!

— Франси-арлезианец?..

Никто не ответил.

— Франси-арлезианец?.. Пиччинио?..

— Здесь!

— Маркиз? Калоэнс?

— Здесь! Здесь!

— Значит, это был арлезианец, — сказал Колеи Патюрель, осторожно спустившись к своим товарищам.

Они собрались вместе и принялись расспрашивать друг друга об обстоятельствах случившегося. Видимо, арлезианец полз по склону немного выше Анжелики. Она сказала, что слышала, как он, оступившись, прокатился по щебню, а затем после истошного вопля и

нескольких мгновений тишины до нее донесся приглушенный звук падения человеческого тела на дно пропасти.

— Надо дожидаться дня, — сказал Колен Патюрель.

Они начали ждать, дрожа от холода; от неудобных поз, в которых они застыли, вжавшись в углубление в скале, их тела затекли. Рассвет был стремителен — как-то сразу стало очень светло и ясно. Вокруг открылись рыжие горы, накрытые лимонным небом, в котором, раскинув крылья, парил громадный орел. На фоне восходящего солнца грозная птица казалась красивой, словно выбитый на бронзе герб Священной Римской империи. Орел медленными кругами спускался к виднеющейся внизу лощине.

Нормандец следил глазами за его величественным полетом. — Должно быть, он там, тихо сказал он.

Едва забрезжило, король рабов оглядел всех, кто стоял возле него, все еще надеясь на невозможное — увидеть рядом с собой черные глаза и кудрявую бородку арлезианца. Но веселого паренька из Прованса не было на склоне горы...

Наконец его стало видно — белое пятнышко среди черных камней на узком карнизе ближе ко дну пропасти.

— Может, он только ранен? Кермёр, передай веревку! Вережку надежно привязали к скале, а другой конец Колен

Патюрель обвязал вокруг своей талии с быстротой и сноровкой моряка, чьи пальцы привыкли беспрестанно крепить и вязать снасти. За мгновение до того, как начать спуск, он бросил взгляд на угрожающие круги, которые продолжал описывать в небе орел, и сказал:

— Подайте мне мою дубинку.

Он заткнул ее за пояс. Тяжелая дубинка мешала ему, однако он продолжал проворно спускаться. Склонившись над бездной, его товарищи, тяжело дыша,

следили за каждым его движением. Они увидели, как он ступил на карниз, где лежало тело, нагнулся над ним и перевернул его на спину. Затем он коснулся пальцами век арлезианца и перекрестился.

— Ах, арлезианец, бедный наш арлезианец! — горестно прошептал Жан-Жан.

Они знали, что навек ушло вместе с Франси из Прованса. Нестираемые воспоминания о каторжном труде, о муках, о надеждах, о взрывах веселого смеха, оглашавших порой проклятый мир рабов, об уносящихся к звездному небу Африки песнях, которые пел арлезианец, когда ночной ветерок раскачивал кроны пальм над жалкими лачугами пленников... Анжелика чувствовала, сколь глубока скорбь ее спутников. Ей хотелось молча сжать их руки — столько неподдельного, острого горя читалось сейчас на их темных, изможденных лицах.

— Колен, берегись! Орел! — завопил вдруг маркиз де Кермёр.

Огромная птица, еще минуту назад поднимавшаяся и, казалось, решившая отказаться от поживы, сейчас стрелой неслась вниз. Когда она пролетела мимо беглецов, они услышали громкое хлопанье ее развернутых крыльев. Внезапно эти крылья закрыли от их взглядов Патюреля. В течение нескольких мгновений невозможно было рассмотреть подробности боя между человеком и орлом, но затем снова стал виден король рабов, быстро вращающий над головой свою грозную палицу.

Он стоял на узком карнизе, но сражался с таким хладнокровием и энергией, будто под его ногами было вполне достаточно места. Он расположился у самого края пропасти, а не у скалы, которая стесняла бы его движения. Один неверный шаг, один неловкий взмах палицей — и он рухнет в пустоту. Он наносил удары не переводя дыхания. Орел явно не ожидал такого

ожесточенного сопротивления. Он несколько раз отлетал в сторону, но, несмотря на поврежденное, повисшее крыло, снова и снова возвращался и бросался в бой, глядя на своего врага злобными глазами и вытягивая когтистые лапы.

Наконец Колен Патюрель изловчился схватить его рукой за шею. Он бросил свою палицу, выхватил из ножен нож и, перерезав орлу горло, бросил его в пропасть, куда король птиц упал, беспорядочно крутясь, словно ворох перьев.

— О, Господи! О, Дева Мария! — пробормотал старый Калознс.

Лица беглецов были бледны и мокры от обильно выступившего пота.

— Ну, что, ребята, будете вы меня подымать или нет? — крикнул Колен Патюрель. — Что еще вы ждете?

— Конечно, ваше величество? Сейчас подыдем!

Колен Патюрель перекинул тело арлезианца через плечо. Его подъем с этим дополнительным грузом был долог и труден. Перевалившись через край уступа, нормандец несколько секунд простоял на коленях, согнувшись и с трудом переводя дух; из его груди сквозь разорванный орлиными когтями бурнус текла кровь.

— Я мог бы оставить нашего товарища там, внизу. — сказал он, прерывисто дыша, — но у меня не хватило на это духу. Арлезианец не заслужил, чтобы его оставили на съедение стервятникам.

— Ты правильно сделал, Колен! Мы похороним его по-христиански.

Пока мужчины с помощью тесаков пытались отрыть могилу в щелке, Анжелика подошла к сидящему на камне Колену Патюрелю

— Позвольте мне поухаживать за вами, Колен, как вы ухаживали за мной вчера.

— Не откажусь, дружок. Эта пернатая тварь порядком меня исцарапала. Вытащите из моего вещевого мешка бутылку с водкой и не робейте, обходитесь без нежностей.

Он даже глазом не моргнул, пока она смачивала водкой глубокие борозды, оставленные на его груди острыми когтями орла. Прикасаясь к его телу, Анжелика чувствовала, что ее уважение к нему возрастает еще больше. Человек, скроенный так, как Колен Патюрель, делал честь своему Создателю.

Но нормандец уже не думал о своей схватке с орлом. Он думал о Франси-арлезианце, и его сердце болело куда сильнее, чем его изодранная грудь.

Глава 4

Они три дня брели среди раскаленных солнцем скал. Их снова терзала жажда. Теперь они шли не ночью, а днем, чтобы избежать повторения случившегося в темноте страшного несчастья. Места, по которым пролегал их путь, были почти безлюдны, однако на второй день беглецов окликнули два пастуха-мавра, пасшие овец на противоположном склоне поросшей травой лощины. Они с подозрением разглядывали эту кучку оборванцев, среди которых были видны женщина и еврей в черном длиннополном кафтане.

В ответ на вопрос пастухов Колен Патюрель крикнул, что они идут в Мельджани. Пастухи разразились негодующими криками. Кто ходит в Мельджани через горы после того, как негры Мулея Исмаила проложили отличную дорогу в долине?.. Может быть, путники нездешние и кто-то направил их по неверному пути? А может, они разбойники? Или — кто их знает — может быть, они беглые пленники-христиане?.. Это последнее предположение пастухи высказали со смешками, но затем выражение их лиц резко изменилось. Они начали тихо переговариваться, то и дело поглядывая на путников, идущих по другому краю лощины.

— Жан д'Арростеги, — сказал Колен Патюрель. — подай мне лук, а ты, Пиччинио, встань передо мной, чтобы они не видели, что я буду делать.

Мавры внезапно завопили и со всех ног бросились наутек. Но стрелы нормандца настигли их, вонзившись в их спины, и оба пастуха, мертвые, покатались по склону, а вместе с ними коричневой, блеющей волной покатилося их стадо, ломая ноги в оврагах.

— Теперь они не смогут поднять тревогу. Если бы мы с ними не покончили, при выходе из лощины нас ожидали бы все жители деревни.

До самого конца лощины беглецы держались настороже. Они видели дорогу, о которой говорили пастухи, но о том, чтобы спуститься к ней, не могло быть и речи. По их изорванной одежде и усталому, подозрительному виду любой прохожий мог догадаться, кто они на самом деле. Надо было по-прежнему идти по острому щебню под огнедышащим солнцем и синим тяжелым небом, от вида которых начинала кружиться голова и под которыми камни казались слепяще-белыми костями, идти, чувствуя, как от жажды во рту распухает язык, а стертые, изрезанные ступни покрываются кровью. Ближе к вечеру на дне котловины с обрывистыми берегами заблестела спасительная вода, и путники, несмотря на крутизну склонов, попытались к ней спуститься. Однако, когда они почти достигли низа, оттуда послышался мощный рык, многократно повторенный эхом. Львы!

Беглецы остановились, прижавшись к крутому склону котловины, Внизу рычали несколько львов, раздраженных посыпавшимися на них из-под ног людей камнями. Отражаясь от обрывов, их рычание звучало грозно и оглушительно. Анжелика видела, как в нескольких футах под нею возбужденно мечутся громадные звери со светлой шерстью. Она что есть силы цеплялась за растущий на склоне куст можжевельника, объятая жутким чувством, что его корни вот-вот отделятся от почвы. Нормандец, стоящий немного выше ее, увидел, как она побледнела и как ее зеленые глаза расширились от панического ужаса.

— Анжелика! — позвал он ее.

Когда он отдавал приказы, его голос, обычно звучащий медленно и спокойно, мгновенно менялся, и

этому отрывистому негромкому повелению невозможно было не подчиниться.

— Анжелика, девочка, не смотрите вниз. Не двигайтесь. Протяните мне руку.

Он поднял ее, как перышко, и она привалилась к нему, прижавшись лбом к его массивному плечу, чтобы не видеть больше кошмарной картины внизу. Он подождал, пока она не перестала дрожать, а затем, воспользовавшись коротким затишьем в раскатах львиного рыка, крикнул:

— Поднимайтесь обратно, ребята! Нам лучше не настаивать...

— А как же вода? — простонал Жан-Жан-парижанин.

— Пойди и возьми ее, если тебе так хочется!

Вечером Анжелика села в стороне от мужчин. Они сидели вокруг маленького костра, который отважились зажечь, чтобы запечь в золе какие-то дикие корнеплоды.

Анжелика прислонилась лбом к большому камню, мучимая видениями фруктового мороженого, холодных, как лед, прозрачных напитков в графинах, серебрящейся под пальмами воды.

«Вымыться! Попить! Я больше не могу. Я не смогу идти дальше...» На ее голову вдруг легла рука, такая большая, что она могла принадлежать только одному человеку — Колену Патюрелю. У Анжелики уже не было сил пошевелиться, поэтому он осторожно, потянул ее за волосы, чтобы приподнять ее голову, и она увидела, что он протягивает ей кожаную флягу, на дне которой плещется вода — что-то около чашки.

Она вопросительно смотрела то на нормандца, то на флягу.

— Это вам, — сказал он. — Мы сохранили эту воду для вас. Каждый налил сюда последние капли из своего бурдюка.

Анжелика пила теплую воду, точно это был нектар олимпийских богов. Сознание того, что ее суровые спутники отказали себе в драгоценной воде ради нее, вернуло ей мужество.

— Спасибо, завтра мне будет лучше, — сказала она, пытаясь улыбнуться потрескавшимися губами.

— Само собой! Если мы кого и потеряем в пути, то уж, конечно, не вас, — ответил нормандец с такой глубокой убежденностью, что Анжелика была потрясена.

«Мужчинам я всегда кажусь намного сильнее, чем я есть на самом деле», — подумала она и, ободренная, вытянулась на своем жестком каменном ложе. Она чувствовала себя безмерно одинокой, будто усталость, страдания и страх соткали вокруг нее плотную оболочку, отделяющую ее от всего остального мира, Испытывал ли такие чувства Данте, когда спустился в ад и услышал, как лает трехголовый Цербер?.. А каково человеку в аду? Наверное, так же плохо, как здесь, — но там рядом с тобой нет товарища, протягивающего тебе свою последнюю чашку воды. Там уже нет надежды. Здесь она есть. «Придет день, когда мы увидим колокольни христианского города, высящиеся под звездным небом. Тогда мы отдохнем и напьемся вволю».

Глава 5

На другой день путники вышли на равнину. Вскоре они увидели еще ОДНУ стаю львов, доедавших лошадей. Это наводило на мысль о близости деревни. До слуха беглых пленников донесся лай собак, и они снова повернули к горам. Однако затем вид показавшегося вдалеке колодца заставил их пренебречь опасностью и опять приблизиться к обжитым местам. По счастью, в окрестностях колодца никого не было. Талию самого тощего из рабов — Жан-Жана-парижанина быстро обвязали веревкой и, дав ему в руки две фляги, спустили его вниз. Однако оттуда тотчас послышался крик, затем звуки бульканья и барахтанья, и товарищи поспешно вытащили Жан-Жана обратно. Беднягу рвало так, что казалось: еще немного — и его вывернет наизнанку. Когда его спустили в колодец, сказал он, его ноги встали на труп какого-то околевшего животного, лежащий на дне. Жан-Жана так сильно мучила жажда, что он не удержался от того, чтобы все-таки наклониться и попить. Однако вода, которую он, видимо, зачерпнул из распоротого брюха падали, была до чрезвычайности зловонна и омерзительна, и ему уже после первых глотков показалось, что он прямо сейчас отдаст Богу душу. Весь остаток дня его шатало от дурноты, и он шел, еле передвигая ноги. Ядовитые газы, скопившиеся на дне колодца, вызвали у него род отравления.

Так прошел еще один тяжкий день, и только к вечеру перед путниками, казалось, наконец засияло спасение в виде небольшого озера, голубеющего на дне лощины под сенью гранатовых деревьев и смоковниц, над которыми, покачиваясь, высились стройные финиковые пальмы. Не смея поверить, что это не

мираж, люди кинулись бежать вниз по склону. Калоэнс первым добежал до маленького пляжа с белым песком, Он был всего в нескольких шагах от вождеденной прохладной воды, когда вдруг послышался глухой шум и на старика набросилась выскочившая из-за деревьев львица.

Колен Патюрель ринулся вперед и, обрушив на зверя удары своей тяжелой палицы, размозжил ему голову и позвонки. Львица упала на бок и забилась в предсмертных конвульсиях.

В это мгновение послышался рык еще одного льва, и одновременно с ним раздался крик маркиза де Кермёра: — Берегись, Патюрель!

С этим криком он выхватил свою шпагу и бросился между нормандцем, который стоял спиной к прибрежным зарослям, и прыгающим оттуда темногривым львом. Шпага Кермёра пронзила грудь льва в области сердца, но прежде, чем издохнуть, зверь успел двумя ударами когтей распороть бретонскому дворянину живот, и тот упал с вывалившимися на песок кишками.

Исполненный чарующей красоты оазис превратился в бойню. В прозрачные воды озера ручьями стекала человеческая и звериная кровь...

Продолжая стоять на берегу со своей окровавленной палицей в руке. Колен Патюрель ждал появления других львов. Однако все было опять спокойно. Должно быть, приход людей потревожил льва и львицу, уединившихся на время спаривания.

— Выставить справа и слева караулы с копьями! — крикнул Патюрель. Затем он склонился над маркизом де Кермёром.

— Товарищ, ты спас мне жизнь!

Стекленеющие глаза маркиза силились разглядеть склоненное над ним лицо.

— Да, ваше величество, — невнятно пролепетал он.

Его взор помутнел; перед ним вставали другие видения, всплывающие из глубин его памяти.

— Ваше величество... значит, в Версаль... Версаль...

И, произнеся это слово, олицетворяющее собой далекий волшебный блеск, маркиз де Кермёр умер.

Калознс еще дышал. У него было разорвано плечо, и в ране белела кость.

— Воды, — с жадностью шептал он, — воды!..

Колен зачерпнул флягой воду, доставшуюся беглецам столь дорогой ценой, и дал старику напиться. Его власть над волей его спутников была столь велика, что, несмотря на терзавшую их жажду, они оцепенело стояли, даже не помышляя о том, чтобы приблизиться к озеру.

— Да пейте же, болваны! — гневно крикнул он им.

Уже второй раз он закрывал глаза одного из своих товарищей, которых он поклялся себе живыми вывести из рабства на свободу. И предчувствие говорило ему, что вскоре ему придется совершить этот печальный обряд также и в третий раз.

Под сводом из переплетающихся белых лиан люди нашли пещеру, где находилось львиное логово. Там лежала наполовину съеденная туша газели. Раненого перенесли под лианы и уложили на подстилку из сухой травы. Колен вылил на его раны остаток своей водки и заботливо перевязал его. Теперь беглецам нужно будет подождать в оазисе, пока не станет ясно, поправляется старик или умирает. Может быть, он все-таки выживет? Он еще крепкий и может выздороветь... Но на какой срок можно задержаться возле этого озера, чья вода привлекает сюда и зверей, и людей?

Предводитель рабов, загибая пальцы, сосчитал, сколько дней у них в запасе, чтобы успеть к встрече с раввином Маймораном у вади Себон. Оказалось, что даже если они отправятся в путь нынче вечером, то все равно опоздают на два дня! А сдвинуться с места прямо

сейчас невозможно — старый Калознс не переживет дороги. И Колен Патюрель принял решение переночевать в оазисе. Надо похоронить маркиза де Кермёра и всесторонне обдумать создавшееся положение. К тому же все сейчас нуждаются в отдыхе. А завтра будет видно...

Когда стемнело, Анжелика тайком выскользнула из пещеры наружу. Ни страх перед львами, ни гнетущая тревога, витающая над преследуемыми беглецами вместе со звуками хриплого дыхания старого Калознса, не смогли пересилить в ней неудержимого желания искупаться в озере. Все пленники-мужчины, один за другим, уже насладились купанием, но она в то время сидела у изголовья раненого старика. Калознс настойчиво просил ее остаться рядом с ним, испытывая ту внезапную, острую потребность в сочувствии, с которой страдающий мужчина обращается к женщине, видя в ней мать, источник добра и нежности, существо, которое умеет понимать жалобы и выслушивать их терпеливо.

— Девочка, поддержи мою руку. Девочка, милая, не уходи.

— Я здесь, с вами, дедушка.

— Дай мне еще попить этой чудесной водицы... Анжелика умыла ему лицо и постаралась устроить его как можно удобнее на травяной подстилке. Но с каждой минутой его мучения усиливались.

Колен Патюрель роздал своим спутникам куски последней лепешки. В запасе оставалось еще немного чечевицы, которую можно было бы сварить, но нормандец запретил разводить огонь.

Теперь Анжелику защищала от чужих взглядов сообщница-тьма. Лунный свет проникал сквозь листву деревьев осторожно, как бы желая сохранить тайну. Везде, точно пляшущие искорки, мерцали светлячки. Вот между деревьями показалось озеро, гладкое

зеркало, лишь в одном месте подернутое легкой рябью — у самого берега, там, где из возвышающейся над водой скалы с тихим журчанием бил родник. Это журчание, кваканье лягушек и треск сверчков, казалось, составляли единое целое с ночной тишиной.

Молодая женщина сбросила с себя одежду, пыльную и донельзя пропотевшую за время бесконечно долгого, изнурительного путешествия. Окунувшись в прохладную воду, она испустила вздох облегчения. Никогда, никогда она не чувствовала себя столь замечательно! Вволю накупавшись, она выстирала всю свою одежду кроме бурнуса, в который завернулась, ожидая, пока ночной ветерок высушит остальное. Она вымыла не только тело, но и свои длинные волосы, грязные от песка и утратившие было свой обычный блеск; она испытала истинное наслаждение, чувствуя, как они снова ожили под ее пальцами.

Свет луны пронизал крону финиковой пальмы, и Анжелика увидела рядом с собой серебряную струю — из высокой черной скалы текли воды источника. Анжелика влезла на камень и встала под холодный, почти ледяной водопад. Поистине, вода — это самое прекрасное творение Создателя! Она вдруг вспомнила водоноса, ходившего по улицам Парижа и зычно кричавшего: «Кто желает чистой, свежей воды?.. Это одна из четырех стихий...»

Запрокинув голову, Анжелика дружелюбно посмотрела на звезды, мигающие над раскачивающимися веерообразными верхушками пальм. По ее телу, поблескивая, струилась вода, и она смутно увидела свое белое, колеблющееся отражение на темной поверхности озера.

— Я жива, — сказала она вполголоса. — Я ЖИВА!

Каждое уносящееся мгновение смывало с ее тела и души следы той изнурительной борьбы, которую ей пришлось вести. Она стояла так очень долго, до тех

пор, пока не услышала хруст ветвей, прозвучавший в чаще громко и отрывисто, будто пистолетный выстрел.

И ее снова, мгновенно, обуял страх. Она вспомнила о притаившихся в темноте хищниках и о злобных маврах. Мирные берега озера опять превратились в грозную ловушку, в которой она и ее спутники бились уже столько бесконечных дней. Она прыгнула в воду, чтобы доплыть до берега. Кто-то следил за ней, спрятавшись в зарослях, — теперь она была в этом совершенно уверена. Живя как преследуемый зверь, она приобрела и присущее зверю чувство опасности. Она ощущала эту опасность кожей. Кто там таится: хищник или мавр?.. Она завернулась в свой бурнус и бросилась бежать по узкой тропке сквозь заросли лиан и колючих агав, больно ранивших ее босые ноги. Внезапно она налетела на стоящего поперек тропинки человека, слабо вскрикнула, успела подумать, что сейчас наверняка упадет навзничь — так сильно закружилась у нее от испуга голова, — однако в этот миг при меловом свете луны она разглядела белокурую бороду Колена Патюреля. В глубоко посаженных глазах гиганта-нормандца горели сердитые огоньки, но, когда он заговорил, голос его звучал ровно.

— Вы что, с ума сошли? Вы пошли купаться одна! А ведь сюда приходят на водопой львы, гепарды, и — почему знать — вокруг источника могут рыскать и мавры.

Анжелике захотелось прижаться к его широкой груди, чтобы унять свой страх, ощущаемый ею особенно остро после нескольких минут душевного покоя и необыкновенной, почти сверхчеловеческой радости. Она всю жизнь будет вспоминать этот источник в оазисе! Наверное, райское блаженство сродни тому, что она пережила сегодня... Но сейчас она возвратилась к действительности к людям и к жестокой борьбе за то, чтобы выжить.

— Мавры? — повторила она дрожащим голосом. — Мне кажется, они где-то поблизости. Я уверена, что на меня только что кто-то смотрел.

— Это был я. Я пошел искать вас, когда увидел, что ваше отсутствие длится слишком долго. А теперь идем. И не совершайте больше таких опрометчивых поступков, иначе — слово Патюреля — я придушу вас своими собственными руками.

В его угрожающем тоне сквозила легкая ирония, однако он явно не шутил. Анжелика чувствовала, что ему и вправду хочется ее придушить или по меньшей мере задать ей хорошую трепку.

У Колена Патюреля кровь застыла в жилах, когда он обнаружил, что их спутница куда-то ушла и не возвращается. «Еще одна смерть, еще одна могила, — подумал он, — Боже правый, неужто ты оставил рабов твоих?» Он вышел из пещеры и двинулся по берегу озера бесшумным шагом раба, привыкшего ходить крадучись и неслышно скрываться в ночи. И она предстала его взору, стоящая под серебристой струей источника, с длинными, рассыпавшимися по плечам волосами русалки и белым, как снег, телом, отражавшимся в темной ночной воде.

Анжелика вдруг осознала, что он ее видел, когда она купалась. Она смутилась, но затем сказала себе, что это не имеет значения. Колен Патюрель — мужлан, не испытывающий к ней никаких чувств, кроме пренебрежительной снисходительности сильного человека к слабому, к обузе, навязанной ему против его воли. Она не могла не признать, что зла на нормандца за то, что он как бы подверг ее карантину, который она все время мужественно соблюдала, подходя близко к беглецам-мужчинам лишь для того, чтобы ухаживать за ранеными. А ведь тяготы пути куда труднее переносить, когда приходится постоянно держаться в

стороне от своих спутников, чувствуя себя одинокой и отверженной. Быть может, Колен Патюрель поступал правильно, но он был суров и безжалостен и внушал ей робость.

Неутомимость, бесстрашие и хладнокровное спокойствие силача-нормандца были вызовом всем ее страхам, неуверенности в себе, женской слабости, впечатлительности и ранимости. В его голубых глазах, зорко подмечающих ее усталость, испуг или опрометчивость, ей виделось легкое презрение. «Он смотрит на меня свысока, как овчарка на глупую овцу», — говорила она себе.

Она сидела у изголовья старого Калознса, но ее взгляд невольно то и дело обращался к бородатому профилю предводителя рабов, тускло освещенному потайным фонарем. Колен Патюрель прутиком вычерчивал на песке дальнейший маршрут беглецов и давал пояснения склонившимся над чертежом венецианцу, баску и Жан-Жану-парижанину.

— Когда подойдете к опушке дубовой рощицы, остановитесь, — говорил он. — Если заметите на ветке второго дуба красный платок, то идите вперед и пусть кто-нибудь из вас закричит козодоем. Тогда из зарослей к вам навстречу выйдет равви Майморан.

— Девочка, ты здесь? — слышался слабый голос старика Калознса. — Дай мне твою руку. У меня была маленькая дочка...

Ей было десять лет, когда я уходил в море двадцать лет назад, и она махала мне вслед своим чепчиком. Сейчас она, должна быть, похожа на тебя. Ее звали Мариэке.

— Вы еще увидите ее, дедушка.

— Нет, мне ее уже не увидеть. Я скоро умру — и так будет лучше. На что теперь Мариэке старый отец, нежданно возвратившийся после двадцати лет рабства, чтобы пачкать красивые, чистые плитки пола на ее

кухне и надоедать всем своими рассказами о далекой солнечной стране? Так будет лучше... Я рад, что буду лежать в земле Марокко. И знаешь, что я тебе скажу, девочка... Мне начинает не хватать моих мекнесских садов и вида Мулея Исмаила, скачущего по ним, точно гнев Господень... Уж лучше бы я дождался, пока он разбил бы мне голову своей палкой...

Глава 6

Трое мужчин: венецианец, парижанин и баск — ушли после захода солнца. Перед их уходом Колен Патюрель жестом подозвал к себе Анжелику.

— Я останусь со стариком, — сказал он. — Его нельзя ни взять с собой, ни оставить здесь одного. Придется ждать. Остальные сейчас пойдут дальше, чтобы не пропустить встречу с равви Маймораном. Они все ему расскажут и вместе решат, что делать. Что вы предпочитаете: уйти с ними сейчас или со мной позже?

— Я сделаю то, что вы мне прикажете.

— По-моему, вам лучше остаться. Без вас они смогут идти быстрее, а время не терпит.

Анжелика кивнула и сделала было шаг в сторону ложа старого Калознса, но Колен Патюрель, видимо пожалев о своих нелюбезных словах, удержал ее.

— Кроме того, — добавил он, — я думаю, что вы нужны старику Калознсу, чтобы он мог спокойно умереть. Но если вы предпочитаете уйти...

— Я останусь!

Мужчины разделили съестные припасы и стрелы. Колен Патюрель оставил себе лук, колчан, свою дубинку, компас и шпагу покойного маркиза де Кермёра.

Как только стемнело, трое уходящих подошли к могиле, где был похоронен бретонский дворянин, постояли у нее несколько секунд и тронулись в путь. Старому Калознсу ничего не сказали об их уходе. Ему становилось все хуже. Он бредил по-фламандски и изо всех сил, как это нередко делают умирающие, цеплялся за руку сидящей подле него Анжелики. Он сопротивлялся смерти всю ночь и весь следующий день, а вечером к нему вдруг вернулась вся его прежняя

сила, сила старого, но еще очень крепкого человека, и он сел на своей подстилке. Чтобы помешать ему встать, Колену Патюрелю пришлось обхватить его руками, и старик начал ожесточенно бороться с ним, будто с самой смертью.

— Я тебе не дамся, не дамся! — повторял он. Внезапно он узнал лицо борющегося с ним человека.

— А, это ты, Колен, мой мальчик, — сказал он с нежностью. — Как ты думаешь, мне пора уходить?

— Да, товарищ, пора. Иди! — медленно произнес король рабов. И старый Калоэнс умер на руках нормандца, припав к его груди с доверчивостью ребенка.

Потрясенная страшным зрелищем агонии, Анжелика заплакала, глядя на худого, седоволосого, лысеющего старика, прильнувшего к своему молодому спутнику, словно это был его сын. Колон Патюрель закрыл старому фламандцу глаза и скрестил ему руки на груди.

— Помогите мне перенести его, — сказал он Анжелике. — Могилу я уже вырыл. Нам надо спешить. Схоронив его, мы тотчас тронемся в путь.

Они положили Калоэнса рядом с маркизом де Кермёром и торопливо забросали тело землей. Анжелика хотела поставить над могилами два креста.

— Никаких крестов! — твердо сказал нормандец. — Увидев их, мавры поймут, что здесь недавно были похоронены христиане, и кинутся за нами в погоню.

И снова начался изнуряющий поход по неровной, каменистой местности. Острые гребни возвышенностей блестели под луной тусклым металлическим блеском. Анжелика, отдохнувшая за два дня, проведенных в оазисе, дала себе слово, что Колену Патюрелю не придется упрекать ее в том, что она идет слишком медленно. Но как она ни старалась, ей было не под силу поспеть за его широкими шагами, и ее всякий раз

разбирала досада, когда нормандец останавливался и оборачивался, поджидая ее, похожий со своей положенной на плечо палицей на статую Геракла. Она жаждала как можно быстрее добраться до остальных участников побега, которые по крайней мере шли как простые смертные, ворча, бранясь и утомляясь, а не неслись вперед, как не подверженные никакой земной усталости герои мифов.

Неужели он никогда не устает, этот дьявол Колен Патюрель? Неужели ему никогда не бывает страшно? Неужели он не подвластен страданиям, ни телесным, ни душевным?

Конечно, если взглянуть поглубже, он просто грубый мужлан. Такая мысль уже приходила ей в голову, а нынешний переход убедил ее в этом окончательно. Тем не менее они прошли весь путь с такой скоростью, что уже к вечеру следующего дня достигли опушки рощи, где Пиччинио, Жан-Жан и Жан д'Арростеги должны были встретиться с раввином. Впереди, на возвышенности, виднелся перекресток двух проложенных в песке дорог. Вокруг перекрестка, впившись в песчаную почву своими глубокими корнями, стояли пробковые дубы.

Колен Патюрель остановился. Он прищурился, и Анжелика с удивлением заметила, что его взгляд обращен к небу. Она посмотрела туда, куда смотрел он, и увидела, как солнце скрывается за темной тучей грифов-стервятников, медленно взлетающих с деревьев. Должно быть, приход людей их потревожил. Покружившись немного в воздухе, птицы снова опустились, вытянув голые шеи, и уселись вокруг толстого дуба, раскинув свои ветви над самым перекрестком. Анжелика, наконец, заметила, что их привлекло.

— Там двое повешенных, — глухо проговорила она. Нормандец увидел их раньше нее.

— Это евреи, — сказал он. — Я узнаю их черные лапсердаки. Вы подождите здесь, а я проползу вдоль опушки и подберусь к этому дереву. Что бы ни случилось, не двигайтесь с места.

Глава 7

Потянулось бесконечное, томительное ожидание. По тому, что стервятники опять взлетели, и по их недовольным крикам можно было догадаться, что к их добыче приближается какой-то непрошенный гость, но Анжелика не могла его разглядеть.

Он появился сзади нее внезапно и бесшумно.

— Ну что?

— Один из них незнакомый мне еврей, вероятно равви Майморан. Второй... Жан-Жан-парижанин.

— Боже мой! — прошептала Анжелика, закрывая лицо руками.

Это было ужасно! Их побег неминуемо закончится полной неудачей — теперь это было очевидно. Придя к месту встречи, христиане оказались в ловушке.

— Справа я заметил селение. Там живут те мавры, которые их повесили. Кто знает, может быть, Пиччинио и Жан д'Арростеги еще не казнены и находятся там, закованные в цепи? Я пойду туда.

— Это безумие!

— Нужно испробовать все средства! Я заметил пещеру в склоне холма, немного выше роци. Вы спрячетесь в ней и подождете меня.

Анжелика никогда не осмеливалась оспаривать его приказы. Но она знала — пойти в арабскую деревню было безумием. Он не вернется. Эта пещера со входом, скрытым снаружи зарослями дрока, станет ее могилой. Она никогда не дождется возвращения своих мертвых товарищей...

Колен Патюрель оставил в пещере все их съестные припасы, последнюю флягу с водой и даже свою палицу, взяв с собою только кинжал. Для пущего удобства и бесшумности он снял с ног сандалии. Он

также отдал Анжелике свой трут и огниво, сказав, что, если в пещеру забредет какой-нибудь зверь, она сможет легко отпугнуть его, разведя маленький костер из сухой травы.

Не сказав более ни слова, он неслышно выскользнул из пещеры и ушел.

Анжелика снова начала ждать. Настала ночь, и в далекой чаще зазвучал нестройный хор звериных голосов. Пещера наполнилась неясными звуками: шуршанием и царапанием. Время от времени, чувствуя, что она не в состоянии больше этого выдержать, Анжелика высекала огонь, зажигала пучок сухой травы, затем, водя рукой, на миг разгоняла мрак и успокаивалась, видя вокруг себя только каменные стены. Как-то, в очередной раз осветив пещеру, она посмотрела вверх и увидела какие-то странные предметы, похожие на черные бархатные мешочки, подвешенные к своду очень близко друг к другу. Летучие мыши! Так вот откуда слышались и шуршание, и те пронзительные крики, что заставляли ее испуганно вздрагивать! Анжелика сидела с открытыми, но ничего не видящими в темноте глазами и старалась ни о чем не думать и с твердостью переносить невыносимо медленное течение времени. Внезапно снаружи что-то хрустнуло. Анжелика выпрямилась, полная надежды. Может быть, это возвращается нормандец, ведя с собой Пиччинио-венецианца и Жана д'Арростеги? Как хорошо было бы им всем вновь собраться вместе!.. Но почти тотчас за хрустом где-то совсем близко раздалось заунывное завывание. Рядом с пещерой рыскала гиена.

Вскоре звуки ее печального, как бы исполненного тоскливой безнадежности хохота начали затихать — видно, она спускалась к перекрестку, туда, где на дереве болталось тело Жан-Жана-парижанина. Веселый парижский конторщик, самый близкий друг и постоянный писец Колена Патюреля был мертв, и

стервятники, наверное, уже выклевали его насмешливые глаза. Он погиб, как до него погибли бретонский дворянин де Кермёр и старый фламандский рыбак Калознс, как погибли все беглецы: одни раньше, другие позже... Султанат Марокко не отдаст назад своих пленников... Мулей Исмаил может праздновать победу.

А что станется с нею, если никто к ней не вернется? Она даже не знает, где она сейчас находится. Что ее ждет, когда, не выдержав голода и неизвестности, она выйдет из своего убежища? Ей не приходится рассчитывать на помощь мавров или их покорных, запуганных жен. Ее схватят и отведут к султану. А Османа Ферраджи, ее заступника, рядом уже не будет. С ее губ слетел тихий вздох:

— О! Осман-бей, если ваша великая душа бродит сейчас по райским садам Магомета...

Резкие крики грифов, вновь закружившихся над повешенными, возвестили наступление утра. В пещеру врывал молочно-белый туман. Анжелика пошевелила онемевшими от многочасовой неподвижности членами и подумала, что нынешнее ожидание — это самое тяжкое испытание, когда-либо выпадавшее на ее долю. Терпеть, не имея возможности ни действовать, ни кричать, ни жаловаться, зная, что не можешь сделать ничего, ничего!.. Она пряталась под землей с колотящимся, как у пугливой зайчихи, сердцем и не двигалась с места, потому что так ей приказал Колен Патюрель. А между тем снаружи уже начинался день.

Мужчины не вернутся... не вернутся никогда...

Но она продолжала ждать, то вновь воодушевляясь надеждой, ибо ей не хотелось верить, что злой рок столь неодолим, то опять падая духом. Когда вход в пещеру заслонила массивная фигура Колена Патюреля, Анжелика испытала такое облегчение, что стремглав

бросилась ему навстречу и обхватила его руку, чтобы вполне увериться, что он и вправду наконец пришел.

— Вы вернулись, вернулись! — вскричала она.

Однако нормандец, казалось, не видел ее, не замечал пальцев, судорожно стиснувших его предплечье, и его непонятное молчание встревожило Анжелику.

— А что остальные? — спросила она. — Вы их видели?

— Да, я их видел. К тому времени они уже были непохожи на людей. Их подвергли всем мыслимым пыткам, а потом посадили на кол у подножия стены, которой обнесено селение... Я не знаю и никогда не узнаю, кто нас предал, но Мулей Исмаил проведаль о том, что мы сделали и кто нам помог. Я подслушал разговор здешних мавров... Гнев султана обрушился на Мекнес. Еврейский квартал превращен в скопище трупов. Всех евреев вырезали.

Всех евреев!.. И малютку Авигею, и Руфь, и Самуила, «этого очаровательного молодого человека»...

— Здешних жителей предупредили о нашем приходе, а раввин послужил приманкой. После того как назначенная встреча состоится, его было приказано повесить, а христиан без промедления посадить на кол. Жан-Жана тоже повесили, потому что приняли его за еврея. На обратном пути я снял и принес сюда его тело... то, что оставили от него стервятники. Я его похороню...

Колен Патюрель сел на землю, обвел изумленным взглядом стены пещеры, испещренные красными прожилками, ярко заалевшими в утреннем свете, и медленно произнес:

— Моих товарищей больше нет!

Он долго сидел так, опершись подбородком на кулак, потом с усилием встал и вышел из пещеры. До Анжелики донесся лязг тесака, которым он копал в

каменистой почве очередную могилу, и она тоже вышла на склон холма, чтобы помочь ему в его скорбной работе — погребении останков Жан-Жана.

Но нормандец грубо крикнул ей:

— Стойте, не приближайтесь! Вам тут не место... На это не очень-то приятно смотреть...

Анжелика словно окаменела. Ее руки были молитвенно сложены, но, сколько она ни старалась, она не могла вспомнить слов молитвы. Колен Патюрель работал быстро и умело, как опытный землекоп. Когда яма была засыпана и над нею вырос небольшой могильный холмик, он неожиданно для Анжелики срубил два сука, сделал из них крест и одним яростным движением глубоко всадил его конец в землю.

— На этот раз я все-таки поставлю крест! — сказал он. — Возьму и поставлю, а там будь что будет!

Затем он вернулся в пещеру и снова сел на землю в той же позе человека, погруженного в тягостные думы.

Анжелика попыталась было с ним заговорить, но он ее не слышал. Ближе к полудню она принесла ему горсть фиников на большом листе смоковницы. Колен Патюрель приподнял голову. На продубленной солнцем коже его лба отпечатались белые вмятины от фаланг пальцев. Он недоуменно уставился на склонившуюся над ним молодую женщину, и в его взгляде Анжелика вдруг ясно прочла разочарование и злость. Он словно говорил: «Надо же, эта все еще здесь!»

Нормандец поел в полном молчании. С тех пор, как он бросил на нее спросонья тот странный взгляд, Анжелику будто парализовало. В душу ее хлынул новый страх, страх, которому она не хотела дать имени. Она точно знала, что ей никак нельзя засыпать, что глаза все время надо держать открытыми... Однако она была уже не в силах противиться усталости, которая упорно смежала ей веки. Она почти без отдыха прошагала

целую ночь и целый день, а прошлой ночью так и не смогла сомкнуть глаз.

В конце концов, она забылась сном, свернувшись калачиком в углу пещеры.

Когда она пробудилась, рядом никого не было. Она уже привыкла просыпаться в одиночестве — после побега она всегда спала на отшибе, в стороне от пленников-мужчин. Но сейчас в привычной тишине ей почудилось что-то необычное. Она огляделась, и мало-помалу до ее сознания дошла ужасающая правда. На камне, аккуратно сложенные, лежали последняя лепешка, остаток чечевицы, фляга с водой и подле них — метательное копье и тесак. Но лук, стрелы и палица Колена-нормандца исчезли. Значит, пока она спала, он ушел. Он ее покинул!

Анжелика долго сидела подавленная, уничтоженная, уронив голову на руки и тихо плача.

— О, вы все-таки сделали это, — горестно повторяла она вполголоса. Это дурно, дурно... Бог вас за это накажет!

Однако она была совсем не уверена, что Бог, ради которого Колен Патюрель претерпел распятие, не сочтет поступок нормандца правильным и разумным. Ведь она, Анжелика, была всего-навсего женщиной, отягощенной бременем первородного греха и повинной во всех несчастьях рода человеческого, существом презренным, которое мужчина по своей прихоти может принять, а может и отвергнуть.

— Ну вот! Что это с вами, девочка? Хандра напала? Голос Колена Патюреля, гулко прозвучавший под сводами пещеры, подействовал на Анжелику, словно внезапный удар грома. Король рабов снова стоял перед ней, а на его широких плечах лежала полосатая туша молодого кабана с окровавленной мордой.

— Я... я подумала, что вы ушли, — пролепетала Анжелика, все еще не оправившись от волнения.

— Ушел? Ну конечно! Я решил, что нам с вами не мешало бы хорошо подкрепиться, и, на счастье, мне попался этот кабанчик. И вдруг я застаю вас в слезах...

— Я думала, что вы меня бросили.

Глаза нормандца широко раскрылись, а брови взметнулись вверх, точно он никогда в жизни не слышал ничего более ошеломляющего.

— Ну и ну!.. — проговорил он. — Ну и ну! Стало быть, вы меня считали последним мерзавцем! Чтоб я вас бросил... чтоб я ВАС бросил, я, который...

Его лицо потемнело от ярости.

— Я, который скорее бы умер на вашем мертвом теле, чем бросил бы вас! — в бешенстве взревел он.

Он сбросил с плеч свою добычу, принес снаружи хворосту и уложил его в середине пещеры резкими движениями человека, с трудом сдерживающего свой гнев. Когда ему не удалось с первого раза высечь огнем огонь, он выругался площадными словами. Анжелика подошла к нему, опустилась рядом с ним на колени и коснулась его руки:

— Простите меня. Колен. Я просто дура. Мне следовало бы помнить, что вы много раз рисковали жизнью ради своих братьев. Но ведь я не принадлежу к их числу, и я всего лишь женщина.

— Тем более, — пробурчал нормандец.

Он поднял голову и, взглянув на нее подобранными глазами, взял ее за подбородок.

— Послушай меня, девочка, и запомни, что я тебе скажу. Ты такая же, как все мы, христианские пленники в Берберии. Тебя привязали к колонне и пытали, но ты не сдалась. Ты без единой жалобы переносила и жажду, и страх. Такую смелую женщину, как ты, я не встречал еще НИКОГДА — а я немало поплавал по свету и в каких только портах не побывал. Ты стоишь всех остальных женщин, вместе взятых, и мои товарищи шли так бодро, не позволяя себе пасть духом, именно потому, что с

ними была ты, мужественная и стойкая, и они не желали выказывать при тебе слабость. Теперь мы с тобой остались одни. Я и ты связаны и в жизни и в смерти, и мы вместе обретем свободу. Но если ты умрешь, я тоже умру подле тебя — В ЭТОМ Я ТЕБЕ КЛЯНУСЬ!

— Не надо так говорить, — тихо сказала Анжелика, чувствуя в душе нечто похожее на страх. — Если бы вы, Колен, шли в одиночку, у вас были бы все шансы успешно достичь цели.

— И у тебя тоже, дружок. Ты, моя девочка, сделана из стали, из доброй, гибкой стали, как шпага моего милого друга Кермёра. Думаю, что теперь я уже хорошо тебя знаю.

Взгляд блестящих, на редкость глубоко посаженных глаз Колена Патюреля вдруг затуманился под воздействием чувства, которое он не мог или не хотел выразить словами, и жесткая кожа на его лбу собралась в складки.

— Ты и я... вместе мы непобедимы, — сказал он. Анжелика невольно содрогнулась. От кого она уже слышала эти же самые слова? От другого короля — Людовика XIV! И он тогда точно так же вперил в нее свой взгляд. Пожалуй, если вдуматься, у хитрого нормандца с его пронцательным умом и необычайной силой тела и духа есть что-то общее в характере и темпераменте с великим сувереном французского королевства. Люди умеют распознавать прирожденных правителей, и в берберийском плену Колен Патюрель, подобно героям античности, сумел сделаться королем благодаря своему великодушию, мудрости и физической силе.

Анжелика улыбнулась ему:

— Вы возвратили мне веру, Колен. Веру в вас и веру в себя. Я ВЕРЮ, что мы непременно спасемся.

По ее телу пробежала дрожь.

— Да, непременно, — продолжила она. — У меня бы не хватило мужества второй раз подвергнуться пытке. Я бы согласилась на что угодно, лишь бы...

— Э, полно! Мужества тебе всегда хватит. Что-что, а оно всегда при нас — и во второй раз, и в третий, и всегда кажется, что на этот раз тебе уже не выдержать, ан нет — выдерживаешь... Уж ты мне поверь — я знаю!

Король рабов с иронической полуулыбкой поглядел на шрамы на своих руках.

— Нежелание умирать — отличная штука, — сказал он, — но только при условии, что ты этого не боишься. Смерть входит в правила игры, в которую играем все мы, живущие на земле. Я всегда считал, что на нее надо смотреть как на славного товарища, который не отходит от тебя ни на шаг. Вот так и идешь своей дорогой в компании двух спутниц: жизни и смерти. Обе имеют на тебя равные права, и ни одну из них не стоит превращать в пугало. Так устроен свет, и никуда от этого не деться. Главное — не растерять в пути ясности ума и силу духа... Ну, все, малышка, поговорили — и будет. Сейчас мы с тобой устроим себе настоящий Валтасаров пир. Погляди, какой добрый огонь, — прямо сердце радуется. Это наш первый костер за много дней...

— А это не опасно? Что, если мавры заметят дым?

— Мавры теперь почивают на лаврах. Они думают, что нас уже нет в живых. Венецианец и баск — вот были славные товарищи — придумали, как сбить их с нашего следа. Они сказали, что остальных беглецов сожрали львы и что из всех спаслись только они двое. Мавры спросили их, что случилось с женщиной, и они ответили, что она погибла в горах от укуса змеи. С этим известием местные жители и отослали гонца к Мулею Исмаилу, так что теперь мы можем их не опасаться. Рано они успокоились, ну да в этом никто, кроме них, не виноват. Вот мы с тобой и разожжем небольшой костерок — ведь

нам позарез нужно поднять настроение — правда, девочка?

— Я уже сейчас чувствую себя намного веселее, — с теплотой в голосе отозвалась Анжелика.

Уважение Колена Патюреля возвращало ей силы. Оно было самой драгоценной наградой за ее стойкость в трудном пути.

— Теперь, когда я узнала, что вы мне друг, я уже больше не боюсь, — сказала она. — Для вас, Колен Патюрель, жизнь проста.

— Вовсе нет, — внезапно помрачнев, возразил нормандец. — Иногда я говорю себе, что, наверное, еще не изведаль самого худшего. Ну да Бог с ним! Ни к чему тревожиться раньше времени.

Они натерли тушу кабана солью, чабрецом и ягодами можжевельника и принялись жарить ее над костром, насадив ее вместо вертела на шпагу бедного маркиза де Кермёра. Целый час все их внимание было поглощено одним — приготовлениями к пиру. Они вдыхали восхитительный запах жарящегося мяса, изнемогая от нетерпения, и с жадностью набросились на первые куски, едва сдерживая довольные вздохи.

— Вот когда самое время пуститься в возвышенные рассуждения о вечности, — насмешливо сказал нормандец, утолив наконец свой голод. — Но нам не до них, поскольку, что ни говори, а первым все-таки берет слово желудок. Чертов поросенок — он до того хорош, что я, кажется, готов облизать себе не только пальцы, но и все руки до локтей.

— Никогда в жизни не ела ничего вкуснее! — убежденно сказала Анжелика.

— Да? А ведь говорят, что султанских жен потчуют жарким из нежного мяса овсянок. Расскажи мне, что едят в гареме, — такой рассказ обогатит наше меню.

— Нет, — ответила Анжелика. — Мне не хочется вспоминать гарем.

Они замолчали. Насытившиеся и освеженные чистой ключевой водой, которой нормандец наполнил свою флягу у подножия холма, возвращаясь с охоты, они предавались блаженному чувству покоя.

— Колен, откуда у вас столь глубокие познания? Я и раньше замечала, что ваши слова нередко открывают для мысли необъятные горизонты. Кто был вашим учителем?

— Море. И еще пустыня... И рабство. Видишь ли, девочка, все, что встречаешь в жизни, чему-нибудь да учит, и притом ничуть не хуже, чем книги. К тому же я не вижу, почему бы иногда не пораскинуть тем, что заключено вот в этом сосуде. — Он постучал пальцем по своей голове и неожиданно рассмеялся. Когда Колен Патюрель смеялся, сверкая ослепительно-белыми зубами, его обросшее всклокоченной бородой лицо сразу становилось моложе, а в глазах, всегда таких серьезных и суровых, начинали плясать лукавые искорки.

— Необъятные горизонты! — повторил он. — Ну, ты и скажешь! И все только потому, что я назвал жизнь и смерть нашими неразлучными спутницами? Значит, тебе самой это не кажется очевидным?.. Что же ты сама о них думаешь?

— Не знаю, — промолвила Анжелика, задумчиво качая головой. — Думаю, что мой ум, в сущности, очень недалек и поверхностен и что я еще никогда ни о чем не размышляла всерьез.

Она вдруг запнулась, и зрачки ее в страхе расширились. На лице ее собеседника также отобразилась тревога. Он схватил молодую женщину за запястье, и оба затаили дыхание.

Встревожившие их звуки слышались вновь. Снаружи ржали лошади...

Нормандец встал и крадучись подошел к выходу из пещеры. Анжелика последовала за ним. У подножия

холма стояли четыре всадника-мавра и смотрели вверх, на скалы, откуда к небу поднималась подозрительная струйка дыма.

Судя по их остроконечным шлемам, блестящим на фоне белоснежных бурнусов, все четверо принадлежали к войску рифов^[55], которое, по приказу марокканского султана, осаждало приморские крепости испанцев и некоторые полки которого размещались также и внутри страны. Один из мавров держал в руках мушкет. Остальные были вооружены копьями.

Трое, всадников спешили и начали взбираться по направлению к пещере. Четвертый, тот, что был вооружен мушкетом, остался в седле, чтобы стеречь лошадей своих товарищей.

— Подай мне лук, — вполголоса сказал Колен Патюрель. — Сколько стрел осталось в колчане?

— Три.

— А их четверо? Что ж, ничего не поделаешь. Как-нибудь выкрутимся.

Не сводя глаз с поднимающихся по склону мавров, он взял лук, поставил ногу на камень, чтобы удобнее было целиться, и приставил стрелу к тетиве. Его движения дышали спокойной уверенностью и были несколько медленнее, чем обычно.

Он выстрелил. Всадник с мушкетом повалился поперек седла, и его вопль слился с громким ржанием перепуганных лошадей. Мавры на склоне холма не сразу поняли, что произошло.

Вторая стрела попала одному из них прямо в сердце. Он рухнул, как подкошенный. Двое остальных со всех ног ринулись вперед.

Колен Патюрель взял третью стрелу и почти в упор прострелил грудь мавра, который бежал к пещере. Последний из нападавших нерешительно попятился,

затем вдруг повернулся спиной и бросился бежать вниз, туда, где остались лошади.

Однако нормандец отбросил теперь уже бесполезный лук и, подняв с земли свою палицу, в несколько прыжков настиг убегающего врага. Тот обернулся и выхватил саблю. Несколько мгновений они кружили друг перед другом, причем каждый зорко следил за движением другого, — точь-в-точь как два осторожных зверя, готовящихся к схватке. Потом Колен Патюрель взмахнул своей дубинкой. Через несколько секунд мавр, несмотря на защищавший его голову стальной шлем, лежал на земле с разможенным лицом и раздробленными шейными позвонками. Нормандец перестал наносить удары лишь тогда, когда уверился, что его противник мертв.

Затем он спустился к владельцу мушкета. Тот также не подавал признаков жизни. Все три стрелы Колена Патюреля попали точно в цель.

— Лук и стрелы — вот чем я пользовался, когда в молодые годы браконьерствовал в лесах моей родной Нормандии, — весело сообщил он Анжелике, успокаивай напуганных коней.

Насильственные смерти уже стали такой неотъемлемой частью их изобилующего опасностями существования, что беглецы не стали задерживаться на месте боя. Даже Анжелика лишь мельком взглянула на четверых мертвецов, застывших среди кустов можжевельника.

— Лошадей мы возьмем себе, — сказал нормандец. — На двух поедем верхом, а остальных поведем за собой на поводу. Взяв лошадей и спрятав трупы в пещере, мы тем самым оттянем начало розысков. Поскольку лошади не вернутся в крепость с пустыми седлами, никто не станет немедленно поднимать тревогу, и этих четверых хватятся лишь много позже.

Колен и Анжелика надели остроконечные шлемы убитых, облачились в их бурнусы, подпоясались их кушаками, спрятали мертвые тела и во весь опор поскакали по дороге.

Когда три дня спустя в ближайшее селение приехали офицеры, разыскивающие четырех пропавших солдат, жителям пришлось рассказать, что они видели двух всадников — те пронеслись сквозь деревню, точно пара ласточек, и у каждого была на поводу подменная лошадь. Никто, конечно же, не посмел обращаться к ним с вопросами или пытаться их остановить, ибо мыслимое ли дело, чтобы бедный феллах так дерзко повел себя с благородными воинами?

Лошадей обнаружили у подножья гор Риф. Исчезновение солдат приписали нападению разбойников, пошаливавших в округе, и к их притонам были отправлены карательные экспедиции.

Достигнув гор. Колен Патюрель и Анжелика пошли пешком, так как для горных троп лошади не годились — здесь могли бы пройти только мулы.

Этот участок пути был самым тяжелым, но зато последним. Стоит перейти через засушливый горный хребет Риф — и взорам путников откроется море. Кроме того, в начале своего пребывания в плену нормандец два года прожил в таинственном священном марокканском городе Ксауэне и превосходно изучил местность, по которой им предстояло идти. Он ясно понимал, насколько трудной и изнурительной будет дорога через эти горы, но ему также были известны самые короткие тропы, и он знал, что чем выше он и его спутница будут взбираться, тем спокойней им будет во время долгих дневных переходов, ибо там, у вершин, им уже не будут угрожать никакие опасные встречи. Их единственными врагами будут сами горы, ночные холода, палящее солнце, голод и жажда, однако люди оставят их в покое, а львы станут попадаться реже.

Кроме львов нужно будет остерегаться также диких кабанов. Что же до остальных зверей — обезьян, газелей и дикобразов, — их бояться нечего, напротив, на них можно охотиться и питаться их мясом.

Беглецы оставили себе, мушкет с порохом и пулями, съестные припасы, найденные в седельных мешках убитых солдат, и их плотные шерстяные бурнусы, хорошо защищающие от холода.

— Еще несколько дней — и мы увидим Сеуту, — сказал Колен Патюрель.

— Сколько? — спросила Анжелика.

Однако осторожный нормандец отказался дать точный ответ. Почему знать? Если повезет, можно будет добраться за пятнадцать дней. Если же нет, то лучше не загадывать...

Несчастье случилось однажды днем, после полудня, когда беглецы с трудом пробирались среди накаленных солнцем скал. Воспользовавшись тем, что ее спутник скрылся за поворотом, Анжелика присела отдохнуть на камень. Ей не хотелось, чтобы Колен Патюрель видел ее слабость. Ведь он столько раз твердил ей, что, по его мнению, она неутомима. Но она не могла сравняться с ним в выносливости. Он никогда не уставал. Не будь ее, он бы наверняка шел день и ночь, отдыхая не более часа в сутки.

Анжелика сидела, пытаясь отдышаться, когда вдруг ощутила острую боль в икре. Она нагнулась и еще успела увидеть, как между камнями блеснула спинка уползающей змеи.

«Меня укусила змея», — поняла Анжелика.

В мозгу ее заметалась мысль о чем-то неотвратимом, что было уже предсказано. «Женщина погибла от укуса змеи», — сказали перед смертью венецианец и баск. Прошлое предвосхитило будущее, время больше не существовало. Что предначертано, то

и свершится... Но, повинувшись безотчетному стремлению, она все же перетянула ногу выше колена своим поясом и продолжала неподвижно сидеть, объятая леденящим ужасом, путающим ее мысли.

«Что скажет Колен Патюрель? Он никогда мне этого не простит!.. Теперь я не смогу идти... Я скоро умру...».

Из-за поворота вновь показалась высокая, фигура ее спутника. Увидев, что ее нет, он повернул назад. — Что случилось?

Анжелика попыталась улыбнуться.

— Надеюсь, это не очень опасно, но мне... мне кажется, что меня ужалила змея.

Он подошел к ней и встал на колени, чтобы осмотреть ее ногу. Икра уже начала чернеть и распухать. Нормандец вынул нож, попробовал лезвие пальцем, быстро зажег несколько сухих веток и раскалил сталь докрасна.

— Что вы хотите со мной сделать? — в страхе спросила молодая женщина.

Вместо ответа он крепко сжал ее лодыжку и быстрым движением вырезал мясо вокруг места укуса, одновременно прижигая рану раскаленным клинком. От чудовищной боли Анжелика истошно завопила и лишилась чувств.

Когда она пришла в себя, в горах уже смеркалось. Она лежала на одном из бурнусов, которые ночью служили им одеялами, а Колен Патюрель пытался влить ей в рот чашку очень крепкого и горячего мятного чая.

— Ну вот, моя девочка, теперь, тебе лучше. Самое страшное уже позади.

Увидев, что она немного собралась с мыслями, он добавил:

— Пришлось мне изуродовать твою стройную ножку, моя милая. До чего жалко! Теперь ты уже не сможешь подымать юбку, танцуя под вязами бурре... Но выхода

не было — иначе тебе оставалось жить не больше часа...

— Спасибо вам, — еле слышно проговорила Анжелика.

Она чувствовала жгучую боль в ране, которую Колен Патюрель успел обложить целебными листьями и перевязать. «Самые красивые ноги в Версале...». Что ж, на ее теле, как и на телах других пленников, тоже останется отметина берберийского плена. Отметина, которой можно будет гордиться и вид которой когда-нибудь возбудит в ней легкое умиление или, наоборот, вызовет на ее лице недовольную гримасу, когда она, вздыхая, будет снова надевать на ноги шелковые чулки с золотыми стрелками, Она улыбнулась.

— Bravo! — воскликнул король рабов. — Я вижу, что мужество тебе не изменило. А теперь нам пора в путь.

Анжелика взглянула на него в некоторой растерянности, однако готова была ему подчиниться.

— Вы думаете, я смогу идти? — спросила она.

— Об этом и речи быть не может. Тебе нельзя будет ступить на землю еще восемь дней, не то рана может воспалиться. Я тебя понесу.

Глава 8

Они медленно поднимались все выше и выше. Силач-нормандец продолжал идти своим широким, размеренным шагом, почти не сгибаясь под добавочной ношей. Ему пришлось оставить свою громадную палицу и сохранить только мушкет и мешок с провизией, которые он повесил себе на плечо. Анжелика ехала у него на спине, обхватив руками его мощную шею, и, когда, устав, она припадала к ней лбом, он ощущал аромат ее волос. Это было для него труднее всего, труднее, чем бесконечное изнуряющее восхождение по пустынному, покрытому золистой почвой склону, на который фигурки двух людей, движущихся под холодным взглядом луны, отбрасывали единую нескладную тень.

Нести ее, чувствовать на себе ее сладкую тяжесть, поддерживать ладонями ее бедра...

Анжелика упрекала себя за то, что утомляет своего спутника, и за то, что ей чересчур удобно ехать на его спине, словно малому ребенку на руках у взрослого. На самом деле за двенадцать лет рабства могучие плечи Колена Патюреля привыкли к куда более неподъемным грузам. Известный своей исключительной силой, он нередко получал задания, казалось, явно непосильные для человека. Его мышцы и самое сердце столько раз испытывали напряжение, превосходящее человеческие возможности, что в конце концов обрели необычайную выносливость. И теперь он шагал по залитому белым лунным светом склону лишь немногим медленнее обычного, а его дыхание сделалось лишь чуть-чуть шумным.

Анжелика смотрела по сторонам, и ей казалось, будто она видит сон, — настолько прекрасно было то,

что представало перед ее глазами. Много-много ночей она шла, думая лишь об одном — как бы не отстать от своих спутников. Сегодня же она впервые заметила густую синеву ночного неба и обнаружила, что звезды на нем отсвечивают золотом, Этот небосвод точно сошел с книжной миниатюры, а слева на его темном фоне искусная кисть белой и серебряной краской нарисовала далекие вершины гор и ленты рек, текущих в виднеющихся далеко внизу долинах.

Нынче она еще раз избежала смерти, и кровь в ее жилах пела победную песнь: «Я жива! ЖИВА!»

Должно быть, она незаметно для себя погрузилась в сон, ибо небо над ее головой неожиданно засияло розовым и красным. Колен Патюрель шел тем же спокойным, размеренным шагом. Охваченная внезапным порывом нежности и благоговения, Анжелика едва удержалась от того, чтобы поцеловать его в дочерна загорелую шею, которая была так близко от ее губ.

— Колен, — взмолилась она, — прошу вас, остановитесь, дайте себе отдых. Вы, наверное, совсем выбились из сил.

Он, не говоря ни слова, остановился, опустил ее на землю и сел поодаль, положив голову на согнутые колени. Анжелика увидела, как его плечи поднимаются и опускаются в такт учащенному дыханию. «Это невозможно выдержать, — подумала она. — Даже такому выносливому человеку, как он, не под силу совершить такой подвиг». Ах, если бы она могла хоть немного пройти сама! Она чувствовала себя хорошо отдохнувшей, полной сил и мужества. Однако едва она попробовала сделать шаг, как ее ногу пронзила острая боль, и она поняла, что, упорствуя в своих попытках, она только разбередит рану и помешает ее заживлению. Молодая женщина подползла к мешку с провизией и, вытащив оттуда горсть фиников и сухих

винных ягод, отнесла их Колену Патюрелю вместе с флягой воды.

Нормандец поднял голову. Его лицо осунулось, глаза смотрели рассеянно. Его взгляд упал на еду, но было похоже, что он ее не видит.

— Оставь, — грубо буркнул он. — Не стоит беспокойства.

— Вы до крайности утомлены. Колен, и все по моей вине. Поверьте, я в отчаянии.

Он тряхнул своей гривой викинга, очень похожий в эту минуту на раздраженного чем-то льва.

— Не волнуйся. Один час сна — и все будет в порядке. — И он снова тяжело уронил голову на колени.

Анжелика отползла в сторону и, поев сухих плодов, легла на землю. Воздух был прохладен, а вокруг на многие лье не было видно ни одного следа человека. Как это чудесно!

За неимением лучших занятий она опять заснула. Проснувшись, она увидела Колена Патюреля. Тот возвращался с охоты, неся на плечах тушу олененка.

— Колен, вы с ума сошли! — вскричала Анжелика. — Вы же наверняка падаете с ног от усталости.

Нормандец пожал плечами.

— За кого ты меня принимаешь, девочка? За слабосильного воробышка вроде тебя?

Он был мрачен и молчалив и явно избегал смотреть в ее сторону. Анжелика встревожилась, подумав, что он, возможно, скрывает от нее появление какой-то новой опасности.

— Скажите, Колен, нас здесь могут застигнуть мавры?

— Не думаю. Но для большей безопасности мы разведем огонь в той ложбине.

Рана Анжелики заживала так быстро, что она даже смогла сама спуститься к протекающему по дну ложбины ручью.

Здесь беглецам в последний раз встретился крупный хищник. Они увидели зверя слишком поздно, когда уже стояли на самом берегу ручья. То была львица, замершая на противоположном берегу в позе изготавившейся к прыжку громадной кошки. Чтобы напасть, ей было достаточно перескочить через узкий ручей.

Колен Патюрель застыл на месте, словно обратившись в камень, и, не сводя глаз со львицы, медленно с ней заговорил. Через несколько секунд озадаченное животное осторожно попятилось. Какое-то время сквозь заросли еще блестели его глаза, затем оно исчезло, и по качающимся верхушкам высоких трав можно было догадаться, что оно убежало прочь.

Нормандец испустил столь мощный вздох, что выдохнутой им струи воздуха, пожалуй, хватило бы, чтоб завертеть все ветряные мельницы Голландии. Он обхватил рукой плечи Анжелики и крепко прижал ее к себе.

— Похоже, сам Господь Бог печется о нас, — сказал он. — Хотел бы я знать, почему эта тварь решила оставить нас в покое?

— Вы говорили с ней по-арабски. Что вы ей сказали?

— Почем я знаю? Я даже не осознавал, на каком языке говорю, и думал только об одном — что я могу попробовать как-то объясниться с ней, что мы с этой львицей можем понять друг друга. Будь на ее месте мавр, это было бы невозможно.

Он потрянул головой.

— В Мекнесе львы хорошо понимали меня, а я — их.

— Да, я помню, — подхватила Анжелика с деланным смехом. — Они так и не пожелали вас съесть...

Колен Патюрель посмотрел на ее искажившееся лицо.

— Ты ни разу не вскрикнула? Стояла и не шевелилась? Это очень хорошо, дружок.

На щеках Анжелики снова заалел румянец. Сильная рука Колена Патюреля будет ей несокрушимой опорой! Его объятия возвращали ей утраченные силы. Она подняла глаза и улыбнулась счастливой, уверенной улыбкой.

— Когда вы рядом, я уже ничего не боюсь.

Нормандец стиснул зубы, и его лицо опять приняло угрюмое выражение.

— Уйдем отсюда, — буркнул он. — Не стоит искушать судьбу. Они наполнили фляги водой из ручья и разложили костер в другом месте, за скалами, окружающими небольшую заводь. Однако трапеза только утолила их голод, но не вернула им прежней непринужденной веселости. Колен Патюрель озабоченно морщил лоб и упорно молчал. После тщетных попыток завязать разговор Анжелика тоже замолкла, объятая странным смятением. Она не могла понять, что ее так беспокоит, но нервы ее были напряжены до предела. Отчего Колен Патюрель смотрит так мрачно и тревожно? Может быть, он на нее зол из-за того, что ее рана мешает им идти быстрее? Он предчувствует какую-то опасность. Что же им грозит? И что означает этот быстрый взгляд, который он по временам бросает на нее из-под своих густых светлых бровей? Налетевший с юга ветер словно коснулся их мягким, бархатистым крылом. Дневной свет померк, и все вокруг: горы, долины, небо — окрасилось в холодные, постепенно темнеющие синие тона. В сгущающихся сумерках Анжелика обратила к нормандцу свое белое встревоженное личико.

— Мне... мне кажется, сегодня ночью я смогу идти сама, — запинаясь, проговорила она.

Он покачал головой.

— Нет, малышка, не сможешь. Не бойся, я тебя понесу.

В его голосе слышалась непонятная печаль. Анжелика готова была расплакаться и крикнуть ему: «Колен, скажите же мне, что с вами? Вы чувствуете, что впереди нас ждет смерть?»

Он снова нес ее на спине, и она обнимала его шею, но блаженный покой, изведанный ею прошлой ночью, не возвращался. Дыхание Колена Патюреля отдавалось в ее ушах, сливаясь с глухими ударами ее собственного сердца и оживляя в памяти те страстные, трогательные признания, которые столько мужчин, тяжело дыша, шептали ей, обвитые кольцом ее слабых женских рук. Тогда ей чудилось, будто она несет их в своих объятиях, сейчас же, касаясь лбом нотной, мускулистой шеи своего спутника, она сквозь дремоту чувствовала, что взвалила на него тяжкое бремя своей не знавшей поражений женственности.

С вершин подул холодный, почти ледяной ветер и принес с собой резкий аромат, смутно напомнивший Анжелике о чем-то дорогом, изысканном и роскошном.

При свете восходящего солнца стало видно, что склон горы порос кедрами с могучими короткими стволами и раскидистыми кронами, похожими на темно-зеленые шатры. В их тени росла низкая ровная трава, усыпанная белыми звездочками цветов. Повсюду было разлито чудесное, ни с чем не сравнимое благоухание кедрового леса — отсюда и веял ночью душистый ветер.

Колен Патюрель перешел вброд через быстрый, пенистый горный поток и, пройдя еще немного вверх по склону, остановился перед входом в маленькую пещеру. Пол уютного грота устилал ковер из белого мягкого песка.

— Отдохнем здесь, — сказал нормандец. — Эта пещера не похожа на логово хищного зверя, и здесь мы можем развести костер, не опасаясь, что нас увидят.

Он произносил слова сквозь зубы, и его голос звучал хрипло. Может быть, это от усталости?.. Анжелика

глядела на него с нарастающим! беспокойством. С ним явно происходило что-то странное, а она не могла понять, в чем причина, но чувствовала, что и дальше оставаться в неведении стало для нее невыносимо. А вдруг Колен заболел, и заболел серьезно? Ей никогда и в голову не приходило, что его может свалить какая-нибудь хворь. Это было бы ужасно! Но она его ни за что не покинет, нет, она будет его выхаживать и возвратит его к жизни, как он возвратил к жизни ее.

Нормандец делал вид, что не замечает немого вопроса во взгляде устремленных на него огромных зеленых глаз.

— Я пойду посплю, — коротко бросил он и вышел из пещеры.

Анжелика вздохнула. Место было очаровательно и располагало к сладким грезам. Лишь бы только здесь не было какой-нибудь скрытой, роковой ловушки!..

Анжелика разложила на плоском камне оставшиеся в мешке скудные припасы: сухие винные ягоды и куски вчерашнего жаркого, Фляги были пусты. Снизу доносилось журчание бегущей по камням речки. Молодая женщина довольно легко спустилась к берегу, затем, спохватившись, тревожно посмотрела по сторонам, однако вокруг не было никого, кроме резвящихся у воды птиц с ярким, переливающимся на солнце оперением. Анжелика наполнила фляги и старательно смыла со своего тела пот и дорожную пыль. От ледяной воды горного потока кровь быстрее побежала по ее жилам. Она склонилась над лужицей, образовавшейся в углублении в скале, и неожиданно увидела в ней себя так же ясно, как в зеркале. С ее губ едва не сорвался возглас удивления.

Белокурой женщине, отражающейся в неподвижной воде на фоне сапфирового неба, было на вид двадцать лет. Эти тонкие, чистые черты, эти глаза, кажущиеся еще больше из-за окруживших их сиреневых теней,

глаза, привыкшие всматриваться в горизонт и глядящие теперь по-новому — пытливо и прямо, эти побледневшие, потрескавшиеся ненакрашенные губы не могли принадлежать прежней госпоже дю Плесси-Белльер, на собственном опыте узнавшей, сколь горька жизнь. С поверхности водного зеркала смотрела молодая, неискушенная девушка, еще не успевшая познать себя и готовая с легкостью открыть свою душу. Резкий ветер, безжалостное солнце, забвение всех ухищрений женского кокетства возвратили лицу Анжелики, прежде чересчур умело ухоженному и подкрашенному, бесхитростное очарование невинной юности. Что и говорить, цвет лица у нее, конечно, страшно испортился — она стала смугла, как цыганка, зато ее волосы сделались совсем светлыми, точно лучи луны на белых песках. Исхудалое тело, совершенно теряющееся в просторном бурнусе, растрепанная шевелюра, босые ступни — ни дать ни взять маленькая деревенская дикарка.

Она сняла с ноги повязку. Ожог затянулся, но рубец выглядел очень безобразно. Что же, ничего не поделаешь! Решив отнестись к этому философски, Анжелика опять обвязала икру тряпицей. Купаясь в реке, она отметила, какая тонкая у нее талия, и рассмотрела свои стройные, резвые ноги, избавившиеся от избытка жира, набранного в гареме. «В сущности говоря, — подумала она, — я еще очень легко отделалась».

Она еще раз нагнулась над своим созданным самой природой зеркалом и улыбнулась своему отражению.

— По-моему, я все еще хороша, — сказала она птицам, которые продолжали разгуливать по берегу, глядя на нее без всякого страха. Негромко напевая, Анжелика начала подниматься по склону. Но песенка вдруг замерла на ее губах — она увидела спящего на лужайке, среди цветов Колена Патюреля.

Он лежал неподвижно, положив руку под голову. Анжелику снова охватило беспокойство за него, и она тихонько приблизилась, чтобы рассмотреть его вблизи.

Нормандец спал. Его дыхание было ровным, не прикрытая бурнусом широкая волосатая грудь тихо вздымалась и опускалась. Нет, он не был болен. Его загорелое лицо, спокойно сомкнутые губы, принявшие во сне несколько надменный изгиб, непринужденная поза — голова чуть повернута к локтю, колено приподнято — ясно говорили о том, что он здоров и просто прилег отдохнуть, чтобы восстановить силы после тяжелой работы. Видя его мирно спящим под кедрами, Анжелика подумала, что он похож на Адама, — столько первозданного совершенства было в могучем теле и простой душе этого человека, вольного охотника, поборника справедливости, заступника и предводителя пленников христиан.

Она опустила на колени, желая быть к нему еще ближе. Ветерок трепал прядь волос на его прочерченном морщинами лбу, и Анжелика нежно отвела ее в сторону.

Колен Патюрель открыл глаза и вдруг так странно посмотрел на свою спутницу, что она невольно отпрянула назад. Казалось, нормандец никак не может прийти в себя после сна и привести в порядок свои мысли.

— Что случилось? — хрипло пробормотал он. — Мавры?

— Нет, все спокойно. Я просто смотрела, как вы спите. О, Колен, — вдруг вскричала она в отчаянии, — не глядите на меня так, мне становится страшно! Что с вами происходит в эти последние дни? Что изменилось? Если нам угрожает какая-нибудь опасность, расскажите мне о ней. Я могу разделить с вами вашу тревогу, но я не в силах перенести вашей... да, вашей неприязни ко мне. Временами мне кажется, что вы меня ненавидите,

что вы на меня очень злы... За что? За то, что меня укусила змея и это заставило нас двигаться медленнее? Я не понимаю... Вы были ко мне так добры... Я думала... Ради Бога, Колен, если вы в чем-то меня упрекаете, скажите мне об этом прямо. Я так больше не могу... Если вы меня возненавидели, что же со мной теперь будет?..

На ее ресницах блеснули слезы. Потерять Колена, ее последнего друга, — что может быть тяжелее? Он поднялся с земли и теперь смотрел на нее стоя, с выражением столь бесстрастным, что можно было подумать, будто он не слышал ни единого ее слова. Его тяжелый взгляд точно придавливал ее к земле, и у нее промелькнула мысль, что его подданным, христианским рабам, наверно бывало очень не по себе, когда он, выбранный ими король, судил их в Мекнесе.

— В чем я тебя упрекаю? — произнес он, наконец. — В том, что ты это ты, а том, что ты — женщина. — Его брови сдвинулись, и голубые глаза тотчас обрели иное выражение, мрачное и злое.

— Я вовсе не святой, моя красавица, и напрасно ты так меня себе представляла. Моряк и флибустьер — вот чем я был до плена. Убивать, грабить, плавать по морям и бегать за девками — вот из чего состояла моя жизнь. И даже в плену мои склонности ничуть не переменились. Мне всегда не хватало женщин, так что я старался урвать свое везде, где только мог, и не брезговал ни одной. Когда Мулей Исмаил хотел меня за что-нибудь наградить, он посылал ко мне одну из своих чернокожих служанок. Но такая удача выпадала редко, и должен тебе сказать, что эти двенадцать лет по большей части проходили для меня в посте и воздержании. И когда после такой жизни вдруг оказываешься бок о бок с женщиной... — Он говорил очень возбужденно, прикрывая свое смущение яростью. — Неужели ты ничего не понимаешь?.. Неужели до того,

как тебя продали Мулею Исмаилу, ты совсем не видала жизни? А между тем ты глядишь на мужчин так смело, что тебя никак в этом не заподозришь... Ты, видно, никогда не думала, легко ли мужчине вроде меня жить вот так день и ночь рядом с женщиной... И с какой женщиной!..

Он закрыл глаза, и его суровое лицо вдруг приняло наивно-восторженное выражение.

— Самой прекрасной из всех, которых я видел в жизни! — продолжал он, будто разговаривая сам с собой. — Твои глаза как морская пучина... и они смотрят на меня, смотрят и о чем-то просят... Прикосновение твоей руки к моей, твой запах, твоя улыбка... Эх, если бы я, по крайности, не знал, как ты сложена. Но я тебя видел... когда ты была привязана к колонне и эти черные дьяволы поднесли к твоему телу раскаленные щипцы... Я тебя видел и второй раз, когда ты ночью купалась в водопаде... А теперь мне еще приходится нести тебя на спине...

Он снова впал в неистовство:

— Нет! Такое невозможно вытерпеть... По сравнению с этим все искушения святого Антония — сущий пустяк! Честное слово, последние два дня я предпочел бы провести на кресте в компании стервятников, щелкающих клювами у меня над головой, или повисеть на гвоздях на Новых воротах... И ты еще спрашиваешь, почему я злюсь! — Он поднял свои сжатые в кулаки руки, словно призывая небо в свидетели своих мук, затем выругался и, широко шагая, направился к пещере.

Анжелика была ошеломлена.

«О, стало быть, все дело только в ЭТОМ», — подумала она.

Ее губы тронула еле заметная улыбка. Легкий ветерок качал широкие кроны, обдавая молодую женщину волнами кедрового аромата. Распущенные

волосы Анжелики шевелились, ласково касаясь ее щек и полуобнаженных плеч, с которых сполз бурнус. В маленьком гладком водоеме она только что увидела себя такой, какой ее видел Колен Патюрель: с исхудавшим, помолодевшим, позолоченным солнцем лицом и загадочным взглядом огромных ясных глаз. Она вспомнила, что ей хотелось коснуться губами его согнутой шеи и что, когда на эту дикую, враждебную землю спускалась ночь со всеми своими страхами, ее охватывала жажда укрыться от неведомых опасностей, прильнув к его теплой, широкой груди. То были первые, неосознаваемые признаки иного, более глубокого желания, которое до этих пор дремало в ней и которое она вовсе не хотела будить.

Но теперь, когда он заговорил, извечное влечение просыпалось в ней и расправляло крылья, будто пробудившаяся ото сна птица. В ее отдохнувшем теле кипела жизнь. Жизнь!.. Анжелика сорвала маленький белый цветок, горный цветок, прекрасный и ломкий, и поднесла его к губам. Она несколько раз вдохнула полной грудью. Таившийся в душе страх оставил ее и унесся за горизонт. Небо было ясным, воздух — ласковым и душистым.

Во всем мире не было сейчас никого кроме них двоих.

Анжелика встала и, ступая босыми ногами по шелковистой траве, побежала к пещере.

Колен Патюрель стоял у входа, прислонясь плечом к скале. Скрестив руки на груди, он смотрел на далекие желто-зеленые равнины, расстилающиеся у подножия гор. Но мысли его явно были заняты другим, и вся его поза была позой человека, донельзя смущенного и поглощенного поисками выхода из неловкого положения, в которое он поставил себя по собственной глупости.

Он не слышал, как она приблизилась. Анжелика остановила свой бег и посмотрела на него с умилением.

Милый, милый Колен, неукротимый и скромный! Благородное, смелое сердце! Какой он высокий и широкогрудый... Она никогда не сможет обнять его так, чтобы кончики ее пальцев коснулись друг друга. Анжелика подошла так тихо, что нормандец увидел ее лишь тогда, когда она прижалась щекой к его руке.

Он вздрогнул и тотчас отстранился.

— Значит, ты поняла то, что я тебе сейчас объяснил?
— резко спросил он.

— Думаю, что поняла, — прошептала Анжелика.

Она нежно провела руками по груди Колена Патюреля и дотянулась до его плеч. Он снова отпрянул и залился краской.

— Нет, нет, не надо!.. — проговорил он. — Ты меня не поняла. Я ничего от тебя не требую. Бедная моя девочка... Что ты теперь будешь обо мне думать?

Он держал ее за руки так, чтобы она не могла подойти к нему вплотную. Если она коснется его, если он опять ощутит ее ласку, он не устоит и потеряет голову.

— Что же ты теперь будешь обо мне думать? — повторил он. — Я так старался, чтобы ты ни о чем не догадалась... Я бы никогда и рта не раскрыл и ты бы ничего не узнала, если бы только не застала меня врасплох... когда я едва очнулся после сна, в котором мне снилась ты... Забудь мои слова... Я сам себя за них ругаю. Бедняжка ты моя, я ведь все понимаю... Для женщины рабство так же тяжело, как и для мужчины. Хватит с тебя и того, что тебя продавали, что тебя, как вещь, передавали от одного хозяина другому. Никто никогда не скажет, что я тоже стал одним из них и взял тебя силой.

Глаза Анжелики наполнились светом. От прикосновения горячих рук Колена Патюреля ее самое

обдавало жаром, а вид его сурового лица, искаженного сейчас непривычным для него смятением, трогал ее до глубины души. Она никогда раньше не замечала, что в его золотистой бороде прячутся такие полные, яркие губы... Конечно, он мог силой удерживать ее на расстоянии, но он недооценил власть взгляда Анжелики. Несколько мгновений — и она снова очутилась на его груди и обвила руками его шею.

— Девочка, — прошептал он, — отойди... Я ведь не ангел, я всего лишь мужчина.

— А я всего лишь женщина... — с дрожащим смехом промолвила Анжелика. — Ах, Колен, милый Колен, разве мало выпало нам непосильных испытаний?.. Я думаю, то, что произошло сегодня, послано нам в утешение.

И она прижалась лбом к его груди, исполнив то смутное желание, которое не покидало ее во время их нелегкого путешествия. Она упивалась его силой, его мужским запахом, который она наконец осмелилась вдохнуть, и покрывала частыми, робкими поцелуями его мускулистую плоть.

Это немое признание поразило нормандца, как удар молнии поражает могучее дерево, — все его тело сотрясла неистовая дрожь. Он наклонился к Анжелике, охваченный безграничным удивлением. Это существо, которое судьба дала ему в спутницы на время их тяжелой одиссеи, существо, подчас казавшееся ему слишком гордым и слишком умным для такого, как он, вдруг сделалось просто женщиной, похожей на других, ластящейся и откровенно просящей мужской любви, как те, что пристают в портах к ладным русобородым морякам. Тесно прижавшаяся к нему Анжелика не могла не почувствовать бушующей в нем страсти и ответила едва уловимым движением всего своего тела, не преодолевшего еще до конца стыдливости и робости, но уже неудержимо жаждущего любви. Трепеща от

желания, она безмолвно звала его, поводя шеей и грудью, точно влюбленная горлица.

Вне себя от волнения, нормандец приподнял ее, чтобы заглянуть ей в лицо.

— Не может быть! — прошептал он.

Вместо ответа она уронила голову на его плечо. Тогда он подхватил ее на руки и понес. Он дрожал. Он унес ее к самой дальней стене пещеры, словно боясь посмотреть на свое ослепительное счастье при свете дня. Здесь царил сумрак, песок был мягок и прохладен.

Кипевшая в крови Колена Патюреля страсть, сильнейшая из всех природных влечений, подобно горному потоку, смела на своем пути все преграды, в том числе и ту, что была воздвигнута его собственной щепетильностью и так долго сдерживала бешеный натиск его желаний.

Дав себе волю, он уже не мог остановиться, опьяненный силой, которую вдохнула в него Анжелика. Он пожирал ее с исступленной жадностью мужчины, изголодавшегося по женщине, и ее нагота, гладкая кожа, шелк длинных, густых волос и страстное, упоительное чувство, которое он испытывал, лаская ее нежные груди, не только не утоляли его голод, но, напротив, разжигали в нем стремление насладиться ею еще и еще. Он так сильно желал эту женщину, а его нетерпение после многодневных тайных мучений было столь велико, что он едва ли не насильно ее, без устали заставляя ее отдаваться ему, замирая в безмолвном изнеможении на ее теле и ревниво сжимая ее в своих объятиях, словно драгоценнейшее из сокровищ.

Когда Анжелика вновь открыла глаза, в пещере было уже совсем темно. Должно быть, солнце уже зашло и вечерняя заря догорела.

Молодая женщина слегка шевельнулась и почувствовала, что ее тело онемело, стиснутое кольцом

железных рук Колена Патюреля.

— Ты спишь? — спросил он шепотом.

— Спала, но уже проснулась.

— Ты на меня не сердись?

— Вы же знаете, что нет.

— Я грубый мужлан, верно, моя красавица? Да скажи же мне что, не молчи!

— Нет... Разве вы не почувствовали, что дали мне блаженство?

— Правда? Тогда ты должна будешь говорить мне «ты».

— Хорошо, буду, если ты этого хочешь... Колен, по моему, уже стемнело. Не пора ли нам отправляться в путь?

— Да, моя голубка.

Они радостно поднимались по каменистой тропинке; Колен Патюрель нес Анжелику, а она прижималась виском к его крепкой шее. Теперь их ничто не разделяло. Двое гонимых беглецов скрепили свой союз и уже не были друг для друга источником опасностей и страданий.

Теперь Колен Патюрель шел вперед со спокойной душой, не терзаясь больше, точно грешник в адском пламени, и не томясь постоянным страхом себя выдать. А Анжелика знала, что ей нечего бояться его злых взглядов и отчужденного молчания. Она больше не будет чувствовать себя одинокой, и, когда ей захочется, она всегда сможет поцеловать этот длинный бугорчатый шрам, который остался на шее нормандца после того, как Мулей Исмаил приказал продержать его десять дней в утыканном шипами железном ошейнике.

— Полегче, полегче, моя душенька, — смеясь, говорил он ей. — Сиди-ка ты лучше смирно. Нам ведь еще идти и идти.

Он сгорал от желания прижать ее к себе, завладеть ее губами и лечь с нею под луною на песок, чтобы снова изведать то сладостное упоение, которое он познал в ее объятиях. Но нет, нельзя, им ведь еще идти и идти, а его малютка так устала. И нужно помнить, что она, бедняжка, страдает от голода и что ее укусила эта паскудная гадюка. А он, Колен Патюрель, на время совсем забыл об этом, как самая последняя скотина! Раньше он никогда особенно не старался быть бережным со своими подружками, но ради этой он непременно научится.

Ах, если бы он мог исполнить все ее желания, уберечь ее от всех горестей и лишений! Если бы он мог поставить перед нею стол, уставленный самыми изысканными яствами, и сделать так, чтобы его милая спала не на голой земле, а «в кровати широкой с крахмальным бельем, с букетом барвинка над каждым углом», как поется в старинной народной песне... Когда они придут в Сеуту, они вместе напьются из источника, воду которого семь лет пил Одиссей, когда был в плену у влюбленной в него волшебницы Калипсо, дочери Атланта. Про этот источник рассказывают многие бывалые моряки... Он шел и мечтал. Сейчас она уже спит, она устала. Зато он не устал ничуть! Как может он устать — ведь он несет на спине всю радость мира.

На рассвете они сделали привал и легли отдохнуть на короткую траву большого луга. Теперь беглецы не боялись открытых мест, ибо были уверены, что здесь, высоко в горах, они одни. Они вопросительно поглядели друг на друга — теперь им были не нужны слова. На этот раз он уже не испытывал перед нею робости и жаждал познать ее всю. Потом, когда она лежала на плаще из своих прекрасных волос, он увидел разлитую на ее лице блаженную истому и, охваченный восторгом и изумлением, воскликнул:

— Ей-Богу, до чего же ты любишь заниматься любовью! Вот бы никогда не подумал!

— И тебя, Колен, я тоже люблю.

— Молчи! Не надо говорить этих слов... Еще не время... Скажи, моя девочка, ты довольна?

— Да.

— Тебе и вправду было со мной хорошо?

— Да, очень.

— Спи, моя голубка.

Лишенные всего, они жадно наслаждались своей любовью и не знали пресыщения. Их влекло друг к другу с той неудержимой силой, с какой погибающих от жажды путников влечет к источнику, нежданно дарящему им жизнь. Сливаясь в объятиях, упиваясь поцелуями, они торжествовали над судьбой и, забыв все свои печали, отдавались потоку, в котором текла живая вода надежды. Так им открылась великая истина — что любовь была создана Творцом в утешение первому мужчине и первой женщине, чтобы те не пали духом от испытаний, уготованных им на земле.

Анжелику еще никогда не любил мужчина столь высокого роста и мощного сложения. Ей нравилось сидеть у него на коленях, прижавшись к его могучей груди; его сильные руки ласкали ее, и они, полузакрыв глаза, целовались — долго и благоговейно.

— Помнишь, что я сказал нашим бедным товарищам? — шепнул он. — «Она не будет принадлежать ни одному из нас, она ничья..» И вот я сам завладел тобой, и ты теперь — мое бесценное сокровище. Я не сдержал своего слова!..

— Я сама тебя захотела.

— Я им так сказал, чтобы мне было чем от тебя защититься, Ведь кровь во мне бурлила еще тогда, когда я обнимал тебя в саду Родани. И тогда я поставил на этом пути заслон и сказал себе: «Ничего не поделаешь, Колен, придется тебе держаться».

— Ты казался мне таким суровым, жестким...

— А ты ни разу не пожаловалась. Ты сносила все смиренно, как будто извиняясь уже за одно то, что идешь вместе с нами. Я всегда знал, когда тебе бывало страшно, когда тебя покидали силы. Мне уже тогда хотелось взять тебя и понести. Но у нас с товарищами был уговор.

— Так было лучше. Вы поступили правильно, ваше величество.

— Иногда, когда я на тебя смотрел, ты улыбалась. Вот что в тебе самое прекрасное и всего мне милее — твоя улыбка. Ты улыбнулась мне, когда тебя ужалила змея и ты ждала меня на тропинке... улыбнулась так, словно меня ты боялась еще сильнее, чем смерти... Боже милостивый! До той минуты, когда я подумал, что я тебя потеряю, я не знал, что такое настоящее горе. Если бы ты умерла, я бы лег подле тебя на землю и не встал бы с нее никогда.

— Не люби меня так сильно. Колен! Но поцелуй меня еще раз...

Глава 9

Шаг за шагом, по россыпи мелких камешков, они упорно двигались вперед. Ландшафт вокруг изменился — исчезли и кедры, и зеленые луга. Дичь стала попадаться редко, источники — тоже, и беглецов снова начали терзать голод и жажда.

Тем не менее, рана, на ноге Анжелики полностью зажила, и после долгих уговоров она сумела убедить своего спутника позволить ей немного пройти самой. Они шли спокойно и безбоязненно и днем и ночью, часто останавливаясь, и неторопливо переходили через ущелья и теснины, зажатые между темными утесами и поросшие однообразным густым кустарником.

Анжелика больше не решалась спрашивать, далеко ли еще до цели. Ей казалось, что цель их путешествия все отодвигается, отодвигается до бесконечности вместе с бурой стеной гор. Нужно идти — идти все дальше и дальше.

Вдруг Анжелика остановилась. «Я умираю», — подумала она.

Ее охватила обморочная слабость, в ушах стоял неясный шум, похожий на перезвон церковных колоколов. Этот звон мог предвещать только одно — близкую смерть... Сердце Анжелики пронизал страх. «Я умираю...» Тихо вскрикнув, она рухнула на колени. Колен Патюрель, уже почти достигший вершины ближайшего утеса, угрюмо темнеющей на фоне раскаленного, безжалостного неба, бегом вернулся вниз. Он встал на колени, приподнял упавшую Анжелику и прижал ее к своему плечу. Она судорожно рыдала, но в ее глазах не было слез.

— Что с тобой, моя радость? Полно, не падай духом, осталось уже немного...

Он гладил ее по щеке, целовал ее пересохшие губы, будто стараясь вдохнуть в них свою собственную неисчерпаемую силу.

— Привстань, я тебя понесу.

Но она в отчаянии качала головой:

— Нет, Колен... Теперь это уже не поможет. Я умираю. Я уже слышу, как по мне звонят колокола.

— Все это вздор! Крепись. За тем утесом...

Он осекся и, уставясь в пространство, прислушался.

— Что там. Колен? Мавры?

— Нет, но я... я тоже слышу...

Внезапно он вскочил на ноги и сдавленным от волнения голосом выкрикнул:

— Я СЛЫШУ КОЛОКОЛА!

Точно обезумев, он бросился бежать к вершине утеса. Анжелика увидела, как он вдруг принялся размахивать руками, вопя что-то во всю мочь. Она не могла разобрать что, но тоже поднялась с земли и, вмиг забыв про всю свою усталость, не обращая внимания на острые камешки, ранящие ее ступни, поспешила вслед за нормандцем.

— Море!!!

Вот что кричал Колен Патюрель. Когда Анжелика, наконец, подошла к нему, он схватил ее за руку, притянул к себе, стиснул в объятиях, и они замерли на гребне утеса, вне себя от радости и едва веря собственным глазам. Прямо перед ними лежало белесое, искрящееся на солнце море, а слева виднелся город, оштетинившийся многочисленными колокольнями и опоясанный высокой каменной стеной. Сеута! Сеута, католическая твердыня на побережье Африки! Беглецы услышали колокола собора святого Ангела, звонящие к вечерней молитве Пресвятой Деве, и приняли этот звон за слуховую галлюцинацию.

— Сеута! — прошептал нормандец. — Сеута!

Затем он опомнился, вновь обретя свою обычную осторожность. Ведь Сеута осаждена маврами!.. Вдалеке прогремел пушечный выстрел, отозвавшийся эхом в отрогах горы Ашо, и на верху городской стены расцвело облачко дыма, растворившееся вскоре в безмятежном вечернем небе.

— Пойдем-ка лучше вон туда, — пробормотал Колен Патюрель, увлекая свою спутницу под прикрытие скал. Она села отдохнуть, он же пополз вдоль гребня утеса. Немного спустя он вернулся, обнаружив, что у самого подножия раскинулся мавританский лагерь с бесчисленным множеством шатров, увенчанных зелеными мусульманскими орифламмами. Стоило беглецам пройти еще немного — и они угодили бы прямо в руки часовых.

Теперь надо было дожждаться ночи. Нормандец изложил Анжелике свой план. До восхода луны они тихонько спустятся к берегу и, прячась за прибрежными скалами, попробуют достичь перешейка, на котором стоит Сеута. Затем они подползут к подножию городской стены и попытаются привлечь внимание испанских часовых.

Когда тьма в достаточной мере сгустилась, они оставили все свое оружие и поклажу и начали спускаться с утеса, затаив дыхание и боясь выдать себя даже такой малостью, как покотившийся из-под ног камешек. Когда берег был уже близко, невдалеке слышался стук подков, и мимо беглецов шагом проехали трое конных арабов, возвращающихся в свой лагерь. К счастью, на этот раз с ними не было свирепых мавританских борзых собак.

Когда всадники удалились, Колен Патюрель и Анжелика бегом пересекли пологий берег, укрылись за торчащими из воды скалами и по пояс в воде двинулись в сторону города. Они цеплялись за углубления в камне, в кровь обдирая руки о невидимые острые раковины,

временами проваливались в подводные ямы, выбирались из них и снова шли, страшась хоть на мгновение распрямиться, ибо луна уже взошла и все вокруг — и берег и море было озарено ее светом. Сеута казалась уже совсем близкой; высокие стены с посеребренными лунной зубцами, купола и колокольни церковей ясно вырисовывались на фоне усыпанного звездами неба. Вид христианского города, который беглые пленники так часто представляли себе в мечтах, удесятерил их силы.

До ближайшей башни с воротами было уже рукой подать, когда сквозь тихий плеск прибоя вдруг послышалась арабская речь. Колен Патюрель и Анжелика замерли, прильнув к скользкой, гладкой скале, будто желали слиться с нею в единое целое. По берегу ехал отряд мавританских всадников; их остроконечные шлемы холодно блестели в лунном свете. Мавры спешили и, расположившись всего в нескольких шагах от промокших, цепляющихся за скалу беглецов, разожгли большой костер. Колен Патюрель прислушался и уловил суть их беседы. Воинам не нравилось, что командующий посылает их караулить по ночам под самыми стенами Сеуты. Хорошенькое дело — чуть рассветет, и какому-нибудь проклятому испанскому лучнику ничего не стоит попасть тебе стрелой прямо в сердце. Но главный военачальник Али твердит, что ночью на этом месте надо непременно выставлять караул, потому что именно здесь метадоры проводят к городу беглых христиан.

— На рассвете они уйдут, — шепнул нормандец Анжелике. — А до тех пор надо держаться.

И они держались, скорчившись в холодной воде под ударами волн, чувствуя, как соль разъедает ссадины на их руках и ногах, и изо всех сил борясь со сном и усталостью, чтобы ненароком не задремать и не разжать рук... Наконец, когда до восхода оставалось

уже совсем немного, мавры поплескались в море, подтянули подпруги на своих конях и — едва горизонт заалел в первых лучах солнца — вскочили в седла и поскакали к своему лагерю.

Обессиленные и пьяные от усталости. Колен Патюрель и Анжелика вылезли из воды и на коленях поползли прочь от берега. Едва они успели перевести дух, как из-за горы показался еще один отряд мавританской кавалерии. Заметив беглецов, мавры хрипло завопили и, повернув коней, поскакали в их сторону.

— Бежим! — сказал Колен Патюрель Анжелике.

Пространство, отделяющее их от Сеуты, показалось им огромным, как сама пустыня. Взявшись за руки, они неслись, мчались, не чуя под собой босых, израненных камнями ног: скорее, скорее к городским воротам! Преследовавшие их арабы были вооружены мушкетами, из которых было трудно стрелять на скаку. Будь у преследователей аркебузы, они бы, конечно, не промахнулись по такой легкой мишени, как пара людей, бегущих по голой, лишенной укрытий песчаной насыпи, но мушкетные пули летели мимо, отскакивая от земли и городской стены. Внезапно Анжелика увидела прямо перед собой еще одну группу всадников. «Все кончено, — подумала она. — Мы окружены...» Ей показалось, что сердце у нее в груди разорвалось. Она споткнулась и рухнула под копыта лошадей. Нормандец тотчас упал на нее, прикрыв ее своим телом, и перед тем, как впасть в беспамятство, она услышала его прерывающийся, осипший голос:

— Мы христиане!.. Мы пленные христиане... Во имя Христа, amigos^[56], во имя Христа...

Глава 10

«Зачем ты насыпал в шоколад столько перцу, Давид? Я же тебе говорила сто раз: поменьше перцу, поменьше корицы. Мы же не собираемся готовить эту ужасную испанскую бурду».

Анжелика металась на постели и все никак не могла взять в толк, почему ей надо заново начинать торговлю шоколадом и опять надрываться, пытаясь приучить привередливых парижан к новому напитку. О Господи, она никогда не добьется успеха, пока этот тупица Давид Шайу упрямо валит в ее шоколад такое ужасающее количество черного перца и корицы! Да от такого жгучего пошла мертвый проснется! Она с силой оттолкнула от себя чашку, почувствовала, что на нее льется горячая жидкость, и услышала чей-то тихий огорченный возглас.

С трудом открыв глаза, Анжелика обнаружила, что лежит в кровати с белым бельем, сплошь испачканным гадким шоколадом, который она только что опрокинула. Миловидная брюнетка в мантилье тщетно пыталась стереть черную жижу губкой.

— Я очень огорчена, — пробормотала Анжелика.

Услышав эти слова, женщина вдруг радостно заулыбалась, начала что-то быстро говорить по-испански, затем порывисто сжала руки Анжелики и, в конце концов, бросилась на колени перед стоящей на возвышении под масляной лампадой статуей Пресвятой Девы в золотой одежде и бриллиантовой короне.

Из речи незнакомки Анжелика поняла, что она благодарит Богородицу за то, что та, наконец, возвратила здоровье бедняжке-француженке, которая три дня беспрестанно бредила, сжигаемая лихорадкой. Потом испанка позвала свою служанку-мавританку, и

они вдвоем проворно перестелили постель, заменив испачканное белье другим, белоснежным, расшитым цветами и благоухающим фиалками.

Это было поразительное ощущение — очнуться на огромной кровати с белым бельем, под балдахином на золоченых столбиках. Больная осторожно повернула голову. Шея у нее ныла и с трудом поворачивалась, отвыкшие от сумрака покоев глаза болели. Слепящий свет африканского дня скупно проникал сквозь арабски кованой оконной решетки, рисуя на черном мраморном полу узорчатую тень. В остальной части комнаты, где теснились уставленная безделушками громоздкая испанская мебель, две маленькие собачки и одетый пажом толстогубый карлик, царил такой же таинственный полумрак, как в покоях гарема. По временам даже сюда, в самое тихое место города-крепости, докатывался приглушенный грохот, и Анжелика вспомнила, что такое, пушки Сеуты! Сеута — южный форпост Испании, построенный на выжженной солнцем скале и каждый день, оглашающий мусульманскую землю гулким звоном своих колоколов. И сейчас тоже к глухому грому орудийных выстрелов примешивался перезвон колоколов кафедрального собора, жестоко иссеченного марокканскими ядрами и картечью.

Стоя на коленях в своей маленькой молельне, испанка крестилась и читала молитву. К пушечным выстрелам она уже давно привыкла, а нынче, по ее понятиям, выдался на редкость спокойный день. Ее сын был рожден в Сеуте, и сейчас этот шестилетний ^[57] *michacho* первым из всех городских мальчишек взобрался на гребень стены, чтобы выкрикивать оттуда оскорбления в адрес приблизившихся к крепости мавров. Ненависть к маврам была в крови у испанцев, чьи души и взоры были обращены более к Африке,

нежели к Европе. Андалузец всегда помнил об арабских угнетателях, от которых он унаследовал свою смуглую кожу и белые зубы, кастилец не забывал, как его предки многие века шаг за шагом отвоевывали у врага иберийские земли. И мавры, и их испанские противники отлично владели искусством партизанской войны, и осажденные в Сеуте испанцы часто устраивали дерзкие вылазки, чтобы потрепать неприятельское войско.

Отряд вооруженных пиками всадников в черных шлемах возвращался из очередного ночного налета на позиции мавров, когда испанцы вдруг заметили двух беглых рабов-христиан, мчащихся к воротам цитадели. Воины его католического величества прикрыли беглецов от гнавших за ними арабов, и Колен Патюрель с Анжеликой рухнули под ноги испанских лошадей. После яростной схватки участники вылазки возвратились в город, увозя с собой спасенных христиан.

Анжелика достаточно хорошо знала испанский язык, чтобы уловить суть того, что ей пространно рассказывала приютившая ее лама, то и дело устремляя при этом взор к небу и закатывая глаза.

К Анжелике мало-помалу возвращалась память, и вместе с нее просыпалась дотоле дремавшая боль. Ее ступни были покрыты болезненными волдырями и порезами, кожа на лице сделалась шершавой и лупилась, она чувствовала, как исхудало ее тонущее в мягкой постели тело, и видела, что кисти рук у нее загорели дочерна, а ногти безобразно обломаны.

— Санта Мария! В каком ужасном состоянии прибыла в Сеуту бедная французская дама! Одежда рваная, вымокшая, ножки в крови, в слипшиеся от морской воды волосы набился песок... Тем не менее уже сам факт появления в городе убежавшей из плена рабыни-христианки был настолько исключителен, что

об этом был тотчас извещен господин де Бретей, личный посланник короли Франции.

Анжелика вздрогнула. Господин де Бретей? Этот дипломат ей знаком она встречала его в Версале. «Да, да!» — вскричала донья Инес де Лос Кобос-и-Перрандес (так звали испанку). Господин де Бретей находится в Сеуте с особым поручением короля. Он только что прибыл на бригантине «Ройяль», чтобы выручить из неволи знатную француженку, которая, как утверждали, пустилась в рискованное путешествие и попала в плен к Мулею Исмаилу. Анжелика закрыла глаза, и ее усталое сердце забилося быстрее. Стало быть, устное послание, доверенное ею преподобному отцу де Валломбрёзу, достигло адресата! Король внял зову своей беглой подданной, и господин де Бретей, снабженный неограниченными полномочиями, а также богатыми подарками, дабы угодить берберийского султана, должен был отправиться в Мекнес и попытаться любой ценой добиться освобождения безрассудной маркизы.

Французскому дипломату сообщили, что в Сеуте находится полумертвая женщина, вырвавшаяся из марокканского гарема, и королевский посланник явился в маленький монастырь отцов-выкупателей, где несчастным беглецам был дан приют.

При виде двух убогих, предельно истощенных существ господин де Бретей отшатнулся. Нет, сказал он, эта жалкая рабыня не имеет ни малейшего сходства с прекрасной маркизой дю Плесси-Белльер.

Анжелика слабо шевельнула рукой, шаря по простыне. Она безотчетно искала рядом с собой другую руку, мозолистую и добрую, чтобы спрятать в ней свою. Где ее спутник? Что с ним случилось? Тревога тяжким камнем легла ей на сердце, но она не осмеливалась о чем-либо спросить донью Инес. К тому же у нее не было

сил говорить. Она вспомнила, что Колен вместе с нею упал под копыта испанских лошадей...

Теперь у изголовья Анжелики стоял господин де Бретёй. Длинные локоны парика королевского посланника были красиво уложены на его плечах, обтянутых шелковым, расшитым золотой нитью камзолом. Держа шляпу на сгибе локтя и изящно отставив ногу, обутую в туфлю с красным каблуком, дипломат отвесил Анжелике изысканный поклон.

— Сударыня, мне сообщили радостное известие об улучшении вашего состояния, и я поспешил явиться к вам.

— Я благодарю вас, сударь, — отвечала Анжелика. Должно быть, она ненадолго заснула, слушая рассказ испанки.

Если только это было сегодня, а не вчера... Сейчас она чувствовала себя совершенно отдохнувшей. Анжелика поискала глазами донью Инес, однако та удалилась к себе, ибо не одобряла прихода мужчины в покои, предназначенные исключительно для женщин. Какие же вольные нравы у этих легкомысленных французов!..

Господин де Бретёй сел на табурет черного дерева, извлек из кармана бонбоньерку, угостил конфетами Анжелику, а затем принялся сосать их сам. Он весьма рад, сказал он, что возложенная на него миссия увенчалась столь быстрым и полным успехом. Благодаря — это он признавал — смелости госпожи дю Плесси-Белльер, которая сама вырвалась из рабства, в коем она очутилась вследствие своей дерзкой опрометчивости и пренебрежения повелениями короля, ему, королевскому посланнику, теперь не придется раздавать подарки, предназначавшиеся для Мулея Исмаила. Бретёй говорил многословно и напыщенно, не скрывая легкого презрения к собеседнице и сознания своего собственного превосходства. Бог свидетель —

его величество пришел в величайший гнев, узнав о неслыханном поступке вдовы маршала дю Плесси. Он с чрезвычайной суровостью выбранил господина де Ла Рейни, отвечавшего за ее пребывание в Париже, и сей высокопоставленный и весьма достойный магистрат чуть было не лишился должности начальника полиции за пренебрежение к своим служебным обязанностям. И двор и полиция долго терялись в догадках, пытаясь уяснить, каким же образом очаровательной ослушнице удалось выбраться за пределы Парижа. Поговаривали, что она соблазнила некоего важного полицейского чиновника и тот выпустил ее за ворота, переодев в платье рядового стражника... Но забавнее всего было наблюдать то наивное самодовольство, с которым рыцарь де Рошбрюн хвастался королю, что имел честь принимать госпожу дю Плесси-Белльер у себя на Мальте. Бедняга так и не понял, отчего король после этого сделался с ним так холоден.

Господин де Бретей прыснул со смеху, жеманно прикрывая рот кружевной манжетой. Он не переставал с любопытством поглядывать на лежащую перед ним молодую женщину (Анжелика отметила про себя, что глаза у него круглые и глупые, как у петуха) и мысленно облизывался, предвкушая те пикантные подробности, которые он услышит от нее самым первым. Вид у нее все еще усталый и отрешенный, но в скором времени она, без сомнения, обретет свой прежний пыл. Уже сейчас она стала выглядеть много лучше, и в ней нелегко было узнать то возбуждающее жалость существо, которое он видел несколькими днями раньше. И Бретей рассказал Анжелике, какой она предстала перед ним тогда: мокрой, оборванной, полуголой, с окровавленными ступнями, восковым лицом и лиловыми кругами вокруг глаз. Она бессильно лежала в объятиях какого-то косматого великана, и тот пытался влить ей в рот чашку разбавленного ромом

травяного отвара, приготовленного служителем монастырского лазарета. До какого же жалкого состояния может довести цивилизованного человека пребывание в плену у этих жестоких варваров!..

Боже правый! Неужели это и впрямь та гордая, великолепная маркиза, которую он видел на балах и Версале и которую его величество вел в танце по зеленому ковру!..

Господин де Бретей не верил своим глазам. Нет, это не она, не та, ради кого король просил его снарядить корабль и пустить в ход все свои дипломатические способности. Однако что-то в облике этой несчастной — может быть, цвет ее волос и изящество членов — внушало посланнику некоторое сомнение. Он расспросил второго беглеца, и тот сказал, что фамилии своей спутницы он не знает, но знает имя — Анжелика.

Стало быть, это действительно она! Анжелика дю Плесси-Белльер, возлюбленная Людовика XIV и вдова прославленного маршала, павшего в бою! Соперница госпожи де Монтеспан, украшение Версаля. Больную немедля перенесли во дворец губернатора Сеуты, сеньора де Лос Кобос-и-Перрандес, и его супруга поспешила окружить ее своей заботой.

Анжелика с усилием проглотила слюну. От пережитых ею голода и жажды у нее развились странные реакции. При виде любой пищи, будь то даже несколько конфет, ее охватывала почти обморочная слабость, а стоило ей поесть, как ей тут же делалось дурно.

— Где мой товарищ? Что с ним случилось? — спросила она.

Господин де Бретей не знал, однако полагал, что монахи-выкупатели о нем позаботились и что теперь у него есть и еда, и приличная одежда. Сказав это, дипломат встал и начал прощаться. Он желал, чтобы госпожа дю Плесси-Белльер поправилась как можно

скорее. Должна же она понимать, что у него нет никакой охоты задерживаться в этой осажденной крепости. Не далее как сегодня утром, когда он прогуливался по городской стене, к самым его ногам подкатилось каменное ядро! Да здесь положительно невозможно жить! Есть и то нечего: одни бобы да соленая треска. Только эти проклятые испанцы, такие же дикари и аскеты, как и их противники-мавры, могут цепляться за такое ужасное место. Бретей вздохнул, поклонился, метя пол перьями своей шляпы, и поцеловал Анжелике руку.

Когда он вышел, ей подумалось, что в его взгляде, пожалуй, сквозила злая насмешка. Но почему? Это ей было непонятно.

Вечером донья Инес помогла своей гостье встать и сделать несколько шагов по комнате, а па следующее утро Анжелика уже нарядилась во французский туалет, который привез с собой господин де Бретей. Испанка в своей уродливой юбке с огромной подушкой па бедрах для придания пышности и непомерно широкими фижмами со смесью восхищения и зависти смотрела на мягкий, тонкий атлас, облегающий стройную талию знатной француженки. Анжелика попросила жену губернатора дать ей кремы, чтобы отбелить и смягчить кожу лица и рук. Потом она долго расчесывала щеткой свои волосы, сидя перед зеркалом в раме, украшенной фигурками ангелочков. Это зеркало напомнило ей ту темно-голубую лужицу, в которую она смотрелась в горах Риф. Сейчас она видела то же, что и тогда: почти добела выгоревшие, волосы и трогательное, тревожное личико невинной молодой девушки. Анжелика положила руку на грудь в глубоком вырезе платья, прикрыв линию, отделяющую загоревшую кожу от незагоревшей. Да, она изменилась, очень изменилась — это очевидно. И вместе с тем нисколько не постарела.

Она стала другой! Придя к этому выводу, Анжелика застегнула на шее золотую цепь, чтобы скрыть некрасивую черту. Корсет заставлял ее держаться очень прямо. Ей было приятно вновь чувствовать на себе его жесткий остов, но иногда она забывалась и делала произвольные движения, как бы пытаясь накинуть на плечи сползший бурнус.

Закончив туалет, Анжелика обошла свои апартаменты. Черные гобелены на стенах не могли полностью скрыть мощную каменную кладку. Дворец, или, скорее, укрепленный замок, губернатора был, как и все остальные дома Сеуты, построен в мавританском стиле. Фасады жилищ горожан были глухими, а окна выходили в усаженные чахлыми кипарисами внутренние дворы, откуда картечь давным-давно изгнала всех голубей. Только аисты, движимые врожденной памятью о том, что здесь когда-то гнездились их предки, порой еще садились на гребни толстых каменных стен.

Однако оказалось, что возле покоев Анжелики все-таки имеется лоджия, выходящая на узкую улочку, спускающуюся к порту. Отсюда были видны мачты и реи кораблей, стоящих в укрепленной внутренней гавани, лазурная гладь моря и вдаль, на горизонте, розовая полоса — побережье Испании.

Облокотившись на перила и держа в руке веер, Анжелика задумчиво смотрела туда, где виднелся берег Европы, когда ее внимание привлекли два матроса, только что прошедшие под лоджией и направляющиеся в порт. Они шли босиком, у обоих на головах были красные шерстяные шапки, а за плечами — большие мешки. У одного матроса в мочках ушей блестели золотые кольца. Фигура второго показалась Анжелике знакомой. Кого напоминают ей эти широкие плечи, обтянутые синим суконным моряцким камзолом, подпоясанным в талии кушаком в красную и белую

полоску? Когда матрос вошел под сводчатые ворота, за которыми начиналась ведущая к гавани лестница, его высокая фигура вдруг резко очертилась в ярком солнечном свете, обратившись в черный силуэт, и тогда Анжелика его узнала.

— Колен! Колен Патюрель!

Моряк обернулся. Его светлая борода была коротко подстрижена, рваные штаны и рубаху раба заменила опрятная одежда из грубого синего сукна, но сомнений быть не могло — это действительно был он.

Анжелика отчаянно замахала ему рукой — у нее так перехватило горло, что она не могла вымолвить ни единого слова. Нормандец секунду постоял в нерешительности и повернул обратно, не отрывая взгляда от роскошно одетой дамы в лоджии.

Анжелика, наконец, овладела собой и крикнула:

— Входная дверь открыта. Поднимитесь ко мне!

Ее руки, судорожно сжимавшие веер, сделались холодны, как лед. Когда она обернулась, он уже стоял в дверях покоя. Он поднялся по лестнице быстро и совершенно бесшумно, потому что был бос.

В своем матросской шапке и суконном костюме, с глазами, глядящими на нее холодно и отчужденно, он был так непохож на того Колена, которого она помнила, что она невольно взглянула на его руки, чтобы увидеть так трогавшие ее шрамы от гвоздей и вполне удостовериться, что перед нею в самом деле он.

Что-то между ними сейчас умрет! Она не знала, что именно, но чувствовала, что больше не может говорить ему «ты».

— Как вы себя чувствуете. Колен? — ласково спросила она.

— Хорошо... и вы, как я вижу, тоже?

Как хорошо ее знакомы эти колючие голубые глаза, пристально смотрящие на нее из-под дугообразных кустистых бровей... Колен Патюрель, король рабов!

Он видел золотую цепь на ее шее, уложенные в прическу волосы, пышные юбки, изящный веер.

— Куда вы сейчас шли с этим мешком на плече? спросила Анжелика, чтобы прервать затянувшееся молчание.

— В порт. Я нанялся на торговый корабль «Бонавентура», который сегодня отплывает в Ост-Индию.

У Анжелики вся кровь отхлынула от лица.

— Вы уезжаете? — вскричала она. — Уезжаете, не пропившись со мной?

Колен Патюрель глубоко вздохнул, и его взгляд еще более посуровел.

— Я — Колен Патюрель из Сен-Валери-ан-Ко, — сказал он. — А вы... вы, как я слышал, знатная дама, маркиза!.. Супруга маршала... Сам король Франции послал за вами корабль... Ведь это правда?

— Да, правда, — прошептала Анжелика. — Но ведь это не основание для того, чтобы уехать, не попрощавшись.

— В некоторых случаях это может быть основанием, и притом очень веским, — угрюмо ответил нормандец.

Он отвел глаза в сторону, и Анжелика почувствовала, что он вдруг отдалился от нее, точно перенесясь из этой сумрачной, пропахшей ладаном комнаты в совсем, иное место.

— Иногда, когда вы спали, — тихо сказал он, — я смотрел на вас и думал: «Я ничего не знаю об этой девочке, и она обо мне тоже. Нас объединило лишь одно — то, что мы оба христианские пленники в Берберии. Но... я чувствую — она похожа на меня. Она страдала, ее унижали, втоптывали в грязь... Но сколько бы ее ни гнули, она все равно поднимет голову и ни за что не откажется от своей гордости. Она постранствовала по свету и многое повидала. Я знаю — она мне сродни...». И поэтому я говорил себе: «Когда-

нибудь, когда мы вырвемся из этого ада, когда мы сойдем на берег в порту, в настоящем порту во Франции... под серым небом и мелким дождем, вот тогда я попрошу ее рассказать о себе... И если у нее никого нет... и если она согласна, я отвезу ее к себе, в Сен-Валери-ан-Ко. Там у меня есть домик, маленький, но славный, с соломенной крышей и тремя яблонями во дворе. А под очагом у меня зарыта кубышка. Может быть, если ей там понравится, я брошу ходить в море... а она перестанет скитаться... Купим пару коров...».

Он замолчал, стиснул челюсти и устремил на Анжелику такой же надменный и всееляющий робость взгляд, каким он дерзал смотреть на Мулея Исмаила.

— Но теперь я знаю — вы не для меня! В нем вспыхнул гнев.

— Я бы простил все что угодно, — прорычал он. — Мне было бы безразлично ваше прошлое, каким бы оно ни было. Но только не ЭТО! ЗНАЙ Я, кто вы такая, я бы не стал иметь с вами дела. Я терпеть не могу дворян.

— Это неправда. Колен! — в негодовании вскричала Анжелика. — Вы сейчас солгали. А как же рыцарь де Мармонден... как же маркиз де Кермёр?..

Нормандец взглянул в окно, будто за стенами католической Сеуты ему хотелось увидеть далекие стены Мекнеса.

— Это было там... Там все было иначе. Мы все были просто христиане, бедные рабы...

Внезапно он склонил голову, словно опять изнемогая под тяжестью тех неподъемных камней, которые взваливали на его спину надсмотрщики Мулея Исмаила.

— Я смогу забыть пытки, — с усилием произнес он, — Я смогу забыть крест. Но ЭТОГО мне не забыть никогда... Вы возложили, на меня тяжелое бремя, сударыня, очень тяжелое...

Она знала, что это за бремя, знала, что на его сердце всегда камнем будет лежать воспоминание о двух голосах, шепчущихся в тишине пустынных гор:

«И тебя, Колен, я тоже люблю.

— Молчи! Не надо говорить этих слов... Еще не время... Скажи, моя девочка, ты довольна?

— Да.

— Тебе и вправду было, со мной хорошо?

— Да, очень.

— Спи, моя голубка...»

Губы Анжелики задрожали, и высокая фигура Колена Патюреля расплылась в ее глазах, застланная пеленой слез.

Он наклонился, вскинул на плечо меток и, приподняв свою шерстяную танку, проговорил сквозь зубы:

— Прощайте, сударыня. Счастливого пути!

Он уходил.

«Нет, Колен, не уходи от меня так... с такой враждебностью и возмущением в глазах... Колен, Колен, брат мой!..»

Она со всех ног бросилась к лестнице, перегнулась через перила. Но он уже сошел вниз. Видел ли он слезы, струящиеся по ее щекам? Смогут ли они стать бальзамом для раны, которую она ему нанесла? Ей никогда этого не узнать! Она стояла, словно окаменев, и только грудь ее сотрясали мучительные рыдания.

Немного позднее Анжелика решила пройтись по городской стене. Она не могла больше оставаться в помещении: низкие потолки и толстые стены давили на нее так, будто губернаторский дворец был вовсе не дворцом, а тюрьмой. Ей хотелось вдохнуть свежего морского воздуха, чтобы избавиться от гнетущей ее тоски. В открытом море лавировали берберийские барки; портовые пушки обстреливали их, прикрывая

выходящие из гавани корабли. Один из них был уже далеко, и его поднятые паруса белели, словно меловые утесы, на фоне светло-синего неба. Не на этом ли корабле уплывает сейчас вместе со своим горем бедный нормандский моряк Колен Патюрель, король рабов? «Как же глупа жизнь!» — думала Анжелика, беззвучно плача и почти ничего не видя из-за ослепительно искрящейся на солнце зыби, покрывающей море у подножия Сеуты.

О, Средиземное море! Nostra mare! Nostra madre!^[58]

Наша мать... Синяя колыбель, широкая горько-соленая грудь человечества, дающая приют всем народам, питающая все мечты.

Средиземное море, ведьмин котел, где бешено клокочат все человеческие страсти!..

Анжелику доверилась его обманчивым волнам, и вот все ее мечты, все надежды разбились о лазурно-золотые миражи...

Теперь ей казалось, что она отправилась в это путешествие лишь для того, чтобы изгладить образ своего мужа, слишком глубоко врезавшийся в ее сердце. Она пустилась в путь, желая воскресить его, но сегодня ей открылось, что ее воспоминание о нем наконец развеялось. На этих берегах, видевших падение стольких империй, все обращалось в прах... Усталая и опустошенная, она думала о том, что принесла уже довольно жертв на алтарь своей недостижимой цели, жестокой, несбыточной мечты.

Подобно тому как маленький Кантор, первая жертва этой химеры, кричал: «Отец! Отец!» — прежде чем исчезнуть под волнами, так и она звала: «Любимый мой!» — но никто ей не ответил.

Ее фантазии, ее неисполнимые мечтания о счастье развеивались, растворялись в медленном скольжении парусов у горизонта, в запахе черного кофе ив

названиях таинственных, захватывающих воображение городов: Кандия, гнездо пиратов, Мекнес, где рабы-христиане умирают среди садов, прекрасных, как сам Эдем, белоснежный Алжир...

Сейчас Анжелика плакала не столько о своем поражении и разочаровании, сколько о тех немеркнущих воспоминаниях, что хранились в ее памяти, воспоминаниях о великом евнухе Османе Ферраджи, о Колене Патюреле, распятом за свою веру, и даже о непостижимом Мулее Исмаиле, который ставил молитву в один ряд со сладострастием.

И еще — о стройном, одетом во все черное человеке, о Рескаторе, этом Мефистофеле морей, про которого с нею говорил вещий Осман Ферраджи: «Почему ты от него убежала? Знак этого человека пересекает твой путь... Звезды могут поведать о вас необыкновенную историю...»

Анжелика вдруг вспомнила безумный крик маркиза д'Эскренвиля: «Значит, это тебе она покажет свое лицо любовницы, проклятый волшебник Средиземного моря!» Но это было не так. Обманщик-ветер в который раз перепутал нити судеб, и свое лицо любовницы она явила лишь бедному моряку, который отныне будет нести его в своей памяти, как сокровище, похищенное им во время невероятнейшего из приключений.

Все перепуталось в ее жизни, все подверглось сомнению. Но в этом хаосе для Анжелики забрезжила одна бесспорная истина: та женщина, которую она видела в гладкой воде среди скал, та женщина, что купалась в озере оазиса и стояла под струями водопада, подставив лучам луны свое помолодевшее тело, не имела больше ничего общего с той, которая менее года назад среди пышного убранства Версаля вела беспощадный поединок с госпожой де Монтеспан. Той женщины уже коснулось растление, она была алчной, хитрой, неразборчивой в средствах и чувствовала себя

вполне уверенно в водовороте придворных интриг. От долгого соприкосновения со множеством низких, мерзких душ ее душа тоже погрузилась во мрак.

От одного воспоминания о той жизни Анжелику затошнило. Никогда, никогда она не сможет снова жить среди НИХ. Купаясь в водах источника, вдыхая воздух, напоенный ароматом горных кедров, она очистилась от скверны. Солнце пустыни выжгло ростки ядовитых трав, проникших в ее сердце.

Отныне она всегда будет видеть ИХ такими, каковы они на самом деле. Она больше не сможет терпеть самодовольную тупость, написанную на лице Бретёя и подобных ему господ, не сможет заставить себя отвечать им учтиво.

Разумеется, она вернется во Францию за Флоримоном и Шарлем-Анри, но потом она уедет. Да, непременно уедет!..

Вот только куда?

Господи, неужто нельзя создать на этой земле иной мир, такой, где у ничтожного Бретёя не будет права презирать Колена Патюреля и где Колену Патюрелю не придется чувствовать себя униженным из-за своей любви к недосыгаемой даме королевского двора?.. Новый мир, новый свет, где люди, наделенные добротой, смелостью, умом, наконец возвысятся над теми, кто этими достоинствами не украшен? Неужто не сыщется какая-нибудь девственная земля, где люди доброй волн смогли бы найти себе пристанище? Где же эта земля, Господи? Где?

Погруженная в раздумья, Анжелика возвратилась в губернаторский дворец. Она нынче же вечером поговорит с господином де Бретёем. Поддавшись панике и желая вырваться из безвыходной ситуации, она обратилась к королю за помощью, и он откликнулся: прислал за ней корабль. Но Анжелика не хотела возвращаться в знакомую западню. Должна ли она

считать себя должницей Людовика XIV? Подумав, она решила, что король, вероятно, еще не высказал на сей счет ясного намерения. Возможно, расположение фигур на шахматной доске останется таким же, как в прошлом году. И Анжелика в тот же вечер отправилась к французскому дипломату и объявила, что не считает себя вправе долее задерживать его в Сеуте. Сама она должна будет остаться, ибо ее здоровье еще не поправилось, однако господин де Бретей может вернуться во Францию и сообщить королю об успешном завершении своей миссии. Хотя казне в конце концов и не пришлось понести расходов на ее выкуп, поскольку ей удалось самой убежать от Мулея Исмаила, она тем не менее глубоко признательна его величеству за его необычайную доброту.

Бретей посмотрел на свою собеседницу с легкой усмешкой. Он злорадствовал. Эта женщина всегда вызывала у него неприязнь: он помнил, что во время переговоров с персидским послом Бахтиари-беем она добилась успеха там, где он. Бретей, и его коллеги-дипломаты потерпели неудачу. Король тогда ясно дал им понять, что недоволен их неумелостью.

И господин де Бретей заметил госпоже дю Плесси-Белльер, что она пребывает в заблуждении. Неужели она действительно полагает, что его величество на нее не гневается? Примеры столь открытого неповиновения весьма редки, и не в привычках короля спускать своим подданным проступки, граничащие с бунтом. Маркиза дю Плесси-Белльер в силу своей влиятельности, обширных знакомств и высокого положения при дворе являлась лицом слишком значительным, чтобы ее выходка не повлекла за собой катастрофических последствий. Кое-кто позволял себе исподтишка смеяться над сыгранной с королем «славной шуткой», а парижские памфлетисты вдоволь натешились, воспевая таинственный побег прекрасной амазонки в своих

возмутительных куплетах. Его величество отнюдь не склонен легко простить особу, причинившую ему столько неприятностей.

Хотя его беспримерное великодушие и побудило его прийти на помощь женщине, попавшей в беду, государю не пристало легко предавать забвению нанесенные ему оскорбления. Голос благоразумия говорит его величеству, что нельзя доверять особе, чей образ действий — увы! — так напоминает скандальное поведение участниц Фронды...

Возмущенная Анжелика резко оборвала эту обвинительную речь:

— Что ж, тем больше у меня оснований не злоупотреблять великодушием его величества. Возвращайтесь во Францию, сударь, я поплыву туда на другом судне.

— Об этом, сударыня, не может быть и речи.

— Почему же?

— ПОТОМУ, СУДАРЫНЯ, ЧТО Я ИМЕЮ ПРИКАЗ АРЕСТОВАТЬ ВАС ИМЕНЕМ КОРОЛЯ.

notes

1

Отель — богатый городской особняк, принадлежащий высокопоставленному лицу (здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное)

2

Туаз — старинная французская мера длины, равная 1,949 метра.

3

Литания — в католицизме вид молитвы, которая читается или поется во время торжеств и религиозных процессий; состоит из следующих одно за другим воззваний к Богу, деве Марии и святым, за каждым из которых произносится одна и та же краткая формула.

Луи Виктор де Рошешуар, герцог де Мортемар, и де Вивонн (1636 — 1688) — брат фаворитки Людовика XIV госпожи де Монтеспан, адмирал галерного флота, впоследствии маршал Франции. Отличился в военных кампаниях, как на суше, так и на море.

Франсуаза Атенаис де Монтеспан (1641 — 1707) — фаворитка Людовика XIV на протяжении многих лет.

6

Орифламма — большой флаг в виде хоругви.

Мулей Исмаил (ок. 1646 — 1727) — султан Марокко с 1672 г. Объединил страну, подавляя волнения с крайней жестокостью. Заботился об экономике, много строил, «Мулей» («мой господин») — титул всех султанов Марокко.

Меццо-Морте (умер в 1698 г.) — великий адмирал Алжира, ренегат, по происхождению итальянец из Калабрии. Людовик XIV дважды посылал в Алжир военные экспедиции для разгрома руководимых им пиратов, и во второй раз Меццо-Морте был убит в сражении с французским флотом.

9

Бушприт — горизонтальный или наклонный брус, выставленный вперед с носа парусного судна; служит для крепления носовых парусов и улучшения маневренных качеств судна.

10

Двор чудес квартал в средневековом Париже, служивший притоном профессиональных нищих, бродяг и воров; получил свое название от того, что, возвращаясь туда, нищие, притворяющиеся калеками, «чудом исцелялись».

11

Левант — часто употреблявшееся раньше название для всех стран восточного побережья Средиземного моря Ближнего Востоке.

12

Марс — площадка наверху мачты, служащая для наблюдения.

13

Нет Бога кроме Аллаха, а Мухаммед — пророк его
(араб.)

14

Шебек — легкое трехмачтовое парусно-весельное судно.

15

Порт — отверстие в борту судна для пушечных ствол.

16

Ванты — оттяжки к борту для укрепления мачт и подъема сигнальных флажков

17

Кабельтов — морская мера длины, равная 185,2 м.

18

Планшир — брус, проходящий поверх фальшборта корабля.

19

Твиндек — межпалубное пространство на судах с несколькими палубами.

20

Мой Бог! Какой красивый юноша! (итал.)

21

Ах, какая, прелесть! Какая красивая девушка!
(итал.)

Здесь — возлюбленная (итал.)

23

В чем дело? (итал.)

Чудовище из легенд южного Средиземноморья.

25

Ют — возвышение на кормовой части верхней палубы судна.

26

Морская сажень — морская мера длины, приблизительно равная 1,62 м.

Бак — надстройка в носовой части верхней палубы.

Бухта — трог (снасть), уложенный кругами, цилиндрами или восьмеркой.

Да свершится воля Аллаха! (араб.)

Шериф — в мусульманских странах лицо знатного происхождения, потомок пророка Мухаммеда. В Марокко и некоторых других странах — принц, государь.

Эфебы — в древней Греции — юноши, достигшие совершеннолетия (18 лет)

Галиот — небольшая галера

Александретта (Искендерон) — город и порт на юге Турции

Баньюль — ликер, изготавливаемый в восточной части Пиренеев

35

Да, очень хорошо (турецк.)

Триполитания — историческая область в Ливии, вокруг Триполи. В XVII веке входила в состав Османской империи

Секвестр — запрещение или ограничение, налагаемое государственной властью на пользование каким-либо имуществом.

Раис — начальник, предводитель, главарь (араб.)

Славен Аллах! (араб.).

Сдавайтесь, собаки! — Примечание авторов.

41

То есть француз из города Ла Рошель

Пара — турецкая монета.

Патагон — испанская монета.

Бейлык — область, управляемая беем или пашой.

Нарцисс и Паллант — баснословно богатые вольноотпущенники и любимцы римского императора Клавдия (41 — 54 гг. до н. э.).

Патагон — испанская монета, эквивалентная 10 французским ливрам или 3 турецким пиастрам. —
Примечание авторов

Барбаросса (Рыжая борода — итал.) — прозвище ренегата Хайр-эд-Дина

Нет Бога, кроме Аллаха! (араб.)

Кускус — крупа из пшеничного зёрна, очень напоминающая манную: широко применяется в кухне арабских стран Северной Африки.

50

Вади — пересыхающее русло реки в Африке.

Католический монашеский орден Пресвятой Троицы ставил себе целью выкуп христиан, попавших в рабство к мусульманам. До конца XVIII века монахи ордена (официальное название — тринитарики) выкупили примерно 30 тысяч пленников. В народе тринитариев называли также «отцами-выкупателями», «братьями на ослах» и «матюринцами». Прозвище «братья на ослах» объяснялось тем, что устав ордена запрещал монахам езду на лошадях. Прозвище «матюринцы» возникло вследствие того, что одним из самых влиятельных отделений ордена было его отделение во Франции, основанное в 1228 году при церкви святого Матюрина в Париже.

Берри — историческая провинция в Центральной Франции.

Великий Кёзр — звание, которым профессиональные нищие и воры средневекового Парижа именовали своего предводителя.

Санта-Крус — португальское название Агадир.

Рифы — берберский народ, живущий на севере Марокко

Друзья (исп.)

Мальчик (исп.)

Наше море! Наша мать! (итал.)